



О. МАНДЕЛЬШТАМ



НОВАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА



О. МАНДЕЛЬШТАМ



О. МАНДЕЛЬШТАМ



НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

*Гуманитарное агентство
«Академический проект»*

О. МАНДЕЛЬШТАМ

*ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ*

*Санкт-Петербург
1995*

ББК 84. Р 1
М 23

Редакционная коллегия
А. С. Кушнер (*главный редактор*),
К. М. Азадовский, М. Л. Гаспаров, А. В. Лавров,
Д. С. Лихачев, **Ю. М. Лотман**, А. М. Панченко, И. Н. Сухих,
Е. Г. Эткинд

Вступительные статьи
М. Л. ГАСПАРОВА и А. Г. МЕЦА

Составление, подготовка текста
и примечания
А. Г. МЕЦА

Редактор *Н. Г. Захаренко*

Отв. редактор *В. Н. Сажин*

ISBN 5-7331-0011-7

© *М. Л. Гаспаров, статья, 1995.*
© *А. Г. Мец, статья, составление,
подготовка текста, примечания, 1995.*
© *Гуманитарное агентство «Академи-
ческий проект», 1995.*

ПОЭТ И КУЛЬТУРА

Три поэтики Осипа Манделштама

1

Осип Эмильевич Манделштам (1) родился 2 (14) января 1891 года в Варшаве, в еврейской семье, раннее детство провел в Павловске, вырос в Петербурге. Отец его был торговец кожей, мать — учительница музыки. Свое детство, свое становление он описал потом в книге «Шум времени». Описание это безотраднo. В отце его еврейская талмудическая культура прошла через фильтр уже архаичного немецкого Просвещения, в матери — через фильтр русской разночинской культуры надсоновского безвременья. Это дало пугающую смесь, которую Манделштам озаглавил: «хаос иудейский». «У отца совсем не было языка, это было косноязычие и безъязычие... совершенно отвлеченный, придуманный язык, витиеватая и закрученная речь самоучки». У матери — «литературная великорусская речь, словарь ее беден и сжат, ее обороты однообразны, — но это язык, в нем есть что-то коренное и уверенное». «Что хотела сказать семья? Я не знаю. Она была косноязычна от рождения — а между тем у нее было что сказать». «Шум времени» писался в 1923 году и, конечно, тенденциозно: это послереволюционное время выясняло свои отношения с дореволюционным временем. Но вряд ли здесь много передержек. Семьи своей он стыдился еще в молодости, избегая что-нибудь о ней рассказывать. Из этого темного и бессловесного мира он искал выход.

Поиски имели три направления: революция, религия, словесность. Начались они в школьной юности: в 1899—1907 годах Манделштам учился в Тенишевском коммерческом училище. Здесь он пережил революцию 1905 года, она воспринималась как «слава века» и дело доблести. В четырнадцать лет он с товарищами кричал «ура» поражению при Цусиме, в шестнадцать говорил речи перед рабочими и как в трансе слушал выступление Савинкова: эсеров он предпочитал эсдекам, они были романтичнее. Первые два стихотворения Манделштама, напечатанные в училищном журнале в 1907 году, — по стилю добросовестно-народнические, по духу пламенно-революционные: «Синие пики обнимутся с

вилами и обагрятся в крови...» К поэзии его толкнули уроки символиста В. В. Гиппиуса, который читал в училище русскую словесность: «желчно и любовно», с «литературной злостью», «с благородной завистью, ревностью, с шутивным неуважением, кровной несправедливостью, как водится в семье». Он писал В. В. Гиппиусу (через год после выпуска) и о другом: «Я издавна стремился к религии безнадежно и платонически... Первые мои религиозные переживания относятся к периоду моего детского увлечения марксистской догмой и неотделимы от этого увлечения. Но связь религии с общественностью для меня порвалась уже в детстве... Я... стал окончательно на почву индивидуализма и антиобщественности... поклонение „Пану“, т. е. несознанному Богу, и поныне является моей религией». Так революция, словесность и религия связывались воедино; главным в этом единстве сперва была революция, потом словесность. «Теперь стыдится своей прежней революционной деятельности и призыванием своим считает поприще лирического поэта», — записывает в 1910 году познакомившийся с ним С. П. Кабулков, секретарь петербургского Религиозно-философского общества.

После училища — три поездки по Европе, для лечения и учения. (Манделыштам всегда был слаб здоровьем — астма, стенокардия, — и знакомые даже беспокоились за его жизнь.) Полгода в Париже (1907—1908), два семестра в Гейдельбергском университете (1909—1910, старофранцузская словесность и искусство Возрождения), два месяца в санатории под Берлином (1910). В промежутках он завязывает литературные знакомства, бывает на знаменитых собраниях у Вяч. Иванова («на башне»), посещает Инн. Анненского, ему осторожно протезирует З. Гиппиус. «Худощавым мальчиком с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, с пылающими глазами и ресницами в полщеки» запомнила его Анна Ахматова. Из-за границы он шлет Иванову частые письма со стихами. В 1910 году появляется первая публикация его стихов в журнале «Аполлон». К этому времени семья стала разоряться, учение в Европе сделалось невозможным, в 1911 году он поступает в Петербургский университет, тоже по романской филологии; учится безалаберно, курса так и не кончает. Чтобы поступить в университет в обход процентной нормы для иудеев, он принимает крещение — но не по православному и не по католическому, а по протестантскому, методистскому обряду. Все это — и стихи, и Европа, и филология, и крещение — связываются для него в одно: приобщение к культуре.

Полупровинциал, еврей, разночинец, он не получил достояния русской и европейской культуры по естественному наследству. Выбор культуры был для него актом личной воли, память об этом навсегда осталась в нем основой ощущения собственной личности с её внутренней свободой. Эстетика для него сделалась носителем этики, выражением свободного выбора. Героем одной из первых его статей был Чаадаев — человек, ушедший от аморфной, бесструктурной и беспамятной русской культуры в Европу и с Европой в душе вернувшийся в Россию — героем, потому что он дважды сделал свой свободный, сознательный выбор.

Приобщение к Европе было преодолением одиночества — человеческого и исторического: синонимом культуры для Мандельштама было «единство». Христианство пограло смертью смерть, поэтому христианский мир — «весь цельность, весь личность, весь спаянное единство» (пишет Мандельштам в статье «Скрябин и христианство»), поэтому он дает душе больше, чем безличный мир иудейства. В католичестве это единство осязаемое — оно воплощено в фигуре папы, символизирующей двухтысячелетнюю цельность европейского мира. Поэтому молодого Мандельштама так привлекают романская Европа, готика и Рим. Когда С. П. Каблуков, знаток церковной музыки, уверил его, что в православии тоже есть своя эстетическая традиция, Мандельштам заговорил о безблагодатности Рима («Скрябин и христианство») и написал несколько отличных стихотворений о русских соборах. Но в самом ликующем из них — «Вот дароносица, как солнце золотое...» — черты православия и католичества оказываются фантастически сплавлены: «здесь должен прозвучать лишь греческий язык», как в православной церкви, — но поклонение святым дарам совершается не в алтаре, а на виду у верующих, как в католической литургии. Как применительно к Чаадаеву Мандельштам говорил о «синтетической народности» (то есть самосозданной) (2), так здесь перед нами «синтетическая религия», объединяющая, а не рознящая христиан. И если Мандельштам принял крещение по методистскому обряду, то (по тонкому замечанию С. С. Аверинцева) потому, что это сохраняло ему внецерковность — равное расстояние и от католичества и от православия. Религия для Мандельштама, как и для всякого человека его поколения, значила очень много. Но религия для него всегда была лишь частью культуры — а не культура частью религии.

Таков же путь Мандельштама и к поэзии. Поэтическую культуру он усваивает не стихийно, «из воздуха», а сознательно, по книгам и беседам. «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, — и

биография готова», — самоиронизировал он в «Шуме времени». (Не случайна его тяга к Вяч. Иванову — такому же разночинцу, с таким же книжным образованием, ставшему царственным хранителем мировой культуры и писавшему об архетипической памяти слова.) Сознательно — это значит: отбирая и комбинируя разнородные элементы, отвечающие его душевному складу и творческому вкусу. Подобно синтетической народности и синтетической религии, он создавал себе синтетическую поэтику. Программу свою он с редкой четкостью формулирует в одном из самых ранних сохранившихся своих стихотворений, прямо называя оба свои синтезируемые источника:

В непринужденности творящего обмена
Суровость Тютчева — с ребячеством Верлена —
Скажите — кто бы мог искусно сочетать,
Соединению придав свою печать?
А русскому стиху так свойственно величье,
Где вешний поцелуй и щебетанье птичье!

«Суровость Тютчева» — это серьезность и глубина поэтических тем; «ребячество Верлена» — это легкость и непосредственность их подачи. Как сливаются эти два источника в синтезе, виднее всего по двум стихотворениям, которые считаются в числе лучших произведений раннего Мандельштама.

Первое — «Silentium» (1910) (3). «Она еще не родилась, Она и музыка и слово, И потому всего живого Ненарушаемая связь. // Спокойно дышат моря груди, Но, как безумный, светел день, И пены бледная сирень В мутно-лазоревом сосуде. // Да обретут мои уста Первоначальную немоту — Как кристаллическую ноту, Что от рождения чиста. // Останься пеной, Афродита, И, слово, в музыку вернись, И, сердце, сердца устыдись, С первоосновой жизни слито». Уже заглавие дает отсылку к знаменитому тютчевскому стихотворению: «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?» Мандельштам отвечает: отказом от слов, возвращением к дословесной («первоначальная немота») всеобъединяющей музыке; в этой «первооснове жизни» сольются сердца, и не нужно будет любви-Афродите связывать их пониманием. Этот ответ — верленовский: он — от его возгласа «Музыки — прежде всего!», с которого начиналось его программное «Искусство поэзии», и от его самой популярной книги стихов, называвшейся «Романсы без слов». (Годом раньше, посылая Вяч. Иванову стихотворение «На темном небе, как узор...»,

Мандельштам писал: «Это стихотворение — хотело бы быть „romance sans paroles“...»)

Второе — без заглавия (1911): «Отчего душа так певуча, И так мало милых имен, И мгновенный ритм — только случай, Неожиданный Аквилон? // Он подымет облако пыли, Зашумит бумажной листвою И совсем не вернется — или Он вернется совсем другой... // О широкий ветер Орфея, Ты уйдешь в морские края — И, несозданный мир лелея, Я забыл ненужное „я“. // Я блуждал в игрушечной чаще И открыл лазоревый грот... Неужели я настоящий И действительно смерть придет?» Здесь прямых отсылок к Тютчеву и Верлену нет. Но «суровость» темы вполне достойна Тютчева: ощущение человеком своей покинутости, хрупкости, смертности. А «ребячество» ее подачи вполне достойно Верлена: даже независимо от «игрушечной чаши», интонация «неужели я настоящий и действительно смерть придет?» звучит с трогательно-детской наивностью. Конечно, и Тютчев и Верлен были святыми именами для всех русских символистов; но так соединить огромную трагичность темы с нежностью и хрупкостью интонации — в этом, действительно, «своя печать» молодого Мандельштама.

Этот контраст у Мандельштама — осознанный. В одном из стихотворений (менее ярком, потому что более прямолинейном) он прямо начинает: «Не говорите мне о вечности — Я не могу ее вместить. Но как же вечность не простить Моей любви, моей беспечности?..» (Вечность — от Тютчева, беспечность — от Верлена.) А кончает: «...И тихим отголоском шума я Издалека бываю рад — Ее пенящихся громад, — О милом и ничтожном думая». Другое стихотворение начинается тем же страхом смерти: «Мне стало страшно жизнь отжить — И с дерева, как лист, отпрыгнуть...» — а продолжается выводом: «И я слежу — со всем живым Меня связующие нити...» («...И с истлевающих страниц Притягиваю прах столетий», — мы узнаем тоску Мандельштама по преемственности культуры.) С одной стороны — вечность, смерть и рок (маятник душ, жребии в урне, чаши весов Судьбы; одно стихотворение кончается рефреном «Я не хочу моей судьбы!» — мы узнаём волю Мандельштама к свободе выбора). С другой стороны — «милое и ничтожное», необычные стихи-натюрморты о том, как «бирюзовая вуаль небрежно брошена на стуле», как «цветочная проснулась ваза» и «напиток на столе дымится», о лилиях в стекле, о зимнем окне и о каменном Амуре, удивленном, «что в мире старость есть». Это земное и близкое настойчиво окрашивается детскостью (опять «ребячество Верлена»): «только детские книги читать»,

«в кустах игрушечные волки», игрушечны даже боги-пенаты, роза — искусственная, и даже весь окружающий мир — искусственный, как гобелен. Между этой далью и этой близью возникает тяжкое напряжение — смертельная усталость, бессилие, тоска щемящая, одиночество («не говори со мной — что я тебе отвечу?»); человек — тростинка в мировом омуте («мыслящий тростник» Паскаля и Тютчева), «я только петь и умирать умею». Самые частые эпитеты — «темный», «тяжелый», «холодный», «тихий», «нежный», «печальный», «тусклый», «туманный» (верленовское «не краски, но оттенки!»). Самое сильное чувство — страх: страх любви («там — я любить не мог, здесь — я любить боюсь»), страх Бога («страшен мне подводный камень веры», «и тебя не любить мне позволь», «укор колоколов»), страх судьбы. Самое большое желание — раствориться в пустоте, «болезненной и странной», «быть также туманным», как раковина, хранящая в себе море и ночь (4).

Книжный путь к культуре порождал в Манделштаме обостренное чувство того, что все слова — заемные, выученные, чужие (как об этом до него в стихах писал Тютчев, а после него в прозе — Бахтин). Но для него это было не недостатком, а выгодой, — помня об источнике каждого слова, он мог рассчитанно возбуждать в читателе ассоциации, связанные с употреблением этого слова в источнике. В приведенном стихотворении «Отчего душа так певуча...» северный ветер Аквилон упомянут не только ради красивого слова, но и ради одноименного стихотворения Пушкина, где он не только играет пылью, а и выворачивает дубы; а необычное словосочетание «я забыл ненужное „я“» вызывает в памяти строки Анненского «...И нет конца, и нет начала Тебе, тоскующее „я“, где тоже речь идет о растворении личности в мире. Так за легким и нежным верленовским стилем приоткрывается тоска и буря. Может быть, даже слово «певуча» напоминает о тютчевском стихотворении «Певучесть есть в морских волнах...», где далее говорится о том, как «музыкальный шорох» пробегает в камышах («ветер Орфея!»), и о «мыслящем тростнике»: целая вереница ассоциаций. Такие реминисценции, слова-памятки уводят в подтекст единой мировой поэтической культуры — того, что для Манделштама дороже всего. Конечно, такие реминисценции встречались всегда и у всех поэтов; конечно, и Манделштам часто пользовался ими бессознательно, интуитивно. Но он задумывался об этом и старался отдавать себе в этом отчет. Двадцать лет спустя в «Разговоре о Данте» он назовет эту систему средств «упоминательной клавиатурой» и увидит в IV песне «Ада» целую

«цитатную оргию», — думая, конечно, не столько о Данте, сколько о себе (5).

Неширокий набор образов и мотивов, неширокий диапазон отрешенно-печальных интонаций, — молодой Манделштам искусно перетасовывает их снова и снова и скоро начинает чувствовать опасность самоповторения. Начинаются поиски выхода из этого замкнутого художественного мира: сперва на эмоциональном уровне, потом на идейном. На эмоциональном — это значит: в стихах 1910—1911 годов усиливается экзальтация чувства, появляются непривычно эффектные образы из расхожего символистского арсенала — преимущественно вокруг тем Бога и рока: «под грозowymi облаками несется клекот вещей птиц», «и тело требует терний, и вера — безумных цветов», «в изголовьи — черное распятые», на теле — «тяжелый панцирь презренья». Звучит это плохо, как на чужом языке — слишком далеко и от Тютчева, и от Верлена. На идейном уровне — это значит: Манделштам находит решение конфликта между безличной вечностью и трепетной человечностью — смертный человек преодолевает свою смертность созданием вечного искусства. Впервые эта мысль возникает в двух стихотворениях 1909 года (Манделштаму 18 лет). Одно — это «На бледно-голубой эмали...»: вечная природа оказывается сама похожа на рисунок, который выводит художник «в сознании минутной силы, в забвении печальной смерти». Другое — это «Дыхание» («Дано мне тело...») — недаром им откроется первая книга поэта. Человек — мгновенное существо в теплице посреди холодной вселенной; но его теплое дыхание ложится на холодное стекло и застывает морозным узором: «пускай мгновения стекает муть — узора милого не зачеркнуть». Однако полного развития эта тема — завершение первой поэтики Манделштама — достигает лишь в стихах 1912—1914 годов, написанных под знаком акмеизма.

В 1910 году становится бесспорным «кризис символизма» — исчерпанность его поэтической системы. В 1911 году молодые поэты из выучеников символизма, в поисках новых путей, образуют Цех поэтов — пеструю аморфную организацию под председательством Н. Гумилева и С. Городецкого. В 1912 году внутри Цеха поэтов образуется ядро из шести человек, называвших себя «акмеистами»; название (от греческого «акмэ», «вершина») было иронически предложено мэтром символизма Вяч. Ивановым и принято ими вызывающе всерьез. Это были Н. Гумилев, С. Городецкий, А. Ахматова, О. Манделштам, М. Зенкевич и В. Нарбут. Более несхожих поэтов трудно было вообразить: парнасская строгость

Гумилева, графоманская безудержность Городецкого, камерная конкретность Ахматовой, торжественный пафос Зенкевича, вызывающий антиэстетизм Нарбута — все это не сводилось ни к какому общему знаменателю. Но Гумилеву хотелось быть вождем поэтической школы, и он эту школу организовал. В начале 1913 года в журнале «Аполлон» появились статьи-манифесты «Наследие символизма и акмеизм» Гумилева и «Некоторые течения в современной русской поэзии» Городецкого (Мандельштам чуть позже тоже написал статью «Утро акмеизма», но в «Аполлон» она не попала и была напечатана лишь в 1919 году), а потом подборка стихотворений всех шести поэтов — кончалась она стихотворениями Мандельштама «Айя-София» и «Notre Dame». Группа просуществовала года два и с началом мировой войны распалась; но Ахматова и Мандельштам продолжали ощущать себя «акмеистами» до конца дней, и у историков литературы слово «акмеизм» все чаще стало означать совокупность общих творческих особенностей именно этих двух поэтов — даже если они не имели ничего общего с декларациями 1913 года.

Программа акмеизма в «Аполлоне» сводилась к двум очень оригинальным тезисам: во-первых, конкретность, вещественность, посюсторонность; во-вторых, мастерство. В поэтике символизма все слова о земной действительности должны были служить намеками на высшую действительность — уводить a realibus ad realiora, от реального к реальнейшему (по только что высказанной броской формуле Вяч. Иванова). В поэтике акмеизма предполагалось помнить об этой высшей действительности постоянно, но не говорить никогда: неназываемое должно остаться неназванным. («Русский символизм так много кричал о „несказанном“, что это „несказанное“ пошло по рукам, как бумажные деньги», — презрительно писал Мандельштам.) Только на этом недоступном фоне иных миров и приобретала особое значение сосредоточенность акмеистов на здешнем мире: только эта многозначительность и спланивала их в группу, хотя здешний мир у Гумилева, Ахматовой, Мандельштама и Нарбута был очень разный. Мандельштаму с его трагическим ощущением смертной хрупкости пред безликой вечностью эта апология посюстороннего была очень близка. Акмеизм для него — «сообщничество сущих в заговоре против пустоты и небытия. Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя — вот высшая заповедь акмеизма» («Утро акмеизма»). Второй тезис — мастерство — привлекал его тем, что открывал средство преодоления пустоты и небытия — со-

здание вечного искусства. Это было способом самоутверждения не только в мироздании, но и в обществе. Оторвавшийся от домашнего мещанского уклада своего детства и юности, оказавшийся в беспочвенной богемной среде, Манделъштам чувствовал себя в современности изгоем. Игра в Цех поэтов с его мастерами и подмастерьями по средневековому образцу позволяла ему почувствовать свое мастерство как патент на место в обществе. Недаром в своих статьях он прославляет средневековье за то, что общество в нем структурно, как готическое зодчество, и умеет ценить как подвиг «абстрактное бытие, ничем не прикрашенное личное существование» — например, поэта-бродяги Франсуа Виллона, любимого героя Манделъштама, с которым он прямо сближает Верлена и скрыто — самого себя. За эстетский культ старинной сословности он очень чтит в это время К. Леонтьева.

Манделъштаму было очень важно почувствовать себя в кругу единомышленников, хотя бы и очень узком. Он мелькает в Цехе поэтов, на дискуссиях и выставках, в богемном подвале «Бродячая собака». Вскинутый хохол, заклинательный распев декламации, торжественность, ребячливость, задор, бедность и постоянное житье взаимы — таким он запомнился современникам. В 1913 году он печатает свою первую маленькую книжку стихов, в 1916 году она переиздается, расширенная вдвое. Из ранних стихов в книгу вошла лишь малая часть — не о «вечности», а о «милом и ничтожном». Сперва сборник должен был называться «Раковина» — поэт, как шумящая раковина, доносит до людей туманный голос стихии. Но вышел он под заглавием «Камень» — поэт, как зодчий, как вольный каменщик, умудренный веками, создает свои произведения прочно и на века. Комментарием к заглавию были несколько фраз в статье «Утро акмеизма», неожиданно уводящие опять к Тютчеву (и еще к неназванному Ницше). У Тютчева есть шестистишие «Problème»: вот камень скатился с гор в долину, и никто не знает почему: по закону ли природы или по произволению Божию. Этот камень есть слово. «Акмеисты с благоговением поднимают таинственный тютчевский камень и кладут его в основу своего здания». Важна не причина падения камня, а наш ответ на него: не мысль, а дело (6). «Мироощущение для художника — орудие и средство, как молоток в руках каменщика, и единственное реальное — это само произведение».

Эта полемика с Тютчевым разворачивается в трех сонетах 1913 года; сонет — нехарактерная для Манделъштама форма, и здесь она выступает как носитель «чужого слова». Первый — «Паденье — неизменный спутник страха...»: если считать, что камень бросает Бог, а не земное притяжение, то

камень — лишь мертвый булыжник, храм — гнетуще мрачен, вечность непосильна, а мгновение ненадежно. Второй — «Пешеход»: страшна высь, страшна пропасть, страшна вечность; мы ищем для глаза опору между небом и землей в колокольне, в птице; но и в этом реальном мире смерть остается смертью, и ее не заговоришь никакой музыкой. Третий — «Казино»: да, подчас мир безотраден и «душа висит над бездною проклятой», но на мгновение можно утешиться, глядя на море из уютного окна. Мир принимается таким, как он есть, вечные вопросы отстраняются, для радости остается вино в хрустале, а для душевной опоры — колокольня, возносящаяся к небу. «Строить — значит бороться с пустотой, гипнотизировать пространство. Хорошая стрела готической колокольни — злая, потому что весь ее смысл уколоть небо, попрекнуть его тем, что оно пусто» («Утро акмеизма»; стихами об этом сказано в «Я ненавижу свет однообразных звезд...»). Храмы на земле утверждают не Божью славу, а человеческую волю.

Архитектурные стихи — сердцевина мандельштамовского «Камня». Именно там акмеистический идеал высказан как формула:

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра,
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам.

Стихотворения о католическом Notre Dame и о православной Айя-Софии писались и печатались параллельно. В обоих звучит дорогая Мандельштаму тема культурной непрерывности: Notre Dame возник на месте римского судилища, Айя-София переживет народы и века (7). Но интересна разнонаправленность их движений. Айя-София — от Бога, Notre Dame — от человека; купол Айя-Софии, «как на цепи, подвешен к небесам», Notre Dame встает от земли, играя мышцами, как Адам. Для первой ключевое слово — «красота» («прекрасен храм»), для второго — «радость» («радостный и первый»), «сила» и «мощь»; первая статична, второй динамичен. Мандельштаму ощутимо ближе второе. Для Софии он подчеркивает, как она приняла в себя колонны эфесской Дианы, для Notre Dame — «египетскую мощь и христианства робость»: не вера создает храм, а храм веру. («Разве, вступая под своды Notre Dame, человек размышляет о правде католицизма и не становится католиком просто в силу своего нахождения под этими сводами?» — писал Мандельштам Вяч.

Иванову еще в 1909 году.) Через год к этим двум стихотворениям добавляется «Адмиралтейство» с такой же акмеистической формулой: «красота — не прихоть полубога, а хищный глазомер простого столяра». Здесь преодоление времени переходит в преодоление пространства: раскрываются три измерения, открывается пятая стихия, не космическая, а рукотворная — красота. Еще через год маленькое стихотворение о Казанском соборе (где зодчий — «русский в Риме») добавляет еще один оттенок: для творчества благотворно скрещение культур, — именно в это время Мандельштам увлекался Чаадаевым. Наконец, к этому же циклу примыкают «Петербургские строфы», где вокруг лаконичного образа русского ампира («Над желтизной правительственных зданий...») кристаллизуется «социальная архитектура» всей России, а единство времени внутри культуры доходит до того, что сквозь современность просвечивает пушкинская эпоха, двоясь именами Евгения Онегина и Евгения из «Медного всадника».

Н. Гумилев считал началом мандельштамовского акмеизма шестистишие 1912 года «Нет, не луна, а светлый циферблат...» (в самой середине первого «Камня»). Акмеизм предпочитал время — вечности, циферблат — романтической луне и звездам (звезды у Мандельштама всегда колючие и злые) и архитектуру — любимой символистами музыке. На тогдашнем языке это называлось: предпочитать гармонию Аполлона экстазу Диониса. Но Мандельштам не мог забыть верленовский призыв к музыке: в «Камне» есть стихи и про Баха, и про Бетховена (8). Если верить «Утру акмеизма», то Бах был рационалистическим зодчим музыки: «Как убедительна музыка Баха! Какая мощь доказательства!» — если же верить стихотворению, то главным был не расчет, а ликование: «Высокий спорщик, неужели, Играя внукам свой хорал, Опору звукам в самом деле Ты в доказательстве искал?» А «Ода Бетховену» вся — апофеоз прямо названного Диониса и его огненного вдохновения и вся построена на реминисценциях из статьи заклятого символиста Вяч. Иванова «Ницше и Дионис». Это опять-таки потому, что культура для Мандельштама (не унаследованная, а избранная) — это свобода, свобода — это «подрожание Христу», «радостное богобщение», «жмурки и прятки духа», а такой свободе Дионис не страшен и не враждебен («Скрябин и христианство»). Это диалектический противовес рационализму акмеистического «мастерства», и это не дает поэзии Мандельштама стать холодной и мраморной, какой она казалась поверхностным критикам. («Мраморная муха» — дразнили Мандельштама футуристы.)

В «Утре акмеизма» Мандельштам прославлял слово как строительный материал поэзии — его вещественность и его осмысленность (9). Футуристы только что выкинули лозунг «слово как таковое» — чистый звук, освобожденный от смысла. Мандельштам его подхватывает, но переосмысляет: нет, только звук, нагруженный смыслом. Футуристы стремились через звуки слова к основам природы; Мандельштам через смысл слова — к основам культуры. Когда фонетика (и только фонетика) — «служанка серафима», например, когда вдохновенно читаются стихи на непонятном языке, то читающий кажется безумцем («Мы напряженного молчанья не выносим...»). Но, утверждая в слове логос и логику, закон тождества, «А есть А» (а не что-то высшее), эту логику Мандельштам понимает скорее по-дионисийски, чем по-аполлоновски: «Логика есть царство неожиданности. Мыслить логически значит непрерывно удивляться». Именно такую логику он через двадцать лет припишет Данте, а в его лице — самому себе.

Такой парадоксализм позволяет Мандельштаму сразу расширить круг своей поэтической тематики. После строгого единообразия и однотонности ранних стихов «Камень» кажется очень пестр. Все сущее достойно стиха самим фактом своего существования: в стихи попадают «Спорт», «Футбол», «Кинематограф», «Американ бар», «Теннис», наивная американка, потерянная камешка, лютеранские похороны, прочитанная книга, пригородный быт. Чтобы они вызвали удивление, то есть приобрели художественный смысл, поэту достаточно ввести в бытовые картинки то мимоходное высокое сравнение (теннисист — «как аттический солдат, в своего врага влюбленный», футболист над мячом — как Юдифь над головой Олоферна, дворник зевает, как овидиевский скиф, базарная площадь — «торговли скиния святая»), то лубочную гиперболу («Царское Село», «Кинематограф»), то просто серьезный и возвышенный тон («„Морожено!“...», «Американ бар», «Египтянин», «Аббат» в двух его вариантах). У непривычного читателя это вызывало прежде всего улыбку — это позволяло Мандельштаму печатать иные стихи в «Новом Сатириконе» и других журналах для легкого чтения. Но когда изящные «Летние стансы» кончаются «...самоубийца молодой», это звучит уже зловеще; «Дворцовую площадь» за «...желчь двуглавого орла» запрещает военная цензура; а «Лютеранин» с его тютчевским подтекстом приобретает такую глубину, что в первом «Камне» он вместе с «Айя-Софией» и «Notre Dame» замыкает книгу как бы триптихом о трех христианских верах.

Только одной темы нет в «Камне» — личной: «я забыл ненужное „я“». Из любовных стихов Мандельштама, ранних и робких, в книгу не попало почти ничего — слово «любовь» встречается в «Камне» один лишь раз, и то в стихотворении об «имябожцах-мужиках»: афонские еретики-имябожцы верили, что имя Христово есть сам Христос (и Мандельштаму с его культом слова это было очень близко) (10), в любви же, наоборот, «безымянную мы губим вместе с именем любовь». Цель Мандельштама не в том, чтобы пропустить мир через свои чувства, — цель его в том, чтобы найти своим чувствам место в мире, в большом и едином мире культуры. Вписаться в культурную преемственность, в историческую память — остается его главной заботой. (Личная память может этому только помешать: потом он об этом с ужасом напишет: «Не говори никому, Всё, что ты видел, забудь, — Птицу, старуху, тюрьму Или еще что-нибудь...».) Писать для самого себя — безумие, обращаться к ближним — пошлость (говорит он в статье «О собеседнике»); писать нужно для неизвестного дальнего читателя, какого пошлет судьба, и самому нужно быть таким дальним адресатом поэтов прошлого. Об этом — его стихи «Я не слышал рассказов Оссиана...»:

...Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальда чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.

И когда он хочет похвалить стихи Кузмина, он пишет: «не только запоминаются отлично, но как бы припоминаются (впечатление припоминания при первом же чтении), вышывая из забвения (классицизм)». Классицизм здесь — поэтика вечного в противоположность поэтике личного.

Конечно, такое чувство «вечного возвращения» (ницшеанское понятие, популярное в начале века) в применении к культуре было сильным стимулом для дальнейшей разработки поэтики реминисценций. Слово, освободившись от необходимости намекать на небесные прообразы поэзии, как бы отдает свои ассоциативные способности земным ее прообразам. О том, как много значит для стихотворения «Лютеранин» его тютчевский подтекст, уже было сказано. В стихотворении «Адмиралтейство» уже само заглавие отсылает читателя и к

началу XIX века, когда было выстроено это здание, и к Пушкину, и к Петру; но мало этого: когда адмиралтейская игла названа «мачта-недотрога», то это напоминает пушкинский «памятник нерукотворный»; «ладья воздушная» — лермонтовский «воздушный корабль»; «томится пыльный тополь» в первой строке точь-в-точь как лермонтовская сосна о дальней пальме; а «циферблат» в его ветвях, наконец, отсылает к собственному мандельштамовскому «Нет, не луна, а светлый циферблат...», этому противопоставлению расчета мечте. Стихотворение «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» — отклик не только на перечень кораблей в «Илиаде» (песнь II), но и на фразу чтимого И. Анненского: «и каталог кораблей был настоящей поэзией, пока он внушал». Стихотворение «О временах простых и грубых...» кончается тем, как, «мешая в песнях Рим и снег, Овидий пел арбу воловью в походе варварских телег», — здесь имеется в виду строка из «Скорбных элегий» (III, 10, 34) «*ducunt Sarmatici barbara plaustra boves*», но не только по смыслу («сарматские быки везут варварские телеги»; «Рим» и «снег» были в предыдущих строках), а и по звуку: слово *barbara* подсказывает поэту слово «арба» и этим рождает противопоставление привычной южной повозки чужим и громоздким северным. У Овидия такого противопоставления не было — стихотворение обогащено (11).

Поэтика реминисценций с ее вниманием к опорным ассоциативным точкам побуждала поэта сделать и следующий шаг: к пропуску связующих звеньев между опорными образами. (Вспомним: поэтическая «логика есть царство неожиданностей».) Стихотворение «Домби и сын» представляет собой набор образов: свистящий язык, грязная Темза, дожди и слезы, контора и конторские книги, табачная мгла, «на шиллинги и пенсы счет», судебная интрига, железный закон, разорение и самоубийство. Все образы — диккенсовские, но к роману «Домби и сын» они не сводимы. Оливер Твист — персонаж из совсем другого романа; в конторе он никогда не работал; Домби-сын с клерками не общался; судебной интриги в «Домби и сыне» нет; банкрот в петле явился, скорее всего, из концовки третьего романа, «Николас Никльби»; но любвеобильная дочь опять возвращает нас к «Домби и сыну». Получается монтаж отрывков, дающий как бы синтетический образ диккенсовского мира, — все связи между ними новые (11а). Читатель, воспринимая их на фоне заглавия «Домби и сын», ощущает все эти образные сдвиги с особенной остротой. «Домби и сын» — легкое стихотворение для «Нового Сатирикона», но мы увидим, какое серьезное развитие пол-

учила эта поэтика пропущенных звеньев у Мандельштама в дальнейшем. И не только в стихах, но и в прозе, где у него почти невозможно уследить за сюжетом; и даже в обиходной речи: «Ему казалось, что звенья между высказываемыми положениями ясны собеседнику так же, как ему самому, и он их пропускал. Он оказывал собеседнику доверие, поднимая его до себя...» — вспоминал Георгий Адамович, один из младших поэтов-акмеистов.

Другой формой этой поэтики недоговоренности была фрагментарность. Если стихотворение держится не столько логической, сколько ассоциативной связью образов (как между собой, так и с их подтекстами в культурной традиции), то число этих образов можно произвольно сокращать — воображение читателя дополнит недостающие, а концентрация и напряженность поэтического материала станет только сильнее. Уже четверостишие «Звук осторожный и глухой...», открывающее «Камень», выглядит фрагментом — подлежащим без сказуемого (12). От стихотворения «Когда удар с ударами встречается...» Мандельштам отбрасывает конец, от стихотворения «Слух чуткий — парус напрягает...» — начало (то одну строфу, то две), стихотворение «Как тень внезапных облаков...» он обрывает на недоговоренном полустиишии, в стихотворении «О небо, небо, ты мне будешь сниться...» вообще оставляет только одну осколочную строфу из четырех. Такая фрагментарность — прием, конечно, не классицистический, а романтический; Мандельштам к нему прибегает, чтобы сделать ощутимее единство стиля, которым одним держится такое усеченное и почти бессмысленное стихотворение.

2

Последние стихотворения «Камня» писались уже в начале мировой войны. Как все, Мандельштам встретил войну восторженно (пытался даже поступить на санитарную службу), как все, разочаровался через год. Для его поэзии война означала еще одно обращение к Тютчеву — на этот раз к его риторической стихотворной публицистике. Таковы его стихи к полякам, о Реймсе и Кельне, о папской энциклике в защиту мира и др.; стихотворение «В белом раю лежит богатырь...» концентрирует мотивы официального народничества почти до неправдоподобия («серьезная пародия», по выражению С. С. Аверинцева). Союз с Антантой подкрепил в нем чаадаевские мысли о синтезе европейской и русской культуры, отсюда явились «Поговорим о Риме...» и другие римские

стихи. В «Камень» из этого вошло лишь немного, а теоретическое обоснование его публицистических стихов (доклад «Несколько слов о гражданской поэзии», октябрь 1914) не сохранилось. Наиболее значительное стихотворение, порожденное войной, — это «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», где тема движущей любви предвещает уже новое в его манере. В 1916 году настроения его становятся антивоенными, он пишет стихи против англо-французской интервенции в Греции («Собирались элины войною...») и «оду миру во время войны» — «Зверинец», с его геральдической символикой, «праарийским» культурным братством и дионисийским апофеозом в конце. После этого тютчевские ноты в его стихах стусшеваются: на смену войне приходят революция и разруха, и они требуют другого стиля (13).

«Революция была для него огромным событием», — свидетельствует Анна Ахматова. Она оживила в нем воспоминания об увлечениях молодости, когда он дружил с эсерами и с восторгом читал М. Карповичу брюсовских «Грядущих гуннов». Падение монархии представлялось ему исторически справедливым; потом, в статье «Кровавая мистерия 9 января», он оправдывает даже гибель царя. Стихотворение лета 1917 года «Декабрист» говорит о едином порыве России и Европы из «тенет» и о том, что называлось тогда «народная самодеятельность»: «вернее — труд и постоянство» (14). Октябрьский переворот, напротив, вызвал у Мандельштама понятное негодование: стихотворение «Когда октябрьский нам готовил временщик...» героизирует гибнущий режим Керенского (который потом, в «Египетской марке», он обзовет «лимонадным правительством»), в «Кассандре», обращенной к Анне Ахматовой, он восклицает: «И в декабре семнадцатого года Всё потеряли мы, любя...» и пророчит погибельные скифские праздники на берегах Невы (15). Стихи зимы 1917-го и лета 1918 года насыщены редким для Мандельштама обилием подтекстов из повседневной печати: «гиперборейская чума» — это слухи о наступающей с юга эпидемии, а «чудовищный корабль на страшной высоте» — о налетах немецких аэропланов на Петроград. «Гимн», подводный итог первого года революции, начинался словами «Прославим, братья, сумерки свободы...» — рассветные сумерки весны 1917 года, закатные — весны 1918 года. Но о том, что «всё потеряли мы», здесь уже нет разговора: воля обращена в будущее, в мыслях опять «труд и постоянство»:

Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь, мужи.
Как плутом океан деля,

Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.

В 1918 году Мандельштам перебирается из Петрограда в Москву, пытается служить в Наркомпросе, но служба не в его характере. Современники запомнили его схватку с известным чекистом Я. Блюмкиным, когда ему удалось (с помощью Л. Рейснер) добиться у Дзержинского отмены одного расстрела. Зимой 1919 года открывается возможность поехать на менее голодный юг; он уезжает сперва на полтора года (1919—1920: Харьков, Киев, Феодосия, Батум, Тифлис; в Крыму его арестовывала врангелевская контрразведка, в Батуме — местные военные власти), потом еще на год (1921—1922: Киев, Кавказ, Ростов, Харьков, Киев). Промежуточную зиму он проводит в Петрограде, в знаменитом общежитии Дома искусств на Невском («поэты, художники, ученые, странной семьей, полупомешанные на пайках, одичалые и сонные...»); к нему впервые приходит настоящая, а не узкокружковая известность и уважение, даже Блок записывает о нем в дневнике (22 октября 1920): «„жидочек“ прячется, виден артист». Первой поездке он посвятил потом очерки «Феодосия». По существу, именно тогда решался для него вопрос: эмигрировать или не эмигрировать. Он не стал эмигрировать: он повидал своими глазами и красную власть и белую власть и понял, что из двух зол народ выбрал большевиков, а не белогвардейцев. О тех, кто предпочел эмиграцию, он писал в двусмысленном стихотворении «Где ночь бросает якоря...»: «Куда летите вы? Зачем От древа жизни вы отпали? Вам чужд и страшен Вифлеем, И яслей вы не увидели...» Этим же намеком кончается стихотворение «Феодосия»: «Недалеко до Смирны и Багдада, Но трудно плыть, а звезды всюду те же». Отказ от эмиграции был этическим актом, подобным чаадаевскому, — свободным выбором, верностью в несчастье: об этом он сказал в проникновенном стихотворении об Исаакиевском соборе (весной кронштадтского погрома 1921 года), прощаясь ради него с Римом и Константинополем:

...Соборы вечные Софии и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенского добра
И риги Нового Завета,

Не к вам влечется дух в години тяжких бед,
Сюда влачится по ступеням

Широкопасмурным несчастья волчий след,
Ему ж вовеки не изменим:

Зане свободен раб, преодолевший страх,
И сохранилось свыше меры
В прохладных житницах, в глубоких закромах
Зерно глубокой полной веры.

(«Люблю под сводами седьма тишины...»)

Весной 1922 года Мандельштам возвращается с юга и поселяется в Москве. С ним молодая жена, Надежда Яковлевна Хазина из Киева: она будет подругой всей его оставшейся бедственной жизни, а после его гибели героически сохранит, смертельно рискуя, его стихи. «Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно» (А. Ахматова). Осенью 1922 года в Берлине выходит маленькая книжка новых стихов «Tristia» (Мандельштам хотел назвать ее «Новый камень»), в 1923 году она в измененном виде переиздается в Москве под заглавием «Вторая книга» (и с посвящением «Н. Х.»). Почти одновременно в последний раз переиздается «Камень. Первая книга стихов». После этого ему удастся только один раз собрать свои стихи в маленьком однотомнике 1928 года, и больше стихотворных книг у него не будет.

Стихи «Тристий» резко непохожи на стихи «Камня». Это новая, вторая поэтика Мандельштама. Валерий Брюсов, любитель литературных ярлыков, даже назвал эту манеру «неоакмеизмом», определил как «поэзию парадоксов» и, конечно, осудил. Вряд ли это определение точно: вернее было бы говорить о поэтике ассоциаций. Парадокс — это линейное несоответствие причины следствию, ассоциации же у Мандельштама многомерны. Потом он скажет: «Любое слово является пучком, и смысл из него торчит в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» («Разговор о Данте»; заметим это отталкивание от «официальной» семантики). Направления, по которым расходится смысл слов в «Тристиях», — новые для Мандельштама. Это любовь, смерть и (как фон) античность; может быть, даже можно добавить: и вера. Мы помним: в оптимистическом «Камне» любовь отсутствовала (как нечто слишком личное), смерть лишь подразумевалась (как нечто враждебное и преодолеваемое), античность мелькала только редкими оттеняющими образами, а небо было пусто. Теперь все переменялось.

«Тристии» открывались стихотворением без заглавия о царице Федре, героине трагедий Расина и Еврипида. Федра полюбила преступной любовью своего пасынка, девственника Ипполита, была им отвергнута и убила себя, но погубила

и его. Уже в этом сюжете — и любовь, и смерть, и античность. Мало того: стихотворение представляет собой диалог коротких реплик Федры (наполовину переложенных из Расина) и комментирующих строф хора (как в трагедии Еврипида), — перед нами столь важная для Мандельштама связь времен, единство культуры. Но это единство разрушено: величавый расиновский стиль Федры и нервно-античный стиль хора резко отличны друг от друга, а параллельное стихотворение (вокруг тех же расиновских строк) прямо декларирует: «Я не увижу знаменитой „Федры“... Я опоздал на празднество Расина... Когда бы грек увидел наши игры...» Мало и этого: в статье «Скрябин и христианство» есть загадочные слова «Федра-Россия...» — фраза обрывается, и мы можем только догадываться, что это значило для Мандельштама. Мало даже этого: речь идет о кровосмесительной любви мачехи к пасынку, а кровосмешение было для Мандельштама признаком замкнувшейся в себе иудейской культуры (об этом — стихи «Вернись в смесительное лоно...»), стало быть, отвергший Федру Ипполит здесь отождествлялся с ушедшим в русскую культуру самим поэтом. Все эти значения скрещиваются в центральном образе стихотворения — «черное солнце». Здесь оно символизирует гибельную страсть, в стихотворении «Эта ночь непоправима...» — иудейскую смерть («черное солнце» рядом с «желтым солнцем»), а близкое словосочетание «ночное солнце» в стихотворениях «Когда в теплой ночи замирает...» и «В Петербурге мы сойдемся снова...» означает искусство — потому что театральные представления кончаются ночью и потому что они сохраняют «в черном бархате советской ночи» свет закатившейся культуры. Судя по «Скрябину и христианству», Мандельштам был уверен, что образ этот восходит к Еврипиду; но это не так, у Еврипида его нет, сложился он у Мандельштама из расиновских оборотов вроде «черное пламя», а подтексты его уводят к таким разнообразным источникам, как сатиры Горация, пророчество Иоила, Нерваль, Вяч. Иванов, Апокалипсис, Валерий Брюсов и Гейне в переводе Тютчева.

Заглавное стихотворение сборника «Tristia» — «Я изучил науку расставанья...» — тоже объединяет и любовь, и смерть, и античность, но в иной, более светлой эмоциональной окраске (17). Заглавие «Tristia» — из Овидия («Скорбные элегии», I, 3, прощание с Римом перед изгнанием). Но это — ложная отсылка, главный подтекст стихотворения — не Овидий, а Тибулл (элегия I, 3) в вольном переводе Батюшкова. Здесь — разлука с милой, ее гадание о новой встрече, мысль о смерти вдали от нее (за упоминанием о «греческом Эре-

бе» — целая картина подземного царства у Тибулла) и мечта о неожиданном возвращении — она из-за прялки бросается ему навстречу, «власы развеяны... и ноги обнажены». Овидиевское прощание становится у Мандельштама лишь подступом к этой тибулловской встрече и соответственно переосмысливается: слова «наука расставанья» напоминают о «науке любви», петуший крик приходит не из «Скорбных элегий», а из «Любовных элегий», и означает этот крик не утреннюю разлуку, а зарю «какой-то новой жизни»: эти (дантовские) слова — «...новой жизни» — замороженно повторяются в тавтологической рифме. Это — середина стихотворения, за смертной разлукой — новая жизнь; тотчас за этим следует символический образ вечного возвращения — снует челнок, вращается веретено; а затем — встреча с Делией и ключевая сентенция, в которой весь смысл стихотворения: «Всё было встарь, всё повторится снова, И сладок нам лишь узнаванья миг». В соответствии с этой мыслью — прекрасно лишь узнавание того, что уже было, — строится и поэтика стихотворения: оно насквозь пронизано реминисценциями. Кроме древних поэтов и Данте, Овидий напоминает в нем о южном Пушкине, гадание по воску — о «Светлане» Жуковского, «вигилии» — о Брюсове, «веретено» — о собственном раннем стихотворении Мандельштама, а слова «и чту обряд...» перекликаются сразу с Блоком («На островах») и Ахматовой («...И чтим обряды наших горьких встреч»). В довершение всего, в последнюю строфу вставлена запоминающаяся строчка «...Как беличья распластанная шкурка», почти дословно процитированная из Ахматовой, с которой в это время расставался поэт, переезжая в Москву («Высоко в небе облачко серело, Как беличья расстеленная шкурка...», стихи о расставании), и это — ответ на такую же цитату у Ахматовой, которая почти дословно вставила строчку раннего Мандельштама «Я только петь и вспоминать умею» в свое недавнее стихотворение «А ты теперь тяжелый и унылый...» (тоже стихи о расставании).

Мы видим: по сравнению с «Камнем» строение образной ткани стихов Мандельштама стало неизмеримо сложнее. В рассмотренных двух стихотворениях читателю легче разобраться, если он помнит, хотя бы смутно, миф о Федре и стихи Овидия и Тибулла — Батюшкова. Но когда в основе стихотворения лежит биографический эпизод, о котором читатель ничего не знает, то сплетение поэтических ассоциаций становится для него еще более загадочным.

Таково, например, стихотворение «На розвальнях, уложенных соломой...». Возникло оно, по-видимому, приближи-

тельно так. Манделъштам в это время был влюблен в Марину Цветаеву. Они познакомились в 1915 году в Коктебеле, виделись зимой в Петербурге, а в феврале 1916 года он приехал в Москву, они ездили по городу, и она «дарила ему Москву»; памятью об этом у нее остались несколько стихотворений к нему («Ты запрокидываешь голову...» и др.). Цветаева любила отождествлять себя со своей тезкой Мариной Мнишек — Манделъштам оказывался в роли Самозванца, принявшего имя царевича Дмитрия, убитого в Угличе. Цветаева вводила его в московское православие, как Мнишек вводила Лжедмитрия в римское католичество, — тема, близкая Манделъштаму по Чаадаеву. Цветаева быстро меняла свои увлечения, и Манделъштам предвидел себе скорый конец (так оно и оказалось: следующий его визит, летом 1916 года в городок Александров, оказался неуместен и краток, — о нем написано стихотворение «Не веря воскресенья чуду...») (18). Отсюда вереница ассоциаций: по Москве везут то ли убитого царевича для погребения, то ли связанного Самозванца на казнь; над покойником горят три свечи, а над Русью занимается пожар Смуты, рыжий, как волосы Самозванца. Три свечи — реминисценция из Цветаевой 1911 года: «...Где-то пленнику приснились палачи, Там, в ночи, кого-то душат, где-то там Зажигаются кому-то три свечи». Три свечи ассоциируются с тремя встречами: Коктебель, Петербург, Москва, четвертой не бывать. Эти последние слова сразу напоминают старую идеологическую формулу: «Москва — третий Рим, а четвертому не бывать», и отсюда мысль переносится на тягу и вражду к Риму, общую для Самозванца, Чаадаева и самого Манделъштама. Эта быстрая скачка мыслей — от свеч до Рима — вся вмещается в центральную строфу стихотворения: «Не три свечи горели, а три встречи — Одну из них сам Бог благословил, Четвертой не бывать, а Рим далече — И никогда он Рима не любил». Для читателя, который ничего не знает о Цветаевой и о поездках с нею по Москве, эта строфа загадочнее всего. Без нее перед нами — синтетическая картина Москвы Смутного времени, сложенная приблизительно так же, как картина Лондона в «Домби и сыне». Но три встречи — это могут быть и встречи трех Лжедмитриев с Москвой (и только одного «Бог благословил» подарствовать), и встречи человечества с Богом (Рим, Византия, Москва, или: иудейство, католичество, православие, или: православие, католичество, протестантство), и, вероятно, многое другое. Манделъштам сознательно не дает читателю ключа в руки: чем шире расходятся смыслы из образного пучка стихотворения, тем это лучше для него.

Тему любви открыла Мандельштаму именно Цветаева. Для него это было сильным душевным потрясением, он даже советовался с Каблуковым, не спастись ли ему от «эротического безумия» переходом в православие. Он был целомудрен, влюбленности его были по большей части платоничны, а любовные стихи — немногочисленны («Легче тяжесть поднять, чем вымолвить слово: любить»). Однако когда они возникали, они по большей части сопровождались тревожной темой смерти (и никогда — темой песни). Мы видели, что в «На розвальнях...» тема смерти даже вовсе вытеснила тему любви. В стихах о любимом голосе в телефоне («Твое чудесное произношение...») являются неожиданные строки «пусть говорят: любовь крылата, — смерть окрыленное стократ», в стихах о растапливаемой вдвоем печке — «зубами мыши точат жизни тоненькое дно»; в стихах «За то, что я руки твои не сумел удержать...» смертные мученья уподобляются гибели Трои. То же будет и в редких позднейших стихах — таких, как «Мастерица виноватых взоров...». Даже в одном из последних стихотворений Мандельштама, в удивительно светлом «К пустой земле невольно припадаю...», говорится о «гробовом входе», о смерти и о воскресении.

Тема смерти пришла к Мандельштаму тоже из собственного душевного опыта: в 1916 году умерла его мать. Стихотворение «Эта ночь непоправима...» насыщено тяжелыми религиозными мотивами: эта смерть напомнила Мандельштаму о его принадлежности к родолюбивому иудейству, от которого он так отстранялся. Другая смерть, добровольная, как этический выбор, мелькает в загадочном стихотворении «Телефон». Просветляющий вывод приносит лишь стихотворение «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...»: жизнь и смерть — круговорот, роза рождается из земли и уходит в землю, а память о своем единичном существовании она оставляет в искусстве («двойные венки»: мы помним, как тяжесть и нежность сливались для Мандельштама в готическом искусстве).

Но гораздо чаще и тревожнее пишет Мандельштам не о смерти человека, а о смерти государства, потому что этим рвется преемственность культурного единства, которое для него важнее всего (19). В «На розвальнях...» мы видели смутные сумерки допетровской Москвы. В предреволюционном «В Петрополе прозрачном мы умрем...» и пореволюционном апокалипсическом «На страшной высоте блуждающий огонь...» умирает Петербург, названный антично-пушкинским именем Петрополь. В «Когда в теплой ночи замирает...» Москва, сменившая Петербург, тоже похожа на Геркуланум,

обреченный Везувиию. Стихи к «Кассандре» и об «октябрьском временщике», оплакивающие всю Россию, дополняются еще двумя, значительными своей религиозной темой. Одно — «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...», где погибающий поэт сравнивает себя с патриархом: «...Как Тихон, ставленник последнего собора». Другое — к А. В. Карташеву, министру вероисповеданий Временного правительства: «Среди священников левитом молодым...» — адресат (и поэт) сравнивается здесь с Иосифом Аримафейским (20), а сумерки русского православия — с сумерками иудейства после прихода Христа; перспектива Воскресения и торжества новой веры придает мрачному стихотворению странную двусмысленность. В уже упоминавшемся «гимне» «Сумерки свободы» к речи Тихона на соборе восходит, может быть, центральный образ бремени, «которое в слезах народный вождь берет», а к докладу Карташева — заключительный образ корабля (21). Мы видели, что этот «гимн» неожиданно кончался нотой жертвенного жизнеутверждения: «десяти небес нам стоила земля». Так же неожиданно кончается и еще одно сумрачное стихотворение этих лет, о смерти уже не русской, а европейской, то есть мировой, культуры: «Венецской жизни мрачной и бесплодной Для меня значение светло»: начинается оно сном и смертью, «на театре и на праздном вече умирает человек», а кончается тем, что «все проходит», в том числе и смерть, «человек родится», и в зеркале мерцает Вesper, двуликая звезда, как вечерняя, так и утренняя. Так мысль о круговороте «вечного возвращения» вновь и вновь оказывается для Мандельштама последней опорой против хаоса смутного времени.

В центре этого круговорота — вневременная точка, «где время не бежит», место вожденного покоя и равновесия. Для Мандельштама оно ассоциируется с золотым веком, греческими островами блаженных, и античные декорации его напоминают Крым, древнюю Тавриду, стык России и эллинского Средиземноморья. Во главе этих «крымско-эллинических» стихотворений стоят два. Первое — «Золотистого меда струя из бутылки текла Так тягуче и долго...», начинающееся этим символом останавливающегося времени, а кончающееся широко распахнутым кадром: «...Одиссей возвратился, пространством и временем полный» (22). Второе — «На каменных отрогах Пиэрии...» — набор реминисценций из раннегреческих поэтов-лириков, сгруппированный вокруг центрального образа «черепахи-лиры» (в Древней Греции резонаторы лир делались из черепашьего панциря) и завершающийся словами:

...О, где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба,
Где только мед, вино и молоко,
Скрипучий труд не омрачает неба
И колесо вращается легко.

У этого райского места есть две параллельные проекции. Одна — посюсторонняя, две причудливые картинки южных городов: «Мне Тифлис горбатый снится...» и «Феодосия» («...Идем туда, где разные науки И ремесло — шашлык и чебуреки, Где вывеска, изображая брюки, Дает понятие нам о человеке...»), — потом из этого разовьется импрессионистическая поэтика московских стихов Манделыштама. Другая — потусторонняя, прозрачный асфodelевый луг царства теней, сперва неожиданно вещественный («Когда Психея-жизнь спускается к теням...», мотив из Апулея), потом болезненно-противоестественный («Я слово позабыл, что я хотел сказать...») (23), и наконец, эти два образа сливаются в один, опять-таки замкнутый круговым движением («Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...»). Именно здесь, среди теней подсознания, рождаются — или не рождаются — слова поэзии, чтобы их узнавали люди: «имя — серафим», «и только слабый звук в туманной памяти остался», «я слово позабыл, что я хотел сказать», и оно, неузнанное, оборачивается то храмом, то безумицей, то слепой ласточкой: «туман, звон и зиянье». Это совсем не похоже на то слово-камень, из которого поэт по отвесу строил архитектуру своих прежних стихов. Перед нами новая поэтика.

Эта поэтика была откликом на катастрофические события войны и революции. Она сложилась у Манделыштама в развернутую программу, начинавшуюся социальной утопией и кончавшуюся музыкальной фантазией. Двадцать лет назад он входил в жизнь маргиналом, бсваивающим извне мировую культуру; теперь он чувствует ее своей и напряженно думает о том, как передать ее остальному миру, который в этом нуждается больше чем когда-нибудь. В акмеистические годы он мог со скороспелым аристократизмом презирать «свое родство и скучное соседство» («есть... рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить»), — теперь он видит, что не имеет на это права. Новая программа его — редкий случай — нашла у него теоретическое изложение в серии лирических статей 1921—1922 годов: «Слово и культура», «О природе слова», «Гуманизм и современность», «Пшеница человеческая», «Девятнадцатый век» и др.

Он пишет: выродившемуся рационализму XIX века настал конец. Из войны и революции встает новая культура, огромная, нетерпимая, бесчеловечная, как египетская или ассирийская. «В отношении к этому новому веку, огромному и жестоковейному, мы являемся колонизаторами. Европеизировать и гуманизировать двадцатое столетие, согреть его те(ле)ологическим теплом — вот задача потерпевших крушение выходцев девятнадцатого века, волею судеб заброшенных на новый исторический материк». Для этого нужны традиции не политики, а «существенной культурно-экономической жизни народов». «Благословенна экономика с ее пафосом всемирной домашности, благословен кремневый топор классовой борьбы — все, что поглощено великой заботой об устройении мирового хозяйства... всяческая тревога за вселенский очаг» «на потребу человеку, расширяя круг его домашней заботы до пределов всемирных». «Добро в значении этическом и добро в значении хозяйственном... — сейчас одно и то же».

Надежду на успех такой гуманистической колонизации нового мира дает то, что государство преходяще, а культура вечна. «Люди голодны. Еще голоднее государство. Но есть нечто более голодное: время. Время хочет пожрать государство... Сострадание к государству, отрицающему слово, — общественный путь и подвиг современного поэта». «Отделение культуры от государства — наиболее значительное событие нашей революции... Государство ныне проявляет к культуре то своеобразное отношение, которое лучше всего передает термин терпимость. Но в то же время намечается и органический тип новых взаимоотношений, связывающих государство с культурой наподобие того, как удельные князья были связаны с монастырями. Князья держали монастыри для совета. Этим все сказано. Внеположность государства по отношению к культурным ценностям ставит его в полную зависимость от культуры».

Причастность к культуре в новые времена стала трудной долей. Свободно выбрав эту трудную долю, «мы обрели внутреннюю свободу, настоящее внутреннее веселье». «Теперь всякий культурный человек — христианин», «для него и слово — плоть, и просто хлеб — веселье и тайна». «Да, старый мир — „не от мира сего“, но он жив более чем когда-либо. Культура стала церковью».

«Как комната умирающего открыта для всех, так дверь старого мира настежь распахнута перед толпой. Внезапно все стало достоянием общим. Идите и берите...» Гуманистическая традиция простирается от трезвой практичности XVIII века

до стихийной домашности эллинства. (Этот необычайный апофеоз эллинской домашности у Мандельштама — по-видимому, по впечатлению от Гомера с его любовной подробностью описаний всякого бытового действия.) «Эллинизм — это печной горшок, ухват, крынка с молоком... Эллинизм — это сознательное окружение человека утварью вместо безразличных предметов... очеловечивание окружающего мира, согревание его тончайшим телеологическим теплом... В эллинистическом понимании символ есть утварь, а потому всякий предмет, втянутый в священный круг человека, может стать утварью, а следовательно и символом». Поэтому «сугубый, нарочитый символизм» излишен: в нем «восприятие деморализовано. Ничего настоящего, подлинного. Страшный контраднс „соответствий“, кивающих друг на друга...» и т. д. Наоборот, акмеизм был «органической школой русской лирики», «с ним вместе в русской поэзии возродилась хозяйственная сила» и сила нравственная, учащая человека быть не гражданином, но мужем.

«Поэзия — плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху»: старина оказывается современностью. «Революция в искусстве неизбежно приводит к классицизму», потому что классицизм — поэзия вечного. «Она воспринимается как то, что должно быть, а не как то, что уже было». «Вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему... Мы свободны от груза воспоминаний. Зато сколько редкостных предчувствий: Пушкин, Овидий, Гомер. Когда любовник в тишине путается в нежных волосах и вдруг вспоминает, что это уже было: и слова, и волосы, и петух, который прокричал за окном, кричал уже в Овидиевых тристиях, — глубокая радость повторенья охватывает его...».

Еще в акмеистическую эпоху Мандельштам колебался между двумя концепциями слова — технической и органической. Тогда ему ближе была техническая концепция: слово — камень. Теперь он решительно провозглашает органическую концепцию: слово — плоть, слово — душа, в нем есть своя внутренняя свобода. Особенно в русском языке: на Западе язык подчинен государственности и церковности, русскому свободному языку служение практике ли, мистике ли чуждо. Роднит людей, превращает их в культурное единство именно язык, а не организованная литература: литература — это лекция, улица, а филология — это семинарий, семья, «потому что всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках». (Вот она, поэтика реминисценций.)

«Не требуйте от поэзии сугубой вещности, конкретности, материальности... Зачем отождествлять слово с вещью... с

предметом, который она обозначает? Разве вещь хозяин слова? Слово — Психея. Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела» (характерная реминисценция из Тютчева).

А пока слово перелетает с предмета на предмет, в нем остается только звук, но звук, говорящий сознанию. «Стихотворение живо внутренним образом, тем звучащим слепком формы, который предваряет написанное стихотворение. Ни одного слова еще нет, а стихотворение уже звучит. Это звучит внутренний образ, это его осязает слух поэта». (Это к его «звону и зиянию» вызывает он слова из мира теней. «Узнавание» у Мандельштама вписывается не только в концепцию «вечного возвращения», но и в концепцию платоновского «припоминания» потустороннего мира.)

Слова из звуков без смысла — это глоссолалия: человек говорит на заумном, несуществующем языке — как экстатики, как дети. «Ныне происходит как бы явление глоссолалии. В священном иступлении поэты говорят на языке всех времен, всех культур... говорящий не знает языка, на котором говорит... И всем и ему кажется, что он говорит по-гречески или по-халдейски. Нечто совершенно обратное эрудитии. Современная поэзия, при всей своей сложности и внутренней исхищенности, наивна: «Écoutez la chanson grise...» <«Послушайте смутную песенку...» — контаминация двух строчек из Верлена>. Синтетический поэт современности представляется мне не Верхарном, а каким-то Верлэном культуры. Для него вся сложность старого мира та же пушкинская цевница. В нем поют идеи, научные системы, государственные теории так же точно, как в его предшественниках пели соловьи и розы».

Так, начав протестом против политического рационализма, оборачивающегося войнами и революциями, Мандельштам приходит к апологии иррационального, органического слова и его певца — «Верлэна культуры», поэта непосредственности и интуиции, одного из двух ориентиров своей молодости (23). И как в связи с Чаадаевым он говорил о «синтетической народности», так сейчас — о «синтетической поэзии». Легко видеть, что многие из процитированных (и не процитированных) фраз Мандельштама являются вариациями его собственных стихов или комментариями к ним.

Психологическая основа этих построений понятна. Революция отняла у людей все материальное. Стало быть, нужно было закрепить за собой хотя бы все нематериальное, чтобы его нельзя было отнять. Поэтому слово отделяется от предмета

и превращается в самодовлеющую абсолютную ценность. Оно развеществляется, выполняется давний призыв: «И, слово, в музыку вернись». «Логос», которым гордился Мандельштам-акмеист, превращается в «блаженное, бессмысленное слово» (24).

Семантика выветривается; современники вспоминали, как, сочинив на слух строчки «Я так боюсь рыдания аонид — тумана, звона и зиянья», Мандельштам спрашивал соседей по Дому искусств: «а кто такие аониды?» (аониды — это музы: имя это понадобилось Мандельштаму потому, что стык гласных «ао» производил впечатление зияния в точном риторическом смысле термина «зияние», — но, конечно, другое, буквальное и страшное значение этого слова было здесь Мандельштаму не менее важно.) Реалии для него не существенны — например, что Одиссей не плывал за золотым руном, что черепаха не может лежать на спине или что греческий стих называется не тоническим, а метрическим. У него появляются строчки из бессвязных слов, соединенных только звуками и семантической эмоцией: «Россия, Лета, Лорелея», «Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита», «Всё ласточка, подружка, Антигона». Еще чаще бессвязных слов — бессвязные фразы (поэтика пропущенных звеньев): почти сплошь из бессвязных фраз состоит «Сестры — тяжесть и нежность...» и даже «Я изучил науку расставанья...». Некоторые полюбившиеся слова начинают повторяться с навязчивой частотой: таковы прилагательные «тяжелый», «прозрачный», «нежный», «сухой» и др. (25). Из них вырастают новые, нетрадиционные символы — так сказать, не субстанциональные (как «роза»), а функциональные (как «слепая ласточка»: в «Когда Психея-жизнь...» это — лишь примета мира теней, а в «Я слово позабыл...» это — символ потерянного слова). Все это сливается в возвышенной интонации, подкрепляемой композиционными оборотами пушкинских времен, тоже давно десемантизированными: «Блажен, кто...», «Прими ж...», «А ныне...», «Скажу ль...». «Классическая заумь» — удачно назвал этот стиль Мандельштама один из критиков (26). Действительно, в своем обращении со «словом как таковым» Мандельштам нередко сближался с футуристами, дружил с Бенедиктом Лившицем и высочайше ценил работу Велимира Хлебникова.

Замечательный образец такой поэзии «блаженного, бессмысленного слова» — стихотворение «Соломинка», написанное еще в 1916 году (27). Оно обращено к красавице Саломее Андрониковой; из ее имени Мандельштам сделал ласкательное прозвище «Соломинка» и, чтобы уничтожить в

этом слове остатки прозаичности («солома», «пить через соломинку»), написал это стихотворение. Слово здесь десемантизируется повторением и нанизыванием созвучных слов: «соломка», «сломалась», «смерть», «смертный», «спишь», «спальня», «спокойный», «бессонный», «омут», «комната» и, наконец, «слова». Имя «Саломея» он раздваивает на «Соломинку» и «Лигейю» (героиня Эдгара По, умирающая и воскресающая в чужом теле), из этого намечается смутный сюжет: «Саломея» жалуется на смертную бессонницу, «Соломинка» действительно умирает, а «Лигейя» остается жить в поэте. Настойчивые повторения представлены как подыскивание слов: все текуче, подбираются не прилагательные к существительным, а существительные к прилагательным (струится голубой лед — струится голубая кровь), из мысли «жалостью убиты все слова <к Соломинке>» рождается мысль «убита жалостью <сама> Соломинка». После того как слова найдены («Я научился вам, блаженные слова»), начинается вторая часть стихотворения: интонация становится твердой, строки и полустроchia перестраиваются в новом, зеркальном порядке, но логика их следования от этого теряется еще более. Смысл настолько размыт, что первая строчка дважды печаталась с опечаткой, и это не замечалось (вместо «Когда, Соломинка, не спишь» — «Когда... ты спишь», как будто все дальнейшее — во сне). Для звуков Мандельштам не щадит даже очень дорогое и глубокое: «соломинка» «в круглом омуте» зеркала и кровати напоминает «тростинку» («стебель») «в омуте» трех ранних стихотворений Мандельштама, одно из которых («Неумолимые слова...») изображало не что иное, как Христа на кресте.

Однако не случайно, что этот самый яркий пример второй, верленовской, поэтики Мандельштама, «музыки без слов» («звучащих слепков формы»), относится к уже отступившему в прошлое 1916 году. Пока Мандельштам подводил итоги и намечал программу в статьях 1921—1922 годов, собственная его практика стала иной. Стихи 1922 года очень непохожи на стихи 1920 года. Из четырех пунктов программы «Слова и культуры» и смежных статей — культура как советник государства, эллинистическое обживание мира, слово-Психея и классицизм — первый и последний раньше всего показали свою несостоятельность, а два других приобрели существенно иной вид.

Если первые свои три года большевистское государство действительно держалось на грани гибели, то к 1922 году оно уже утвердилось прочно и не боялось того, что Мандельштам называл пожирающим временем. Соответственно и отноше-

ние его к культуре оказалось лишь «терпимостью», и терпимостью в очень строгих рамках: это было продемонстрировано высылкой интеллигентской элиты в 1922 году. То, что для государства было терпимостью, для культуры было претерпеванием. Еще в 1913 году, варьируя образ камня, Мандельштам написал строки, которые могли теперь казаться пророческими: «Россия, ты, на камне и крови, Участвовать в твоей железной каре Хоть тяжестью меня благослови!» Участвовать в каре — разумеется, только в качестве жертвы: образ священной соли, очищающей жертву перед заклятием, именно в это время, как мы увидим, появляется у Мандельштама с навязчивой настойчивостью. Историческая необходимость этой кары, этой революции оставалась для него вне сомнений. В 1924 году он ходил прощаться к гробу Ленина, которого называл когда-то «октябрьский временщик». Свое отношение к пролетариату он называл «присяга чудная четвертому сословию и клятвы крупные до слез» (28) (и точно датировал их: «двадцатый вспоминая год»). Н. Я. Мандельштам недовольно вспоминала, что эта присяга обязывала его к примирению с советской действительностью — «но без смертной казни». (Кровопролития он не принимал ни с одной стороны: когда Л. Каннегиссер, эсер и поэт, застрелил Урицкого, Мандельштам сказал: «Кто поставил его судьей?») Отличать высокий идеал от безобразных форм его воплощения он умел: учителем его был Андре Шенье, который одою прославил присягу третьему сословию и ямбами бичевал его вождей; Шенье привлекал его внимание еще с 1914 года совмещением гражданственности и ностальгии по эллинскому золотому веку. Другой формулировкой его отношения к новому миру была строка: «Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому», несмотря на «жестоких звезд соленые приказы» (кантовский императив или современная эмблема?) — в противоположность загадочным заговорщикам, стилизованным под декабристов с пуншем и араком, которые еще не знают, что «вернее — труд и постоянство».

Он по-прежнему верит, что «опара» новой жизни может взойти лишь на закваске старой культуры, но пишет об этом в стихах гораздо менее торжественно, чем в статьях: «И свое находит место Черствый пасынок веков — Усыхающий довесок Прежде вынутых хлебов». Он не гнушается откликами в стихах на современность и даже злободневность. Еще в 1920 году (в Феодосии, при Врангеле) он писал для публичного исполнения «Актера и рабочего»; теперь он перелагает в стихи свою статью «Пшеница человеческая» — то обличая «власть немногих» в ответ на угрозу авиационной войны

(«Опять войны разноголосица...»), то изображая спасение Европы для вселенского интернационала («С розовой пеной усталости у мягких губ...»). Но сложность стиля его такова, что вряд ли кто в широкой публике понял первое стихотворение и вряд ли кто из любителей увидел во втором что-то большее, чем аллегория, списанную с картины Серова.

Что касается классицизма, то он оказался недостаточно глубоким слоем культуры, чтобы, опираясь на него, цивилизовать «жестоковыйный век». В статье «О природе слова» Мандельштаму думалось, что страницы культуры раскрылись современному читателю на Гомере, Расине, Гофмане и Шенье. Оказалось, что они раскрылись на Гомере и народном эпосе — таком, как «Гоготур и Апшина» Важа Пшавелы или как «Песнь о Роланде» и другие старофранцузские героические поэмы. «Гоготура» Мандельштам переводил в 1921 году по заказу Табидзе и Яшвили, отрывки из французского эпоса он безуспешно предлагал в печать в 1922 году; и в том и в другом у него усилены черты архаической простоты и неловкой мощи. Недаром Мандельштам заявлял, что не литература, а живой язык организует общество: в поэзии важна не «тема», а «прием», потому что тема — от литературы, а прием — от языка («Буря и натиск»). В критических статьях 1922—1923 годов, говоря об «изобретении» и «воспоминании» в поэзии, он отдает предпочтение «воспоминанию», но героями его считает не неоклассиков, а Хлебникова и Пастернака. Мандельштам отстраняется даже от ближайших ему лиц: стихи Ахматовой — это «паркетное столпничество», а стихи Цветаевой — «богородичное рукоделие». Молодому поэту он пишет: «Ощущенье времени меняется. Акмеизм 1923 г. — не тот, что в 1913 году. Вернее, акмеизма нет совсем. Он хотел быть лишь „совестью“ поэзии. Он суд над поэзией, а не сама поэзия», — рациональное мастерство заменяется иррациональной совестью. На иррациональности Мандельштам настаивает: только «естественная иррациональная поэзия» дает накопление и приращение энергий в культуре («Литературная Москва»).

Все иррациональнее он становится даже в собственной работе над стихом: не подчиняет слово, а подчиняется слову. Начиная стихи о сеновале и комариной песенке, связующей человека с древним хаосом (тютчевский образ), он как будто сам не знает, хочет он соединить или разъединить «связь крови» со «звоном трав», примеривает и то и другое и получает два стихотворения с противоположно направленными концовками («Я не знаю, с каких пор...» и «Я по лесенке приставной...») (29). Такая работа на ощупь у поэтов не

редкость; редкость то, что оба стихотворения он печатает подряд, не смущаясь их смысловой разнонаправленностью. Впоследствии такие «двойчатки» и «тройчатки» станут у Мандельштама обычными.

Прощанием с классицизмом становится для него стихотворение «Концерт на вокзале» 1921 года — о тех концертах детских лет в Павловске, которые он поминает в «Шуме времени». Здесь сталкиваются культура и современность, «железный мир» и завораживающее «пенье аонид»; но победа не совершается, с одной стороны — «скрипичный строй в смятении и слезах», с другой — «железный мир так нищенски дрожит»; и «запах роз в гниющих парниках» ничуть не лучше, чем червивый небосвод (образ из стихов Д. Бурлюка). В «пенье аонид» слово вернулось в музыку, как призывал он когда-то в «Silentium», но гармонии из этого не произошло. Воспоминания начала века невозродимы, стихотворение кончается реминисценцией из Тютчева: «на тризне милой тени в последний раз нам музыка звучит», — в тютчевском «Лютеранине», так много значившем для Мандельштама, говорилось: «в последний раз вам вера предстоит» и «в последний раз вы молитесь теперь». Это прощание словами Тютчева с музыкой Верлена.

«Классическая заушь» перестает быть классической. На смену словам изящным и античным приходят слова основоположные, простые и тяжелые: соль, совесть, холст, правда, земля, вода, беда, смерть. Это из стихотворения конца 1921 года «Умывался ночью на дворе...», написанного после вести о расстреле Гумилева; в рифмующей строчке — «звездный луч — как соль на топоре» (30). В следующем стихотворении появляются «немного теплого куриного помета и бестолкового овечьего тепла», «глиняная кринка», «теплота сутлинка» и т. д. «Глиняная кринка» здесь — из того домашнего эллинизма, о котором Мандельштам писал в статьях, но «соль» с ее многозначительной символикой пришла из другой, иудейской культуры — от Числ. 18, 19 до Марк. 9, 49, — «ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва кровью осолится»: соль и совесть становятся соседями. Музыка стиха, которой держались интонации «Тристий», исчезает из новых произведений Мандельштама. Рифмы его становятся нарочито небрежными (вызывая попреки Брюсова), а наряду с привычными классическими размерами появляются и угловатый ритм стихов о Европе, и свободный стих «Нашедшего подкову», и хаотические эксперименты в переводах со старофранцузского.

Три произведения подводят итог этому революционному периоду творчества Мандельштама — три и еще одно. Прологом служит маленькое стихотворение «Век»: «Век мой, зверь мой, кто сумеет Заглянуть в твои зрачки И свою кровью склеит Двух столетий позвонки?..» Веку перебили спинной хребет, связь времен прервана, и это грозит гибелью не только старому веку, но и новорожденному: «снова в жертву, как ягненка, темя жизни принесли». Вернуть ему жизнь может только искусство — «узловатых дней колена нужно флейтою связать», привести его к «мере века золотой» — человеку. В подтексте здесь и «Флейта-позвоночник» Маяковского, и Орфей, просветитель человечества, теряющий Евридику от укуса гадюки (31).

Большая элегия «1 января 1924» тоже начинается образом умирающего века с глиняным ртом, который просит у измученного сына спасительного «потерянного слова» (32). («Глиняный рот» — от символического истукана в книге Даниила, 2, 31 и у Данте; для Мандельштама это образ «голодного государства» XX века, которое заслуживает жалости.) Сын века, поэт сам умирает с веком и уже чувствует «известь в крови» (в «Тристиях» это называлось «сухая кровь»). Он пускается в болезненный поиск: «с известью в крови для племени чужого ночные травы собирать». Путь его — по ночной современной Москве, мимо малинового света аптек («аптечная малина», нынешний аналог целебных «ночных трав»). Вокруг — шум трактиров и канцелярский стук пишущих машинок. «Случайная сытость» нэпа заставляла Мандельштама вспоминать «суровую и прекрасную зиму» 1920 года (очерк «Шуба»), канцелярский стук означал хищный «щучий суд» голодного государства. И все же эту современность нужно не отвергать, а принимать: «пишущих машин простая сонатина — лишь тень сонат могучих тех», которые в революционные годы звучали «присягой чудною четвертому сословью». Возникает причудливый символ: косточка-клавиш ундервуда — это «щучья косточка», талисман, часть, спасающая от целого, от бесчеловечности нового века, губительной для него самого. Если найти ее, то «известковый слой в крови больного сына растает, и блаженный брызнет смех». Мы видим: стихотворение построено связно, даже сюжетно, но символические образы, сцепляющиеся в сюжет, выглядят настолько странно, что смысл почти ускользает от читателя.

В «Нашедшем подкову», самом длинном стихотворении раннего Мандельштама, наоборот, каждый образ представлен естественно, зримо и выпукло, но связь между ними

затушевана до предела: это знакомая нам поэтика разорванных звеньев (33). Она мотивирована подзаголовком «пиндарический отрывок»: к Пиндару, возвышенно-безудержному греческому лирику V в. до н.э., восходит и отрывистая композиция, и свободный стих, и формула «С чего начать?..», и центральный образ мчащегося и рухнувшего коня, память о котором — подкова. Девять строф стихотворения связаны вечной темой Мандельштама — преемственность и разрыв. В стволах леса мы видим будущие корабли, в кораблях — бывший лес. Песню спасает от забвения имя прославляемого адресата, но у нынешней песни адресат — лишь грядущий, дальний и неведомый (вспомним давнюю статью «О собеседнике»). Стихи слились в хаос «воздух — вода — земля», он вспахивается поэзией (вспомним статью «Слово и культура»), но слишком часто, чтобы из него что-то могло взойти. Золотая зра прошлого отзвенела, вместо голоса остались лишь очертания губ, которым больше нечего сказать. Так от бега коня остается подкова: она приносит счастье, но сама уже ничто. Так и я, поэт, — лишь след прошлого, и меня уже нет; я — как старинная монета, которой можно любоваться, но на которую ничего нельзя купить. В «1 января 1924» поэт смотрел с надеждой в будущее — здесь он видит себя только в прошлом. Образ рухнувшего коня становится символом старой России (через «Медного всадника» и державинскую «Колесницу»); строка о разрыве времени «Дети играют в бабки позвонками умерших животных» уводит не только к собственному «Веку» и к последнему царевичу-рюриковичу в Угличе, но и к Гамлету и к Гераклиту; а загадочное имя Нееры в центральной строфе (пришедшее из античности через Шенье и Мореаса) заново осмысливается как «новая зра».

Если прошлое с будущим можно связать только поэзией, то какую должна быть эта поэзия? На это Мандельштам отвечает самым сложным из своих итоговых стихотворений — «Грифельной одой» (34). В 1816 году умирающий Державин начертил на грифельной доске последние свои строки о бренности всего земного: «Река времен в своем стремлении Уносит все дела людей И топит в пропасти забвенья Народы, царства и царей...» Мандельштам выходит на спор против этого: нет, время не только рушит, а и творит — хотя бы вот эти державинские стихи. Исходным образом для него становится известный портрет Державина: в меховой шапке он сидит в позе патриарха под огромной скалой в ущелье, видимо, проточенном водой. Мандельштам называет этот горный кремень «учеником воды проточной» и пишет, как «под теплой шапкою овечьей» в горных недрах

созревает черновик кремневой поэзии. Бушующий день разрушительен («голодная вода» реки времен и — знакомый символ — «в бабки нежная игра»); но бушующая ночь восстанавливает стихийную память («твой ли, память, голоса учительствуют, ночь ломая?») — и в творческом напряжении родится равновесие, «кремня и воздуха язык, с прослойкой тьмы, с прослойкой света». Так сочетаются день и ночь, твердый кремень и аспидный сланец, символ порыва — подкова и символ вечного возвращения — перстень. Поэзия одолевает время, когда корни ее не в культуре, а в природе. Эта и без того сложная картина дополнительно зашифровывается. Удаляются намеки на Державина («патриарх» со сланцевой дощечкой остается лишь в черновиках), вместо них вводится в зачине ложная отсылка к Лермонтову («кремнистый путь...»). Перифразы усложняются до вычурности: о реке, отражающей деревья, говорится: «изнанка образов зеленых»; о том, что в горных недрах пение стихий превращается в связный язык: «обратно в крепь родник журчит пепочкой, пеночкой и речью» (в «пеночке» здесь — и птица, и пение, и та пена музыки, из которой в «Silentium» рождалась Афродита). Шероховатая затемненность отпугивала от этого глубокого произведения даже опытных ценителей: «тусклая мозаика из колюче-жестких, как рыба чешуя, слов», — писал Георгий Иванов, друживший когда-то с Мандельштамом в его акмеистические годы.

Сведя этот расчет с временем, Мандельштам замолкает: после «1 января 1924» — за два года четыре стихотворения, а потом пятилетнее молчание. Он переходит на прозу: в 1925 году появляются воспоминания «Шум времени» и «Федосия» (тоже сведение счетов с временем), в 1928 году повесть «Египетская марка» («наша жизнь — это повесть без фабулы и героя, сделанная из пустоты и стекла, из горячего лепета одних отступлений, из петербургского инфлуэнзного бреда...»). Стиль этой прозы продолжает стиль стихов: такая же краткость, такая же предельная образная нагрузка каждого слова — метафоры в крупных образах, метонимии в мелких, — такая же отрывистость пропущенных звеньев, такой же монтаж фрагментов, как в «Домби и сыне» или в «Нашедшем подкову», такое же «остраннение», как в бытовых стихах «Камня» («формальная школа» в поэтике, выдумавшая этот термин, была близка Мандельштаму) (35). Такова же и жадная обращенность к культурной традиции («каждую пташу он должен положить обратно в культурное гнездо, из которого она выпала») (36), таково же и болезненное столкновение большого и грозного с маленьким и хрупким — во всем, от

сюжета до метафор. Герой повести Парнок, маленький человек, потомок Башмачкина и Голядкина, несет явные автопортретные черты, от походки до музыкальных вкусов: это как бы сам Мандельштам, из которого вынута только самое главное — творчество; и повесть разрывается восклицанием: «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока! Дай мне силы отличить себя от него!»

3

С 1924 года Мандельштам живет в Ленинграде и Детском Селе, с 1928 года в Москве. На жизнь приходится зарабатывать переводами: 19 книг за 6 лет, не считая редактур. Пытаясь спастись от этой обесценивающей работы, он уходит в газету «Московский комсомолец», но это оказывается еще тяжелее. Внешне ему живется не хуже, чем многим: его поддерживает Н. И. Бухарин, в 1928 году ему удается напечатать целых три книжки («Стихотворения», «Египетская марка» и «О поэзии»). Но внутренне его все больше мучит душевный разлад. В новый мир он не вписывается и ощущает себя в нем таким же маргиналом, каким он был когда-то на первых жизненных шагах (о которых вспоминал в «Шуме времени»). Тогда он искал самоутверждения через приобщение к мировой культуре и находил его в литературных кружках. Теперь он ищет самоутверждения, стараясь поделиться мировой культурой с новым обществом, и делает это вполне искренне. Он сам новый человек в культуре и сочувствует тем массам новых людей, которым доступ к ней открыла революция. Он отстаивает интересы рабочих и молодежных читателей («О переводах»); ищет в литературе «героическую ласку к человеку толпы» («Жюль Ромэн»). Себя он ценит именно как работника на этом фронте (как тогда говорили) и не желает донашивать свою старую и узкую известность («фигурять Мандельштамом», как он пишет жене). В 1928 году, отвечая на анкету, он пишет: «Октябрьская революция не могла не повлиять на мою работу, так как отняла у меня „биографию“, ощущение личной значимости. Я благодарен ей за то, что она раз навсегда положила конец духовной обеспеченности и существованию на культурную ренту. Подобно многим другим, чувствую себя должником революции, но приношу ей дары, в которых она не нуждается». Литература уже была частью политики, и культурные ценности определялись централизованно. Отказавшись от «личной значимости» по старым критериям и лишаемый «личной значимости» по новым критериям, Мандельштам

оказывался в кричащем одиночестве: все больше чувствовал себя человеком, «который потерял себя» («1 января 1924»). Отсюда нервные срывы, отсюда бурные скандалы; его начинали травить, и он мучительно раздувал каждую свою обиду. «Задиристый», «хорохорящийся» — все чаще рисуют его современники; «ярость ветхозаветного пророка» вспоминает в нем Ахматова. Первый из таких скандалов оказался толчком к подъему новой мощной волны поэтического творчества; второй — косвенным поводом к аресту, ссылке и в конечном счете гибели.

В 1928 году произошло издательское недоразумение: вышла книга, отредактированная Мандельштамом, где он по ошибке был назван не редактором, а переводчиком. Мандельштам принес извинения, но через полгода «Литературная газета» прямо обвинила его в плагиате, халтуре и эксплуатации чужого труда. Завязалась жестокая полемика, дело перешло в конфликтную комиссию, Мандельштама допрашивали о его прошлом, особенно о белом Крыме («мы знаем все про... других — должны и про вас все знать»). Обвинение было признано безосновательным, но «морально ответственным» за случившееся был объявлен Мандельштам. Взбешенный, он ответил письмом в Федерацию объединений советских писателей: «... я запрещаю себе отныне быть писателем, потому что я морально ответственен за то, что делаете вы». Из этого письма в 1930 году выросла «Четвертая проза», яростный памфлет, в котором скрестились впечатления от литературной травли и от «Московского комсомольца». «Мы... правим свою китайщину, зашифровывая в животнотрусливые формулы великое, могучее, запретное понятие класса...» «Литература везде и всюду выполняет одно назначение: помогает начальникам держать в повиновении солдат и помогает судьям чинить расправу над обреченными...» «Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух. Писателям, которые пишут заведомо разрешенные вещи, я хочу плевать в лицо...» и т. д. Н. И. Бухарин выхлопотал ему командировку на Кавказ — в Армению и Тифлис. Здесь в октябре 1930 года он снова начинает писать стихи. Два побуждения были этому причиной. Во-первых, душевный опыт разрыва с официальной литературой: перестав быть писателем, он вновь стал поэтом. Во-вторых, впечатления от древней горной страны на стыке Запада и Востока, которая по памяти была аванпостом эллинского христианства, а по виду — «младшей сестрой земли иудейской». Мандельштам нашел здесь ту культуру, вырастающую не из книг, а из кремней, которую он искал еще в «Грифельной оде».

«Разрыв — богатство. Надо его сохранить. Не расплескать...» — писал Мандельштам жене. Разрыв с литературой был этическим выбором, который оплодотворял поэзию. «Ты в каком времени хочешь жить? — Я хочу жить в повелительном причастии будущего, в залоге страдательном: в „долженствующем быть“» — начинается одна из глав «Путешествия в Армению». Волевой порыв притягивает его внимание во всех областях. Он увлекается биологией Ламарка, потому что в ней организм откликается на среду усилием воли, а не простым выживанием или вымиранием: растение — «это событие, происшествие, стрела, а не скучное бородатое развитие». Он переносит эмбриологическую концепцию силового поля на заветно близкое ему ощущение культурной памяти: «ведь процесс узнавания, увенчанный победой усилия памяти, удивительно схож с феноменом роста». Он пишет большой «Разговор о Данте», настаивая: стихи — это не форма, а формообразование, и не формообразование, а порообразование.

Этот разрыв был так важен для Мандельштама, потому что он порвал с самым дорогим, что у него было: не с государством, а с культурой. Та культура, к которой он стремился, которой служил всю жизнь, оказалась присвоена государством: в этом его убедили годы переводческой работы. Писавший о филологической домашности культуры, теперь он пишет: «Чем была матушка-филология и чем стала? Была вся кровь, вся нетерпимость, а стала пся-кровь, стала все-терпимость...» («Четвертая проза»). В стихотворении о Ламарке он называет жизнь на земле «выморочной», не имеющей наследников; такова же для него и культура в обществе (37). Разрывая с культурной традицией, он как бы берет на себя создание новой культуры, от нуля, из кремня, не опирающейся ни на Тютчева, ни на Верлена. Это будет третья его поэтика.

Внешним знаком этой переориентировки культуры стала перемена в отношении Мандельштама к иудейству (38). Раньше оно претило ему замкнутостью, отторгнутостью от мирового единства, — теперь, когда он сам противопоставляет себя официальным наследникам мировой культуры, именно это в иудействе и становится для него привлекательным. «Я настаиваю на том, что писательство в том виде, как оно сложилось в Европе и особенно в России, несовместимо с почетным званием иудея, которым я горжусь. Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского отродья» («Четвертая проза»). В стихотворении «Канцона»,

рисую геологический рай первородной культуры (на который смотрит Зевс-краснодеревец в цейсовский бинокль царя Давида — мимоходный образ синтеза культур), он видит над ней «начальника евреев» и хочет там сказать «села» («аминь») в конце своей судьбы. Речь здесь, как всегда, о культуре, а не о религии или расе (хотя в подтексте присутствуют, конечно, и сионизм, и Озет): араратское небо «выдуманно в духе древнейшего атеизма», и Библия для Данте не святыня, а «предмет, обыгрываемый при помощи горячего репортажа и страстного экспериментирования».

Разрыв с официальной культурой не означал для Мандельштама разрыва с временем, он означал разорванность времени. Не он один, а все современники потеряли общность: «Мы живем, под собою не чуя страны, Наши речи за десять шагов не слышны», — будет сказано в эпиграмме на Сталина. Все несут за это общую вину: «Я и сам ведь такой же, кума», — говорит герой Мандельштама, против воли принимая людоедское угощение от шестипалой Неправды (шестипалость — тоже намек на Сталина). Избранная им роль отщепенца — не уникальна: такими же изгоями были разночинцы середины прошлого века, начиная со «старейшего комсомольца, Акакия Акакиевича» (и таким же разночинцем в своем веке был Данте, утверждает Мандельштам). Он чувствует себя их наследником и говорит с ними «мы»: «Чур! Не просить, не жаловаться! дыц! Не хныкать! Для того ли разночинцы Рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал? Мы умрем, как пехотинцы, Но не прославим ни хищи, ни поденщины, ни лжи» (в подтексте здесь — свое собственное «Прославим, братья, сумерки свободы...»).

Выпав из одной традиции, хозяев культуры, Мандельштам попадает в другую традицию, хранителей чести и совести. Он вынужден объясниться и делает это в двух программных стихотворениях, очень ясном и очень темном. Первое — «С миром державным я был лишь ребячески связан...». Поначалу это — почти парафраз «Шума времени»: «я не буржуа, я маргинал старого мира: принадлежать его культуре — не значит принадлежать его привилегированному классу». Но последняя строфа (над которой Мандельштам долго колебался) переосмысливает сказанное. В ней вспоминается теннисоновская «лэди Годива» на детской картинке, — чтобы избавить свой народ от невыносимой подати, она по уговору проехала нагая через целый город: вот так и поэт приносит себя в жертву за людей, к которым он не принадлежит. Второе стихотворение (39):

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья
и дыма,
 За смолу кругового терпенья, за совестный деготь
труда.
 Как вода в новгородских колодцах должна быть
черна и сладима,
 Чтобы в ней к Рождеству отразилась семья
плавниками звезда.

 И за это, отец мой, мой друг и помощник мой
грубый,
 Я — непризнанный брат, отщепенец в народной
семье —

 Обещаю построить такие дремучие срубы,
 Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.

 Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи —
 Как, прицелясь насмерть, городки зашибают
в саду, —

 Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубашке
 И для казни петровской в лесу топорище найду.

Обращено стихотворение, вероятнее всего, к русскому языку. Сквозной образ стихотворения — колодезные срубы: в первой строфе на дне их светится звезда совести (образ из Бодлера), во второй расовые враги топят в них классовых врагов, в третьей они похожи на сложенные городки, по которым бьют. Это значит: если в предыдущем стихотворении поэт жертвовал собой за класс, которому он не принадлежал, то в этом он принимает на себя смертные грехи народа, которому он чужд. Кончается оно двусмысленно: поэт обещает найти топорище (не обух!) то ли на казнь врагу, то ли самому себе. Мы видим, что отношение поэта к отвергнутому современному миру сложнее, чем кажется с первого взгляда.

То же относится даже к такому знаменитому стихотворению, как «За гремучую доблесть грядущих веков...», где старый век — волк, новый — волкодав, и герой как бы говорит веку-волкодаву: ради общего будущего я лишился и прошлого и настоящего, однако я не волк старого века, и меня не убить. Дело в том, что эти слова принадлежат «чужому голосу». Осознанный ритмический подтекст стихотворения — Надсон («Пусть неправда и зло полновластно царят...»); в черновиках оно было вложено в уста то ли вождем революции, то ли его антагонисту и перебивалось другим голосом: «Я — трамвайная вишенка страшной поры и не знаю, зачем я живу...» (потом второй голос выделился в

самостоятельное стихотворение); а последняя строчка в нем четыре года звучала: «... и неправдой искривлен мой рот» — шестипалой надсоновской неправдой. Это было бы неважно, если бы сам Мандельштам не настаивал на том, что в тексте сохраняется «энергетика» черновиков — их лавирование между противоположными направлениями мысли («Разговор о Данте»). Революционный фон многоголосья опирается здесь на поэму Хлебникова «Настоящее», образ волкодава пришел из I песни Данте, а слова «шапку в рукав» — спор с Пастернаком, у которого упоминается «рифма — ...гардеробный номерок» как бы не для участника, а для постороннего зрителя истории. Техника реминисценций и подтекстов в новой поэтике Мандельштама ничуть не менее искусна и сложна, чем в старой.

Стихи о веке-волкодаве — это как бы отпор собственному стихотворению «Век»: в «Веке» новый век был нежным жертвенным ягненком, теперь он стал хищным волкодавом. Такой спор со своим же прошлым звучит у Мандельштама на каждом шагу. Акмеистическая вещность комфортного мира превращается в иронический каталог «Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня...» (40). Вместо «Нет, никогда, ничей я не был современник...» (и далее — аллегорические образы), он пишет: «Пора вам знать, я тоже современник, Я человек эпохи Москвошвея — ...Попробуйте меня от века оторвать!» Камень в первой книге был мертвой твердостью и тяжестью — теперь это сгусток динамики, «импрессионистический дневник погоды, накопленный миллионами лихолетий». А на смену бесплотной музыкальности «Триствий» приходят вещественные, осязаемые, часто грубые образы, наметившиеся еще в стихах про соль и совесть, холст и правду. Вместо «слово» он говорит теперь «губы» или «рот», вместо «туман и тишина» — «земля и глина», вместо «человек» — «люди» и «страна»; вместо «блаженный» — «хороший», вместо «тяжелый» и «прозрачный» — «жирный» и «кривой». Являются научные слова и понятия, обычно из геологии и биологии («Вас, держатели могучих акций гнейса...», «Иль ящерицы теменной глазок»). Целое стихотворение «Канцона» посвящено остроте зрения (ср. «покуда глаз — хрусталик кравчей птицы»), а другое, « — Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...» — всем пяти чувствам: «мокрая шепоть», «мягкая копоть», «сиреневый пожар», «рыжая земля», «пахнет... смолою да... ворванью», «свист разрываемой марли да рокот гитары карболовой». Как бы программой эта новая чувственность выплескивается в прозе на последней странице «Путешествия в Армению», где пленному царю в

темнице перед смертью дают в дар один день, «полный слышания, вкуса и обоняния». Вместо общечеловеческого — человеческое, вместо абстрактного — конкретное, вместо духовного — телесное, — так определяет новую образность Мандельштама современный исследователь (41). А носителем этого ощущения и осмысления мира становится четко выраженное авторское «я». Само местоимение «я» выступает в московских стихах вдвое чаще, чем когда-то в «Камне». Притом в «Камне» это «я» — стороннее и зрительское («рассеянный прохожий...»), в «Тристиях» — условное и робкое, с начала 1920-х годов оно приобретает внутреннюю отчетливость и глубину, а в московских стихах получает адрес, окружение и биографию. Только такое «я» может активно противостоять действительности.

Через это «я» в новых стихах распахивается расширяющийся мир с очень четкой структурой. Стихи начались с цикла «Армения» — и она остается в них стойкой точкой отсчета. Армения — вечная: ей противопоставляется Ленинград как прошлое («Петербург! я еще не хочу умирать...») и Москва как настоящее (белые стихи 1931 года, постепенно переходящие от «буддийской» застойности к молодежной стремительности) (42). За ними — огромная русская культура, милая домашностью и страшная стихийностью: «Стихи о русской поэзии», легко и сложно варьирующие сон онегинской Татьяны. Русской поэзии противопоставляются немецкая и итальянская (43). Немецкая — «родная», потому что выходцами из Германии были предки Мандельштама и потому что центральный образ стихов «К немецкой речи» — бог-Нахтигаль — образ жертвенный, это соловей, своею кровью примиряющий всех птиц в ироническом стихотворении Гейне (44). Итальянская — «чужая», потому что нововученный язык непривычен губам и небу «мыслящего рта» («Не искушай чужих наречий...»): в новом мире Мандельштама культура стала вещественной и труднее образует единство. Тем не менее Мандельштам продолжает мечтать о синтезе культур «в одно широкое и братское лазорье» (но ироничен к официальному интернационалу, в котором в это же время «меня на турецкий язык японец какой переводит»). Синтез этот дается трудно: четыре стихотворения Петрарки, вошедшие в «Новые стихи», — это перевод не только с языка на язык, но и со стиля на стиль, с бесплотного — на вещественный. Таково разворачивание мандельштамовского мира вширь; глубину же ему придает цикл философских «Восьмистиший», отколовшихся от разных стихотворений. Их сквозная тема — творческое познание действительности, а их

сгущенный метафорический язык до сих пор удовлетворительно не расшифрован.

Все эти черты новой поэтики Мандельштама складываются в две основные установки: культ творческого порыва и культ метафорического шифра. Обе они биографически обусловлены. Мандельштам стал поэтом непечатающимся, он пишет только для себя, ощущает себя наедине с языком, а не с собеседником. (Редкие публикации его продолжали появляться, но это были исключения из правила. Молодому поэту, попробовавшему пожаловаться, что его не хотят печатать, Мандельштам кричал вслед: «А Андрея Шенье печатали?.. А Иисуса Христа печатали?») Он пишет много, как будто ведет стихотворный дневник, хотя и с большими перерывами. Он пишет связно: надиктованные им строфы размножаются метафорическими ассоциациями, и из них подчас составляются по два и по три стихотворения, развивающие один и тот же замысел (как еще в «Соломинке» и в «Сеновале»). Чтобы понимать Мандельштама, все важнее становится знать не только подтекст его реминисценций из прежней поэзии, но и контекст его переключек с собственными стихами и даже с собственной жизнью. Без этого стихи его все чаще могут показаться читателю загадкой без разгадки. Он твердо говорит: «Я — смысловик» (споря с собственной формулой «блаженное бессмысленное слово»), однако этот смысл все реже выражается прямо: московские стихи все-таки яснее «Грифельной оды», но воронежские подчас едва ли не темнее. Если в первой его поэтике больше чувствовался Тютчев, а во второй Верлен, то в этой третьей — великий «колебатель смысла» Рембо. В «Разговоре о Данте» он прямо говорит, что дальше всего от дорогой ему динамической поэтики парнасцы (столь чтимые когда-то акмеистами), «гораздо ближе Бодлэр, еще ближе Вердэн, и наиболее близок... Артур Рэмбо» (45).

«Разговор о Данте» (1933) может считаться таким же программным изложением для третьей поэтики Мандельштама, каким для второй его поэтики были статьи 1921—1922 годов. Все наблюдения, импрессионистически яркие, относятся здесь к «Комедии» Данте, но все обобщения — только к тем стихам, которые пишет и хочет писать сам Мандельштам. Ключевое понятие этой поэтики — «порыв»: философия Бергсона, близкая Мандельштаму смолоду, здесь слышней, чем когда-либо раньше (46).

«Говоря о Данте, правильнее иметь в виду порывообразование, а не формообразование». «В поэзии, в пластике и вообще в искусстве нет готовых вещей». «Готовая вещь есть

не что иное, как каллиграфический продукт, неизбежно остающийся в результате исполнительского порыва». Поэтический труд — это «непрерывное превращение материально-поэтического субстрата, сохраняющего свое единство и стремящегося проникнуть внутрь себя самого», формообразование, посредством которого «пространство как бы выходит из себя самого». «Вещь возникает как целокупность в результате единого дифференцирующего порыва, которым она пронизана», это «силовой поток» вспыхивающих и гаснущих частных в «стремящейся между смыслами и омывающей их материи»: вещь создается не накоплением частей, а дифференциацией целого — как мандельштамовские «двойчатки» из единого замысла.

В порыве становления вещи меняется не только словесная ткань, но и сами поэтические орудия, ткущие эту ткань. Образы, готовые результаты, все, что поддается в поэзии пересказу, — ничто для поэта. Сравнение у Данте «никогда не диктуется нищей логической необходимостью». «Все машинальное ему чуждо. К каузальной причинности он брезглив». Вместо причинных связей действуют синхронные, ассоциативные, на ходу претерпевающие великолепные метаморфозы. «Представьте себе самолет... который на полном ходу конструирует и спускает другую машину. Эта летательная машина так же точно, будучи поглощена собственным ходом, все же успевает собрать и выпустить еще третью. ...Разумеется, только с большой натяжкой можно назвать развитием эту серию снарядов, конструирующихся на ходу и выпархивающих один из другого во имя сохранения цельности самого движения». Мы видели по таким ассоциативным стихотворениям, как «На розвальнях...» или «Грифельная ода», насколько далеко могут залетать эти самолеты.

Поэт сам есть лишь звено в динамической цепи метаморфоз, а не часть статичной культуры. Он существует лишь в своем стремлении выйти из себя, утвердиться иным. Данте — «внутренний разночинец XIV века», у него «чисто пушкинская камер-юнкерская борьба за социальное достоинство и общественное положение поэта». «Хочется указать... на его страх перед прямыми ответами, быть может, обусловленный политической ситуацией опаснейшего, запутаннейшего и разбойнейшего века... Каждое прямое высказывание у Данта буквально вымучивается... При этом у самого Данта после отчаянного усилия дергается подбородок и запрокидывается голова: ...*Così gridai colla faccia levata* <Так вскричал я, вскинув лицо>». Мандельштам приписывает своему герою даже тот характерный собственный жест — вскинутую голо-

ву, — который отмечали в Мандельштаме буквально все ме-муаристы.

Обе части этой последней поэтики Мандельштама — и порыв, и уклон от прямоты — с наибольшей полнотой выразились в последних его стихах, написанных в Воронеже. Путь к ним лежал через подвиг и катастрофу.

С возвращением к стихам Мандельштам вернул себе чувство личной значимости. Зимой 1932—1933 года прошло несколько его авторских вечеров, «старая интеллигенция» его сверстников принимала его с почетом, Пастернак говорил: «Я завидую вашей свободе». Это здесь на непрременный вопрос об акмеизме Мандельштам ответил: «Это была тоска по мировой культуре». За десять лет он очень постарел и молодым слушателям казался «седобородым патриархом». С помощью Бухарина он получает пенсию (в 41 год!), с ним заключают договор на двухтомное собрание сочинений (так и не вышедшее).

Но это только подчеркивало его несовместимость с тоталитарным режимом в литературе. Редкая удача — получение квартиры — вызывает у него порыв к некрасовскому бунту, потому что квартиры дают только приспособленцам. Нервы его все напряженнее, в стихах сталкиваются «до смерти хочется жить» и «я не знаю, зачем я живу», он говорит: «теперь каждое стихотворение пишется так, будто завтра смерть». Но он помнит: смерть художника есть «высший акт его творчества», об этом он писал когда-то в «Скрябине и христианстве». Толчком послужило стечение трех обстоятельств 1933 года. Летом в Старом Крыму он видел моровой голод, последствие коллективизации, и это всколыхнуло в нем эсеровское народолюбие (стихотворение «Холодная весна. Голодный Старый Крым...»). Осенью «Правда» публикует разгромную статью против только что напечатанного «Путешествия в Армению», начинается новая литературная травля. Писательский товарищеский суд, разбирая очередной скандал — драку Мандельштама с С. Бородиным (Саргиджаном), — признает виновным обоих, Мандельштам выходит из писательской организации и потом даст пощечину председателю суда А. Н. Толстому. Теперь, в ноябре 1933 года, Мандельштам в обмен на все это сочиняет лютую эпиграмму на Сталина и под великим секретом читает ее не менее чем четырнадцати лицам. «Это самоубийство», — сказал ему Пастернак и был прав. Это был этический акт, добровольный выбор смерти. Анна Ахматова на всю жизнь запомнила, как Мандельштам вскоре после этого сказал ей: «Я к смерти готов». Справедливо было замечено (47), что даже эти предельно искренние слова для обоих звучали как цитаты из

«Гондлы» Гумилева: «...я вином благодати Опьянился и к смерти готов. Я монета, которой Создатель Покупает спасенье волков». В эти дни Мандельштам сочинял стихи памяти Андрея Белого, где умерший предстает жертвой за свое поколение, и другие, к «мастерице виноватых взоров», где говорится: «Надо смерть предупредить — уснуть».

Эпиграмма Мандельштама на Сталина замечательна тем, что полностью выпадает из основного направления его поэтики, — она ближе не к «главным» стихам Мандельштама, а к побочным, шуточным или детским, с их угловато стилизованным юмором. Если сравнить ее с такими гражданскими стихами 1917 года, как «Кассандре» и «Когда октябрьский нам готовил временщик...», то особенно видно: она направлена не против режима, а против личности, даже политическая деятельность Сталина представлена как сведение личных счетов: «кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз». Это — скрещение традиции ямбов даже не Шенье, а Архилоха с традицией карикатурного лубка или детской дразнилки, причем — на фоне цитатных ритмов гражданственного Надсона. Шестнадцать строк трудно подчинить одному пуанту, и Мандельштам строит эпиграмму на искусной последовательности кульминаций: сперва идейная («...под собою не чужа страны»), потом образная («как черви... как гири...»), потом лексическая (великолепный несуществующий глагол «бабачит» на фоне реминисценций из сна Татьяны), потом ритмическая («кому в пах, кому в лоб...»); после этого концовка самому Мандельштаму казалась слишком слабой, и он думал ее отбросить. При всем сказанном совершенно ясно: именно такая эпиграмма не против режима, а против личности Сталина должна была вернее всего привести поэта к подвижнической гибели.

В мае 1934 года Мандельштам был арестован. Следствие длилось две недели, ему не давали пить и спать, он бредил и галлюцинировал. Приговор был фантастически мягок: три года ссылки в Чердынь на Северном Урале. Жене поэта сообщили резолюцию Сталина: «изолировать, но сохранить». Несомненно, Сталин не хотел привлекать внимания к этой расправе и ее причине, а хотел отложить ее до поры более массовых репрессий. В Чердынь Мандельштам приехал душевнобольным, мучился манией преследования, в первую же ночь выбросился из окна и сломал руку. Через две недели последними стараниями Бухарина приговор был еще более смягчен: разрешено было выбрать другое место ссылки. Мандельштам с женой почти наудачу выбрали Воронеж. Здесь он живет с июля 1934-го по май 1937 года: сперва пытается писать очерки на местные темы, потом зарабатыва-

ет по мелочам в газете, на радио, в театре, потом существует лишь на скудную помощь, с трудом собираемую женой по родственникам и знакомым. Его мучит постоянное нервное истощение, астма, сердце; приступы творческой активности (апрель—июнь 1935 — первая «воронежская тетрадь», декабрь 1936—май 1937 — вторая и третья «тетради») сменяются полосами прострации, доходящей до бреда. Весной 1937 года он пишет К. Чуковскому: «Я сказал — правы меня осудившие. Нашел во всем исторический смысл... Я работал очертя голову. Меня за это били. Отталкивали. Создали нравственную пытку. Я все-таки работал. Отказался от самолюбия. Считал чудом, что меня допускают работать. Считал чудом всю нашу жизнь. Через полтора года я стал инвалидом... Я тень. Меня нет». И немногим раньше (в пушкинские дни) — Ю. Тынянову: «Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень... Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои сольются с ней, кое-что изменив в ее строении и составе». В эти дни Мандельштам работал над одой Сталину.

«Правы меня осудившие» — это утверждение означало глубокий душевный переворот. Несостоявшаяся смерть ставила Мандельштама перед новым этическим выбором, а благодарность за жизнь предопределяла направление этого выбора. Опять, как в 1920 году, Мандельштам выбрал остаться с Россией. Мы помним: добровольное отщепенство от литературы невольно стало для него слиянием с народом. А народ принимал режим и принимал Сталина: кто по памяти о революции, кто под влиянием гипнотизирующей пропаганды, кто из оцепелого долготерпения. Разночинская традиция не позволяла Мандельштаму думать, будто все идет не в ногу, а он один в ногу. Ключевые стихи Мандельштама воронежских лет — это стихи о приятии: сперва режима, потом вождя. В центре первой группы стихов — «Стансы» 1935 года, напоминающие о пушкинских «Стансах» 1826 года. В центре второй группы — так называемая ода Сталину 1937 года, напоминающая о славословиях Овидия Августу в его «Tristia».

Для приятия действительности в стихах 1935 года предпосылкой было признание истории. До сих пор Мандельштам предпочитал представлять себе лишь «вечное возвращение» или синхронный «веер прошлых лет». Теперь он представил себе прошлое, настоящее и будущее, взглянул на настоящее как на прошлое — «Мне кажется, мы говорить должны о будущем советской старины...», — и это стало оправданием настоящего. Открылась перспектива: в дальнем прошлом — угольные «пласты боли» страшного мира и «ро-

довое железо» борьбы, в них берет начало каменноугольный мозг большевиков и слезная железа поэзии (Мандельштам верен своей геологической и биологической образности); вывод: «Ты должен мной повелевать, А я обязан быть послушным...» Эти строки и получают разработку в «Стансах». Прежнее, острожничье «...до смерти хочется жить» превращается в «Я должен жить, дыша и большевея... еще побыть и поиграть с людьми!» (в этом «поиграть с людьми» — реминисценция не только из тютчевского «Играй, покуда над тобою...», но и из собственных стихов о евхаристии: «все причащаются, играют и поют»). Преступная эпиграмма, оторвавшая его от народа, — «нелепая затея»; «славных ребят из железных ворот ГПУ» он вспоминает без иронии (в черновике об этих «пушкиноведах с наганами» было сказано: «как хорошо!»); жене поэт объяснил: «все хорошо, что жизнь»). Теперь смертный прыжок вернул ему разум, он возмужал, страна ему мирволит, и в нем горит ее луч. Тема «железа», борьбы за народное дело, продолжается в «Стансах» словами о немецких братьях, гнущих шеи под Гитлером, а также в смежных стихах о гражданской войне по фильму «Чапаев»; потом к ним примкнет и стихотворение 1937 года «Как по улицам Киева-Вия...», где к собственным воспоминаниям прибавлена, видимо, реминисценция из Н. Островского (48).

Если в «Стансах» было настоящее, а в окрестных стихах — прошлое, то в сталинской оде 1937 года — будущее: «Само грядущее — дружина мудреца...». Главная строфа в оде — центральная: вертикаль — трибуна-гора, горизонталь — бугры голов, «готовых жить и умереть», крупный план лица и ключевые слова «должник сильнее иска». Иск Сталину предъявляет прошлое за все злое, что было в революции и после нее, Сталин пересиливает это настоящим и будущим; несчастья — это случайный чад вокруг большого плана. Предшествующие строфы — сближение между художником и его героем в акте творчества, Сталин поэту — «отец» и «близнец». Последующие строфы — отдаление героя от художника, герой остается исполином над обновленным миром, а поэт, искушая вину своего неверия, сливается с массой человечества и теряется в ней: «Уходят вдаль людских голов бугры: Я уменьшаюсь там. Меня уж не заметят. Но в книгах ласковых и в играх детворы Воскресну я сказать, как солнце светит». Бессмертие поэзии, мотив «памятника», становится производным от бессмертия обновленной жизни (49) «на земле, что избежит тленья», «где смерть уснет, как днем сова»: искупление завершается воскресением, стихотворение приобретает религиозную окраску. Заметим, что в деле Сталина подчеркивается не столько классовый его аспект, сколько межнациональный: не разъединяющий («рабу не быть ра-

бом...» в стихотворении, отколовшемся от оды), а объединяющий (от «ста сорока народов чтя обычай» до «...и таитянок робкие корзины» в одном из сопровождающих стихотворений) — Мандельштам продолжает мечтать о единстве человечества, на этот раз — во всемирной пракультуре. Ода окружена стихами, в том же размере варьирующими ее образы и мысли (в них и «воздушно-каменный театр времен растущих», и «мученик Рембрандт», и «ось земная», которую сосут божественные осы) (50). Над одой Мандельштам работал долго и сосредоточенно; справедливо было сказано, что это такая же индивидуальная стилизация официального громоздкого сталинского классицизма, как когда-то стихи 1914 года были сгущенной стилизацией тютчевской риторики. Как бы прологом к оде служит стихотворение «Средь народного шума и спеха...», написанное гораздо более просто; как бы эпилогом — стихотворение «Если б меня наши враги взяли...», написанное гораздо более страстно, с его финалом «...Будет будить разум и жизнь Сталин» (вариант «губить» противоречит всему строю стихотворения и, по-видимому, апокрифичен).

Вокруг этой темы приятия разворачивается художественное пространство воронежских стихов. В московских стихах мир был детализирован: Ленинград, Москва, Германия, Италия — в воронежских он гораздо более обобщен: земля, небо. Земля эта — местная, воронежская: Воронеж для поэта одновременно и место заточения, и место спасения через приобщение к земле. Место заточения — это прежде всего город, он крут и крив, гора и яма: «и переулков лающих чулки, и улиц перекошенных чуланы...». Место приобщения — черноземное поле, рабочая земля, жирный пласт, «комочки влажные моей земли и воли» (намек на воронежский съезд народников 1879 года), вокруг — равнина, простор, зимние снега и прозрачные леса; весна и почва радостны, зимняя одышка равнин тяжела, от ранних к поздним воронежским стихам радость убывает, тягость нарастает. За пределами этой просторной тюрьмы по контрасту воображаются холмы (памятные, крымские, и всечеловеческие, тосканские) и горы (свой Урал и всенародный Эльбрус). Еще дальше — море («на вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко!»): памятное, коктебельское, и древнее, с nereидами, о котором заставляет тосковать греческий кувшин в воронежском музее. Москва стала потусторонней и звучит лишь в радио: «язык пространства, сжатого до точки». Европа мелькает стихами о Реймсе и Риме, причем оба стихотворения разительно непохожи на старые архитектурные или римские стихи Мандельштама: собор из триумфа культуры превращается в фантазмагорическую игру природы («башнею ска-

ла вздохнула вдруг», надпортальной розой встало отвесное озеро и т. д.), вместо Рима — «места человека во вселенной» является «медленный Рим-человек», мучающийся под диктатором. Франция с ее народным фронтом и расстрелянным собором и Италия с ее фашизмом оказываются помянуты не ради прошлого их культуры, а ради будущего — грозящей новой войны: они служат лишь приступом к «Стихам о неизвестном солдате», в которых кончается земля и начинается небо.

«Стихи о неизвестном солдате» (март 1937, тотчас вслед за стихами о вожде) — самое большое и самое трудное из произведений Мандельштама. Дальними подступами у нему были «Война. Опять разноголосица...» (1923), против воздушной войны; «Нет, не мигрень...» (1931), глазами падающего летчика; «Не мучнистой бабочкою белой...» (1935), о похоронах летчиков. «Стихи о неизвестном солдате» печатаются обычно восьмью отрывками, смысла которых скорее угадывается, чем понимается. Раньше всех сочинен был второй из них, о враждебном небе: «Шевелящимися виноградинами Угрожают нам эти миры... Золотые созвездий жиры» — мысль о бомбах и ядовитых газах сразу расширяется до космического ужаса. Вокруг нее вырастают картина минувшей мировой войны («Этот воздух пусть будет свидетелем... Как лесистые крестики метили Океан или клин боевой...») и картина стремительного сверхсветового приближения новой мировой войны («Сквозь эфир десятично-означенный... Весть летит светопыльной обновою...»). Обе темы скрещиваются в следующем отрывке («Аравийское месиво, крошево, Свет размолотых в луч скоростей... Неподкупное небо окопное, Небо крупных оптовых смертей...»). Их замыкает пятый отрывок, гротескный парад калек («Хорошо умирает пехота...»). А затем начинается протест: для того ль развивался разум, чтоб превратиться в череп? для того ль прекрасно мироздание, чтобы белые звезды окрашивались в кровь? («Красное смещение» спектра разбегающихся галактик становится здесь символом: еще один знак интереса Мандельштама к точным наукам.) Наконец, «я ль без выбора пью это варево», принимаю эту самоубийственную долю? И перекличкой сверстников, которые «на роковой стоят очереди» и должны выбирать, быть ли им жертвами или борцами, стихотворение заканчивается.

Все черты поэтики Мандельштама, старые и новые, собраны в этом стихотворении и доведены до предела. О поэтике реминисценций и подтекстов здесь нет возможности говорить: только за двумя четверостишиями в середине («А за полем полей поле новое Треугольным летит журавлем...»)

можно увидеть и «журавлиный клин» из собственной «Бессонницы» 1915 года, и хищного «Журавля» В. Хлебникова, и картину зрения на сверхсветовых скоростях из научной фантазии К. Фламариона, и наполеоновскую тему в изображении Байрона, Лермонтова, Пушкина, причем перед безликим светопреставлением будущего наполеоновские войны кажутся едва ли не культурной ценностью. Поэтика ассоциаций остается основой композиции: только через ассоциации входят в стихотворение и Наполеон (через «битву»), и Лермонтов (через «воздушный океан»), и Шекспир (через йориковский «череп»). По-прежнему в этих ассоциациях смело пропускаются связующие звенья (опускаются строфы о Наполеоне в Египте, и непонятым делается «аравийское месиво»; опускаются слова про «яд Вердена», и непонятны становятся звезды — «ядовитого холода ягоды»). Как обычно у позднего Мандельштама, образы его вещественны и грубы: не сердце, а «аорта», год рождения зажат в кулак, череп пенится мыслью (и пена встает куполом), гармония ньютоновского пространства — «тара обаянья», затовариваемая сбитым звездным спектром, война — «опшове смерти», выживание — «прожиточный воздух». Образы сдвигаются: «безымянная манна» дождя над безымянной могилой, «лесистые крестики», частые, как лес (кресты на могилах или самолеты в небе?). Образы переосмысляются на ходу: «океан без окна, вещество» сперва означал воздух, а потом, по-видимому, человека (закрытого, как лейбницевская монада); слова «от меня будет веку светло» изолированно звучат евангельской радостью, а в контексте — огненным светопреставлением. Наконец, смысловая связь образов все чаще подкрепляется или подменяется звуковой связью; «впереди не провал, а промер» (не конец, а продолжение), «ясность ясенева, зоркость яворова», эфирное поле опрозрачено «светлой болью и молью нулей».

Таков, в большей или меньшей степени, весь поздний Мандельштам. У него появляются стихи, сплошь построенные на переключке звуков («...Воронеж — ворон, еж»; «Это какая улица?..» — с игрой звуков и смыслов «лилейный — Линейная — Ленин»), у него не редкость такие строки, как «недуги — недруги других нескрытых дуг» (в портале собора). Он сосредоточивается на поиске неожиданных слов, а когда это не дается, то жалуется, «что все обмелело, есть только квитанции, а не смысловые слова». Когда ему случайно попадает в руки его старый сборник, он, чтобы показать, как надо было бы написать, исправляет в стихотворении 1912 года «...длинной булавкою» на «булавкой заржавленной», точную рифму

на неточную (доставляя такими правками много трудностей текстологам). В 1916 году он писал: «Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем», в 1937 году он пишет: «И, спотыкаясь, мертвый воздух ем». Образы перетасовываются с небывалой легкостью: в одном только (не очень трудном) последнем четверостишии из «День стоял о пяти головах...» мы видим «открытые рты» не у персонажей звукового фильма, а у зрителей; «лентой» назван экран, а не фильм; слово «тын» подменено словом «тыл»; а финальное «утонуть и вскочить на коня своего» соизмеримо только с вергилиевским «умрем и бросимся в бой». Даже в несложных стихотворениях при ближайшем рассмотрении смысл оказывается ускользающе зыбок (51).

Творческий процесс целиком держится на ассоциациях. «Сказал „я лежу“, сказал „в земле“ — развивай тему „лежу“, „земля“... Сказал реальное, перекрой более реальным, его — реальнойшим, потом сверхреальным. Каждый зародыш должен обрастать своим словарем... перекрывая одно движение другим», — объяснял Мандельштам ссыльному собеседнику. (Мы неожиданно вспоминаем формулу Вячеслава Иванова *a realibus ad realiora*, когда-то столь враждебную акмеистам.) Такой процесс, не ведя к публикации, становится непрерывным и бесконечным. Даже «Стихи о неизвестном солдате» в том виде, в каком мы их читаем, — не окончательный текст: Мандельштам колебался и над серединой его, и над концовкой. «Двойчатки» и «тройчатки» («одна тема и два развития») из исключения становятся почти правилом. Поэта поразила улыбка грудного ребенка воронежской писательницы — и он пишет стихотворение «Когда заулыбается дитя...» о том, как на радостную готовность к познанию встает из хаоса мир, желая быть познанным, но улыбка эта еще бессмысленна — и ребенок превращается в ненавистно-пассивного Будду, улыбающегося в сонном окаменении («Внутри горы бездействует кумир...»). И происходит этот сдвиг настолько стихийно, что Мандельштам сам не понимает, о ком он пишет стихи, и подозревает, что это то ли его петербургский знакомый В. Шилейко, поэт и востоковед, то ли Сталин, затворившийся в Кремле. Мы говорили, что в стихотворении «Соломинка» образы становились текучими, — теперь, в воронежских стихах, этот поток переливается уже из стихотворения в стихотворение. Мы отмечали, что два стихотворения 1922 года о сеновале были по смыслу разнонаправленными, — теперь в один день пишутся стихи о том, что снежные равнины чудесны и безгрешны, и о том, что по ним к нам ползет «народов будущих Иуда». Мандельштам не выравнивает эти мысли: он пишет так, потому что жизни свойственно «убивать и сейчас

же ласкать». Одновременно со «Стансами» у него является четверостишие противоположного смысла, и читатель волен рассматривать это четверостишие как главное, а «Стансы» и оду как второстепенное (52):

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета —
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Все это не только стилистика — это мироощущение. Мандельштам последних лет разрывается между волей к жизни и волей к смерти. Внутреннее решение, принятое в год самоубийственной эпиграммы, остается непоколебленным, повторяющиеся восклицания «Я должен жить, хотя я дважды умер...» звучат напрасными самоაკлинениями. В то же время он действительно любит жизнь и хватается за жизнь — на фоне смерти эти переживания делаются особенно острыми. Сама смерть, вписываясь в его теперешнее приятие мира, становится иной — просветляющей: это смерть не от врагов, а от неведающих друзей. Об этом говорит небольшой цикл визионерски напряженных стихов о небесах, сложившийся в марте 1937 года тотчас за «Неизвестным солдатом».

У «Солдата» было два эпилога. Один — земной, гражданственный: «Становлюсь рядовым той страны, У которой попросят совета Все, кто жить и воскреснуть должны»; он отбрасывается. Другой — заоблачный: «И под временным небом чистилища Забываем мы часто о том, Что счастливое небохранилище Раздвижной и прижизненный дом», — апокалипсическое небо «Солдата» объявляется временным, за чистилищем следует рай, причем — это замечательно — здесь не земля вписывается в небесный мир, а небеса в земной мир: акмеистическое недоверие к мирам иным в Мандельштаме неизменно. Этот эпилог получает дальнейшую разработку. Уже в стихах о картине, сопровождавших сталинскую оду («Как светотени мученик Рембрандт...»)(53), мелькнуло отождествление себя с распинаемым Христом — теперь оно, еще осторожнее, повторяется в стихах о терзаемой фреске («Небо вечера в стену влюбилось...»). Поэт видит себя Дантом, восходящим через ад к раю («Заблудился я в небе — что делать?..»); обращается к Богу («Ты, который стоишь надо мной...»); хочет себе не земной награды за верность жизни, а небесного созвучия («Лучше сердце мое разорвите Вы на синего звона куски...»). Причем опять-таки это небо не перестает быть земным, с облаками и голубятнями, — головокружением «рукопашной лазури шальной». Кульминация этого вознесения, момент просветления описывается словами:

Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя —

Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия...

И опять-таки эта точка вещественна: это перекрестье стрельчатых сводов в готическом куполе, похожее на паучка (образ из романа Гюисманса «Собор»). Отсюда, как по ребрам колонн, начинается нисхождение обратно на землю — уже спасенную, проясненную:

Чистых линий пучки благодарные,
Направляемы тихим лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом,
Только здесь — на земле, а не на небе,
Как в наполненный музыкой дом, —
Только их не спугнуть, не изранить бы —
Хорошо, если мы доживем...

Об этом «тихом луче» — последнее стихотворение цикла: «О, как же я хочу, Нечуемый никем, Лететь вослед лучу, Где нет меня совсем. А ты в кругу лучись — Другого счастья нет — И у звезды учишь Тому, что значит свет...» О проясненной земле, с которой вновь срастается поэт, — написанное через месяц «Я к губам подношу эту зелень — Эту клейкую клятву листов — Эту клятвопреступную землю...». «Клейкая клятва» (реминисценция, конечно, из Достоевского) — это клятва весны на верность жизни, преступаемая осенью: снова «вечное возвращение» жизни и смерти. В то же время это и любовная клятва: в эти дни собиралась выходить замуж Н. Штемпель, ближайшая воронежская знакомая Мандельштамов. Ей посвящено последнее из воронежских стихотворений Мандельштама, целомудренно-любовное; оно — опять о «вечном возвращении» умирания и воскресения, «о том, что эта вешняя погода Для нас — праматерь гробового свода, И это будет вечно начинаться. Есть женщины, сырой земле родные, И каждый шаг их — гулкое рыданье; Сопровождать воскресших и впервые Приветствовать умерших — их призыванье...» (Заметим это «сопровождать воскресших и впервые приветствовать умерших»: точка зрения поэта — из-под земли.) Эти стихи он назвал своим «завещанием»: «Это лучшее, что я написал».

Обстановка, в которой писались эти стихи, была ужасна. Продолжалась нищета, и вновь угрожало политическое преследование. Воронежская газета уже напечатала статью, где Мандельштам упоминался среди «троцкистов и прочих классовых врагов». Мучаясь ощущением безысходного тупика, доведенный до отчаяния, Мандельштам был на грани душев-

ной болезни. Расправа помедлила ровно год. В мае 1937 года кончился срок ссылки, ему позволили покинуть Воронеж. Лето он прожил под Москвой в Савелове, зиму — в Калининe, часто наезжая в Москву, дважды — в Ленинград. «У Мандельштамов не было денег. Жить им было совершенно негде. Осип плохо дышал, ловил воздух губами... Все было как в страшном сне» (А. Ахматова). Он то надеялся, что ода Сталину спасет его, посылал ее в журналы и читал встречаемым, то говорил: «это была болезнь» и просил ее уничтожить.

В мае 1938 года в санатории «Саматиха» близ Шатурьы его арестуют вторично. В августе объявлен приговор: пять лет лагерей за контрреволюционную деятельность. В сентябре — этап на Дальний Восток, путь продлился месяц. Последняя фотография его — в судебном деле: все та же вскинутая голова. Последнее письмо — из пересыльного лагеря на Второй речке под Владивостоком, в конце октября: «Здоровье очень слабое, истощен до крайности, искудал... Здесь транзитный лагерь. В Колыму меня не взяли. Возможна зимовка». Первое время он держался, читал свои стихи тем, кто знал его имя. Потом все глубже стал впадать в манию преследования. «На наших глазах он сходил с ума», — пишет очевидец. Смерть пришла 27 декабря 1938 года в больнице пересыльного лагеря — по официальному заключению, от паралича сердца. Затем наступили двадцать лет официального забвения, а затем — постепенное возвращение его поэзии читателям.

Мандельштам утверждал, что настоящий читатель поэзии — потомок, потому что он не знает того, что знают современники, и от этого поэзия прошлого для него нова и неожиданна. «Поэзия как целое всегда направляется к более или менее далекому, неизвестному адресату, в существовании которого поэт не может сомневаться, не усумнившись в себе», — писал он в начале своего пути в статье «О собеседнике». Но он не обольщался тем, каков будет этот будущий читатель. «Легче провести в России электрификацию, чем научить всех грамотных читателей читать Пушкина так, как он написал, а не так, как того требуют их душевные потребности и позволяют их умственные способности», — продолжал он десять лет спустя в статье «Выпад». Особенно это относится к «интеллигентской массе, зараженной снобизмом, потерявшей чувство языка, в сущности уже безъязычной». «Быть может, самое утешительное во всем положении русской поэзии — это глубокое и чистое неведение, незнание народа о своей поэзии. Массы, сохранившие здоровое филологическое чутье, те слои, где прорастает, крепнет и развивается морфология языка, просто-напросто еще не вошли в соприкосновение с индивидуалистической русской поэзией. Она еще не дошла до своих читателей и, быть может, дойдет до них только тогда, когда погаснут поэтические светила, пославшие свои лучи к этой отдаленной и пока недостижимой цели».

Примечания

(1) Полная библиография всего, напечатанного Мандельштамом и о Мандельштаме на русском языке по 1988 год, опубликована в издании Российской Национальной библиотеки: Русские советские писатели. Поэты: Биобиблиогр. указатель. М., 1990. Т. 13. С. 116—203. Составители Н. Г. Захаренко и А. Г. Мец. Нижеследующие примечания предлагают лишь некоторые дополнения к этой библиографии, никак не притязая на полноту. На русском языке появились два общих очерка жизни и творчества Мандельштама: Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 54—64; Ронен О. Осип Мандельштам // Мандельштам О. Собр. произведений: Стихотворения. М., 1992. С. 495—538. См. также сборники статей и материалов: Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990; Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991; Мандельштам и античность. М., 1995; Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума. Tenaflly. 1994. Из зарубежных изданий сохраняет значение первая монография о Мандельштаме: Brown C. Mandelstam. Cambridge, 1973. О поэтике Мандельштама: Taranovsky K. Essays on Mandelstam. Cambridge (Mass.), 1973. («Концерт на вокзале», «Сеновал», иудейская тема, «Что поют часы-кузнечик», образы пчел и ос, «На розвальнях...», «Silentium», «Да, я лежу в земле...» и др.); Nilsson N. A. Osip Mandelstam: Five poems. Stockholm, 1974. («Адмиралтейство», «Есть иволги в лесах...», «Бессонница...», «Сумерки свободы», «Возьми на радость...»). Настоящей энциклопедией «подтекстов» в поэзии Мандельштама является книга: Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983. Более общие вопросы: Freidin G. A coat of many colors: O. Mandelstam and mythologies of self-presentation. Berkeley et al., 1987; Przybylski R. An essay on the poetry of Osip Mandelstam: God's grateful quest. Ann Arbor, 1987; Струве Н.А. Осип Мандельштам. Лондон, 1988; Марголина С.М. Мировоззрение О. Мандельштама. Marburg, 1989; Тодес Е.А. Поэтическая идеология // Лит. обозрение. 1991. №3. С. 30—43. См. также: Dutli R. Osip Mandelstam: «Als riefte man mich bei meinem Namen»: Dialog mit Frankreich. Zurich, 1985. Незаменимое пособие: Koubourlis D. J. A Concordance to the poems of O. Mandelstam. Ithaca, 1974. Ссылки на эти книги далее не повторяются.

(2) Cavanagh C. Synthetic Nationality: Mandelstam and Chaadaev // Slavic Review (далее SIR). 1990. Vol. 49. P 597—610.

(3) Malmstad J. Mandelstam's «Silentium»: A poet's response to Ivanov // Viacheslav Ivanov: poet, critic and philosopher. N. Haven, 1986. P. 236—252.

(4) Meijer J. M. The early Mandelstam and symbolism // Russian Literature (далее RL). 1979. № 7. P. 521—536; Топоров В. Н. О «психофизиологическом» компоненте поэзии

Мандельштам // Осип Мандельштам: К 100-летию со дня рождения М., 1991. С. 7—27; Сегал Д.М. История и поэтика у Мандельштама: Становление поэтического мира. // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1992. Vol. 33. P. 447—496; 1993. Vol. 34. P. 369—414.

(5) Фрейдин Ю.Л. Статус цитаты в произведениях О. Мандельштама // *Semantic analyses of literary texts*. Amsterdam et al, 1990. С. 195—200.

(6) Thomson R. D. B. Mandelstam's Kamen': The evolution of an image // *RL*. 1991. № 30. P. 501—530.

(7) Freidin G. Osip Mandelstam: The poetry of time (1908—1916) // *California Slav. Studies*. 1980. Vol. 11. P. 141—186; Steiner P. Poem as manifesto: Mandelstam's «Notre-Dame» // *RL*. 1977. № 5. P. 239—256; Кантор Е. В толпокрылатом воздухе картин: Искусство и архитектура в творчестве О. Э. Мандельштама // *Лит. обозрение*. 1991. № 1. С. 59—68.

(8) Кац Б. А. Защитник и подзащитный музыки // Мандельштам О. «Полон музыки, музы и муки...» Л., 1991. С. 7—54. Коммент.: С. 110—139.

(9) Meyer H. Der Akmeismus Mandelstams als eine modernistische Neoklassik // *Wiener Slav. Alm.* 1991. Bd. 28. S. 107—147.

(10) Паперно И. А. О природе поэтического слова: Богословские источники спора Мандельштама с символизмом // *Лит. обозрение*. 1991. № 1. С. 29—36.

(11) Орайч Д. Цитатность // *RL*. 1988. № 23. P. 113—132.

(11a) Лекманов О.А. Мандельштам — «переводчик» Диккенса // *Рус. речь*. 1994. № 1. С. 20—23.

(12) Pollak N. Mandelstam's «first» poem // *Slavic and East European Journal* (далее SEEJ). 1988. Vol. 32. P. 98—108.

(13) Broyde S. Mandelstam and his age: A commentary on the themes of war and revolution in his poetry, 1913—1923. Cambridge (Mass.), 1975; Nilsson N. M. Mandelstam and the revolution // *Art, society, revolution: Russia 1917—1921*. Stockholm, 1979. P. 165—178; Сегал Д.М. «Сумерки свободы» // *Минувшее*. 1987. Т. 3. С. 131—196.

(14) Rothe H. Mandelstam. «Der Dekabrist» // *Archiv f. d. Studium der neuen Sprachen und Literaturen*. 1975. Bd. 212. S. 95—115.

(15) Nilsson N. A. «To Cassandra»: A poem by O. Mandelstam from December 1917 // *Poetica Slavica*. Ottawa, 1981. P. 105—113.

(16) Nilsson N. A. Mandelstam's «Sumerki» poems // *RL*. 1991. № 30. P. 467—480; Парнис А. Е. Мандельштам: «весь корабль сколочен из чужих досок»: (О хлебниковском подтексте стихотворения «Сумерки свободы») // *Осип Мандельштам: К 100-летию... М., 1991. С. 86—93.*

(17) Broyde S. Osip Mandelstam's «Tristia» // *Russian poetics*. Columbus, 1982. P. 73—88.

(18) Taubman J. A. A life through poetry: M. Tsvetaeva's lyric poetry. Columbus, 1989. P. 71—87; Vitins I. Mandelstam's farewell to Marina Tsvetaeva: «Ne veria voskresenia chudu» // SIR. 1989. Vol. 48. P. 266—280; Фрейдин Г. «Сидя на саях» // Вопр. лит. 1991. № 1. С. 9—31.

(19) Terras V. The Time philosophy of Osip Mandelstam // Slavonic and East European Review (далее SEER). 1969. Vol. 47. P. 344—354; Freidin G. The whisper of history and the noise of time in the writings of Osip Mandelstam // Rus. Rev. 1978. Vol. 37. P. 421—437.

(20) Bodin P. A. Understanding the signs: An analysis of Osip Mandelstam's poem «Sredi sviashchennikov» // Scando-Slavica. 1985. Vol. 31. P. 31—39.

(21) Ронен О. Указ. соч. С. 525.

(22) Фарыно Е. «Золотистого меда струя...» Мандельштама // Text and context: Essays to honor N. A. Nilsson. Stockholm, 1987. P. 111—121; Henry H. Étude de fonctionnement d'une poème de Mandelstam // L'action poétique. 1975. № 63. P. 21—31.

(23) Terras V. Classical motives in the poetry of Osip Mandelstam // SEEJ. 1965. Vol. 10. P. 251—267; Schlott W. Zur Funktion antiker Gottermythen in der Lyrik Osip Mandelstams. Frankfurt a / M; Bern, 1986; Hesse P. Mythologie in moderner Lyrik: O. E. Mandelstam vor dem Hintergrund des Silbernen Zeitalters. Bern et al., 1989; Gillis D. C. The Persephone myth in Mandelstam's Tristia // California Slav. Studies. 1976. Vol. 9. P. 139—159; Hope A. D. The blind swallow // Melbourne Slav. Studies. 1975. № 9/10. P. 12—19; Ronen O. The dry river and the black ice: Anamnesis and amnesia in Mandelstam's poem // Slavica Hierosolymitana (далее SIHier). 1977. Vol. 1. P. 177—184; Burnett L. Contours of the creative word: Mandelstam's «Voz'mi na radost'» in perspective // SEER. 1992. Vol. 70. P. 18—52; Hansen-Loewe A. A. Mandelstam's Thanatopoetics // Readings in Russian modernism: To honor V. F. Markov. Moscow, 1993. P. 121—157.

(24) Eng-Liedmejer J., van der. Mandelstam's poem «V Peterburge my sojdemsia snova» // RL. 1974. № 7/8. P. 181—201; Ivask G. Osip Mandelstam's «We shall gather again in Petersburg» // SEEJ. 1976. Vol. 20. P. 253—260; Malmstad J. A note on Mandelstam's «V Peterburge my sojdemsia snova» // RL. 1977. № 5. P. 193—199.

(25) Foster L. A. Некоторые лексические и семантические особенности сборника «Tristia» Осипа Мандельштама // Slavic poetics. The Hague, 1973. С. 125—133.

(26) Бухштаб Б. Я. Поэзия Мандельштама (1929) // Вопр. лит. 1989. № 1. С. 123—148.

(27) Semmler-Vakareliyska C. V. Mandelstam's «Solominka» // SEEJ. 1985. Vol. 29. P. 405—421; Гаспа-

ров М.Л. «Соломинка» Мандельштама // Гаспаров М.Л. Избранные статьи, М., 1995. С. 185—197.

(28) Ronen O. Chetvertoe soslovie: Vierter Stand or fourth estate? // SlHier. 1981. Vol. 5/6. P. 319—323.

(29) Фарыно Е. «Сеновал» Мандельштама // Text, Symbol, Weltmodell. Munchen, 1984. С. 147—158.

(30) Левин Ю. И. Разбор одного стихотворения Мандельштама // Slavic poetics. The Hague, 1973. С. 267—276; Ronen O. A beam upon the axe // SlHier. 1977. Vol. 1. P. 158—176; Lator L. I was washing outside in the darkness // Acta literaria Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983. T. 25. P. 297—301.

(31) Turner C. J. G. On Osip Mandelstam's poem «Vek» // SEEJ. 1976. Vol. 20. P. 148—154.

(32) Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983. (О «Грифельной оде» и «1 января 1924»).

(33) Myers D. The hum of metaphors and the cast of voice: Observations on Mandelstam's «The Horse-shoe Finder» // SEER. 1991. Vol. 69. P. 1—39.

(34) Meijer J. M. Metaphor and syntax, in particular in Mandelstam's poem «Grifelnaja oda» // Russian poetics. Columbus, 1982. P. 263—283.

(35) Sola A. Mandelstam, poéticien formaliste? // Rev. des Études Slav. 1977. T. 50. P. 37—54.

(36) Берковский Н. Я. О прозе Мандельштама // Звезда. 1929. № 5. С. 160—168.

(37) Гаспаров Б. М. Тридцатые годы — железный век: К анализу мотивов столетнего возвращения у Мандельштама // Cultural mythologies of Russian modernism. Berkeley et al., 1984. С. 150—179; Иванов Вяч. Вс. Мандельштам и биология // Осип Мандельштам: К 100-летию... М., 1991. С. 4—7; Корецкая И. К интерпретации стихотворения Мандельштама «Ламарк» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1991. № 50. Вып. 3. С. 258—262; West D. Mandelstam and the evolutionists // J. of Rus. Studies. 1981. Vol. 42. P. 30—38.

(38) Cavanagh C. The poetics of Jewishness: Mandelstam, Dante and the «honorable calling of Jew» // SEEJ. 1991. Vol. 35. P. 317—338.

(39) Crone A. L. Woods and trees: Mandelstam and Dante in «Preserve my speech» // Studies in Russian Literature in honor of Vs. Setchkarev. Columbus, 1986. P. 87—101.

(40) Жолковский А. К. «Я пью за военные астры...» — поэтический автопортрет Мандельштама // Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Мир автора и структура текста. Tenaflly, 1986. С. 204—227.

(41) Левин Ю. И. О частотном словаре языка поэта // RL. 1972. № 2. С. 5—36; О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах // Intern. J of slav. linguistics and poetics. 1969. Vol. 12. P. 106—164.

(42) Leiter S. Mandelstam's Moscow: Eclipse of the holy city // RL. 1980. Vol. 8. P. 167—197.

(43) Франция входит в этот кругозор не поэзией, а живописью: Флакер А. Путешествие в страну живописи: Мандельштам о фр. живописи // Wiener Slav. Alm. 1984. Bd. 14. S. 167—178; Langerak T. Mandelstam's «Impressionism» // Voz'mi na radost': To honour J. v. d. Eng-Liedmeier. Amsterdam, 1980. P. 139—147.

(44) Ронен О. Осип Мандельштам. С. 535.

(45) Zeemann P. The later poetry of Osip Mandelstam: Text and context. Amsterdam, 1988; Baines J. Mandelstam's later poetry. Cambridge, 1976.

(46) Nethercott F. Elements of H. Bergson's «Creative Evolution» in the critical prose of Osip Mandelstam // RL. 1991. Vol. 30. P. 455—466; Rusinko E. Acmeism, Post-symbolism and Henri Bergson // SIR. 1982. Vol. 41. P. 494—510; Harris J. G. Mandelstam's zlost': Bergson and the new acmeist aesthetics // Ulbandus Rev. 1982. № 2. P. 112—120.

(47) Ronen O. An approach to Mandelstam. P. 303.

(48) De Jonge A. How a poem was hardened: Mandelstam and Ostrovsky // Stanford Slav. Studies. 1992. Vol. 4. № 2. P. 82—96.

(49) Живов В. М. Космологические утопии в восприятии большевистской революции и антикосмологические мотивы в русской поэзии 1920—1930-х гг.: («Стихи о неизвестном солдате» О. Мандельштама) // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 411—433.

(50) Freidin G. Mandelstam's Ode to Stalin: History and myth // Rus. Rev. 1982. Vol. 41. P. 400—426; Гаспаров М. Л. Метрическое соседство Оды Сталину О. Мандельштама // Здесь и теперь. 1992. № 1. С. 63—73.

(51) Ronen O. Mandelstam's «Кашей» // Studies presented to prof. R. Jakobson by his students. Cambridge (Mass.), 1968. P. 252—264.

(52) Кацис Л. Ф. Поэт и палач: Опыт прочтения сталинских стихов // Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 46—54; Месс-Бейер И. Эзопов язык в поэзии Мандельштама тридцатых годов // RL. 1991. Vol. 29. С. 243—394.

(53) Павлов М. С. О. Мандельштам: «Как светотени мученик Рембрандт» // Филол. науки. 1991. № 6. С. 20—30; Лангерак Т. Анализ одного стихотворения Мандельштама («Как светотени мученик Рембрандт») // RL. 1993. № 33. P. 289—298.

М. Гаспаров

О ПОЭТЕ

(очерк биографии)

Осип (Иосиф) Эмильевич Мандельштам родился 3 (15) января 1891 года в Варшаве. Была ли Варшава в то время местом постоянного жительства родителей, или они оказались здесь по случаю — неизвестно. Так же мало известно о родителях и прародителях поэта и первых годах его жизни. По фамильному преданию, предки Мандельштамов были выходцами из Испании, основателем рода — ювелир при дворе курляндского герцога Э.И.Бирона. Носители фамилии, среди которых были видные врачи и ученые, происходили из местечка Жагоры Шавельского уезда Ковенской губернии (позднее — пос. Жагаре Ионишкского района Шяуляйской обл.). Отец поэта, Эмилий (Эмиль Хацкель) Вениаминович (ок. 1851—1938), обучился кожевному делу и стал, вслед за дедом,¹ мастером по обработке кож. В 1889 году он женился на Флоре Осиповне Вербловской (ок. 1866—1916). Мать поэта до замужества жила в Вильно и получила основательное музыкальное образование; есть сведения о том, что она еще в 1900-е годы давала уроки музыки. Выросла она в интеллигентской среде, прикосновенной к русской культуре и общественному движению той поры (по существу — к движению революционному). Родным языком матери был уже русский.²

¹ Справочные сведения о родителях отца удалось собрать Р.Д.Тименчику (Мандельштам и Латвия // Даугава. 1988. № 2. С. 94).

² До сих пор почти всем сведениям о матери исследователи обязаны «Шуму времени»; в «Египетской марке» также обыгрываются имена некоторых ее петербургских родственников. Согласно воспоминаниям Е.Э.Мандельштама, ее младшего сына, одна из родственниц жила в Германии, что подтверждается фотографиями из семейного архива.

После женитьбы дела отца шли хорошо. Он занялся изготовлением перчаток и перевез семью в Павловск (ок. 1894), а еще через несколько лет (ок. 1897) — в Петербург. Здесь мы видим его на вершине деловых успехов — владельцем мастерской и купцом первой гильдии; со второй половины 1900-х годов, после революции 1905 года, его дела шли все хуже, и к 1917 году он разорился окончательно.

Семья не была дружной — отец был всецело занят делом, в интересы домашних не вникал; глухие сведения о разговорах между родителями сохранились в «Шуме времени». Воспитание детей, а к концу 1890-х годов у них родилось трое сыновей, лежало полностью на матери. Дети, как было принято в семьях с достатком, с ранних лет получали домашнее воспитание, направленное главным образом на обучение языкам — для этого к мальчикам и нанимали описанных в «Шуме времени» «француженок» и «швейцарок» — и с начатками музыкальной грамоты. Осипа учили играть на фортепиано. Занятия музыкой продолжались вряд ли дольше, чем несколько лет, и все же ребенок получил знания прочные и проявил свои к ней способности: десятки лет спустя Мандельштам помнил наизусть сложные партитуры и, не имея никакой практики, был способен сыграть вещи классического репертуара. Но главное, что вынес ребенок из этих занятий, — тонкое понимание музыки, ее языка. Один из людей, близко знавших поэта в 1910-е годы, композитор Артур Сергеевич Лурье, писал: «Мандельштам страстно любил музыку, но никогда об этом не говорил. У него было к музыке какое-то целомудренное отношение, глубоко им скрываемое. Иногда он приходил ко мне поздно вечером, и по тому, что он быстрее обычного бегал по комнате, ероша волосы и улыбаясь, но ничего не говоря, и по особенному блеску его глаз я догадывался, что с ним произошло что-нибудь „музыкальное“. На мои расспросы он сперва не отвечал, но под конец признавался, что был в концерте. <...> Потом неожиданно появлялись его стихи, насыщенные музыкальным вдохновением. <...> Мне часто казалось, что для поэтов, даже самых подлинных, контакт со звучащей, а не воображаемой музыкой не является необходимостью и их упоминания о музыке носят скорее отвлеченный, метафизический характер. Но Мандельштам представлял исключение; живая музыка была для него необходимостью. Стихия музыки питала его поэтическое сознание, как и пафос государственности, насыщавший его поэзию».¹

¹ Осип Мандельштам // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 272.

В 1899 году ребенка отдали в первый класс общеобразовательной школы князя Тенишева, через год преобразованной в Тенишевское коммерческое училище. Об этом начинании стоит рассказать немного подробнее. В это время росло недовольство школьным образованием. Попытки проведения реформы, в которых участвовали и некоторые чиновники Министерства народного просвещения, терпели неудачу, наталкиваясь каждый раз на нежелание Императора. Тогда группа педагогов посвятила в свои планы Вячеслава Николаевича Тенишева (1844—1903), известного своей благотворительной деятельностью на ниве отечественной культуры, науки и просвещения. Тенишев, в ту пору уже отошедший от предпринимательской деятельности и занимавшийся исследованиями в области этнографии и социологии, на проект откликнулся. Поскольку все гимназии были подведомственны Министерству народного просвещения, решено было, чтобы уйти от этой опеки, организовать школу под вывеской коммерческого училища (они находились тогда в ведении Министерства финансов). Был куплен земельный участок, и к 1900 году архитектор Р.Н.Берзен построил на нем здание училища (Моховая, 33—35), и поныне остающееся лучшим школьным зданием России. Уже в то время здесь были физический и химический классы, приспособленные для проведения элементарных опытов, небольшая астрономическая обсерватория и, наконец, прекрасная аудитория, спроектированная как античный амфитеатр. Когда князь умер и училище лишилось дотаций, собственником стало товарищество педагогов, владевшее училищем на паях. Аудиторию начали сдавать по вечерам для проведения лекций, вечеров и диспутов.

В училище установилась атмосфера педагогического эксперимента. Здесь не было ни дневников с оценками, ни классных кондауитов; не сдавали и переходные — из класса в класс — экзамены. Только выпускные экзамены пришлось сохранить: ведь нужно было выдавать аттестаты, а в них должны были фигурировать оценки по дисциплинам.

В 1904 году преподавателем в училище был принят Владимир Васильевич Гиппиус. Поэт-декадент, в пору юности — товарищ И.И.Конеvского и А.М.Добролюбова (в это время среди поэтов имена уже легендарные), Гиппиус по праву ощущал себя родоначальником того направления в русской литературе, которое позднее предстало как символизм. Ему целиком посвящена главка в «Шуме времени».

К 1905 или 1906 году относятся первые стихотворные опыты Мандельштама. Самые ранние из дошедших до нас стихи связаны с впечатлениями от разгрома восстания кре-

стьян в Зегевольде, упоминающегося в «Шуме времени»: то было время, когда вслед за поражениями России в русско-японской войне поднялось революционное движение, нашедшее широкий отклик в среде студенческой и школьной молодежи. В это время Мандельштам сблизился со своим одноклассником Борисом Синани, отец и старшая сестра которого были связаны с активистами партии эсеров. Оба юноши тогда же вошли в эсеровскую молодежную организацию, задачей которой была агитация — «подвиг начинался с пропагандистского искусства». ¹ Вскоре он от этих настроений отходит, переосмысливая свой порыв, не без влияния Вл. Гиппиуса, в духе религиозно-философских веяний времени. «Первые мои религиозные переживания относятся к периоду моего детского увлечения марксистской догмой и неотделимы от этого увлечения. <...> Я прошел 15-ти лет очистительный огонь Ибсена — и хотя не удержался на „религии воли“, но стал окончательно на почву религиозного индивидуализма и антиобщественности», ² — писал, с присущим ему максимализмом взглядов, юный поэт своему учителю литературы в апреле 1908 года из Парижа.

После окончания училища в 1907 году он уезжает в Париж, чтобы слушать лекции в Сорбонне — старейшем университете Франции. Занятия он посещает мало, живет в Париже уединенно, отдавая время чтению и писанию стихов и прозы. Возвратившись в следующем году в Петербург, пытается поступить в университет, но терпит неудачу (прием лиц иудейского вероисповедания, к которому Мандельштам был причислен по национальной традиции, ограничивался тогда трехпроцентной нормой). Весной 1909 года он попадает на занятия по стихосложению, которые вел в своей квартире — знаменитой «башне» — поэт-символист Вячеслав Иванович Иванов, имя которого, как и имена Федора Сологуба, Константина Бальмонта, Валерия Брюсова, Александра Блока и Андрея Белого, знаменовало собой вершину поэтических достижений тех лет. Вячеслав Иванов оценил дарование Мандельштама и оказывал ему поддержку на его пути поэта; вероятно, он рекомендовал стихи Мандельштама в только что основанный журнал «Аполлон», в девятом номере (июль—август) которого за 1910 год и состоялся его поэтический дебют. Летом этого и следующего года Мандельштам путешествует с семьей по Швейцарии и Германии, посещает Рим и Геную, а с осени 1909 года слушает лекции в Гейдельбергском

¹ По главе «Семья Синани» в «Шуме времени».

² Собр. соч.: В 4 т. М.: Терра, 1991. Т. 2. С. 484.

университете. В 1910 году он знакомится с деятелем Религиозно-философского общества С.П.Каблуковым, сразу оценившим поэтическое дарование юноши и много ему способствовавшим вплоть до своей смерти в 1919 году.

В мае 1911 года, в Выборге, Мандельштам крестился и перешел в епископско-методистское исповедание. Осенью поступил на романо-германское отделение Петербургского университета, но занятий почти не посещал: весь год он живет в Финляндии, только наездами бывая в Петербурге — на концертах, собраниях «Общества ревнителей художественного слова» при «Аполлоне» и на заседаниях Цеха поэтов, в который он вошел к этому времени. Цех был основан Н.С.Гумилевым и С.М.Городецким в противовес уже названному выше «Обществу ревнителей...», возглавлявшемуся Вяч.Ивановым; он был призван объединить поэтическую молодежь, искавшую для себя путей вне еще недавно безраздельно господствовавшего символизма. У наиболее последовательно шедших этим путем постепенно складывается общее мировоззрение и осознаются те поэтические приемы, которые все больше начинают определять характер поэзии заявившей о себе к концу осени 1912 года группы акмеистов — Н.Гумилева, А.Ахматовой, О.Мандельштама, С.Городецкого, М.Зенкевича, В.Нарбута (Георгий Иванов и, позднее, Георгий Адамович разделяли устремления группы, но формально не были в нее включены). Органом группы на короткое время стал «Аполлон», на страницах которого в первом номере 1913 года были помещены программные статьи Гумилева и Городецкого. В следующих номерах появились две статьи Мандельштама, также программного характера, — «О собеседнике» и «Франсуа Виллон» (№№ 2 и 4): Критикой новое направление было встречено недоброжелательно, и только в 1916 году В.М.Жирмунский в статье «Преодолевшие символизм» дал поэтам группы сочувственную и содержательную характеристику.¹ В конце марта 1913 года вышел и первый сборник Мандельштама, довольно наскоро им составленный из стихов «акмеистических» и названный, в соответствии с провозглашенной в «Утре акмеизма»² концепцией, «Камнем». В это время мы видим Мандельштама уже

¹ Рус. мысль. 1916. № 12. Эстетику символизма и акмеизма он противопоставлял как романтическую и классицистическую.

² О времени создания статьи см.: Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 334—335. (Лит. памятники). В этом же издании (с. 367) даются сведения об участии в группе Мандельштама.

окончательно и безоглядно вступившим на попрещение «лирического поэта». Не имея заработков, он существует почти исключительно на средства, которые не очень щедро дает отец (дела его к этому времени пошатнулись); живет, отделившись от родителей, то в Финляндии (в 1911—1912 годах значительную часть времени), то снимает комнату в Петербурге. Он довольствуется малым и естественно живет жизнью петербургской богемы, однако не отождествляя себя с нею, — как сказано в первой редакции одного из стихотворений «Камня»:

В душном баре иностранец,
Я нередко, в час глухой,
Уходя от тусклых пьяниц,
Становлюсь самим собой.

(«Дев полуночных отвага...»)

Период «Камня» совпал со временем расцвета русской культуры — ее «серебряным веком», но он пришелся также и на завершение «петербургского периода» русской истории. Рубежом стала первая мировая война. На ее начало Мандельштам откликнулся еще совершенно в духе тютчевского «зрителя высоких зрелищ» стихотворением «Европа». Конец 1914 года отмечен в биографии поэта усвоением историко-софских идей П.Я. Чаадаева, отразившихся в стихах и статье, помещенной в 1915 году «Аполлоном» (№ 6/7). В конце 1915 года выходит второе, расширенное издание «Камня».

«...его дружба с женщинами при всей глубине и страстности чувства была твердыми мостами, по которым <Гете> переходил из одного периода жизни в другой»,¹ — написал Мандельштам в тексте для воронежского радио. Конечно, эта мысль преломилась сквозь собственный жизненный опыт. Дружба с Мариной Цветаевой была для Мандельштама мостом из «Камня» в «Tristia» — книгу высокой поэтической зрелости. Они были знакомы по Коктебелю с лета 1915 года, но взаимное увлечение испытали в январе 1916 года, когда Цветаева приехала в Петроград со своими новыми, посвященными Германии стихами:

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам!
Ну как же я тебя оставлю?
Ну как же я тебя предам?

(«Германии»)

¹ Указ. соч. Т. 3/4. С. 75.

Стихи эти во время войны с Германией звучали вызывающе смело. Ответом был «Зверинец» Мандельштама:

Отверженное слово «мир»
В начале оскорбленной эры...

Первую половину года поэт проводит в Москве; об этом периоде его биографии известно очень мало — только много говорящие стихи его и Цветаевой, вошедшие позднее в «Tristia» и «Версты». Летом он живет в Коктебеле, а осенью возвращается в Петроград, чтобы стать свидетелем неотвратимо приближавшейся революции. В стихах этой осени — отзвуки угасания императорской России:

Обиженно уходят на холмы,
Как Римом недовольные плебеи,
Старухи-овцы — черные халдеи,
Исчадье ночи в кашюнонах тьмы...

Им нужен царь и черный Авентин...

После Февраля 1917 года поэт, как сказано позднее в стихах, «от рева событий мятежных» — «бежит к nereидам на Черное море»: весной живет в Алуште в кругу петербургских знакомых, осенью — в Феодосии. Но — оказывается в Петрограде как раз в миги «высоких зрелищ»: во время июньских событий и перед 25 октября, в предвидении выступления большевиков. Октябрьскую революцию он воспринимает как катастрофу и печатает антиленинское стихотворение «Когда октябрьский нам готовил временщик...». В конце 1917 — начале 1918 года Мандельштам вместе с Ахматовой принимает участие в концертах Политического Красного креста, выручка от которых направлялась заключенным в Петропавловской крепости членам Временного правительства, среди которых был и его знакомый по Религиозно-философскому обществу А.В.Карташев. Источником средств к существованию тогда могла быть только государственная служба, и Мандельштам служит — сначала в Комиссии по разгрузке Петрограда, а после переезда в Москву в мае 1918 года — в отделе реформы школы Комиссариата народного просвещения.¹ Летом этого года произошла одна из тех громких историй, которые окрасили мандельштамовскую биографию. В московском кафе, где собирались поэты, Яков Блюмкин, один из видных эсеровских деятелей (эсеры

¹ Биографически этот период мало изучен. См. статью: Нерлер П.М. Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918—1919 гг. // Вопр. лит. 1989. № 9.

входили тогда в состав правительства), работавший в ЧК, стал похваляться, что жизнь и смерть взятых под арест заложников находится в его руках, и кстати упомянул о том, что подписал приговор о расстреле одному из заключенных, польскому графу. Мандельштам возмутился, выхватил из рук Блюмкина и порвал ордера (хотя имя графа было ему совершенно неизвестно), а на следующий день убедил Ларису Рейснер ехать к Ф.Э.Дзержинскому. Поездка состоялась, и жизнь человека была спасена. История приобрела огласку, Блюмкин искал Мандельштама, чтобы с ним расправиться, и тому пришлось на время уехать из Москвы.¹

В феврале 1919 года Мандельштам уехал из Москвы, «столицы непотребной»², на юг России. В Харькове он работал в Наркомпросе Украины, а в апреле вместе с Наркомпросом переехал в Киев. Город в это время был переполнен беженцами с севера, среди них было много петербуржцев, знакомых Мандельштама. Было в Киеве и подобие петербургской «Бродячей собаки» — «ХЛАМ» («Художники. Литераторы. Артисты. Музыканты»). Вскоре после приезда Мандельштам познакомился с Надеждой Яковлевной Хазиной, через полтора года ставшей его женой и верным другом. «Вторая книга» ее воспоминаний вводит читателя в «карнавальную» жизнь майского Киева, описывает энтузиазм молодежи, приветствовавшей советскую власть и любившей «Левый марш» Маяковского, службу Мандельштама в собесе, выступления его на вечерах поэзии. 30 августа Красная Армия оставила Киев (впечатления этого дня отразились в стихотворении 1937 года «Как по улицам Киева-Вия...»). Пробыв еще некоторое время в городе, поэт пробирается в Феодосию, потом живет в Коктебеле, затем снова в Феодосии — городе, забитом войсками, полуголодном, напомнившим Мандельштаму о «средиземноморской республике» — Флоренции или Венеции. И здесь, как в Киеве, не прекращалась жизнь артистическая — существовал Феодосийский литературно-артистический кружок (ФЛАК), где устраива-

¹ Эту историю, придав ей комическую окраску, изложил Г.Иванов в книге «Петербургские зимы» (1928) (см.: Иванов Г. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989. С. 356—360). Коррективы внесла Н.Я.Мандельштам (Воспоминания. М., 1989. С. 98—103). Через несколько дней Блюмкин стал соучастником убийства посла Германии Мирбаха, и Дзержинский в своих показаниях передал рассказ Мандельштама (см.: Красная книга ВЧК: В 2 т. 2-е изд. М., 1990. Т. 1. С. 256—257 — в сносках).

² «Всё чуждо нам в столице непотребной...» (1918).

лись вечера поэзии, приносившие крохотную толику денег, конечно, совершенно недостаточную, чтобы прожить на них сколько-нибудь долго. Подкармливали Мандельштама, как и других заезжих литераторов, знакомые знакомых и «меценаты» — феодосийские дельцы, считавшие себя приобщенными искусству. В очерке «Начальник порта» (из мемуарного цикла «Феодосия») он описал этих меценатов: «Чтобы понять, чем была Феодосия при Деникине — Врангеле, нужно знать, чем она была раньше. У города был заскок — делать вид, что ничего не переменилось, а осталось совсем, совсем по-старому. В старину же город походил не на Геную, гнездо военно-промышленных хищников, а скорее на нежную Флоренцию. В обсерватории, у начальника Сарандинаки, не только записывали погоду и чертили изотермы, но собирались ежедневно слушать драмы и стихи, как самого Сарандинаки, так и других жителей города. Сам полицмейстер однажды написал драму. Директор Азовского банка — Мабо — был более известен как поэт. А когда Волошин появлялся на шербатых феодосийских мостовых в городском костюме: шерстяные чулки, плисовые штаны и бархатная куртка, — город охватывало как бы античное умиление, и купцы выбегали из лавок».¹ Во ФЛАКе бывали подпольщики-коммунисты, и Мандельштам познакомился с некоторыми, что послужило причиной ареста его белыми властями летом 1920 года, когда поэт готовился уехать из Феодосии в Батум (по некоторым сведениям, он согласился везти конспиративную почту). Перед тем Мандельштам порвал отношения с М.А.Волошиным: тот написал незаслуженно порочащее Мандельштама письмо к их общему знакомому — начальнику порта Новинскому; Мандельштам, узнав о его содержании, ответил оскорбляющим письмом Волошину² (примирение поэтов состоялось лишь в 1924 году). Мандельштама из тюрьмы вызволили — хлопотали В.Вересаев, М.Кудашева, М.Волошин, но главная заслуга в его освобождении принадлежит полковнику Цыгальскому, герою очерка «Бармы закона». Освободившись из тюрьмы, Мандельштам едет в Батум, где опять попадает под арест (военные власти правительства Грузии были связаны с белогвардейской разведкой). Мандельштама вместе с братом Александром, который сопутствовал ему во

¹ Указ. соч. Т. 2. С. 113—114.

² Эта история изложена в статье: В.П.Купченко «Ссора поэтов» (Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991), но акценты в ней не всюду расставлены верно: см. рецензию А.Григорьева (Рус. лит. 1992. № 4. С. 217).

всех описываемых странствиях, должны были выслать обратно в Феодосию, но помог случай — конвойный Чигуа, проникшийся симпатией к поэту, доставил арестованного к гражданскому губернатору Батума, которому имя Мандельштама оказалось известно (эпизод описан в очерке «Возвращение»). Снова переезды — в Тифлис, опять в Батум, снова в Тифлис — и отъезд отсюда в Россию. В Петроград Мандельштам вернулся в октябре; поселился в Доме искусств. Его новые стихи, писавшиеся в годы странствий, были встречены приветственно и высоко оценены и друзьями-акмеистами, и слушателями. Стихи «понравились и взволновали» А.Блока.¹

В ноябре 1920 года Мандельштам встречается с Ольгой Николаевной Арбениной, тогда актрисой Александринского театра, и пишет цепь стихотворений, замкнувших собой книгу «Tristia». Но его любовь осталась неразделенной — встречи с Арбениной прекратились, прекратились и стихи. «Как воспоминания о пребывании Осипа в Петербурге в 1920 году, — писала А.Ахматова в «Листках из дневника», — кроме изумительных стихов к О.Арбениной, остались еще живые, выцветшие, как наполеоновские знамена, афиши того времени — о вечерах поэзии, где имя Мандельштама стоит рядом с Гумилевым и Блоком».²

* * *

К этому времени определились основные черты поэтического стиля Мандельштама. Центр тяжести мандельштамовской поэтики — в смысловой насыщенности стиха. Она создается вовлечением в сюжет стихотворения «чужого слова». Еще В.М.Жирмунский в статье «Преодолевшие символизм» (1916) применил к ней термин Ф.Шлегеля «поэзия поэзии» («можно назвать его стихи не поэзией жизни, а „поэзией поэзии“»)³ Л.Я.Гинзбург это качество рассматривала как «поэтику ассоциаций».⁴ Позднее эту сторону поэтики исследовал К.Ф.Тарановский и углубил понимание ее природы, показав у Мандельштама характер взаимодействия

¹ См.: Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988. С. 191—192. А.Блок отметил этот случай дневниковой записью от 21 октября 1920 года.

² Вопр. лит. 1989. № 2. С. 192.

³ Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стихотворение. Л., 1977. С. 123.

⁴ Название главы в ее книге «О лирике» (Л., 1974).

«текста» и «подтекста» («чужого слова») в обнимающем оба «контексте». Это качество поэзии — не новое. Вот что пишет о нем применительно к поэзии XIX века В.Э.Вацуру: «Культура коллективна по самому своему существу, и каждая культурная эпоха — непрерывный процесс взаимодействия творческих усилий ее больших и малых деятелей, процесс миграции идей, поэтических тем и образов, заимствований и переосмыслений, усвоения и отторжения. Это многоголосие — форма и норма ее существования. Творчество гения вырастает на таком полифоническом субстрате; оно усваивает себе, интегрирует, преобразует „чужие“ идеи и образы... и потому, например, установление реминисценций и даже цитат из чужих стихов у Пушкина и Лермонтова... вовсе не бесплодное занятие. Цитата, реминисценция может функционировать в тексте как „чужое слово“ и менять в нем акценты, может дать нам материал для наблюдений над технологией поэтической работы,— наконец, она наглядно показывает нам связи великого поэта с традицией и плотность поэтической среды, из которой он вырос».¹

Новое у Мандельштама в этой области — стремление сохранить обособленность «чужого слова». Он выделяет его в смысловом строе стихотворения и дополнительными средствами усиливает его диалогическую функцию. Удачи на этом пути позволили Мандельштаму предельно увеличить смысловую емкость стиха («уплотненность», «удельный вес» — из арсенала манифестов акмеизма периода его «бури и натиска»). Мандельштам хорошо знал это свойство собственной поэтики и сравнивал свой стих с «брюссельским кружевом», где «воздух» — чужое слово: «Настоящий труд — это брюссельское кружево, в нем главное — то, на чем держится узор: воздух, проколы, прогулы».²

Отвечая на вызов времени в 1930-е годы, Мандельштам изменяет способ творческого воплощения (идейно ему соответствует путь к месту гражданского поэта). Место культурного «чужого слова» занимает слово анонимное — фольклор, ненормативная лексика, элементы жаргона газеты и канцелярии. Свою речь поэт насыщает новообразованными словами (окасиональные неологизмы: жизняночка, самосогласье) и шире пользуется первоначальным смыслом слов (явление резтимологизации). Поэзия Мандельштама приобретает со-

¹ Вацуру В.Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 5—6.

² Четвертая проза // Указ. соч. Т. 2. С. 191.

вершено новое лицо и в то же время сохраняет легко узнаваемый манделштамовский стиль: принадлежность культуре собственного слова резко усиливается за счет контрастов, высокого эмоционального накала, резкости и очерченности смысловых планов.

Инструментом поэтики Манделштама остается метафора. Здесь уместно напомнить о том, что метафора как лингвистическое явление есть одно из средств познания мира, в том числе познания научного.¹ Раскрывая свою поэтику в «Разговоре о Данте» (1933), Манделштам писал: «Я сравниваю — значит, я живу,— мог бы сказать Дант... Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение».² Основное средство диалога с «чужим словом» в стихе Манделштама — развертывание (реализация) метафоры «чужого слова». Манделштам в равной степени совершенствует все элементы стиха — ритм³ (ему врожденный), строфику, мелодику, приводя их в гармоническое равновесие. «Манделштам решает одну из труднейших задач стихового языка. Уже у старых теоретиков есть трудное понятие „гармонии“ — „гармония требует полноты звуков, смотря по объятности мысли“, причем, как бы предчувствуя наше время, старые теоретики просят не смешивать в одно „гармонию“ и „мелодику“».⁴

В 1910-е годы сложилось и мировоззрение Манделштама. Выше мы уже цитировали его письмо к Вл.Гишпиусу из Парижа, в котором говорилось о связи собственных «первых религиозных переживаний» с «марксистской догмой». Е.А.Тоддес обратил внимание на то, что психологическая закономерность такой связи раскрыта у Н.А.Бердяева: «Русский духовный ренессанс имел несколько истоков. Как это ни странно на первый взгляд, но одним из его истоков был русский марксизм. <...> Марксизм по своему характеру располагал к построению широких и целостных историсофских концепций, в нем были сильны мессианские элементы. <...>

¹ См.: Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993. С. 7, 23.

² Указ. соч. Т. 3/4. С. 190 (черновая запись).

³ См. специальную работу: Гаспаров М.Л. Эволюция метрики Манделштама // Жизнь и творчество О.Э.Манделштама. Воронеж, 1990.

⁴ Тынянов Ю.Н. Промежуток (1924) // Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 187. «Старый теоретик» у Тынянова — П.А.Плетнев (Там же. С. 480).

Я убежден в том, что для некоторых, например, для О.С.Булгакова, марксизм был своеобразной теологией и они вкладывали в него свои религиозные инстинкты», и позднее: «Я сейчас склонен думать, что одни и те же мотивы привели меня к революции и к религии».¹

Острота поисков была обусловлена уходом поэта из генетически родственной национальной и религиозной (но не языковой) среды в мир родного (русского) языка, через христианство имевшего момент культурной преемственности от иудейской религии (Ветхий Завет).² Поиски в области христианской эстетики, вокруг которых раскрываются тематические и сюжетные планы его стихов и прозы, увенчались в эссе «Скрябин и христианство» (1917): «Христианское искусство всегда действие, основанное на великой идее искупления. Это бесконечно разнообразное в своих проявлениях „подражание Христу“, вечное возвращение к единственному творческому акту, положившему начало нашей исторической эре. Христианское искусство свободно. <...> Никакая необходимость, даже самая высокая, не омрачает его светлой внутренней свободы, ибо прообраз его, то, чему оно подражает, есть само искупление мира Христом. Итак, не жертва, не искупление в искусстве, а свободное и радостное подражание Христу — вот краеугольный камень христианской эстетики. Божественная иллюзия искупления, заключающаяся в христианском искусстве, объясняется именно этой игрой с нами Божества, которое позволяет нам блуждать по тропинкам Мистерии, с тем чтобы мы как бы сами от себя

¹ Из трудов Бердяева «Типы религиозной мысли в России» и «Самопознание», цит. по статье: Тоддес Е.А. Поэтическая идеология // Лит. обозрение. 1991. № 3. С. 36—37.

² Мучительная двойственность, порождаемая этой двойной связью, никогда не была преодолена окончательно. Ранние стихи «Из омута злого и вязкого...» и мемуарная параллель к ним в «Шуме времени» (гл. «Хаос иудейский» и в других главах) обнаруживают один полюс, «Четвертая проза» с известными пассажами («писательство... несовместимо с почетным званием иудея, которым я горжусь») и «Канцона» — другой. На пути религиозных поисков закономерно было бы ожидать и моментов религиозного сомнения, намеки на которые (в духе И.Ф.Анненского) в ранних стихах Мандельштама были зафиксированы А.Е.Аникиным (Из наблюдений над поэтикой И.Анненского // Серебряный век в России. М., 1993. С. 138—139).

напали на искупление, пережив катарсис, очищение в искусстве».¹

Обширность идейно-тематического диапазона в творчестве Манделъштама не позволяет представить его в настоящем очерке даже бегло, и мы вынуждены отослать читателя к новейшим исследованиям М.Л.Гаспарова,² С.С.Аверинцева³ и к уже упомянутой статье Е.А.Тоддеса.⁴

Притягательность, которой обладают стихи Манделъштама, обусловлена и широтой отклика на проблемы, которые порождало его время, и соотносительностью их с вневременными, вечными ценностями, и той полнотой, с которой поэт сумел воплотить собственное «я», сделать стихи влияющими на судьбу поступками, фактами собственной биографии.⁵

И твой, бесконечность, учебник
Читаю один, без людей...

(«И я выхожу из пространства...»)

Летом 1921 года Манделъштам, получив известия из Киева, едет туда за Н.Я.Хазиной, и вместе они отправляются в Закавказье, по маршруту Ростов — Кисловодск — Баку —

¹ Рус. лит. 1991. № 1. С. 71. Н.А.Струве, оценивая эссе с точки зрения предшествующей и современной традиции, писал в своей монографии: «Никогда еще ни один поэт не давал такого смелого христоцентрического и таинственного определения» (Осип Манделъштам. Лондон. 1990. С. 137). Об устойчивости мировоззрения Манделъштама в 1930-е годы (не только в религиозном аспекте) говорят и мотивы его поздних стихов, и некоторые мемуарные свидетельства. Так, Н.И. Харджиев в личной беседе подтвердил нам точность слов, приведенных в мемуарах Н.Я. Манделъштам: «О.М. сказал... что считает себя последним христианско-эллинистическим поэтом в России» (Манделъштам Н.Я. Воспоминания. М., 1989. С.241).

² Поэт и культура: три поэтики Осипа Манделъштама // De Visu. 1993. № 10.

³ Судьба и весть Осипа Манделъштама // Манделъштам О. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1; обратим внимание на тонкий анализ психологических мотивов, отразившихся в стихотворении «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (Там же. С. 59).

⁴ Постановкой проблемы статья намечает новые пути в исследовании тематических комплексов. В частности, в ней рассматриваются превращения религиозной темы в период, когда поэт искал контактов с «новым миром» в пореволюционные годы.

⁵ См. об этом: Левин Ю.И. Заметки о поэзии Манделъштама тридцатых годов // Slavica Hierosolymitana. 1978. Vol. III. P. 110—118.

Тифлис — Батум — Сухум — Новороссийск. Из знаменательных встреч этой поездки — посещение Вяч. Иванова в Баку, где Иванов преподавал в университете, и знакомство в Батуме с Михаилом Булгаковым. Спустя год, весной 1922 года, Мандельштамы через Киев (где был зарегистрирован брак) возвращаются в Москву и поселяются в Доме Герцена — писательском общежитии на Тверском бульваре. Начался новый период жизни — период зрелости. Мандельштам стал женат — и это так не подходило к облику его юности, который хорошо помнили его эмигрировавшие приятели.

«Мы поселились в Москве, и я никогда не видела Мандельштама таким сосредоточенным, суровым и замкнутым, как в те годы», — писала об этом времени Н.Я.Мандельштам.¹ Стихи угасали, их вытесняли переводы, в большинстве своем прозаические, — только они и приносили деньги на пропитание. Творчество Мандельштама (как и Ахматовой) было признано «классово чуждым», и имя его с середины 1920-х годов постепенно исчезает из списков сотрудников периодических изданий.

С 1924 по 1928 год Мандельштамы живут в Ленинграде — снимают комнату на ул. Герцена, а затем в Детском (бывшем Царском) Селе, в размещенном тогда в здании Лицея пансионате. Портрет Мандельштама этих лет оставила в своих воспоминаниях знакомая семья, Иза Давыдовна Ханцын²: «Все мы, во всяком случае большинство, принадлежим к какой-нибудь породе животных — Осип Эмильевич был похож на птицу; это птичье сказывалось во всем. Его голова была чуть поднята кверху и наклонена набок при опять же птичьей летящей походке. Его лицо всегда обращало на себя внимание из-за необыкновенно выразительных глаз — страдание в них сменялось нежностью, задумчивостью; иногда в них было отсутствующее выражение.

Главным в этом человеке была эмоциональная окраска всего, что бы он ни делал: на все повышенная реакция. Он был легко раним и впечатлителен, очень остро все воспринимал.

На протяжении всех лет, что я его знала, он подсознательно — а возможно и сознательно — сопротивлялся всему бытовому... Ему было все равно, что на нем надето. Вот пример: в Ростове он отправился в парикмахерскую, потом

¹ Вторая книга. М., 1990. С. 100.

² Пианистка, преподаватель Ленинградской консерватории; жена А.О.Моргулиса (см. примеч. к «Маргулетам»).

зашел за нами в Кафе поэтов и сказал, что забыл в парикмахерской шляпу; мы все отправились за шляпой, но гардеробщик выгнал нас, сказав, что Мандельштама он видит впервые. Оказалось, что за углом есть другая парикмахерская, туда Осип Эмильевич пошел уже один — мы побоялись. На этот раз он не ошибся и вышел в шляпе — но в какой! — это было что-то вроде котелка неопределенного цвета и формы, в который Мандельштам почти провалился.

— Ося, что у тебя на голове?! — говорила Надя. Он удивлялся: — Как, разве это не моя шляпа? — Мандельштам не знал своих вещей. И вещи не любили его и убегали от него, все пропадало. Надежда Яковлевна без конца искала исчезнувшие вещи.

Так же он относился и к деньгам — радовался им и очень легко, сам не зная на что, тратил, так что денег, как правило, не было. <...> Создать ему быт Надежда Яковлевна не могла, он разрушал его тут же, да она и сама не очень это умела — в чем-то они были очень похожи. Их взаимные отношения доходили до общего дыхания. Ей было много хлопот с ним: она старалась уберечь его от непонимания и нападок, она боялась отпускать его одного — он не умел соблюдать правил так называемого порядка, в котором очень плохо разбирался, и потому боялся уличной администрации — милиционеров и управхозов; кроме того, он был рассеян. Эта постоянная боязнь чего-то ощущалась в нем постоянно, он словно предчувствовал свой рок.

Как чтец своих стихов Мандельштам незабываем. Ему была присуща поразительная музыкальность, и ритм стихов он ощущал и передавал не как производную метра, а как музыку. Ритм был ему врожден. Свои стихи он оркестровал поразительно, и как поэт, и как чтец. Интонации его были очень выразительны и разнообразны — все это делало стихи в его устах еще значительнее.¹

Вторая половина 1920-х годов прошла под знаком переводной работы. К этому вынуждала болезнь жены — у нее подозревали туберкулез, и ей нужен был крымский климат; до 1929 года она проводила в Крыму почти все зимы. Переводы тогда оплачивались очень скупо, а сроки выполнения назначались смехотворно малые — два-три месяца на книгу объемом приблизительно с «Тия Уленшпигеля» Шарля де Костера; издательства и сроками, и оплатой толкали перевод-

¹ Воспоминания о Мандельштаме // Вестн. рус. христиан. движения. 1980. № 182. С. 143—144.

чиков на откровенную халтуру. В порядке вещей была так называемая «редактура», означавшая «перелицовку» старых дореволюционных переводов. Вокруг одного из переводов, как раз из-за помянутого «Уленшпигеля», и разыгралась история, итогом которой стало освобождение Мандельштама от переводческого ярма. Непосредственно перед ней была еще одна история, так же, как и «уленшпигелевское дело», попавшая в «Четвертую прозу». Государственная политика все больше ужесточалась. Проводились массовые высылки бывших эзпманов из городов; в 1928 году велась кампания по борьбе с «экономической контрреволюцией». В это время Мандельштам узнал о приговоренных к расстрелу за служебное преступление людях и, пораженный жестокостью приговора, вступился за них (никого из них лично он не знал). Действовал он энергично, пришлось обращаться ему и к Н.И.Бухарину, и в результате приговор был смягчен. Вскоре вышел «Тиль Уленшпигель» — книга, для издания которой Мандельштам отредактировал и свел два старых перевода — А.Горнфельда и В.Карякина. Против практики издательств в отношении переводной литературы (о ней речь шла выше) Мандельштам выступил еще в 1926 году, напечатав статью «Жак родился и умер». Но, работая для издательств, Мандельштам был вынужден прибегать к методам, которые там практиковались. По вине издательства на титульном листе книги было означено: «перевод О.Мандельштама»; несмотря на поправку, напечатанную редакцией в газете по требованию Мандельштама, и его письменное извинение в допущенной издательством ошибке, Горнфельд выступил со статьей, обвиняющей Мандельштама; Карякин подал иск в суд. Суд решил дело в пользу ответчика, но в 1929—1930 годах дело продолжало рассматриваться в комиссиях Федерации объединений советских писателей (ФОСП) и поставило Мандельштама на грань нервного истощения. Он заявляет о разрыве с «литературой» и делает попытки получить работу преподавателя.

Еще в 1928 году Бухарин помог поэту выпустить «Стихотворения» (тогда же вышли «Египетская марка» и сборник статей «О поэзии»), теперь он помогает Мандельштаму в поисках работы. В августе 1929 года Мандельштам получает место в «Московском комсомольце», ведет литературный отдел; молодые авторы к нему тянулись, работа налаживалась. Но в январе следующего года газета закрылась; он снова вынужден искать службу. На запрос Бухарина откликнулся нарком просвещения Армении, и весной 1930 года Мандельштамы едут в Ереван (перед этим жили два месяца в батумском санатории). Они живут в гостинице, совершая оттуда

поездки по стране — в Эчмиадзин, Ленинакан, Шушу, на Севан. Новые впечатления, впечатления от страны древней христианской культуры, находившейся на границе с мусульманским миром и со времен средневековья подвергавшейся с этой стороны одушительным завоеваниям, отразились в стихах ближайших лет. Здесь, во дворе ереванской мечети, Мандельштам познакомился с Б.С.Кузиным, молодым ученым-биологом, знавшим и любившим его стихи и впоследствии ставшим тем другом, которому посвящены стихи «К немецкой речи». Мандельштам в Армении не остался; он возвращается в Россию через Тифлис.

Пребывание в Тифлисе ознаменовалось становлением нового, после почти пятилетнего перерыва, стихотворного цикла. Творческий подъем возвращает Мандельштаму волю к жизни и энергию; уже нет в мыслях следа недавней истории с «Уленшпигелем», забыта начавшая уже проявляться одышкой болезнь сердца; навстречу своей судьбе, навстречу навигующимся темным временам Мандельштамы возвращаются в Ленинград.

В Ленинграде «устроиться» оказалось невозможно — отказал в поддержке Н.С.Тихонов. Жилья нет, и Мандельштамы живут врозь, он — у брата (в его квартире, на 8-й линии Васильевского острова, вскоре было написано стихотворение «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»), жена — у своей сестры, воспитательницы детей в одной из ленинградских семей. Состоялся переезд в Москву, но и здесь жизнь остается скитальческой: по квартирам родственников и знакомых, часто — врозь с женой. Жить было не на что. По ходатайству Бухарина Мандельштаму (как и Ахматовой) Совнарком назначает пенсию — «за заслуги в русской литературе»; ее, впрочем, хватало только на оплату жилья. В конце 1931 года поэта кое-как устраивают с жильем — вновь в Доме Герцена, в маленькой комнате писательского общежития. Между тем поток стихов не слабел, и удалось сделать несколько публикаций в журналах: Мандельштам заявлял о себе как поэт действующий, как поэт с новым голосом.

В 1932 году обстановка неблагополучия вокруг Мандельштама еще более сгущается. То был год, когда Мандельштам близко сошелся с молодыми биологами, работавшими в Зоологическом музее, знакомыми Б.С.Кузина. От них пришли новые интересы, которые дали импульс «Путешествию в Армению» и многим стихам, из которых выделяется «Ламарк» — шедевр этого года. В середине 1932 года Кузина арестовывают по одному из мифических обвинений, которые тогда применялись. Однако времена были, по выражению Ахматовой, «еще вегетарианские», и после хлопот и заступ-

ничества (Мандельштам обращался, в частности, к влиятельной М.С.Шагинян) Кузина освободили. Тогда в руках поэта была довольно крупная сумма денег, полученная от Гослитиздата за подготовленное, но не вышедшее в свет двухтомное собрание сочинений. Большая часть денег была внесена за пай в кооперативной пристройке к дому на ул. Фурманова, здесь Мандельштамы осенью 1934 года получили двухкомнатную квартиру, «воспетую» в стихах того же времени; на остальные поехали в Крым, взявши с собой Кузина, нуждавшегося в передышке после тюрьмы. Вдова А.С.Грина пригласила их к себе. В Старом Крыме они увидели картины ужасающего голода среди крестьян («Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым...»). В Коктебеле Мандельштам писал «Разговор о Данте» и обсуждал его с Андреем Белым.

В стране установился один из самых жестоких в истории тиранических режимов. Мандельштам, с 1931 года готовившийся говорить «за всех» («Отрывки уничтоженных стихов»), пишет «Мы живем, под собою не чуя страны...» и читая их знакомым, предает огласке. Тогда же в каблук туфли он прячет лезвие безопасной бритвы — оно будет извлечено в следственной тюрьме, вены будут перерезаны, но уйти из жизни помешают бдительные тюремщики. Об этом времени Ахматова писала: «...тьня неблагополучия и обреченности лежала на этом доме. Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 года), о чем говорили, не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: „Я к смерти готов“. Вот уже двадцать восемь лет я вспоминаю эту минуту, когда проезжаю мимо этого места. <...> К этому времени Мандельштам внешне очень изменился: отяжелел, поседел, стал плохо дышать — производил впечатление старика (ему было 42 года), но глаза по-прежнему сверкали. Стихи становились все лучше, проза тоже. <...> Я очень запомнила один из наших тогдашних разговоров о поэзии. О.Э., который очень болезненно переносил то, что сейчас называют культом личности, сказал мне: „Стихи сейчас должны быть гражданскими“ — и прочел „Мы живем, под собою не чуя страны...“. Примерно тогда же возникла его теория „знакомства слов“. Много позже он утверждал, что стихи пишутся *только* как результат сильных потрясений, как радостных, так и трагических. О своих стихах, где он хвалит Сталина („Мне хочется сказать не Сталин — Джугашвили“, 1937), он сказал мне: „Я теперь понимаю, что это была болезнь“.

13 мая 1934 года его арестовали. В этот самый день я после града телеграмм и телефонных звонков приехала из Ленинграда, где незадолго до этого произошло его столкнове-

ние с Толстым.¹ <...> Ордер на арест был подписан самим Ягодой². Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи, ходили по выброшенным из сундучка рукописям. Мы все сидели в одной комнате. Было очень тихо. У Кирсанова, за стеной, играла гавайская гитара. Следователь при мне нашел „Волка“³ и показал О.Э. Он молча кивнул. Прощаясь, поцеловал меня. Его увели в семь утра. <...> Пастернак, у которого я была в тот же день, пошел просить за Мандельштама в „Известия“ к Бухарину, я — в Кремль, к Енукидзе. (Тогда проникнуть в Кремль было почти чудом. Это устроил актер Русланов через секретаря Енукидзе.) <...> Навестить Надю из мужчин пришел один Перец Маркиш, а в это время бывший синдик Цеха поэтов, бывший Сергей Городецкий, выступая где-то, произнес следующую бессмертную фразу: „Это строчки той Ахматовой, которая ушла в контрреволюцию“, так что даже в „Лит. газете“, которая напечатала об этом собрании отчет, подлинные слова оратора были смягчены».⁴

Мандельштамы прибыли в Чердынь — предписанное им место ссылки — в июне 1934 года. Путь туда — через Свердловск и Соликамск — отразился в стихах («Кама», «День стоял о пяти головах...»). Телеграммы правительству об остро развившейся болезни поэта (см. примеч. к «Стансам») дали результат, место ссылки было заменено на Воронеж, куда, после новой изнурительной поездки в обратном направлении, прибыли в июле. Здесь в течение некоторого времени жизнь налаживается — рядом, в Москве, были

¹ Предыстория этого столкновения, описанного в нескольких мемуарах: писатель С.Бородин, сосед Мандельштамов по Дому Герцена, нанес оскорбление Н.Я.Мандельштам (ударил ее в ответ на какую-то реплику о не возвращенном им денежном долге). Конфликт разбирался в третейском суде под председательством А.Н.Толстого; суд вынес уклончивое решение, которое Мандельштам расценил как «ордер на избивание моей жены», и, специально приехав в Ленинград, дал символическую пощечину Толстому, рассчитывая на вызов на дуэль с его стороны, но Толстой дело замял.

² Как стало известно из материалов следственного дела, опубликованных В.Шенталинским, обыск у Мандельштама начался 16 мая, ордер был подписан не Ягодой, а его заместителем — Я.Аграновым (Огонек. 1991: № 1. С. 17).

³ Стихотворение «За гремучую доблесть грядущих веков...».

⁴ Ахматова А.А. Листки из дневника // Вопр. лит. 1989. № 2. С. 203, 205, 206.

друзья и близкие, помогавшие материально. Поэт находит второстепенную литературную работу — пишет рецензии и отзывы для воронежской газеты и журнала, ему даже разрешались поездки по области; он пишет тексты литературных передач для радио, несколько позже — работает литконсультантом в воронежском Большом советском театре. Возле Мандельштамов образуется очень небольшой круг знакомых — два-три человека из ссыльных литераторов. Из них назовем Павла Исааковича Калецкого и Сергея Борисовича Рудакова, высланного из Ленинграда за дворянское происхождение после убийства Кирова; в Воронеже он появился весной 1935 года. Рудаков собрал биографический материал о поэте и провел текстологическую работу по архиву. К сожалению, записи вместе с частью архива Мандельштама были сожжены женой Рудакова в период волны репрессий начала 1950-х годов.

Мандельштам пользовался книгами из тогда богатой библиотеки Воронежского университета, бывал в Воронежском музее, обладавшем собранием античной керамики (из эвакуированного в годы первой мировой войны в Воронеж музея Юрьевского университета). Из друзей навещать Мандельштама приезжали Ахматова и Э.Г. Гернштейн.

Относительное благополучие прервалось осенью 1936 года, с началом новой волны репрессий. Работу больше не предоставляли, и Мандельштамы жили на деньги, собранные друзьями и знакомыми (особенно следует отметить отзывчивость и щедрость Б.Л. Пастернака). В последний воронежский год Мандельштамы обретают друга — Наталию Евгеньевну Штемпель, ее образ запечатлелся в стихах.

С декабря 1936 года и до самого отъезда из Воронежа в середине мая 1937 года поэта захватывает небывалый по интенсивности творческий период, давший, в числе шедевров, «Стихи о неизвестном солдате». Зимой 1936—1937 года он создает «Стихи о Сталине» — в тщетной, как оказалось позднее, попытке сохранить себе жизнь. Позже, в конце 1937 года, он просил Н.Е. Штемпель эти стихи уничтожить (экземпляр был дан ей в Воронеже на сохранение), а в разговоре с Ахматовой назвал их вызванными «болезнью» (см. выше).

В мае 1937 года закончился срок ссылки. Мандельштамы возвращаются в Москву. Радость возвращения, встреч с друзьями омрачается новостью: их не прописывают, по закону о ссыльных им запрещено жить в Москве; в квартиру несколько раз является милиция. Из Москвы пришлось уехать. На лето Мандельштамы сняли комнату в Савелове,

небольшом городке на берегу Волги, на зиму переехали в Калинин. Мандельштамы часто приезжают в Москву: поэт стремится пробить дорогу своим стихам, прорваться к читателю, он без конца обращается в Союз писателей с требованием об издании книги стихов, об устройстве своего творческого вечера — безрезультатно. Мандельштам досаждал начальству, и эти обращения сыграли роковую роль в принятом тогда же решении о его «изоляции».

В.П.Ставский, ответственный секретарь Союза советских писателей, которому адресовались письма поэта, обратился с запиской к наркому внутренних дел Ежову с просьбой о помощи в «вопросе об О.Мандельштаме». Просьба была уважена, и 3 мая 1938 года поэт был арестован в санатории Союза писателей «Саматиха» (под Москвой).

Из Бутырской тюрьмы Мандельштам попадает в пересыльный лагерь № 3/10 под Владивостоком. Отсюда был путь на Колыму, но поэта, ослабленного физически и психически (по рассказам очевидцев, то было галлюцинаторное состояние, вызванное тюремным режимом, — подобное возникшему после заключения в 1934 году), задержала медицинская комиссия. 27 декабря 1938 года Мандельштам умер от болезни и истощения в больничном бараке пересыльного лагеря.

Поэт разделил судьбу своего поколения. Закончился его земной путь; началась посмертная жизнь — жизнь его стихов.

А. Мец

КАМЕНЬ

1

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа,
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...

1908

2

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.

О, вещая моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!

1908

3

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Всё большое далёко развеять,
Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

1908

4

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека,
И всё твое —
От неизбежного.

От неизбежного —
Твоя печаль,
И пальцы рук
Неостывающих,
И тихий звук
Неунывающих
Речей,
И даль
Твоих очей.

1909

5

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели.

Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,

Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко,—

Когда его художник милый
Выводит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.

1909

6

Есть целомудренные чары:
Высокий лад, глубокий мир;
Далёко от эфирных лир
Мной установленные лары.

У тщательно обмытых ниш
В часы внимательных закатов
Я слушаю моих пенатов
Всегда восторженную тишь.

Какой игрушечный удел,
Какие робкие законы
Приказывает торс точеный
И холод этих хрупких тел!

Иных богов не надо славить:
Они как равные с тобой,
И, осторожною рукой,
Позволено их переставить.

1909

7

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло,

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть!

1909

8

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой — сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Так много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая —
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна...

1909

9

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Темная звериная душа:

Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.

1909

Когда удар с ударами встречается,
И надо мною роковой
Неутомимый маятник качается
И хочет быть моей судьбой,

Торопится, и грубо остановится,
И упадет веретено, —
И невозможно встретиться, условиться,
И уклониться не дано.

Узоры острые переплетаются,
И всё быстрее и быстрее
Отравленные дротики взвиваются
В руках отважных дикарей...

1910

Медлительнее снежный улей,
Прозрачнее окна хрусталь,
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стуле.

Ткань, опьяненная собой,
Изнеженная лаской света,
Она испытывает лето,
Как бы не тронута зимой;

И если в ледяных алмазах
Струится вечности мороз,
Здесь — трепетание стрекоз
Быстроживущих, синеглазых.

1910

12. SILENTIUM

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день,
И пены бледная сирень
В черно-лазуревом сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немóту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

1910

13

Слух чуткий — парус натягает,
Расширенный пустеет взор,
И тишину переплывает
Полночных птиц незвучный хор.

Я так же беден, как природа,
И так же прост, как небеса,
И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса.

Я вижу месяц бездыханный
И небо мертвенней холста;
Твой мир, болезненный и странный,
Я принимаю, пустота!

1910

Как тень внезапных облаков,
 Морская гостья налетела
 И, проскользнув, прошелестела
 Смущенных мимо берегов.

Огромный парус строго реет;
 Смертельно-бледная волна
 Отпрянула — и вновь она
 Коснуться берега не смеет;

И лодка, волнами шурша,
 Как листьями, — уже далёко...
 И, принимая ветер рока,
 Раскрыла парус свой душа.

1910

Из омута злого и вязкого
 Я вырос, тростинкой шурша,
 И страстно, и томно, и ласково
 Запретною жизнью дыша.

И никну, никем не замеченный,
 В холодный и топкий приют,
 Приветственным шелестом встреченный
 Коротких осенних минут.

Я счастлив жестокой обидою,
 И в жизни, похожей на сон,
 Я каждому тайно завидую
 И в каждого тайно влюблен.

1910

16

В огромном омуте прозрачно и темно,
И томное окно белеет;
А сердце, отчего так медленно оно
И так упорно тяжелеет?

То всею тяжестью оно идет ко дну,
Соскучившись по милом иле,
То, как соломинка, минуя глубину,
Наверх всплывает без усилий.

С притворной нежностью у изголовья стой
И сам себя всю жизнь баюкай,
Как небылицею, своей томись тоской
И ласков будь с надменной скукой.

1910

17

Как кони медленно ступают,
Как мало в фонарях огня!
Чужие люди, верно, знают,
Куда везут они меня.

А я вверяюсь их заботе.
Мне холодно, я спать хочу;
Подбросило на повороте,
Навстречу звездному лучу.

Горячей головы качанье
И нежный лед руки чужой,
И темных елей очертанья,
Еще невиданные мной.

1911

Скудный луч, холодной мерою,
 Сеет свет в сыром лесу.
 Я печаль, как птицу серую,
 В сердце медленно несую.

Что мне делать с птицей раненой?
 Твердь умолкла, умерла.
 С колокольни отуманенной
 Кто-то снял колокола,

И стоит осиротелая
 И немая вышина —
 Как пустая башня белая,
 Где туман и тишина.

Утро, нежностью бездонное, —
 Полу-явь и полу-сон,
 Забытье неутоленное —
 Дум туманный перезвон...

1911

Воздух пасмурный влажен и гулок;
 Хорошо и не страшно в лесу.
 Легкий крест одиноких прогулок
 Я покорно опять понесу.

И опять к равнодушной отчизне
 Дикой уткой взовьется упрек:
 Я участвую в сумрачной жизни,
 Где один к одному одиночек!

Выстрел грянул. Над озером сонным
 Крылья уток теперь тяжелы,
 И двойным бытием отраженным
 Одурманены сосен стволы.

Небо тусклое с отцветом странным —
Мировая туманная боль —
О, позволь мне быть также туманным
И тебя не любить мне позволь!

1911

20

Сегодня дурной день:
Кузнечиков хор спит,
И сумрачных скал сень —
Мрачней гробовых плит.

Мелькающих стрел звон
И вещей ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.

Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клеть,
И яростный гимн грянь —
Бунтующих тайн медь!

О, маятник душ строг —
Качается глух, прям,
И страстно стучит рок
В запретную дверь, к нам...

1911

21

Смутно-дышащими листьями
Черный ветер шелестит,
И трепещущая ласточка
В темном небе круг чертит.

Тихо спорят в сердце ласковом
Умирающем моем

Наступающие сумерки
С догорающим лучом.

И над лесом вечереющим
Встала медная луна;
Отчего так мало музыки
И такая тишина?

1911

22

Отчего душа — так певуча,
И так мало милых имен,
И мгновенный ритм — только случай,
Неожиданный Аквилон?

Он подымет облако пыли,
Зашумит бумажной листвою,
И совсем не вернется — или
Он вернется совсем другой...

О широкий ветер Орфея,
Ты уйдешь в морские края —
И, несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное „я“.

Я блуждал в игрушечной чаще
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?

1911

23. РАКОВИНА

Быть может, я тебе не нужен,
Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.

Ты равнодушно волны пенишь
И несговорчиво поешь;
Но ты полюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь.

Ты на песок с ней рядом ляжешь,
Оденешь ризою своей,
Ты неразрывно с нею свяжешь
Огромный колокол зыбей;

И хрупкой раковины стены,
Как нежилого сердца дом,
Наполнишь шепотами пены,
Туманом, ветром и дождем...

1911

24

На перламутровый челнок
Натягивая шелка нити,
О пальцы гибкие, начните
Очаровательный урок!

Приливы и отливы рук —
Однообразные движенья,
Ты заклинаешь, без сомненья,
Какой-то солнечный испуг, —

Когда широкая ладонь,
Как раковина, пламенея,
То гаснет, к теням тяготeya,
То в розовый уйдет огонь!

1911

25

О небо, небо, ты мне будешь сниться!
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло,
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла!

1911

Я вздрагиваю от холода —
 Мне хочется онеметь!
 А в небе танцует золото —
 Приказывает мне петь.

Томись, музыкант встревоженный,
 Люби, вспоминай и плачь
 И, с тусклой планеты брошенный,
 Подхватывай легкий мяч!

Так вот она — настоящая
 С таинственным миром связь!
 Какая тоска щемящая,
 Какая беда стряслась!

Что, если, вздрогнув неправильно,
 Мерцающая всегда,
 Своей булавкой заржавленной
 Достанет меня звезда?

1912

Я ненавижу свет
 Однообразных звезд.
 Здравствуй, мой давний бред —
 Башни стрельчатой рост!

Кружевом, камень, будь
 И паутиной стань:
 Неба пустую грудь
 Тонкой иглою рань!

Будет и мой черед —
 Чую размах крыла.
 Так — но куда уйдет
 Мысли живой стрела?

Или, свой путь и срок,
Я, исчерпав, вернусь:
Там — я любить не мог,
Здесь — я любить боюсь...

1912

28

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
„Господи!“ — сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади.

1912

29

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность?

И Батюшкова мне противна спесь:
„Который час?“ — его спросили здесь,
А он ответил любопытным: „вечность“.

1912

30. ПЕШЕХОД

М.Л.Лозинскому

Я чувствую непобедимый страх
В присутствии таинственных высот;
Я ласточкой доволен в небесах,
И колокольни я люблю полет!

И, кажется, старинный пешеход,
Над пропастью, на гнущихся мостках,
Я слушаю — как снежный ком растет
И вечность бьет на каменных часах.

Когда бы так! Но я не путник тот,
Мелькающий на выцветших листьях,
И подлинно во мне печаль поет;

Действительно, лавина есть в горах!
И вся моя душа — в колоколах,
Но музыка от бездны не спасет!

1912

31. КАЗИНО

Я не поклонник радости предвзятой,
Подчас природа — серое пятно;
Мне, в опьянении легком, суждено
Изведать краски жизни небогатой.

Играет ветер тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И бездыханная, как полотно,
Душа висит над бездною проклятой.

Но я люблю на дюнах казино,
Широкий вид в туманное окно
И тонкий луч на скатерти измятой;

И, окружен водой зеленоватой,
Когда, как роза, в хрустале вино,—
Люблю следить за чайкою крылатой!

1912

32. ЦАРСКОЕ СЕЛО

Георгию Иванову

Поедем в Царское Село!
Там улыбаются мещанки,
Когда гусары после пьянки
Садятся в крепкое седло...
Поедем в Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьях — клочья ваты,
И грянут „здравия“ раскаты
На крик „здорово, молодцы!“
Казармы, парки и дворцы...

Одноэтажные дома,
Где однодумы-генералы
Свой коротают век усталый,
Читая „Ниву“ и Дюма...
Особняки — а не дома!

Свист паровоза... Едет князь.
В стеклянном павильоне свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходит офицер, кичась,—
Не сомневаюсь — это князь...

И возвращается домой —
Конечно, в царство этикета,
Внушая тайный страх, карета
С мощами фрейлины седой —
Что возвращается домой...

1912

33. ЗОЛОТОЙ

Целый день сырой осенний воздух
Я вдыхал в смятении и тоске;
Я хочу поужинать, и звезды
Золотые в темном кошельке!

И, дрожа от желтого тумана,
Я спустился в маленький подвал;
Я нигде такого ресторана
И такого сброда не видал!

Мелкие чиновники, японцы,
Теоретики чужой казны...
За прилавком щупает червонцы
Человек,— и все они пьяны.

— Будьте так любезны, разменяйте,—
Убедительно его прошу,—
Только мне бумажек не давайте —
Трехрублевок я не выношу!

Что мне делать с пьяною оравой?
Как попал сюда я, боже мой?
Если я на то имею право —
Разменяйте мне мой золотой!

1912

34. ЛЮТЕРАНИН

Я на прогулке похороны встретил
Близ протестантской кирки, в воскресенье,
Рассеянный прохожий, я заметил
Тех прихожан суровое волнение.

Чужая речь не достигала слуха,
И только упряжь тонкая сияла,
Да мостовая праздничная глухо
Ленивые подковы отражала.

А в эластичном сумраке кареты,
Куда печаль забилась, лицемерка,
Без слов, без слез, скупая на приветы,
Осенних роз мелькнула бутоньерка.

Тянулись иностранцы лентой черной,
И шли пешком заплаканные дамы,

Румянец под вуалью, и упорно
Над ними кучер правил вдаль, упрямый.

Кто б ни был ты, покойный лютеранин,
Тебя легко и просто хоронили.
Был взор слезой приличной затуманен,
И сдержанно колокола звонили.

И думал я: витийствовать не надо.
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любим рая, не боимся ада,
И в полдень матовый горим, как свечи.

1912

35. АЙЯ-СОФИЯ

Айя-София — здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи, подвешен к небесам.

И всем векам — пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила эфесская Диана
Сто семь зеленых мраморных столбов.

Но что же думал твой строитель щедрый,
Когда, душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на запад и восток?

Прекрасен храм, купающийся в мире,
И сорок окон — света торжество;
На парусах, под куполом, четыре
Архангела — прекраснее всего.

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживет,
И серафимов гулкое рыданье
Не покоробит темных позолот.

1912

36. NOTRE DAME

Где римский судья судил чужой народ,
Стоит базилика,— и, радостный и первый,
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый легкий свод.

Но выдает себя снаружи тайный план:
Здесь позаботилась подпружных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.

Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом — дуб и всюду царь — отвес.

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра,
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам.

1912

37. СТАРИК

Уже светло, поет сирена
В седьмом часу утра.
Старик, похожий на Верлена,
Теперь твоя пора!

В глазах лукавый или детский
Зеленый огонек;
На шею нацепил турецкий
Узорчатый платок.

Он богохульствует, бормочет
Несвязные слова;
Он исповедоваться хочет —
Но согрешить сперва.

Разочарованный рабочий
Иль огорченный мот —
А глаз, подбитый в недрах ночи,
Как радуга цветет.

А дома — руганью крылатой,
От ярости бледна, —
Встречает пьяного Сократа
Суровая жена!

1913

38. ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОФЫ

Н.Гумилеву

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель,
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припекке
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна — как броненосец в доке —
Россия отдыхает тяжело.

А над Невой — посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства жесткая порфира,
Как власяница грубая, бедна.

Тяжка обуза северного сноба —
Онегина старинная тоска;
На площади Сената — вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка.

Черпали воду ялики, и чайки
Морские посещали склад пеньки,
Где, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродят мужики.

Летит в туман моторов вереница;
Самолубивый, скромный пешеход —
Чудак Евгений — бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!

1913

39

Дев полуночных отвага
И безумных звезд разбег,
Да привяжется бродяга,
Вымогая на ночлег.

Кто, скажите, мне сознание
Виноградом замутит,
Если явь — Петра создание,
Медный всадник и гранит?

Слышу с крепости сигналы,
Замечаю, как тепло.
Выстрел пушечный в подвалы,
Вероятно, донесло.

И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы
Звезды, трезвая беседа,
Ветер западный с Невы.

1913

40. БАХ

Здесь прихожане — дети праха
И доски вместо образов,
Где мелом, Себастьяна Баха,
Лишь цифры значатся псалмов.

Разноголосица какая
В трактирах буйных и в церквах,
А ты ликуешь, как Исая,
О рассудительнейший Бах!

Высокий спорщик, неужели,
Играя внукам свой хорал,
Опору духа в самом деле
Ты в доказательстве искал?

Что звук? Шестнадцатые доли,
Органа многосложный крик —
Лишь воркотня твоя, не боле,
О несговорчивый старик!

И лютеранский проповедник
На черной кафедре своей
С твоими, гневный собеседник,
Мешает звук своих речей!

1913

41

В спокойных пригородах снег
Сгребают дворники лопатами;
Я с мужиками бородатыми
Иду, прохожий человек.

Мелькают женщины в платках,
И твякают дворняжки шальные,
И самоваров розы алые
Горят в трактирах и домах.

1913

42

Мы напряженного молчанья не выносим —
Несовершенство душ обидно, наконец!
И в замешательстве уж объявился чтец,
И радостно его приветствовали: „Просим!“

Я так и знал, кто здесь присутствовал незримо!
Кошмарный человек читает „Улялюм“.
Значенье — суета, и слово — только шум,
Когда фонетика — служанка серафима.

О доме Эшеров Эдгара пела арфа.
Безумный воду пил, очнулся и умолк.
Я был на улице. Свистел осенний шелк...
И горло греет шелк щекочущего шарфа...

1913

43. АДМИРАЛТЕЙСТВО

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в темной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали, воде и небу брат.

Ладя воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота — не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.

Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек.
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?

Сердито лепятся капризные медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря;
И вот разорваны трех измерений узы,
И открываются всемирные моря!

1913

В таверне воровская шайка
 Всю ночь играла в домино.
 Пришла с яичницей хозяйка;
 Монахи выпили вино.

На башне спорили химеры:
 Которая из них урод?
 А утром проповедник серый
 В палатки призывал народ.

На рынке возятся собаки,
 Менялы щелкает замок.
 У вечности ворует всякий,
 А вечность — как морской песок:

Он осыпается с телеги —
 Не хватит на мешки рогож —
 И, недовольный, о ночлеге
 Монах рассказывает ложь!

1913

45. КИНЕМАТОГРАФ

Кинематограф. Три скамейки.
 Сантиментальная горячка.
 Аристократка и богачка
 В сетях соперницы-злодейки.

Не удержать любви полета:
 Она ни в чем не виновата!
 Самоотверженно, как брата,
 Любила лейтенанта флота.

А он скитается в пустыне,
 Седого графа сын побочный.
 Так начинается лубочный
 Роман красавицы-графини.

И в иступленьи, как гитана,
Она заламывает руки.
Разлука, Бешеные звуки
Затравленного фортепьяно.

В груди доверчивой и слабой
Еще достаточно отваги
Похитить важные бумаги
Для неприятельского штаба.

И по каштановой аллее
Чудовищный мотор несется.
Стрекочет лента, сердце бьется
Тревожнее и веселее.

В дорожном платье, с саквояжем,
В автомобиле и в вагоне,
Она боится лишь погони,
Сухим измучена миражем.

Какая горькая нелепость:
Цель не оправдывает средства!
Ему — отцовское наследство,
А ей — пожизненная крепость!

1913

46. ТЕННИС

Средь аляповатых дач,
Где шатается шарманка,
Сам собой летает мяч,
Как волшебная приманка.

Кто, смиривший грубый пыл,
Облеченный в снег альпийский,
С резвой девушкой вступил
В поединок олимпийский?

Слишком дряхлы струны лир:
Золотой ракеты струны
Укрепил и бросил в мир
Англичанин вечно юный!

Он творит игры обряд,
Так легко вооруженный,
Как аттический солдат,
В своего врага влюбленный!

Май. Грозóвых туч клочки.
Неживая зелень чахнет.
Всё моторы и гудки —
И сирень бензином пахнет.

Ключевую воду пьет
Из ковша спортсмен веселый;
И опять война идет,
И мелькает локоть голый!

1913

47. АМЕРИКАНКА

Американка в двадцать лет
Должна добраться до Египта,
Забыв „Титаника“ совет,
Что спит на дне мрачнее крипта.

В Америке гудки поют,
И красных небоскребов трубы
Холодным тучам отдают
Свои прокопченные губы.

И в Лувре океана дочь
Стоит, прекрасная, как тополь;
Чтоб мрамор сахарный толочь,
Влезает белкой на Акрополь.

Не понимая ничего,
Читает „Фауста“ в вагоне
И сожалеет, отчего
Людовик больше не на троне.

1913

48. ДОМБИ И СЫН

Когда, пронзительнее свиста,
Я слышу а́нглийский язык —
Я вижу Оливера Твиста
Над кипами конторских книг.

У Чарльза Диккенса спросите,
Что было в Лондоне тогда:
Контора Домби в старом Сити
И Темзы желтая вода.

Дожди и слезы. Белокурый
И нежный мальчик Домби-сын;
Веселых клерков каламбуры
Не понимает он один.

В конторе сломанные стулья;
На шиллинги и пенсы счет;
Как пчелы, вылетев из улья,
Роятся цифры круглый год.

А грязных адвокатов жало
Работает в табачной мгле —
И вот, как старая мочала,
Банкрот болтается в петле.

На стороне врагов законы:
Ему ничем нельзя помочь!
И клетчатые панталоны,
Рыдая, обнимает дочь.

1913

49

Отравлен хлеб и воздух выпит.
Как трудно раны врачевать!
Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать!

Под звездным небом бедуины,
Закрыв глаза и на коне,
Слагают вольные былины
О смутно пережитом дне.

Немного нужно для наитий:
Кто потерял в песке колчан,
Кто выменял коня, — событий
Рассеивается туман;

И, если подлинно поется
И полной грудью, наконец,
Всё исчезает — остается
Пространство, звезды и певец!

1913

50

Летают валькирии, поют смычки.
Громоздкая опера к концу идет.
С тяжелыми шубами гайдуки
На мраморных лестницах ждут господ.

Уж занавес наглухо упасть готов;
Еще рукоплещет в райке глупец,
Извозчики пляшут вокруг костров.
Карету такого-то! Разъезд. Конец.

1914

51

На луне не растет
Ни одной былинки;
На луне весь народ
Делает корзинки —
Из соломы плетет
Легкие корзинки.

На луне — полутьма
И дома опрятней;
На луне не дома —
Просто голубятни,
Голубые дома —
Чудо-голубятни...

1914

52. АХМАТОВА

Вполоборота — о, печаль! —
На равнодушных поглядела.
Спадая с плеч, окаменела
Ложноклассическая шаль.

Зловещий голос — горький хмель —
Души расковыывает недра:
Так — негодующая Федра —
Стояла некогда Рашель.

1914

53

О временах простых и грубых
Копыта конские твердят,
И дворники в тяжелых шубах
На деревянных лавках спят.

На стук в железные ворота
Привратник, царственно-ленив,
Встал, и звериная зевота
Напомнила твой образ, скиф,

Когда с дряхлеющей любовью,
Мешая в песнях Рим и снег,
Овидий пел арбу воловью
В походе варварских телег.

1914

На площадь выбежав, свободен
 Стал колоннады полукруг —
 И распластался храм Господень,
 Как легкий крестовик-паук.

А зодчий не был итальянец,
 Но русский в Риме; ну так что ж!
 Ты каждый раз, как иностранец,
 Сквозь рощу портиков идешь;

И храма маленькое тело
 Одушевленное стократ
 Гиганта, что скалою целой
 К земле беспомощно прижат!

1914

Есть иволги в лесах, и гласных долгота
 В тонических стихах единственная мера.
 Но только раз в году бывает разлита
 В природе длительность, как в метрике Гомера.

Как бы цезурою зияет этот день:
 Уже с утра покой и трудные длинноты;
 Волы на пастбище, и золотая лень
 Из тростника извлечь богатство целой ноты.

1914

„Мороженоно!“ Солнце. Воздушный бисквит.
 Прозрачный стакан с ледяною водою.
 И в мир шоколада с румяной зарею,
 В молочные Альпы мечтанье летит.

Но, ложечкой звякнув, умильно глядеть —
И в тесной беседке, средь пыльных акаций,
Принять благосклонно от булочных граций
В затейливой чашечке хрупкую снедь...

Подруга шарманки, появится вдруг
Бродячего ледника пестрая крышка —
И с жадным вниманием смотрит мальчишка
В чудесного холода полный сундук.

И боги не ведают — что он возьмет:
Алмазные сливки иль вафлю с начинкой?
Но быстро исчезнет под тонкой лучинкой,
Сверкая на солнце, божественный лед,

1914

57

Природа — тот же Рим и отразилась в нем.
Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде роши.

Природа — тот же Рим! И, кажется, опять
Нам незачем богов напрасно беспокоить —
Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить!

1914

58

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью брэнной:
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.

Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны;
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари!

1914

Я не слышал рассказов Оссиана,
 Не пробовал старинного вина;
 Зачем же мне мерещится поляна,
 Шотландии кровавая луна?

И переключка ворона и арфы
 Мне чудится в зловещей тишине;
 И ветром развеваемые шарфы
 Дружинников мелькают при луне!

Я получил блаженное наследство —
 Чужих певцов блуждающие сны;
 Свое родство и скучное соседство
 Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
 Минуя внуков, к правнукам уйдет;
 И снова скальд чужую песню сложит
 И как свою ее произнесет.

1914

60. ЕВРОПА

Как средиземный краб или звезда морская,
 Был выброшен водой последний материк;
 К широкой Азии, к Америке привык,
 Слабеет океан, Европу омывая.

Изрезаны ее живые берега,
 И полуостровов воздушны изваянья;
 Немного женственны заливов очертанья:
 Бискайи, Генуи ленивая дуга.

Завоевателей исконная земля,
 Европа в рубище Священного союза;
 Пята Испании, Италии медуза,
 И Польша нежная, где нету короля;

Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних,—
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта!

1914

61. ПОСОХ

Посох мой, моя свобода —
Сердцевина бытия,
Скоро ль истиной народа
Станет истина моя?

Я земле не поклонился
Прежде, чем себя нашел;
Посох взял, развеселился
И в далекий Рим пошел.

А снега на черных пашнях
Не растают никогда,
И печаль моих домашних
Мне по-прежнему чужда.

Снег растает на утесах —
Солнцем истины палим...
Прав народ, вручивший посох
Мне, увидевшему Рим!

1914

62. ОДА БЕТХОВЕНУ

Бывает сердце так сурово,
Что и любя его не тронь!
И в темной комнате глухого
Бетховена горит огонь.
И я не мог твоей, мучитель,
Чрезмерной радости понять —

Уже бросает исполнитель
Испепеленную тетрадь.

.....
.....
.....
Кто этот дивный пешеход?
Он так стремительно ступает
С зеленой шляпою в руке,
.....
.....

С кем можно глубже и полнее
Всю чашу нежности испить;
Кто может, ярче пламенея,
Усиле воли освятить;
Кто по-крестьянски, сын фламандца,
Мир пригласил на ритуфель
И до тех пор не кончил танца,
Пока не вышел буйный хмель?

О Дионис, как муж, наивный
И благодарный, как дитя,
Ты перенес свой жребий дивный
То негодуя, то шутя!
С каким глухим негодованьем
Ты собирал с князей оброк
Или с рассеянным вниманьем
На фортепьянный шел урок!

Тебе монашеские кельи —
Всемирной радости приют,
Тебе в пророческом весельи
Огнепоклонники поют;
Огонь пылает в человеке,
Его унять никто не мог.
Тебя назвать не смели греки,
Но чтили, неизвестный бог!

О, величавой жертвы пламя!
Полнеба охватил костер —
И царской скинии над нами
Разодран шелковый шатер.
И в промежутке воспаленном,
Где мы не видим ничего, —
Ты указал в чертоге тронном
На белой славы торжество!

1914

63

Уничтожает пламень
Сухую жизнь мою,
И ныне я не камень,
А дерево пою.

Оно легко и грубо;
Из одного куска
И сердцевина дуба,
И весла рыбака.

Вбивайте крепче сваи,
Стучите, молотки,
О деревянном рае,
Где вещи так легки.

1915

64

И поныне на Афоне
Древо чудное растет,
На крутом зеленом склоне
Имя Божие поет.

В каждой радуются келье
Имябожцы-мужики:
Слово — чистое веселье,
Исцеленье от тоски!

Всенародно, громогласно
Чернецы осуждены,
Но от ереси прекрасной
Мы спастись не должны.

Каждый раз, когда мы любим,
Мы в нее впадаем вновь.
Безымянную мы губим
Вместе с именем любовь.

1915

65

„Hier stehe ich —
ich kann nicht anders...“

„Здесь я стою — я не могу иначе“;
Не просветлеет темная гора —
И кряжистого Лютера незрячий
Витает дух над куполом Петра.

1915

66. АББАТ

О, спутник вечного романа,
Аббат Флобера и Золя —
От зноя рыжая сутана
И шляпы круглые поля;
Он всё еще проходит мимо,
В тумане полдня, вдоль межи,
Влача остаток власти Рима
Среди колосьев спелой ржи.

Храня молчанье и приличье,
Он должен с нами пить и есть
И прятать в светское обличье
Сияющей тонзуры честь.
Он Цицерона на перине
Читает, отходя ко сну:
Так птицы на своей латыни
Молились богу в старину.

Я поклонился, он ответил
Кивком учтивым головы
И, говоря со мной, заметил:
„Католиком умрете вы!“
Потом вздохнул: „Как нынче жарко!“
И, разговором утомлен,
Направился к каштанам парка,
В тот замок, где обедал он.

1915

67

От вторника и до субботы
Одна пустыня пролегла.
О, длительные перелеты!
Семь тысяч верст — одна стрела.

И ласточки, когда летели
В Египет водяным путем,
Четыре дня они висели,
Не зачерпнув воды крылом.

1915

68

О свободе небывалой
Сладко думать у свечи.
— Ты побудь со мной сначала,—
Верность плакала в ночи,—

Только я мою корону
Возлагаю на тебя,
Чтоб свободе, как закону,
Подчинился ты, любя...

— Я свободе, как закону,
Обручен, и потому

Эту легкую корону
Никогда я не сниму.

Нам ли, брошенным в пространстве,
Обреченным умереть,
О прекрасном постоянстве
И о верности жалеть!

1915

69

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи —
На головах царей божественная пена —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот, Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

1915

70

С веселым ржанием пасутся табуны,
И римской ржавчиной окрасилась долина;
Сухое золото классической весны
Уносит времени прозрачная стремнина.

Топча по осени дубовые листья,
Что густо стелются пустынною тропинкой,
Я вспомню Цезаря прекрасные черты —
Сей профиль женственный с коварною горбинкой!

Здесь, Капитолия и Форума вдали,
Средь увядания спокойного природы,
Я слышу Августа и на краю земли
Державным яблоком катящиеся годы.

Да будет в старости печаль моя светла:
Я в Риме родился, и он ко мне вернулся;
Мне осень добрая волчицею была,
И — месяц Цезаря — мне август улыбнулся.

1915

71

Я не увижу знаменитой „Федры“
В старинном многоярусном театре,
С прокопченной высокой галереи,
При свете оплывающих свечей.
И, равнодушен к суете актеров,
Сбирающих рукоплесканий жатву,
Я не услышу обращенный к рампе,
Двойною рифмой оперенный стих:

— Как эти покрывала мне постылы...

Театр Расина! Мощная завеса
Нас отделяет от другого мира;
Глубокими морщинами волнуя,
Меж ним и нами занавес лежит:
Спадают с плеч классические шали,
Расплавленный страданьем крепнет голос,
И достигает скорбного закала
Негодованием раскаленный слог...

Я опоздал на празднество Расина...

Вновь шелестят истлевшие афиши,
И слабо пахнет апельсинной коркой,
И словно из столетней летаргии
Очнувшийся сосед мне говорит:

— Измученный безумством Мельпомены,
Я в этой жизни жажду только мира;
Уйдем, покуда зрители-шакалы
На растерзанье Музы не пришли!
Когда бы грек увидел наши игры...

1915

TRISTIA

— Как этих покрывал и этого убора
Мне пышность тяжела среди моего позора!

— Будет в каменной Трезене
Знаменитая беда,
Царской лестницы ступени
Покраснеют от стыда
.....
.....
И для матери влюбленной
Солнце черное взойдет.

— О, если б ненависть в груди моей кипела —
Но, видите, само признание с уст слетело.

— Черным пламенем Федра горит
Среди белого дня.
Погребальный факел чадит
Среди белого дня.
Бойся матери ты, Ипполит:
Федра-ночь тебя сторожит
Среди белого дня.

— Любовью черною я солнце запятнала!
Смерть охладит мой пыл из чистого фиала.

— Мы боимся, мы не смеем
Горю царскому помочь.
Уязвленная Тезеем,
На него напала ночь.
Мы же, песнью похоронной
Провожая мертвых в дом,
Страсти дикой и бессонной
Солнце черное уйдем.

1915

73. ЗВЕРИНЕЦ

Отверженное слово „мир“
В начале оскорбленной эры;
Светильник в глубине пещеры
И воздух горных стран — эфир;
Эфир, которым не сумели,
Не захотели мы дышать.
Козлиным голосом, опять,
Поют косматые свирели,

Пока ягнята и волы
На тучных пастбищах водились
И дружелюбные садились
На плечи сонных скал орлы, —
Германец выкормил орла,
И лев британцу покорился,
И гальский гребень появился
Из петушиного хохла.

А ныне завладел дикарь
Священной палицей Геракла,
И черная земля иссякла,
Неблагодарная, как встарь.
Я палочку возьму сухую,
Огонь добуду из нее,
Пускай уходит в ночь глухую
Мной взлохотенное зверье!

Петух и лев, широкохмурый
Орел и ласковый медведь —
Мы для войны построим клеть,
Звериные пригреем шкуры.
А я пою вино времен —
Источник речи италийской,
И, в колыбели праарийской,
Славянский и германский лён!

Италия, тебе не лень
Тревожить Рима колесницы,

С кудахтаньем домашней птицы
Перелетев через плетень?
И ты, соседка, не взыщи, —
Орел топорщится и злится:
Что, если для твоей пращи
Холодный камень не годится?

В зверинце заперев зверей,
Мы успокоимся надолго,
И станет полноводней Волга,
И рейнская струя светлей —
И умудренный человек
Почтит невольно чужестранца,
Как полубога, буйством танца
На берегах великих рек.

1916

74

На розвальнях, уложенных соломой,
Едва прикрытые рогожей роковой,
От Воробьевых гор до церковки знакомой
Мы ехали огромною Москвой.

А в Угличе играют дети в бабки
И пахнет хлеб, оставленный в печи.
По улицам меня везут без шапки,
И теплятся в часовне три свечи.

Не три свечи горели, а три встречи —
Одну из них сам Бог благословил,
Четвертой не бывать, а Рим далече —
И никогда он Рима не любил.

Ныряли сани в черные ухабы,
И возвращался с гульбища народ.
Худые мужики и злые бабы
Переминались у ворот.

Сырая даль от птичьих стай чернела,
И связанные руки затекли;
Царевича везут, немеет страшно тело —
И рыжую солому подожгли.

1916

75

Мне холодно. Прозрачная весна
В зеленый пух Петрополь одевает,
Но, как медуза, невская волна
Мне отвращенье легкое внушает.
По набережной северной реки
Автомобилей мчатся светляки,
Летят стрекозы и жуки стальные,
Мерцают звезд булавки золотые,
Но никакие звезды не убьют
Морской воды тяжелый изумруд.

1916

76

В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина.
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем,
И каждый час нам смертная година.

Богиня моря, грозная Афина,
Сними могучий каменный шелом.
В Петрополе прозрачном мы умрем,—
Здесь царствуешь не ты, а Прозерпина.

1916

Не веря воскресенья чуду,
 На кладбище гуляли мы.
 — Ты знаешь, мне земля повсюду
 Напоминает те холмы

.....

Где обрывается Россия
 Над морем черным и глухим.

От монастырских косогоров
 Широкий убегает луг.
 Мне от владимирских просторов
 Так не хотелось на юг,
 Но в этой темной, деревянной
 И юродивой слободе
 С такой монашкой туманной
 Остаться — значит, быть беде.

Целую локоть загорелый
 И лба кусочек восковой,
 Я знаю: он остался белый
 Под смуглой прядью золотой.
 Целую кисть, где от браслета
 Еще белеет полоса.
 Тавриды пламенное лето
 Творит такие чудеса.

Как скоро ты смуглянкой стала
 И к Спасу бедному пришла,
 Не отрываясь целовала,
 А гордою в Москве была.
 Нам остается только имя:
 Чудесный звук, на долгий срок.
 Прими ж ладонями моими
 Пересыпаемый песок.

1916

Эта ночь непоправима,
 А у вас еще светло!
 У ворот Ерусалима
 Солнце черное взошло.

Солнце желтое страшнее —
 Баю-баюшки-баю —
 В светлом храме иудей
 Хоронили мать мою.

Благодати не имея
 И священства лишены,
 В светлом храме иудей
 Отпевали прах жены.

И над матерью звенели
 Голоса израильтян.
 Я проснулся в колыбели,
 Черным солнцем осиян.

1916

Собирались эллины войною
 На прелестный остров Саламин —
 Он, отторгнут вражеской рукою,
 Виден был из гавани Афин.

А теперь друзья-островитяне
 Снаряжают наши корабли —
 Не любили раньше англичане
 Европейской сладостной земли.

О Европа, новая Эллада,
 Охраняй Акрополь и Пирей!
 Нам подарков с острова не надо —
 Целый лес незваных кораблей.

1916

I

Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне
 И ждешь, бессонная, чтоб, важен и высок,
 Спокойной тяжестью — что может быть
печальней —
 На веки чуткие спустился потолок,

Соломка звонкая, соломинка сухая,
 Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
 Сломалась милая соломка неживая,
 Не Саломея, нет, соломинка скорей.

В часы бессонницы предметы тяжелее,
 Как будто меньше их — такая тишина,—
 Мерцают в зеркале подушки, чуть белея,
 И в круглом омуте кровать отражена.

Нет, не Соломинка в торжественном атласе,
 В огромной комнате над черною Невою,
 Двенадцать месяцев поют о смертном часе,
 Струится в воздухе лед бледно-голубой.

Декабрь торжественный струит свое дыханье,
 Как будто в комнате тяжелая Нева.
 Нет, не Соломинка — Лигейя, умиранье,—
 Я научился вам, блаженные слова.

II

Я научился вам, блаженные слова:
 Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита.
 В огромной комнате тяжелая Нева,
 И голубая кровь струится из гранита.

Декабрь торжественный сияет над Невою.
 Двенадцать месяцев поют о смертном часе.
 Нет, не Соломинка в торжественном атласе
 Вкушает медленный томительный покой.

В моей крови живет декабрьская Лигейя,
Чья в саркофаге спит блаженная любовь.
А та — Соломинка, быть может — Саломея,
Убита жалостью и не вернется вновь.

1916

82. ДЕКАБРИСТ

— Тому свидетельство языческий сенат —
Сии дела не умирают!
Он раскурил чубук и запахнул халат,
А рядом в шахматы играют.

Честолюбивый сон он променял на сруб
В глухом урочище Сибири,
И вычурный чубук у ядовитых губ,
Сказавших правду в скорбном мире.

Шумели в первый раз германские дубы.
Европа плакала в тенетах.
Квадриги черные вставали на дыбы
На триумфальных поворотах.

Бывало, голубой в стаканах пунш горит.
С широким шумом самовара
Подруга рейнская тихонько говорит,
Вольнолюбивая гитара.

— Еще волнуются живые голоса
О сладкой вольности гражданства!
Но жертвы не хотят слепые небеса:
Вернее труд и постоянство.

Всё перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Всё перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея.

1917

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
— Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба
занесла,
Мы совсем не скучаем,— и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки,— идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни:
Далеко в шалаше голоса — не поймешь,
не ответишь.

После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть
виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке,
В каменистой Тавриде наука Эллады — и вот
Золотых десятиц благородные, ржавые грядки.

Ну а в комнате белой,— как прялка, стоит тишина.
Пахнет уксусом, краской и свежим вином
из подвала.

Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена —
Не Елена — другая — как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем
полный.

1917

Еще далёко асфodelей
 Прозрачно-серая весна,
 Пока еще на самом деле
 Шуршит песок, кипит волна.
 Но здесь душа моя вступает,
 Как Персефона, в легкий круг;
 И в царстве мертвых не бывает
 Прелестных, загорелых рук.

Зачем же лодке доверяем
 Мы тяжесть урны гробовой
 И праздник черных роз свершаем
 Над аметистовой водой?
 Туда душа моя стремится,
 За мыс туманный Меганом,
 И черный парус возвратится
 Оттуда после похорон!

Как быстро тучи пробегают
 Неосвещенною грядой,
 И хлопья черных роз летают
 Под этой ветряной луной.
 И, птица смерти и рыданья,
 Влачится траурной каймой
 Огромный флаг воспоминанья
 За кипарисною кормой.

И раскрывается с шуршаньем
 Печальный веер прошлых лет —
 Туда, где с темным содроганьем
 В песок зарылся амулет;
 Туда душа моя стремится,
 За мыс туманный Меганом,
 И черный парус возвратится
 Оттуда после похорон!

1917

Среди священников левитом молодым
 На страже утренней он долго оставался.
 Ночь иудейская сгущалася над ним,
 И храм разрушенный угрюмо созидался.

Он говорил: „Небес тревожна желтизна.
 Уж над Евфратом ночь, бегите, иереи!“
 А старцы думали: не наша в том вина;
 Се черно-желтый свет, се радость Иудеи.

Он с нами был, когда, на берегу ручья,
 Мы в драгоценный лен Субботу пеленали
 И семисвещником тяжелым освещали
 Ерусалима ночь и чад небытия.

1917

Твое чудесное произношенье —
 Горячий посвист хищных птиц;
 Скажу ль: живое впечатленье
 Каких-то шелковых зарниц.

„Что“ — голова отяжелела.
 „Цо“ — это я тебя зову!
 И далеко прошелестело:
 Я тоже на земле живу.

Пусть говорят: любовь крылата,
 Смерть окрыленное стократ;
 Еще душа борьбой объята,
 А наши губы к ней летят.

И столько воздуха и шелка
 И ветра в шепоте твоём,
 И, как слепые, ночью долгой
 Мы смесь бессолнечную пьем.

1917

Что поют часы-кузнечик,
 Лихорадка шелестит,
 И шуршит сухая печка —
 Это красный шелк горит.

Что зубами мыши точат
 Жизни тоненькое дно —
 Это ласточка и дочка
 Отвязала мой челнок.

Что на крыше дождь бормочет —
 Это черный шелк горит.
 Но черемуха услышит
 И на дне морском: прости.

Потому что смерть невинна,
 И ничем нельзя помочь,
 Что в горячке соловьиной
 Сердце теплое еще.

1917

Когда на площадях и в тишине келейной
 Мы сходим медленно с ума,
 Холодного и чистого рейнвейна
 Предложит нам жестокая зима.

В серебряном ведре нам предлагает стужа
 Валгаллы белое вино,
 И светлый образ северного мужа
 Напоминает нам оно.

Но северные скальды грубы,
 Не знают радостей игры,
 И северным дружинам любы
 Янтарь, пожары и пиры.

Им только снится воздух юга —
Чужого неба волшебство,
И все-таки упрямая подруга
Откажется попробовать его.

1917

89. КАССАНДРЕ

Я не искал в цветущие мгновенья
Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз,
Но в декабре — торжественное бденье —
Вспоминанье мучит нас!

И в декабре семнадцатого года
Всё потеряли мы, любя:
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя...

Когда-нибудь в столице шалой,
На скифском празднике, на берегу Невы,
При звуках омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы...

Но если эта жизнь — необходимость бреда
И корабельный лес — высокие дома, —
Лети, безрукая победа,
Гиперборейская чума!

На площади с броневиками
Я вижу человека: он
Волков горящими пугает головнями —
Свобода, равенство, закон!

1917

В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа,
 Нам пели Шуберта — родная колыбель!
 Шумела мельница, и в песнях урагана
 Смеялся музыки голубоглазый хмель.

Старинной песни мир — коричневый,
зеленый,

Но только вечно-молодой,
 Где соловьиных лип рокочущие кроны
 С безумной яростью качает царь лесной.

И сила страшная ночного возвращенья
 Та песня дикая, как черное вино:
 Это двойник — пустое привиденье —
 Бессмысленно глядит в холодное окно!

1918

На страшной высоте блуждающий огонь,
 Но разве так звезда мерцает?
 Прозрачная звезда, блуждающий огонь,
 Твой брат, Петрополь, умирает.

На страшной высоте земные сны горят,
 Зеленая звезда мерцает.
 О, если ты звезда, — воде и небу брат,
 Твой брат, Петрополь, умирает.

Чудовищный корабль на страшной высоте
 Несется, крылья расправляет —
 Зеленая звезда, в прекрасной нищете
 Твой брат, Петрополь, умирает.

Прозрачная весна над черною Невой
 Сломалась. Воск бессмертья тает.
 О, если ты звезда, — Петрополь, город твой,
 Твой брат, Петрополь, умирает.

1918

Когда в теплой ночи замирает
 Лихорадочный форум Москвы
 И театров широкие зевы
 Возвращают толпу площадям —

Протекает по улицам пышным
 Оживленье ночных похорон:
 Льются мрачно-веселые толпы
 Из каких-то божественных недр.

Это солнце ночное хоронит
 Возбужденная играми чернь,
 Возвращаясь с полночного пира
 Под глухие удары копыт.

И как новый встает Геркуланум,
 Спящий город в сияньи луны:
 И убогого рынка лачуги,
 И могучий дорический ствол.

1918

Прославим, братья, сумерки свободы,
 Великий сумеречный год!
 В кипящие ночные воды
 Опущен грузный лес тенёт.
 Восходишь ты в глухие годы —
 О солнце, судия, народ!

Прославим роковое бремя,
 Которое в слезах народный вождь берет.
 Прославим власти сумрачное бремя,
 Ее невыносимый гнет.
 В ком сердце есть — тот должен слышать, время,
 Как твой корабль ко дну идет.

Мы в легионы боевые
Связали ласточек — и вот
Не видно солнца; вся стихия
Щебечет, движется, живет;
Сквозь сети — сумерки густые —
Не видно солнца и земля плавает.

Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плавает. Мужайтесь, мужи.
Как плугом океан деля,
Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.

1918

94. TRISTIA

Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.
Жуют волю, и длится ожиданье,
Последний час вигилий городских.
И чту обряд той петушиной ночи,
Когда, подняв дорожной скорби груз,
Глядели вдаль заплаканные очи
И женский плач мешался с пеньем муз.

Кто может знать при слове — расставанье,
Какая нам разлука предстоит?
Что нам сулит петушьё восклицанье,
Когда огонь в акрополе горит?
И на заре какой-то новой жизни,
Когда в сенях лениво вол жуёт,
Зачем петух, глашатай новой жизни,
На городской стене крылами бьет?

И я люблю обыкновенье пряжи:
Снуёт челнок, веретено жужжит.
Смотри: навстречу, словно пух лебяжий,
Уже босая Деля летит!

О, нашей жизни скудная основа!
Куда как беден радости язык!
Всё было встарь. Всё повторится снова.
И сладок нам лишь узнаванья миг.

Да будет так: прозрачная фигурка
На чистом блюде глиняном лежит,
Как беличья распластанная шкурка,
Склонясь над воском, девушка глядит.
Не нам гадать о греческом Эрбе,
Для женщин воск — что для мужчины медь,
Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано гадая умереть.

1918

95

На каменных отрогах Пиэрии
Водили музы первый хоровод,
Чтобы, как пчелы, лирники слепые
Нам подарили ионийский мед.
И холодком повеяло высоким
От выпукло-девического лба,
Чтобы раскрылись правнукам далеким
Архипелага нежные гроба.

Бежит весна топтать луга Эллады,
Обула Сафо пестрый сапожок,
И молоточками куют цикады,
Как в песенке поется, перстенек.
Высокий дом построил плотник дюжий,
На свадьбу всех передушили кур,
И растянул сапожник неуклюжий
На башмаки все пять воловьих шкур.

Нерасторопна черепаха-лира,
Едва-едва, беспалая, ползет.
Лежит себе на солнышке Эпира,
Тихонько грея золотой живот.

Ну кто ее такую приласкает,
Кто спящую ее перевернет —
Она во сне Терпандра ожидает,
Сухих перстов предчувствуя налет.

Поит дубы холодная криница,
Простоволосая шумит трава,
На радость осам пахнет медуница.
О, где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба,
Где только мед, вино и молоко,
Скрипучий труд не омрачает неба
И колесо вращается легко.

1919

96

В хрустальном омуте какая крутизна!
За нас сиенские предстательствуют горы,
И сумасшедших скал колючие соборы
Повисли в воздухе, где шерсть и тишина.

С висячей лестницы пророков и царей
Спускается орган, святого духа крепость,
Овчарок бодрый лай и добрая свирепость,
Овчины пастухов и посохи судей.

Вот неподвижная земля, и вместе с ней
Я христианства пью холодный горный воздух,
Крутое „Верую“ и псалмопевца роздых,
Ключи и рубища апостольских церквей.

Какая линия могла бы передать
Хрусталь высоких нот в эфире укрепленном,
И с христианских гор в пространстве
изумленном,
Как Палестрины песнь, нисходит благодать.

1919

Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы
ваши приметы.

Медуницы и осы тяжелую розу сосут;
Человек умирает. Песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках несут.

Ах, тяжелые соты и нежные сети!
Легче камень поднять, чем имя твое повторить.
У меня остается одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.

Словно темную воду, я пью помутившийся воздух.
Время вспахано плугом, и роза землею была.
В медленном водовороте тяжелые нежные розы,
Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела.

1920

Вернись в смесительное лоно,
Откуда, Лия, ты пришла,
За то, что солнцу Илиона
Ты желтый сумрак предпочла.

Иди, никто тебя не тронет,
На грудь отца в глухую ночь
Пускай главу свою уронит
Кровосмесительница-дочь.

Но роковая перемена
В тебе исполниться должна:
Ты будешь Лия — не Елена,
Не потому наречена,

Что царской крови тяжелее
Струиться в жилах, чем другой, —
Нет, ты полюбишь иудея,
Исчезнешь в нем — и бог с тобой.

1920

Венецйской жизни, мрачной и бесплодной,
 Для меня значение светло:
 Вот она глядит с улыбкою холодной
 В голубое дряхлое стекло.

Тонкий воздух кожи. Синие прожилки.
 Белый снег. Зеленая парча.
 Всех кладут на кипарисные носилки,
 Сонных, теплых вынимают из плаща.

И горят, горят в корзинах свечи,
 Словно голубь залетел в ковчег.
 На театре и на праздном вече
 Умирает человек.

Ибо нет спасенья от любви и страха:
 Тяжелее платины Сатурново кольцо!
 Черным бархатом завешенная плаха
 И прекрасное лицо.

Тяжелы твои, Венеция, уборы,
 В кипарисных рамах зеркала.
 Воздух твой граненый. В спальне тают горы
 Голубого дряхлого стекла.

Только в пальцах роза или склянка —
 Адриатика зеленая, прости!
 Что же ты молчишь, скажи, венецианка,
 Как от этой смерти праздничной уйти?

Черный Веспер в зеркале мерцает.
 Всё проходит. Истина темна.
 Человек рождается. Жемчуг умирает.
 И Сусанна старцев ждать должна.

1920

100. ФЕОДОСИЯ

Окружена высокими холмами,
Овечьим стадом ты с горы сбегаешь
И розовыми, белыми камнями
В сухом прозрачном воздухе сверкаешь.
Качаются разбойничьи фелюги,
Горят в порту турецких флагов маки,
Тростинки мачт, хрусталь волны упругий
И на канатах лодочки-гамаки.

На все лады, оплаканное всеми,
С утра до ночи „яблочко“ поется.
Уносит ветер золотое семя —
Оно пропало, больше не вернется.
А в переулочках, чуть свечерело,
Пиликают, согнувшись, музыканты,
По двое и по трое, неумело,
Невероятные свои, варьянты.

О, горбоносых странников фигурки!
О, средиземный радостный зверинец!
Расхаживают в полотенцах турки,
Как петухи, у маленьких гостиниц.
Везут собак в тюрьмоподобной фуре,
Сухая пыль по улицам несется,
И хладнокровен средь базарных фурий
Монументальный повар с броненосца.

Идем туда, где разные науки
И ремесло — шашлык и чебуреки,
Где вывеска, изображая брюки,
Дает понятие нам о человеке.
Мужской сюртук — без головы стремленье,
Цирюльника летающая скрипка
И месмерический уют — явление
Небесных прачек — тяжести улыбка.

Здесь девушки стареющие в челках
Обдумывают странные наряды,

И адмиралы в твердых треуголках
Припоминают сон Шехерезады.
Прозрачна даль. Немного винограда.
И неизменно дует ветер свежий.
Недалеко до Смирны и Багдада,
Но трудно плыть, а звезды всюду те же.

1919—1920; 1922

101

Когда Психея-жизнь спускается к теням
В полупрозрачный лес, вослед за Персефоной,—
Слепая ласточка бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зеленой.

Навстречу беженке спешит толпа теней,
Товарку новую встречая причитаньем,
И руки слабые ломают перед ней
С недоумением и робким упованьем.

Кто держит зеркальце, кто баночку духов,
Душа ведь — женщина, ей нравятся бездел-
ки! —

И лес безлиственный прозрачных голосов
Сухие жалобы кропят, как дождик мелкий.

И в нежной сутолке, не зная, что начать,
Душа не узнает прозрачных дубравы,
Дохнет на зеркало и медлит передать
Лепешку медную с туманной переправы.

1920

102

Я слово позабыл, что я хотел сказать.
Слепая ласточка в чертог теней вернется
На крыльях срезанных, с прозрачными играть.
В беспамятстве ночная песнь поется.

Не слышно птиц. Бессмертник не цветет.
Прозрачны гривы табуна ночного.
В сухой реке пустой челнок плывет.
Среди кузнечиков беспамятствует слово.

И медленно растет, как бы шатер иль храм:
То вдруг прокинется безумной Антигоной,
То мертвой ласточкой бросается к ногам,
С стигийской нежностью и веткою зеленой.

О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд,
И выпуклую радость узнаванья:
Я так боюсь рыданья аонид,
Тумана, звона и зиянья!

А смертным власть дана любить и узнавать,
Для них и звук в персты прольется!
Но я забыл, что я хочу сказать,—
И мысль бесплотная в чертог теней вернется.

Всё не о том прозрачная твердит,
Всё — ласточка, подружка, Антигона...
А на губах, как черный лед, горит
Стигийского воспоминанье звона.

1920

103

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем,
И блаженное, бессмысленное слово
В первый раз произнесем.
В черном бархате советской ночи,
В бархате всемирной пустоты,
Всё поют блаженных жен родные очи,
Всё цветут бессмертные цветы.

Дикой кошкой горбится столица,
На мосту патруль стоит,
Только злой мотор во мгле промчится
И кукушкой прокричит.

Мне не надо пропуска ночного,
Часовых я не боюсь:
За блаженное, бессмысленное слово
Я в ночи советской помолюсь.

Слышу легкий театральный шорох.
И девическое „ах“ —
И бессмертных роз огромный ворох
У Киприды на руках.
У костра мы греемся от скуки,
Может быть, века пройдут,
И блаженных жен родные руки
Легкий пепел соберут.

Где-то хоры сладкие Орфея
И родные темные зрачки,
И на рядки кресел с галереи
Падают афиши-голубки.
Что ж, гаси, пожалуй, наши свечи,
В черном бархате всемирной пустоты
Всё поют блаженных жен крутые плечи,
А ночного солнца не заметишь ты.

1920

104

Чуть мерцает призрачная сцена,
Хоры слабые теней,
Захлестнула шелком Мельпомена
Окна храмины своей.
Черным табором стоят кареты,
На дворе мороз трещит,
Всё космато: люди и предметы,
И горячий снег хрустит.

Понемногу челядь разбирает
Шуб медвежьих вороха.
В суматохе бабочка летает.
Розу кутают в меха.

Модной пестряди кружки и мошки,
Театральный легкий жар,
А на улице мигают плошки
И тяжелый валит пар.

Кучера измаялись от крика,
И храпит и дышит тьма.
Ничего, голубка Эвридика,
Что у нас студеная зима.
Слаще пенья итальянской речи
Для меня родной язык,
Ибо в нем таинственно лепечет
Чужеземных арф родник.

Пахнет дымом бедная овчина.
От сугроба улица черна.
Из блаженного, певучего притина
К нам летит бессмертная весна;
Чтобы вечно ария звучала:
„Ты вернешься на зеленые луга“, —
И живая ласточка упала
На горячие снега.

1920

105

Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарей стон звенит,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит.

Над Курою есть духаны,
Где вино и милый плов,
И духанщик там румяный
Подает гостям стаканы
И служить тебе готов!

Кахетинское густое
Хорошо в подвале пить,—
Там в прохладе, там в покое
Пейте вдоволь, пейте двое:
Одному не надо пить!

В самом маленьком духане
Ты обманщика найдешь,
Если спросишь „Телиани“ —
Поплывет Тифлис в тумане,
Ты в бутылке поплывешь.

Человек бывает старым,
А барашек молодым,
И под месяцем поджарым
С розоватым винным паром
Полетит шашлычный дым...

1920; 1927; 1935

106

Мне жалко, что теперь зима
И комаров не слышно в доме,
Но ты напомнила сама
О легкомысленной соломе.

Стрекозы вьются в синеве,
И ласточкой кружится мода,
Корзиночка на голове —
Или напыщенная ода?

Советовать я не берусь,
И бесполезны отговорки,
Но взбитых сливок вечен вкус
И запах апельсинной корки.

Ты всё толкуешь наобум,
От этого ничуть не хуже,
Что делать, самый нежный ум
Весь помещается снаружи.

И ты пытаешься желток
Взбивать рассерженною ложкой,
Он побелел, он изнемог —
И все-таки еще немножко.

И право, не твоя вина —
Зачем оценки и изнанки, —
Ты как нарочно создана
Для комедийной перебранки.

В тебе всё дразнит, всё поет,
Как итальянская рулада,
И маленький вишневый рот
Сухого просит винограда.

Так не старайся быть умней,
В тебе всё прихоть, всё минута.
И тень от шапочки твоей —
Венецианская баута.

1920

107

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.

Не отвязать неприкрепленной лодки.
Не услышать в меха обутой тени.
Не превозмочь в дремучей жизни страха.

Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.

Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина — дремучий лес Тайгета,
Их пища — время, медуница, мята...

Возьми ж на радость дикий мой подарок —
Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце!

1920

За то, что я руки твои не сумел удержать,
 За то, что я предал соленые нежные губы,
 Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать —
 Как я ненавижу пахучие, древние срубы!

Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
 Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко.
 Никак не уляжется крови сухая возня,
 И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.

Как мог я подумать, что ты возвратишься, как
смел?

Зачем преждевременно я от тебя оторвался?
 Еще не рассеялся мрак и петух не пропел,
 Еще в древесину горячий топор не врезался.

Прозрачной слезой на стенах проступила смола,
 И чувствует город свои деревянные ребра,
 Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла,
 И трижды приснился мужам соблазнительный
образ.

Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?
 Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник.
 И падают стрелы сухим деревянным дождем,
 И стрелы другие растут на земле, как орешник.

Последней звезды безболезненно гаснет укол,
 И серую ласточкой утро в окно постучится,
 И медленный день, как в соломе проснувшийся
вол,

На стогах, шершавых от долгого сна, шевелится.

1920

Когда городская выходит на стогны луна,
 И медленно ей озаряется город дремучий,
 И ночь нарастает, унынья и меди полна,
 И грубому времени воск уступает певучий,

И плачет кукушка на каменной башне своей,
 И бледная жница, сходящая в мир бездыханный,
 Тихонько шевелит огромные сныцы теней,
 И желтой соломой бросает на пол деревянный...

1920

Я наравне с другими
 Хочу тебе служить,
 От ревности сухими
 Губами ворожить.
 Не утоляет слово
 Мне пересохших уст,
 И без тебя мне снова
 Дремучий воздух пуст.

Я больше не ревную,
 Но я тебя хочу,
 И сам себя несу я,
 Как жертву палачу.
 Тебя не назову я
 Ни радость, ни любовь,
 На дикую, чужую
 Мне подменили кровь.

Еще одно мгновенье,
 И я скажу тебе:
 Не радость, а мученье
 Я нахожу в тебе.
 И, словно преступленье,
 Меня к тебе влечет

Искусанный в смятеньи
Вишневый нежный рот.

Вернись ко мне скорее,
Мне страшно без тебя,
Я никогда сильнее
Не чувствовал тебя,
И всё, чего хочу я,
Я вижу наяву.
Я больше не ревную,
Но я тебя зову.

1920

111

Я в хоровод теней, топтавших нежный луг,
С певучим именем вмешался...
Но всё растаяло — и только слабый звук
В туманной памяти остался.

Сначала думал я, что имя — серафим,
И тела легкого дичился,
Немного дней прошло, и я смешался с ним
И в милой тени растворился.

И снова яблоня теряет дикий плод,
И тайный образ мне мелькает,
И богохульствует, и сам себя клянет,
И угли ревности глотает.

А счастье катится, как обруч золотой,
Чужую волю исполняя,
И ты гоняешься за легкою весной,
Ладонью воздух рассекая.

И так устроено, что не выходим мы
Из заколдованного круга;
Земли девической упругие холмы
Лежат спеленатые туго.

1920

1921—1925

112. КОНЦЕРТ НА ВОКЗАЛЕ

Нельзя дышать, и твердь кишит червями,
И ни одна звезда не говорит,
Но, видит Бог, есть музыка над нами,—
Дрожит вокзал от пенья аонид,
И снова, паровозными свистками
Разорванный, скрипичный воздух слит.

Огромный парк. Вокзала шар стеклянный.
Железный мир опять заморожен.
На звучный пир в элизиум туманный
Торжественно уносится вагон.
Павлиний крик и рокот фортепьянный.
Я опоздал. Мне страшно. Это сон.

И я вхожу в стеклянный лес вокзала,
Скрипичный строй в смятении и слезах.
Ночного хора дикое начало
И запах роз в гниющих парниках,
Где под стеклянным небом ночевала
Родная тень в кочующих толпах.

И мнится мне: весь в музыке и пене
Железный мир так нищенски дрожит.
В стеклянные я упираюсь сени.
Куда же ты? На тризне милой тени
В последний раз нам музыка звучит.

1921

Умывался ночью на дворе —
 Твердь сияла грубыми звездами.
 Звездный луч — как соль на топоре,
 Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты воротá,
 И земля по совести сурова,—
 Чище правды свежего холста
 Вряд ли где отыщется основа.

Таёт в бочке, словно соль, звезда,
 И вода студёная чернее,
 Чище смерть, солёнее беда,
 И земля правдивей и страшнее.

1921

Кому зима — арак и пунш голубоглазый,
 Кому — душистое с корицею вино,
 Кому — жестоких звезд солёные приказы
 В избушку дымную перенести дано.

Немного теплого куриного помета
 И бестолкового овечьего тепла;
 Я всё отдам за жизнь — мне так нужна забота,—
 И спичка серная меня б согреть могла.

Взгляни: в моей руке лишь глиняная крынка,
 И верещанье звезд щекочет слабый слух,
 Но желтизну травы и теплоту суглинка
 Нельзя не полюбить сквозь этот жалкий пух.

Тихонько гладить шерсть и ворошить солому,
 Как яблоня зимой, в рогоже голодать,
 Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому,
 И шарить в пустоте, и терпеливо ждать.

Пусть заговорщики торопятся по снегу
Отарою овец и хрупкий наст скрипит,
Кому зима — полынь и горький дым к ночлегу,
Кому — крутая соль торжественных обид.

О, если бы поднять фонарь на длинной палке,
С собакой впереди идти под солью звезд,
И с петухом в горшке прийти на двор к гадалке.
А белый, белый снег до боли очи ест.

1922

115

С розовой пеной усталости у мягких губ
Яростно волны зеленые роет бык,
Фыркает, гребли не любит — женолюб,
Ноша хребту непривычна, и труд велик.

Изредка выскочит дельфина колесо
Да повстречается морской колючий еж.
Нежные руки Европы, берите всё!
Где ты для выи желанней ярмо найдешь?

Горько внимает Европа могучий плеск,
Тучное море кругом закипает в ключ,
Видно, страшит ее вод маслянистый блеск
И соскользнуть бы хотелось с шершавых круч.

О, сколько раз ей милее уключин скрип,
Лоном широкая палуба, гурт овец
И за высокой кормою мельканье рыб!
С нею безвёсельный дальше плывет гребец.

1922

Холодок щекочет темя,
И нельзя признаться вдруг —
И меня срезает время,
Как скосило твой каблук.

Жизнь себя перемогает;
Понемногу тает звук;
Всё чего-то не хватает,
Что-то вспомнить недосуг.

А ведь раньше лучше было,
И, пожалуй, не сравнишь,
Как ты прежде шелестила,
Кровь, как нынче шелестишь.

Видно, даром не проходит
Шевеленье этих губ,
И вершина колобродит,
Обреченная на сруб.

1922

Как растет хлебов опара,
Поначалу хороша,
И беснуется от жару
Домовитая душа.

Словно хлебные Софии
С херувимского стола
Круглым жаром налитые
Подымают купола.

Чтобы силой или лаской
Чудный выманить припек,
Время — царственный подпасок —
Ловит слово-колобок.

И свое находит место
Черствый пасынок веков —
Усыхающий довесок
Прежде вынутых хлебов.

1922

Я не знаю, с каких пор
 Эта песенка началась —
 Не по ней ли шуршит вор,
 Комариный звенит князь?

Я хотел бы ни о чем
 Еще раз поговорить,
 Прошуршать спичкой, плечом
 Растолкать ночь — разбудить.

Раскидать бы за стогом стог —
 Шалку воздуха, что томит;
 Распороть, разорвать мешок,
 В котором тмин зашит.

Чтобы розовой крови связь,
 Этих сухоньких трав звон,
 Уворованная, нашлась
 Через век, сеновал, сон.

1922

Я по лесенке приставной
 Лез на включенный сеновал, —
 Я дышал звезд млечных трухой,
 Колтуном пространства дышал.

И подумал: зачем будить
 Удлиненных звучаний рой,
 В этой вечной склоке ловить
 Эолийский чудесный строй?

Звезд в ковше Медведицы семь.
 Добрых чувств на земле пять.
 Набухает, звенит темь,
 И растет, и звенит опять.

Распряженный огромный воз
 Поперек вселенной торчит.
 Сеновала древний хаос
 Защекочет, запорошит...

Не своей чешуей шуршим,
Против шерсти мира поем,
Лиру строим, словно спешим
Обрасти косматым руном.

Из гнезда упавших щелгов
Косари приносят назад —
Из горящих вырвусь рядов
И вернусь в родной звукоряд.

Чтобы розовой крови связь
И травы сухорукий звон
Распростились: одна — скрепясь,
А другая — в заумный сон.

1922

120

Ветер нам утешенье принес,
И в лазури почуяли мы
Ассирийские крылья стрекоз,
Переборы коленчатой тьмы.

И военной грозой потемнел
Нижний слой помраченных небес,
Шестируких летающих тел
Слюдяной перепончатый лес.

Есть в лазури слепой уголок,
И в блаженные полдни всегда,
Как сгустившейся ночи намек,
Роковая трепещет звезда.

И, с трудом пробиваясь вперед,
В чешуе искалеченных крыл,
Под высокую руку берет
Побежденную твердь Азраил.

1922

121. МОСКОВСКИЙ ДОЖДИК

Он подает куда как скупо
Свой воробьиный холодок —
Немного нам, немного купам,
Немного вишням на лоток.

И в темноте растет кипенье —
Чаинка легкая возня, —
Как бы воздушный муравейник
Пирует в темных зеленях;

И свежих капель виноградник
Зашевелился в мураве, —
Как будто холода рассадник
Открылся в лапчатой Москве!

1922

122. ВЕК

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.

Тварь, покуда жизнь хватает,
Донести хребет должна,
И невидимым играет
Позвоночником волна.
Словно нежный хрящ ребенка
Век младенческий земли.
Снова в жертву, как ягненка,
Темя жизни принесли.

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.

Сличит с притяженьем земного лона
Шероховатую поверхность морей.

А вдыхая запах
Смолистых слез, проступивших сквозь обшивку
корабля,

Любуясь на доски,
Заклепанные, слаженные в переборки
Не вифлеемским мирным плотником, а другим —
Отцом путешествий, другом морехода, —
Говорим:

И они стояли на земле,
Неудобной, как хребет осла,
Забывая верхушками о корнях,
На знаменитом горном кряже,
И шумели под пресным ливнем,
Безуспешно предлагая небу выменять на щепотку
соли

Свой благородный груз.

С чего начать?
Всё трещит и качается.
Воздух дрожит от сравнений.
Ни одно слово не лучше другого,
Земля гудит метафорой,
И легкие двуколки
В броской упряжи густых от натуги птичьих стай
Разрываются на части,
Соперничая с храпящими любимцами ристалищ.

Трижды блажен, кто введет в песнь имя;
Украшенная названьем песнь
Дольше живет среди других —
Она отмечена среди подруг повязкой на лбу,
Исцеляющей от беспамятства, слишком сильного
одуряющего запаха,

Будь то близость мужчины,
Или запах шерсти сильного зверя,
Или просто дух чобра, растертого между ладоней.

Воздух бывает темным, как вода, и всё живое
в нем плавает как рыба,
Плавниками расталкивая сферу,
Плотную, упругую, чуть нагретую,—
Хрусталь, в котором движутся колеса
и шарахаются лошади,
Влажный чернозем Нееры, каждую ночь
распаханный заново
Вилами, трезубцами, мотыгами, плугами.
Воздух замешен так же густо, как земля:
Из него нельзя выйти, в него трудно войти.

Шорох пробегает по деревьям зеленой лаптой.
Дети играют в бабки позвонками умерших
животных.
Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит
к концу.

Спасибо за то, что было:
Я сам ошибся, я сбился, запутался в счете.
Эра звенела, как шар золотой,
Полая, литая, никем не поддерживаемая,
На всякое прикосновение отвечала „да" и „нет".
Так ребенок отвечает:
„Я дам тебе яблоко" или „Я не дам тебе яблока",
И лицо его точный слепок с голоса, который
произносит эти слова.

Звук еще звенит, хотя причина звука исчезла.
Конь лежит в пыли и храпит в мыле,
Но крутой поворот его шеи
Еще сохраняет воспоминание о беге
с разбросанными ногами —
Когда их было не четыре,
А по числу камней дороги,
Обновляемых в четыре смены,
По числу отталкиваний от земли пышущего жаром
иноходца.

Так
Нашедший подкову
Сдувает с нее пыль
И растирает ее шерстью, пока она не заблестит.
Тогда
Он вешает ее на пороге,
Чтобы она отдохнула,
И больше уж ей не придется высекать искры
из кремня.
Человеческие губы, которым больше нечего
сказать,
Сохраняют форму последнего сказанного слова,
И в руке остается ощущение тяжести,
Хотя кувшин наполовину расплескался, пока
его несли домой.
То, что я сейчас говорю, говорю не я,
А вырыто из земли, подобно зернам окаменелой
пшеницы.
Одни
на монетах изображают льва,
Другие —
голову.
Разнообразные медные, золотые и бронзовые
лепешки
С одинаковой почестью лежат в земле.
Век, пробуя их перегрызть, оттиснул на них свои
зубы.
Время срезает меня, как монету,
И мне уж не хватает меня самого.

1923

124. СЫНОВЬЯ АЙМОНА

(по старофранцузскому эпосу)

Пришли четыре брата, несхожие лицом,
В большой дворец-скворешник с высоким
потолком.

Так сухи и поджары, что ворон им каркнет
„брысь“

От удивленья брови у дамы поднялись.
„Вы, господа бароны, рыцари-друзья,
Из кающейся братьи, предполагаю я.
Возьмите что хотите из наших кладовых —
Из мяса или рыбы иль платьев шерстяных.
На радостях устрою для вас большой прием:
Мы милостыню Богу, не людям подаем.
Да хранит Он детей моих от капканов и ям,
В феврале будет десять лет, как я томлюсь
по сыновьям!“

— „Как это могло случиться?“ — сказал Ричард
с крутым лбом.

— „Я сама не знаю, сударь, как я затмилась умом.
Я отправила их в Париж, где льется вежливая
мольв,

Им обрадовался Карл, почуя рыцарскую кровь.
Королевский племянник сам по себе хорош,
Но бледнеет от злости, когда хвалят молодежь.
Должно быть, просто зависть к нему закралась
в грудь,

Затеял с ними в шахматы нечистую игру.
Они погорячились, и беда стряслась:
Учили его, учили, пока не умер князь.
Потом коней пришпорили и скрылись в зеленях,
И с ними семьсот рыцарей, что толпились в сенях.
Спаслись через Меузу в Арденнской земле,
Выстроили замок укрепленный на скале.
На все четыре стороны их выгнал из Франции
Карл,

Аймон от них отрекся, сам себя обкорнал.
Он присягнул так твердо, как алмаз режет стекло,
Что у него останется одно ремесло:
Пока дням его жизни Господь позволит течь,
Четырем негодьям головы отсечь“.
Когда Рено услышал, он вздрогнул и поник,
Княгиня прикусила свой розовый язык,

И вся в лицо ей бросилась, как муравейник, кровь.
Княгиня слышит крови старинный переплеск,
Лицо Рено меняется, как растопленный воск,
Тавро, что им получено в потешный турнир,
Ребьяческая метка от молодых рапир.

У матери от радости в боку колотье:

„Ты — Рено, если не обманывает меня чутье,
Заклинаю тебя Искупителем по числу гвоздильных
ран,

Если ты — Рено, не скрывай от меня иль продлить
дай обман“.

Когда Рено услышал, он стал совсем горбат,
Княгиня его узнала от головы до пят,
Узнала его голос, как пенье соловья,
И остальные трое с ним — тоже сыновья.
Ждут — словно три березки чтоб ветер поднялся.
Она заговорила, забормотала вся:

„Дети, вы обнищали, до рубища дошли,
Вряд ли есть у вас слуги, чтоб вам помогли“.

— „У нас четыре друга, горячие в делах,
Все в яблоках железных, на четырех ногах“.

Княгиня понимает по своему чутью

И зовет к себе конюха, мальчика Илью.

„Там стреножена лошадь Рено и три других,
Поставьте их в конюшнях светлых и больших
И дайте им отборных овсов золотых“.

Илья почуял лошадь, кубарем летит,
Мигом срезал лестницы зеленый малахит.

Не жалеет горла, как в трюбле Роланд,

И кричит баронам маленький горлан:

„Делать вам тут нечего, бароны, вчетвером,
Для ваших лошадей у нас найдется корм“.

Как ласковая лайка на слепых щенят,

Глядит княгиня Айя на четырех княжат.

Хрустит душистый рябчик и голубиный хрящ,
Рвут крылышки на части так, что трещит в ушах;
Пьют мед дремучих пасек, и яблочный кларет,
И темное густое вино, ублюдок старых лет.

Тем временем Аймона надвинулась гроза,
И стянутых ремнями борзых ведут назад,
Прокушенных оленей на кухню снесли
И слезящихся лосей в крови и пыли.
Гремя дубовой палкой, Аймон вернулся в дом
И видит у себя своих детей за столом.
Плоть нищих золотится, как золото святых,
Бог выдубил их кожу и в мир пустил нагих.
Каленые орехи не так смутлы на вид,
Сукно, как паутина, на плечах у них висит —
Где родинка, где пятнышко — мерещит и сквозит.

1922

125. ГРИФЕЛЬНАЯ ОДА

Мы только с голоса пойдем,
Что там царалось, боролось...

Звезда с звездой — могучий стык,
Кремнистый путь из старой песни,
Кремня и воздуха язык,
Кремень с водой, с подковой перстень,
На мягком сланце облаков
Молочный грифельный рисунок —
Не ученичество миров,
А бред овечьих полусонок.

Мы стоя спим в густой ночи
Под теплой шапкою овечьей.
Обратно в крепь родник журчит
Цепочкой, пеночкой и речью.
Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг
Свинцовой палочкой молочной,
Здесь созревает черновик
Учеников воды проточной.

Крутые козьи города,
Кремней могучее слоенье,
И все-таки еще гряда —

Овечьи церкви и селенья!
Им проповедует отвес,
Вода их учит, точит время —
И воздуха прозрачный лес
Уже давно пресыщен всеми.

Как мертвый шершень возле сот,
День пестрый выметен с позором,
И ночь-коршунница несет
Горящий мел и грифель кормит.
С иконоборческой доски
Стереть дневные впечатленья
И, как птенца, стряхнуть с руки
Уже прозрачные виденья!

Плод нарывал. Зрел виноград.
День бушевал, как день бушует:
И в бабки нежная игра,
И в полдень злых овчарок шубы;
Как мусор с ледяных высот —
Изнанка образов зеленых —
Вода голодная течет,
Крутясь, играя, как звереныш.

И как паук ползет ко мне —
Где каждый стык луной обрызган,
На изумленной крутизне
Я слышу грифельные визги.
Ломаю ночь, горящий мел
Для твердой записи мгновенной,
Меняю шум на пенье стрел,
Меняю строй на стрепет гневный.

Кто я? Не каменщик прямой,
Не кровельщик, не корабельщик —
Двурушник я, с двойной душой,
Я ночи друг, я дня застрельщик.
Блажен, кто называл кремень
Учеником воды проточной!

Блажен, кто завязал ремень
Подошве гор на твердой почве!

И я теперь учу дневник
Царапин грифельного лета,
Кремня и воздуха язык,
С прослойкой тьмы, с прослойкой света,
И я хочу вложить персты
В кремнистый путь из старой песни,
Как в язву, заключая встык —
Кремень с водой, с подковой перстень.

1923

126

Язык булыжника мне голубя понятней,
Здесь камни — голуби, дома — как голубятни,
И светлым ручейком течет рассказ подков
По звучным мостовым прабабки городов.
Здесь толпы детские — событий попрошайки,
Парижских воробьев испуганные стайки —
Клевали наскоро крупу свинцовых крох,
Фригийской бабушкой рассыпанный горох...
И в воздухе плывет забытая коринка,
И в памяти живет плетеная корзинка,
И тесные дома — зубов молочных ряд
На деснах старческих — как близнецы стоят.

Здесь клички месяцам давали, как котят,
А молоко и кровь давали нежным львят,
А подрастут они — то разве года два
Держалась на плечах большая голова!
Большеголовые — там руки поднимали
И клятвой на песке как яблоком играли.
Мне трудно говорить: не видел ничего,
Но все-таки скажу: я помню одного;
Он лапу поднимал, как огненную розу,
И, как ребенок, всем показывал занозу,

Его не слушали: смеялись кучера,
И грызла яблоки, с шарманкой, детвора,
Афиши клеили, и ставили капканы,
И пели песенки, и жарили каштаны,
И светлой улицей, как просекой прямой,
Летели лошади из зелени густой!

1923

127

Как тельце маленькое крыльшком
По солнцу всклянь перевернулось,
И зажигательное стеклышко
На эмпиреи загорелось.

Как комариная безделица
В зените ныла и звенела,
И под сурдинку пенъем жужелиц
В лазури мучилась заноза:

„Не забывай меня: казни меня,
Но дай мне имя, дай мне имя:
Мне будет легче с ним, пойми меня,
В беременной глубокой сини!“

1923

128. 1 ЯНВАРЯ 1924

Кто время целовал в измученное темя —
С сыновней нежностью потом
Он будет вспоминать, как спать ложилось время
В сутроб пшеничный за окном.
Кто веку поднимал болезненные веки —
Два сонных яблока больших, —
Он слышит вечно шум, когда взревели реки
Времен обманных и глухих.

Два сонных яблока у века-властелина
И глиняный прекрасный рот,
Но к млеющей руке стареющего сына

Он, умирая, припадет.
Я знаю, с каждым днем слабеет жизни выдох,
Еще немного — оборвут
Простую песенку о глиняных обидах
И губы оловом зальют.

О глиняная жизнь! О умиранье века!
Боюсь, лишь тот поймет тебя,
В ком беспомощная улыбка человека,
Который потерял себя.
Какая боль — искать потерянное слово,
Больные веки поднимать
И с известью в крови, для племени чужого
Ночные травы собирать.

Век. Известковый слой в крови больного сына
Твердеет. Спит Москва, как деревянный ларь,
И некуда бежать от века-властелина...
Снег пахнет яблоком, как встарь.
Мне хочется бежать от моего порога.
Куда? На улице темно,
И, словно сыплют соль мощеною дорогой,
Белеет совесть предо мной.

По переулочкам, скворешням и застрехам,
Недалеко, собравшись как-нибудь,—
Я, рядовой седок, укрывшись рыбьим мехом,
Всё силюсь полость застегнуть.
Мелькает улица, другая,
И яблоком хрустит саней морозный звук,
Не поддается петелька тугая,
Всё время валится из рук.

Каким железным, скобяным товаром
Ночь зимняя гремит по улицам Москвы,
То мерзлой рыбою стучит, то хлещет паром
Из чайных розовых, как серебром плотвы.
Москва — опять Москва. Я говорю ей:

„Здравствуй!

Не обессудь, теперь уж не беда,
По старине я уважаю братство
Мороза крепкого и щучьего суда".

Пылает на снегу аптечная малина,
И где-то щелкнул ундервуд;
Спина извозчика и снег на пол-аршина:
Чего тебе еще? Не тронут, не убьют.
Зима-красавица, и в звездах небо козье
Рассыпалось и молоком горит,
И конским волосом о мерзлые полозья
Вся полость трется и звенит.

А переулочки коптили керосинкой,
Глотали снег, малину, лед.
Всё шелушится им советской сонатинкой,
Двадцатый вспоминая год.
Ужели я предам позорному злословью —
Вновь пахнет яблоком мороз —
Присягу чудную четвертому сословью
И клятвы крупные до слез?

Кого еще убьешь? Кого еще прославишь?
Какую выдумаешь ложь?
То ундервуда хряц: скорее вырви клавиш —
И щучью косточку найдешь;
И известковый слой в крови больного сына
Растает, и блаженный брызнет смех...
Но пишущих машин простая сонатина —
Лишь тень сонат могучих тех.

1924

Нет, никогда, ничей я не был современник,
Мне не с руки почет такой.
О, как противен мне какой-то соименник —
То был не я, то был другой.

Два сонных яблока у века-властелина
И глиняный прекрасный рот,
Но к млеющей руке стареющего сына
Он, умирая, припадет.

Я с веком поднимал болезненные веки —
Два сонных яблока больших,
И мне гремящие рассказывали реки
Ход воспаленных тяжб людских.

Сто лет тому назад подушками белела
Складная легкая постель,
И странно вытянулось глиняное тело —
Кончался века первый хмель.

Среди скрипучего похода мирового
Какая легкая кровати!
Ну что же, если нам не выковать другого,
Давайте с веком вековать.

И в жаркой комнате, в кибитке и в палатке
Век умирает, а потом —
Два сонных яблока на роговой облатке
Сияют перистым огнем!

1924

130

Вы, с квадратными окошками, невысокие дома,
Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая
зима!

И торчат, как щуки ребрами, незамерзшие катки,
И еще в прихожих слепеньких валяются коньки.

А давно ли по каналу плыл с красным обжигом
гончар,
Продавал с гранитной лесенки добросовестный
товар!

Ходят боты, ходят серые у Гостиного двора,
И сама собой сдирается с мандаринов кожура.

И в мешочке кофий жареный, прямо с холоду
домой:
Электрической мельницей смолот мокко золотой.

Шоколадные, кирпичные, невысокие дома,
Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая
зима!

И приемные с роялями, где, по креслам рассадив,
Доктора кого-то потчуют ворохами старых „Нив“.

После бани, после оперы — все равно, куда ни
шло,—
Бестолковое, последнее трамвайное тепло!

1924

131

Сегодня ночью, не солгу,
По пояс в тающем снегу
Я шел с чужого полустанка.
Гляжу — изба, вошел в сенцы:
Чай с солью пили чернецы,
И с ними балует цыганка...

У изголовья вновь и вновь
Цыганка вскидывает бровь,
И разговор ее был жалок;
Она сидела до зари
И говорила: „Подари
Хоть шаль, хоть что, хоть полушалок“.

Того, что было, не вернешь,
Дубовый стол, в солонке нож,
И вместо хлеба — еж брюхатый;
Хотели петь — и не смогли,
Хотели встать — дугой пошли
Через окно на двор горбатый.

И вот проходит полчаса,
И гарницы черного овса
Жуют, похрустывая, кони;
Скрипят ворота на заре,
И запрягают на дворе;
Теплеют медленно ладони.

Холщовый сумрак поредел.
С водою разведенный мел,
Хоть даром, скука разливает,
И сквозь прозрачное рядно
Молочный день глядит в окно
И золотушный грач мелькает.

1925

132

Я буду метаться по табору улицы темной
За веткой черемухи в черной рессорной карете,
За капором снега, за вечным, за мельничным
шумом.

Я только запомнил каштановых прядей осечки,
Придымленных горечью — нет, с муравьиной
кислинкой;

От них на губах остается янтарная сухость.

В такие минуты и воздух мне кажется карим,
И кольца зрачков одеваются выпушкой светлой;
И то, что я знаю о яблочной, розовой коже...

Но всё же скрипели извозчичьих санок полозья,
В плетенку рогожи глядели колючие звезды,
И били вразрядку копыта по клавишам мерзлым.

И только и свету, что в звездной колючей
неправде!

А жизнь проплывет театрального капора пеной,
И некому молвить: „Из табора улицы темной...“

1925

НОВЫЕ СТИХИ

Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большеротый мой!

Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!

А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом —

Да, видно, нельзя никак...

Октябрь 1930

134—145. АРМЕНИЯ

Как бык шестикрылый и грозный
Здесь людям является труд,
И, кровью набухнув венозной,
Предзимние розы цветут.

1

Ты розу Гафиза колышешь
И нянчишь зверушек-детей,
Плечьями осьмигранными дышишь
Мужицких бычачьих церквей.

Окрашена охрою хриплой,
Ты вся далеко за горой,
А здесь лишь картинка налипла
Из чайного блюда с водой.

2

Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло,
Всех-то цветов мне осталось — лишь сурик
да хрипая охра.

Как будто в гости водяная дева
К часовщику подземному пришла.

10

О порфирные цокая граниты,
Спотыкается крестьянская лошадка,
Забираясь на лысый цоколь
Государственного звонкого камня.
А за нею с узелками сыра,
Еле дух переводя, бегут курдины,
Примирившие дьявола и бога,
Каждому воздавши половину.

11

Лазурь да глина, глина да лазурь.
Чего ж тебе еще? Скорей глаза сощурь,
Как близорукий шах над перстнем бирюзовым, —
Над книгой звонких глин, над книжною землей,
Над гнойной книгою, над глиной дорогой,
Которой мучимся, как музыкой и словом.

12

Я тебя никогда не увижу,
Близорукое армянское небо,
И уже не взгляну, прищурясь,
На дорожный шатер Арарата,
И уже никогда не раскрою
В библиотеке авторов гончарных
Прекрасной земли пустотелую книгу,
По которой учились первые люди.

16 октября — 5 ноября 1930

146

На полицейской бумаге верже
Ночь наглotalась колючих ершей.
Звезды живут — канцелярские птички, —
Пишут и пишут свои раппортички.

Сколько бы им ни хотелось мигать,
Могут они заявленье подать —
И на мерцанье, писанье и тленье
Возобновляют всегда разрешенье.

Октябрь 1930

147

Не говори никому,
Всё, что ты видел, забудь —
Птицу, старуху, тюрьму
Или еще что-нибудь...

Или охватит тебя,
Только уста разомкнешь,
При наступлении дня
Мелкая хвойная дрожь.

Вспомнишь на даче осу,
Детский чернильный пенал
Или чернику в лесу,
Что никогда не собирал.

Октябрь 1930

148

Колючая речь Араратской долины,
Дикая кошка — армянская речь,
Хищный язык городов глинобитных,
Речь голодающих кирпичей.

А близорукое шахское небо —
Слепорожденная бирюза —
Всё не прочтет пустотелую книгу
Черной кровью запекшихся глин.

Октябрь 1930

Как люб мне натугой живущий,
 Столетьем считающий год,
 Рожаящий, спящий, орущий,
 К земле пригвожденный народ.

Твое пограничное ухо —
 Все звуки ему хороши,
 Желтуха, желтуха, желтуха
 В проклятой горчичной глуши!

Октябрь 1930

Дикая кошка — армянская речь
 Мучит меня и царапает ухо.
 Хоть на постели горбатой прилечь —
 О, лихорадка, о, злая моруха!

Падают вниз с потолка светляки,
 Ползают мухи по липкой простыне,
 И маршируют повзводно полки
 Птиц голенастых по желтой равнине.

Страшен чиновник — лицо как тюфяк,
 Нету его ни жалчей, ни нелепей.
 Командированный — мать твою так! —
 Без подорожной в армянские степи.

Пропадом ты пропади, говорят,
 Сгинь ты навек, чтоб ни слуху ни духу, —
 Старый повытчик, награвив деньжат,
 Бывший гвардеец, замыв оплеуху.

Грянет ли в двери знакомое: „Ба!
 Ты ли, дружище?“ Какая издевка!
 Долго ль еще нам ходить по гроба,
 Как по грибы деревенская девка?..

Были мы люди, а стали людье,
И суждено — по какому разряду? —
Нам роковое в груди колотье
Да эрзерумская кисть винограду.

Октябрь 1930

151

И по-звериному воет людье,
И по-людски куролесит зверье...
Чудный чиновник без подорожной,
Командированный к тачке острожной,—
Он Черномора пригубил питье
В кислой корчме на пути к Эрзеруму.

Октябрь 1930

152

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда — так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург! я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Декабрь 1930

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин.

Острый нож да хлеба каравай...
Хочешь, примус туго накачай,

А не то веревок собери —
Завязать корзину до зари,

Чтобы нам уехать на вокзал,
Где бы нас никто не отыскал.

Январь 1931

Помоги, Господь, эту ночь прожить,
Я за жизнь боюсь — за твою рабу...
В Петербурге жить — словно спать в гробу.

Январь 1931

С миром державным я был лишь ребячески связан,
Устриц боялся и на гвардейцев глядел
исподлобья —

И ни крупницей души я ему не обязан,
Как я ни мучал себя по чужому подобию.

С важностью глупой, насупившись, в митре
бобровой

Я не стоял под египетским портиком банка,
И над лимонной Невою под хруст сторублевый
Мне никогда, никогда не плясала цыганка.

Чуя грядущие казни, от рева событий мятежных
Я убежал к nereидам на Черное море,
И от красавиц тогдашних, от тех европейнок

нежных

Сколько я принял смущенья, наdsaды и горя!

Так отчего ж до сих пор этот город довлеет
Мыслям и чувствам моим по старинному праву?
Он от пожаров еще и морозов наглее,
Самолюбивый, проклятый, пустой, моложавый.

Не потому ль, что я видел на детской картинке
Леди Годиву с распущенной рыжею гривой,
Я повторяю еще про себя под сурдинку:
Леди Годива, прощай! Я не помню, Годива...

Февраль 1931

156

После полуночи сердце ворует
Прямо из рук запрещенную тишь.
Тихо живет — хорошо озорует,
Любишь — не любишь — ни с чем не сравнишь...

Любишь — не любишь, поймешь — не поймаешь...
Не потому ль, как подкидываешь, дрожишь,
Что пополуночи сердце пирует,
Взяв на прикус серебрястую мышь?

Март 1931

157

Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Всё лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой.

Там, где эллину сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота.

Греки сбондили Елену
По волнам,
Ну а мне — соленой пеной
По губам.

По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет
Нищета.

Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли,
Всё равно.
Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино!

Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Всё лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой.

2 марта 1931

158

Колют ресницы. В груди прикипела слеза.
Чую без страха, что будет, и будет — гроза.
Кто-то чудной меня что-то торопит забыть.
Душно — и все-таки до смерти хочется жить.

С нар приподнявшись на первый раздавшийся
звук,

Дико и сонно еще озираясь вокруг,
Так вот бушлатник шершавую песню поет
В час, как полоской заря над острогом встает.

4 марта 1931

Жил Александр Герцович,
Еврейский музыкант,—
Он Шуберта наворачивал,
Как чистый бриллиант.

И всласть, с утра до вечера,
Затверженную вхруст,
Одну сонату вечную
Играл он наизусть...

Что, Александр Герцович,
На улице темно?
Брось, Александр Сердцевич,
Чего там! Всё равно!

Пускай там итальяночка,
Покуда снег хрустит,
На узеньких на саночках
За Шубертом летит —

Нам с музыкой-голубою
Не страшно умереть,
Там хоть вороньей шубою
На вешалке висеть...

Всё, Александр Герцович,
Заверчено давно,
Брось, Александр Скерцович,
Чего там! Всё равно!

27 марта 1931

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей —
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей —
Запихай меня лучше, как шапку в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,—

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

17—28 марта 1931

161

Ночь на дворе. Барская лжа:
После меня хоть потоп.
Что же потом? Хрип горожан
И толкотня в гардероб.

Бал-маскарад. Век-волкодав.
Так затверди ж на зубок:
Шапку в рукав, шапкой в рукав —
И да хранит тебя Бог!

Март 1931

162

Нет, не спрятаться мне от великой муры
За извозчичью спину Москвы.
Я — трамвайная вишенка страшной поры
И не знаю, зачем я живу.

Мы с тобою поедем на „А“ и на „Б“
Посмотреть, кто скорее умрет,

А она то сжимается, как воробей,
То растет, как воздушный пирог.

И едва успевает, грозит из угла —
„Ты как хочешь, а я не рискну!“ —
У кого под перчаткой не хватит тепла,
Чтоб объехать всю курву-Москву.

Апрель 1931

163. НЕПРАВДА

Я с дымящей лучиной вхожу
К шестипалой неправде в избу:
— Дай-ка я на тебя погляжу —
Ведь лежать мне в сосновом гробу.

А она мне соленых грибков
Вынимает в горшке из-под нар,
А она из ребячьих пупков
Подает мне горячий отвар.

— Захочу,— говорит,— дам еще...
Ну а я не дышу, сам не рад...
Шасть к порогу — куда там... В плечо
Уцепилась и тащит назад.

Вошь да глушь у нее, тишь да мша,
Полуспаленка, полутюрьма.
— Ничего, хороша, хороша...
Я и сам ведь такой же, кума.

4 апреля 1931

164

Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня,
За барскую шубу, за астму, за желчь
петербургского дня,

За музыку сосен савойских, Полей Елисейских
бензин,
За розу в кабине рольс-ройса и масло парижских
картин.

Я пью за бискайские волны, за сливок альпийских
кувшин,
За рыжую спесь англичанок и дальних колоний
хинин.

Я пью, но еще не придумал — из двух выбираю
одно —
Веселое асти-спуманте иль папского замка вино.

11 апреля 1931

165. РОЯЛЬ

Как парламент, жующий фронду,
Вяло дышит огромный зал,
Не идет Гора на Жиронду
И не крепнет сословий вал.

Оскорбленный и оскорбитель,
Не звучит рояль-Голиаф,
Звуколюбец, душемутитель,
Мирабо фортепьянных прав.

— Разве руки мои — кувалды?
Десять пальцев — мой табунок!
И вскочил, отряхая фалды,
Мастер Генрих — конек-горбунок.

Чтобы в мире стало просторней,
Ради сложности мировой,
Не втирайте в клавиши корень
Сладковатой груши земной.

Чтоб смолою соната джина
Проступила из позвонков,
Нюренбергская есть пружина,
Выпрямляющая мертвецов.

16 апреля 1931

Замечательные луковицы-стекла —
Прозорливцу дар от псалмопевца.

Он глядит в бинокль прекрасный Цейса —
Дорогой подарок царь-Давида,
Замечает все морщины гнейсовые,
Где сосна иль деревушка-гнида.

Я покину край гипербореев,
Чтобы зреньем напитать судьбы развязку,
Я скажу „села́" начальнику евреев
За его малиновую ласку.

Край небритых гор еще неясен,
Мелколесья колетса щетина,
И свежа, как вымытая басня,
До оскомины зеленая долина.

Я люблю военные бинокли
С ростовщической силой зренья.
Две лишь краски в мире не поблекли:
В желтой — зависть, в красной — нетерпенье.

26 мая 1931

169

Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето.
С дроботом мелким расходятся улицы в чоботах
узких, железных,
В черной оспе блаженствуют кольца бульваров.
Нет на Москву и ночью утомону,
Когда покой бежит из-под копыт...
Ты скажешь: где-то там, на полигоне,
Два клоуна засели — Бим и Бом,
И в ход пошли гребенки, молоточки,
То слышится гармоника губная,
То детское молочное пьянино:
До-ре-ми-фа
И соль-фа-ми-ре-до.

Бывало, я, как помоложе, выйду
В проклеенном резиновом пальто
В широкую разлапицу бульваров,
Где спичечные ножки цыганочки в подоле бьются
длинном,
Где арестованный медведь гуляет —
Самой природы вечный меньшевик,
И пахло до отказа лавровишней!..
Куда же ты? Ни лавров нет, ни вишен...

Я подтяну бутылочную гирьку
Кухонных, крупно-скачущих часов.
Уж до чего шероховато время,
А все-таки люблю за хвост его ловить:
Ведь в беге собственном оно не виновато
Да, кажется, чуть-чуть жуликовато.

Чур! Не просить, не жаловаться, цыц!
Не хныкать!

Для того ли разночинцы
Рассохлые топтали сапоги,
чтоб я теперь их предал?
Мы умрем, как пехотинцы,
Но не прославим
ни хищи, ни поденщины,
ни лжи.

Есть у нас паутинка шотландского старого пледа,
Ты меня им укроешь, как флагом военным, когда
я умру.

Выпьем, дружок, за наше ячменное горе,
Выпьем до дна!

Из густо отработавших кино,
Убитые, как после хлороформа,
Выходят толпы. До чего они венозны,
И до чего им нужен кислород!

Пора вам знать: я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвея,

Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
 Попробуйте меня от века оторвать,
 Ручаюсь вам — себе свернете шею!

Я говорю с эпохой, но разве
Душа у ней пеньковая и разве
Она у нас постыдно прижилась,
Как сморщенный зверек в тибетском храме:
Почешется — и в цинковую ванну, —
Изобрази еще нам, Марь Иванна!
 Пусть это оскорбительно — поймите:
 Есть блуд труда, и он у нас в крови.

Уже светает. Шумят сады зеленым телеграфом.
К Рембрандту входит в гости Рафаэль.
Он с Моцартом в Москве души не чаёт —
За карий глаз, за воробьиный хмель.
И, словно пневматическую почту
Иль студенец медузы черноморской,
Передают с квартиры на квартиру
Конвейером воздушным сквозняки,
 Как майские студенты-шелапуты...

Май—4 июня 1931

170. ОТРЫВКИ УНИЧТОЖЕННЫХ СТИХОВ

1

В год тридцать первый от рожденья века
Я возвратился, нет — читай: насильно
Был возвращен в буддийскую Москву.
А перед тем я все-таки увидел
Библейской скатертью богатый Арарат
И двести дней провел в стране субботней,
Которую Арменией зовут.

Захочешь пить — там есть вода такая
Из курдского источника Арзни,
Хорошая, колючая, сухая
И самая правдивая вода.

2

Уж я люблю московские законы,
Уж не скучаю по воде Арзни.
В Москве черемухи да телефоны,
И казнями там имениты дни.

3

Захочешь жить, тогда глядишь с улыбкой
На молоко с буддийской синевой,
Проводишь взглядом барабан турецкий,
Когда обратно он на красных дорогах
Несется вскачь с гражданских похорон,
Иль встретишь воз с поклажей из подушек
И скажешь: гуси-лебеди, домой!

Не разбирайся, щелкай, милый кодак,
Покуда глаз — хрусталик кравчей птицы,
А не стекляшка!

Больше светотени!

Еще, еще! Сетчатка голодна!

4

Я больше не ребенок!

Ты, могила,

Не смей учить горбатого — молчи!
Я говорю за всех с такою силой,
Чтоб небо стало небом, чтобы губы
Потрескались, как розовая глина.

6 июня 1931

Еще далёко мне до патриарха,
 Еще на мне полупочтенный возраст,
 Еще меня ругают за глаза
 На языке трамвайных перебранок,
 В котором нет ни смысла, ни аза:
 Такой-сякой! Ну что ж, я извиняюсь,—
 Но в глубине ничуть не изменяюсь...

Когда подумаешь, чем связан с миром,
 То сам себе не веришь: ерунда!
 Полночный ключик от чужой квартиры,
 Да гривенник серебряный в кармане,
 Да целлулоид фильма воровской.

Я, как щенок, кидаюсь к телефону
 На каждый истерический звонок.
 В нем слышно польское: „Дзенькуе, пани!“,
 Иногородний ласковый упрек
 Иль неисполненное обещанье.

Всё думаешь: к чему бы приохотиться
 Посереди хлопущек и шутих;
 Перекипишь — а там, гляди, останется
 Одна сумятица да безработица —
 Пожалуйста, прикуривай у них!

То усмехнусь, то робко приосанюсь
 И с белорукой тростью выхожу:
 Я слушаю сонаты в переулках,
 У всех лотков облизываю губы,
 Листаю книги в глыбких подворотнях,
 И не живу, и все-таки живу.

Я к воробьям пойду и к репортерам,
 Я к уличным фотографам пойду,
 И в пять минут — лопаткой из ведерка —
 Я получу свое изображенье
 Под конусом лиловой шах-горы.

А иногда пушусь на побегушки
В распаренные душные подвалы,
Где чистые и честные китайцы
Хватают палочками шарики из теста,
Играют в узкие нарезанные карты
И водку пьют, как ласточки с Янцзы.

Люблю разъезды скворчущих трамваев,
И астраханскую икру асфальта,
Накрытого соломенной рогожей,
Напоминающей корзинку асти,
И страусовые перья арматуры
В начале стройки ленинских домов.

Вхожу в вертепы чудные музеев,
Где пучатся кашееры Рембрандты,
Достигнув блеска кордованской кожи;
Дивлюсь рогатым митрам Тициана
И Тинторетто пестрому дивлюсь —
За тысячу крикливых попугаев.

И до чего хочу я разыграться —
Разговориться — выговорить правду —
Послать хандру к туману, к бесу, к ляду, —
Взять за руку кого-нибудь: будь ласков, —
Сказать ему, — нам по пути с тобой...

Май—сентябрь 1931

172

Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!
Я нынче славным бесом обуян,
Как будто в корень голову шампунем
Мне вымыл парикмахер Франсуа.

Держу пари, что я еще не умер,
И, как жокей, ручаюсь головой,
Что я еще могу набедокурить
На рысистой дорожке беговой.

Держу в уме, что нынче тридцать первый
Прекрасный год в черемухах цветет,
Что возмужали дождевые черви
И вся Москва на яликах плывет.

Не волноваться. Нетерпенье — роскошь.
Я постепенно скорость разовью —
Холодным шагом выйдем на дорожку,
Я сохранил дистанцию мою.

7 июня 1931

173

На высоком перевале
В мусульманской стороне
Мы со смертью пировали —
Было страшно, как во сне.

Нам попался фазтонщик,
Пропеченный, как изюм,—
Словно дьявола поденщик,
Односложен и угрюм.

То гортанный крик араба,
То бессмысленное „цо“ —
Словно розу или жабу,
Он берег свое лицо.

Под кожевенною маской
Скрыв ужасные черты,
Он куда-то гнал коляску
До последней хрипоты.

И пошли толчки, разгоны,
И не слезть было с горы —
Закружились фазтоны,
Постоялые дворы...

Я очнулся: стой, приятель!
Я припомнил, черт возьми!

Это чумный председатель
Заблудился с лошадьми!

Он безносой канителью
Правит, душу веселя,
Чтоб вертелась каруселью
Кисло-сладкая земля...

Так в Нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше,
Я изведal эти страхи,
Соприродные душе.

Сорок тысяч мертвых окон
Там видны со всех сторон,
И труда бездушный кокон
На горах похоронен.

И бесстыдно розовеют
Обнаженные дома,
А над ними неба мреет
Темно-синяя чума.

12 июня 1931

174

Как народная громада,
Прошибая землю в пот,
Многоярусное стадо
Пропыленной армадой
Ровно в голову плывет:

Телки с нежными боками
И бычки-баловники,
А за ними — кораблями —
Буйволицы с буйволами
И священники-быки.

Июнь 1931

Сегодня можно снять декалькомани,
 Мизинец окунув в Москву-реку,
 С разбойника-Кремля. Какая прелесть
 Фисташковые эти голубятни:
 Хоть проса им насыпать, хоть овса...
 А в недорослях кто? Иван Великий —
 Великовозрастная колокольня.
 Стоит себе еще болван болваном
 Который век. Его бы за границу,
 Чтоб доучился... Да куда там! стыдно!

Река Москва в четырехтрубном дыме,
 И перед нами весь раскрытый город —
 Купальщички-заводы и сады
 Замоскворецкие. Не так ли,
 Откинув палисандровую крышку
 Огромного концертного рояля,
 Мы проникаем в звучное нутро?
 Белогвардейцы, вы его видали?
 Рояль Москвы слышали? Гули-гули!..

Мне кажется, как всякое другое,
 Ты, время, незаконно! Как мальчишка
 За взрослыми в морщинистую воду,
 Я, кажется, в грядущее вхожу,
 И, кажется, его я не увижу...

Уж я не выйду в ногу с молодежью
 На разлинованные стадионы,
 Разбуженный повесткой мотоцикла,
 Я на рассвете не вскочу с постели,
 В стеклянные дворцы на курьих ножках
 Я даже тенью легкой не войду...

Мне с каждым днем дышать всё тяжелее,
 А между тем нельзя повременить...
 И рождены для наслажденья бегом
 Лишь сердце человека и коня.

И Фауста бес, сухой и моложавый,
Вновь старику кидается в ребро
И подбивает взять почасно ялик,
Или махнуть на Воробьевы горы,
Иль на трамвае охлестнуть Москву.

Ей некогда — она сегодня в няньках,
Всё мечется — на сорок тысяч люлек
Она одна — и пряжа на руках...

Какое лето! Молодых рабочих
Татарские сверкающие спины
С девической полоской на хребтах,
Таинственные узкие лопатки
И детские ключицы...

Здравствуй, здравствуй,
Могучий некрещеный позвоночник,
С которым проживем не век, не два!..

25 июня 1931

176. ЛАМАРК

Был старик, застенчивый, как мальчик,
Неуклюжий, робкий патриарх...
Кто за честь природы фехтовальщик?
Ну конечно, пламенный Ламарк.

Если всё живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.

К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав среди ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.

Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,

Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.

Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет — ты зришь в последний раз.

Он сказал: довольно полнозвучья,
Ты напрасно Моцарта любил,
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.

И от нас природа отступила
Так, как будто мы ей не нужны,
И продольный мозг она вложила,
Словно шпагу, в темные ножны.

И подъемный мост она забыла,
Опоздала опустить для тех,
У кого зеленая могила,
Красное дыханье, гибкий смех...

7—9 мая 1932

177

Когда в далекую Корею
Катился русский золотой,
Я убежал в оранжерею,
Держа ириску за щекой.

Была пора смешливой бульбы
И щитовидной железы,
Была пора Тараса Бульбы
И наступающей грозы.

Самоуправство, своеволие,
Поход троянского коня,
А над поленницей посольство
Эфира, солнца и огня.

Был от поленьев воздух жирен,
Как гусеница на дворе,
И Петропавловску-Цусиме —
„Ура“ на дровяной горе...

К царевичу младому Хлору —
И — Господи, благослови! —
Как мы в высоких голенищах
За хлороформом в гору шли.

Я пережил того подростка,
И широка моя стезя,
Другие сны, другие гнезда,
Но не разбойничать нельзя.

11—13 мая 1932

178

О, как мы любим лицемерить
И забываем без труда
То, что мы в детстве ближе к смерти,
Чем в наши зрелые года.

Еще обиду тянет с блюда
Невыспавшееся дитя,
А мне уж не на кого дуться,
И я один на всех путях.

Линяет зверь, играет рыба
В глубоком обмороке вод —
И не глядеть бы на изгибы
Людских страстей, людских забот.

14 мая 1932

179

Вы помните, как бегуны
В окрестностях Вероны
Еще разматывать должны
Кусок сукна зеленый,

И всех других опередит
Тот самый, тот, который
Из песни Данта убежит,
Ведя по кругу споры.

Май 1932; сентябрь 1935

180

Увы, растаяла свеча
Молодчиков каленых,
Что хаживали вполплеча
В камзольчиках зеленых,
Что пересиливали срам
И чумную заразу
И всевозможным господам
Прислуживали сразу.

И нет рассказчика для жен
В порочных длинных платьях,
Что проводили дни, как сон,
В пленительных занятиях:
Лепили воск, мотали шелк,
Учили попугаев
И в спальню, видя в этом толк,
Пускали негодаев.

22 мая 1932

181. ИМПРЕССИОНИЗМ

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст, как стружья, положил.

Он понял масла густоту;
Его запекшееся лето
Лиловым мозгом разогрето,
Расширенное в духоту.

А тень-то, тень — всё лиловéй!
Свисток иль хлыст как спичка тухнет.
Ты скажешь: повара на кухне
Готовят жирных голубей.

Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом сумрачном развале
Уже хозяйничает шмель.

23 мая 1932

182

С.А.Клычкову

Там, где купальни-бумагопрядильни
И широчайшие зеленые сады,
На Москве-реке есть светоговорильня
С гребешками отдыха, культуры и воды.

Эта слабогрудая речная волокита,
Скучные-нескучные, как халва, холмы,
Эти судоходные марки и открытки,
На которых носимся и несемся мы.

У реки Оки вывернуто веко,
Оттого-то и на Москве ветерок.
У сестрицы Клязьмы загнулась ресница,
Оттого на Яузе утка плавает.

На Москве-реке почтовым пахнет клеем,
Там играют Шуберта в раструбы рúпоров,
Вода на булавках, и воздух нежнее
Лягушиной кожи воздушных шаров.

Май 1932

183. БАТЮШКОВ

Словно гуляка с волшебною тростью,
Батюшков нежный со мною живет.
Он тополями шагает в замостье,
Нюхает розу и Дафну поет.

Ни на минуту не веря в разлуку,
Кажется, я поклонился ему:
В светлой перчатке холодную руку
Я с лихорадочной завистью жму.

Он усмехнулся. Я молвил: спасибо.
И не нашел от смущения слов:
Ни у кого — этих звуков изгибы...
И никогда — этот говор валов...

Наше мученье и наше богатство,
Косноязычный, с собой он принес
Шум стихотворства и колокол братства
И гармонический проливень слез.

И отвечал мне оплакавший Тасса:
Я к величаньям еще не привык;
Только стихов виноградное мясо
Мне освежило случайно язык...

Что ж! Поднимай удивленные брови,
Ты, горожанин и друг горожан,
Вечные сны, как образчики крови,
Переливай из стакана в стакан...

18 июня 1932

184—186. СТИХИ О РУССКОЙ ПОЭЗИИ

I

Сядь, Державин, развалился,
Ты у нас хитрее лиса,
И татарского кумыса
Твой початок не прокис.

Дай Языкову бутылку
И подвинь ему бокал.
Я люблю его ухмылку,
Хмеля бьющуюся жилку
И стихов его накал.

Гром живет своим накатом —
Что ему до наших бед? —
И глотками по раскатам
Наслаждается мускатом
На язык, на вкус, на цвет.

Капли прыгают галопом,
Скачут градины гурьбой,
Пахнет городом, потопом,
Нет — жасмином, нет — укропом,
Нет — дубовою корой!

II

Зашумела, задрожала,
Как смоковницы листва,
До корней затрепетала
С подмосковными Москва.

Катит гром свою тележку
По торговой мостовой
И расхаживает ливень
С длинной плеткой ручьевой.

И угодливо-поката
Кажется земля — пока,
Шум на шум, как брат на брата,
Восстает издалека.

Капли прыгают галопом,
Скачут градины гурьбой
С рабским потом, конским топом
И древесною молвой.

Полюбил я лес прекрасный,
Смешанный, где козырь — дуб,
В листьях клена — перец красный,
В иглах — еж-черноголуб.

Там фисташковые молкнут
Голоса на молоке,
И когда захочешь щелкнуть,
Правды нет на языке.

Там живет народец мелкий,
В желудевых шапках все,
И белок кровавый белки
Крутят в страшном колесе.

Там щавель, там вымя птичье,
Хвой павлинья кутерьма,
Ротозейство и величье
И скорлупчатая тьма.

Тычут шпагами шишиги,
В треуголках носачи,
На углях читают книги
С самоваром палачи.

И еще грибы-волнушки
В сбруе тонкого дождя
Вдруг поднимутся с опушки
Так — немного погода...

Там без выгоды уроды
Режутся в девятый вал,
Храп коня и крап колоды,
Кто кого? Пошел развал...

И деревья — брат на брата —
Восстают. Понять спеши:
До чего аляповаты,
До чего как хороши!

2—7 июля 1932

Дайте Тютчеву стреко́зу —
 Догадайтесь, почему.
 Веневитинову — розу,
 Ну а перстень — никому.

Баратынского подошвы
 Раздражают прах веков.
 У него без всякой прошвы
 Наволочки облаков.

А еще над нами волен
 Лермонтов — мучитель наш,
 И всегда одышкой болен
 Фета жирный карандаш.

8 июля (?) 1932

188. К НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ

Б.С.Кузшу

Себя губя, себе противореча,
 Как моль летит на огонек полночный,
 Мне хочется уйти из нашей речи
 За всё, чем я обязан ей бессрочно.

Есть между нами похвала без лести
 И дружба есть в упор, без фарисейства,
 Поучимся ж серьезности и чести
 На Западе у чуждого семейства.

Поэзия, тебе полезны розы!
 Я вспоминаю немца-офицера:
 И за эфес его цеплялись розы,
 И на губах его была Церера.

Еще во Франкфурте отцы зевали,
 Еще о Гёте не было известий,
 Слагались гимны, кони гарцевали
 И, словно буквы, прыгали на месте.

Скажите мне, друзья, в какой Валгалле
Мы вместе с вами щелкали орехи,
Какой свободой вы располагали,
Какие вы поставили мне вехи?

И прямо со страницы альманаха,
От новизны его первостатейной,
Сбегали в гроб — ступеньками, без страха,
Как в погребок за кружкой мозельвейна.

Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится.

Когда я спал без облика и склада,
Я дружбой был, как выстрелом, разбужен.
Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада
Иль вырви мне язык — он мне не нужен.

Бог Нахтигаль, меня еще вербуют
Для новых чум, для семилетних боен.
Звук сузился. Слова шипят, бунтуют,
Но ты живешь, и я с тобой спокоен.

8—12 августа 1932

189. АРИОСТ

Во всей Италии приятнейший, умнейший,
Любезный Ариост немножечко охрип.
Он наслаждается перечисленьем рыб
И перчит все моря нелепицею злейшей.

И, словно музыкант на десяти цимбалах,
Не уставая рвать повествованья нить,
Ведет — туда-сюда, не зная сам, как быть,—
Запутанный рассказ о рыцарских скандалах.

На языке цикад — пленительная смесь
Из грусти пушкинской и средиземной спеси,

Он завирается, с Орландом куролеся,
И содрогается, преображаясь весь.

И морю говорит: шуми без всяких дум,
И деве на скале: лежи без покрывала...
Рассказывай еще — тебя нам слишком мало,
Покуда в жилах кровь, в ушах покуда шум.

О город ящериц, в котором нет души —
Когда бы чаще ты таких мужей рожала,
Феррара черствая! Который раз сначала,
Покуда в жилах кровь, рассказывай, спеши!

В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна, как руки брадобрея.
А он вельможится всё лучше, всё хитрее
И улыбается в крылатое окно —

Ягненку на горе, монаху на осляти,
Солдатам герцога, юродивым слегка
От винопития, чумы и чеснока,
И в сетке синих мух уснувшему дитяти.

А я люблю его неистовый досуг,
Язык бессмысленный, язык солено-сладкий
И звуков стакнутых прелестные двойчатки...
Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг.

Любезный Ариост, быть может, век пройдет —
В одно широкое и братское лазорье
Сольем твою лазурь и наше Черноморье.
...И мы бывали там. И мы там пили мед...

4—6 мая 1933

Не искушай чужих наречий, но постарайся их
забыть:
Ведь всё равно ты не сумеешь стекла зубами
укусить!

О, как мучительно дается чужого клетота почет:
За беззаконные восторги лихая плата стережет!

Ведь умирающее тело и мыслящий бессмертный
рот
В последний раз перед разлукой чужое имя
не спасет.

Что, если Ариост и Тассо, обворожающие нас,
Чудовища с лазурным мозгом и чешуей из
влажных глаз?

И в наказание за гордыню, неисправимый
звуклюб,
Получишь уксусную губку ты для изменнических
губ.

Май 1933

191

Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг —
Язык бессмысленный, язык солено-сладкий
И звуков стакнутых прелестные двойчатки...
Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг!

Май 1933; август 1935

192

Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым,
Как был при Врангеле — такой же виноватый.
Комочки на земле. На рубищах заплаты.
Всё тот же кисленький, кусающийся дым.

Всё так же хороша рассеянная даль.
Деревья, почками набухшие на малость,
Стоят как пришлые, и вызывает жалость
Пасхальной глупостью украшенный миндаль.

Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украины и Кубани...
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца.

*Лето 1933
Москва. После Крыма.*

193

Квартира тиха, как бумага,
Пустая, без всяких затей,
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.

Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Видавшие виды манатки
На улицу просятся вон.

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать,
И я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть.

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни бойчей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.

Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю
И грозное баюшки-баю
Колхозному баю пою.

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель,
Достоин такого рожна.

Какой-нибудь честный предатель,
Проваренный в чистках, как соль,

Жены и детей содержатель,
Такую ухлопает моль.

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намек,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

Давай же с тобой, как на плахе,
За семьдесят лет начинать —
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.

И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.

Ноябрь 1933

194

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, дарит за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому

в глаз.

Что ни казнь у него — то малина,
И широкая грудь осетина.

Ноябрь 1933

195—205. ВОСЬМИСТИШИЯ

1

Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то — четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.

И дугами парусных гонок
Зеленые формы чертя,
Играет пространство спросонок —
Не знавшее люльки дитя.

Ноябрь 1933; июнь 1935

2

Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то — четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.

И так хорошо мне и тяжко,
Когда приближается миг,
И вдруг дуговая растяжка
Звучит в бормотаньях моих.

Ноябрь 1933

3

О, бабочка, о, мусульманка,
В разрезанном саване вся —
Жизняночка и умирашка,
Такая большая — сия!

С большими усами кусава
Ушла с головою в бурнус.
О флагом развернутый саван,
Сложи свои крылья — боюсь!

Ноябрь 1933

Шестого чувства крошечный придаток
 Иль ящерицы теменной глазок,
 Монастыри улиток и створчаток,
 Мерцающих ресничек говорок.

Недостижимое, как это близко:
 Ни развязать нельзя, ни посмотреть,
 Как будто в руку вложена записка —
 И на нее немедленно ответь...

Май 1932

Преодолев затверженность природы,
 Голуботвердый глаз проник в ее закон:
 В земной коре юродствуют породы
 И, как руда, из груди рвется стон.

И тянется глухой недоразвиток
 Как бы дорогой, согнутою в рог, —
 Понять пространства внутренний избыток,
 И лепестка, и купола залог.

Январь 1934

Когда, уничтожив набросок,
 Ты держишь прилежно в уме
 Период без тягостных сносок,
 Единый во внутренней тьме,

И он лишь на собственной тяге,
 Зажмурившись, держится сам,
 Он так же отнесся к бумаге,
 Как купол к пустым небесам.

Ноябрь 1933

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме,
 И Гете, свищущий на вьющейся тропе,
 И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
 Считали пульс толпы и верили толпе.

Быть может, прежде губ уже родился шепот,
 И в бездревесности кружились листья,
 И те, кому мы посвящаем опыт,
 До опыта приобрели черты.

1933

И клена зубчатая лапа
 Купается в круглых углах,
 И можно из бабочек крапа
 Рисунки слагать на стенах.

Бывают мечети живые —
 И я догадался сейчас:
 Быть может, мы — Айя-София
 С бесчисленным множеством глаз.

Ноябрь 1933

Скажи мне, чертежник пустыни,
 Арабских песков геометр,
 Ужели безудержность линий
 Сильнее, чем дующий ветер?

— Меня не касается трепет
 Его иудейских забот —
 Он опыт из лепета лепит
 И лепет из опыта пьет.

Ноябрь 1933

В игольчатых чумных бокалах
Мы пьем наваждение причин,
Касаемся крючьями малых,
Как легкая смерть, величин.

И там, где сцепились бирюльки,
Ребенок молчанье хранит —
Большая вселенная в люльке
У маленькой вечности спит.

Ноябрь 1933

И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин
И мнимое рву постоянство
И самосогласье причин.

И твой, бесконечность, учебник
Читаю один, без людей —
Безлиственный, дикий лечебник,
Задачник огромных корней.

Ноябрь 1933

Как из одной высокогорной щели
Течет вода — на вкус разноречива —
Полужестка, полусладка, двулична, —

Так, чтобы умереть на самом деле,
Тысячу раз на дню лишусь обычной
Свободы вдоха и сознания цели...

Декабрь 1933

I

Valle che de'lamenti miei se' piena...

Petrarca¹

Речка, распухшая от слез соленых,
Лесные птахи рассказать могли бы,
Чуткие звери и немые рыбы,
В двух берегах зажатые зеленых;

Дол, полный клятв и шепотов каленых,
Тропинок промуравленных изгибы,
Силой любви затверженные глыбы
И трещины земли на трудных склонах:

Незыблемое зыблется на месте,
И зыблюсь я... Как бы внутри гранита
Зернится скорбь в гнезде былых веселий,

Где я ищу следов красы и чести,
Исчезнувшей, как сокол после мыга,
Оставив тело в земляной постели.

Декабрь 1933—январь 1934

II

Quel rosignuol, che si soave piagne...

Petrarca²

Как соловей, сиротствующий, славит
Своих пернатых близких, ночью синей,
И деревенское молчанье плавит
По-над холмами или в котловине,

И всю-то ночь щекочет и муравит
И провожает он, один отныне,—
Меня, меня! Силки и сети ставит
И нудит помнить смертный пот богини!

¹Долина, что жалобами моими полна... Петрарка (итал.). — *Рег.*

²Тот соловей, что так нежно оплакивает... Петрарка (итал.). — *Рег.*

О, радужная оболочка страха!
Эфир очей, глядевших в глубь эфира,
Взяла земля в слепую люльку праха —

Исполнилось твоё желанье, пряха,
И, плачущи, твержу: вся прелесть мира
Ресничного недолговечней взмаха.

Ноябрь—декабрь 1933

III

Or che'l ciel et la terra e'l vento tace...

Petrarca¹

Когда уснет земля и жар отпышет,
И на душе зверей покой лебяжий,
Ходит по кругу ночь с горящей пряжей
И мощь воды морской зефир колышет,—

Чую, горю, рвусь, плачу — и не слышит,
В неудержимой близости всё та же:
Целую ночь, целую ночь на страже
И вся как есть далеким счастьем дышит.

Хоть ключ один — вода разноречива:
Полужесточка, полусладка. Ужели
Одна и та же милая двулична?

Тысячу раз на дню, себе на диво,
Я должен умереть на самом деле,
И воскресаю так же сверхобычно.

14—24 декабря 1933

IV

I di miei più leggier' che nessun cervo...

Petrarca²

Промчались дни мои — как бы оленей
Косящий бег. Срок счастья был короче,

¹ Когда небо, и земля, и ветер умолкают... Петрарка (итал.). — *Peg.*

² Дни мои легче любого оленя... Петрарка (итал.). — *Peg.*

Чем взмах ресницы. Из последней мочи
Я в горсть зажал лишь пепел наслаждений.

По милости надменных оболщений
Ночует сердце в склепе скромной ночи,
К земле бескостной жметя. Средоточий
Знакомых ищет, сладостных сплетений.

Но то, что в ней едва существовало, —
Днесь, вырвавшись наверх, в очаг лазури,
Пленять и ранить может, как бывало.

И я догадываюсь, брови хмуря, —
Как хороша — к какой толпе пристала —
Как там клубится легких складок буря...

4—8 января 1934; июнь 1935

211

Голубые глаза и горячая лобная кость —
Мировая манила тебя молодящая злость.

И за то, что тебе суждена была чудная власть,
Положили тебя никогда не судить и не клясть.

На тебя надевали тиару — юрода колпак,
Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак!

Как снежок, на Москве заводил кавардак
гоголек, —
Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легóк...

Собиратель пространства, экзамены сдавший
птенец,
Сочинитель, щегленок, студентик, студент, бубенец.

Конькобежец и первенец, веком гонимый взашей
Под морозную пыль образуемых вновь падежей.

И, озираючись, пустынными берегами
Шел, чуя разговор бесчисленной толпы.

Толпы умов, влияний, впечатлений
Он перенес, как лишь могущий мог:
Рахиль гляделась в зеркало явлений,
А Лия пела и плела венки.

II

Когда душе столь торопкой, столь робкой
Предстанет вдруг событий глубина,
Она бежит виоущеюся тропкой —
Но смерти ей тропина не ясна.

Он, кажется, дичился умиранья
Застенчивостью славной новичка
Иль звука-первенца в блистательном собраньи,
Что льется внутрь в продольный лес смычка.

И льется вспять, еще лентясь и мерясь,
То мерой льна, то мерой волокна,
И льется смолкой, сам себе не верясь,
Из ничего, из нити, из темна,

Лиясь для ласковой, только что снятой маски,
Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
Для укрупненных губ, для укрепленной ласки
Крупнозернистого покоя и добра.

III

Дышали шуб меха. Плечо к плечу теснилось.
Кипела киноварь здоровья, кровь и пот.
Сон в оболочке сна, внутри которой снилось
На полшага продвинуться вперед.

А посреди толпы стоял гравировальщик,
Готовый перенести на истинную медь
То, что обугливший бумагу рисовальщик
Лишь крохоборствуя успел запечатлеть.

Как будто я повис на собственных ресницах,
И созревающий, и тянущийся весь,—
Доколе не сорвусь — разыгрываю в лицах
Единственное, что мы знаем днесь.

16—22 января 1934

215

Мастерица виноватых взоров,
Маленьких держательница плеч,
Усмирен мужской опасный нором,
Не звучит утопленница-речь.

Ходят рыбы, рдея плавниками,
Раздувая жабры. На, возьми,
Их, бесшумно охающих ртами,
Полухлебом плоти накорми!

Мы не рыбы красно-золотые,
Наш обычай сестринский таков:
В теплом теле ребрышки худые
И напрасный влажный блеск зрачков.

Маком бровки мечен путь опасный...
Что же мне, как янычару, люб
Этот крошечный, летуче-красный,
Этот жалкий полумесяц губ...

Не серчай, турчанка дорогая,
Я с тобой в глухой мешок зашьюсь;
Твои речи темные глотая,
За тебя кривой воды напьюсь.

Ты, Мария,— гибнущим подмога.
Надо смерть предупредить, уснуть.
Я стою у твердого порога.
Уходи. Уйди. Еще побудь.

13—14 февраля 1934

ВОРОНЕЖСКИЕ ТЕТРАДИ

216

Я живу на важных огородах.
Ванька-ключник мог бы здесь гулять.
Ветер служит даром на заводах,
И далёко убегает гать.

Чернопахотная ночь степных закраин
В мелкобисерных иззябла огоньках.
За стеной обиженный хозяин
Ходит-бродит в русских сапогах.

И богато искривилась половица —
Этой палубы гробовая доска.
У чужих людей мне плохо спится —
Только смерть да лавочка близка.

Апрель 1935

217

Наушнички, наушники мои!
Попомню я воронежские ночки:
Недопитого голоса́ Аи
И в полночь с Красной площади гудочки...

Ну как метро?.. Молчи, в себе таи...
Не спрашивай, как набухают почки...
И вы, часов кремлевские бои,—
Язык пространства, сжатого до точки...

Апрель 1935

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
 Уронишь ты меня иль проворонишь,
 Ты выронишь меня или вернешь,
 Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...

Апрель 1935

Я должен жить, хотя я дважды умер,
 А город от воды ополоумел:
 Как он хорош, как весел, как скуласт,
 Как на лемех приятен жирный пласт,
 Как степь лежит в апрельском провороте,
 А небо, небо — твой Буонаротти...

Апрель 1935

Это какая улица?
 Улица Мандельштама.
 Что за фамилия чертова!
 Как ее ни вывертывай,
 Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного,
 Нрава он не был лилейного,
 И потому эта улица
 Или, верней, эта яма
 Так и зовется по имени
 Этого Мандельштама.

Апрель 1935

221. ЧЕРНОЗЕМ

Переуважена, перечерна, вся в холе,
Вся в холках маленьких, вся воздух и призор,
Вся рассыпаючись, вся образуя хор,—
Комочки влажные моей земли и воли...

В дни ранней пахоты черна до синевы,
И безоружная в ней зиждется работа —
Тысячехолмие распаханной молвы:
Знать, безокружное в окружности есть что-то.

И все-таки земля — проруха и обух.
Не умолить ее, как в ноги ей ни бухай,—
Гниющей флейтою настраживает слух,
Кларнетом утренним зазябливает ухо...

Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском провороте!
Ну, здравствуй, чернозем: будь мужествен,
глазаст...

Черноречивое молчание в работе.

Апрель 1935

222

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета —
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Май 1935

223

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник:

На Красной площади всего круглей земля,
И скат ее твердеет добровольный,

На Красной площади земля всего круглей,
И скат ее нечаянно-раздольный,

Откидываясь вниз — до рисовых полей,
Покуда на земле последний жив невольник.

Май 1935

224—225

I

Как на Каме-реке глазу тёмно, когда
На дубовых коленях стоят города.

В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий ельник бежит, молодея в воде.

Упиралась вода в сто четыре весла —
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.

Там я плыл по реке с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.

А со мною жена — пять ночей не спала,
Пять ночей не спала, трех конвойных везла.

II

Я смотрел, отдаваясь, на хвойный восток.
Полноводная Кама неслась на буюк.

И хотелось бы гору с костром отслоить,
Да едва успеваешь леса посолить.

И хотелось бы тут же вселиться, пойми,
В долговечный Урал, населенный людьми,

И хотелось бы эту безумную гладь
В долгополой шинели беречь, охранять.

Апрель—май 1935

226. СТАНСЫ

1

Я не хочу средь юношей тепличных
Разменивать последний грош души,
Но, как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу — и люди хороши.
Люблю шинель красноармейской складки —
Длину до пят, рукав простой и гладкий,
И волжской туче родственный покроем,
Чтоб, на спине и на груди лопатясь,
Она лежала, на запас не тратясь,
И скатывалась летнею порой.

2

Проклятый шов, нелепая затея,
Нас разделили. А теперь — пойми:
Я должен жить, дыша и большевея,
И, перед смертью хорошея,
Еще побыть и поиграть с людьми!

3

Подумаешь, как в Чердыни-голубе,
Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,
В семивершковой я метался кутерьме:
Клевещущих козлов не досмотрел я драки,
Как петушок в прозрачной летней тьме,—
Харчи, да харк, да что-нибудь, да враки —
Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок.

И я в уме.

4

И ты, Москва, сестра моя, легка,
Когда встречаешь в самолете брата
До первого трамвайного звонка:
Нежнее моря, путаней салата
Из дерева, стекла и молока...

На вершок бы мне синего моря, на игольное
только ушко,
Чтобы двойка конвойного времени парусами
неслась хорошо.

Сухомятная русская сказка, деревянная ложка, ау!
Где вы, трое славных ребят из железных ворот
ГПУ?

Чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам
дармоедов,
Грамотеет в шинелях с наганами племя
пушкинovedов —

Молодые любители белозубых стишков,
На вершок бы мне синего моря, на игольное
только ушко!

Поезд шел на Урал. В раскрытые рты нам
Говорящий Чапаев с картины скакал звуковой —
За бревенчатым тылом, на ленте простынной
Утонуть и вскочить на коня своего.

Апрель—1 июня 1935

228

От сырой простыни говорящая —
Знать, нашелся на рыб звукопас —
Надвигалась картина звучащая
На меня, и на всех, и на вас...

Начихав на кривые убыточки,
С папироской смертельной в зубах,
Офицеры последней выточки —
На равнины зияющий пах...

Было слышно жужжание низкое
Самолетов, сгоревших дотла,
Лошадиная бритва английская
Адмиральские щеки скребла...

Измеряй меня, край, перекраивай —
Чуден жар прикрепленной земли!
Захлебнулась винтовка Чапаева —
Помоги, развяжи, раздели!..

Июнь 1935

229

Еще мы жизнью полны в высшей мере,
Еще гуляют в городах Союза
Из мотыльковых лапчатых материй
Китайчатые платица и блузы.

Еще машинка номер первый едко
Каштановые собирает взятки,
И падают на чистую салфетку
Разумные густеющие прядки.

Еще стрижей довольно и касаток,
Еще комета нас не очумила,
И пишут звездоносно и хвостато
Толковые лиловые чернила.

25 мая 1935

230

Римских ночей полновесные слитки,
Юношу Гете манившее лоно —
Пусть я в ответе, но не в убытке:
Есть многодонная жизнь вне закона.

Июнь 1935

231

Возможна ли женщине мертвой хвала?
Она в отчуждении и в силе —
Ее чужелюбая власть привела
К насильственной жаркой могиле...

И твердые ласточки круглых бровей
Из гроба ко мне прилетели
Сказать, что они отлежались в своей
Холодной стокгольмской постели.

И прадеда скрипкой гордился твой род,
От шейки ее хорошея,
И ты раскрывала свой аленький рот,
Смеясь, итальянясь, русея...

Я тяжкую память твою берегу,
Дичок, медвежонок, Миньона,
Но мельниц колеса зимуют в снегу,
И стынет рожок почтальона.

3 июня 1935

232

На мертвых ресницах Исаакий замерз,
И барские улицы сини —
Шарманщика смерть и медведицы ворс,
И чужие поленья в камине...

Уже выгоняет выжлятник пожар —
Линеек раскидистых стайку,
Несется земля — мебелированный шар,
И зеркало корчит всезнайку.

Площадками лестниц — разлад и туман,
Дыханье, дыханье и пенье,
И Шуберта в шубе замерз талисман —
Движенье, движенье, движенье...

3 июня 1935

За Паганини длиннопалым
 Бегут цыганскою гурьбой —
 Кто с чохом — чех, кто с польским балом,
 А кто с венгерской чемчурой.

Девчонка, выскочка, гордячка,
 Чей звук широк, как Енисей,
 Утешь меня игрой своей —
 На голове твоей, полячка,
 Марины Мнишек холм кудрей,
 Смычок твой мнителен, скрипачка.

Утешь меня Шопеном чалым,
 Серьезным Брамсом, нет, постой —
 Парижем мощно-одичалым,
 Мучным и потным карнавалом
 Иль брагой Вены молодой —

Вертявой, в дирижерских фрячках,
 В дунайских фейерверках, скачках,
 И вальс из гроба в колыбель
 Переливающей, как хмель.

Играй же на разрыв аорты,
 С кошачьей головой во рту!
 Три черта было, ты — четвертый,
 Последний, чудный черт в цвету!

5 апреля—18 июня 1935

Бежит волна — волной волне хребет ломая,
 Кидаясь на луну в невольничьей тоске,
 И янычарская пучина молодая,
 Неусыпленная столица волновая,
 Кривеет, мечется и роет ров в песке.

А через воздух сумрачно-хлопчатый
Неначатой стены мерещатся зубцы,
А с пенных лестниц падают солдаты
Султанов мнительных — разбрызганы, разъяты,
И яд разносят холодные скопцы.

27 июня 1935

235

Исполню дымчатый обряд:
В опале предо мной лежат
Морского лета земляники —
Двуискренние сердолики
И муравьиный брат — агат,

Но мне милей простой солдат
Морской пучины — серый, дикий,
Которому никто не рад.

Июль 1935

236

Не мучнистой бабочкою белой
В землю я заемный прах верну —
Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну:
Позвоночное, обугленное тело,
Сознающее свою длину.

Возгласы темно-зеленой хвои,
С глубиной колодезной венки
Тянут жизнь и время дорогое,
Опершись на смертные станки,—
Обручи краснознаменной хвои,
Азбучные, крупные венки!

Шли товарищи последнего призыва
По работе в жестких небесах,

Пронесла пехота молчаливо
Восклицанья ружей на плечах.

И зенитных тысячи орудий —
Карих то зрачков иль голубых —
Шли нестройно — люди, люди, люди, —
Кто же будет продолжать за них?

21 июля 1935—30 мая 1936

237

Из-за домов, из-за лесов,
Длинней товарных поездов —
Гуди за власть ночных трудов,
Садко заводов и садов.

Гуди, старик, дыши сладко,
Как новгородский гость Садко
Под синим морем глубоко, —
Гуди протяжно в глубь веков,
Гудок советских городов.

6—9 декабря 1936

238. РОЖДЕНИЕ УЛЫБКИ

Когда заулыбается дитя
С развилкой и горечи, и сласти,
Концы его улыбки не шутя
Уходят в океанское безвластье.

Ему непобедимо хорошо:
Углами губ оно играет в славе —
И радужный уже строчится шов
Для бесконечного познания яви.

На лапы из воды поднялся материк —
Улитки рта наплыв и приближенье —
И бьет в глаза один атлантов миг
Под легкий наигрыш хвалы и удивленья.

8 декабря 1936—17 января 1937

Подивлюсь на свет еще немного,
 На детей и на снега,
 Но улыбка неподдельна, как дорога,
 Непослушна, не слуга.

Декабрь 1936—1938 (?)

Мой щегол, я голову закину —
 Поглядим на мир вдвоем:
 Зимний день, колючий, как мякина,
 Так ли жестк в зрачке твоём?

Хвостик лодкой, перья черно-желты,
 Ниже клюва в краску влит,
 Сознаешь ли, до чего щегол ты,
 До чего ты щегловит?

Что за воздух у него в надлобьи —
 Черн и красен, желт и бел!
 В обе стороны он в оба смотрит — в обе! —
 Не посмотрит — улетел!

9—27 декабря 1936

Нынче день какой-то желторотый —
 Не могу его понять,
 И глядят приморские ворота
 В якорях, в туманах на меня...

Тихий, тихий по воде линиялой
 Ход военных кораблей,
 И каналов узкие пеналы
 Подо льдом еще черней...

9—28 декабря 1936

Не у меня, не у тебя — у них
 Вся сила окончаний родовых:
 Их воздухом поющ тростник и скважист,
 И с благодарностью улитки губ людских
 Потянут на себя их дышащую тяжесть.
 Нет имени у них. Войди в их хрящ,
 И будешь ты наследником их княжеств, —

И для людей, для их сердец живых,
 Блуждая в их извилинах, развивах,
 Изобразишь и наслажденья их,
 И то, что мучит их — в приливах и отливах.

9—27 декабря 1936

Внутри горы бездействует кумир
 В покоях бережных, безбрежных и счастливых,
 А с шеи каплет ожерелий жир,
 Оберегая сна приливы и отливы.

Когда он мальчик был и с ним играл павлин,
 Его индийской радугой кормили,
 Давали молока из розоватых глин
 И не жалели кошенили.

Кость усыпленная завязана узлом,
 Очеловечены колени, руки, плечи.
 Он улыбается своим тишайшим ртом,
 Он мыслит костию и чувствует челом
 И вспомнить силится свой облик человечесий...

10—26 декабря 1936.

Я в сердце века. Путь неясен,
 А время удаляет цель —
 И посоха усталый ясень,
 И меди нищенскую цвель.

14 декабря 1936

А мастер пушечного цеха,
 Кузнечных памятников швец,
 Мне скажет: ничего, отец,—
 Уж мы сошьем тебе такое...

Декабрь 1936 (?)

Сосновой рошцы закон:
 Виол и арф семейный звон.
 Стволы извилисты и голы,
 Но всё же арфы и виолы
 Растут, как будто каждый ствол
 На арфу начал гнуть Эол
 И бросил, о корнях жалея,
 Жалея ствол, жалея сил;
 Виолу с арфой пробудил
 Звучать в коре, коричневая.

16—18 декабря 1936

Пластинкой тоненькой жиллета
 Легко щетину спячки снять —
 Полуукраинское лето
 Давай с тобою вспоминать.

Вы, именитые вершины,
Дерев косматых именины —
Честь Рюисдалевых картин,
И на почин — лишь куст один
В янтарь и мясо красных глин.

Земля бежит наверх. Приятно
Глядеть на чистые пласты
И быть хозяином объятной
Семипалатной простоты.

Его холмы к далекой цели
Стогами легкими летели,
Его дорог степной бульвар
Как цепь шатров в тенистый жар!
И на пожар рванулась ива,
А тополь встал самолюбиво...
Над желтым лагерем жнивья
Морозных дымов колея.

А Дон еще, как полукровка,
Сребрясь и мелко, и неловко,
Воды набравши с полковша,
Терялся, что моя душа,

Когда на жесткие постели
Ложилось бремя вечеров
И, выходя из берегов,
Деревья-бражники шумели...

15—27 декабря 1936

Ночь. Дорога. Сон первичный
Соблазнителен и нов...
Что мне снится? Рукавичный
Снегом пышущий Тамбов
Или Цны — реки обычной —
Белый, белый бел-покров?

Или я в полях совхозных —
Воздух в рот и жизнь берет
Солнц подсолнечника грозных
Прямо в очи оборот?

Кроме хлеба, кроме дома,
Снится мне глубокий сон:
Трудодень, подъятый дремой,
Превратился в синий Дон...

Анна, Россошь и Гремяче —
Процветут их имена —

Белизна снегов гагачья
Из вагонного окна!..

23—27 декабря 1936

249

Вехи дальние обоза
Сквозь стекло особняка,
От тепла и от мороза
Близкой кажется река.
И какой там лес — еловый?
Не еловый, а лиловый,—
И какая там береза,
Не скажу наверняка —
Лишь чернил воздушных проза
Неразборчива, легка...

26 декабря 1936

250

Где я? Что со мной дурного?
Степь беззимняя гола...
Это мачеха Кольцова...
Шутишь — родина щегла!
Только города немного

В гололедицу обзор,
Только чайника ночного
Сам с собою разговор,
В гуще воздуха степного
Переключка поездов
Да украинская мова
Их растянутых гудков...

23—25 декабря 1936

251

Шло цепочкой в темноводье
Протяженных гроз ведро
Из дворянского угожья
В океанское ядро.

Шло, само себя колыша,
Осторожно, грозно шло...
Смотришь: небо стало выше —
Новоселье, дом и крыша —
И на улице светло!

26 декабря 1936

252

Когда щегол в воздушной сдобе
Вдруг затрясется, сердцевит,
Ученый плащик перчит злоба,
А чепчик черным красовит.

Клевещет жердочка и планка,
Клевещет клетка сотней спиц —
И всё на свете наизнанку,
И есть лесная Саламанка
Для непослушных умных птиц.

Декабрь 1936

Как подарок запоздалый
 Ощутима мной зима —
 Я люблю ее сначала
 Неуверенный размах.

Хороша она испугом,
 Как начало грозных дел, —
 Перед всем безлесным кругом
 Даже ворон оробел.

Но сильнее всего непрочно —
 Выпуклых голубизна —
 Полукруглый лед височный
 Речек, баюющих без сна...

29—30 декабря 1936

Оттого все неудачи,
 Что я вижу пред собой
 Ростовщичий глаз кошачий —
 Внук он зелени стоячей
 И купец воды морской.

Там, где огненными щами
 Угощается Кащей,
 С говорящими камнями
 Он на счастье ждет гостей —
 Камни трогает клещами,
 Щиплет золото гвоздей.

У него в покоях спящих
 Кот живет не для игры —
 У того в зрачках горящих
 Клад зажмуренной горы,
 И в зрачках тех леденящих,
 Умоляющих, просящих —
 Шароватых искр пиры...

29—30 декабря 1936

Твой зрачок в небесной корке,
 Обращенный вдаль и ниц,
 Защищают оговорки
 Слабых, чующих ресниц.

Будет он, обожествленный,
 Долго жить в родной стране,
 Омут ока удивленный, —
 Кинь его вдогонку мне!

Он глядит уже охотно
 В мимолетные века —
 Светлый, радужный, бесплотный,
 Умоляющий пока.

2 января 1937

Улыбнись, ягненок гневный с Рафаэлева
холста, —
 На холсте уста вселенной, но она уже не та...
 В легком воздухе свирели раствори жемчужин
боль —
 В синий, синий цвет синели океана въелась
соль...

Цвет воздушного разбоя и пещерной густоты,
 Складки бурного покоя на коленях разлиты.

На скале черствее хлеба — молодых тростинки
рощ,
 И плывет углами неба восхитительная мощь.

9 января 1937

Когда в ветвях понурых
 Заводит чародей
 Гнедых или каурых
 Шушуканье мастей,—

Не хочет петь линючий,
 Ленивый богатырь —
 И малый, и могучий
 Зимующий снегирь,—

Под неба нависанье,
 Под свод его бровей
 В сиреневые сани
 Усядусь поскорей...

9 января 1937

Я около Кольцова
 Как сокол закольцован —
 И нет ко мне гонца,
 И дом мой без крыльца.

К ноге моей привязан
 Сосновый синий бор,
 Как вестник, без указа,
 Распахнут кругозор.

В степи кочуют кочки —
 И всё идут, идут
 Ночлеги, ночи, ночки —
 Как бы слепых везут...

9 января (?) 1937

Дрожжи мира дорогие:
 Звуки, слезы и труды —
 Ударенья дождевые
 Закипающей беды,
 И потери звуковые
 Из какой вернуть руды?

В нищей памяти впервые
 Чуешь вмятины слепые,
 Медной полные воды, —
 И идешь за ними следом,
 Сам себе немил, неведом —
 И слепой, и поводырь...

12—18 января 1937

Влез бесенок в мокрой шерстке —
 Ну, куды ему, куды? —
 В подкопытные наперстки,
 В торопливые следы —
 По копейкам воздух версткий
 Обирает с слободы...

Брызжет в зеркальцах дорога —
 Утомленные следы
 Постоят еще немного
 Без покрова, без слюды...
 Колесо брюзжит отлого:
 Улеглось — и полбеда!

Скучно мне: мое прямое
 Дело тараторит вкось —
 По нему прошлось другое,
 Надсмеялось, сбило ось...

12—18 января 1937

Еще не умер ты. Еще ты не один,
 Покуда с нищенкой-подругой
 Ты наслаждаешься величием равнин,
 И мглой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в могучей нищете
 Живи спокоен и утешен —
 Благословенны дни и ночи те,
 И сладкогласный труд безгрешен.

Несчастлив тот, кого, как тень его,
 Пугает лай и ветер косит,
 И жалок тот, кто, сам полуживой,
 У тени милостыни просит.

15—16 января 1937

В лицо морозу я гляжу один:
 Он — никуда, я — ниоткуда,
 И всё уютжится, плоится без морщин
 Равнины дышащее чудо.

А солнце щурится в крахмальной нищете —
 Его прищур спокоен и утешен.
 Десятизначные леса — почти что те...
 И снег хрустит в глазах, как чистый хлеб,
 безгрешен.

16 января 1937

О, этот медленный, одышливый простор!
 Я им пресыщен до отказа,—
 И отдышавшийся распахнут кругозор —
 Повязку бы на оба глаза!

Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав
На берегах зубчатых Камы:
Я б удержал ее застенчивый рукав,
Ее круги, края и ямы.

Я б с ней сработался — на век, на миг один —
Стремнин осадистых завистник,
Я б слушал под корой текучих древесин
Ход кольцеванья волокнистый...

16 января 1937

264

Что делать нам с убитостью равнин,
С протяжным голодом их чуда?
Ведь то, что мы открытостью в них мним,
Мы сами видим, засыпая, зрим —
И всё растет вопрос: куда они, откуда,
И не ползет ли медленно по ним
Тот, о котором мы во сне кричим,—
Пространств несозданных Иуда?

16 января 1937

265

Как женственное серебро горит,
Что с окисью и примесью боролось,
И тихая работа серебрит
Железный плут и песнотворца голос.

Январь 1937 (?)

Я нынче в паутине световой —
 Черноволосой, светло-русой, —
 Народу нужен свет и воздух голубой,
 И нужен хлеб и снег Эльбруса.

И не с кем посоветоваться мне,
 А сам найду его едва ли:
 Таких прозрачных, плачущих камней
 Нет ни в Крыму, ни на Урале.

Народу нужен стих таинственно-родной,
 Чтоб от него он вечно просыпался
 И льнянокудрою, каштановой волной —
 Его звучаньем — умывался...

19 января 1937

Как землю где-нибудь небесный камень будит,
 Упал опальный стих, не знающий отца:
 Неумолимое — находка для творца,
 Не может быть другим, никто его не судит.

20 января 1937

Слышу, слышу ранний лед,
 Шелестящий под мостами,
 Вспоминаю, как плывет
 Светлый хмель над головами.

С черствых лестниц, с площадей
 С угловатыми дворцами
 Круг Флоренции своей
 Алигьери пел мощней
 Утомленными губами.

Так гранит зернистый тот
Тень моя грызет очами,
Видит ночью ряд колод,
Днем казавшихся домами,

Или тень баклуши бьет
И позевывает с вами,

Иль шумит среди людей,
Греясь их вином и небом,

И несладким кормит хлебом
Неотвязных лебедей...

22 января 1937

269

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я, что ли, пьян дверей? —
И хочется мычать от всех замков и скрепок...

И переулков лающих чулки,
И улиц перекошенных чуланы —
И прячутся поспешно в уголки,
И выбегают из углов угланы...

И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке
И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке, —

А я за ними ахаю, крича
В какой-то мерзлый деревянный короб:
Читателя! советчика! врача!
На лестнице колючей разговора б!

1 февраля 1937

Люблю морозное дыханье
И пара зимнего признанье:
Я — это я; явь — это явь...

И мальчик, красный, как фонарик,
Своих салазок государик
И заправила, мчится вплавь.

И я — в размолвке с миром, с волей —
Заразе саночек мирволю —
В сребристых скобках, в бахромах —

И век бы падал векши легче
И легче векши к мягкой речке —
Полнеба в валенках, в ногах...

24 января 1937

Средь народного шума и спеха,
На вокзалах и пристанях,
Смотрит века могучая вежа
И бровей начинается взмах.

Я узнал, он узнал, ты узнала,
А потом куда хочешь влеки —
В говорливые дебри вокзала,
В ожиданья у мощной реки.

Далеко теперь та стоянка,
Тот с водой кипяченой бак,
На цепочке кружка-жестянка
И глаза застилавший мрак.

Шла пермяцкого говора сила,
Пассажирская шла борьба,
И ласкала меня и сверлила
Со стены этих глаз журьба.

Много скрыто дел предстоящих
В наших летчиках и жнецах,
И в товарищах реках и чащах,
И в товарищах городах...

Не припомнить того, что было:
Губы жарки, слова черствы —
Занавеску белую било,
Несся шум железной листвы...

А на деле-то было тихо,
Только шел пароход по реке,
Да за кедром цвела гречиха,
Рыба шла на речном говорке...

И к нему — в его сердцевину —
Я без пропуска в Кремль вошел,
Разорвав расстояний холстину,
Головою повинной тяжел...

Январь 1937

272

Где связанный и пригвожденный стон?
Где Прометей — скалы подспорье и пособие?
А коршун где — и желтоглазый гон
Его когтей, летящих исподлобья?

Тому не быть — трагедий не вернуть,
Но эти наступающие губы —
Но эти губы вводят прямо в суть
Эшила-грузчика, Софокла-лесоруба.

Он эхо и привет, он вежа, — нет, лемех...
Воздушно-каменный театр времен растущих
Встал на ноги, и все хотят увидеть всех —
Рожденных, гибельных и смерти не имущих.

19 января—4 февраля 1937

Как светотени мученик Рембрандт,
 Я глубоко ушел в немеющее время,
 И резкость моего горящего ребра
 Не охраняется ни сторожами теми,
 Ни этим воином, что под грозою спят.

Простишь ли ты меня, великолепный брат,
 И мастер, и отец черно-зеленой теми,—
 Но око соколиного пера
 И жаркие ларцы у полночи в гареме
 Смущают не к добру, смущают без добра
 Мехами сумрака взволнованное племя.

4 февраля 1937

Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева,
 И парус медленный, что облаком продолжен,—
 Я с вами разлучен, вас оценив едва:
 Длинней органных фуг — горька морей трава,
 Ложноволосая,— и пахнет долгой ложью,
 Железной нежностью хмелеет голова,
 И ржавчина чуть-чуть отлогий берег гложет...
 Что ж мне под голову другой песок подложен?
 Ты, горловой Урал, плечистое Поволжье
 Иль этот ровный край — вот все мои права,
 И полной грудью их вдыхать еще я должен.

4 февраля 1937

Пою, когда гортань сыра, душа — суха,
 И в меру влажен взор, и не хитрит сознание:
 Здорово ли вино? Здоровы ли меха?
 Здорово ли в крови Колхиды колыханье?
 И грудь стесняется, без языка — тиха:

Уже не я пою — поет мое дыханье,
И в горных ножнах слух, и голова глуха...

Песнь бескорыстная — сама себе хвала:
Утеха для друзей и для врагов — смола.

Песнь одноглазая, растущая из мха,—
Одноголосый дар охотничьего быта,
Которую поют верхом и на верхах,
Держа дыханье вольно и открыто,
Забывая лишь о том, чтоб честно и сердито
На свадьбу молодых доставить без греха...

8 февраля 1937

276

Вооруженный зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную,
Я чую всё, с чем свидеться пришлось,
И вспоминаю наизусть и всеуе...

И не рисую я, и не пою,
И не вожу смычком черноголосым:
Я только в жизнь впиваюсь и люблю
Завидовать могучим, хитрым осам.

О, если б и меня когда-нибудь могло
Заставить, сон и смерть минуя,
Стрекало воздуха и летнее тепло
Услышать ось земную, ось земную...

8 февраля 1937

277

Были очи острее точимой косы —
По зегзице в зенице и по капле росы,—

И едва научились они во весь рост
Различать одинокое множество звезд.

9 февраля 1937

Еще он помнит башмаков износ —
 Моих подметок стертое величье,
 А я — его: как он разноголос,
 Черноволос, с Давид-горой гранича.

Подновлены мелком или белком
 Фисташковые улицы-пролазы:
 Балкон — наклон — подкова — конь — балкон,
 Дубки, чинары, медленные вязы...

И букв кудрявых женственная цепь
 Хмельна для глаза в оболочке света,—
 А город так горазд и так уходит в крепь
 И в моложавое, стареющее лето.

7—11 февраля 1937

Обороняет сон мою донскую сонь,
 И разворачиваются черепах маневры —
 Их быстроходная, взволнованная бронь,
 И любопытные ковры людского говора...

И в бой меня ведут понятные слова —
 За оборону жизни, оборону
 Страны-земли, где смерть уснет, как днем сова...
 Стекло Москвы горит меж ребрами гранеными.

Необоримые кремлевские слова —
 В них оборона обороны;
 И брони боевой и бровь, и голова
 Вместе с глазами полюбовно собраны.

И слушает земля — другие страны — бой,
 Из хорового падающий короба:
 — Рабу не быть рабом, рабе не быть рабой,—
 И хор поет с часами рука об руку.

3—11 февраля 1937

Как дерево и медь Фаворского полет —
 В дощатом воздухе мы с временем соседи,
 И вместе нас ведет слоистый флот
 Распиленных дубов и яворовой меди.

И в кольцах сердится еще смола, сочась,
 Но разве сердце лишь испуганное мясо?
 Я сердцем виноват и сердцевины часть
 До бесконечности расширенного часа.

Час, насыщающий бесчисленных друзей,
 Час грозных площадей с счастливыми глазами...
 Я обведу еще глазами площадь всей,
 Всей этой площади с ее знамен лесами.

11 февраля 1937

Я в львиный ров и крепость погружен
 И опускаюсь ниже, ниже, ниже
 Под этих звуков ливень дрожжевой —
 Сильнее льва, мощнее Пятикнижья.

Как близко, близко твой подходит зов —
 До заповедей рода, и в первины —
 Океанийских низка жемчугов
 И таитянок кроткие корзины...

Карающего пенья материк,
 Густого голоса низинами надвинься!
 Богатых дочерей дикарско-сладкий лик
 Не стоит твоего — праматери — мизинца.

Не ограничена еще моя пора:
 И я сопровождал восторг вселенский,
 Как вполголосная органная игра
 Сопровождает голос женский.

12 февраля 1937

282. СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОМ СОЛДАТЕ

1

Этот воздух пусть будет свидетелем,
Дальнобойное сердце его,
И в землянках, всеядный и деятельный,
Океан без окна — вещество.

До чего эти звезды изветливы!
Всё им нужно глядеть — для чего? —
В осужденье судьбы и свидетеля,
В океан без окна, вещество...

Помнит дождь, неприветливый сеятель,
Безымянная манна его,
Как лесистые крестики метили
Океан или клин боевой.

Будут люди, холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать —
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилой
Без руля и крыла совладать.

И за Лермонтова Михаила
Я отдам тебе строгий отчет,
Как горбатого учит могила
И воздушная яма влечет.

Шевелящимися виноградинами
 Угрожают нам эти миры,
 И висят городами украденными,
 Золотыми обмолвками, ябедами,
 Ядовитого холода ягодами
 Растяжимых созвездий шатры —
 Золотые созвездий жиры...

Аравийское месиво, крошево,
 Свет размолотых в луч скоростей,
 И своими косыми подошвами
 Луч стоит на сетчатке моей.

Миллионы убитых задешево
 Протоптали тропу в пустоте —
 Доброй ночи, всего им хорошего
 От лица земляных крепостей.

Неподкупное небо окопное,
 Небо крупных оптовых смертей —
 За тобой, от тебя, целокупное,
 Я губами несусь в темноте —

За воронки, за насыпи, осыпи,
 По которым он медлил и мглил, —
 Развороченных — пасмурный, оспенный
 И придымленный гений могил.

Хорошо умирает пехота,
 И поет хорошо хор ночной
 Над улыбкой приплюснутой Швейка,
 И над птичьим копьём Дон-Кихота,
 И над рыцарской птичьей плюсной.
 И дружит с человеком калека —
 Им обоим найдется работа,
 И стучит по околицам века

Костылей деревянных семейка —
Эй, товарищество, — шар земной!

5

Для того ль должен череп развиваться
Во весь лоб — от виска до виска,
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?
Развивается череп от жизни
Во весь лоб — от виска до виска,
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится,
Мыслью пенится, сам себе снится —
Чаша чаш и отчизна отчизне —
Звездным рубчиком шитый чепец —
Чепчик счастья — Шекспира отец...

6

Ясность ясеневая, зоркость яворовая
Чуть-чуть красная мчится в свой дом,
Как бы обмороками затоваривая
Оба неба с их тусклым огнем.

Нам союзно лишь то, что избыточно,
Впереди не провал, а промер,
И бороться за воздух прожиточный —
Эта слава другим не в пример.

И сознание свое затоваривая
Полубморочным бытием,
Я ль без выбора пью это варево,
Свою голову ем под огнем?

Для чего ж заготовлена тара
Обаянья в пространстве пустом,
Если белые звезды обратно
Чуть-чуть красные мчатся в свой дом?

Чуешь, мачеха звездного табора,
Ночь, — что будет сейчас и потом?

Жаль, что карусель воздушно-благодарная
Оборачивается, городом дыша,—

Наклони свою шею, безбожница
С золотыми глазами козы,
И кривыми картавыми ножницами
Купы скаредных роз подразни.

3 марта 1937

284

Я видел озеро, стоявшее отвесно.
С разрезанною розой в колесе
Играли рыбы, дом построив пресный.
Лиса и лев боролись в челноке.

Глазели внутрь трех лающих порталов
Недуги — недруги других невоскрытых дуг.
Фиалковый пролет газель перебежала,
И башнями скала вздохнула вдруг,—

И, влагой напоен, восстал песчаник честный,
И средь ремесленного города-сверчка
Мальчишка-океан встает из речки пресной
И чашками воды швыряет в облака.

4 марта 1937

285

На доске малиновой, червонной,
На кону горы крутопоклонной —
Втридорога снегом напоенный
Высоко занесся санный, сонный
Полугород, полуберег конный,
В сбрую красных углей запряженный,
Желтую мастикой утепленный
И перегоревший в сахар жженный.

Той же росписи новые раны —
Неоконченной вечности мгла...

9 марта 1937

288

Заблудился я в небе — что делать?
Тот, кому оно близко, — ответь...
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть.

Не разнять меня с жизнью — ей снится
Убивать — и сейчас же ласкать,
Чтобы в уши, в глаза и в глазницы
Флорентийская била тоска.

Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски,
Лучше сердце мое расколите
Вы на синего звона куски...

И когда я умру, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,
Чтоб раздался и шире и выше
Отзвук неба во всю мою грудь!

9 (?) марта 1937

289

Заблудился я в небе — что делать?
Тот, кому оно близко, — ответь! —
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть,
Задышаться, чернеть, голубеть...

Если я не вчерашний, не зряшный —
Ты, который стоишь надо мной, —
Если ты виночерпий и чашник,
Дай мне силу без пены пустой

Выпить здравье кружащейся башни
Рукопашной лазури шальной...

Голубятни, черноты, скворешни,
Самых синих теней образцы —
Лед весенний, лед высший, лед вешний,
Облака — обаянья борцы,—
Тише: тучу ведут под уздцы!

9—19 марта 1937

290

Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя —
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия...

Так соборы кристаллов сверхжизненных
Добросовестный свет-паучок,
Распуская на ребра, их сызнава
Собирает в единый пучок.

Чистых линий пучки благодарные,
Направляемы тихим лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом,
Только здесь — на земле, а не на небе,
Как в наполненный музыкой дом,—
Только их не спугнуть, не изранить бы —
Хорошо, если мы доживем...

То, что я говорю, мне прости...
Тихо, тихо его мне прочти...

15 марта 1937

Не сравнивай: живущий несравним.
 С каким-то ласковым испугом
 Я согласился с равенством равнин,
 И неба круг мне был недугом.

Я обращался к воздуху-слуге,
 Ждал от него услуги или вести,
 И собирался в путь, и плавал по дуге
 Неначинающихся путешествий...

Где больше неба мне — там я бродить готов,
 И ясная тоска меня не отпускает
 От молодых еще воронежских холмов
 К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

16 марта 1937

292. РИМ

Где лягушки фонтанов, расквакавшись
 И разбрызгавшись, больше не спят
 И, однажды проснувшись, расплакавшись,
 Во всю мочь своих глоток и раковин
 Город, любящий сильным поддакивать,
 Земноводной водою кропят,—

Древность легкая, летняя, наглая,
 С жадным взглядом и плоской ступней,
 Словно мост ненарушенный Ангела
 В плоскоступьи над желтой водой,—

Голубой, онелепленный, пепельный,
 В барабанном наросте домов,
 Город, ласточкой купола лепленный
 Из проулков и из сквозняков,—
 Превратили в убийства питомник
 Вы — коричневой крови наемники —
 Итальяские чернорубашечники —
 Мертвых цезарей злые щенки...

Все твои, Микель-Анджело, сироты,
Облеченные в камень и стыд:
Ночь, сырая от слез, и невинный,
Молодой, легконогий Давид,
И постель, на которой несдвинутый
Моисей водопадом лежит,—
Мощь свободная и мера львиная
В усыплении и в рабстве молчит.

И морщинистых лестниц уступки
В площадь льющих лестничных рек,—
Чтоб звучали шаги как поступки,
Поднял медленный Рим-человек,
А не для искалеченных нег,
Как морские ленивые губки.

Ямы Форума заново вырыты,
И открыты ворота для Ирода —
И над Римом диктатора-выродка
Подбородок тяжелый висит.

16 марта 1937

293

Чтоб, приятель и ветра и капель,
Сохранил их песчаник внутри,
Нацарапали множество цапель
И бутылок в бутылках цари.

Украшался отборной собачиной
Египтян государственный стыд,
Мертвецов наделял всякой всячиной
И торчит пустячком пирамид.

То ли дело любимец мой кровный,
Утешительно-грешный певец,
Еще слышен твой скрежет зубовный,
Беззаботного праха истец.

Размотавший на два завещанья
Слабовольных имуществ клубок
И в прощаньи отдав, в верещаньи
Мир, который как череп глубок,—

Рядом с готикой жил озоруючи
И плевал на паучьи права
Наглый школьник и ангел ворующий,
Несравненный Виллон Франсуа.

Он разбойник небесного клира,
Рядом с ним не зазорно сидеть —
И пред самой кончиною мира
Будут жаворонки звенеть...

18 марта 1937

294

Гончарами велик остров синий —
Крит зеленый. Запекся их дар
В землю звонкую. Слышишь подземных
Плавников могучий удар?

Это море легко на помине
В ошастливленной обжигом глине,
И сосуда студеная власть
Раскололась на море и глаз.

Ты отдай мне мое, остров синий,
Крит летучий, отдай мне мой труд
И сосцами текучей богини
Воскорми обожженный сосуд...

Это было и пелось, синяя,
Много задолго до Одиссея,
До того, как еду и питье
Называли „моя“ и „мое“.

Выздоровливай же, излучайся,
Волоокоего неба звезда,

И летучая рыба — случайность,
И вода, говорящая «да».

Март 1937

295

Длинной жажды должник виноватый,
Мудрый сводник вина и воды:
На боках твоих пляшут козлята
И под музыку зреют плоды.

Флейты свищут, клянутся и злятся,
Что беда на твоём ободу
Черно-красном — и некому взяться
За тебя, чтоб поправить беду.

21 марта 1937

296

О, как же я хочу,
Нечуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем.

А ты в кругу лучись —
Другого счастья нет —
И у звезды учись
Тому, что значит свет.

А я тебе хочу
Сказать, что я шепчу,
Что шепотом лучу
Тебя, дитя, вручу.

27 марта 1937

Нереиды мои, нереиды!
 Вам рыданья — еда и питье,
 Дочерям средиземной обиды
 Состраданье обидно мое.

Март 1937

Флейты греческой тэта и йота —
 Словно ей не хватало молвы,—
 Неизваянная, без отчета,
 Зрела, маялась, шла через рвы...

И ее невозможно покинуть,
 Стиснув зубы, ее не унять,
 И в слова языком не продвинуть,
 И губами ее не разнять...

А флейтист не узнает покоя:
 Ему кажется, что он один,
 Что когда-то он море родное
 Из сиреневых вылепил глин...

Звонким шепотом честолюбивых,
 Вспоминающих шепотом губ
 Он торопится быть бережливым,
 Емлет звуки — опрятен и скуп...

Вслед за ним мы его не повторим,
 Комья глины в ладонях моря,
 И когда я наполнился морем —
 Мором стала мне мера моя...

И свои-то мне губы не любви —
 И убийство на том же корню —
 И невольню на убыль, на убыль
 Равнодействие флейты клоню...

7 апреля 1937

Как по улицам Киева-Вия
Ищет мужа не знаю чья жинка,
И на щеки ее восковые
Ни одна не скатилась слезинка.

Не гадают цыганочки кралям,
Не играют в Купеческом скрипки,
На Крещатике лошади пали,
Пахнут смертью господские Липки.

Уходили с последним трамваем
Прямо за́ город красноармейцы,
И шинель прокричала сырая:
„Мы вернемся еще — разумеете...“

Апрель 1937

Я к губам подношу эту зелень —
Эту клейкую клятву листов,
Эту клятвопреступную землю:
Мать подснежников, кленов, дубков.

Погляди, как я крепну и слепну,
Подчиняясь смиренным корням,
И не слишком ли великолепно
От гремучего парка глазам?

А квакуши, как шарики ртути,
Голосами сцепляются в шар,
И становятся ветками прутья
И молочной выдумкой пар.

30 апреля 1937

Клейкой клятвой липнут почки,
 Вот звезда скатилась —
 Это мать сказала дочке,
 Чтоб не торопилась.

— Подожди,— шепнула внятно
 Неба половина,
 И ответил шелест скатный:
 — Мне бы только сына...

Стану я совсем другою
 Жизнью величаться.
 Будет зыбка под ногою
 Легкою качаться.

Будет муж, прямой и дикий,
 Кротким и послушным,
 Без него, как в черной книге,
 Страшно в мире душном...

Подмигнув, на полуслове
 Запнулась зарница.
 Старший брат нахмурил брови.
 Жалится сестрица.

Ветер бархатный, крыластый
 Дует в дудку тоже,—
 Чтобы мальчик был лобастый,
 На двоих похожий.

Спросит гром своих знакомых:
 — Вы, грома́, видали,
 Чтобы липу до черемух
 Замуж выдавали?

Да из свежих одиночеств
 Леса — крики пташки:
 Свахи-птицы свищут почесть
 Льстивую Наташе.

И к губам такие липнут
Клятвы, что, по чести,
В конском топоте погибнуть
Мчатся очи вместе.

Все ее торопят часто:
— Ясная Наташа,
Выходи, за наше счастье,
За здоровье наше!

2 мая 1937

302

На меня нацелилась груша да черемуха —
Силою рассыпчатой бьет в меня без промаха.

Кисти вместе с звездами, звезды вместе
с кистями,—

Что за двоевластье там? В чем соцветьи истина?

С цвету ли, с размаха ли — бьет воздушно-целыми
В воздух, убиваемый кистенями белыми.

И двойного запаха сладость неуживчива:
Борется и тянется — смешана, обрывчива.

4 мая 1937

303—304

I

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идет — чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статься, ясная догадка

В ее походке хочет задержаться —
О том, что эта вешняя погода
Для нас — праматерь гробового свода,
И это будет вечно начинаться.

II

Есть женщины, сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье,
Сопровождать воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.
И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня — ангел, завтра — червь могильный,
А послезавтра — только очертанье...
Что было — поступь — станет недоступно...
Цветы бессмертны. Небо целокупно.
И всё, что будет, — только обещанье.

4 мая 1937

ПОСЛЕ ВОРОНЕЖА

Ах, я видеть не могу, не могу
Берега серо-зеленые:
Словно ходят по лугу, по лугу
Косари умалишенные...
Косит ливень луг в дугу.

4 июля 1937

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ
В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ**

308

Среди лесов, унылых и заброшенных,
Пусть остается хлеб в полях нескошенным!
Мы ждем гостей незваных и непрошенных,
Мы ждем гостей!

Пускай гниют колосья перезрелые!
Они придут на нивы пожелтелые,
И не сносить вам, честные и смелые,
Своих голов!

Они растопчут нивы золотистые,
Они разроют кладбище тенистое,
Потом развяжет их уста нечистые
Кровавый хмель!

Они ворвутся в избы почернелые,
Зажгут пожар, хмельные, озверелые...
Не остановят их седины старца белые,
Ни детский плач!..

Среди лесов, унылых и заброшенных,
Мы оставляем хлеб в полях нескошенным.
Мы ждем гостей незваных и непрошенных,
Своих детей!

1906

309

Тянется лесом дороженька пыльная,
Тихо и пусто вокруг.
Родина, выплакав слезы обильные,

Спит и во сне, как рабыня бессильная,
Ждет неизведанных мук.

Вот задрожали березы плакучие
И встрепенулися вдруг,
Тени легли на дорогу сыпучую:
Что-то ползет, надвигается тучею,
Что-то наводит испуг...

С гордой осанкою, с лицами сытыми...
Ноги торчат в стремях.
Серую пыль поднимают копытами
И колеи оставляют изрытыми...
Все на холеных конях.

Нет им конца. Заостренными пиками
В солнечном свете пестрят.
Воздух наполнили песней и криками,
И огоньками звериными, дикими
Черные очи горят...

Прочь! Не тревожьте поддельным веселием
Мертвого, рабского сна.
Скоро порадуют вас новоселием,
Хлебом и солью, крестьянским изделием...
Крепче нажать стремяна!

Скоро столкнется с звериными силами
Дело великой любви!
Скоро покроется поле могилами,
Синие пики обнимутся с вилами
И обагрятся в крови!

1906

310

О красавица Сайма, ты лодку мою колыхала,
 Колыхала мой челн, челн подвижный, игривый
 и острый.

В водном плеске душа колыбельную негу слыхала,
 И поодаль стояли пустынные скалы, как сестры.
 Отовсюду звучала старинная песнь — Калевала:
 Песнь железа и камня о скорбном порыве Титана.
 И песчаная отмель — добыча вечернего вала,
 Как невеста, белела на пурпуре водного стана.
 Как от пьяного солнца бесшумные падали стрелы
 И на дно опускались и тихое дно зажигали;
 Как с небесного древа клонилось, как плод
 перезрелый,

Слишком яркое солнце, и первые звезды мигали;
 Я причалил и вышел на берег седой и кудрявый;
 И не знаю, как долго, не знаю, кому я молился...
 Неоглядная Сайма струилась потоками лавы.
 Белый пар над водою тихонько вставал и клубился.

1908

311

Мой тихий сон, мой сон ежеминутный —
 Невидимый, замороженный лес,
 Где носится какой-то шорох смутный,
 Как дивный шелест шелковых завес?

В безумных встречах и туманных спорах
 На перекрестке удивленных глаз
 Невидимый и непонятный шорох
 Под пеплом вспыхнул и уже погас.

И как туманом одеваает лица,
И слово замирает на устах,
И кажется — испуганная птица
Метнулась в вечереющих кустах.

1908 (?)

312

Из полутемной залы, вдруг,
Ты выскользнула в легкой шали —
Мы никому не помешали,
Мы не будили спящих слуг...

1908

313

В морозном воздухе растаял легкий дым,
И я, печальною свободою томим,
Хотел бы вознестись в холодном, тихом гимне.
Исчезнуть навсегда... Но суждено идти мне
По снежной улице в вечерний этот час —
Собачий слышен лай, и запад не погас,
И попадаются прохожие навстречу.
Не говори со мной — что я тебе отвечу?

1909

314

Истончается тонкий тлен,—
Фиолетовый гобелен,

К нам — на воды и на леса —
Опускаются небеса.

Нерешительная рука
Эти вывела облака,

И печальный встречает взор
Отуманенный их узор.

Недоволен стою и тих
Я, создатель миров моих —

Где искусственны небеса
И хрустальная спит роса.

1909

315

Ты улыбаешься кому,
О путешественник веселый,
Тебе неведомые доли
Благословляешь почему?

Никто тебя не проведет
По зеленеющим долинам
И рокотаньем соловьиным
Никто тебя не позовет,—

Когда, закутанный плащом,
Не согревающим, но милым,
К повелевающим светилам
Смиранным возлетишь лучом.

<1909>

316

В просторах сумеречной залы
Почтительная тишина.
Как в ожидании вина
Пустые зыблются кристаллы;

Окровавлéнными в лучах,
Вытягивая безнадежно
Уста, открывшиеся нежно
На целомудренных стеблях:

Смотрите: мы упоены
Вином, которого не влили.
Что может быть слабее лилий
И сладостнее тишины?

<1909>

317

В холодных переливах лир
Какая замирает осень!
Как сладостен и как несносен
Ее золотострунный клир!

Она поет в церковных хорах
И в монастырских вечерах
И, рассыпая в урны прах,
Печатает вино в амфорах.

Как успокоенный сосуд
С уже отстоянным раствором,
Духовное — доступно взорам,
И очертания живут.

Колосья, так недавно сжаты,
Рядами ровными лежат;
И пальцы тонкие дрожат,
К таким же, как они, прижаты.

<1909>

318

Твоя веселая нежность
Смутила меня.
К чему печальные речи,
Когда глаза
Горят, как свечи
Среди белого дня?

Среди белого дня...
И та — далече —
Одна слеза,
Воспоминание встречи;
И, плечи клоня,
Приподымает их нежность.

<1909>

319

Не говорите мне о вечности —
Я не могу ее вместить.
Но как же вечность не простить
Моей любви, моей беспечности?

Я слышу, как она растет
И полуночным валом катится,
Но — слишком дорого поплатится,
Кто слишком близко подойдет.

И тихим отголоскам шума я
Издаю бываю рад —
Ее пенящихся громад, —
О милом и ничтожном думая.

<1909>

320

На влажный камень возведенный,
Амур, печальный и нагой,
Своей младенческой ногой
Переступает, удивленный

Тому, что в мире старость есть —
Зеленый мох и влажный камень, —
И сердца незаконный пламень —
Его ребяческая месть.

И начинает ветер грубый
В наивные долины дуть;
Нельзя достаточно сомкнуть
Свои страдальческие губы.

<1909>

321

В безветрии моих садов
Искусственная никнет роза;
Над ней не тяготит угроза
Неизрекаемых часов.

В юдоли дольней бытия
Она участвует невольно;
Над нею небо безглагольно
И ясно,— и вокруг нея

Немногое, на чем печать
Моих пугливых вдохновений
И трепетных прикосновений,
Привыкших только отмечать.

<1909>

322

Бесшумное веретено
Отпущено моей рукою.
И — мною ли оживлено —
Переливается оно
Безостановочной волною —
Веретено.

Всё одинаково темно;
Всё в мире переплетено
Моею собственной рукою;

И, непрерывно и одно,
Обуреваемое мною
Остановить мне не дано —
Веретено.

<1909>

323

Озарены луной ночевья
Бесшумной мыши полевой;
Прозрачными стоят деревья,
Овеянные темнотой, —

Когда рябина, развивая
Листы, которые умрут,
Завидует, перебирая
Их выхоленный изумруд, —

Печальной участи скитальцев
И нежной участи детей;
И тысячи зеленых пальцев
Колеблет множество ветвей.

<1909>

324

Если утро зимнее темно,
То — холодное твое окно
Выглядит как старое панно:

Зеленеет плющ перед окном,
И стоят под ледяным стеклом
Тихие деревья под чехлом —

Ото всех ветров защищены,
Ото всяких бед ограждены
И ветвями переплетены.

Полусвет становится лучист.
Перед самой рамой — шелковист —
Содрогается последний лист.

<1909>

325

Пустует место. Вечер длится,
Твоим отсутствием томим.
Назначенный устам твоим,
Напиток на столе дымится.

Так ворожащими шагами
Пустынницы не подойдешь;
И на стекле не проведешь
Узора спящими губами;

Напрасно резвые извивы —
Покуда он еще дымит —
В пустынном воздухе чертит
Напиток долготерпеливый.

<1909>

326

В смиренномудрых высотáх
Зажглись осенние Плеяды.
И нету никакой отрады,
И нету горечи в мирах.

Во всем однообразный смысл
И совершенная свобода:
Не воплощает ли природа
Гармонию высоких числ?

Но выпал снег — и нагота
Деревьев траурною стала;
Напрасно вечером зияла
Небес золотая пустота;

И белый, черный, золотой —
Печальнейшее из созвучий —
Отозвалось неминучей
И окончательной зимой.

<1909>

327

Дыханье вещее в стихах моих
Животворящего их духа,
Ты прикасаешься сердец каких —
Какого достигаешь слуха?

Или пустынное напева ты
Тех раковин, в песке поющих,
Что круг очерченной им красоты
Не разомкнули для живущих?

<1909>

328

Нету иного пути,
Как через руку твою —
Как же иначе найти
Милую землю мою?

Плыть к дорогим берегам,
Если захочешь помочь:
Руку приблизив к устам,
Не отнимай ее прочь.

Тонкие пальцы дрожат;
Хрупкое тело живет:
Лодка, скользящая над
Тихою бездною вод.

<1909>

Что музыка нежных
 Моих славословий
 И волны любви
 В напевах мятежных,

Когда мне оттуда
 Протянуты руки,
 Откуда и звуки
 И волны откуда, —

И сумерки тканей
 Пронизаны телом —
 В сиянии белом
 Твоих трепетаний?

<1909>

На темном небе, как узор,
 Деревья траурные вышиты.
 Зачем же выше и всё выше ты
 Возводишь изумленный взор?

Вверху — такая темнота —
 Ты скажешь — время опрокинула,
 И, словно ночь, на день нахлынула
 Холмов холодная черта.

Высоких, неживых дерев
 Темнеющее рвется кружево:
 О месяц, только ты не суживай
 Серпа, внезапно почернев!

<1909>

Сквозь восковую занавесь,
 Что нежно так сквозит,
 Кустарник из тумана весь
 Заплаканный глядит.

Простор, канвой окутанный,
 Безжизненной кулис,
 И месяц, весь опутанный,
 Беспомощно повис.

Темнее занавестись;
 Всё небо охватить —
 И пойманного месяца
 Совсем не отпустить.

1909

Здесь отвратительные жабы
 В густую прыгают траву.
 Когда б не смерть, так никогда бы
 Мне не узнать, что я живу.

Вам до меня какое дело,
 Земная жизнь и красота?
 А та напомнить мне сумела,
 Кто я и кто моя мечта.

1909

333. ПИЛИГРИМ

Слишком легким плащом одетый,
 Повторяю свои обеты.

Ветер треплет края одежды —
 Не оставить ли нам надежды?

Плащ холодный — пускай скитальцы
Безотчетно сжимают пальцы.

Ветер веет неутомимо,
Веет вечно и веет мимо.

1909 (?)

334

Музыка твоих шагов
В тишине лесных снегов,

И, как медленная тень,
Ты сошла в морозный день.

Глубока, как ночь, зима,
Снег висит как бахрома.

Ворон на своем суку
Много видел на веку.

А встающая волна
Набегающего сна

Вдохновенно разобьет
Молодой и тонкий лед,

Тонкий лед моей души —
Созревающий в тиши.

1909 (?)

335

В непринужденности творящего обмена
Суровость Тютчева — с ребячеством Верлена,
Скажите — кто бы мог искусно сочетать,
Соединению придав свою печать?
А русскому стиху так свойственно величье,
Где вешний поцелуй и щебетанье птичье!

1909 (?)

Листьев сочувственный шорох
 Угадывать сердцем привык,
 В темных читаю узорах
 Смиренного сердца язык.

Верные, четкие мысли —
 Прозрачная, строгая ткань...
 Острые листья исчисли —
 Словами играть перестань.

К высям просвета какого
 Уходит твой лиственный шум —
 Темное дерево слова,
 Ослепшее дерево дум?

Май 1910

Когда мозаик никнут травы
 И церковь гулкая пуста,
 Я в темноте, как змей лукавый,
 Влачусь к подножию креста

И пью монашескую нежность
 В сосредоточенных чертах,
 Как кипариса безнадежность
 В неумолимых высотах.

Люблю изогнутые брови
 И краску на лице святых
 И пятна золота и крови
 На теле статуй восковых.

Быть может, только призрак плоти
 Обманывает нас в мечтах,
 Просвечивает меж лохмотий
 И дышит в роковых страстях.

Лето 1910
Лугано

Над алтарем дымящихся зыбей
 Приносит жертву кроткий бог морей.

Глухое море, как вино, кипит.
 Над морем солнце, как орел, дрожит

И только стелется морской туман,
 И раздается тишины тимпан;

И только небо сердцем голубым
 Усыновляет моря белый дым.

И шире океан, когда уснул,
 И, сдержанный, величественней гул;

И в небесах, торжествен и тяжел,
 Как из металла вылитый орел.

<1910>

Необходимость или разум
 Повелевает на земле —
 Но человек чертит алмазом
 Как на податливом стекле:

Оркестр торжественный настройте,
 Стихии верные рабы,
 Шумите, листья, ветры, пойте —
 Я не хочу моей судьбы.

И необузданным пэанам
 Храм уступают мудрецы,
 Когда неистовым тимпаном
 Играют пьяные жрецы.

И как ее ни называйте
 И для гаданий и волшбы
 Ее лица ни покрывайте —
 Я не хочу моей судьбы.

<1910>

Под грозовыми облаками
 Несется клекот вещей птиц:
 Довольно огненных страниц
 Уж перевернуто веками!

В священном страхе тварь живет —
 И каждый совершил душою,
 Как ласточка перед грозой,
 Неопиcуемый полет.

Когда же солнце вас расплавит,
 Серебряные облака,
 И будет вышина легка,
 И крылья тишина расправит?

<1910>

Единственной отрадой
 Отныне сердцу дан —
 Неутомимо падай,
 Таинственный фонтан.

Высокими снопами
 Взлетай и упадай
 И всеми голосами
 Вдруг — сразу умолкай.

Но ризой думы важной
 Всю душу мне одень,
 Как лиственницы влажной
 Трепещущая сень.

<1910>

Когда укор колоколов
 Нахлынет с древних колоколен,
 И самый воздух гулом болен,
 И нету ни молитв, ни слов —

Я уничтожен, заглушен.
 Вино, и крепче, и тяжеле,
 Сердечного коснулось хмеля —
 И снова я неуголен.

Я не хочу моих святынь,
 Мои обеты я нарушу:
 И мне переполняет душу
 Неизъяснимая полынть.

<1910>

Мне стало страшно жизнь отжить —
 И с дерева, как лист, отпрянуть,
 И ничего не полюбить,
 И безымянным камнем кануть;

И в пустоте, как на кресте,
 Живую душу распиная,
 Как Моисей на высоте,
 Исчезнуть в облаке Синая.

И я слежу — со всем живым
 Меня связующие нити.
 И бытия узорный дым
 На мраморной сличаю плите;

И содроганья теплых птиц
 Улавливаю через сети,
 И с истлевающих страниц
 Притягиваю прах столетий.

<1910>

Я вижу каменное небо
 Над тусклой паутиной вод,
 В тисках постылого Эреба
 Душа томительно живет.

Я понимаю этот ужас
 И постигаю эту связь:
 И небо падает, не рушась,
 И море плещет, не пенясь.

О, крылья бледные химеры
 На грубом золоте песка,
 И паруса трилистник серый,
 Распятый, как моя тоска!

<1910>

Вечер нежный. Сумрак важный.
 Гул за гулом. Вал за валом.
 И в лицо нам ветер влажный
 Бьет соленым покрывалом.

Всё погасло. Всё смешалось.
 Волны берегом хмелели.
 В нас вошла слепая радость —
 И сердца отяжелели.

Оглушил нас хаос темный,
 Одурманил воздух пьяный,
 Убаюкал хор огромный:
 Флейты, лютни и тимпаны...

<1910>

Убиты медью вечерней
 И сломаны венчики слов.
 И тело требует терний,
 И вера — безумных цветов.

Упасть на древние плиты
 И к страстному Богу воззвать,
 И знать, что молитвой слиты
 Все чувства в одну благодать!

Растет прилив славословий —
 И вновь, в ожиданьи конца,
 Вином божественной крови
 Его — тяжелеют сердца;

И храм, как корабль огромный,
 Несется в пучине веков.
 И парус духа бездомный
 Все ветры изведать готов.

1910
 Гангѣ

Как облаком сердце одето
 И камнем прикинулась плоть,
 Пока назначенье поэта
 Ему не откроет Господь:

Какая-то страсть налетела,
 Какая-то тяжесть жива;
 И призраки требуют тела,
 И плоти причастны слова.

Как женщины, жаждут предметы,
 Как ласки, заветных имен.

Но тайные ловит приметы
Поэт, в темноту погружен.

Он ждет сокровенного знака,
На песнь, как на подвиг, готов —
И дышит таинственность брака
В простом сочетании слов.

<1910>

348. ЗМЕЙ

Осенний сумрак — ржавое железо —
Скрипит, поет и разъедает плоть:
Что́ весь соблазн и все богатства Креза
Пред лезвием твоей тоски, Господь!

Я как змеей танцующей измучен
И перед ней, тоскуя, трепещу;
Я не хочу души своей излучин,
И разума, и Музы не хочу...

Достаточно лукавых отрицаний
Распутывать извилистый клубок;
Нет стройных слов для жалоб и признаний,
И кубок мой тяжел и неглубок!

К чему дышать? На жестких камнях пляшет
Больной удав, свиваясь и клубясь;
Качается, и тело опояшет,
И падает, внезапно утомясь.

И бесполезно, накануне казни,
Видением и пеньем потрясен,
Я слушаю, как узник, без боязни,
Железа визг и ветра темный стон...

1910

В самом себе, как змей, таясь,
 Вокруг себя, как плющ, виясь,—
 Я подымаюсь над собою:

Себя хочу, к себе лечу;
 Крылами темными плещу,
 Расширенными над водою;

И, как испуганный орел,
 Вернувшись, больше не нашел
 Гнезда, сорвавшегося в бездну,—

Омоюсь молнии огнем
 И, заклиная тяжкий гром,
 В холодном облаке исчезну!

Август 1910

Неумолимые слова...
 Окаменела Иудея,
 И, с каждым мигом тяжелея,
 Его поникла голова.

Стояли воины кругом
 На страже стынувшего тела;
 Как венчик, голова висела
 На стебле тонком и чужом.

И царствовал, и никнул Он,
 Как лилия в родимый омут,
 И глубина, где стебли тонут,
 Торжествовала свой закон.

*Лето 1910
 Целендорф*

В изголовьи черное распятье,
 В сердце жар и в мыслях пустота —
 И ложится тонкое проклятье —
 Пыльный след — на дерево креста.

Ах, зачем на стеклах дым морозный
 Так похож на мозаичный сон!
 Ах, зачем молчанья голос грозный
 Безнадежной негой растворен!

И слова евангельской латыни
 Прозвучали, как морской прибой;
 И волной нахлынувшей святыни
 Поднят был корабль безумный мой:

Нет, не парус, распятый и серый,
 С неизбежностью меня влечет —
 Страшен мне „подводный камень веры“,¹
 Роковой ее круговорот!

*Ноябрь 1910
 Петербург*

Душный сумрак кроет ложе,
 Напряженно дышит грудь...
 Может, мне всего дороже
 Тонкий крест и тайный путь.

1910

¹ Тютчев.

Где вырывается из плена
 Потока шумное стекло,
 Клубящаяся стынет пена,
 Как лебединое крыло.

О время, завистью не мучай
 Того, кто вовремя застыл.
 Нас пеною воздвигнул случай
 И кружевом соединил.

1910 (?)

Темных уз земного заточенья
 Я ничем преодолеть не мог,
 И тяжелым панцирем презренья
 Я окован с головы до ног.

Иногда со мной бывает нежен
 И меня преследует двойник;
 Как и я — он так же неизбежен
 И ко мне внимательно приник.

И, глухую затаив развязку,
 Сам себя я вызвал на турнир;
 С самого себя срываю маску
 И презрительный лелею мир.

Я своей печали недостоин,
 И моя последняя мечта —
 Роковой и краткий гул пробоин
 Моего узорного щита.

1910 (?)

Медленно урна пустая,
 Вращаясь над тусклой поляной,
 Сеет, надменно мерцая,
 Туманы в лазури ледяной.

Тянет, чарует и манит —
 Непонят, невынут, нетронут —
 Жребий — и небо обманет,
 И взоры в возможном потонут.

Что расскажу я о вечных,
 Заочных, заоблачных странах:
 Весь я в порывах конечных,
 В соблазнах, изменах и ранах.

Выбор мой труден и беден,
 И тусклый простор безучастен.
 Стыну — и взор мой победен,
 И круг мой обыденный страстен.

11 февраля 1911

Когда подымаю,
 Опускаю взор —
 Я двух чаш встречаю
 Зыбкий разговор.

И мукою в мире
 Взнесены мои
 Тяжелые гири,
 Шаткие ладьи.

Знают души наши
 Отчаянья власть:
 И поднятой чаше
 Суждено упасть.

Есть в тяжести радость,
И в паденьи есть
Колебаний сладость —
Острой стрелки мечь!

Июнь 1911

357

Душу от внешних условий
Освободить я умею:
Пенье — кипение крови —
Слышу — и быстро хмелею.

И вещества, мне родного,
Где-то на грани томленья,
В цепь сочетаются снова
Первоначальные звенья.

Там, в беспристрастном эфире,
Взвешены сущности наши —
Брошены звездные гири
На задрожавшие чаши;

И в ликованьи предела
Есть упоение жизни:
Воспоминание тела
О... неизменной отчизне...

Июль 1911

358

Я знаю, что обман в видении немислим
И ткань моей мечты прозрачна и прочна,
Что с дивной легкостью мы, созидая, числим
И достигает звезд полет веретена,—

Когда, овеяно потусторонним ветром,
Оно оторвалось от медленной земли,
И раскрывается неуловимым метром
Рай распростертому в уныньи и в пыли.

Так ринемся скорей из области томленья —
По мановению эфирного гонца —
В край, где слагаются заоблачные звенья
И башни высятся заочного дворца!

Несозданных миров отмститель будь, художник, —
Несуществующим существованье дай;
Туманным облаком окутай свой треножник
И падающих звезд пойми летучий рай!

Июль 1911

359

Стрекозы быстрыми кругами
Тревожат черный блеск пруда,
И вздрагивает, тростниками
Чуть окаймленная, вода.

То — пряжу за собою тянут
И словно паутину ткут;
То — распластавшись — в омут канут —
И волны траур свой сомкнут.

И я, какой-то невеселый,
Томлюсь и падаю в глуши —
Как будто чувствую уколы
И холод в тайниках души...

1911

Ты прошла сквозь облако тумана,
На ланитах нежные румяна.

Светит день холодный и недужный.
Я брожу свободный и ненужный...

Злая осень ворожит над нами,
Угрожает спелыми плодами,

Говорит вершинами с вершиной
И в глаза целует паутиной.

Как застыл тревожной жизни танец!
Как на всем играет твой румянец!

Как сквозит и в облаке тумана
Ярких дней сияющая рана!

4 августа 1911

Не спрашивай: ты знаешь,
Что нежность — безотчетна,
И как ты называешь
Мой трепет — всё равно;

И для чего признание,
Когда бесповоротно
Мое существованье
Тобою решено?

Дай руку мне. Что страсти?
Танцующие змеи!
И таинство их власти —
Убийственный магнит!

И, змей тревожный танец
Остановить не смея,
Я созерцаю глянец
Девических ланит.

7 августа 1911

Дождик ласковый, мелкий и тонкий,
 Осторожный, колючий, слепой.
 Капли строгие скупы и звонки,
 И отточен их звук тишиной.

То — так счастливы счастьем скромным,
 Что упасть на стекло удалось;
 То, как будто подхвачены темным
 Ветром, струи уносятся вкось.

Тайный ропот, мольба о прощеньи:
 Я люблю непонятный язык!
 И сольются в одном ощущеньи
 Вся жестокость, вся кротость, на миг.

В цепких лапах у царственной скуки
 Сердце сжалось, как маленький мяч:
 Полон музыки, Музы и муки
 Жизни тающей сладостный плач!

22 августа 1911

В лазури месяц новый
 Ясен и высок.
 Радуют подковы
 Звонкий грунт дорог.

Глубоко вздохнул я:
 В небе голубом
 Словно зачерпнул я
 Серебряным ковшом!

Счастья тяжелый
 Я надел венец.
 В кузнице веселый
 Работает кузнец.

Радость бессвязна.
Бездна не страшна.
Однообразно-
Звучно царство сна!

12 ноября 1911

364

.....коробки
.....лучшие игрушки
.....на пальмовой верхушке
Отмечает листья ветер робкий.

Неразрывно сотканный с другими,
Каждый лист колеблется отдельно.
Но в порывах ткани беспредельно
И мирами вызвано иными —

Только то, что создано землею:
Длинные, трепещущие нити,
В тщетном ожидании наитий
Шелестящие своей длиною.

1911 (?)

365

Довольно лукавить: я знаю,
Что мне суждено умереть;
И я ничего не скрываю:
От Музы мне тайн не иметь...

И странно: мне любо сознание,
Что я не умею дышать;
Туманное очарование
И таинство есть — умирать...

Я в зыбке качаюсь дремотно
И мудро безмолвствую я —
Решается бесповоротно
Грядущая вечность моя!

1911 (?)

366

Пусть в душной комнате, где клочья серой ваты
И стклянки с кислотой, часы хрипят и бьют,—
Гигантские шаги, с которых петли сняты,—
В туманной памяти виденья оживут.

И лихорадочный больной, тоской распятый,
Худыми пальцами свивая тонкий жгут,
Сжимает свой платок, как талисман крылатый,
И с отвращением глядит на круг минут...

То было в сентябре, вертелись флюгера,
И ставни хлопали — но буйная игра
Гигантов и детей пророческой казалась,

И тело нежное — то плавно подымалось,
То грузно падало: средь пестрого двора
Живая карусель без музыки вращалась!

Апрель 1912

367. ШАРМАНКА

Шарманка, жалобное пенье
Тягучих арий, дребедень —
Как безобразное виденье
Осеннюю тревожит сень...

Чтоб всколыхнула на мгновенье
Та песня вод стоячих лень,
Сантиментальное волнение
Туманной музыкой одень.

Какой обыкновенный день!
Как невозможно вдохновенье —
В мозгу игла, брожу как тень.

Я бы приветствовал кремень
Точильщика как избавленье:
Бродяга — я люблю движенье...

16 июня 1912

368

Когда показывают восемь
Часы собора-исполина,
Мы в полусне твой призрак носим,
Чужого города картина.

В руках плетеные корзинки,
Служанки спорят с продавцами,
Воркуют голуби на рынке
И плещут сизыми крылами.

Хлеба, серебряные рыбы,
Плоды и овощи простые,
Крестьяне — каменные глыбы,
И краски темные, живые.

А в сетке пестрого тумана
Сгрудилась ласковая стая,
Как будто площадь утром рано —
Торговли скиния святая.

1912 (?)

369

Тысячеструйный поток —
Журчала весенняя ласка.
Скользнула-мелькнула коляска,
Легкая, как мотылек.

Я улыбнулся весне,
Я оглянулся украдкой —
Женщина гладкой перчаткой
Правила — точно во сне.

В путь убегала она,
В траурный шелк одета,
Тонкая вуалета —
Тоже была черна...

1912 (?)

370

Развеселился наконец,
Измерил духа совершенство,
Уверовал в свое блаженство

И успокоился, как царь,
Почуяв славу за плечами,—
Когда первосвященник в храме
И голубь залетел в алтарь.

1912 (?)

371

Я давно полюбил нищету,
Одиночество, бедный художник.
Чтобы кофе варить на спирту,
Я купил себе легкий треножник.

1912 (?)

372

Паденье — неизменный спутник страха,
И самый страх есть чувство пустоты.
Кто камни нам бросает с высоты —
И камень отрицает иго праха?

И деревянной поступью монаха
Мощный двор когда-то мерил ты,
Булыжники и грубые мечты —
В них жажда смерти и тоска размаха...

Так проклят будь, готический приют,
Где потолком входящий обморочен
И в очаге веселых дров не жгут!

Немногие для вечности живут;
Но если ты мгновенным озабочен,
Твой жребий страшен и твой дом непрочен!

1912

373. ЕГИПТЯНИН

(Напись на камне 18—19 династии)

Я избежал суровой пени
И почестей достиг;
От радости мои колени
Дрожали, как тростник.

И прямо в полы балахона,
Большие, как луна,
На двор с высокого балкона
Бросали ордена.

То, что я сделал, превосходно —
И это сделал я!
И место новое доходно
И прочно для житья.

И, предвкушая счастья глянец,
Я танцевал не зря
Изящный и отличный танец
В присутствии царя.

По воздуху летает птица.
Бедняк идет пешком.

Вельможе ехать не годится
Дрянным сухим путем;

И, захватив с собой подарки
И с орденами тюк,
Как подобает мне, на барке
Я поплыву на юг.

1912 или 1913

374

Заснула чернь! Зияет площадь аркой.
Луной облита бронзовая дверь.
Здесь арлекин вздыхал о славе яркой,
И Александра здесь замучил Зверь.

Курантов бой и тени государей...
Россия, ты, на камне и крови,
Участвовать в твоей железной каре
Хоть тяжестью меня благослови!

1913

375

Веселая скороговорка;
О, будни — пляска дикарей!
Я с невысокого пригорка
Опять присматриваюсь к ней.

Бывают искренние вкусы,
И предприимчивый моряк
С собой захватывает бусы,
Цветные стекла и табак.

Люблю обмен. Мелькают перья.
Наивных восклицаний дождь.
Лоснящийся от лицемерья,
Косится на бочонок вождь.

Скорей подбросить кольца, трубки —
За мех, и золото, и яд;
И с чистой совестью, на шлюпке,
Вернуться на родной фрегат!

Июнь 1913

376. ПЕСЕНКА

У меня не много денег,
В кабаках меня не любят,
А служанки вяжут веник
И сердито щепки рубят.

Я запачкал руки в саже,
На моих ресницах копоть,
Создаю свои миражи
И мешаю всем работать.

Голубые судомойки,
Добродетельная челядь.
И на самой жесткой койке
Ваша честность рай вам стелет.

Тяжела с бельем корзина,
И мясник острит так плотски,
Тем краснее льются вина
До утра в хрусталь господский.

1913 (?)

377. ЛЕТНИЕ СТАНСЫ

В аллее колокольчик медный,
Французский говор, нежный взгляд —
И за решеткой заповедной
Пустеет понемногу сад.

Что делать в городе в июне?
Не зажигают фонарей;

На яхте, на чухонской шхуне
Уехать хочется скорей!

Нева — как вздувшаяся вена,
До утренних румяных роз.
Везя всклокоченное сено,
Плетется на асфальте воз.

А там рабочая землянка,
Трещит и варится смола;
Ломовика судьба-цыганка
Обратно в степи привела...

И, с бесконечной челобитной
О справедливости людской,
Чернеет на скамье гранитной
Самоубийца молодой.

1913 (?)

378. АМЕРИКАН БАР

Еще девиц не видно в баре,
Лакей невежлив и утрюм;
И в крепкой чудится сигаре
Американца едкий ум.

Сияет стойка красным лаком,
И дразнит сода-виски форт:
Кто незнаком с буфетным знаком
И в ярлыках не слишком тверд?

Бананов груда золотая
На всякий случай подана,
И продавщица восковая
Невозмутима — как луна.

Сначала нам слегка взгрустнется,
Мы спросим кофе с кюрассо.
В пол-оборота обернется
Фортуны нашей колесо!

Потом, беседея негромко,
Я на вращающийся стул
Влезаю в шляпе и, соломкой
Мешая лед, внимаю гул...

Хозяйский глаз желтей червонца
Мечтателей не оскорбит...
Мы недовольны светом солнца,
Теченьем медленных орбит!

1913 (?)

379. МАДРИГАЛ

Нет, не поднять волшебного фрегата:
Вся комната в табачной синеве —
И пред людьми русалка виновата —
Зеленоглазая, в морской траве!

Она курить, конечно, не умеет,
Горячим пеплом губы обожгла
И не заметила, что платье тлеет —
Зеленый шелк, и на полу зола...

Так моряки в прохладе изумрудной
Ни чубуков, ни трубок не нашли,
Ведь и дышать им научиться трудно
Сухим и горьким воздухом земли!

1913

380. ФУТБОЛ

Рассеен утренник тяжелый,
На босу ногу день пришел;
А на дворе военной школы
Играют мальчики в футбол.

Чуть-чуть неловки, мешковаты —
Как подбает в их лета,—

Кто мяч толкает угловатый,
Кто охраняет ворота...

Любовь, охотничьи попойки —
Всё в будущем, а ныне — скорбь;
И вскакивать на жесткой койке
Чуть свет, под барабанов дробь!

Увы: ни музыки, ни славы!
Так, от зари и до зари,
В силках науки и забавы
Томятся дети-дикари.

Осенней путаницы сито.
Деревья мокрые в золе.
Муңдир обрызган. Грудь открыта.
Околыш красный на земле.

1913

381. ФУТБОЛ

Телохранитель был отравлен.
В неравной битве изнемог,
Обезображен, обесславлен,
Футбола толстокожий бог.

И с легкостью тяжеловеса
Удары отбивал боксер:
О, беззащитная завеса,
Неохраняемый шатер!

Должно быть, так толпа сгрудилась —
Когда, мучительно-жива,
Не допив кубка, покатилась
К ногам тупая голова...

Неизъяснимо-лицемерно
Не так ли кончиком ноги
Над теплым трупом Олоферна
Юдифь глумилась...

1913

От легкой жизни мы сошли с ума:
С утра вино, а вечером похмелье.
Как удержать напрасное веселье,
Румянец твой, о пьяная чума?

В пожатии рук мучительный обряд,
На улицах ночные поцелуи —
Когда речные тяжелеют струи
И фонари, как факелы, горят.

Мы смерти ждем, как сказочного волка,
Но я боюсь, что раньше всех умрет
Тот, у кого тревожно-красный рот
И на глаза спадающая челка.

1913

Черты лица искажены
Какой-то старческой улыбкой:
Кто скажет, что гитане гибкой
Все муки Данта суждены?

1913

384. ЕГИПТЯНИН

Я выстроил себе благополучья дом:
Он весь из дерева, и ни куска гранита!
И царская его осматривала свита —
Там виноградники, цветник и водоем.

Чтоб воздух проникал в удобное жилье,
Я вынул три стены в преддверьи легкой
клетки,

И безошибочно я выбрал пальмы эти
Краеугольными — прямые, как копьё.

Кто может описать чиновника доход?
Бессмертны высокопоставленные лица.
Где управляющий? Готова ли гробница?
В хозяйстве письменный я слушаю отчет.

Тяжелым жерновом мучнистое зерно
Приказано смолоть служанке низкорослой;
Священникам налог исправно будет послан;
Составлен протокол на хлеб и полотно.

В столовой на полу пес, растянувшись, лег,
И кресло прочное стоит на львиных лапах.
Я жареных гусей вдыхаю сладкий запах —
Загробных радостей вещественный залог!

1913 (?)

385. АВТОПОРТРЕТ

В поднятии головы крылатый
Намек — но мешковат сюртук;
В закрытии глаз, в покое рук —
Тайник движенья непочатый;

Так вот кому летать и петь
И слова пламенная ковкость, —
Чтоб прирожденную неловкость
Врожденным ритмом одолеть!

1914

386. СПОРТ

Румяный шкипер бросил мяч тяжелый,
И черни он понравился вполне.
Потомки толстокожего футбола:
Крокет на льду и поло на коне.

Средь юношей теперь — по старине —
Цветет прыжок и выпад дискобола,
Когда сойдутся, в легком полотне,
Оксфорд и Кембридж — две приречных школы!

Но только тот действительно спортсмен —
Кто разорвал печальной жизни плен:
Он знает мир, где дышит радость, пенясь...

И детского крокета молотки,
И северные наши городки,
И дар богов — великолепный теннис!

1914 (?)

387

Как овцы, жалкою толпой
Бежали старцы Еврипида.
Иду змеиною тропой,
И в сердце темная обида.

Но этот час уж недалек:
Я отряхну мои печали,
Как мальчик вечером песок
Вытряхивает из сандалий.

1914

388

Поговорим о Риме — дивный град!
Он утвердился купола победой.
Послушаем апостольское сгедо:
Несется пыль и радуги висят.

На Авентине вечно ждут царя —
Двунадесятых праздников кануны —
И строго-канонические луны
Не могут изменить календаря.

На дольный мир бросает пепел бурый
Над Форумом огромная луна,
И голова моя обнажена —
О, холод католической тонзуры!

1914

389

Есть ценностей незыблемая скала
Над скучными ошибками веков.
Неправильно наложена опала
На автора возвышенных стихов.

И вслед за тем, как жалкий Сумароков
Пролетел заученную роль,
Как царский посох в скинии пророков,
У нас цвела торжественная боль.

Что делать вам в театре полуслова
И полумаск, герои и цари?
И для меня явление Озерова —
Последний луч трагической зари.

1914

390

Когда держался Рим в союзе с естеством,
Носились образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе — как в цирке голубом —
На форуме полей и в колоннаде роши;

А ныне человек — ни раб, ни властелин,
Не опьянен собой, а только отуманен;
Невольно думаешь: всемирный горожанин!
А хочется сказать — всемирный гражданин!

1914

Ни триумфа, ни войны!
 О железные, доколе
 Безопасный Капитолий
 Мы хранить осуждены?

Или римские перуны —
 Гнев народа — обманув,
 Отдыхает острый клюв
 Той ораторской трибуны;

Или возит кирпичи
 Солнца дряхлая повозка
 И в руках у недоноска
 Рима ржавые ключи?

1914

392. РЕЙМС И КЁЛЬН

Но в старом Кёльне тоже есть собор,
 Неконченный и все-таки прекрасный,
 И хоть один священник беспристрастный,
 И в дивной целости стрельчатый бор;

Он потрясен чудовищным набатом,
 И в грозный час, когда густеет мгла,
 Немецкие поют колокола:
 „Что сотворили вы над реймским братом?“

Сентябрь 1914

393. ENCYCLICA

Есть обитаемая духом
 Свобода — избранных удел.
 Орлиным зреньем, дивным слухом
 Священник римский уцелел.

И голубь не боится грома,
Которым церковь говорит;
В апостольском созвучьи: Roma!
Он только сердце веселит.

Я повторяю это имя
Под вечным куполом небес,
Хоть говоривший мне о Риме
В священном сумраке исчез!

Сентябрь 1914

394. НЕМЕЦКАЯ КАСКА

Немецкая каска, священный трофей,
Лежит на камине в гостиной твоей.

Дотронься, она как игрушка легка;
Пронизана воздухом медь шишака...

В Познани и в Польше не всем воевать,—
Своими глазами врага увидеть —

И, слушая ядер губительный хор,
Сорвать с неприятеля гордый убор!

Нам только взглянуть на блестящую медь
И вспомнить о тех, кто готов умереть!

1914

395. ПОЛАСУ!

Поляки! Я не вижу смысла
В безумном подвиге стрелков!
Иль ворон заклюет орлов?
Иль потечет обратно Висла?

Или снега не будут больше
Зимою покрывать ковыль?
Или о Габсбургов костыль
Пристало опираться Польше?

И ты, славянская комета,
В своем блуждании вековом
Рассыпалась чужим огнем,
Сообщница чужого света!

Сентябрь 1914

396

В белом раю лежит богатырь:
Пахарь войны, пожилой мужик.
В серых глазах мировая ширь:
Великорусский державный лик.

Только святые умеют так
В благоуханном гробу лежать;
Выпростав руки блаженства в знак,
Славу свою и покой вкушать.

Разве Россия не белый рай
И не веселые наши сны?
Радуйся, ратник, не умирай:
Внуки и правнуки спасены!

Декабрь 1914

397

Как черный ангел на снегу
Ты показалась мне сегодня,
И утаить я не могу —
Есть на тебе печать Господня.

Такая странная печать —
Как бы дарованная свыше, —
Что кажется — в церковной нише
Тебе назначено стоять.

Пускай нездешняя любовь
С любовью здешней будут слиты.

Пускай бушующая кровь
Не перейдет в твои ланиты

И нежный мрамор оттенит
Всю призрачность твоих лохмотий,
Всю наготу причастных плоти,
Но не краснеющих ланит.

1914 (?)

398

Вот дароносица, как солнце золотое,
Повисла в воздухе — великолепный миг.
Здесь должен прозвучать лишь греческий язык:
Взят в руки целый мир, как яблоко простое.

Богослужения торжественный зенит,
Свет в круглой храмине под куполом в июле,
Чтоб полной грудью мы вне времени вздохнули
О луговине той, где время не бежит.

И Евхаристия, как вечный полдень, длится —
Все причащаются, играют и поют,
И на виду у всех божественный сосуд
Неисчерпаемым веселием струится.

1915

399

Императорский виссон
И моторов колесницы —
В черном омуте столицы
Столпник-ангел вознесен.

В темной арке, как пловцы,
Исчезают пешеходы,
И на площади, как воды,
Глухо плещутся торцы.

Только там, где твердь светла,
Черно-желтый лоскут злится —
Словно в воздухе струится
Желчь двуглавого орла!

1915

400

Обиженно уходят на холмы,
Как Римом недовольные плебеи,
Старухи-овцы — черные халдеи,
Исчадье ночи в капюшонах тьмы.

Их тысячи — передвигают все,
Как жердочки, мохнатые колени,
Трясутся и бегут в курчавой пене,
Как жеребья в огромном колесе.

Им нужен царь и черный Авентин,
Овечий Рим с его семью холмами,
Собачий лай, костер под небесами
И горький дым жилища, и овин.

На них кустарник двинулся стеной
И побежали воинов палатки,
Они идут в священном беспорядке.
Висит руно тяжелою волной.

1915

401

Негодованье старческой кифары...
Еще жива несправедливость Рима,
И воют псы, и бедные татары
В глухих деревнях каменного Крыма...

О Цезарь, Цезарь! Слышишь ли бляенье
Бараньих стад и смутных волн движенье?

Что понапрасну льешь свое сиянье,
Луна — без Рима жалкое явление?

Не та, что ночью смотрит Капитолий
И озаряет лес столпов холодных,
А деревенская луна — не боле,—
Луна, возлюбленная псов голодных!

Октябрь 1915

402

Какая вещь Кассандра
Тебе пророчила беду?
О будь, Россия Александра,
Благословенна и в аду!

Рукопожатье роковое
На шатком неманском плоту.

.....

1915

403

В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся, высокие, дугой.

И с укрепленного архангелами вала
Я город озирал на чудной высоте.
В стенах акрополя печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.

Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное — Флоренция в Москве.

И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне — явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.

1916

404

О, этот воздух, смутой пьяный,
На черной площади Кремля!
Качают шаткий мир смутьяны,
Тревожно пахнут тополя.

Соборов восковые лики,
Колоколов дремучий лес,
Как бы разбойник безъязыкий
В стропилах каменных исчез.

А в запечатанных соборах,
Где и прохладно, и темно,
Как в нежных глиняных амфорах,
Играет русское вино.

Успенский, дивно округленный,
Весь удивленья райских дуг,
И Благовещенский, зеленый,
И, мнится, заворкует вдруг.

Архангельский и Воскресенья
Просвечивают, как ладонь,—
Повсюду скрытое горенье,
В кувшинах спрятанный огонь...

1916

Не фонари сияли нам, а свечи
 Александрийских стройных тополей.
 Вы сняли черный мех с груди своей
 И на мои переложили плечи.
 Смущенная величием Невы,
 Ваш чудный мех мне подарили вы!

Май 1916

— Я потеряла нежную камео,
 Не знаю где, на берегу Невы.
 Я римлянку прелестную жалею,—
 Чуть не в слезах мне говорили вы.

Но для чего, прекрасная грузинка,
 Тревожить прах божественных гробниц?
 Еще одна пушистая снежинка
 Растаяла на веере ресниц.

И кроткую вы наклонили шею.
 Камеи нет — нет римлянки, увы!
 Я Тинотину смуглую жалею —
 Девичий Рим на берегу Невы.

1916

407. МАДРИГАЛ

Дочь Андроника Комнена,
 Византийской славы дочь!
 Помоги мне в эту ночь
 Солнце выручить из плена,
 Помоги мне пышность тлена
 Стройной песнью перевозмочь,
 Дочь Андроника Комнена,
 Византийской славы дочь!

1916

Когда октябрьский нам готовил временщик
 Ярмо насилия и злобы,
 И оцетинился убийца-броневик,
 И пулеметчик низколобый —

Керенского распять потребовал солдат,
 И злая чернь рукоплескала, —
 Нам сердце на штыки позволил взять Пилат,
 Чтоб сердце биться перестало!

И укоризненно мелькает эта тень,
 Где зданий красная подкова;
 Как будто слышу я в октябрьский тусклый день:
 Вязать его, щенка Петрова!

Среди гражданских бурь и яростных личин
 Тончайшим гневом пламенея,
 Ты шел бестрепетно, свободный гражданин,
 Куда вела тебя Психея.

И если для других восторженный народ
 Венки свивает золотые —
 Благословить тебя в глубокий ад сойдет
 Стопою легкою Россия!

Ноябрь 1917

Кто знает, может быть, не хватит мне свечи,
 И среди бела дня останусь я в ночи,
 И, зернами дыша рассыпанного мака,
 На голову надену митру мрака,

Как поздний патриарх в разрушенной Москве,
 Неосвященный мир неся на голове,
 Чреватый слепотой и муками раздора,
 Как Тихон — ставленник последнего собора!

Ноябрь 1917

410. ТЕЛЕФОН

На этом диком страшном свете
Ты, друг полночных похорон,
В высоком строгом кабинете
Самоубийцы — телефон!

Асфальта черные озера
Изрыты яростью копыт,
И скоро будет солнце: скоро
Безумный петел прокричит.

А там дубовая Валгалла
И старый пиршественный сон;
Судьба велела, ночь решала,
Когда проснулся телефон.

Весь воздух выпили тяжелые портьеры,
На театральной площади темно.
Звонок — и закружились сферы:
Самоубийство решено.

Куда бежать от жизни гулкой,
От этой каменной уйти?
Молчи, проклятая шкатулка!
На дне морском цветет: прости!

И только голос, голос-птица
Летит на пиршественный сон.
Ты — избавленье и зарница
Самоубийства, телефон!

Июнь 1918

Всё чуждо нам в столице непотребной:
Ее сухая черствая земля,
И буйный торг на Сухаревке хлебной,
И страшный вид разбойного Кремля.

Она, дремучая, всем миром правит.
Мильонами скрипучих арб она
Качнулась в путь — и полвселенной давит
Ее базаров бабья ширина.

Ее церковей благоуханных соты —
Как дикий мед, заброшенный в леса,
И птичьих стай густые перелеты
Угрюмые волнуют небеса.

Она в торговле хитрая лисица,
А перед князем — жалкая раба.
Удельной речки мутная водица
Течет, как встарь, в сухие желоба.

1918

412

Где ночь бросает якоря
В глухих созвездьях Зодиака,
Сухие листья октября,
Глухие вскормленники мрака,

Куда летите вы? Зачем
От древа жизни вы отпали?
Вам чужд и странен Вифлеем,
И яслей вы не увидали.

Для вас потомства нет — увы,
Бесполая владеет вами злоба,
Бездетными сойдете вы
В свои повапленные гробы.

И на пороге тишины,
Среди беспамятства природы,
Не вам, не вам обречены,
А звездам вечные народы.

1920

413. ДОМ АКТЕРА

Здесь, на твердой площадке яхт-клуба,
Где высокая мачта и спасательный круг,
У южного моря, под небом юга,
Деревянный, пахучий строится сруб.

Это игра воздвигла стены.
Разве работать — не значит играть?
По свежим доскам широкой сцены
Какая радость впервые ступать!

Актер-корабельщик на палубе мира,
И дом актера — на волнах...
Никогда, никогда не боялась лира
Тяжелого молота в братских руках.

Кто сказал „Художник“ — сказал „Работник“,
Воистину, правда у нас одна.
Единым духом жив и плотник,
И поэт, вкусивший светоч вина.

А вам спасибо! И дни, и ночи
Мы строили вместе, наш дом готов.
Под маской суровости скрывает рабочий
Высокую нежность грядущих веков.

Веселые стружки пахнут морем,
Корабль оснащен, в добрый путь,
Плывите же вместе к грядущим зорям,
Актер и рабочий — вам нельзя отдохнуть.

<1920>

Когда ты уходишь и тело лишится души,
Меня обступает мучительный воздух дремучий,
И я задыхаюсь, как иволга в хвойной глуши,
И мрак раздвигаю губами сухой и дремучий.

Как мог я поверить, что ты возвратишься?
Как смел?

Зачем преждевременно я от тебя оторвался?
Еще не рассеялся мрак и петух не пропел,
Еще в древесину горячий топор не вонзался.

Последней звезды безболезненно гаснет укол.
Как серая ласточка, утро в окно постучится.
И медленный день, как в соломе проснувшийся

вол,

На стогнах, шершавых от долгого сна, шевелится.

Декабрь 1920

415

Люблю под сводами седья тишины
Молебнов, панихид блужданье
И трогательный чин — ему же все должны —
У Исаака отпеванье.

Люблю священника неторопливый шаг,
Широкий вынос плащаницы
И в ветхом неводе генисаретский мрак
Великопостныя седмицы.

Ветхозаветный дым на теплых алтарях
И иерея возглас сирий,
Смиренник царственный — снег чистый

на плечах

И одичалые порфиры.

Соборы вечные Софии и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенского добра
И риги Нового завета.

Не к вам влечется дух в години тяжких бед,
Сюда влачится по ступеням
Широкопасмурным несчастья волчий след,
Ему ж вовеки не изменим.

Зане свободен раб, преодолевший страх,
И сохранилось свыше меры
В прохладных житницах, в глубоких закромах
Зерно глубокой, полной веры.

1921

416. А НЕБО БУДУЩИМ БЕРЕМЕННО...

Опять войны разноголосица
На древних плоскогорьях мира,
И лопастью пропеллер лоснится,
Как кость точеная тапира.
Крыла и смерти уравнение
С алгебраических пирушек,
Слетев, он помнит измерение
Других эбеновых игрушек,
Врагину-ночь, рассадник вражеский
Существ коротких, ластоногих,
И молодую силу тяжести:
Так начиналась власть немногих...

Итак, готовьтесь жить во времени,
Где нет ни волка, ни тапира,
А небо будущим беременно —
Пшеницей сытого эфира.
А то сегодня победители
Кладбища лёта обходили,
Ломали крылья стрекозиные
И молоточками казнили.

Давайте слушать грома проповедь,
Как внуки Себастьяна Баха,
И на востоке и на западе
Органные поставим крылья!
Давайте бросим бури яблоко
На стол пирующим землянам
И на стеклянном блюде облако
Поставим яств посередине.

Давайте всё покроем заново
Камчатной скатертью пространства,
Переговариваясь, радуясь,
Друг другу подавая брашна.
На круговом, на мирном судьбище
Зарею кровь оледенится,
В беременном глубоком будущем
Жужжит большая медуница.

А вам, в безвременьи летающим
Под хлыст войны за власть немногих,—
Хотя бы честь млекопитающих,
Хотя бы совесть — ластоногих.
И тем печальнее, тем горше нам,
Что люди-птицы хуже зверя
И что стервятникам и коршунам
Мы поневоле больше верим.
Как шапка холода альпийского,
Из года в год, в жару и лето,
На лбу высоком человечества
Войны холодные ладони.
А ты, глубокое и сытое,
Забременевшее лазурью,
Как чешуя, многоочитое,
И альфа и омега бури,—
Тебе — чужое и безбровое —
Из поколенья в поколение
Всегда высокое и новое
Передается удивление.

1923; 1929

417

Жизнь упала, как зарница,
Как в стакан воды ресница,
Изолгавшись на корню,
Никого я не виню...

Хочешь яблока ночного,
Сбитню свежего, крутого,
Хочешь, валенки сниму,
Как пушинку подниму.

Ангел в светлой паутине
В золотой стоит овчине,
Свет фонарного луча
До высокого плеча...

Разве кошка, встрепенувшись,
Черным зайцем обернувшись,
Вдруг простегивает путь,
Исчезая где-нибудь.

Как дрожала губ малина,
Как поила чаем сына,
Говорила наугад,
Ни к чему и невпопад.

Как нечаянно запнулась,
Изолгалась, улыбнулась
Так, что вспыхнули черты
Неуклюжей красоты.

Есть за куколем дворцовым
И за кипенем садовым
Заресничная страна —
Там ты будешь мне жена.

Выбрав валенки сухие
И тулупы золотые,
Взявшись за руки, вдвоем
Той же улицей пойдём

Без оглядки, без помехи
На сияющие вехи —
От зари и до зари
Налитые фонари.

1924

Татары, узбеки и ненцы,
И весь украинский народ,
И даже приволжские немцы
К себе переводчиков ждут.

И может быть, в эту минуту
Меня на турецкий язык
Японец какой переводит
И прямо мне в душу проник.

Ноябрь 1933 (?)

У нашей святой молодежи
Хорошие песни в крови:
На баюшки-баю похожи
И баю борьбу объяви.

И я за собой примечаю
И что-то такое пою:
Колхозного бая качаю,
Кулацкого пая пою.

Ноябрь 1933 (?)

Откуда привезли? Кого? Который умер?
Где <...>? Мне что-то невдомек...
Здесь, говорят, какой-то Гоголь умер?
Не Гоголь. Так себе. Писатель. Гоголек.

Тот самый, что тогда невянтицу устроил,
Который шустрился, довольно уж легóк:
О чем-то позабыл, чего-то не усвоил,
Затеял кавардак, перекрутил снежок.

Молчит, как устрица. На полтора аршина
К нему не подойти — почетный караул.
Здесь что-то кроется. Должно быть, есть причина.
< > Напутал и уснул.
1934

421

Твоим узким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.

Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.

Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком да кровавым песком...

Ну а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.

1934

422

Мне кажется, мы говорить должны
О будущем советской старины,

Что ленинское-сталинское слово —
Воздушно-океанская подкова.

И лучше бросить тысячу поэзий,
Чем захлебнуться в родовом железе,

И пращурь нам больше не страшны:
Они у нас в крови растворены.

Апрель—май 1935

Мир начинался страшен и велик:
 Зеленой ночью папоротник черный —
 Пластами боли поднят большевик —
 Единый, продолжающий, бесспорный,
 Упорствующий, дышащий в стене:

Привет тебе, скрепитель дальнозоркий
 Трудящихся. Твой угольный, твой горький
 Могучий мозг — гори, гори стране!

Апрель 1935

Ты должен мной повелевать,
 А я обязан быть послушным.
 На честь, на имя наплевать —
 Я рос больным и стал тщедушным.

Так пробуй выдуманный метод
 Напропалую, напрямик:
 Я — беспартийный большевик,
 Как все друзья, как недруг этот.

Апрель—май 1935 (?)

Тянули жилы, жили-были,
 Не жили, не были нигде,
 Бетховен и Воронеж — или
 Один или другой — злодей.

На базе мелких отношений
 Производили глухоту
 Семидесяти стульев тени
 На первомайском холоду.

В театре публики лежало
 Не больше трех карандашей,

И дирижер, стараясь мало,
Казался чертом средь людей.

Май 1935

426

Идут года железными полками,
И воздух полн железными шарами.

Оно бесцветное — в воде железась,
И розовое, на подушке грезясь.

Железная правда — живой на зависть,
Железен пестик, и железна завязь.

И железой поэзия в железе,
Слезящаяся в родовом разрезе.

22 мая 1935

427

Мир должно в черном теле брать:
Ему жестокий нужен брат —
От семиюродных уродов
Он не получит ясных всходов.

Май 1935

428

Когда б я уголь взял для высшей похвалы —
Для радости рисунка непреложной, —
Я б воздух расчертил на хитрые углы
И осторожно и тревожно.
Чтоб настоящее в чертах отозвалось,
В искусстве с дерзостью гранича,
Я б рассказал о том, кто сдвинул мира ось,
Ста сорока народов чтя обычай.
Я б поднял брови малый уголок,
И поднял вновь, и разрешил иначе:
Знать, Прометей раздул свой уголек, —
Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу!

Я б несколько гремучих линий взял,
Всё моложавое его тысячелетье,
И мужество улыбкою связал
И развязал в ненапряженном свете.
И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца,
Какого не скажу, то выраженье, близясь
К которому, к нему,— вдруг узнаёшь отца
И задыхаешься, почуяв мира близость.
И я хочу благодарить холмы,
Что эту кость и эту кисть развили:
Он родился в горах и горечь знал тюрьмы.
Хочу его назвать — не Сталин,— Джугашвили!

Художник, береги и охраняй бойца:
В рост окружи его сырым и синим бором
Вниманья влажного. Не огорчить отца
Недобрым образом иль мыслей недобором,
Художник, помоги тому, кто весь с тобой,
Кто мыслит, чувствует и строит.
Не я и не другой — ему народ родной —
Народ-Гомер хвалу утроит.
Художник, береги и охраняй бойца —
Лес человечества за ним идет, густея,
Само грядущее — дружина мудреца
И слушает его всё чаще, всё смелее.

Он свесился с трибуны, как с горы,—
В бугры голов. Должник сильнее иска.
Могучие глаза решительно добры,
Густая бровь кому-то светит близко.
И я хотел бы стрелкой указать
На твердость рта — отца речей упрямых.
Лепное, сложное, крутое веко, знать,
Работает из миллиона рамок.
Весь — откровенность, весь — признанья медь
И зоркий слух, не терпящий сурдинки.
На всех, готовых жить и умереть,
Бегут, играя, хмурые морщинки.

Сжимая уголек, в котором всё сошлось,
Рукою жадною одно лишь сходство клича,
Рукою хищною — ловить лишь сходства ось, —
Я уголь искрошу, ища его обличья.
Я у него учусь — не для себя учась,
Я у него учусь — к себе не зная пощады.
Несчастья скроют ли большого плана часть?
Я разыщу его в случайностях их чада...
Пусть недостоин я еще иметь друзей,
Пусть не насыщен я и желчью и слезами,
Он всё мне чудится в шинели, в картузе
На чудной площади с счастливыми глазами.

Глазами Сталина раздвинута гора
И вдаль прищурилась равнина,
Как море без морщин, как завтра из вчера —
До солнца борозды от плуга-исполина.
Он улыбается улыбкою жнеца
Рукопожатий в разговоре,
Который начался и длится без конца
На шестиклятвенном просторе.
И каждое гумно и каждая копна
Сильна, убориста, умна — добро живое —
Чудо народное! Да будет жизнь крупна!
Ворочается счастье стержневое.

И шестикратно я в сознании берегу —
Свидетель медленный труда, борьбы и жатвы —
Его огромный путь — через тайгу
И ленинский октябрь — до выполненной клятвы.
Уходят вдаль людских голов бугры:
Я уменьшаюсь там. Меня уж не заметят.
Но в книгах ласковых и в играх детворы
Воскресну я сказать, как солнце светит.
Правдивей правды нет, чем искренность бойца.
Для чести и любви, для воздуха и стали
Есть имя славное для сильных губ чтеца.
Его мы слышали, и мы его застали.

Январь—февраль (?) 1937

Если б меня наши враги взяли
 И перестали со мной говорить люди,
 Если б лишили меня всего в мире:
 Права дышать и открывать двери,
 И утверждать, что бытие будет
 И что народ как судия судит;
 Если б меня смели держать зверем,
 Пищу мою на пол кидать стали б —
 Я не смолчу, не заглушу боли,
 Но начерчу то, что чертить волен,
 И, раскачав колокол стен голый
 И разбудив вражеской тьмы угол,
 Я запрягу десять волов в голос
 И поведу руку во тьме плугом —
 И в глубине сторожевой ночи
 Чернорабочей вспыхнут земли очи,
 И, в легион братских очей сжатый,
 Я упаду тяжестью всей жатвы,
 Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы, —
 И налетит пламенных лет стая,
 Прошелестит спелой грозой Ленин,
 И на земле, что избежит тленья,
 Будет будить разум и жизнь Сталин.

Февраль 1937

С примесью ворона голуби,
 Завороненные волосы,
 Здравствуй, моя нежнолобая,
 Дай мне сказать тебе голоса,
 Как я люблю твои волосы,
 Душные черно-голубые.

В губы горячие вложено
 Всё, чем Москва омоложена,
 Чем молодая расширена,

Чем мировая встревожена,
Грозная утихомирена...

Тени лица восхитительны —
Синие, черные, белые,
И на груди удивительны
Эти две родинки смелые.
В пальцах тепло не мгновенное —
Сила лежит фортепьянная,
Сила приказа желанная
Биться за дело нетленное...

Мчится, летит, с нами едучи,
Сам ноготок зацелованный,
Мчится, о будущем знаючи,
Сам ноготок холодающий.
Славная вся, безусловная,
Здравствуй, моя оживленная —
Ночь в рукавах и просторное
Круглое горло упорное.

Слава моя чернобровая,
Бровью вяжи меня вязкою,
К жизни и смерти готовая,
Произносящая ласково
Сталина имя громовое
С клятвенной нежностью, с ласкою.

Май (?) 1937

431. СТАНСЫ

Необходимо сердцу биться:
Входить в поля, вращать в леса.
Вот „Правды“ первая страница,
Вот с приговором полоса.

Дорога к Сталину — не сказка,
Но только — жизнь без укоризн:

Футбол — для молодого баска,
Мадрида пламенная жизнь.

Москва повтóрится в Париже,
Дозреют новые плоды,
Но я скажу о том, что ближе,
Нужнее хлеба и воды,—

О том, как вырвалось однажды:
— Я не отдам его! — и с ним,
С тобой, дитя высокой жажды,
И мы его обороним,

Непобедимого, прямого,
С могучим смехом в грозный час,
Находкой выхода прямого
Ошеломляющего нас.

И ты прорвешься, может статься,
Сквозь чащу прозвищ и имен
И будешь сталинкою зваться
У самых будущих времен...

Но это ощущение сдвига,
Происходящего в веках,
И эта сталинская книга
В горячих солнечных руках,—

Да, мне понятно превосходство
И сила женщины — ее
Сознание, нежность и сиротство
К событиям рвутся — в бытие.

Она и шутит величаво,
И говорит, прощая боль,
И голубая нитка славы
В ее волос пробралась смоль.

И материнская забота
Ее понятна мне — о том,
Чтоб ладилась моя работа
И крепла — на борьбу с врагом.

4—5 июля 1937

Савёлово

**ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ.
СТИХОТВОРЕНИЯ «НА СЛУЧАЙ»**

432

В половине второго,
Честное слово,
Тяжело пииту
По алфавиту
Идти к ответу —
Но выхода нету...

Между мартом и маем 1911

433

Вы хотите быть игрушечной,
Но испорчен Ваш завод:
К Вам никто на выстрел пушечный
Без стихов не подойдет.

1911

434

Блок
Король
И маг порока,
Рок
И боль
Венчают Блока.

10 декабря 1911

435

Но в Петербурге акменст мне ближе,
Чем романтический Пьеро в Париже.

1912 (?)

И глагольных окончаний колокол
 Мне вдали указывает путь,
 Чтобы в келье скромного филолога
 От моих печалей отдохнуть.

Забываю тягости и горести,
 И меня преследует вопрос:
 Приращенье нужно ли в аористе
 И какой залог „пепайдевкос“?

Конец 1912—начало 1913

Автоматичен, вежлив и суров,
 На рубеже двух славных поколений
 Забыл о бесхарактерном Верлене
 И Теофиля принял в сонм богов.

.....
 И твой картонный профиль, Гумилев,
 Как вырезанный для китайской тени.

1913 (?)

Не унывай,
 Садись в трамвай,
 Такой пустой,
 Такой восьмой...

1913 (?)

Что здесь скрипением несносным
 Коснулось слуха моего?
 Сюда пришел Недоброво —
 Несдобровать мохнатым соснам!

Между 1910 и 1914

440—448. АНТОЛОГИЯ АНТИЧНОЙ ГЛУПОСТИ

1. РЕВНОСТЬ

- Лесбия, где ты была? — Я лежала в объятьях
Морфея.
 — Женщина, ты солгала: в них я покоился сам!

2

- Ветер с высоких деревьев срывает желтые листья.
 — Лесбия, посмотри: фиговых сколько листов!

3

- Катится по небу Феб в своей золотой колеснице.
 Завтра тем же путем он возвратится назад.

4

- Буйных гостей голоса покрывают шумящие краны:
 „Ванну, хозяин, прими, но принимай и гостей!“

Сын Леонида был скуп, и кратеры хранил он
ревниво,
 Редко он другу струил пенное в чашу вино.
 Так он любил говорить, возлежа за трапезой
с пришельцем:
 — Скифам любезно вино, мне же любезны друзья.

Сын Леонида был скуп, и, когда он с гостем
прощался,
 Редко он гостю совал в руку полтинник иль рубль.
 Если же скромн был гость и просил лишь
тридцать копеек,
 Сын Леонида ему тотчас, ликуя, вручал.

— Смертный, откуда идешь? — Я был в гостях
у Шилейки.
 Дивно живет человек — смотришь, не веришь
очам!
 В креслах глубоких сидит, за обедом кушает гуся,
 Кнопки коснется рукой — сам зажигается свет.
 — Если такие живут на Четвертой
Рождественской люди,
 Путник, скажи мне, прошу, как же живут
на Восьмой?

„Милая“, — тысячу раз повторяет нескромный
любownik.
 В тысячу первый он „милая“ скажет опять.

Тесно обнявшись, чета дивилась огромной звездой.
Утром постигли они: это сияла луна.

1911—1914

449

Это есть художник Альтман,
Очень старый человек.
По-немецки значит Альтман —
Очень старый человек.

Он художник старой школы,
Целый свой трудился век,
Оттого он невеселый,
Очень старый человек.

1915 (?)

450. АКТЕРУ, ИГРАВШЕМУ ИСПАНЦА

(„Загадка и разгадка“)

Испанец собирается порой
На похороны тетки в Сарагосу,
Но всё же он не опускает носу
Пред теткой бездыханной, дорогой.
У гроба он закурит пахитосу
И быстро возвращается домой.
Любовника с испанкой молодой
Он застаёт — и хватить её за косу!
Он говорит: „Не ездил я порой
На похороны тетки в Сарагосу.
Я тетки не имею никакой,
Я выкурил в Севилье пахитосу,
И вот я здесь, клянусь в том бородой
Билибердоса и Бомбардоса!“

1917 (?)

Я связан молоком с языческой Палладой,
И кроме молока — мне ничего не надо!

15 августа 1917

Почему ты всё дуешь в трубу, молодой человек?
Полежал бы ты лучше в гробу, молодой человек!

Конец 1919—начало 1920

Не сожалею, что тебе задолжал я одиннадцать
тысяч,
Помни, что двадцать одну мог я тебе задолжать.

Конец 1920—начало 1921

Есть разных хитростей у человека много,
И жажда денег их влечет к себе, как вол...
Кулак Пахом, чтоб не платить налога,—
Наложницу себе завел!

1922 или 1923

455. БАЛЛАДА О ГОРЛИНКАХ

Восстал на царство Короленки
Ионов, Гиз, Авессалом:
— Литературы-вырожденки
Не признаем, не признаем!
Но не серебряные пенки,
Советского червонца лом,
И не бумажные керенки —
Мы только горлинки берем!

Кто упадет на четверенки?
(Двум Александрам тесен дом.)
Блондинки, рыжие, шатенки
Вдохнут о ком, вдохнут о ком?
Кто будет мучиться в застенке,
Доставлен в Госиздат живьем?
Воздерживаюсь от оценки:
Мы только горлинки берем!

Гордятся патриотки-венки
Своим слабительным питьем —
С лица Всемирки-Современки
Не воду пьем, не воду пьем!
К чему нам различать оттенки?
Не нам кичиться этажом.
Нам — гусь, тебе — бульон и гренки,—
Мы только горлинки берем!

ENVOI:

Князь Гиза, слышишь: к переменке
Поет бухгалтер соловьем:
„Кто на кредитки пялит зенки?
Мы только горлинки берем!“

25 декабря 1924

456—461. АНТОЛОГИЯ ЖИТЕЙСКОЙ ГЛУПОСТИ

1

Мандельштам Иосиф — автор этих разных
эпиграмм.
Никакой другой Иосиф не есть Осип
Мандельштам.

462—469. ПЕРЕВОДЫ ИЗ КНИГИ Ж. РОМЕНА
„ОБОРМОТЫ“

462—468. < Буриме >

1

Вода, бегущая хрустальным писсуаром,—
Твой мужественный ток напомнил мне Амбер,
Откуда солнце — круглый камамбер —
Я наблюдал над Иссуаром!

2

Каштановый навес над томным писсуаром,
Багрянцем осени окрашенный Амбер;
Гармония листвы повеет Иссуаром,
И сердце льнет к нему, как нежный камамбер!

3

Зарницы городов маячат в Иссуарах,
И в мареве равнин заразы камамбер!
Ты пожираешь ночь, Амбер,—
Безумцев кузнецов в горящих писсуарах!

4

О, годы! О, часы! О, бремя Иссуара!
Проточная вода в воронке писсуара!
В прорывы бытия брось лилию, Амбер!
Амбер! Кто впел в твой герб позорный
каммамбер?

Эфирный холодок в преддверьи писсуара,
 Лия всемирное молчанье Иссуара,
 Убьет жандармских ног пахучий камамбер.
 — Конец!

— Нельзя дышать!

— Нет больше слов —
 Амбер!

Ненавижу Амбер: это проклятый сыр,
 Личинками червей кишачий камамбер;
 Но Иссуар — везде и всюду нам укор:
 Забронированный от взоров писсуар!

Высокая гражданственность Амбера —
 Республиканских урн блестящий писсуар;
 Но если мы затронем Иссуар —
 Не миновать зловонья камамбера!

Знай, благородный друг, что в среду, утром
 росным,
 Крылатым способом, движением колесным
 Ты в облюбованный направившись притин,
 Где — артиллерия окраинных равнин —
 Молочник утренний гремит порожней жестью;
 Я, кофий выкушав, по гулкому предместью
 Нажимом легких ног машину поведу
 И старца на пути маститого найду,

Чья жесткая метла — Нептуново орудье —
Навозом скакунов питается в безлюдьи.
Туда поеду я, высоких полон чувств,
В Сквер зеленеющий Ремесел и Искусств,
Где профиль мужеский, блеснув улыбкой
жаркой,
Утешит жизнь мою, надрезанную Паркой!
Прочь, бисер нежных слов! Любезность —
ерунда.
Сквер. Пятый час утра. Запомним: середа!

470

Юношей Публий вступил в ряды ВКП золотые,
Выбыл из партии он дряхлым — увы! —
стариком.

1925 (?)

471

Скажу ль,
Во Франции два брата, два Гонкура, Эдмонд
и Жуль,
Когда б не родились и не писали вместе,
Не оказали б им такой французы чести.

Два брата, но одна у братьев голова —
У них цилиндра два и редингатов два...

.....
Жуль если только книгу пишет,
Эдмонд не кушает, не дышит.

.....
Покуда Жуль пером себя бессмертит,
Эдмонд мороженицу вертит.

А вечером, лей дождь хоть из ведра,
С Эдмондом Жуль идут в Гранд Опера

И, не считаясь с тем, кто пипет лучше, плоше,
Друг другу подают не в очередь калоши.

Где братья, там салон, капуста иль премьера...
«Намедни я обедал у Флобера —
Нет, что ни говори,
Изрядно у него выходит „Бовари“».

1925 (?)

472

Разве подумать я мог, что так легковерна Мария,—
Пяста в Бруссоны возьми, Франс без халата
сбежит.

1925 (?)

473

Кто Маяковского гонитель
И полномочный представитель
Персидского сатрапа Лахути?
Шенгели, господи прости,—
Российских ямбов керченский смотритель.

Около 1927

474

Как некий исполин с Синая и Фавора,
От договора ты бредешь до договора.

1920-е годы (?)

475

Один еврей, должно быть комсомолец,
Живописать решил дворянский старый быт:
На закладной под звуки колоколец
Помещик в подорожную спешит.

1920-е годы (?)

Зане в садах Халатова-халифа
 Дух бытия.
 Кто не вкушал благоуханий ЗИФа —
 И он, и я..
 И для того, чтоб слава не затихла
 Сих свистунов,
 Уже качается на розе ГИХЛа
 В.Соловьев.

Начало 1931 (?)

477. ЭПИГРАММА В ТЕРЦИНАХ

Есть на Большой Никитской некий дом —
 зоологическая камарилья,
 К которой сопричастен был Вермель.
 Он ученик Барбея д'Оревиля.

И этот сноб, прославленный Барбей,
 Запечатлелся в Вермелевом скарбе,
 И причинил немало он скорбей.

Кто может знать, как одевался Барбий?
 Ведь англичанина не спросит внук,
 Как говорилось: „дерби“ или „дарби“,

А Вермель влез в Барбеевый сюртук.

Весна 1931

Мякнул конь и кот заржал —
 Казак еврею подражал.

1932 (?)

Звенигородский князь в четырнадцатом веке
 В один присест съел семьдесят блинов,
 А бедный князь Андрей и ныне нездоров.
 Нам не уйти от пращуров опеки!

1932

480—489. МАРГУЛЕТЫ

1

Старик Маргулис из Ростова,
 С рекомендацией Бубнова,
 Друг Островера и Живова
 И современник Козакова.

2

Старик Маргулис на Востоке
 Постиг истории истоки.
 У Шагинян же Мариетт
 Гораздо больше исторьетт.

3

Я видел сон — мне бес его внушил:
 Маргулис смокинг Бубнову пошил.
 Но тут виденья вдруг перевернулись,
 И в смокинге Бубнова шел Маргулис.

4

Маргулис — он из Наркомпроса,
 Он не турист и не естественник,
 К истокам Тигра и Эфроса
 Он знаменитый путешественник.

5

У старика Маргулиса глаза
Преследуют мое воображенье,
И с ужасом я в них читаю: „За
Коммунистическое просвещенье“.

6

Ах, старика Маргулиса глаза
Не соответствуют своему назначению,
Выгонят, выгонят его из „За
Коммунистическое просвещение“.

7

Старик Маргулис под сурдинку
Уговорил мою жену
Вступить на торную тропинку
В газету гнусную одну.

Такою причинить обиду
За небольшие барыши!
Так отслужу ж я панихиду
За ЗКП его души!

8

Старик Маргулис зачастую
Ест яйца всмятку и вкрутую.
Его враги нахально врут,
Что сам Маргулис тоже крут.

9

Старик Маргулис, примечай-ка,
Живет на Трубной у Семейки,
И пядей будучи семи
Живет с Семейкой без семьи.

Звезды сияют ночью летней,
 Марганец спит в сырой земле,
 Но Маргулис тысячетный
 Марганца мне и звезд милей.

1927—1932

490

Там, где край был дик,
 Там шумит арык,
 Где шумел арык,
 Там пасется бык,
 А где пасся бык,
 Там поет старик.

1934 (?)

491

Плещут волны Флегетона,
 Своды Тартара дрожат.
 Съеден торт определенно —
 Пястом пестуемый яд.

Начало 1934

492

Слышу на лестнице шум быстро идущего Пяста,
 Вижу: торчит на пальто семьдесят пятый отрыв,
 Чую смущенной душой запах голландского сыра
 И вождедею отнять около ста папирос.

Начало 1934

493

Мне вспомнился старинный апокриф:
 Марию лев преследовал в пустыне

По той святой, по той простой причине,
Что был Иосиф долготерпелив.

Сей патриарх, немного почудив,
Марииной доверился гордыне —
Затем, что ей людей не надо ныне,
А лев — дитя — небесной манной жив.

А между тем Мария так нежна,
Ее любовь так, боже мой, блажна,
Ее пустыня так бедна песками,

Что с рыжими смешались волосками
Янтарные, а кожа — мягче льна —
Кривыми оцарапана когтями.

Начало 1934

494

Марья Сергеевна, мне ужасно хочется
Увидеть вас старушкой-переводчицей,
Неутомимо с головой трясущейся
К народам СССР влекущейся,
И чтобы вы без всякого представительства
Вошли к Шенгели в кабинет издательства
И вышли, нагруженная гостинцами —
Недорифмованными украинцами.

Начало 1934

495

Привыкают к пчеловоду пчелы —
Такова пчелиная порода,
Только я Ахматовой уколы
Двадцать три уже считаю года.

Февраль 1934

496

Однажды некогда какой-то подполковник,
 Белогвардеец и любовник,
 Постился, выводя глисту.
 Дня три или четыре
 Росинки маковой он не имел во рту.

Но величайший постник в мире
 Лишь тот, кто натошак читает „На посту“.

Около 1923

497. ЛЖЕЦ И КСЕНДЗЫ

Известно: у католиков развод
 За преступление слывет!
 И вот
 В Италии один партикулярий,
 Явившись в консисторию к ксендзам,
 Им предложил устроить хоть *аквариий*.
 Но, по глазам
 Лжеца узнав,
 Так отказал ему викарий:
 — Иди, мой сын, пока ты не погиб:
 Мы не *разводим* даже рыб!

1924

498. ТЕТУШКА И МИРАБО

Куда как тетушка моя была богата!
 Фарфора, серебра изрядная палата,
 Безделки разные и мебель акажу,
 Людовик, рококо — всего не расскажу.
 Среди других вещей стоял в гостинном зале
 Бетховен гипсовый на лаковом рояле.

У тетушки он был в особенной чести.
Однажды довелось мне в гости к ней прийти,
И гордая собой, упрямая старуха
Перед Бетховеном проговорила глухо:
— Вот, душенька, Марат работы Мирабо!
— Да что вы, тетенька, не может быть того!
Но старость черствая к поправкам глуховата:
— Вот, — говорит, — портрет известного Марата
Работы, ежели припомню, Мирабо.

Читатель, согласишься, не может быть того!

1925

499. ИЗВОЗЧИК И ДАНТ

Извозчик Данту говорит
С энергией простонародной —
О чем же? О профессии свободной,
О том, что вместе их роднит:
— И я люблю орган,
Из всех трактиров я предпочитаю „Рим“.
Хоть я и флорентинец,
Но всё же я не вор и не убиец;
Ведь лошади моей, коль хорошенько взвесить,
Лет будет восемь иль, пожалуй, десять, —
И столько же ходил за Беатричей ты;
Дурного не скажу и во хмелю про Данта,
В тебе отца родного чту и коменданта —
Вели ж по осени не разводить мосты!

1925

Какой-то гражданин, наверное попович,
 Наевшись коммерческих хлебов,
 — Благодарю, — воскликнул, — Каганович!
 И был таков.

Конец 1920-х годов (?)

Однажды из далекого кишлака
 Пришел дехканин в кооператив,
 Чтобы купить себе презерватив.
 Откуда ни возьмись, мулла-собака,
 Его нахально вдруг опередив,
 Купил товар и был таков. Однако!

1930-е годы (?)

Какой-то гражданин, не то чтоб слишком пьян,
 Но все-таки в нетрезвом виде,
 В квартире у себя установил орган.
 Инструмент заревел. Толпа жильцов в обиде.
 За управдомом шлют. Тот гневом обуян.
 И тотчас вызванный им дворник Себастьян —
 Бах, бах — машину смял, мошоннику дал в зубы.

Не в том беда, что Себастьян грубьян,
 А плохо то, что бах какой-то грубый.

1934 (?)

Один портной
 С хорошей головой
 Приговорен был к высшей мере.
 И что ж — портновской следуя манере,
 С себя он мерку снял —
 И до сих пор живой.

1 июня 1934
Свердловск

Источник слез замерз, и весят пуд оковы
 Обдуманых баллад Сергея Рудакова.

Конец 1936 или начало 1937

Наташа спит. Зефир летает
 Вкруг гофрированных волос.
 Для девушки, как всякий знает,
 Сон утренний — источник слез,
 Головомойку означает,
 Но волосы ей осушает
 Какой-то мощный пылесос,
 И перманентно иссякает —
 И вновь кипит источник слез.

24 февраля 1937

Эта книжка украдена Трошею с СХИ,
 И резинкою Вадиной для Наташи она
омоложена
 И ей дадена в день посещения дядина.

1 марта 1937

507. РЕШЕНИЕ

Когда б женился я на египтянке
И обратился в пирамид закон,
Я б для моей жены, для иностранки,
Для донны, покупал пирамидон,
 Купаясь в Ниле с ней иль в храм идя,
 Иль ужиная летом в пирамиде, —
 Для донны пирамид — пирамидон.

Март (?) 1937

ПЕРЕВОДЫ

Жан Расин

508. НАЧАЛО „ФЕДРЫ“

— Решенье принято, час перемены пробил,
Узор Трезенских стен всегда меня коробил,
В смертельной праздности на медленном огне
Я до корней волос краснею в тишине:
Шесть месяцев терплю отцовское безвестье,
И дальше для меня тревога и бесчестье
Не знать урочища, где он окончил путь.

— Куда же, государь, намерены взглянуть?
Я первый поспешил унять ваш страх законный
И переплыл залив, Коринфом рассеченный.
Тезея требовал у жителей холмов,
Где гложет Ахерон в жилище мертвецов.
Эвлиду посетил, не мешкал на Тенаре,
Мне рассказала зыбь о рухнувшем Икаре.
Надежды ль новой луч укажет вам тропы
В блаженный край, куда направил он стопы?
Быть может, государь свое решенье взвесил
И с умыслом уход свой тайной занавесил,
И между тем как мы следим его побег,
Сей хладнокровный муж, искатель новых нег
Ждет лишь любовницы, что, тая и робея...

— Довольно, Терамен, не оскорбляй Тезея...

509. ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

(отрывки)

1

(Запевка)

Карл всемогущий, император наш,
Шесть лет сполна в Испании пребывал —
До самых волн покорил горный край.
Замки пред ним склонились все подряд,
Не устояли ни крепость, ни вал,
Лишь Саррагоса, что с горы видна.
Там царь Марсиль, что с Богом не в ладах,
Чтит Магомета, Аполлону рад:
Не сохранит себя, погибнет сам.

2

*(Роланд отказывается трубить в рог.
Турпин благословляет армию.)*

„Роланд, мой друг, трубите в Олифан,
Услышит вас Карл, что ущельем идет,
Верно говорю: французы будут здесь“.
— „Не допустит Бог, — отвечает Роланд, —
Про меня не должны говорить среди людей,
Что ради поганых я трубил в мой рог.
Не хочу опозорить свою родню.
Вот когда начнется великий бой,
Я ударю тысячу раз и еще семьсот —
Всем сверкнет Дюрандаля кровавая сталь.
Французы хорошие люди, сражаются правильно:
Ждет людей из страны испанской неминуемая
смерть“.

Говорит Оливье: „Тут рассуждать нечего.
Я видел сарацинов из страны испанской:
Ими усеяны холмы и долины
И все равнины и плоские земли.
Несметная сила у этих чужестранцев,
А у нас всего небольшая горстка“.
Отвечает Роланд: „Это мне сил прибавит.
Не допустит Бог со святыми и ангелами,
Чтобы Франция из-за меня лишилась чести.
Лучше мне умереть, чем быть опозоренным:
Император нас любит за то, что сражаемся
правильно“.

Роланд храбр — Оливье мудр,
Одинаковой доблестью отличены оба.
Уж если они на коне и при оружьи,
Ради темного страха спиной не станут к битве.
Хороши князья с высокомерной речью.
Одурели язычники, коней пришпорили.
Говорит Оливье: „Друг Роланд, оглянитесь!
Трубите в Олифан — сейчас вполне прилично.
Был бы здесь император — мы бы сразу
окрепли,—
И для спутников наших ваша трубля не зазорна:
Взгляните на горы перед Аспрским ущельем —
Увидите войска печальное охвостье.
Я говорю правильно, другого не придумаешь“.
— „Бросьте, Оливье, советовать бесчестье.
Не на месте сердце сидит у малодушных!
Стреножим коней, выберем место битвы,
Приготовим большие удары и самые большие“.

Когда Роланд увидел, что битва им предстоит,
Заиграл гордостью, стал как лев, как леопард,
Кличет французов, Оливье выговаривает:
„Товарищ мой ласковый, полно вам говорить.
Когда император приказал нам здесь быть,
Он так подобрал двадцать тысяч, один
к другому,

Король Марсил нашу жизнь приторговал —
Под ударами сабель он будет платить”.

3

(Смерть Оливье)

Роланд заглянул в лицо Оливье:
Как тот осунулся и посинел!
Красною кровью истекает весь,
На землю падает крови ручей.
Князь воскликнул: „Боже, что делать мне!
Незадача вам, сир, товарищ-храбрец,
Не родился равный вам человек.
О, нежной Франции вдовый удел!
Без добрых вассалов и сыновей
Императору будет страшный вред”.
Так говоря, покачнулся в седле.

Вот покачнулся в седле князь Роланд,
И Оливье от смертных ран ослаб.
Так обескровел, что слиплись глаза.
Как ни старается взглянуть в даль —
Нет человека, нигде не видать.
Подвернулся ему товарищ в тьме —
Рубанул с плеча самоцветный шлем:
До переносья раскроил совсем,
Но с головы его сбить не сумел.
Ошеломленный Роланд поглядел,
Спросил его вежливо, с лаской всей:
„Вы нарочно, сир, товарищ, иль нет?
Ведь я Роланд, вам преданный вполне,
И вы меня не предали ничем”.
Оливье сказал: „Слышу вашу речь,
Я не узнал вас, Господом клянусь!
Ударил вас — простите мне вину!”
Роланд ответил: „Я зла не таю,
Здесь перед Богом это вам прощу”.

Сказав, друг другу падают на грудь,
На прощанье друга ласкает друг.

Оливье почувял смертный исход,
Как смерть по жилам в голову течет,
Зренье теряет и совсем оглох.
Слезает с лошади, на землю лег,
Кается в грехах на весь мир кругом,
Руки ладонями к небу простер,
Просится к Богу на райский порог:
Да спасется Франция и Карлон,
Роланд да спасется, первый во всем.
Всем телом лежит на земле ничком.
Перестал князь жить, не шелохнет бровь.
Храбрый Роланд жалеет, слезы льет;
Так не убивался еще никто.

4

(Смерть Роланда)

Роланд размахнулся в черный камень гранит,
Так сильно размахнулся, что сказать

невозможно:

Сабля зазвенела, не ломается, не гнется,
Вверх отскочила к небесам с силой.
Когда увидел князь, что она крепка навеки,
Тихонько ей жалуется, сам с собой говорит:

„Эй, Дюрандаль, моя сабля освященная

и прекрасная,

В золоченой твоей рукояти довольно много

реликвий:

Зуб святого Петра, капля крови

Василия-мученика,

И прядка волос Дионисия, покровителя моих

дней,

И еще кусочек платья пресвятой Девы Марии:

Нет такого права, чтоб язычник тобой владел,

Потому что ты обязана обслуживать христиан.

Весьма много обширных земель ты нам
покорила,
Их держит Карл, чья борода цветет, как яблоня.
Император от них разбогател и веселится
храбростью.
Не получит тебя человек, способный поступить
низко.
Боже, не допустите для Франции такого урона!"

Чувствует Роланд — смерть берет верх,
Вошла через голову, ползет к сердцу вниз.
Вскочил на резвые ноги, подбежал к
высокой ели,
На высокую траву бросился ничком,
Положил рядом, совсем близко, и саблю и рог,
Поворачивает голову к Испании, стране,
которая славится,—
Он неспроста так делает, а вот для чего:
Чтобы сам Карл сказал и все его люди
Про милого князя, что победил, умирая.
Кается в грехах скороговоркой и частой
дрождью,
Просит отпущенья у всемогущего Бога.

Чувствует Роланд — время его тает,
Лежит у входа в Испанию в глубоком рву,
Поднял руку, бьет себя в грудь:
„Господи, я грешник, призываю твою мощь
На все свои грехи, на большие и на мелочь,
С тех пор, как я родился, все дела моих рук
По сегодняшний день, как я насмерть ушиблен“.
Перчатку в знак смирения снял с правой руки.
Обступили его ангелы, спустились с небес.

Князь Роланд прилег под елью отдохнуть,
К испанской стороне поворотил лицо.
Разная разность ему пришла на ум:
Различные земли, что войной он прошел,
И ласковая Франция, и весь его род,

И Карл Великий, чей вскормленник он был,
И все французы, которым он так люб.
Не может шелохнуться, ни звука проронить,
Но никак не может себя забыть,
На весь мир кричит свой грех, чтоб услышал
Бог:

„Истинный отец, горящий правдой всей,
Воскресивший Лазаря, который был мертв,
И Данила вырвавший из львиных лап,
Спаси мою душу от злых смертей,
Куда ее тащат мои грехи!“

Протянул Богу перчатку, покорности знак,
И святой Гавриил у него ее взял.
К самой руке его склонил свой лик.
Руки скрестил на груди и отправился

в вечный путь.

Бог его переправил в свой херувимский сонм,
И святой Михаил, возмущающий воду морей,
И Гавриил, его спутник, поспешили вместе
прийти:

Вынули душу из тела, доставили прямо в рай.

Роланд мертв, его душу держит Бог.
Император торопится, приходит в Ронсеваль —
Там нельзя ступить ни на одну тропинку:
Нет пустой земли ни локтя, ни аршина,
Чтоб не подвернулся француз или язычник.
Карл воскликнул: „Племянник мой, где вы?
Где архиепископ и князь Оливьер,
Где Герин и с ним Герье неразлучный,
Где князь От и князь Беранжер,
Ивон и Иворес, которых я ценю?
Куда запропастился гасконец Ангельер,
Самсон-начальник и гордый Ансеис?
Где Жирард из Русильона, что от старости
дремуч,

И все двенадцать пэров, к которым я привык?“
Кто мог ему ответить? — Никто рта не раскрыл!

„Боже,— сказал император,— терзаться
я буду теперь,
Зачем к началу битвы я вовремя не поспел!“
Тянет себя за бороду, как в ярости человек,
Плачет слезами из глаз он и весь его круг.
Двадцать тысяч на земле распростерто в прах...
Сильно их жалеет князь Наймон...

5

Прозрачна ночь, и луна сияет.
Карл лег спать, о Роланде жалеет,
Об Оливье вспомнить ему тяжело,
О двенадцати пэрах и французской рати —
В Ронсево своих людей оставил мертвых.
Места себе не находит, всё плачет.
Молит Бога, чтоб приласкал их души.
Устал король, велико его горе,
И прикорнул, заснул, не может больше.
На всех лугах теперь спят французы.
И нет коня, который стал бы стоймя
И пощипал бы травку: лежа щиплет.
Кто горе мыкал — научится много.

Карл спит, как человек усталый.
Бог к нему подослал Гавриила
И велел ему стеречь государя.
Ангел всю ночь стоял в изголовьи
И возвестил ему сонным виденьем,
Что против него готовится битва,
Предупредил его знаменьем суровым.
Карл посмотрел на вышнее небо:
Громы рокочат, гуляет ветер с градом,
Сильные грозы и чудесные бури;
Пламя горит — огонь приготовлен.
Падает пламя на голову людям,
Копья сжигает из яблони и дуба
И все щиты с золотым украшеньем,
Вдребезги дровки этих острых копий,

Скрипят кольчуги и медные шлемы,
В страшной беде свое рыцарство видит:
Съесть их хотят леопарды, медведи,
Змеи, гиены, драконы и черти,
Одних грифонов больше чем тридцать тысяч,
Нету француза, что не ластился б к небу,
И кричат французы: „Шарлемань, помогите!“
Обуяла Карла и скорбь, и жалость —
Собрался помочь, но ему помешали:
Огромный лев из древесной чащи,
Со всех сторон ужасен, горд и страшен.
Прыгает лев, напал на тело Карла,
Между собой у них единоборство,
И неизвестно, кто кого погубит.
А государь еще не проснулся.

После он видит знаменье другое:
Будто стоит на крыльце в милом Айсе
И на двойной цепочке держит дога.
От Арденн спустились тридцать медведей —
Все говорят человеческой речью.
И говорят: „Сир, отдайте нам дога,
С вами ему оставаться негоже,
К родичам нашим мы спешим на помощь“.
Спрыгнул с крылечка в толпу медвежью
И напал на медведя-великана,
Самого рослого на траве зеленой.
Видит король чудесное сраженье,
А кто кого победит — неизвестно.
Это архангел показал баронам,
А Карл спит до самой денницы.

В Саррагосу бежал король Марсиль.
Под оливой спешился, в тень прилег.
Саблю снимает, и шлем, и бронь,
На зеленой траве безобразно лег,
Правую руку потерял совсем,
Мучится, корчится, кровью истек.
С ним стоит жена Бранимонд,

Плачет, кричит, кривит от боли рот,
С ним тридцать тысяч из поганых орд,
Клепят на Францию и на Карлов род,
К Аполлону прибежали в грот,
Оскорбляют его, ругают, клянут:
„Эй, дрянной бог, что причинил нам стыд,
Это наш царь, зачем его прибил?
И мы тебе по заслугам дадим!“
За руки берут, вешают на столб
И на землю бросают к ногам,
Сильно издеваются, палками бьют;
У Тервагана забрали карбункул
И Магомета столкнули в яму —
Пусть его там кусают собаки.

От сильных ран оправился Марсилий,
Перенесли его в сводчатую спальню
С камнем цветным и с росписью узорной;
Плачет над ним царица Бранимонда,
Волосы рвет, клянет свою участь,
Одно и то же кричит, причитает:
„Эй, Саррагоса, ты теперь сиротка —
Власти лишилась милого Марсия!
Сильно подвел нас наш изменник-идол:
Он допустил, что все погибли в битве.
Если хватит сердца у эмира,
С этими храбрыми он должен сразиться —
С лица они горды, не жалеют жизни.
Борода императора цветет, как яблоня.
Слуг у него много, еще больше доблесть:
Никогда не убежит с поля битвы.
Очень жалко, что его не убили!“

По доброй воле могучий Карл
Семь круглых лет испанский вел поход,
Замков взял пропасть и тьму городов.
Сильно озабочен король Марсиль,
К письмам своим печать приложил
И к Балигану послал в Вавилон,

Старый эмир и почтенный он,
Старше Вергилия и Гомера времен,—
Чтоб шел в Саррагосу на помощь барон.
Если нет, он бросит служить богам,
У всех своих идолов отнимет почет,
В христианскую веру сам перейдет,
Пред Карлом Великим склонит свой лоб.
А тот далеко, ему трудно поспеть,
В сорок за войском послал государств,
Верблюдов больших привезти приказал,
Много лодок и барок и много галер.
В Александрию, корабельный порт,
Весь оснащенный согнал свой флот.
На дворе стоял май — первый теплый день.
Всё войско качалось на морской волне.

Огромное войско у поганых людей —
Парус крепят, направляют руль,
И на верхушках высоких мачт
Много карбункулов и фонарей:
Сверху такой разливают свет,
Что ночью море еще красивей.
И когда к испанской пристали земле,
Вся земля заискрилась от огней,
И Марсиль услышал шум новостей.

Нет утомону на племя язычников,
Вводят корабли в воду сладкую, пресную,
Миновали Марброзу, Марбризу проехали,
Вверх по Эбру корабли поворачивают.
Довольно на них фонарей и карбункулов:
Всю ночь от них пышет огромное польмя.
Пришли они в Саррагосу.

Ясный день, и солнце прекрасно.
Вышел эмир из парусной барки.
За ним большая свита испанцев:
Семнадцать царей идут за ним сзади,
Князей и графов и считать не желаю.

И на лужайке посредине лагеря
На траве зеленой стелют белое полотнище,
Ставят кресло из кости слоновой.
Сел на него Балиган-язычник,
Другие не сели, ожидают стоя.
Самый главный взял слово первым:
„Слушайте, рыцари храброй породы,—
Карл-государь, император французов,
Не сядет обедать без моего приказы,
По всей Испании громил меня войною —
До нежной Франции за ним я буду гнаться
И до конца моих дней не успокоюсь,
Покуда он за меч не сможет взяться“.
И колено бьет своей правой перчаткой.

Когда сказал, объявились упрямыцы:
Не пойдут — посули им золотые горы,
Не пойдут с ним в Айс, где Карл решает тяжбы.
Утешают трусов и советуют люди.
Двух своих всадников вызвал эмир,
Одного — Кларифана, а другого — Кларьена:
„Вы сыновья короля Мальтраяна,
Он был всегда расторопный вестник.
Вам поручаю сходить в Саррагосу
И от меня передать Марсильону,
Что я иду к нему на подмогу.
Будет битва, если найдется место.
Златошвейную дайте ему перчатку,
Пусть примерит ее на правую руку,
И чистого золота унцию-крупницу:
Пусть узнает мстителя, узнает вассала.
Я во франкской земле изведу войной Карла,
Согну ему шею, поставлю на колени,
А не откажется от Христовой веры,
Отрублю ему голову вместе с короной“.
— „Сир,— говорят язычники,— вы складно
говорите“.

Сказал Балиган: „Вот, рыцари-бароны,
Один возьмет палку, другой перчатку“.
— „Ласковый сир,— говорят они,— исполним“.
Ехали верхом до самой Саррагосы,
Через десять ворот и мостов через сорок,
Через все улицы, где живут горожане.
Только приблизились к городу на вышке,
Слышат во дворце шум переполоха:
Сколько там было поганого сброду,
Плачут, кричат, без ума от печали,
Жалеют богов — Тервагана и Магома
И Аполлона, который в ус не дует.
Один другому: „Что ждет нас, бедняжек?
Великая нас потрясла разруха,
Мы потеряли царя Марсильона.
Князь Роланд вчера отхватил ему руку.
Нет с нами Буна и нет Журфалена,
Им бы владеть всей испанской округой“.
Вестники всходят вдвоем на крылечко.

Своих лошадей привязали к оливе,
Бросили вожжи двум сарацинам
И под плащом несут письма и вещи,
Дальше идут на дворцовую вышку,
Выходят в комнату с каменным сводом,
Вежливо передают поклон поганым:
„Пусть Магомет, наш помощник в битве,
И Терваган с Аполлоном-сиром
Спасут государя и королеву!“
Говорит Бранимонда: „Слышу речь безумцев!
Наши боги на нас работать устали,
В Ронсево они совсем сплеховали,
Допустили убийство всадников наших,
Они подвели моего господина:
Кисть правой руки потерял: стал калекой.
Так рубанул его Роланд богатый.
Вся Испания будет вотчиной Карла.

Тугая погоня за мной: Бадук и Дерамед
И двадцать тысяч турок в зеленых племах
медных.

Если обрушатся, я буду смерти предан.
Госпожа моя ласковая, вам нельзя медлить".
Отвечает Гибурк: „Друг вассал, вас пустить
невозможно!

Я здесь одна, никого на мужчину похожего,
Не считая привратника и маленького сторожа,
А из детских годочков и десятки не сложишь.
Наши дамы сердцем до слез приуныли
Из-за мужей, не знают, живы ли.
Вильгельм Курносый их в поле вывел,
В Алисканс, на языческое быдло.
Ни одной скважины, ни одной щели вам
Не открою, пока домой не вернется Вильгельм.
Он принял оружие из рук моих с весельем.
Да хранит его Бог, распятый за христианское
племя!"

Слышит Вильгельм, чуть не падает ниц,
От жалости плачет курносый маркиз,
Крупные слезы по курносому лицу полились.
Выпрямился снова, Гибурк кличет:
„Странный у вас, госпожа, обычай.
Слишком быстро вы от меня отвыкли.
Я Вильгельм, кто мне не поверит, тот согрешит".
— „Вы лжете, язычник,— Гибурк говорит,—
Но клянусь апостолом, что близ Нейрона убит,
Откройте ваш лоб, что так блестит,
Раньше я вам не открою!"

Государю Вильгельму войти спех —
Медлить тут нечего: врагов не счесть,
Вся дорога гудит от бесчисленных тех,
Кому несподручно его жалеть.
„Госпожа моя ласковая,— Вильгельм,
муж храбрый, молвит,—
Заставляете ждать меня слишком долго:
Вон язычники выползли на холмы пологие".
Отвечает Гибурк: „Вы, должно быть, шутите —
На Вильгельма вы не похожи ни чуточки.
Какой вы Вильгельм, когда язычников трусите!

Но клянусь головой Петра, святого мученика,
Ни к одной двери вам не подберу ключика,
Пока не снимете шлема, что на голову
нахлобучили,

И рта не разгляжу я как можно лучше.
Голоса разных людей бывают созвучны.
Я здесь одна, кто мне за вас поручится?"
Послушал государь, поднял забрало совсем,
Потом скинул шлем зеленый в многоцветных
камнях.

„Госпожа, вот я открыт от головы до темени.
Я Вильгельм, пустите меня, пока есть время".
Пока Гибурк его рассматривает пристально
и вдоволь,

Сто язычников проходят медленно полем,
С места битвы поворотил их Ураст,
сарацинский воин.

В подарок Дерамеду ведут на убой
Двести пленников — у всех лицо молодое —
И тридцать дам яснооких ведут с собой.
На них громыаают большие цепи.
Язычники их бьют, пока Господь терпит.
Госпожа Гибурк слышит их громкий плач,
Как они Господа кличут, как цепи влачат,
Говорит Вильгельму: „Я была права,
Теперь уж очевидно — ты не Вильгельм,
муж храбр,

Чью мышцу каждый хвалит, что метко бьет.
Разве он стерпел бы наших людей увод?
Разве он стерпел бы побоища стыд
И унижение братьев так близко, как ты?"
— „Вот это испытанье! — Вильгельм-князь
говорит.—

Но клянусь Всемогущим, на ком держится мир,
Пусть мне грозятся голову с плеч снять,
Пусть меня собираются живым четвертовать,
На глазах у ней буду сражаться, покажу,
каков я есть в бою.

Из любви к ней я должен в битвах говеть,
Выковать Божью волю не за страх, а за совесть,
Смирить свое тело, как настоящий постник".

Снова надел шлем, лошадь пришпорил,
Внушил ей лететь с величайшей скоростью
И видит язычников могучих и черствых.

511. ЖИЗНЬ СВЯТОГО АЛЕКСЕЯ

(отрывок)

Как прочел письмо родитель, он света невзвидел —
От великого от горя бороду теребит:

„Сын мой, чадо мое родное, что за горестные

пришли вести,

А я думал, ты вернешься, мы еще побудем вместе!
Укрепишь мой слабый век, утешишь мою старость”.

Громко кричит родитель, обуяла его ярость:

„Алексей, чадо родное, ты виновник моей тревоги!

Видно, плохо я берег тебя на моем пороге.

Как я, грешный человек, ослеп на оба глаза!

Видел тебя столько раз и не узнал ни разу!

Чадо мое, Алексей, мать твоя бедняжка:

Без тебя ей жизнь темна, и смутна, и тяжка.

Отказалась от питья, не вкушает пищи,

День и ночь тебя зовет, сквозь слез тебя ищет.

Как узнает эту новость, уснет на кладбище.

Кому, сын мой, отойдут все мои именья,

И поемные луга на всем протяженьи,

И великий мой дворец в городе Риме?

Только для тебя, мой сын, я трудился над ними.

Ты бы радовался всем после моей кончины —

Я годами убелен, серебрят меня седины.

.....

Ты бы мог сейчас стоять во главе дружины,

Императорский стяг носить, червленый и длинный,

Как родитель твой отец, и братья, и дяди.

Ах, в какой же нищете, бедности и смраде

Ты скитался, мой сын, в чужеземном граде!

Выбрал ты себе одну дорогу в подруги,

Ничего из всех богатств не донес до лачуги.

А мог быть большой вассал своего господина!"
Поднялся переполох от отцовской кручины:
Услыхала его мать со своей половины —
Не своим голосом кричит, ладонями плещет,
Как безумная бежит простоволосая женщина.
На земле ее сын лежит без дыханья.
Начинает голосить над ним причитанья.
Колотила себя в грудь, сама с собой боролась,
Расцарапала лицо свое, растрепала волос.
Поцелуями покрыла лицо Алексея.
Кто при этом ни стоял — все плакали с нею.
Треплет волосы свои, в грудь себя колотит,
В испугленьи не щадит собственной плоти:
„Как твоя ко мне любовь, мой сын, пересохла!
Как я, грешница, сама ослепла, оглохла:
Не могла тебя признать до переполоха!"
Разрыдалась в три ручья, голосила звонко:
„Не на радость я тебя носила, ребенка.
Как не догадался ты пожалеть мать родную —
Не видал, как по тебе я насмерть тоскую?
Как ты мог мной пренебречь, чудно, не пойму я!
Сколь жестоко ты со мной обошлась, фортуна:
Покинул меня мой сын — прекраснейший юноша.
Привело меня к скорбям долгое ожиданье.
Я в уныньи, я больна, нет мне упованья.
Странно, что сердце мое бьется бесполезно!
Обуял тебя, мой сын, дух гордый, железный,
Когда бросил ты друзей веселый круг любезный.
Если б ты хоть раз один со мной молвил слово,
Я бы духом за тебя воспрянула снова,
Снарядила тебя в путь с хорошей приметой.
Нежна была твоя плоть, Алексей, теплой
жизнью согрета!"
Для чего же ты посвятил скорбям молодые лета?
Для того ли я тебя выносила в чреве,
Чтобы ты меня покинул, печальную, в гнев?
Не возрадуюсь, как Адам, ни подобно Еве.
Прежде чем тебя родить, я тебя сильно желала

И рожденного тебя в слезах пеленала,
А когда я тебя родила, плоть моя ликовала.
Ныне, когда ты мертв, томит меня искушенье:
Разделить с тобой, мой сын, нежное усенье.
Римляне, мои друзья, граждане земли латинской,
Будьте мне пособниками в печали материнской!
По умершем печаль меня подкосила,
Нечем сердце унять, откуда возьмется сила?
Я бездетной остаюсь, горький плод вкусила!"
А покуда мать с отцом жалуются вместе,
Пришло время подойти нареченной невесте:
„Слишком долго я ждала твоего прихода
В доме твоего отца, средь чужого рода.
Слишком долго я ждала — печаль меня снедала,—
Алексей, мой государь, тебя ежечасно
Ожидала я в слезах в горнице напрасно!
Сколько раз из-за тебя выглядывала в окошко,
Всё надеялась, ты подойдешь, приласкаешь меня
немножко.
О, как жалко мне твоей юности благородной,
Что она теперь гниет в земле сырой и холодной.
.....

О нежный рот! лицо, походка и улыбка!
Что случилось, что стряслось с вашей прелестью
гибкой?
Только вас и замечала я в Божием твореньи.
До чего осиротела я в одно мгновенье!
Лучше б разделить с тобой нежное усенье!"

512. СОБАЧЬЯ СКЛОКА

1

Когда тяжелый зной гранил большие плиты
На гулких набережных здесь,
Набатом вспаханный и пулями изрытый
Изрешечен был воздух весь;
Когда Париж кругом, как море роковое,
Народной яростью серчал
И на покашливанье старых пушек злое
Марсельской песнью отвечал,
Там не маячила, как в нашем современьи,
Мундиров золотых орда,—
То было в рубище мужских сердец биенье,
И пальцы грязные тогда
Держали карабин тяжелый и граненый,
И руганью набитый рот
Сквозь зубы черные кричал, жуя патроны:
„Умрем, сограждане, вперед!“

2

А вы, с льняным бельем, с трехцветкою в петлице,
В корсет затянутые львы,
Женоподобные, изнеженные лица,
Бульварные героини, вы,—
Где были вы в картечь, где вы скрывались молча
В дни страшных сабельных потерь,
Когда великий сброд и с ним святая сволочь
В бессмертье взламывали дверь?
Когда Париж кругом давился чудесами,
В трусливой подлости своей
Вы, как могли, тогда завесили коврами
Страх ваших розовых ушей.

Свобода — это вам не хрупкая графиня,
 Жеманница из Сен-Жермен,
 С черненой бровкою и ротиком в кармине
 И томной слабостью колен,—
 Нет, это женщина грудастая, большая,
 Чей голос груб и страсть сильна,
 Она смугла лицом, и, бедрами качая,
 Проходит площадью она.
 Ей нравится народ, могучий и крикливый,
 И барабанный перекат,
 Пороховой дымок и дальние наплывы,
 Колоколов густой набат.
 Ее любовники — простонародной масти,
 И чресла сильные свои
 Для сильных бережет и не боится власти
 Рук, не отмытых от крови.

То дева бурная, бастильская касатка
 И независимость сама,
 Чья роковая статья и твердая повадка
 В пять лет народ свела с ума.
 А после, охладев к девическим романам,
 Фригийский растоптав колпак,
 С двадцатилетним вдруг бежала капитаном
 Под звуки труб в военный мрак.
 И великаншею — не хрупкою фигуркой —
 С трехцветным поясом встает
 Перед облупленной расстрелом штукатуркой,
 Нам утешенье подает,
 Из рук временщика высокую корону
 В три дня французам возвратит,
 Раздавит армию и, угрожая трону,
 Булыжной кучей шевелит.

Но стыд тебе, Париж, прекрасный и гневливый!
 Еще вчера, величья полн,
 Ты помнишь ли, Париж, как, мститель

справедливый,

Ты выкорчевывал престол?
 Торжественный Париж, ты ныне обещен,
 О город пышных похорон,
 Разрытых мостовых, вдоль стен глубоких трещин,
 Людских останков и знамен,
 Прабабка городов, лавровая столица,
 Народами окружена,
 Чье имя на устах у всех племен святится,
 Затмив другие имена,
 Отныне ты, Париж, — презренная клоака,
 Ты — свалка гнусных нечистот,
 Где маслянистая приправа грязи всякой
 Ручьями черными течет;
 Ты — сброд бездельников и шалопаев чинных
 И трусов с головы до ног,
 Что ходят по домам и в розовых гостиных
 Выклянчивают орденки;
 Ты — рынок крючкотворов, где мечут подлый жребий:
 Кому падет какая часть
 Священной кровию напитанных отребий
 Того, что раньше было власть.

Вот так же, уязвлен и выбит из берлоги,
 Кабан, почуя смерти вкус,
 На землю валится, раскидывая ноги, —
 В затылок солнечный укус,
 И с пеною у рта, и высунув наружу
 Язык, — рвет крепкие силки,
 И склоку трубит рог, и перед сворой дюжей
 „Возьми его!“ — кричат стрелки:
 Вся свора, дергаясь и ерзая боками,
 Рванется; каждый кобелек

Визжит от радости и ляскает зубами,
Почуяв лакомый кусок;
А там пойдет грызня и перекаты лая
С холма на холм, с холма на холм,
Ищейки, лягаши и доги, заливаясь,
Трясутся — воздух псарней полн.
Когда кабан упал с предсмертной икотой —
Вперед! Теперь царюют псы.
Вознаградим себя за трудную работу
Клыков и борзые часы.
Над нами хлыст умолк. Нас грозный псарь
не дразнит,
По нашу душу не свистит,
Так пей парную кровь, ешь мясо: это праздник!
.....

И, как охочая к труду мастеровщина,
Налягут все на теплый бок,
Когтями мясо рвут, хрустит в зубах щетина:
Отдельный нужен всем кусок.
То право конуры, закон собачьей чести:
Тащи домой наверняка,
Где ждет ревнивая, с оттянутою шерстью,
Гордячка-сука муженька,
Чтоб он ей показал, как должно семьянину,
Дымящуюся кость в зубах
И крикнул: „Это власть! — бросая мертвечину.—
Вот наша часть в великих днях“.

513. 1793

Когда корабль столетний государства
Устал катать горох народной смуты,
Открытый всем, как решето дырявый,
В кромешный мрак, в барашковое море —
Террора ветер в парусах раздутых —
Он наудачу вышел за свободой.

И со своих гранитных побережий
Следили жадно короли Европы
За оползанием медленным империй.
Как будто горбоносые пираты,
Как чайки трупоядные, монархи
Наметили плавучий гроб французов.

А он, худой, гигант с прозрачной кожей,
На удивление выпрямился килем,
Народ героев нанизал на реи,
Поднес фитиль к давно оглохшим пушкам
И выстрелил четырнадцатью армий,—
И в берега свои вошла Европа.

О мрачный год, о девяносто третий,
Большая тень в крови и темных лаврах,
Не поднимайся с сумрачного ложа:
Тебе нельзя глядеть на наши войны,
В семье отцов мы — жалкие пигмеи,—
Ты посмеешься нашей тощей битве.

Твое старинное погасло пламя,
Кулак разжался, и душа заглохла,—
Нет к побежденным мужественной ласки,
А если в сердце иногда проснется,
Запальчивость — короткое дыханье,
Не более чем на три дня хватает.

514. МЯТЕЖ

Как будто ураган верхи деревьев нагнул,
Летит предместьями глухой и низкий гул:
Дверные молотки бьют в бронзовые доски,
Страх бьет без промаху. И женщин, и детей
Простоволосый плач до старческих ушей
Добрался. Все дрожат. Еще одна минута —
И каждый добежит до своего закута.
Попрятались, и вдруг колючая метла
Весь многолюдный сор на улицу смела.

Тогда мятеж, мятеж на каблуках дерзанья
Народный гонит вал, в ладоши бьет восстанье.
В щетине криков весь, сам-тысяча голов,
Сверяет мощь своих набухнувших рядов
И набережных вдоль, на каменной постели
Кричит, как женщина, тяжелая от хмеля.

515. ЭТО ЗЫБЬ

Это зыбь, это зыбь — спокойная моряна,
Вскипающая пред зарей,
Поющая с утра, как юная Светлана,
Любовь и русый волос свой.
Зыбь, льнущая к пескам, пространства орошая
Душистой выжимкою вод,
На горле выпуклом разнеженно качая
Гребцов коричневый народ,
Потом другая зыбь из этой светлой спячки
Выходит для свирепых буч,
Раздутым теменем большеголовой качки
Колотит крышу низких туч.
Потом мычащею и скачущей пучиной
В квадрате молнийных зрачков
Бежит соленою бугристою равниной
Размахом тысячи голов.
И, выбелив себя до взбитой гневом пены,
Блуждает, влажный рот кривит,
Царапает песок береговой арены,
Как умирающий, хрипит.
И, корибанткою, вконец перебесившись,
Вдавлив бедро в намет песков,
Кидает с кровью нам, обратно в ил свалившись,
Горсть человеческих голов.

516. НАПОЛЕОНОВСКАЯ ФРАНЦИЯ

О корсиканский зверь с прямыми волосами,
Ты помнишь мессидора ясь!
Без бронзовой узды с золотыми удилами
Кобылой Франция неслась.
Кобыла дикая трясла мужицким крупом,
Дымилась кровью королей,
По древним овидам топчя тяжелоступом
Освобожденный грунт полей.
Ах, к ней никто еще не подходил, зевая,
Чтоб оскорбить иль чтобы смять,
И сбруи чужака она еще не знает,
И на седло не ей пенять.
Всей кожей лóснилась высокая дикарка,
Взгляд прям, дрожит могучий круп —
И вдруг на целый мир весенним ржаньем гаркнет,
Как тысяча веселых труб!
Явился ты: взглянул на сильных ног затей
И на крутую стать боков,
Вцепился в гриву ей, кентавр с короткой шеей,
И смял движеньем каблуков.
И, зная, что она любила ружей шорох,
Дымок и барабанов дробь,
Ты выпустил ее скакать в земных просторах,
Ей показал сраженья лоб!
Всегда на воздухе, встречая ветер хлесткий,
Всегда в бою, всегда как вихрь,
Хрустя убитыми, как гравием приморским,
По щиколотку в их крови,—
Пятнадцать лет она под черствою эгидой
Топтала нежный луг племен,
Пятнадцать лет топтал битюг по праву ига
Народных прав зеленый сонм.
И, наконец, устав по рытвинам, бурьянам
Мотаться крупной головой,
Громить вселенную, вздымая пыль воланом,
И будоражить род людской,

Примите меня, спутники, примите меня, товарищи,
Я уже вернулся и учусь влачить взгляд,
Уже готовый потускнеть в спелёнатом
пространстве.

Этот взгляд! Я сказал бы: доброхотный поток,
Царственно решившийся на ступенчатый спуск,
Когда его заманивают в береговые шоры,
Чтоб запрудить и бросить в рабство.

О, линейные пучки разбегающихся домов,
Скращенья и пересеченья бесчисленной
архитектуры,

Коварные засады хитрых плоскостей
И каменные вздутые ребра,
Заплетенные в воздухе, как натянутые реи,
Чтобы взгляд спускался по ним, скользя,—
К лицам спутников льнуть.

И здесь остается владычное небо.
Но лишь бегло удастся разглядеть его основу,
Когда тучи проходят охотничьей лавой —
Одна за другой в разрыве стен.
На выручку, спутники! Любовь пьет охотнее влагу
В чудной и выпуклой линзе зрачков,
Чем в голубом расщепе крыш.

На выручку, спутники. Примите человека
С затуманенным ликом и страхом в плечах,
Несущего объем для вашей душевной меры
И знающего цену касаньям руки,—
Примите меня, спутники, с тысячью глаз и улыбок,
Ведь я отвернулся от высоких и нежных зрелищ
Ради зрелища вас одних.

Ведь я уже не вижу, а только помню
Хрупкое двухсердие, набухшее от свежей росы,
Что с усилием расталкивает рыхлые комья
В апреле,— зерно, с которым я знаком.
Я уже не вижу буйной игры

Бешеных оперений, встающих дыбом,
По сломанным крючьям ветвей.

Я не буду высматривать зеленых посошков,
Загнутых, как палец, отпирающий створку, —
Тех посошков, что землю пройдут насквозь
И выпрямятся стройной свечкой...
Я не услышу выстрела хлопушек,
Искривленных и раздражительных стручков,
Лопающихся в поддень.

Зато я наглажусь на руки, на ваши руки,
В очередь подчиненные двум господам:
Прихоти разума, бегущего впереди движенья,
И приказу плоти, хозяйки своей.
И я увижу вены ваших рук, современники,
Узловатые и раздутые вены
Или томно прозрачные.

О, не прячьте от меня подергиванья плеч,
Плохо скрываемую примету огорченья,
И начинающуюся дрожь подбородка —
Первую ласточку задержанных слез.
Дайте отразиться в братских зрачках
Полуумерщвленной и разорванной улыбке,
Чарующей слепок лица.

И я забуду лоб зеленых холмогорий,
Когда гроза, ворочаясь, как разбуженный зверь,
Туда-сюда бросается на синьку неба,
И размытая страхом лазурь бесцветна, как трус.
И уже не подумаю о деревьях с большой кроной,
Внезапно перетряхивающих корзину листвы
Для бега, ни с места, под корень.

Все эти простые и гремящие вещи,
Эта старинная распря вещества,
Это упорство пластов и поколений.
Сила зрелищ, я искал ее — зачем?
Ради вашей беседы под сурдинку, мои спутники,

Ради накопленья образов и чувств,
Говорящих о вас, мои спутники.

Нет, через силу мне без вас что-нибудь лелеять —
Будь то рыжий туман, что, цепляясь, ведет
Борону по земле, стриженной под гребенку,
Будь то огромная пряжа паучья,
Между борозд находка раскосого солнца,
Будь то лицо воспаленное туч
В промельке листьев березы.

Но если я уже припаян к этой цепи,
Несу с другими груз гремучих кандалов,—
Пускай моя тюрьма не будет волчьей ссылкой;
Не бойтесь приближеньем спугнуть мое плечо.
Говорите со мной словами с наковальни обихода
И не стесняйтесь смехом и крупной солью шуток,
Ваша радость нужна и прекрасна.

О! больше не жалеть! Пусть теплое слиянье
Всех ваших голосов в могущественный хор
Во мне старинное уймет глухое беспокойство,
Как наслоенный шум от правильных дыханий,
Вырастая в гуденье над кровельным сном,
Навсегда в моей памяти покрывает громы,
Раскованные ветром из скрипучих стволов.

Макс Бартель

518. ПЕТЕРБУРГ

Свет тюремный, крест железный,
За окном решетки брусья;
Все-таки еще не умер,
Все-таки еще борюсь я!
В низколобое окошко
Крест железных перекладин —

Постоянною угрозой,
Холодком смертельных градин.

В жилах узника струится
Звезд прекрасных постоянство.
К братским я рванулся далям
Через время и пространство.
Лоб в испарине холодной,
Свежесть ночи пью глотками,
Но земля друзей далёко,
И решетка между нами!

Пусть одних чарует купол
Лицемерной римской церкви,
А другим горит искусство —
Красота стихов не меркнет;
Не обманываюсь снами,
А захлебываюсь знаньем:
В темноте кусаю губы
В кровь — с надменным упованьем!

Петербург. Морских орудий
Вдоль Невы пируют жёрла.
Гнев трясет меня за плечи,
Страх схватил меня за горло.
Я был тоже петербуржец,
На молитве прихожанин.
Где народ обедню служит,
Гром судьбы всегда желанен.

Ах, ноябрь, наш буреносец,
После боя и провала
Неужели нас повергнешь
В хаос — темное начало?
Топчешь танком, моришь газом,
Генеральской давишь тушей,
Воешь банковской гиеной, —
Но не выкорчуешь души.

Ибо встал народ-упрямец —
Вашей милости „скотина“,
Слути дизелей фабричных,
Армий жесткая щетина,
Ибо встали петербуржцы:
Их крутил ноябрь эпохи,
И мужей проходят лица,
Словно крупных звезд всполохи.

Говорит Владимир Ленин:
„Начинать поспело время!“
И народ, как вождь старинный,
Поднимает власти бремя.
Он, приписанный к заводам,
Жил громадой безымянной
И нашел свою дорогу
В склоке двух миров туманной.

Петербург! Ты вольный камень!
Баррикад юнейший город!
Рот, искривленный улыбкой
Милосердья и террора!
Бедняков вселенским сердцем
Ты позвал на вещий праздник,
Но врагам на красных фронтах
Приготовил злые казни.

Голодал, лежал в бараках,
Вшей искал и хлебных корок,
Знал убийц наемных руку
И бунтов голодных морок;
На тебя ползла измена
Белой гусеницей жирной,
Без царя и горностая
Ты стоишь в красе порфирной!

Петербург! В тюрьме оконце!
Крест железных перекладин!
В сердце бьет твоё восстанье —
Боевых паденье градин.

Где ты, город материнский?
Я шагаю в одиночке,
И позвякивают тихо
Арестантские цепочки.

Что тебе готовит утро,
Сердце, преданное бою?
Если ты умрешь — слезами
Сердце города омою.
Если ты умрешь — не верю —
Я не сплю, и ночь ослепла, —
Встанешь ты, великолепный
И воскреснувший из пепла.

О, тюремная решетка,
Плоской койки изголовье!
Не чернилом водянистым
Я пишу — а красной кровью.
Петербург, ты не сорвешься —
Наша радость и основа.
За тебя скажу я немцам
Угрожающее слово:

Вы уже громили, немцы,
Петербургские траншеи;
Не избыть вам, немцы, сраму
Той палаческой затеи!
Ты, игрушка в лапах сильных,
Серенький парламентарий,
Эй, проснись, "пролет" немецкий,
Встань, германский пролетарий!

Наш ноябрь — свистун германский,
Кто он — майский ветер, что ли?
И оплеван лоб высокий —
Человеческий — доколе?
Вас еще упрятать можно
В каторжные рavelины,
На востоке ж веет знамя
И кумач покрыл равнины!

Нужно с бою взять свободу —
То не девка покупная:
Не в траве лежит победа —
По звездам скользит, мерцая.
Нужно в буре раствориться —
И победа ливнем брызнет.
Лишь грозе подставив темя,
Благодать вернете жизни!

Петербург! Багряный факел
Всем народам полыхает.
Петербург! Народ в России,
Как стихи, судьбу слагает.
Мы сомкнем кольцо народов:
Уж недолго каменеть нам.
Только так: дышать свободой!
Только так: в борьбе сгореть нам!

519

Кто я? Вольный бродяга я,
Бессеребреник ветер,
По холмам, по оврагам я
Блуждаю, пьян и светел.

Когда мчался я по полю —
Чуть всходили посевы,
Величавой мелодией
Созревали напевы.

— Вечер красен, заря красна, —
Начал вслух бормотать я, —
Хлебом земля беременна, —
Утешьтесь, братья!

Пролетал я над городом,
Видел голод и морок,

Но приподнял улыбчиво
Занавеску чердачных каморок.

Люди, ужели мир тесен вам?
Зимы распались цепи,
Я нагнусь, спою песню вам
О серпе и цепи.

— Вечер красен, заря красна.
Дружной весны объятья.
Хлебом земля беременна,—
Утешьтесь, братья.

520

Если мы уж собрались,
Полной грудью, на собраньи,
В звездно-ветряную высь
Выскажем свои признанья!

Достижение только миг,
Только ключ от новой двери.
Наше сердце — проводник
К новой выси, к новой вере.

В наш горящий хоровод
С нежным личиком румяным
Девушка не подойдет:
Мы горящий эпос пьяный.

Мы горим, а не живем,
Возле правды колобродим;
Бессознательным чутьем
В настоящее выходим.

К свету лестницей крутой
Нас уводит мысли трепет,
И над нами дух святой,
Но не голубь — хищный стрепет.

Вынужденные страдать —
Мы, печальники на время,
Вынуждены принимать
Лицемерной жизни бремя.

Праздничный струится свет
В нашу жизнь с певучим звоном!
Благовест грядущих лет —
И борьбы желанный омут!

521

Тюремные братья, в весенние дни
Блаженством горит голова.
Я помню: дыханье в груди затаив,
Как первый дрозд запевал!
Кузнечиков скрипы, набухшие липы,
Пуховая пена весны,
И вздохи любимой и детские всхлипы
Из звездной плывут глубины.

Бежит, как песок, измельченное время,
И кто-то зовет: помоги!
За толщей стены, где покинутый всеми
Кандальник считает шаги.
Решетки-квадраты, и месяц щербатый
С высокой млечной тропы
Срезает брусья — как жнец горбатый,
На землю кидая снопы!

Месяц оставил глубокий надрез
На железном конверте окна,
И с гиацинтовых бледных небес
Молочная льется волна,
И звезды восходят, и лес колобродит,
Студенческий некар шумит,

И в этой божественно ясной природе
Один только узник молчит!

И вдруг облапили облака
Соломенный узкий просвет,
И за толстой стеною (в клетке зверька)
Возится с цепью сосед.
На звезды разруха! На месяц проруха!
В четырех квадратах окна —
Земля за решеткой! И мечется глухо
Зверинец. Я зябну. Весна.

522. ПТИЦЫ

Сон обвинил меня темным плющом.
Спящий боролся я с душным сном:
Это птиц заблудившийся грай
Хлещет в окна, как крупный град.

Нестройно сетуя, птицы звенят:
Мы проснулись в начале дня,
Когда заиграл зорь румяный рожок
И солнце ночной осушило песок.

Из душных кварталов, из серых трущоб
Мы — души рабочих, стряхнувших свой горб,
Весь день на строгой страже станка;
Страна за решеткой — мир бедняка.

Гудок — наша песня, и камень — полет,
Наш клюв — человека искривленный рот.
Посланники бури, свободы гонцы,
Мятеж разносим во все концы.

Всё, всё, что рабочую душу томит, —
В нашем полете высоком звенит:
Радости посвист, тугая борьба
И справедливой крови алчба.

Передовые священной страны,
Мы таранили ночь — толщу старой стены.
Своим ненавидящим властным чутьем
Мы гнезда твои, революция, вьем!

Покинув ветхий, невзрачный кров,
Вышли из темных, нищих домов.
Точный и меткий убийства снаряд
Вчера скосил рабочий ряд.

Наши немые хозяева
Лежат в крови у пыльного рва.
Мы безочажный, блуждающий грай,
В сердце, товарищ, приют нам дай!

523

Ты сейчас блуждаешь где-то,
Рук твоих не осязаю,
Но твоя мне близость веет,
Жизнь моя, душа моя!

Вечером и утром рано
Слышу голос соловьиный
За рекою, за домами,
Жизнь моя, сестра моя!

Вспоминается последний
Ураган в свиданьи нашем.
Раздавался бури посвист,
Звучно башни строил гром.

Свежей розою дыханья,
Облаком сулишь мне радость,
В воротах горишь огромных
Светлым платьем и лицом.

И не выйти мне из круга,
Где тебя встречаю я,
Майская моя подруга,
Жизнь моя, сестра моя!

524. НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

Всё тяжелое, чужое, роковое
Понемногу выскользнет из рук.
На кладбище выйду полевое,
Где зарыт мой неизвестный друг.

Кто гниет в сырой и теплой яме?
Человек, копьем судьбы сражен.
Отпылало легкой жизни пламя,
Нежный мир испепелен.

Опилась земля твоею кровью,
Мой хороший, мой похожий брат,
Ах, придется мне с моей любовью
Опуститься в темный смертный сад.

В колесе огромного сраженья
Или там, где наблюдает мать
Сыновей могучее цветенье,
Всё равно — гореть мне и страдать.

Хочешь песню о зеленой кроне?
Ураган перетряхнул листву.
Рвутся наши солнечные кони.
Тучи огнепалые плывут.

А на свежем, на могильном дерне,
Где кружится золотая мгла,
Кто-то величавей и бесспорней
Новой жизни развернет крыла.

Янтарных персиков румянец
 Завесой пламенной к пологим льнет холмам,
 И птичий гам
 В темно-лазурную уносится туманность.

Смягчился рок,
 Горящей лапою детей земли когтивший,
 В кровавый сгусток сердце превративший,—
 И человек на грудь земли прилег.

Гряда уютных черепичных крыш.
 Нет больше войн, могильщиков не надо.
 Сосредоточенная комнаты прохлада.
 Зенитом солнечным насыщенная тишь.

Лишь выводок дроздов разворошит деревья—
 Мужское сердце, буйствуя, кипит;
 Ликует плоть; томленье разрешит
 Усмешка обольстительная девья.

От жизни не бежать и насыщаться днями!
 Забудем мертвых, горечь растворим.
 Мы по весне теперь горим,
 Как персики, янтарными огнями!

Простерла руку жизнь над нами.
 Я был до боли молодым.
 Моих зрачков метнулось пламя
 К зрачкам темнеющим твоим.

В тебе певучий гул машины
 И крутень яростный колес.
 Я верен общему почину,—
 Но сердце к сердцу я принес.

И день сложил свою поклажу.
Пустуют скамьи мастерских.
Вот вечер с розовою пряжей,
Лес, полный голосов ночных.

И вот когда, себя не помня,
Как миру чуждые лучи,
Мы ринулись в зеленый омут —
Сплетенье рук! Молчи! Молчи!

Как дышишь ты! Соблазн великий!
Как изучил я этот плен!
О, этот путь, ночной и дикий,
До берега твоих колен!

Однажды в ночь, себя не помня —
Она плащом покрыла нас, —
Я погрузился в нежный омут,
Зарделся, вспыхнул и погас.

527. КОЛОСЬЯ

Поле сраженья зарубцевалось.
Всюду зеленые, нежные швы:
Веет колосьев робкая жалость
В море весенней синевы.

Зыбь ветерка.
Утра костер.
Рожь высока.
Солнце в упор.

Блеск возрожденья лугов зеленых —
Это весеннего мира приход.
В душу отчаявшихся и угнетенных
Он росяную прохладу прольет.

Добрым и умным своим шелестеньем,
Колос, в гневные скорбные дни

Встань над кладбищенским тленьем!
Флаги зеленых надежд разверни!

Хлеб, всколосись
В пурпурную рань!
Колос, в зерно превратись!
Солнце багровое, встань!

528. ГРОЗА ПРАВА

Лесная загудела качка.
Кидаюсь в песню с головой!
Вот грома темная заплачка.
Ей вторит сердца темный вой.

Разлапый, на корню, бродяга,
С лазурью в хвойных бородах,
Брат-лес, шуми в сырых оврагах,
Твоих студеных погребях!

Подпочва стонет. Сухожилья
Корней пьют влажные права.
В вершинах жизни изобилье.
Гроза права. Гроза права.

К земле нагнула ветви-звезды,
К корням. Подпочвы стон стоит.
И пеньем птиц расширен воздух —
Брат-лес бытийствует, шумит.

И в бархат ласковый, незнойный
Зеленый пролился кувшин —
Чтоб, напивавшись маслом хвойным,
Горели фитили вершин.

Огонь. А я с надеждой зыбкой
Тропинкой узкой в гору шел,
И провожал тягучей скрипкой
Меня в дорогу запах смол.

Вскипает тьма сосны и кедра.
Я вышел крепким из глубин,
И благородной флейтой ветра
Пел запад — как вина рубин.

Я счастья полновесный слиток
В колодезь горный уронил;
О, расточи блаженных сил избыток
И промолчи — кто б ни спросил!

Так голубой прикрыта чашей
Лесного купола гора,
И усмирит волненье наше
Недр материнская игра.

529

На заре румяной
Под росой трава шелестит;
На заре туманной
Рыдают птицы навзрыд.

На заре румяной
Лес, как невеста, дрожит;
Голубою раной
Небо сквозит.

530

Хоть во сне — с тобой да побуду!
Нагляжусь в глаза-озера,
Чтоб желаний летели пчелы
К цветущим липам в горы.

Ты свое цветочное лоно
Дружелюбно откроешь снова,

И твоим наполнятся медом
Сохранные соты слова.

531. ВЕРДЕН

Весной шарахнулась, вскричав —
Где ствол расстрелянный кривится, —
Закатом раненная птица,
И на равнине крик зачах.

Еще не брошенные в бой,
Шеренгой серой мы стояли,
И вылил всё, чего мы ждали,
Истошной птицы крик слепой.

Оружье, сухари и шлем,
Докучный груз военной страды,
И гул верденской канонады —
Глухой прибой, понятный всем.

Земля в пурпурной нищете,
Чуть освещенная, тонула,
И, навалившись, ночь зевнула,
Как зверь горячий в темноте.

Большой холодный горизонт;
Одна звезда другой крупнее:
На ямы, трупы и траншеи,
На бывший трихтерфильдский фронт...

Вдруг плач мужской: Верден, Верден!
Воронка ада, мясорубка,
Вулкан снарядов, злая ступка...
Который день! без перемен!

Верден, ты жаждой и жарой
Как приторным волнуешь ядом
И кожу белую распадом
Казнишь и морщишь кожурой!

Верден: ужасное лицо
Глядит с презрительной улыбкой,
И на крови, на глине липкой
Курганами тела бойцов!

Верден, Верден — ты чумный дух,
Ты бойня с гнойниками всеми!
Верден! Громит народов темя
Братоубийственный обух.

Верден, черства твоя весна,
Старухой сморщилась природа,
И в сетке молний хороводом
Несутся года времена.

Верден, зачем позоришь нас,
Бесчестишь лес, дорогу, камень?
Верден — кромешник! Хриплый Каин!
Колючий стыд! Ползучий газ!

Верден! Переживет века
Горячее сухое имя.
Верден! Под масками чужими
Не различаешь земляка.

Верден! Верден! И человек,
Свинцовою разорван пачкой,—
Как птицы темная заплачка,
Когда готовился на бег.

532. УТОПИЯ

Люблю внимать средь грохота и теми
Утопии заморским голосам:
По-старому еще бушует время,
По-новому шумят ее леса.

Угадываю наигрыш бесплотный,
Рожденный в хриплой музыке войны,
И звуки песни, прежде мимолетной,
В органнй голос масс воплощены.

Утопия! Под купол твой свинцовый,
Под твой сияющий зенит,
Под купол твой лазорево-грозовый
Челн современника скользит.

Играет ветер пальмовой тесьмою,
И взбитый пеной воздух по холмам,
Заря девической ступнею
Идет по лаковым волнам.

Ты зрелой жизни изобилье.
Мать, на руках твоих прилечь
И ветошь страха и бессилья
Смять судорожно, сбросить с плеч.

Ты золотым хрустящим хлебом
Накормишь по любви народ,
И под твоим шатровым небом
Земля для нищих расцветет.

Льнет к острову прибой громовый.
Под твой зияющий зенит,
Под купол твой лазорево-грозовый
Челн современника скользит.

533. ДЕЯТЕЛЬ

Был некий муж тысячерукий.
Был деятель. Глядясь в себя,
Он видел длань, на цвет и звуки
Свой изначальный сон дробя.

Он видел длань, в самозабвеньи
Вгрызалась в мускулы пила

И в пятикратном расщепленьи
Впервые силой изошла.

И распахнулся мрак тяжелый;
Теперь другой ему внушал
Неповторимые глаголы
И светом ласковым сиял.

534. ПРИЗЫВ

Вставайте с мрачного ночлега,
Тупого данники труда,
Чтоб знамя красное с разбега
Лесной вершине передать.

Учитесь властвовать собою,
Как дух творца-формовщика:
Ведь перед красною судьбою
Тверда литейщика рука.

Цветочную ли холить грядку,
Когда ворчит в амбарах гром?
Лизать ли барскую перчатку,
Когда штурмуют старый дом?

Да будут вам примером трудным
Дерев зеленые верхи:
Корням доверившись подспудным,
Средь голубых шумят стихий.

Так не пора ли вынуть жребий,
На громовой призыв скрепясь:
Вам должно головой стать в небе
И сохранить с землею связь.

И брызнет сок из муравьиной,
Из черной мастерской корней
И разольется до вершины
В зеленых щупальцах ветвей.

Еще царюет ночь-дикарка
И полыхает в сердце тень,
Но в кузнице страданья жаркой
Изображен грядущий день.

Язык грядущего богатый —
В нем орлий крик, огонь и крепь.
Скрепясь, ломайте казематы,
Кандальную дробите цепь!

Так, воспаленными словами
Мятеж посеял я в стране,
И мне повиновалось пламя —
Затем что я стоял в огне.

И сердце вместе с ураганом
Швырнуло вызов небесам:
Крепчайший ствол гудит органом,
Но прежде всех он рухнет сам.

Дыханье масс. Сердцебиенье.
Рукопожатий переплет.
Сначала взлет, потом паденье,
Потом скрип каторжных ворот.

Дня запечатано сиянье.
Везде решетки и волчки.
Как лозунги знамен восстанья,
Душа разорвана в клочки.

Действительность глаза мне режет.
Товарищи лежат в бреду.
Я слышу отреченья скрежет.
Отказ. Конец. Куда пойду?

Но хладнокровно и умело
Я сердце вылуцил в груди;
Тогда железо мне пропело,
Прогромыхала цепь: иди.

По всем дорогам твердым шагом
Я шел, не опуская глаз.
Любовь по роковым оврагам
Спасает, мужественных, нас.

535. ПРОБУЖДЕНИЕ ГОРОДА

О городскую мостовую
Разбился сон — крепчает явь.
Освобожденью срок поставь!
Явь с грезой цепь куют живую.

Крепчает жизнь. О, ярость сдвига!
Борьба с кромешной пеной тьмы!
Да не застигнет ночь кормы
Зерном наполненного брига!

Крик первый. Рдеющее пламя.
Блаженный утренник окреп,
Рабочих одарил венками;
Всё, что мы схватим, — будет хлеб!

536

Проснулся день, враждебный музыке и снам.
День, сновидений враг, швырнет меня к станкам.

Иду. По Млечному Пути еще скользит мой
взгляд;
Но в просеке проспекта фабрики стоят.

И серебро, и золото, рожденные моей рукой,
Ритмичной лентой обвивают шар земной.

Удары молота и свист размеренный колес:
И мне втянуться в мощное движенье удалось.

Свободен я. Льнет к добрым звездам взгляд.
Иду. В конце проспекта фабрики дымят.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

- 5.1. «Альманахи стихов...», К2
7 Как на фаянсовой тарелке
- 7.1. А
1 Имею тело: что мне делать с ним,
11 Пока мгновения стекает муть,
- 8.1. А
11 И упоительно-живая
- 8.2. К1
11 И потянулась, оживая,
- 8.3. КорпАв-2
вм. 12, Полупрозрачная, живая,
промежут. Тончайших пальцев белизна.
- 9.1. Автограф (АМ), машинопись (АЛ)
между Ибо, если в жизни смысла нет,
2 и 3 Говорить о жизни нам не след.
Я еще довольно сердцем дик.
Скучен мне понятный наш язык,
- 10.1. Автограф (АМ), А, К2, К3
после 12 И вереница стройная уносится
С весенним¹ трепетом, и вдруг —
Одумалась — и прямо в сердце
просится
Стрела, описывая круг.
- 11.1. А
1 Медлительнее спешный улей,
- 11.2. КорпАв-2
5 Измучена голубизной,
- 12.1. А, К1, К2, К3, С
8 В мутно-лазоревоm сосуде.
- 13.1. Машинопись (АМ), ККабл², «Северные записки»
перед Душа устала от усилий
ст. 1 И многое мне все равно.

¹ В К2, К3: /С веселым/.

² В машинописи ст. 12 (соответствует ст. 8 основного текста): /Как птиц плененных голоса/; в ККабл ст. 15 (соответствует ст. 11 основного текста): /Твой мир, таинственный и странный, /.

Ночь белая, белее лилий,
Испуганно глядит в окно.

14.1. Автограф (АМ)

11 И, чуя приближенье рока,

14.2. Автограф (РГБ)

11 И, как почувяв ветер рока,

15.1. А, машинопись (СИ)

после 12 Ни сладости в пытке не ведаю,
Ни смысла я в ней не ищу;
Но близкой, последней победою,
Быть может, за всё отомщу.

19.1. «Златоцвет», К2, К3, С

8 И невинен, что я одинок!

19.2. «Златоцвет», К2

13 Небо тусклое с отсветом странным —

21.1. Автограф (АМ)

1, первонач. Увядаяющими листьями

21.2. К1, К2

10 Стала медная луна,

22.1. Машинопись (АЛ), Г, К1, К2

10 Ты ушел в морские края —

24.1. Машинопись (АМ)

3—4,
первонач. О пальцы гибкие, спешите
Исполнить царственный урок!

25.1. Машинопись (АМ), «Северные записки»

перед
строфой 1 Качает ветер тоненькие прутья,
И крепнет голос проволоки медной,
И пятна снега — яркие лоскутья —
Всё что осталось от тетрадки бедной...

после
строфы 1 Жемчужный почерк оказался ложью,
И кружева не нужен смысл узорный;
И только медь — непобедимой дрожью —
Пространство режет, нижеет бисер черный.

39.1. Автограф (АЛ), Г, К1

перед
строфой 1 В душном баре иностранец,
Я нередко, в час глухой,
Уходя от тусклых пьяниц,
Становлюсь самым собой.

42.1. Г, К2, К3

12 Чтоб горло повязать, я не имею шарфа!..

43.1. Автограф (АМ)

3—4 И в темной зелени потерянный акрополь
Настроил мысль мою на величавый лад.

7 Он учит: красота — не воля полубога,

16 И открываются всесветные моря!¹

после
строфы 4 Живая линия меняется, как лебедь.
Я с Музой зодчего беседую опять.
Взор омывается, стихает жизни трепет:
Мне всё равно, когда и где существовать!

44.1. Автограф (АМ)

12 Часов просеянный песок...

46.1. «Журнал за 7 дней»

2 Где скитается шарманка,

строфа 3 <опущена>

вм. 17—24 Вижу мельницы, как встарь,
И гребцов на Темзе кроткой;
Завладел спортсмен-дикарь
Многовесельною лодкой.

Вижу стадо у воды;
Стерегут овец овчарки.
Без седла и без узды
Пущен конь на клевер яркий.

Это Англия цветет —
Остров мирный и веселый...
Здравствуй, тенниса полет,
Полотно и локоть голый!

¹ В автографе соответствует ст. 12, т. к. строфы 3 и 4 в нем следуют в обратном порядке.

56.2. КорпАв

9 Подруга шарманки является вдруг,

60.1. Автографы (ДнКабл и АЛ)

1 Как мягкотелый краб или звезда морская,

60.2. Автограф (АЛ)

11, окончат. Химера Англии, Италии Медуза,

60.3. А

9—12 Европа Августа и Солнца-короля,
А ныне в рубище Священного союза,
Пята Испании и нежная Медуза,
Земля Италии, романская земля,

61.1. «Голос жизни»

7 Посох взял, возвеселился

9—12 Знаю, снег на черных пашнях
Не растает никогда,
Виноградников домашних
Не пьянит меня вода.

14 Солнцем Истины палим.

16 Мне, идущему на Рим.

61.2. К2

9 Пусть снега на черных пашнях

11 Но печаль моих домашних

62.1. Автограф (местонахождение неизвестно, текст БП)

29—32 Тебя предчувствуя в темнице,
Шенье достойно принял рок,
Когда на черной колеснице
Он просиял, как полубог.

62.2. «Альманахи стихов...», К2

9—11 Когда земля гудит от грома
И речка бурная ревет
Сильней грозы и бурелома,

15—16 И ветер полы развеивает
На неуклюжем сюртуке.

39 Тебя назвать боялись греки,

63.1. ККабл

после
строфы 3

Поведайте пустыне
О дереве Креста;
В глубокой сердцевине
Какая красота!

Из дерева простого
Я смастерил челнок
И ничего иного
Я выдумать не мог.

63.2. Наборная рукопись «Рудина»

1

Снедает легкий пламень

3—4

Сегодня я не камень,
Но дерево пою.

64.1. ККабл и машинопись (АМ)

12

Мы ничуть не спасены.

64.2. КорпАв-2

12, версия

Мы судом не спасены.

66.1. ККабл (1-я редакция) и «Новый Сатирикон»¹

после
строфы 3

Переменилось всё земное,
И лишь не сбросила земля
Сутану римского покроя
И ваше золото, поля;
И самый скромный современник,
Как жаворонок, Жамм поет:
Ведь католический священник
Ему советы подает!

66.2. ККабл (2-я редакция)

вм. строф 2—3

Священник слышит пенье птичьё
И всякую живую весть,
Питает всё его величье
Сияющей тонзуры честь.
Свет дивный от нее исходит,
Когда он вечером идет,
Иль по утрам на рынке бродит
И милостыню подает.

Я поклонился, он ответил
Кивком учтивым головы,

¹ В «Новом Сатириконе» текст ст. 23 /Направился к калиткам парка/ — вероятно, результат погрешности.

И, говоря со мной, заметил:
«Католиком умрете вы!»
А в толщ унынья и безделья
Какой врезается алмаз
Когда мы вспомним новоселье,
Что в Риме ожидает нас!

Там каноническое счастье,
Как солнце, стало на зенит,
И никакое самовластье
Ему сиять не запретит.
О жаворонок, гибкий пленник,
Кто лучше песнь твою поймет,
Чем католический священник
В июле, в урожайный год!

68.1. Машинопись (АМ)

12 Я вовеки не сниму.

72.1. Автографы (АМ и АЛ)

2, окончат. Мне пышность тяжела — участница
позора¹

3 Собирается в Трезене

7—10 Вот она: какие речи
И какой ужасный вид²
Избегает с нею встречи,
Чуя правду, Ипполит.

вм. 13—19 Черным факелом среди белого дня
К Ипполиту любовью Федра зажглась³
И сама погибла, сына вина,
У старой кормилицы участь.
Позабыла свой род и царский сан,
Возвела на юношу неправды тень,⁴

¹ Первонач. редакция: /Мне пышность тяжела среди моего позора/ соответствует тексту автографа АЛ. Промежут. редакция: /Мне пышность кажется участницей позора/.

² Первонач. редакция в АМ: /Вот она: ужасный вид/.

³ В АЛ этот стих читается: /К Ипполиту любовь Федры зажглась/.

⁴ В АЛ этот стих читается: /Возвела на юношу напраслины тень/.

Заманила охотника в капкан.
По тебе будут плакать леса, олени!

20—21 <отсутствуют>

29 Солнце черное поем¹

26—29,
вариант Соберем несчастья плод
В доме Федры утомленной
Страсти дикой и бессонной
Солнце черное зайдет²

72.2. ККабл

7—8 Гибель Федры беззаконной
Перейдет из рода в род

вм. 22—29 — Посоветовала кормилица
Ипполита извести —
Горьким дымом горе стелется,
Разъедает очи гарь
.....
.....
.....
.....

после 29 Знаменитая беззаконница —
Федра солнце погребла —
В очаге среди зала царского
Злится скучная зола!
Но светило златокудрое
Выздоровливает вновь.
Злая ложь и правда мудрая
Пред тобой равны, любовь!

вариант³ Солнце, возьми мой черный плащ,
Но сохрани живую мощь.

72.3. Т

15 Погребальный факел горит

¹ В АЛ ст. 28—29 читаются:

Федры дикой и бессонной
Солнце черное уйдем!

² Первонач. редакция: /Солнце черное взойдет/.

³ Без определенного места отнесения. Второй вариант соответствует *72.1, вм. 13—19, двум последним стихам.

73.1. Автограф (АМ)

- 3—4,
первонач. Лазурный выход из пещеры
В [голубопламенный] недостижимый
эфир¹
- 9—12,
первонач. Пускай ягнята и волю
На тучных пастбищах лоснятся
И сонные орлы садятся
На дружелюбные скалы!
- 25, первонач. Петух и лев, и черно-бурый
- 25, окончат. Петух и лев, и медно-бурый
- 28, первонач. Звериные повесим шкуры!
- 29 А я пою волну племен
- 30, промежут. Источник речи ионийской
- 40 Тяжелый камень не годится?
- 45—47,
первонач. И умудрится человек.
Почтит невольно чужестранца
Движеньем кругового танца

73.2. ККабл

- 3—4 Как на косматые пещеры
Мы променяли сей эфир?
- 7—8 Мы научились умирать,
Но разве этого хотели?
- 10 На тучных пастбищах плодились
- 25 Петух и лев, и черно-бурый
- 27—29 Мы для войны устроим клеть,
Звериные повесим шкуры
А я пою волну племен
- 34—36 Тревожить Рима колесницы
Кудахтаньем домашней птицы;
Перелетев через плетень
- 40 Тяжелый камень не годится?

¹ Чтение И. М. Семенко.

- 47—48 Движеньем кругового танца,
И песней, сложенной навек!
- 47—48,
вариант Как полубога. Век румянца
Осеннего, блаженный век!
- 73.3. «Новая жизнь»**
- 25 Петух и лев, и темно-бурый
- 40 Тяжелый камень не годится?
- 73.4. «Тринадцать поэтов»¹**
- 1 Торжественное слово «мир»
- 10 На тучных пастбищах кормились
- 73.5. «Паруса»¹ автограф (РГАЛИ)**
- 37 И ты, германец, не ропщи:
- 74.1. Автограф первонач. редакции (АМ)**
- 1 На розвальнях, осыпанных соломой,
- 5, первонач. Играли дети в городки и бабки
- 6 И где-то хлеб обуглился в печи
- 13, первонач. Нырjali сани в страшные ухабы
- 13, окончат. Летели сани в страшные ухабы
- 16 Лущили семя у ворот
- 17, первонач. Сырая даль от птичьих стай чернела
- 17, окончат. Сырая даль от галок почернела
- 19—20, первонач. Царевича везут — и очумело
Сжигает масленица корабли
- 74.2. Автограф (АМ), ККабл, «Альманах муз», Т**
- 16 Лущили семя у ворот
- 75.1. Автограф (АЛ)**
- 5, первонач. На набережной царственной реки

¹ Ст. 25, 40 в «Тринадцати поэтах» и «Парусах» соответствуют редакции «Новой жизни».

77.1. ККабл (автограф), А

5—6 Я через овиди степные
Тянулся в каменистый Крым,

79.1. Черновой автограф (АМ)

4, первонач. Оскорблял величие Афин

10—12,
первонач. Берегись непрошенных друзей
Ни любви, ни дружбы нам не надо
Альбиона каменных детей

после
строфы 3 И явился вестник на агору
В пыльный плащ и войлок облачен
Не бывало афинян позора
Берегись туманный¹ Альбион

после
строфы 3,
варианты а На священной памяти народа
Англичанин другом не слывет
Развенчать² хотела их свобода
Бонапарта за великий год.

б На священной памяти народа
Англичанин другом не слывет
Развалит Европу их свобода,
Альбиона каменный приход

80.1. Черновой автограф (АМ)³

9—20,
первонач. Шушит соломинка в торжественном атласе
В высокой комнате над пышною рекой
Что знает женщина одна о смертном часе
Клубится полог свет струится ледяной

Соломка звонкая соломинка сухая
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней
Сломалась милая соломка неживая —
С огромной жалостью с бессонницей своей

Где голубая кровь декабрьских роз разлита
И в саркофаге спит тяжелая Нева
Шушит соломинка — соломинка убита —
Что если жалостью убиты все слова?

9—12,
окончат. И к умирающим склоняясь в черной рясе
Заиндевелых роз мы дышим белизной

¹ Вариант: /коварный/.

² Чтение И. М. Семенко

³ Строфы 1, 2 соответствуют строфам 1, 3 основного текста. Нумерация стихов — по автографу.

Двенадцать месяцев поют о смертном часе
Декабрь торжественный струится
над Невой

14, окончат. Убита жалостью и сделалась нежней

16, окончат. Убита жалостью, бессонницей своей

13 и 15,
вариант Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита
.....
Чья голубая кровь струится из гранита

17—18,
промежут. И дикой тяжестью и служею убита
Как будто в комнате тяжелая Нева

17—18,
окончат. А голубая кровь струится из гранита
Как будто в комнате тяжелая Нева

80.2. Черновой автограф (АМ)¹

9—20,
первонач.

Шуршит соломинка в
торжественном атласе
Заиндевелых роз мы дышим белизной
Двенадцать месяцев поют о смертном часе
Декабрь торжественный струится
над Невой

Ленор, Соломинка <пробел> Серафита
Убита жалостью и славою жива
Чья голубая кровь струится из гранита
Где в саркофаге спит тяжелая Нева

И голубого льда торжественно сиянье
Как будто в комнате тяжелая Нева
Шуршит соломинка — Лигейя, умиранье
Что если жалостью убиты все слова

9, вариант И к умирающим склоняясь в пышной рясе

9—10,
вариант Что знает женщина одна о черной рясе²
Клубится полог свет струится ледяной

9—11, окончат. <не завершены>

¹ Строфы 1, 2 соответствуют строфам 1, 3 основного текста. Нумерация стихов — по автографу.

² Предшествующая версия в этом варианте: /Что знает женщина одна о смертном часе/.

- 82.2. «Новая жизнь»**
 16 Сентиментальная гитара.
- 83.1. Автограф (АЛ)**
 10, Из янтарной смолы золотые опущены шторы.
 первонач.
- 87.1. Т, ВК, «Красная новь» (1923, № 1)**
 12 И на дне морском простит
- 89.1. «Свободный час»**
 15—16 Я полюбил тебя, безрукая победа
 И зачумленная зима.
- после 20 Больная тихая Кассандра,
 Я больше не могу — зачем
 Сияло солнце Александра,
 Сто лет тому назад сияло всем?
- 94.1. «Пути творчества»**
 9 Кто может знать при слове расставанья
 25—28 <отсутствуют>
 29 Не нам гадать о каменном Эребе
- 95.1. «Пути творчества»**
 10 Обула Сафо нестрый башмачок
- 95.2. «Дракон»**
 24 Сухих перстов предчувствуя полет
 26 Простоволодая бежит трава
- 97.1. «Ковчег», Союз поэтов. М., 1922. Сб. 2, Т**
 6 Легче камень поднять, чем вымолвить
 слово: любить,
- 101.1. Все прижизненные публ. и автографы**
 9 Кто держит зеркало, кто баночку духов,
- 101.2. «Лирический круг»**
 14 Душа не узнает туманные дубравы
- 101.3. Авторский экземпляр С, запись автора**
 13—16, И в нежной сутолке не зная как ей быть
 ранняя Душа не узнает ни веса ни объема
 редакция Дохнет на зеркало — и медлит уплатить
 Лепешку медную хозяину парома
- 102.1. Черновой набросок (ИРЛИ)**
 Снова ночь. Рыданье Аонид
 Пустого хора черное зиянье

Где ты слово: щит и упование
Твой высокий лоб, твой гордый стыд
[Сбрось повязку] <пробел> [вернись]
И среди беспамятства и звона
Нежной вестью, царской дочерью явись¹
Ласточка, подружка, Антигона...

102.2. Черновой автограф (РГАЛИ), промежут. редакция²

1

Я слово позабыл, что я хотел сказать
Слепая ласточка в чертог теней вернется
На крыльях срезанных с прозрачными играть.
В беспамятстве ночная песнь поется.

2

А на губах как черный лед горит
И мучит память. Не хватает слова.
Не выдумать его: оно само гудит,
Качает колокол беспамятства ночного

3

Я так боюсь рыдания Аонид
Тумана, звона и зиянья
О если бы вернуть и зрячих пальцев стыд
И выпуклую радость узнавания

¹ Первонач.: /Легкою посланницей явись/.

² После строфы 2 в черновике следует зачеркнутая, затем восстановленная, но в окончательный текст не включенная строфа:

И медленно растет, как бы шатер иль храм
То вдруг прикинется безумной Антигоной
То мертвой ласточкой бросается к ногам
С стигийской нежностью и страстью
зачумленной.

В этой строфе версия ст. 1: /Она блуждает по чужим шатам/ После нее следует отброшенная строфа. Первонач.:

А смертным власть дана любить и осязать
Гляди: слепой слепому улыбнется
Но я забыл, что я хочу сказать
И зрячих пальцев стыд не многим здесь дается.

Завершающая редакция:

Как эту выпуклость и радость передать
Когда сквозь слез нам словно улыбнется
Но я забыл что я хочу сказать
И зрячих пальцев стыд не всякому дается.

Но я забыл, что я хочу сказать
 И мысль бесплотная в чертог теней
вернется
 А смертным власть дана любить и узнавать
 Для них и звук в персты прольется¹

Всё не о том прозрачная твердит
 Всё ласточка подружка Антигона
 А на губах как черный лед горит
 Стигийского воспоминанье звона

102.3. Т

10 То вдруг прикинется безумной Антигоной,

102.4. «Дом искусств»

19 Но я забыл, что я хотел сказать,

102.5. «Накануне»

23 А на устах, как черный лед горит

103.1. Т

25—28 Где-то грядки красные партера,
 Пышно взбиты шифоньерки лож;
 Заводная кукла офицера;
 Не для черных душ и низменных святош...

103.2. Черновой автограф (СИ)²

8 Всё живут бессмертные цветы.

17—20, Для тебя страшнее нет угрозы
 первонач. Ненавистник солнца, страх,
 Чем неувядающие розы
 У Киприды в волосах!

25—28, Через грядки красные партера
 первонач. Узкою дорожкой ты идешь

¹ Первонач. редакция строфы:

А смертным власть дана любить и узнавать
 Когда сквозь слез мне слово улыбнется
 Но я забыл, что я хочу сказать
 Скорее ласточка в чертог теней вернется

² Завершенная в автографе редакция соответствует, за исключением ст. 8, тексту Т.

- И старинная клубится голубая сфера
Не для черных душ и низменных святош.
- 25—28,
промежут. Мы вспахали грядки красные партера
Пышно взбили шифоньерки лож
Заводная кукла офицера —
Не для черных душ и низменных святош.
- 32,
первонач. А ночного солнца не пригубишь ты.
- 104.1. Черновой автограф (СИ)**
- 1—4,
первонач. Снова Глюк из призрачного¹ плена
Вызывает сладостных теней
Захлестнула окна Мельпомена
Красным шелком храмины своей.
- 1, версия Мягкий Глюк из призрачного плена
- 3, версия Захлестнула очи Мельпомена
- 9—12,
первонач. Вновь кипит подъезда суматоха
Розу кутают в меха
А на небе варится не плохо
Золотая, дымная уха:
- 9—12,
окончат. Снова челядь шубы разбирает.
Розу кутают в меха
А взгляни на небо — закипает
Золотая дымная уха:
- 13—14 Словно звезды мелкие рыбешки
И на них густой навар
- 104.2. Т, ВК**
- 18 И кромешна ночи тьма
- 104.3. «Жизнь искусства», «Искусство»**
- 23—24 И румяные затопленные печи,
Словно розы римских базилик.
- 104.4. «Альманах Цеха поэтов», ПС**
- 23 И на севере таинственно лепечет
- 104.5. Альб. Ю. Юркуна**
- 3 Бережет ревниво Мельпомена

¹ Версии: /сумрачного/, /греческого/, /жалобного/

- 105.1. «Цех поэтов», ПС, Т, ВК, С
 17 Ты товарища найдешь
 20 Ты в духане поплывешь
 строфа 5 <отсутствует¹>
- 108.1. Т
 4 Как я ненавижу плакучие древние срубы.
- 110.1. Т
 29—32 И в полунощной дреме,
 Во сне иль наяву,
 В тревоге иль в истоме —
 Но я тебя зову.
- 111.1. «Кольцо»
 14—15 Само себя не узнавая,
 А ты гоняешься за легкой весной,
- 112.1. Автограф (АМ), «Россия»
 между
 21 и 22 Горячий пар зрочки смычков слепит.
- 112.2. Автограф (АМ)
 3, вариант Но все-таки есть музыка над нами
- 114.1. Список Ландсберга
 12 Нельзя не полюбить сквозь непролазный пух.
 18—20, Отарою овец, и кто-то говорит:
 вариант Есть соль на топоре, но где достать телегу,
 И где рогожу взять, когда деревня спит?
- 115.1. Автограф (АМ)
 9, окончат. Ноздри раздуты, как крылья. Сверканье.
 Плеск.
- 117.1. Черновой автограф (АМ)
 1, первонач. Жизнь чудесна — как подарок
 1, окончат. Как в печи хлебоб тиара

¹ За исключением С, где она впервые введена.

- 3, первонач. И растет себе опарой
3, окончат. И беснуется опарой
7 Тонким жаром налитые
9—10, первонач. Чтоб не стать добычей часа
 Чтобы свой наполнить срок
13, окончат. А тебе не хватит места
- 118.1. Черновые автографы ст-ний 118—119 (АМ)**
3, первонач. Сеновалом шуршит вор
7, первонач. Прошуршать спичкой, ребром
9—11 Приподнять, как душный стог,
 Воздух, что шапкой томит,
 Перетряхнуть мешок¹
12, промежут. Где чебрец <и> тмин зашит.
- 119.1. Черновые автографы ст-ний 118—119 (АМ)**
1—4,
первонач. Щекотал звездной трухой
 Сенокосом и пылью <?> дышал
 И по лесенке приставной
 Лез на включенный сеновал
3, промежут. Стрекозиных крылышек тьмой
3, окончат. Я дышал овечьей стезей
6, промежут. Темных чувств мохнатый рой
6, промежут. Песнопений мохнатый рой
11, промежут. Набухает у нас темь
27, окончат. Распростились: одна крестясь
- 119.2. «Петроград»**
26 (в журн. — 22) И травы сухорунной звон
- 120.1. Наборная рукопись ВК (ИМЛИ)**
4, первонач. Трепетанье коленчатой тьмы
13, первонач. И с трудом пробиваясь назад
16, первонач. Побежденных в бою Азраил.

¹ Эта редакция — в первой и последующих прижизненных публ.

121.1. Беловой автограф (ИМЛИ), «Сегодня»
перед Бульварной Пропилеи шорох —
строфой 1 Лети, зеленая лашта!
Во рту булавок свежий ворох,
Дробями дождь залепетал.

123.1. Рукопись (АМ)

2 Вот корабельный и мачтовый лес:
26—27 Безуспешно предлагая небу выменять
смолу на щепотку соли,
Сколько угодно тяжелой смолы.
34 Запряженные ласточками,
40 Она отмечена среди подруг золотой
повязкой на лбу,
46 Золотыми плавниками расталкивая сферу,
63 И лицо его точный слепок с голоса,
которым он произносит свои слова
92 И мне уже не хватает меня самого. Не
хватает, не достает — и я ищу
сравненья, как.....¹

125.1. ВК, С ²

вм. 41—44 И как паук ползет ко мне —
Где каждый стык луной обрызган,
На изумленной крутизне
Я слышу грифельные визги.
Твои ли, память, голоса
Учительствуют, ночь ломая,
Бросая грифели лесам,
Из птичьих клювов вырывая?

¹ Текст не завершен.

² Эти две строфы (с вариантами стихов в них) входили и во все допечатные редакции; в приводимых ниже редакциях мы эту особенность больше не оговариваем. В авторском экз. С из этих 16 стихов были вычеркнуты строки 5—12 (см. примеч.).

вм. 45—48 Мы только с голоса пойдем,
Что там царапалось, боролось,
И черствый грифель поведем
Туда, куда укажет голос.
Ломаю ночь, горящий мел,
Для твердой записи мгновенной.
Меняю шум на пенье стрел,
Меняю строй на стрепет гневный.

125.2. Список (РГАЛИ)¹

13—16 И не запишет патриарх
На мягкой сланцевой дощечке
Ни этот сдвиг, ни этот страх.
Читай: кремневых гор осечки.

17—24 <отсутствуют>

27—32 И ночь коршунница несет
Ключи кремлей и грифель кормит.
Нагорный колокольный сад,
Кремней могучее слоенье
На виноградниках стоят
Еще и церкви и селенья.

125.3. Черновой автограф (АМ), завершенная промежу- редакция²

<Какой> же выкуп заплатить
<За> ученичество вселенной,
<Чтоб го>рный³ грифель [приучить]
очинить
<Д>ля твердой записи мгновенной.
<На> мягкой сланцевой доске
<Св>инцовой палочкой молочной
Кремневых гор созвать Ликей —
Учеников воды проточной.

¹ Ст. 41—48 соответствуют предшествующей редакции (см. сноску к *125.1), за исключением последнего четверостишия, которое в списке РГАЛИ читается:

И что б ни вывела рука,
Хотя бы «жизнь» или «голубка» —
И виноградного тычка
Не стоит пред мохнатой губкой.

² У И. М. Семенко соответствует редакции автографа «В» (47, с. 34). Край листа оборван, в угловых скобках восполнены утраты текста по другим источникам.

³ В редакции этого стиха на другом листе возможно чтение /чорный/.

Нагорный колокольный сад,
Кремней могучее слоенье,
На виноградниках стоят
Еще и церкви и селенья.
Им проповедует отвес
Вода их точит, учит время
И воздуха прозрачный лес
Уже давно пресыщен всеми¹

И как паук ползет по мне²
Где каждый стык луной обрызган
Иль это только снится мне
Я слышу грифельные визги
Твой ли, память, голоса
Учительствуют, ночь ломая³
Бросая грифели лесам,
Из птичьих клювов вырывая⁴

Мы только с голоса пойдем
Что там царалось, боролось
Но где спасенье мы найдем
Когда уже черствеет голос.
Ночь, золотой твой кипяток
Стервятника ошпарил горло
И ястребиный твой желток
Глядит из каменного жерла⁵

¹ Четыре последние стиха на других листах имели варианты:

- а) О память, хищница моя
Иль кроме шуток ты звереныш
Тебе отчет обязан я
За впечатлений круг зеленых.
- б) Кому обязан я отчет
За впечатлений круг зеленых
С кремневых гор вода течет
И я кормлю тебя, звереныш.

² Предшествовало зачеркнутое: /И в этой мягкой тишине/.

³ Первонач.: /Учительствуют хор державе;/ чтение «Учительствуют, хор ломая» (47, с. 27) не подтверждается.

⁴ Предшествующая редакция: /И вновь осколки подымая/.

⁵ Последние 4 стиха записаны обособленно, включены в эту строфу с некоторой степенью предположительности.

<И что б ни> вывела рука
<Хотя> бы жизнь или голубка
<Всё> смоев времени река
И ночь сотрет мохнатой губкой¹
<Кто я?> Не каменщик прямой,
<Не кровельщик> не корабельщик
<Двурушник> я с двойной душой
<Я ночи друг> я дня застрельщик.

И я теперь учу язык
Который клетота короче,
И я ловлю могучий стык
Видений дня, видений ночи
И никому нельзя сказать
Еще не время: после, после
Какая мука выжимать
Чужих гармоний водоросли.

125.4. Черновые автографы (АМ)²

5—8 На мягком сланце облаков
Молочных грифелей зарницы —
Не ученичество миров,
А бред овечьей огневицы!

13—16 Земля сбегается в слезах
Отвсюду к виноградной речке
И всюду сдвиг, и всюду страх,
Читай: кремневых гор осечки.

12—16 Холодной и раздельной речью.
Тебе ль на грифельной доске,
Ручья и молний брат молочный,
Кремневых гор созвать Ликей —
Учеников воды проточной!

¹ Первонач.:

<Всё> смоев времени рука
<Сотрет> крылом с мохнатой губкой.

² Здесь, как и в книге И. М. Семенко (47), эти варианты выделены из черновых версий на разных листах. Поэт пробовал также комбинировать стихи и группы их внутри восьмистиший (строф) и с соседними (примыкающими) восьмистишиями.

- 9—16 Мы стоя спим в густой ночи
Уткнувшись в око во вселенной¹
Откуда-ж грифеля почин
Для твердой записи мгновенной?
И на слоистой ли доске
Последыш² молнии молочной
Кремневых гор созвал Ликей,
Учеников воды проточной?
- 9—12 Без шапок стоя спят одни
Колодники лесов дубовых
<пробел> и <пробел> родник
Ломает зуб камней свинцовых
- 13 Здесь пишет спящий (?) ученик
- 25—28 Как мертвый шершень, из гнезда
День пестрый выметен с позором
И, крохоборствуя, вода
Ломает мел и грифель кормит;
- 28—32 Ключи кремлей и грифель кормит
И не тряхнуть, как сбуть с руки³
Ночное грифеля кормленье⁴
И крохоборствуя, с доски
Стереть дневные впечатленья.
- 29—32 Необходимо прекратить
Голодных образов кормленье
С иконоборческой доски
Стереть дневные впечатленья

¹ Чтение «Уткнувшись волком в шерсть вселенной» (47, с. 16) не подтверждается. Рядом записан вариант /Уткнувшись мирно в шерсть вселенной/, причем знаком отчеркивания показано, что предпочтен приведенный нами в тексте. Предшествующие версии этого стиха: /Под теплой шапкою вселенной/ и /Овечье небо над вселенной/. Последнюю версию И. М. Семенко отнесла к другой редакции стихов 9—12 (47, с. 14), приводимой нами ниже.

² Предшествующие версии: сначала: /Наследыш/, затем: /Последней/. Чтение «Наследник» (47, с. 16) не подтверждается.

³ В этом трудночитаемом варианте И. М. Семенко предлагала: /И не стряхнуть как сеть с руки/ (47, с. 23).

⁴ Предшествующая версия: /Ключи и грифеля кормленье/.

- 29—32 Не крохоборствуй прекрати
 Голодных образов кормлень
 И как птенца призрей, проси
 Забыть дневные впечатленья
- 33—40 <пробел> Зрел виноград.
 День бушевал, как он бушует.
 И вот калачиком лежат¹
 Овчарок свернутые шубы.
 Как мертвый шершень возле сот
 День пестрый выметен с позором
 И ночь коршунница несет
 Ключи кремлей² и грифель кормит.
- 37—40 Теперь вода владеть идет
 И поводирь слепцов зеленых
 С кремневых гор струя течет
 Крутясь играя как звереныш.
- 37—40 Теперь, кто за руку возьмет
 Старейшину слепцов зеленых³
 С кремневых гор вода течет,
 Крутясь играя как звереныш.
- 37—40 За виноградный этот край
 За впечатлений круг зеленых
 Меня, как хочешь, покарай
 Голодный грифель, мой звереныш.
- 37—40 Как хорошо перешагнуть⁴
 Водораздел холмов⁵ зеленых
 С кремневых гор вода течет
 Крутясь играя как звереныш
- 37 Вот крохоборство⁶ твой доход:

¹ Над этой строкой — прозаическая помета: /Стриг шерсть. Вязал снопы/.

² Предлагаем в этом словосочетании только приведенное чтение; И. М. Семенко допускала, наряду с ним, «ключи кремней» (47, с. 19).

³ Версия: /Шумящих в лоб слепцов зеленых/.

⁴ Версия: /Уже пора перешагнуть/. Чтение «уже перешагнул» (47, с. 26) не подтверждается.

⁵ Версия: /За впечатлений круг/.

⁶ Окончание этого слова прочитывается с трудом; менее вероятно чтение: /крохоборов/. Чтение «крохоборский» (47, с. 26) не подтверждается.

Страна москательных пожаров
И мертвых гончарных равнин,
Ты рыжебородых сардаров
Терпела средь камней и глин.

Вдали якорей и трезубцев,
Где жухлый почил материк,
Ты видела всех жизнелюбцев,
Всех казnelюбивых владык.

И крови моей не волнуя
Как детский рисунок просты,
Здесь жены проходят, даруя
От львиной своей красоты.

Как люб мне язык твой зловещий,
Твои молодые гроба,
Где буквы — кузнечные клещи
И каждое слово — скоба.

Раздвинь осьмигранные плечи
Мужицких бычачьих церквей,
В очаг потухающей речи
Открой мне дорогу скорей.

Багряные -уни и -ани —
Натуга великих родов —
Обратно под своды гортани
Рванулась запряжка быков.

вм. 1—8

[Создатель,] чтоб ты не пеняла
На скудость природы своей
Из детского вынул пенала
С полдюжины карандашей

И выбрал для [бешеной] маски
 <пробел>

[Лишь] самые главные краски
Которыми данник¹ владел.²

вм. 1—8

И выбрал, чтоб ты не пеняла
На скудость природы своей

¹ Чтение предположительное; И. М. Семенко предлагала читать: /демон/ (47, с. 44).

² Предшествующая версия: /Досталась <пробел> в удел/.

- <Рисующий> лев из пенала
 <С полдюжины>¹ карандашей.
- в.м. 1—8 [Создатель,]² чтоб ты не пеняла
 На скудость природы своей
 Чтоб охрою ты прокричала
 Взял дюжину карандашей
- в.м. 1—8 Иль птица ее рисовала?
 Иль хитрою лапой своей
 Раскрашивал лев, из пенала
 Взяв дюжину карандашей?
- в.м. 1—8³ Окрашена охрою хриплой
 Заставлена <пробел> горой
 Ты потом и кровью полита
 На желтой подошве земной.
- Облуплено <?> бедное небо
 Трава как седины виска.
 Дома из тюремного хлеба
 Из мякиша строит тоска.
- Она изнывает в застенке
 Лекарственной злой тишины
 И солнца персидские деньги
 Ар<мянской> зем<ле>⁴ не нужны.⁵
- 25—32 Раздвинь осьмигранные плечи
 Мужичьих своих крепостей
 В очаг вавилонских наречий
 Открой мне дорогу скорей.
- Я твердых ищу окончаний
 В огонь окунаемых слов
 Обрато под своды гортани
 Рванулась шестерка быков.

¹ В угловых скобках в этой строфе показаны утраты текста.

² Здесь и выше при этом слове — квадратные скобки в черновике.

³ Эти строфы записаны рядом на верхнем поле; связь их с другими вариантами зачина не ясна, не исключено, что они — обособленные варианты строф.

⁴ В угловых скобках раскрыты сокращения автора.

⁵ Вариант этой строфы:

У дряхлого мира в застенке
 Томилась она искони
 И вот как персидские деньги
 Ненужными сделались дни.

Как люб мне натугой живущий
 Столетьем считающий год
 Рожаящий спящий орущий
 К земле пригвожденный народ.

Лишь кой-где веселый мальчишник
 Уживчивый праздничный хмель
 Но серо-зеленый горчишник
 Безжизненный пластырь земель.¹

Багряные -уни и -ани
 Натуга великих родов
 Обрато под своды гортани
 <Рванулась запряжка быков>²

Как люб мне натугой живущий,
 Столетьем считающий год,
 Рожаящий, спящий, орущий
 К земле пригвожденный народ.

Твое пограничное ухо
 Привыкло к картечной тиши
 Желтуха, желтуха, желтуха
 В проклятой горчишной глуши.³

138.1. Черновой автограф (АМ)⁴

Ты только погляди на армянские кладбища —
 Землетрясеньем раскиданные рыжие валики
 Похожие на футляры швейных машин
 [Зингера]
 Чем-то испуганные, в беспорядке бегущие.

¹ Строфы записаны обособленно, объединены по предложению И. М. Семенко (47, с. 41).

² Стих не записан; восстановлен условно по аналогичной редакции.

³ Промежут. редакции строфы (окончат. совпадает с основным текстом в ст-нии 149):

а) Кто ты? Молодая? Старуха?
 Привычно к картечной тиши
 Твое пограничное ухо —
 Все звуки ему хороши.

б) Кто ты? Молодая? Старуха?
 Цветной карандаш искроши —
 Желтуха, желтуха, желтуха
 В проклятой горчишной глуши.

⁴ Приводится промежут. редакция автографа.

Там где везли на арбе Грибоеда
Долго ль еще нам ходить по гроба,
Как по грибы деревенская девка?

4

И по звериному воет людье
И по людски куралесит зверье
Чудный чиновник без подорожной
Командирован к тачке острожной
И Черномора пригубил питье
В кислой корчме на пути к Эрзеруму

151.2. Черновой автограф (АМ), лист 2

3

Грянуло в двери знакомое: ба!
Наши дороги ведут к Эрзеруму
Где Черномора пригубил питье
Чудный чиновник без подорожной
Командированный к тачке острожной

4

А не пора ль очутиться мне там
Где обо мне ни слуху, ни духу
В городе, где выпрямляюсь по слуху
Не по гвардейским его каблукам
Где на молочных его площадях
Летнего сада столетняя рюха¹

152.1. Черновик (АЗ)

9—10, Петербург, я сумею найти адреса
первонач. О которых твердят мертвецов голоса.

155.1. Список Зенкевича (РГАЛИ)

1 С миром державы я был лишь
ребячески связан,

159.1. Воспоминания Липкина (22, с. 19). Строфа из
ранней редакции без определенного места отнесения.

Он музыку приперчивал
Как жаркое харчо.

¹ Предшествующая версия: /Липа <?> стоит как столетняя рюха/.

Ах, Александр Герцович,
Чего же вам еще.

159.2. ВС

6 Заученную вкруст
19 А там — вороньей шубою

160.1. Черновики (АМ)¹

1

1—24 Золотились чернила московской грязи
И пыхтел грузовик у ворот
И по улицам шел на дворцы и морцы
Самопишущий черный народ

2

<пробел> шли труда чернецы
Как шкодливые дети вперед
Голубые песцы и дворцы и морцы
Лишь один кто-то властный поет <:>

3

За гремучую <доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей, —
Я лишился и чаши на пире отцов
И веселья, и чести своей.>

<4>

Мне на плечи <кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...>

5

А не то уводи — да прошу <, > поскорей —
К шестипалой неправде в избу

¹ Ранняя редакция; приводится в реконструкции И. М. Семенко (47, с. 56—65), с мелкими поправками в чтениях отдельных слов. Части текста, показанные в черновиках схематически, раскрыты в угловых скобках. Нумерация стихов — по приводимой редакции.

Потому что не волк я по крови своей
И лежать мне в сосновом гробу.

<6>

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
<Отними и гордыню и труд —
Потому что не волк я по крови своей
И за мною другие придут>

вм. строф
1—3¹

Не табачною кровью газета плюет
Не костяшками дева стучит
Человеческий жаркий искривленный рот
Негодует поёт говорит —

строфы 4—6²

4

Замолчи! Я не верю уже ничему
Я такой же как ты пешеход³
Но меня возвращает к стыду моему
Твой грозный искривленный рот.⁴

5

Я — вишневая косточка детской мур
Но люблю мою курву-Москву⁵

¹ Вариант зачина (возможно, более ранний, чем приведенная выше редакция), после которого схематически показана строфа 4 (приведенная выше).

² Строфы 1—3 этой редакции соответствуют приведенным вначале.

³ Предшествующая редакция:
Замолчи: ни о чем никогда никому
Там в пожарище <?> время поет

⁴ Предшествующая версия ст. 3—4 этой строфы:
Но <пробел> голос к стыду моему
Так же гибко и властно поет:
промежут. версия (не завершена):
Тут мур и буза <пробел>
Тот же голос <пробел> поет:

⁵ Первонач. редакция:
Я — вишневая косточка детской игры
И в безводном пророческом рву
Завершающая редакция (в отдельной записи всей строфы):
Долго ль прятаться мне от великой мур
За извозчицью курву — Москву

Где поволока искусства? Где краски
пространства веселого?

13—14,
промежут. — Нет, не мигрень, — но скажи, разве я
изобрел его,
Свист разрываемой марли под рокот
гитары карболовой?

167.1. Черновой автограф (АМ)

7, вариант Обязуюсь построить такие дремучие срубы

168.1. Запись Н. Я. Мандельштам (АМ)

1—3,
промежут. Как густое женское контральто,
Слева сердце бьется — слава, лейся! —
Я увижу вас, храмовники базальта,

170.1. Машинопись (АМ) ¹

Язык-медведь ворочается глухо
В пещере рта. И так от псалмопевца
До Ленина, чтоб небо стало небом,
Чтоб губы перетрескались, как розовая
глина.
Еще, еще...

170.2. Список Н. Я. Мандельштам (ВС, второй список) ²

3 Я назову тебя с такую силой,

171.1. Автограф (АЗ)

23—28 <отсутствуют>
31—34 Хотите, я снимусь в кавказской бурке
У мыловаренного павильона
Под конусом лиловой Шах-горы?

Хотите, я наймусь на побегушки

51 Как тысяча крикливых попугаев.

172.1. Черновик (АМ)

3, первонач. Как будто сдуру³ голову шампунем

11—15,
первонач. И что еще не народилась стерва,
Которая его перешибет.

¹ Этот текст идентифицировался Н. Я. Мандельштам как вариант фрагмента 4.

² Вариант стиха из фрагмента 4.

³ К слову «сдуру» имелось еще 9 версий, среди них: /пенным/, /дурью/, /с бою/, /пану/.

- Меня хотели, как пылинку, сдунуть,
 Уж я теперь не юноша, не вьюн,
 Держу пари: меня не переплюнуть,
- 13, Не волноваться! выдержать оттяжку
 промежут.
- 13—14, Не волноваться. Нетерпенье роскошь
 вариант Я постепенно в скорость разовью
- 172.2 Машинопись (РГАЛИ)**
- перед Когда подумаешь, чем связан с миром,
 строфой 1 То сам себе не веришь — ерунда!
 Полночный ключик от чужой квартиры,
 Да гривенник серебряный в кармане,
 Да целлулоид фильма воровской.
- 10 Прекрасный год, черемуха цветет,
- 175.1. Беловой автограф (АЗ)**
- 11, Дымит Могэс четырехтрубным дымом
 первонач.
- 21, Ты незаконнорожденное время.
 первонач. Как мальчишка
- между 33 и 34, Для дальноркой рысистой дорожки
 первонач.¹
- 35—36. Какой-то бес, сухой и моложавый,
 первонач. Но в добрый час, вселился мне в ребро
- 35, версия Московский бес, сухой и моложавый
- 37 И подбивает взять почасный ялик
- 49, первонач. С которым проживем не век, не два!..
- 175.2. Машинопись (ГЛМ, ф. 49)**
- 3 С хохлатого Кремля. Какая прелесть
- 176.1. Черновик (АМ) ²**
- 24 Здесь провал превыше наших сил
- 29—32 И подъемный мост она забыла,
 Опоздала опустить на миг,

¹ В окончат. редакции стих зачеркнут.

² Та же редакция (за исключением ст. 24) в наборной рукописи (ИРЛИ).

Позвоночных рвами окружила
И сейчас же отеклась от них.

177.1. Запись Н. Я. Мандельштам (АМ)

- 2 Пробрался русский золотой,
9—12 <отсутствуют>
21 Я пережил болезни роста

178.1. Наборная рукопись (ИРЛИ)

- 9—12 Но не хочу уснуть, как рыба
В глубоком обмороке вод
И дорог мне свободный выбор
Мои страданий и забот.

179.1. Запись Н. Я. Мандельштам (АМ) ¹

Вы помните, как бегуны
У Данта Алигьери
Соревновались в честь весны
В своей зеленой вере.
По темнобархатным лугам
В сафьяновых сапожках
Они пестрели по холмам,
Как маки по дорожкам.

Уж эти мне говоруны
Бродяги флорентийцы,
Отъявленные все лгуны,
Наемные убийцы.
Они под звон колоколов
Молились богу спьяну
Они дарили соколов
Турецкому султану.

185.1. Автографы (АМ)

- 11—12 И в сапожках мягких ката
Выступают облака.

185.2. Машинопись с правкой (АМ)

- 3, окончат. По корням затрепетала
5—6, версия У Некрасова тележка
На торговой мостовой
11—12, первонач. И в сапожках мягких ката
Выступают облака.
13, версия Капли прыгают по нотам

¹ Приводятся две первые строфы ранней редакции; строфы 3 и 4 соответствуют ст-нию 180. Под загл. «Новеллино» весь текст напечатан: Мосты. 1965. № 11.

15, версия Обливаясь рабским потом

187.1. Черновой автограф (АМ)

после Пятна жирно-нефтяные
строфы 1 Не просохли в купах лип
 Как наряды тафтяные
 Прячут листья шелка скрип.

5—7,
первонач. Тихо шаркают подошвы
 Недочитанных стихов
 И плывут без всякой прошвы¹

5—7,
промежут. Баратынского подошвы
 Изумили прах веков
 У него без всякой прошвы

6, вариант Изумили сон веков

после А еще, богохранима
строфы 3 На гвоздях торчит всегда
 У ворот Ерусалима
 Хомякова борода.²

187.2. Запись Н. Я. Мандельштам (АМ)

6 Возмутили прах веков

187.3. Автограф (альб. Л. Горнунга)

6 Изумили сон веков

188.1. Сонет /Христиан Клейст/, запись

А. В. Звенигородского³

1—14 Есть между нами похвала без лести
 И дружба есть в упор без фарисейства.
 Поучимся ж серьезности и чести
 У стихотворца Христиана Клейста.

Еще во Франкфурте купцы зевали,⁴
Еще о Гете не было известий.

¹ В машинописи из собр. И. Эренбурга вариант: семь вышеприведенных стихов составляют в нем ст. 5—11; ст. 1—4 соответствуют основному тексту, ст. 12 — восьмому стиху основного текста.

² Строфа без определенного места отнесения. Вписана Н. Я. Мандельштам на поле позднее и зачеркнута; не исключено, что она — вариант строфы 3.

³ Нумерация стихов по этому источнику.

⁴ В автографе (АМ) окончат. редакция стиха: /Еще во Франкфурте отцы зевали/.

207.1. Черновик (АМ) ¹

5—14 Воздух медвяный,² полог стрел каленых
Уже не тот. Мучительнее дыбы
Подъем и спуск. Уже не те изгибы
Тропинка вьет на тех же самых склонах.

Цепи холмов волнуются на месте,
И лишь во мне как бы внутри гранита
Зернится скорбь. Что было — то
мелькнуло.

Здесь я ищу следов красы и чести,
Той самой, что отсюда, нарочито,
Без оболочки — в небе потонула.

9—11,
вариант Весь кругозор волнуется на месте
Я ж как бойница с прорезями окон
Зажмурился и жизнь во мне уснула.

208.1. Черновик (АМ)

1—14,
первонач. Как соловей свое несчастье славит
В отцовской и супружеской кручине
И чистый воздух состраданьем плавит
До высоты выплескиваясь синей

И всю-то ночь насквозь меня буравит
И провожает он к моей судьбине.
Кто ж без меня поймет и в звук поставит
Что смерть нашла прибежище в богине.

О легковерье суетного страха:
Он исключил два солнца из эфира
Боясь увидеть их щепотью праха

Так вот она карающая пряжа
Я убедился что вся прелесть мира
Ресничного недолговечней взмаха.

5—11,
окончат. И всю-то ночь насквозь меня буравит
И провожает он, один отныне.
Я — только я — я тот, кто в звук поставит
Что смерть нашла прибежище в богине.

¹ Приводится окончат. редакция черновика (ст. 1—4 в нем соответствует основному тексту) и один из вариантов; реконструкция предшествующих стадий дана в работе И. М. Семенко (47).

² И. М. Семенко предлагала другое ударение, меняющее смысл: «Воздух медвяный». Предшествующая версия по нашему (предположительному) чтению: /Воздух медяный;/ И. М. Семенко предлагала читать здесь «Воздух медвежий» (47, с. 69).

О как легко не знать и жить без страха:
Эфир очей, глядевших в глубь эфира,
Сметь уложить в слепую ляльку праха.

209.1. Черновик (АМ)

1—9,
первонач. Только <пробел> и жар отпышет
И душ зверей¹ пал пух лебяжий
Играет ночь своих созвездий пряжей
И мощь воды морской зефир колышет.

Чую горю рвусь плачу и не слышит
В неуправимом отдаленьи та же
Что и всегда, гневливая, на страже
И вся как есть далеким счастьем дышит.

И ключ один поет разноречиво²

210.1. Черновик (АМ)

1—8,
первонач. Промчались дни мои — как бы оленей
Косящий бег. Срок счастья был короче,
Чем взмах ресницы. Из последней мочи
Я в горсть зажал лишь память
наслаждений.

Нет, не хочу надменных обольщений.
Ночует сердце в склепе скромной ночи,
К земле безкостной жметя. Средоточий
Знакомых ищет, сладостных сплетений.

1—8,
вариант Промчались дни мои, как бы оленей
Косящий бег, поймав немного блага
На взмах ресницы. Смешанная влага
Струится в жилах: горечь наслаждений.

Слепорожденных ставит на колени
Злая краса. Кипит надежды брага.
А сердце где? Его любовь и тяга
Уже земля и лишена сплетений.

5—8,
вариант³ Царей и нищих ставит на колени
Надменный мир! Кипит надежды брага.
А сердце где? Его любовь и тяга
Щепоть земли, лишённая сплетений.

¹ И. М. Семенко в своей работе дала следующую по времени редакцию: /И на души зверей/ (47, с. 92).

² Эта редакция ст. 9 развития не получила, он сразу же был исправлен в основную.

³ Ст. 1—4 в нем соответствует предшествующему варианту.

210.2. Автограф (АМ)

1—8,
первонач. Промчались дни мои — как бы оленей
Косящий бег. Поймав немного блага
На взмах ресницы. Пронеслась ватага
Часов добра и зла, как пена в пене...

Слепорожденных ставит на колени
Надменный мир. Кипит надежды брага.
А сердце где? Его любовь и тяга —
В жирной земле без нежных разветвлений.

5—8,
промежут. Слепорожденным — унижение, пени
И солодовая надежды брага.
А еще тянет та, к которой тяга
Двух косточек не свяжет в жирном тлене.

5—8,
промежут. Слепорожденным — радуга явлений
И солодовая надежды брага.
А еще тянет та, к которой тяга,
Чьи золотые жилы в жирном тлене.

5—8,
промежут. Слепорожденным — радуга явлений.
Не потому ль и умиранье наго,
Что в землю тянет та, к которой тяга,
Чьи струны сухожилий в жирном тлене.

1—8,
окончат. Промчались дни мои — как бы оленей
Косящий бег. Поймав немного блага
На взмах ресницы. Пронеслась ватага
Часов добра и зла, как пена в пене...

О семицветный мир лживых явлений!
Печаль жирна и умиранье наго!
А еще тянет та, к которой тяга,
Чьи струны сухожилий тлеют в тлене.

211.1. Черновик (АМ)¹

1—6,
окончат. Буду гладить и гладить сухой шевиот
обшлага¹
Обо всем обо всех завиральная плачет
вьюга¹

Из горячего черепа льется и льется лазурь
И тревожит она литератора-Каина хмурь²

¹ Первонач. запись (рукой Н. Я. Манделштам, беловая) почти точно соответствует основному тексту.

² Двустилишие записано на правом поле, положение в тексте устанавливается предположительно; сходный вариант «пробовался» вместо ст. 13—14, см. ниже.

И вдруг открылась музыка в засаде,
 Уже не хищницей лиясь из-под смычков,
 Не ради слуха или неги ради:
 Лиясь для мышц и бьющихся висков;

Лиясь для ласковой, только что снятой
маски,
 Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
 Для укрупненных губ, для укрепленной
ласки
 Крупнозернистого покоя и добра.

Дышали шуб меха, плечо к плечу
теснилось,
 Кипела киноварь здоровья, кровь и пот;
 Сон, в оболочке сна, внутри которой
снилось
 На полшага продвинуться вперед!

А посреди толпы, задумчивый, бородатый,
 Уже стоял гравер, друг меднохвойных доск,
 Трехъярой окисью облитых в лоск
покатый,
 Накатом истины сияющих сквозь воск.

Как будто я повис на собственных
ресницах
 В толпокрылатом воздухе картин
 Тех мастеров, что насаждают в лицах
 Порядок зрения и многолюдства чин!

212—214.2. Список Е. Я. Хазина (АМ)¹

вм. 13—20 Ему солей трехъярусных растворы
 И мудрецов германских голоса
 И русские блистательные споры
 Представились в полвека, в полчаса.

И вдруг открылась музыка в засаде,
 Уже не хищницей лиясь из-под смычков,
 Не ради слуха или неги ради —
 Лиясь для мышц и бьющихся висков.

Лиясь для ласковой, только что снятой
маски,
 Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
 Для укрупненных губ, для укрепленной
ласки
 Крупнозернистого покоя и добра.

¹ Первонач. редакция; текст приводится соответственно нумерации строк ст-ния 212.

Дышали шуб меха, плечо к плечу
теснилось,
Кипела киноварь здоровья, кровь и пот.
Сон в оболочке сна, внутри которой
снилось
На полшага продвинуться вперед!

А посреди толпы стоял гравировальщик,
Готовый перенести на истинную медь
То, что обугливший бумагу рисовальщик
Лишь крохоборствуя успел запечатлеть.

Как будто я повис на собственных
ресницах
И созревающий, и тянущийся весь —
Доколе не сорвусь — разыгрываю в лицах
Единственное, что мы знаем днесь.

212—214.3. Список (собр. В. П. Абрамова).

I

вм. 13—20 Ему солей трехъярусных растворы
И мудрецов германских голоса,
И русские блистательные споры
Представились в полвека, в полчаса.

Ему кавказские кричали горы
И нежных Альп стесненная толпа;
На звуковых громад крутые всходы
Его ступала зрячая стопа.

И европейской мысли разветвленье
Он перенес, как лишь могущий мог:
Рахиль глядела в зеркало явленья,
А Лия пела и плела венки.

II

1 . Когда душе взволнованно торопкой

3 Она бежит рассеянною тропкой

216.1. Авторизованный список и машинопись (АМ)

12 И своя-то жизнь мне не близка.

217.1. Список (собр. Е. Э. Манделштама)

6 Прислушайся, как набухают почки

223.1. Список Рудакова (ИРЛИ)

4 И скат ее твердеет многопольный,

223.2. Автографы (АМ)

Там деготь прогудел, лазурью шевеля:
Пусть шар земной положит в сетку

школьник.

На красной площади всего круглей земля,
Покуда на земле последний жив

невольник.

224.1. Черновик (АМ)

после 10 Это я. Это Рейн. Браток, помоги —
Празднуют первое мая враги.

Лорелеиным гребнем я жив, я теку
Виноградные жилы разрезать в соку.

224.2. Автографы и списки (АМ)

7—10 Чернолюдем велик, мелколесьем сожжен
Пулеметно-бревенчатой стаи разгон.

На Тоболе кричат. Обь стоит на плоту.
И речная верста поднялась в высоту.

226.1. Список (АМ)

12 Нас разлучили. Как же быть? Пойми:

вм. 28 Лишь бы страна со мною говорила
И на плечо вполпальца мне давила,
Товарищески ласкова и зла

30 И возмужавшего меня, как очевидца

32 Адмиралтейским лучиком сожгла.

36—37 Я помню всё: германских братьев шеи
И что проклятым гребнем Лорелеи

226.2. Список и машинопись (АМ), СМ

10 Земного шара первый часовой. ¹

¹ Эта редакция относится к строфе, выделенной в самостоятельное стихотворение (см. примеч.).

238.3. Редакция 3 (см. примеч.)

12, Ягненка гневного разумное явление.
первонач.

12, окончат. Явленья явного чудесное явление.

238.4. Редакция 4 (см. примеч.)

12 Явленья явного в число чудес вселенье, —

после 12 И цвет, и вкус пространство потеряло,
Хребтом и аркою поднялся материк,
Улитка выползла, улыбка просияла,
Как два конца, их радуга связала
И в оба глаза бьет атлантов миг.

240.1. Редакция 1 (см. примеч.)

1—4 Детский рот жует свою мякину,
Улыбается, жуя,
Словно щеголь голову закину
И щегла увижу я.

6—7 И нагрудник красным шит,¹
Черно-желтый, — до чего щегол ты,

9—12 Подивляюсь на свет² еще немного,
На детей и на снега,
Но улыбка неподдельна, как дорога,
Непослушна, не слуга.

240.2. Редакция 2 (см. примеч.)

1—4 Детский рот жует свою мякину,
Улыбается, жуя,
Словно щеголь, голову закину,
И щегла увижу я.

9—12 И распрыгался черничной дробью,
Мечет ягодками³ глаз.
Я откликнусь своему подобью:
Жить щеглу — вот мой указ!

¹ Поправка, посланная в «Звезду» (см. примеч.): /Ниже клюва красным шит/; поправка, посланная Е. Я. Хазину (см. примеч.): /И под клювом красным шит/.

² В Списке Линецкой: /Подивляюсь на мир/.

³ Предшествовало: /бусинками/.

240.3. Черновик (РГАЛИ)

9—12,
промежут. И распрыгался в че<рничной> дробе
Умных ягод черных глаз
Красен снег, легко стоять в сугробе.¹
Жить щеглу: вот мой указ.

10—12,
промежут. В сдобе пуха желт и бел —
И распрыгался черничной дробью,
Не посмотрит — улетел!

10—12,
промежут. Черн и красен, желт и бел,
Видит, смотрит — весь свое подобье
Не посмотрит — улетел.

243.1. Редакция 1 (см. примеч.)

2—3 С улыбкою дитяти в черных слявах
И с шеи каплет ожерелий жир,

вм. 9—13 И странно скрещенный, завязанный узлом
Стыда и нежности, бесчувствия и кости,
Он улыбается своим широким ртом²
И начинает жить, когда приходят гости.

243.2. Редакция 2 (см. примеч.)

13 И исцеляет он, но убивает легче.

246.1. СП

7 И бросил, сил своих жалея,

248.1. Список с поправкой (АМ)³

1—36 Эта область в темноводье:
Хляби хлеба, гроз ведро —
Не дворянское уголье —
Океанское ядро...
Я люблю ее рисунок,

¹ Предшествующий незавершенный набросок:

Я и сам бы выпрыгнул из сдобы
Тела, кожи и костей
Чтоб увидеть красные сугробы

² В промежут. редакции, представленной исходным текстом в авторизованном списке с правкой (АМ), этот и предшествующий стих:

Очеловеченной и усыпленной кости,
Он улыбается своим тишайшим ртом

Ст. 2—3 в ней соответствуют основному тексту.

³ Нумерация стихов по списку. Указанные первонач. редакции соответствуют первонач. редакции «списка с правкой» от 24 дек. (см. примеч.).

Он на Африку похож.
Дайте свет — прозрачных лунок
На фанере не сочтешь.
Анна, Россось и Гремячье, —
Я твержу их имена.
Белизна снегов гагачья
Из вагонного окна.

Я кружил в полях совхозных —
Полон воздуха был рот —
Солнц подсолнечника грозных
Прямо в очи оборот.
Въехал ночью в рукавичный,
Снегом пышущий Тамбов,
Видел Цны — реки обычной
Белый, белый, бел-покров.
Трудодень страны знакомой
Я запомнил навсегда:
Воробьевского райкома
Не забуду никогда!

Где я? Что со мной дурного?
Степь беззимняя гола.
Это мачеха Кольцова,
Шутишь: родина щегла!
Только города немного
В гололедицу обзор,
Только чайника ночного
Сам с собою разговор...
В гуще воздуха степного
Переключка поездов
Да украинская мова
Их растянутых гудков.

1—4,
первонач.

Ничего, что темноводье,
Ничего, что я продрог
И что область хлебороба —
Цепи якорной ядро

8, первонач.

Тонких жилок не сочтешь

21, первонач.

Трудный рай земли знакомой

26, первонач.

Кто растет из-за угла?

28, первонач.

Это родина щегла!

252.1. АЧ

2—4,
первонач.

Вдруг затрясется, пуховит —
Он покраснел и в умной злобе
Ученой степенью повит.

255.1. Список с правкой (АМ)

7, первонач. Серый, искренне-зеленый —

259.1. Редакция 1 (см. примеч.)

вм. 3—6 Словно вмятины, впервые
Певчей полные воды.

вм. 7—12 Подкопытные наперстки
Бега кровного следы
Раздают не по разверстке
На столетья — без слюды.

259.2. Редакция 2 (см. примеч.)

вм. 3—6 Словно вмятины, впервые
Певчей полные воды.
Подкопытные наперстки —
Неба синего следы
Раздают не по разверстке:
На столетья, без слюды...

вм. 7—12 Брызжет в зеркальцах дорога —
Утомленные следы
Постоят еще немного
Без покрова, без слюды.
И уже мое родное
Отлегло, как будто вкось
По нему прошло другое
И на нем отозвалось.

268.1. Список ранней редакции (АМ)

вм. 5—16 Там уж скоро третий год
Тень моя живет меж вами
И шумит среди людей,

275.1. Автограф (РГАЛИ)

1 Пою, когда гортань свободна и суха,

5 И грудь стесняется, без музыки тиха,

279.1. Черновик (АМ)¹

1—12 Уходят вдали людских голов бугры:
Я уменьшаюсь там — меня уж не заметят,
Но в книгах ласковых и в играх детворы
Воскресну я — сказать, как солнце светит...

¹ Приводится исходная запись, нумерация стихов по черновику. Ст-ние зачеркнуто; на листе рукой Мандельштама записана строфа, соответствующая, *279.2, вм. 9—16.

И в бой меня ведут понятные слова —
За оборону жизни — оборону
Страны-земли, где смерть утратит все
права
И будет под стеклом показан штык
граненый...¹

Правдивей правды нет, чем искренность
бойца:
Для чести и любви, для воздуха и стали
Есть имя славное простого мудреца —
Его мы слышали и мы его застали...

279.2. Черновой автограф (АМ)

- 1, первонач. Грянь, боевой сигнал: не тронь Москвы,
не тронь!
4 А по трибунам вверх ковры людского
говора
6, первонач. Страны земли, где сгинет смерть-сова
вм. 9—16 Рассеивается унынья чалый пар²
Подковой речь звенит, шумит, как речь —
листва³
Да закалит меня той стали сталевар⁴
В которой честь и жизнь и воздух
человечества.

282.1. Редакция 1 (см. примеч.)

Этот воздух пусть будет свидетелем —
Безымянная манна его —
Сострадательный, темный, владетельный —
Океан без души, вещество.

Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами
Растяжимых созвездий шатры —
Золотые созвездий жиры...

¹ Завершающая редакция: /И время расцветет, как самоцвет граненый. /.

² В наброске черновика (*279.1) — предшествующая редакция: /Дыханья лошадей вдыхаю чалый пар/.

³ В наброске черновика (*279.1) — предшествующая редакция: /Листва как речь шумит, шумит как речь листва/.

⁴ В наброске черновика (*279.1) версия: /Великий Сталин наш — той стали сталевар/.

Аравийское месиво, крошево
Начинающих смерть скоростей —
Это зренье пророка подошвами
Протоштало тропу в пустоте —
Доброй ночи! Всего им хорошего
В холодеющем Южном Кресте.

282.2. Редакция 2 (см. примеч.)

Этот воздух пусть будет свидетелем —
Дальнобойное сердце его —
Яд Вердена всеядный и деятельный —
Океан без окна — вещество¹
Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами
Растяжимых созвездий шатры —
Золотые созвездий жиры...

И не знаешь, откуда берешь его
Слух² пропавших без вести вестей
Аравийское месиво, крошево
Начинающих смерть скоростей <.>
Недопонято³ там, недоспрошено,
Недокинута там в сеть сетей
И своими косыми подошвами
Свет стоит на сетчатке моей.
Миллионы убитых подошвами
Шелестят по сетчатке моей.
Доброй ночи! Всего им хорошего!
Это зренье пророка смертей.

282.3. Редакция 3 (см. примеч.)

Этот воздух пусть будет свидетелем <—>
Дальнобойное сердце его <—>
Яд Вердена — всеядный и деятельный⁴
Океан без окна — вещество...

¹ Предшествующая редакция двух последних стихов:
Как лесистые крестики метили
Океан или клин боевой.

Промежут. редакция последнего стиха: /Откупив океан боевой/.

² Вариант: /Луч/

³ Вариант: /Недосказано/.

⁴ В редакции 5 (см. примеч.) стих читается: /И в землянках, всеядный и деятельный — /.

Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте.
Доброй ночи! Всего им хорошего
От лица земляных крепостей!

Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами
Растяжимых созвездий шатры —
Золотые созвездий жиры...

Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей —
И своими косыми подошвами
Свет стоит на <сетчатке>¹ моей, —

Там лежит Ватерлоо — поле новое,
Там от битвы народов светло:
Свет опальный — луч наполеоновый
Треугольным летит журавлем.
Глубоко в черномраморной устрице
Аустерлица забыт огонек,
Смертоносная ласточка шустрится,
Вянет чумный Египта песок.²

Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать —
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

Неподкупное небо окопное —
Небо крупных оптовых смертей —
За тобой, от тебя — целокупное
Я губами несусь в темноте, —

¹ В автографе зачеркнуто /подошве/ (по-видимому, описка автора), но замена не дана. Текст восстанавливается по предшествующим редакциям.

² В НК (редакция 4, см. примеч.) вм. последних 4 стихов:
Для того ль должен череп развиться
Во весь лоб — от виска до виска,
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?
Этим исчерпываются отличия редакции 4 от редакции 3.

За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил:
Развороченных — пасмурный, оспенный
И приниженный гений могил.

282.4. Редакция 5 (см. примеч.)¹

Сквозь эфир, десятично-означенный
Свет размолотых в луч скоростей
Начинает число опрозраченный
Светлой болью и молюю полей:
И за полем полей — поле новое
Треугольным летит журавлем —
Весть летит светопыльной обновой
И от битвы давнишней светло...

Весть летит светопыльной обновой:
— Я не Лейпциг, я не Ватерлоо,
Я не битва народов — я новое —
От меня будет свету светло...
Для того ль должен череп развиться
Во весь лоб — от виска до виска,
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?

Развивается череп от жизни —
Во весь лоб — от виска до виска,
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится,
Мыслью пенится, сам себе снится —
Чаша чаш и отчизна отчизне —
Звездным рубчиком шитый чепец —
Чепчик счастья — Шекспира отец...

282.5. Редакция 6 (см. примеч.)

Этот воздух пусть будет свидетелем —
Дальнобойное сердце его —
И в землянках, всеядный и деятельный
Океан без окна — вещество...

Для того ль должен череп развиться
Во весь лоб — от виска до виска,

¹ Ниже приводятся отличия от редакции 3 (вм. стихов 20—27 последней). Вместе с разночтением в ст. 3 (см. сноску в редакции 3) текст исчерпывает отличия редакции 5 от редакции 3. Первые 12 строк соответствуют «математическим строфам», или «третьему разделу» у Н. Я. Мандельштам (см. примеч.).

Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?

Развивается череп от жизни
Во весь лоб — от виска до виска —
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится,
Мыслью пенится — сам себе снится —
Чаша чаш и отчизна <отчизне>¹ —
Звездным рубчиком шитый чепец —
Чепчик счастья — Шекспира отец.

Миллионы убитых задешево
Пр<о>топтали тропу в пустоте —
Доброй ночи — всего им хорошего
От лица земляных крепостей...

Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами —
Растяжимых² созвездий шатры —
Золотые убийства³ жиры.

Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей —
И своими косыми подошвами
Свет стоит на сетчатке моей.

Сквозь эфир, десятично означенный
Свет размолотых в луч скоростей
Начинает число, опрозраченный
Светлой болью и молью полей.
И за полем полей — поле новое
Треугольным летит журавлем —
Весть летит светопыльной обновой —
И от битвы давнишней светло.

Необутая, светоголовая,
Удаляющаяся за обзор
Мякоть света бескровно-кленовая
Хочет всем рассказать свой позор.
Ясность ясеновая, зоркость яворовая

¹ Слово пропущено, по-видимому, по оплошности.

² Исправлено из /Золотые/.

³ Исправлено из /созвездий/.

Чуть-чуть красная мчится в свой дом,
Как бы обмороками¹ затоваривая
Оба неба с их тусклым огнем.

Нам союзно лишь то, что избыточно,
Вперед не провал, а промер
И бороться за воздух прожиточный
Эта слава другим не в пример.

И сознание свое затоваривая
Полуобморочным бытием
Я ль без выбора пью это варево,
Свою голову ем под огнем?

Для чего ж заготовлена тара
Обаянья в пространстве пустом,
Если белые звезды обратно
Чуть-чуть красные мчатся в свой дом —
Чуешь, мачеха звездного табора — ночь, —
Что будет сейчас и потом?

Напрягаются кровью аорты
И звучит по рядам шепотком <: >
Я рожден в девяносто четвертом...
Я рожден в девяносто втором...
И в кулак зажимая истертый
Год рожденья — с гурьбой и гуртом —
Я шепчу обескровленным ртом:
Я рожден в ночь с второго на третье
Января — в девяносто одном
Ненадежном году — в то столетье <, >
От которого тёмно и днем.

Но окончилась та переключка
И пропала, как весть без вестей,
И по выбору совести личной <, >
По указу великих смертей <, >
Я — дичок <, > испугавшийся света,
Становлюсь рядовым той страны,
У которой попросят совета
Все кто жить и воскреснуть должны <. >
И союза ее гражданином
Становлюсь на призыв и учет
И вселенной ее семьянином
Всяк живущий меня назовет...

¹ В записи описки: «обморокАм».

Будут люди холодные, хилые
Убивать, голодать, холодать,
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

Неподкупное небо окопное, —
Небо крупных оптовых смертей —
За тобой, от тебя<, > целокупное
Я губами несусь в темноте, —

За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил —
Развороченных — пасмурный, оспенный
И приниженный гений могил...

288.1. Черновой автограф (АМ)

- 1—4¹ Одногулое <?> небо виднее
Как недугом я жил им в судьбе
Но оно западня: в нем труднее
Задышаться, чернеть, голубеть.
- 11 Лучше сердце мое разорвите
- 13 И когда я усну, отслуживши —
- 15, окончат. Он раздастся и глубже, и выше
- 16, первонач. Отклик неба, забыв мою грудь
- 16, промежут. В отклик неба включив² мою грудь
- 16, промежут. Отклик неба в остывшую грудь
- 16, окончат. <не завершён>

292.1. Машинопись (АМ)

- 11—12 Вы не только его онелепили
Барабанным наростом домов —

296.1. Редакция А (см. примеч.)

- 9—12 Он только тем и луч,
Он только тем и свет,

¹ Эта строфа — без определенного места отнесения, местоположение устанавливается по совпадению ст. 4 и заключительного стиха 1-й строфы ст-ния 289.

² Возможно, перед тем как слово было зачеркнуто, была создана версия: /всосав/.

Что шепотом могуч
И лепетом согрет.

296.2. Редакция Б (см. примеч.)

9—12 Он только тем хорош,
 Он только тем и мил,
 Что будит к танцу дрожь —
 Румянец звездных сил.

301.1. Черновой автограф (АМ)

1 Клейкой клятвой пахнут почки

5, первонач. [Отче наш]¹ шепнула вятно

9—10, первонач. И далёко от покоя
 Очи вместе мчатся:

15, первонач. Как в лесу иль в черной книге

26, первонач. Слыхано едва ли

306.1. Копия Рудакова (ИРЛИ)

9—10, вариант И полуторное звуков море
 К небу припаяв

12, вариант В силу, в славу, в явь

322.1. Автограф (АМ)

9 Всё дышит жизнью одною;

324.1. Автограф (АМ)

3, промежут. Выглядит, как узкое пано.²

3, окончат. Выглядит, как строгое пано.

329.1. Автограф (РГБ)

12, первонач. Его трепетаний?

330.1. Второй автограф (РГБ)

3 Но выше и всё выше ты

5 Божница неба заперта. —

¹ Квадратные скобки — в источнике текста.

² Первонач. редакция стиха соответствует основному тексту.

- 341.1. Автограф (собр. Е. Г. Эткинда)¹
11 Как лиственницы влажно-
- 342.1. Автограф (РНБ)
1, первонач. Когда полынь колоколов
6—8, первонач. Вином, и крепче, и тяжеле,
Поглощены остатки хмеля,
Который мною сбережен.
- 345.1. Автограф (РНБ)
6, версия Мы внезапно охмелели,
- 346.1. Список (РНБ)
15 И парус плоти бездомный
- 348.1. Автограф (АМ)
15 Качается, и стан свой опояшет,
- 351.1. Список (РНБ)
14 В неизвестный край меня влечет,
- 358.1. Автограф с правкой (АМ)
13—14, первонач. Юдольной жизнью не дорожи,
художник,
Росою бытия печаль свою считай;
14, версия Несуществующим печаль свою
отдай;
- 359.1. Машинопись (АМ)
между Как будто хрупких тел томленье
строфами 2 и 3 И глянец тусклых вод — мое
До боли острое мгновенье
И неживое бытие.²
10, первонач. Вдруг оживаю весь в глуши —
- 360.1. Автографы с правкой (АМ)³
1 Ты прошла царицею тумана —
3—4 И, вздыхая, лист, как гость
недужный,
Прочь спешит покинуть пир
ненужный.
11 Как закрыта тканями тумана

¹ Текст дается по БП, с. 206.

² Строфа зачеркнута.

³ Приводятся (выборочно) первонач. и промежут. редак-
ции автографов.

361.1. Автограф (АМ)

11—12, первонач. Кто чужд их дикой власти —
Себе принадлежит.

11—12, промежут. Незыяснимой власти
Таинственный магнит!

362.1. Автограф А (см. примеч.)

5—8, первонач. То утешены счастьем скромным,
Что упасть на стекло довелось
Так — подхвачены нежно-огромным
Мраком — струи отпрянули вкось.

5—8, окончат. Я рожден провидением темным,
Чтоб созреть и упасть, как-нибудь;
Так, подхвачены нежно-огромным
Ветром — струи и брошены в путь.

362.2. Автограф Б (см. примеч.)¹

вм. 1—16 Я рожден провидением темным,
Чтоб созреть и упасть, как-нибудь;
И, подхваченный нежно-огромным
Ветром, не думай, забудь.

Я — ребенок, покинутый в зыбке
В терпком мире я горестно-дик,
И сольются в бездушной улыбке
Вся жестокость, вся кротость, на миг.

363.1. ККабл

3 Пробуют подковы

строфа 4 <отсутствует>

363.2. «Рабочая газ.»

13—16 Круглое братство
Он для всех кует.
Легкий месяц, здравствуй!
Здравствуй, Новый Год!

366.1. ККабл

5 И лихорадочный больной, тоской объятый,

367.1. Автограф ранней редакции (АМ)

1—4 Когда шарманщика терпенье
Чудовищно, и, сквозь плетень,
Мелькает ящик — наважденье
Осеннюю тревожит сень.

¹ Приводится промежут. редакция автографа.

- 8, первонач. Туманным образом одены!
- 9—11; окончат. Тебе я посвящаю день,
Безрадостное вдохновенье,
Туман и без огня кремень.
- 12 Я бы приветствовал ремень
- 379.1. ККабл**
- 1—4 Мне гашиша безумного не надо
И бесполезен музыки наркоз,
Когда.
.....¹
- 12 Сухим и черным воздухом земли.
- 380.1. Черновой автограф (СИ)**
- 19—20, первонач. А дядька вечером сердито
Мундир утюжит на столе.
- 19, окончат. Мундир обрызган, шапка сбита,
строфа без Глухая битва закипает:
определенного На месте топчутся, и вот
места отнесения Один мячом завладевает
И как герой в толпе живет.
- 381.1. «Новый Сатирикон»**
- 16 Юдифь глумилась и враги.
- 381.2. Черновой автограф (СИ)**
- 13, первонач. С улыбкой тонко-лицемерной
- 16, первонач. Юдифь глумилась и враги.
- 16, промежут. Юдифь глумилась...
- 13—16, окончат. Над головою Олоферна
Не так ли кончиком ноги
Глумилась долго, лицемерно
Юдифь...
- 382.1. Автограф (АМ)**
- 2—5, первонач. От радости едва не поседели
Пора, пора остановить качели
Пока совсем не воспарилась тьма.
Рукопожатья сладостный обряд

¹ В списке приводимая строфа указана не полностью (с отточиями), основной текст ст. 1—2 указан как вариант.

- 2—5,
окончат. С утра вино, записки и похмелье:
Пора, пора остановить веселье
Пока совсем не восцарилась тьма.
В рукопожатьи чудится обряд
- 388.1. Автограф (АМ)**
8, первонач. Не нарушают год календаря.
8, окончат. Двенадцать слуг его календаря.
9, окончат. На дольный мир глядит сквозь облак
хмурый
- 392.1. Автограф (АЛ)**
перед ст. 1 Шатались башни, колокол звучал
Друг горожан, окрестностей отрада
Епископ все молитвы прочитал —
И рухнула священная громада.
Здесь нужен Роланд, чтоб трубить из рога,
Пока не разорвется Олифан.
Нельзя судить бессмысленный таран, —
Или германцев, позабывших бога.
- 398.1. ККабл**
6—8 Струится в храмине под куполом в июле.
Вне времени и мы, свободные, вздохнули
На луговине той, где время не бежит.
10 Все причащаются, ликуют и поют
- 400.1. Редакция 1 (см. примеч.)**
4 Исчадьє мрака в капюшонах тьмы.
вм. 8—16 Они покорны чуткой слепоте.
Они — руно косноязычной ночи.
Им солнца нет! Слезящиеся очи —
Им зренье старца светит в темноте.
- 400.2. Редакция 2 (см. примеч.)¹**
2—4 Плебеи, и о Риме семихолмном
Тоскуют овцы, и по черным волнам
Земли кочуют в океане тьмы.

¹ Стрoфа 4 этой редакции соответствует заключительной строфе редакции 1; то же и в редакции 3, для которой этим исчерпываются разночтения с основным текстом.

- строфы 2, 3 <следуют в обратном порядке>
- 401.1. «Борьба»**
1 У моря ропот старческой кифары...
- 404.1. Черновой автограф (АМ)**
1—8, первонач. О государстве слишком раннем
Еще печалится земля
Мы в черной очереди станем
На черной площади кремля.
Всё шире праздник безъязыкий
Иль вор на колокольню влез
Ему сродни разбоя крики
И перекладин черный лес.
- 16—19, первонач. И мнится, заворкует вдруг —
Архангельский — чье имя пенье
И Воскресенский — тронь, ладонь!
И всюду скрытое горенье
- 2, версия И жалобы точит земля
- 6, версия Они разбойничий правеж¹
- 1—8, окончат. Как пахнут тополя — мы пьяны
Когда качается земля
Не ради смуты мы смутьяны
На черной площади Кремля.
Соборов восковые лики
Спят; и разбойничать привык
Без голоса Иван великий
Как виселица прям и дик.
- 17—18, окончат. Архангельский — собор-виденье,
Успенский — если хочешь, тронь
- 404.2. ККабл**
5—7 Без голоса Иван Великий —
Колоколов дремучий лес
Спит, и разбойник безъязыкий
- 404.3. Автограф (ЦГИАП)**
6—7 Колоколов дремучий лес
Спит — и разбойник безъязыкий

¹ На верхнем поле записан рифмуемый стих: /Люблю
Москву и воздух свеж/.

409.1. ККабл

1—2

Когда стукнется мрак над венчиком свечи,
Среди левитов тьмы останусь я в ночи.

415.1. Т

1—5

Исакий под фатой молочной белизны
Стоит седою голубятней,
И посох бередит седья тишины
И чин воздушный сердцу внятны.

Столетних панихид блуждающий призра́к

416.1. Список Н. Я. Мандельштам (ИМЛИ)

после 12

И он теперь выводит набело
И первые¹ кремня осечки

416.2. Автограф (АМ)

33

На круговом, на грозном судьбище

423.1. Авторизованный список (АМ)

5,

первонач.

6—7

Как пепел, замурованный в стене

Привет тебе, скрепитель добровольный
Трудящихся. Твой каменноугольный

¹ Чтение «черные» (Соч., с. 584) не подтверждается.

КОММЕНТАРИЙ

Поэтическому наследию Осипа Эмильевича Мандельштама, по контрасту с личной, была приурочена счастливая судьба. После его ареста семейный архив был спасен Н.Я.Мандельштам, посвятившей остаток жизни его сохранению. Изготовленные ею после смерти Сталина списки стихов 1930-х гг. попали в среду тогда формировавшегося нового поколения читателей, и в нем эта неподвластная времени поэтическая стихия получила новую жизнь. Несколько позднее рядом с вдовой поэта образовался круг филологов, занимавшихся исследованиями мандельштамовских текстов; здесь упомянем лишь Александра Анатольевича Морозова, крупнейшего знатока биографии и творчества поэта, без консультации с которым не обошелся ни один из издателей Мандельштама последних лет, и Ирину Михайловну Семенко, о вкладе которой в мандельштамовскую текстологию еще будет сказано ниже. В конце 1950-х гг. Н.И.Харджиев, давний и близкий знакомый Мандельштамов, начал подготовку тома его стихов в «Библиотеке поэта». Уже на этом этапе мандельштамовская текстология становится предметом острых разногласий, усиливавшихся по мере выхода очередных изданий. Они отразились в книгах Н.Я.Мандельштам, да и, пожалуй, были одними из существенных стимулов к их созданию. Одновременно выясняется значение других редакций и вариантов, которые в поэтике Мандельштама занимают особое, не знающее аналогий, место. От издания к изданию накапливался обширный и важный по значению материал, обозначались проблемы, которые не вправе обойти и последующие научные издания.

Параллельно велись архивные и источниковедческие штудии, заложившие фундамент для последующих изданий — усилиями, главным образом, Л.Черткова, А.Морозова, К.Азадовского, Г.Суперфина, Р.Тименчика.

В 1960-е гг. начинается и исследование поэтики Мандельштама. Основополагающими явились труды К.Тарановского по исследованию подтекстов, вскоре нашедшие последователей как в СССР (Р.Тименчик, Г.Левинтон, Ю.Левин, Т.Цивьян, Д.Сегал, В.Топоров), так и на западе (С.Бройд, К.Браун, О.Ронен). Отметим также исследования 1960-х гг. Л.Гинзбург и А.Македонова, писавшиеся в качестве вступительных статей к тому «Библиотеки поэта», но увидевшие свет лишь через много лет после их завершения.

Коснемся, в самых общих чертах, подготовки текстов в посмертных изданиях. Тома «Собрания сочинений», выходявшие в США в 1955—1981 гг., благодаря настойчивости

редакторов Г.Струве и Б.Филиппова, использовавших все возможности для совершенствования, стали в последних выпусках удовлетворительными по состоянию текстов и дали читателю наиболее полный их свод. Однако, по условиям своего времени, издание не было критическим и собственно текстологических задач не ставило. Первое научное издание вышло в «Библиотеке поэта» в 1973 г. (подготовлено Н.Харджиевым). Для своего времени оно было высоким по уровню: здесь был установлен хронологический принцип композиции в книгах поэта, тщательно разработана библиография и, в большинстве, определены основные редакции текстов. Главным недостатком — неполнота и изъяны в редакциях текстов — был обусловлен продолжавшимися действовать цензурными условиями. «Воронежские тетради» (1980) были подготовлены В.Швейцер по архиву, но, к сожалению, книга вышла без примечаний, и судить о мотивах выбора текстов в ней невозможно. Новый этап открылся с выходом книги И.Семенко «Поэтика позднего Мандельштама» (1986). В ней были сформулированы и, по большей части, решены наиболее сложные вопросы: прочитаны самые трудные черновики, реконструирован ряд ранних редакций, исправлены ошибки предшествующих изданий.¹ В частности, ею описана индивидуальная манера работы в черновиках, дифференцированы сводные записи наличного текста и др. В 1990 г. вышли «Сочинения» (в 2-х томах), подготовленные П.Нерлером, где было использовано большое количество новых архивных источников.² Новые архивные материалы и текстологические решения представлены в вышедшем в том же году издании «Камня» (серия «Литературные памятники»).

¹Ряд разделов, такие, как «За гремучую доблесть грядущих веков...» или «Мандельштам в работе над переводами сонетов Петрарки», подготовлены, насколько мы можем судить, безупречно. Для тех, кто обращается к архиву Мандельштама, понятно, сколь огромен труд прочтения этих беглых многослойных (зачастую карандашных, с угасающим текстом) записей. Лишь в отдельных случаях в ее чтения приходится вносить коррективы; один раздел — «Стихи Андрею Белому» — в свете новых данных приходится признать утраченным значение.

²С сожалением приходится писать о том, что изданию сильно повредила небрежная подготовка. Немалое число текстов напечатано с дефектами: выпали или механически искажены отдельные стихи, подчас велики несоответствия между ними и данными примечаний. Так, заявлено, что «Немецкая каска...» печатается по газете «Биржевые ведомости», на деле — помещен значительно отличающийся текст из воспоминаний И.Одоевцевой; даже такого рода примеры не единичны. В примечаниях настоящего издания ошибки «Сочинений» оговариваются лишь в отдельных случаях.

Стихотворения Манделъштама разделены временем «политической немоты», совпавшим с одним из изменений политического климата в стране (1925—1930), на два больших периода. Каждый из них имеет свои текстологические особенности. Первый (1908—1925) представлен многочисленными публикациями, шестью авторскими сборниками, в том числе итоговым — «Стихотворения» (1928), и большим архивным материалом. Второй (1930—1937) — в основном рукописным наследием. Текстологическая характеристика первого периода будет дана в главке 3 настоящей преамбулы, второго — отдельно по «книгам»¹ — в соответствующих преамбулах к ним; здесь остановимся только на общем для всего тома.

Состав «книг» несколько расширен по сравнению с предшествующими изданиями. Авторская редакция последней «книги» — «Воронежских тетрадей» — заканчивалась ст-нием 299. Н. Я. Манделъштам впоследствии дополнила корпус ст-ниями 300—304. Уже после этого были обнаружены пять стихотворений, написанных по возвращении из воронежской ссылки. Три из них мы включили в основной корпус под редакционным названием раздела «После Воронежа».

Особым явлением в поэзии Манделъштама являются «двойчатки» и «тройчатки» — равноправные редакции, содержащие общие строфы (см. 24, с. 186—189). С этим связаны возникающие подчас затруднения — следует ту или иную редакцию отразить в разделе «Другие редакции и варианты» или в разделе «Стихотворения, не вошедшие в основное собрание». В последний из такого рода редакций нами включены ст-ния 390 и 414.

Композиция авторских книг, насколько это удается выснить сопоставлением авторских сборников и наборных рукописей, стремится к чисто хронологическому ряду, однако в сборниках, а также и в рукописных сводах 1930-х гг. она не могла быть выдержана последовательно, так как поэт не всегда обращался (или не имел возможности обратиться) к своему архиву, иногда — из-за утраты архивных источников. Поэтому в настоящем издании, когда удавалось уточнить время написания стихотворений прямыми или косвенными сведениями, в композицию вносились соответствующие изменения. Исключение составляют подборки: «Армения», «Восьмистишия», «Из Петрарки».

Даты под стихотворениями 1908—1925 гг., согласно прижизненным изданиям, неполные (только год), под стихотворениями 1930—1937 гг., согласно рукописным сводам, — полные (насколько их удается установить). В тех

¹В понимании Манделъштама «книга» — высшее творческое единство стихотворений, этап творчества (24, с. 179). «Книгам» соответствуют разделы настоящего издания.

случаях, когда даты стихотворений устанавливаются по письмам, к которым они были приложены, они указываются в угловых скобках.

Пунктуация в стихотворениях приближена к современным нормам. В ряде случаев, без специальных оговорок в примечаниях, восстановлена пунктуация автографов или первых публикаций.

Другие редакции и варианты. Разночтения источников даются под номерами, первая часть которых соответствует порядковому номеру стихотворения, вторая (через точку) — порядковому номеру редакции (варианта). Стние 80, например, имеет в этом разделе редакции 80.1, 80.2... 80.5. Собственно редакция (вариант) дается одним из двух способов. А. Указываются (при номерах строк) отличия от основного текста. Если при номере строки имеется помета «первоначально», а данные об «окончательной» редакции источника не приводятся, это означает, что последняя соответствует основному тексту (и наоборот). Так, в *24.1 стихи 3—4 в окончательной редакции соответствуют основному тексту, в *73.1, где указана только промежуточная редакция ст. 30, его первоначальная и окончательная редакции соответствуют основному тексту. Помета «вариант» при номере стиха означает, что он соседствует с основным текстом. Б. Приводится одна из редакций источника (первоначальная, промежуточная или окончательная) с собственной нумерацией строк. В таком случае приводимые после нее разночтения нужно соотносить с нею, а не с основным текстом, но правила соотнесения те же. Более сложные случаи описываются в подстрочных сносках.

В текстах этого раздела сохраняется пунктуация источников (при нескольких источниках — одного из них). Знаки препинания, введенные составителем, оформлены как конъектуры (в угловых скобках).

В квадратных скобках указывается зачеркнутый текст (в оговоренных случаях квадратные скобки имелись в источнике текста). В угловых скобках вводятся конъектуры, означаются пробелы (другие случаи оговариваются в сносках).

Текстологический комментарий начинается со справки, отмечающей этапы изменения текста в печати (через точку и тире), вплоть до источника, дающего основной текст или последнюю авторизованную печатную редакцию. В этом ряду мы стремились, насколько это возможно, установить движение авторской воли, а эта временная последовательность не всегда совпадает с хронологической последовательностью выхода из печати книг и периодических изданий. Так, наиболее ранние редакции некоторых стихотворений конца 1910-х гг. отражены в Т, собранной в конце 1920 — начале 1921 г. (в дальнейшем автор не принимал участия в издании книги), а в их первых публикациях 1921—1922 гг. наличествует следующий этап изменения текста. В некоторых случаях приходится учитывать (в том же плане) и разницу в сроках редподготовки периодических

изданий (особенно альманахов). Поэтому в указанной справке первый источник не всегда является первой публикацией, и она в таких случаях оговаривается обособленно.¹ В справке об изменении текста нами не учитывалось заглавие — относительно автономный и менее связанный собственно с текстом элемент; их изменения также оговариваются отдельно. Перепечатки в комментариях, как правило, не указываются.²

Если первая публикация осуществлялась посмертно, то разночтения с основным текстом для нее не указываются. Не указываются также посмертные издания, в которых впервые был точно приведен основной текст.

В текстологической справке отмечаются все автографы и авторизованные списки, другие источники, если они не содержат разночтений, указываются выборочно. Даты при описании источников раскрываются только в тех случаях, когда они отличаются (в сторону большей полноты) от стоящей под текстом настоящего издания. В некоторых случаях, когда расхождения в датах источников не удается объяснить (например, «декабрь 1920» и «ноябрь 1920»), они не комментируются. Как правило, не раскрываются пометы при датах («Москва», «Петербург», «Воронеж», «Зоологический музей»), так как сведения о месте и обстоятельствах создания стихотворения включены в комментарий. Помимо данной преамбулы, суммарная текстологическая характеристика источников, описок и помет в рукописных сводах и т. п. дается также в преамбулах к соответствующим разделам. Цитаты в текстологической части комментария, печатаемые в подборку с другим текстом, помещаются между одинарными косыми штрихами (/).

Термины. Нами принят термин «основной текст» (синонимы: «сводный», «канонический», «дефинитивный», «аутентичный» текст), применявшийся Б.В.Томашевским и Б.М.Эйхенбаумом. При характеристике архивных источников, кроме общеупотребительных, применяются также: «черновик» — для текста, записанного рукой Н.Я.Мандельштам

¹Схематическая подача справки изменения редакций не может отразить всей сложности возникающих вопросов; не все они и могут быть разрешены в настоящее время. Известно, например, что «разночтения» в периодических изданиях появляются и в связи с изготовлением текста для них наскоро, по памяти; в других случаях автор печатает оставленную редакцию потому, что основной текст был помещен в недавно вышедшей книге и не мог воспроизводиться из этики. Прямые доказательства, особенно для последних случаев, вряд ли могут быть получены, но иметь в виду эти обстоятельства следует.

²Те из них, которые содержат разночтения, означены в соответствующих местах «Других редакций и вариантов». Прочие читатель может установить по библиографии в кн.: Русские советские писатели. Поэты. М., 1990. Т. 13.

(или другого лица) с последующей авторской правкой; «запись» — для текстов, написанных или под диктовку, или по памяти. Для характеристики стадий становления текста в одном источнике применяются термины «первоначальная», «промежуточная», «окончательная» («завершающая») редакции. «Вариант» — та редакция, которая на протяжении некоторого времени сосуществует с другой, позднее предпочтенной; «версия» — текст, возникший и отброшенный на одном этапе работы в черновике (как правило, относится к словам, словосочетаниям или рифмовым словам в одном-двух стихах).

Считаем необходимым предупредить еще об одном обстоятельстве. В текстологических обоснованиях выбора текста имеются указания на описки в автографах и других источниках. Обычно их выявление и оценка остаются делом специальных работ и академических изданий; это обширная область текстологии, с которой знаком исследователь каждого, без исключения, деятеля новейшей литературы. Однако в стихотворениях Мандельштама исследования достигли той степени, когда без указания по крайней мере на некоторые из них обойтись уже невозможно.

Ссылки на государственные архивные фонды в том случае, если названа фамилия фондообразователя, приводятся в сокращенном виде. Характеристику источников (списки, автографы), если она не дана в комментарии, следует искать в списке сокращений или в преамбуле к соответствующему разделу. Ссылки на литературные источники организованы, в большинстве случаев, с помощью «Индекса литературных источников».

Эта книга готовилась по плану редколлегии «Библиотеки поэта». На начальном этапе в подготовке участвовали Ю.Л.Фрейдин, предоставивший для книги фотокопии источников из архива Мандельштама (ныне хранится в Принстонском университете) из своего собрания, без чего издание не могло осуществляться, и С.В.Василенко.

Существенную помощь в подготовке оказали владельцы частных собраний и семейных архивов А.Ж.Аренс, А.П.Бабенышев, С.И.Богатырева, М.Б.Горнунг, Е.П.Зенкевич, Н.Г.Князева, Э.Л.Линецкая, А.А.Мандельштам, Б.И.Маршак, И.В.Платонова-Лозинская; сотрудники ИРЛИ, РНБ, ИМЛИ, РГАЛИ, Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Мандельштамовского общества, а своими консультациями и помощью в разыскании архивных источников — К.М.Азатовский, Н.Т.Ашимбаева, А.О.Большаков, М.Л.Гаспаров, Н.Г.Захаренко, Л.Н.Иванова, И.Г.Кравцова, Н.И.Крайнева, Т.И.Краснобородько, И.В.Кудрова, К.А.Кумпан, А.С.Кушнер, Г.А.Левинтон, Е.Ю.Литвин, А.Д.Михайлов, А.Т.Никитаев, П.М.Нерлер, Е.Б.Пастернак, В.М.Сергеев, Р.Д.Тименчик. Всем им приносим искреннюю благодарность.

3. Текстологическая характеристика стихотворений 1908—1925 гг.

Как и в предшествующем издании «Библиотеки поэта», в основу подготовки стихотворений 1908—1925 гг. положен последний прижизненный сборник «Стихотворения» (1928), с учетом, во-первых, тех изменений в составе и редакциях текстов, которые были внесены поэтом в свои экземпляры сборника в 1935—1937 гг. в Воронеже, и, во-вторых, области влияния цензуры, в этом сборнике достаточно объемной и многообразной.

Композиция и даты. Становление принципа композиции прослеживается по шести авторским сборникам; уже в К2 она приобретает почти строго хронологический характер. Такова тенденция, но последовательно она не могла осуществиться, так как в ряде случаев поэт ставил даты под стихами по памяти и располагал их внутри года (в сборниках — неполная дата, только год) также по памяти; однако, если дата уточнялась, он изменял и местоположение ст-ния.¹ Характерен пример: при расклейке экземпляра К3 во время подготовки С поэт меняет место ст-ния 10, которое попало «не в свой год»; чем ближе ко времени издания сборника, тем точнее хронологический ряд. Искажения возникали и вследствие причин технического характера при работе с наборной рукописью (ИРЛИ, ф. 124), в которую не менее чем дважды вносились дополнения; одно из стихотворений было перенесено для того, чтобы обойти требования цензуры (см. ниже). Хронологическую подчиненность обнаруживают и рамки книг, которые в С получают окончательно свои временные границы и названия: 1908—1915 гг. для «Камня», 1916—1920 гг. для «Tristia», а «1921—1925» переходит в заглавие соответствующей «книги».

При определении состава книг (и редакций текстов) стихотворений 1908—1925 гг. возникают следующие проблемы.

Первая — следует ли считать творческими те поправки и исключения, которые были сделаны поэтом в своем экземпляре «Стихотворений» в 1935—1937 гг. в Воронеже. В 1935 г. в Воронеж приехал высланный из Ленинграда Сергей Борисович Рудаков (1909—1944). Свое место ссыл-

¹Для «Камня» нами было проведено специальное исследование (32); дополнительные сведения приведены в К-1990, с. 281. Композиция Т и, по-видимому, К3 — не авторские. Отступления от хронологии в ВК (главным образом в стихах 1916 г.), как представляется, также носят случайный характер. Особенно сложно обстоит дело со стихами, написанными на стыке 1913 и 1914, 1917 и 1918 гг., и в некоторых других группах стихотворений, написанных в течение небольшого промежутка времени; их последовательность приходится определять предположительно.

ки он выбрал из-за Мандельштама и сразу после знакомства с ним начал работу над собиранием его стихов и комментариями к ним. Позднее, в 1936 г., Н.Я.Мандельштам привезла по его просьбе архив поэта, который они просмотрели вместе. Итогом этой работы стал свод стихов 1930—1935 гг.; поправки Мандельштама, внесенные в свой экземпляр «Стихотворений», также были ее следствием. Причины исключения ст-ний из сборника достаточно ясны (см., например, примеч. 389); наряду с этим были восполнены цензурные купюры и внесены изменения в редакции нескольких стихотворений. У нас нет сомнений в творческом характере этой работы, и, вслед за Н. Харджиевым, указанные поправки мы принимаем.¹

Две другие проблемы взаимосвязаны и относятся к области влияния цензуры. Сначала обратимся к прямым цензурным вмешательствам — вопросу, который для послеоктябрьских лет еще ждет своих исследователей. После Октября цензура последовательно и жестко проводила линию борьбы с «контрреволюцией» и «религиозной пропагандой», выявляя и трактуя их «замаскированные формы», однако в сферу ее наблюдения входили и другие вопросы, национальных отношений в частности. Время от времени смягчалась степень жесткости проводимых требований, например в КЗ оказалось возможным посвящение Н.С.Гумилеву (в ст-нии 38), а в ВК — провести редакцию «Пусть заговорщики торопятся по снегу» (ст-ние 114); в середине 1920-х гг. с Горлитом, как показывают дневники К.Чуковского, еще можно было вести спор за какие-то позиции и что-то отвоёвывать; в С явлением компромисса, возможно, были купюры (а не полное исключение), например в ст-нии 93. Наконец, следует отметить уже известный факт — первой и наиболее бдительной ступенью цензуры был редактор, который, будучи хорошо знаком с подходом цензоров, стремился учесть этот подход еще до того, как рукопись поступит в Горлит. В основном история отношения цензуры к стихам Мандельштама выглядит следующим образом. Два стихотворения были исключены из гранок харьковского журнала «Грядущий мир» в 1921 г. (см. примеч. 113). Невозможным в Петрограде оказалось печатание книги «Tristia» (см. преамбулу к ней). Из ВК, по свидетельству Н.Я. Мандельштам, цензура исключила ст-ние 103 (25, с. 54). Лучше всего известна, как по издательским материалам, так и по воспоминаниям современников, область цензурных вмешательств в С. Ст-ние 103 было в нем перенесено и

¹Особый случай представляет зафиксированная поэтом в своем экземпляре «Стихотворений» ранняя редакция ст-ния 101, которую мы, также вслед за Н.Харджиевым, не включаем в основной текст (см. примеч. 101). Следует также заметить, что поэт не коснулся некоторых ст-ний (89, 96) при восполнении цензурных купюр.

поставлено (без даты) между стихами 1916 г. (в стихи до-октябрьских лет), исключены ст-ния 32 и 124, снято посвящение Гумилеву,¹ купированы строки в ст-ниях 72 и 93.² Особый случай представляет собой печатная история «Сыновей Аймона» (ст-ние 124). Прежде всего упомянем о том, что получили документальное подтверждение свидетельства Н.Я.Мандельштам об исключении его из сборников цензурой. Первый эпизод она относит к составлению ВК (25, с. 101), — и действительно, один из списков этого ст-ния в ИМЛИ, как нам удалось установить, относится к наборной рукописи сборника (ед. хр. 14); текст вычеркнут в гранках. Помет на нем нет — в отличие от текстов в наборной рукописи и корректуре С, первый из которых содержит пометы цензурного характера, во втором — текст значительно сокращен, а заглавие заменено на /Подражание старофранцузскому/. По Н. Я. Мандельштам, этот перевод имел для поэта некое мировоззренческое значение (25, с. 101), и это подтверждается тем, что, поместив ст-ние в КЗ, поэт добивался его включения и в последующие сборники. В чем же причина столь придирчивого отношения цензуры к ст-нию, не содержащему, как кажется, в сюжете или религиозной лексике более того, чем в других стихах книги? Нам представляется, что здесь имел значение тот факт, что оно было заявлено как перевод, к переводам же предъявлялись повышенные требования уже на стадии отбора текстов, а проводились они более жестко. К авторским произведениям считалось необходимым подходить бережнее, чтобы не со-

¹По-видимому, из-за этого поэт снял и заглавие ст-ния «Ахматова». С посвящениями М.Лозинскому (ст-ние 30) и Г.Иванову (ст-ние 32) дело обстоит несколько сложнее. Посвящения Лозинскому нет и в КЗ, однако в редакционной подготовке этой книги, судя по пометам в авторском экземпляре (книжные фонды ГЛМ), поэт, вероятно, не принимал участия, во всяком случае на последних этапах. Еще сложнее положение с посвящением Г.Иванову, который в эти годы печатал в эмиграции гротескные очерки о своих петербургских друзьях; тем не менее само ст-ние 32 Мандельштам хотел включить в сборник. Оба посвящения в настоящем издании мы сохраняем соответственно К2.

²Наряду с этим отдельные строки в некоторых ст-ниях (42, 62) были заменены отточиями из-за того, что они «не сложились» и автор не нашел им замены. По воспоминаниям И.С.Поступальского, об этого рода купюрах поэт отзывался так: «ничего страшного нет в отрывочности моих стихов. „От многих древних поэтов остались одни фрагменты“» (частное собр.). Попутно упомянем об индивидуальной манере оставлять отточия на месте отброшенных строф — они, вероятно, отразили колебания поэта и служили ему памятными знаками при переизданиях. Такова природа отточий в предшествующих С сборниках в ст-ниях 38, 94 и некоторых других; эти отточия, как и почти всюду в С, мы не сохраняем.

здавалось впечатления о стеснении свободы творчества; на переводы эти мерки не распространялись — напротив, их выбор должен был иметь желательную «идеологическую нагрузку». Интенция создать иллюзию вольного отношения при переводе этого текста в сносках и подзаголовках, возникающих и меняющихся в ходе редакционной подготовки, диктовалась, очевидно, именно этими обстоятельствами. Очень вероятно, что эта ситуация возникла еще при подготовке первой публикации в журнале «Россия». Стиль перевода, сохраняющий архаический стиль оригинала и совершенно лишенный присущей Мандельштаму метафоричности,¹ должен был выглядеть недостатком в глазах редактора; для него должны были иметь значение и ряд неясных, требующих комментария выражений — такое, как «дворец большой руки», например. Не исключено, что эти обстоятельства повлияли и на переделку трех первых строк перевода.

Наиболее сложный вопрос, касающийся состава С, — о самоцензуре. Если бы выяснилось, что какие-либо стихотворения, входившие в предшествующие сборники, не были включены поэтом в С из-за их заведомой для цензуры неприемлемости, то их следовало бы ввести в состав «книг». И здесь существуют веские основания рассматривать с этой точки зрения «Поговорим о Риме — дивный град...», «Епсуслиса», «Люблю под сводами седья тишины...» и некоторые другие.² Однако нужно иметь в виду и потенциальную возможность других причин: могли иметь значение, например, какие-то критические замечания по поводу стиля и образности от товарищей по Цеху поэтов. О прецедентах известно мало, но они есть: ст-ние «Заснула чернь...», к примеру, было отвергнуто редакцией «Гиперборея», и о причинах пока можно лишь гадать. Для нас самым существенным аргументом (хотя он не должен рассматриваться как последний и решающий) явилось то, что во время работы над стихами этих лет в Воронеже (об этом говорилось выше) поэт, вероятно, не вспомнил об этих стихотворениях: о них нет речи ни в письмах С.Рудакова, ни в воспоминаниях Н.Я.Мандельштам; ни одно из них не внесено в авторский экземпляр С. Поэтому в настоящем издании состав «основного собрания» такими стихотворениями не пополнялся.

¹Ср. в рецензии: «совсем мертвые узоры, только по виду сделанные под французскую легенду, и следа нет той лирической нагруженности, которая так свойственна Мандельштаму, печальнику отошедшей художественной культуры» (Сибиряк // Горн. 1923. № 8. С. 222).

²В отношении стихотворений 1908—1915 гг. этот вопрос был поставлен в нашей статье о составе и композиции «Камня» (32); дополнительные сведения сообщались в *К-1990*, с. 281.

КАМЕНЬ

Замысел книги относится к началу 1912 г., времени активного участия Мандельштама в Цехе поэтов. О ходе ее подготовки сведений не сохранилось, известно лишь по анонсам в изданиях «Цеха поэтов» и журн. «Гиперборей» первоначально предполагавшееся название — «Раковина», повторявшее заглавие одного из ст-ний. По сообщению Р.Тименчика, осуществившееся название книге дал Н.Гумилев (Памятные книжные даты. М., 1988. С. 186). Автор включил в нее лишь 23 ст-ния (7, 12, 8, 11, 21—23, 18, 28, 348, 20, 30, 29, 27, 31—33, 37—39, 34—36); о причине Н. Гумилев в своей рец. писал так: «поэт сравнительно недавно перешел из символического лагеря в акменстический и отнесся с усугубленной строгостью к своим прежним стихам» (А. 1914. № 1/2. С. 126). Вышел «Камень» в конце марта 1913 г. под грифом издательства «Акмэ». В дарственной надписи Анне Ахматовой 12 апр. 1913 г. о книге сказано: «вспышка сознания в беспамятстве дней».¹ Рец. последовали почти исключительно от соратников-акменстов. В. Нарбут выделил ритмическое дарование автора, «включение в... поэтический словарь живой повседневной речи» и «тонкую наблюдательность» (Новый журн. для всех. 1913. № 4. Стб. 176). С.Городецкий подметил одно из существенных свойств поэзии Мандельштама: «выявление переживаний откровенно, в хорошем смысле этого слова, и честно, чем особенно отличается новейшая поэзия: Мандельштам не прикрашивает и не преувеличивает своего опыта» (Речь. 1913. 17 июня). В.Пяст отметил появление книги среди «литературных событий» года (Отклики: Прил. к газ. «День». 1914. № 1. С. 3). Второе издание было начато подготовкой в первые месяцы 1914 г. в издательстве М.В.Аверьянова. В его фонде (ИРЛИ) сохранился (не полностью) корпус автографов, дополнявших К1 до состава нового издания. По неустановленным причинам Мандельштам прервал сотрудничество с Аверьяновым и выпустил книгу на собственные средства, под грифом издательства «Гиперборей», которым руководили его друзья М.Лозинский и Н.Гумилев.² В сборник вошли ст-ния 1, 2,

¹Цитируется по копии в дневнике П. Лукницкого (Звезда. 1991. № 2. С. 121).

²В конце 1920 — начале 1921 г. Мандельштам еще раз сотрудничал с Аверьяновым в подготовке нового издания «Камня». Эти материалы (КорпАв-2) сохранились в собрании А.Г.Островского и представляют собой два экземпляра К2 с авторской правкой и вложенными автографами (подробнее см.: К-1990, с. 284). Известно, по разным документам, еще о ряде проектов: в 1918 г. у книгоиздателя К.М.Кожебаткина (расписка Мандельштама в получении денежной суммы хранилась, как сообщал нам П.Нерлер, в собр. М.И.Чуванова), см. также мемуарное свидетельство Г.Иванова (Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 621); в киевском издательстве «Летопись» в 1920 г. (Киевский день. 1920. 23 мая) и др.

312, 4—8, 10, 9, 11—13, 16, 352, 17—23, 25—31, 372, 32—46, 48—50, 388, 52, 391, 53—56, 389, 59, 60, 393, 61, 62, 66, 64, 68—71. По записи С.Каблукова в дневнике от 30 дек. 1915 г., два ст-ния (374, 399) были запрещены военной цензурой. Книга получила большое число откликов. Н.Гумилев, выделив символистический и акмеистический периоды в ней, писал о «полной самостоятельности стихов Мандельштама: редко встречаешь такую полную свободу от каких-нибудь посторонних влияний» (А. 1916. № 1. С. 30). Ему вторил Г.Гершенкройн: «В поэзии современной и прошлой у него нет двойников, и, ничего не заимствуя у других, он настолько силен и независим, чтобы, по слову Готье, чеканить монеты своим собственным штампом» (Одесские новости. 1916. 20 марта). С.Парнок (под псевдонимом «Андрей Полянин») отметила стихи, написанные «под знаком смерти», и «пафос конкретности» Мандельштама; особенность его поэзии она определила как «ваяние из слова» (Северные записки. 1916. № 4/5). М. Волошин, выявляя звучание «голоса» в стихах поэтов, писал: «Голос Мандельштама необыкновенно звучен и богат оттенками и изгибами. Но настоящее цветение его впереди. А этот „камень“ пока еще один из тех, которые Демосфен брал в рот, чтобы выработать себе отчетливую дикцию» (Речь. 1917. 4 июня). Перу Н.Лернера принадлежала уничтожительная рец.: «и в самом лучшем, что вышло из-под пера г. Мандельштама, узнаешь лишь слабые отпечатки чужих влияний» (Речь. 1916. 2 мая). Существенным было выступление В.Жирмунского со статьей «Преодолевшие символизм» (Рус. мысль. 1916. Кн. 12). Поэтические достижения Ахматовой, Мандельштама, Гумилева получили в ней хорошую оценку, хотя и не без некоторой односторонности, поведшей к выводам о том, что Мандельштам «такой же реалистический фантаст, как Гофман в сюжетах своих сказок», и о «полном исключении личности поэта из его поэзии». В июле 1923 г. Государственное издательство (Московское отделение) выпустило третье издание «Камня», включавшее стихи 1908—1922 гг.: 1—8, 24, 10, 9, 11—13, 16—23, 25—31, 33—39, 90, 40—50, 52, 67, 406, 391, 53—56, 389, 59, 60, 79, 61—63, 66, 124, 77, 76, 68, 69, 400, 58, 57, 70, 71, 508, 123. Судя по пометам в авторском экз. (Книжные фонды ГЛМ), поэт не держал корректур сборника: в книге проставлены даты под стихами, исправлены опечатки, восстановлено загл. ст-ния 36. Содержательных рец. на это издание не было. Со второй половины 1920-х гг. печатание произведений Мандельштама было осложнено тем, что его имя было включено в цензурные списки Горлита. Лишь с помощью Н.И.Бухарина удалось издать «Стихотворения». Раздел «Камень» в них заключал стихи 1908—1915 гг.: 1—8, 24, 9—23, 25—31, 33—38, 65, 39—50, 391, 51—56, 389, 57—61, 79, 62—64, 66—71 (ст-ние 79 было ошибочно датировано 1914 г.). В откликах на книгу специально на «Камень» внимание рецензентов не обращалось. Над стихами «Камня» поэт работал в Воронеже, где внес изменения в редакции нескольких, два исключил из раздела (см. общую преамбулу). В настоящем издании «Камень» печатается по соответствующему разделу С, с учетом вышеуказанных по-

правок и устранением цензурных вмешательств. Ст-ние 79 перенесено в раздел «Tristia». Восстановлена авторская купюра в ст-нии 14 (см. примеч.).

1. К2.

2. К2 (без второй строфы). — К3.

3. Ковчег. Феодосия, 1920, с пометой /С. Петербург, 1908/.

4. К2. Авторизованная машинопись с датой (АМ).

*5. Альманахи стихов, выходящие в Петрограде. Пг., 1915. Вып. 1. — К3. КорпАв. Э. Ф. Голлербах в эссе «Поэзия фарфора» (1920-е гг.) писал: «В свое время многим казалось новым и неожиданным, после туманов символизма, это пристальное и бережное внимание к вещи как таковой... Поэт чувствует в работе художника „сознание минутной силы, забвение печальной смерти“, т. е. ту, хотя бы призрачную и краткую, победу над темным временем и косным веществом, которая сообщает художественному произведению своеобразную одушевленность» (ГРМ).

6. К2.

*7. А. 1910. № 9. — К1. Под загл. /Дыхание/ в К1. Печ. без загл. согласно С.

*8. А. 1910. № 9. — К1. — К2. КорпАв-2.

*9. К2. Первонач. редакция — в беловом автографе с поздней пометой /Heidelberg. Декабрь 1909/ (АМ) и машинописи с датой (АЛ, предназначалась для № 1 «Гиперборея»). В архивных источниках тип строфики — двустишия.

*10. А. 1911. № 5. — К2. — С. Беловой автограф (АМ) с датой.

*11. А. 1910. № 9. — К1. Машинопись с датой (АМ). КорпАв-2. В связи с этим ст-нием В. Пяст в своей книге назвал Мандельштама, вслед за Тютчевым, «виртуозом ямба» (Современное стиховедение. Л., 1931. С. 103).

*12. А. 1910. № 9. — БП, где напечатано с поправкой, внесенной в авторский экз. С (СХ). В А и авторизованной машинописи с датой (АМ) — без загл. Ст-ние варьирует тему одноименного ст-ния Тютчева. Гумилев в рец. на К2 определил ст. 13—14 как «колдовское призывание добытия», а все ст-ние — «смелым договариванием верленовского „L'Art poétique“» (А. 1916. № 1. С. 30). *Silentium* (лат.) — молчание, безмолвие; в ст-нии ему соответствует «первоначальная немота», откуда женский род местоимений в ст. 1, 2. Ср. сходный мотив «тишины» в ст-нии 340.

*13. Северные записки. 1913. № 9. — К2 (без строфы 1). — К3. Машинопись с датой (АМ). ККабл. Ст-ние переключается с тютчевским «Певучесть есть в морских волнах...» (ср. из него «Лишь в нашей призрачной свободе...» со ст. 7) и «О вещая душа моя...» (ср. из него «Твой день — болезненный и страстный...» со ст. 11) (БП, с. 257; 55, с. 14—16).

*14. А. 1911. № 5. — С, с купюрой в ст. 10—12 (см. в преамбуле к «Воронежским тетрадам» о «гибельных» стихах). Печ. по А. Посланю Вяч. Иванову из Целендорфа 5 (18) авг. 1910 г. (автограф в РГБ; см. примеч. 338). Автограф доредакционной редакции в собр. Е. Эткинда (БП, с. 257). Автограф и машинопись с датой (АМ). Автограф из верстки С (РНБ, ф. 474).

*15. А. 1911. № 5. — С. Машинопись с датой (СИ). Автограф из верстки С (РНБ, ф. 474). В ст-нии осмысливаются автобиографические коллизии, выраженные языком тютчевской историософии (особенно «омут» переключается с «родимым хаосом» из ст-ния «О чем ты воешь, ветр ночной...» Тютчева; ср. также название гл. «Хаос иудейский» в «Шуме времени» и «родимый омут» в ст-нии 350).

16. А. 1911. № 5. Авторизованная машинопись с датой (АМ). Об «омуте» см. примеч. 15. В... омуте... окно. Родственный образ в ст-нии 282: «Океан без окна», источник которого, по-видимому, — определение человека как «монады без окна» Лейбницем (47, с. 108). Интерес к философии засвидетельствован у Мандельштама начиная с юношеских лет.

17. К2.

18. Литературный альманах / Изд. «Аполлона». СПб., 1912.

*19. Златоцвет. 1914. № 1. — К3. — БП, где напечатано по С с учетом поправки, внесенной 28 авг. 1935 г. в авторский экз. (СХ). К *равнодушной отчизне*. Образ переключается со строками Анненского «Я люблюсь на дымы лучей Там, в моей обманувшей отчизне» («Зимнее небо») и близок образам «пустого (слепого) неба» собственных стихов Мандельштама этих лет (Аникин А. Из наблюдений над поэтикой И. Анненского // Серебряный век в России. М., 1993). *Двойным бытием*. Реминисценция из ст-ния Тютчева «О вещая душа моя...» (55, с. 16).

20. Г. 1912. № 1. По воспоминаниям А. Гатова, Мандельштам назвал это ст-ние ритмическим прообразом «Нашего марша» Маяковского (5, с. 18). В рец. на К2 С. Парнок писала: «Поэт достигает истинной виртуозности ритма — так, например, в стихах «Сегодня дурной день...» передано

как бы сердцебиение» (Северные записки. 1916. № 4/5. С. 243).

*21. К1. — К3. Автограф с поправкой (АМ).

*22. Г. 1912. № 1. — К3. Машинопись с датой (АЛ). *Аквилон* (лат.) — северный ветер. *Орфей* — легендарный поэт греческих мифов, наделенный магической силой искусства.

23. К1. Печ. под загл. согласно С. Машинопись с датой /Ноябрь 1911/, без загл. (СИ). В К1 загл. имеется лишь в оглавлении. *Как раковина без жемчужин*. Реминисценция из «Открытия Америки» Гумилева (68, с. 142).

*24. Пьяные вишни. Севастополь, 1920, под загл. /О пальцы гибкие... /. Печ. без загл. согласно С. Авторизованная машинопись (АМ) с датой /16. XI. 1911/. ККабл (с датой). Авторизованная машинопись (РГАЛИ). КорпАв-2 (автограф).

*25. Северные записки. 1913. № 9. — К2. Машинопись (АМ) с датой /24. XI. 1911/.

*26. Г. 1912. № 1 (с опечаткой в ст. 13). — БП, где напечатано с учетом поправки, внесенной в авторский экз. С (СХ). Машинопись с датой (АЛ). КорпАв (с датой). *Какая бега стряслась!* Реминисценция из пьесы Блока «Балаганчик»: «И мы пели на улице сонной: „Ах, какая стряслась беда“, А вверху — над подругой картонной — Высоко зелена звезда» (66, с. 69).

*27. К1. Автограф с правкой и датой (АМ). Противопоставление «света звезд» образам «башни» и «камня» намекают в ст-нии поворот от символизма к акмеизму.

28. Г. 1912. № 1. Беловой автограф (АМ) с датой /Апрель 1912/.

29. К1. Автограф, записанный в альб. К. Чуковского 15 июля 1914 г., воспроизведен фототипически: *Чукоккала*, с. 56. Выражение «спесь» (ст. 4) соотносится с душевной болезнью К.Н. Батюшкова — она в романтической традиции считалась носителем высокого вдохновения. Речь идет о фактах, засвидетельствованных А. Дитрихом, врачом Батюшкова: на вопрос «который час?» поэт отвечал «вечность» (Батюшков К.Н. Соч. СПб., 1887. Т. 1. С. 342). У Мандельштама «час» как определитель конкретного исторического времени противопоставляется пространственно-временной нерасчлененности «вечности»: Н. Гумилев писал о ст-нии в рец. на К1: «Этим он открыл двери в свою поэзию для всех явлений жизни, живущих во времени, а не только в вечности или мгновении». (А. 1914. № 1/2. С. 127). Создание ст-ния связывалось с окончательным отходом Мандельштама от символизма (рец. Гумилева на К2 и др. источники). В

дальнейшем Мандельштам испытал сильное влияние поэзии Батюшкова (см. примеч. 183).

30. К1. В К3 без загл. В К1, К3 и С без посвящения. В К3 и С в ст. 10 «листвах» вм. «листах» — вероятно, невыправленная опечатка. Михаил Леонидович Лозинский (1886—1955) во время создания ст-ния — студент Петербургского ун-та, издатель журн. «Гиперборей», друг Мандельштама.

31. Г. 1912. № 3. Беловой автограф (АЛ) с датой /Май 1912/. Здесь и в Г — без загл. Печ. под загл. согласно С. *Я не поклонник радости превзятной*. Речь идет об отношении к тезису «радости» («жизнеутверждения») в разработавшейся в это время программе акмеизма (54, с. 29). *Душа висит над бездною проклятой*. Реминисценция из ст-ния Тютчева «Святая ночь на небосклон взошла...»: «В душе своей, как в бездне, погружен...» (55, с. 16).

*32. К1. — БП, где напечатано по списку 1927 г. из собр. Е. М. Глинтерн (ныне местонахождение неизвестно), без посвящения, в разделе «Стихотворения, не вошедшие в основное собрание». Печ. по этому изданию с восстановлением посвящения. В К3 и С не вошло (см. общую преамбулу). В корректуре С (ИРАИ) с различием в ст. 8 («рвякнут» вм. «грянут»). В К2 текст искажен военной цензурой («рьяны» вм. «пьяны», см. *32.1), об этом свидетельствует и М.Цветаева в очерке «Нездешний вечер». 2 автографа (АМ, тексты неполны) с правкой; содержат мелкие различия; один из них — с посвящением. На неточность в первой редакции — уланы не стояли в Царском Селе — указал в печати Э.Голлербах (Город муз. Л., 1927. С. 69). Обращено к поэту Георгию Ивановичу Иванову, приятелю Мандельштама тех лет. Позднее в эмиграции Г.Иванов писал о своей дружбе с Мандельштамом в гротескных очерках (нередко с искажениями фактов), вошедших в его книгу «Петербургские зимы».

33. К1. Беловой автограф с датой (АМ).

34. Г. 1913. № 5. Беловой автограф (АЛ). Помимо живых впечатлений автора, в сюжете отразилась рефлексия над ст-ниями Тютчева «Я лютеран люблю богослуженье...», «И гроб опущен уж в могилу...» (55, с. 25). *Бутоньерка* (фр.) — букетик цветов, прикалываемый к одежде или вдеваемый в петлицу. *И гумал я... не предтечи*. По наблюдению Г.Морева, полемически соотносится с программным ст-нием Д.Мережковского «Дети ночи»:

Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.

35. А. 1913. № 3. — К3. Машинопись (АЛ) с датой /28 октября 1912 г./ Здесь на авторский текст, соответствующий К3, Гумилев, тогда заведовавший литературным отделом «Аполлона», нанес свои поправки, с которыми ст-ние и было напечатано в журн.: ст. 5 /И всем пример — года Юстиниана,/ ст. 9 /Куда ж стремился твой строитель щедрый./ Третья его поправка — /И богомольцев/ вм. «И серафимов» в ст. 23 — в печатном тексте А не отражена. *Айя-София* — собор св. Софии в Константинополе, при возведении которого (532—537 гг.) была гениально воплощена идея купольной базилики как типа постройки. В ст-нии назван ряд деталей интерьера храма: мраморные колонны, взятые по повелению императора Юстиниана из храма Дианы в Эфесе (БП, с. 259), (см. ст. 5—8); мозаичные изображения ангелов (см. ст. 15—16). Стремление к художественной точности при воплощении реалий входило в программу акмеистов, только недавно сформировавшуюся. В А помещено (вместе со ст-нием 36) в программной подборке стихов поэтов-акмеистов. *Ведь купол твой... к небесам.* Свидетельство об этой легенде приводит византийский историк Прокопий Кесарийский в труде «О постройках Юстиниана». *Апсиды и экседры* — архитектурно оформленные выступы и углубления в здании. *Паруса* — характерные для этого типа постройки треугольные сферические своды, на которые опирается барабан купола.

*36. А. 1913. № 3. В К3 без загл. (восстановлено в авторском экз., см. преамбулу). В АМ автографы: 1) ранней редакции строфы 1; 2) основного текста без загл., с датой. Машинопись с датой (АЛ). *Notre Dame* — собор Парижской Богоматери, величайшее сооружение ранней готики, в котором была воплощена идея крестового свода (ср. ст. 2—4). Элементы конструкции стрельчатых сводов, ребра-нервюры, отразились в образах «нервов» и «ребер» (ст. 3, 14). С программой акмеизма ст-ние связывает упоминание «таинственного и первого» Адама (*36.1) — движение вначале имело второе название, «адамизм»; также и в статье «Утро акмеизма» архитектура этого собора декларируется как «праздник физиологии, ее дионисийский разгул». См. примеч. 35. *Где римский судия... народ.* Подразумеваются римские наместники: на острове Ситэ, где стоит Нотр-Дам, находилась Лютеция — колония, основанная Римом. *Стихийный лабиринт, непосижимый лес.* Источник сравнения собора и леса — роман Ж.К.Гюйсманса «Собор» (67, с. 243). Лабиринты выкладывались на полу готических соборов.

*37. К1. — БП, где напечатано с учетом поправки в авторском экз. С (АМ), которой из печатного текста исключена строфа (*37.1): в С помещалась с разночтением (возможно, цензурного происхождения): «беда» вм. «нужда». Сравнение «старика» сначала с Верленом, затем с Сократом основывается на внешнем сходстве последних, отмечавшемся еще при жизни Верлена.

*38. Г. 1913. № 5. — С. В Г и в автографах (см. ниже) — без посвящения. С посвящением — в К1, К2, К3; в С оно было снято редактором (наборная рукопись, ИРЛИ). В К2 со строкой отточий, означившей опущенный текст (ныне неизвестен). В С исправление «жесткая» вм. «крепкая», как представляется, носило не цензурный, а стилистический характер: *порфира* — верхняя торжественная одежда императоров, длинный плащ из красного шелка, подбитый горностаем. Автограф ранней редакции с датой /январь 1913/ (СИ). Беловой автограф (АЛ). Николай Степанович Гумилев (1886—1921) в пору создания стихотворения — основатель акмеизма как течения; заведовал литературным отделом «Аполлона»; был другом Манделъштама, повлиявшим на становление его поэтического дарования. В годовщину его гибели (1928) Манделъштам писал Ахматовой: «я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми — с Николаем Степановичем и с Вами. Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется» (23, с. 123). *Над желтизной правительственных зданий*. Желтый — излюбленный цвет Николая I, предпочитался в эпоху его правления при окраске зданий в Петербурге. *Правовед*. Здесь — студент Училища правоведения. *Склад леньки*. Подразумевается Пеньковский (Тучков) буян. *Мотор* в современном ст-нию словоупотреблении — автомобиль. *Чугак Евгений*. Манделъштам перенес в современный ст-нию Петербург героя «Медного всадника» Пушкина.

*39. Г. 1913. № 5. — К2. Беловой автограф (АЛ). *Выстрел пушечный* в Петропавловской крепости извещал горожан о наступлении полдня. *Подвалы* — тюремные казематы Петропавловской крепости.

40. Г. 1913. № 9/10. Беловые автографы в АЛ и АМ. *Ликуешь, как Исая*. «Исая, ликуй» — хорал, исполняемый при обряде бракосочетания. *Высокий спорщик.. ты в доказательстве иска?* Декларируя «смысл», «логику», «доказательство» в противовес «музыке» символистов, Манделъштам писал: «Логическая связь для нас... симфония с органом и пением... Как убедительна музыка Баха! Какая мощь доказательства!» («Утро акмеизма»).

41. Рубикон. 1914, № 3, под загл. /Чайная/. Печ. без загл. согласно С. Беловой автограф с датой (АМ).

*42. Г. 1913. № 9/10. — С (без ст. 12). — БП, где напечатано с новой редакцией стиха 12, внесенного в авторский экз. С 2 янв. 1937 г. (СХ), и датой /1912/ по КорпАв. Печ. по БП с восстановлением даты по К2 и С: в первой публ. помещено вместе со стихами 1913 г. Беловой автограф (АЛ). В нем, как и в Г, с отточиями перед ст. 1. *Кошмарный человек*. Речь идет о друге Манделъштама, поэте Владимире Алексеевиче Пясте (Пестовском), читающем «кошмарные» стихи Эдгара По «Уялям» (Иванов Г. Поз-

ты // Последние новости. 1926. 12 сент.). Имя По и его новелла «Падение дома Эшеров» названы в ст. 9. Значение — *суэта... служанка серафима*. В.Пяст в рец. на К2 назвал «превосходными» «эти две строки про Эдгара По» (День. 1916. 21 янв.), М.Волошин в статье «Голоса поэтов» ошибочно понял их в противоположном смысле, как декларацию автора (Речь. 1917. 4 июня). Речь идет о том, что у По предпочтение отдается мелодии стиха («фонетике»), в ущерб перевозносимому Мандельштамом «значению».

*43. А. 1914. № 10. Автографы: а) ранней редакции (АМ) с датой /Май 1913/; б) АЛ; в) строфы 1 (собр. М.С.Лесмана). В книге «Душа Петербурга» Н.Анцыферов писал о ст-нии: «Вполне чистый образ города, свободный от всяких идей, настроений, фантазий передает один О.Мандельштам. <...> Спокойно торжество человеческого гения. Империалистический облик Петербурга выступает вновь, введенный без пафоса, но со спокойным приятием. <...> В „Петербургских строфах“ развитие этой темы» (Пб., 1922. С. 208). *Мне всё равно, когда и где существовать* (*43.1). Соотносится со словами Гумилева о даре художественного воплощения у Мандельштама: «Он — свой во всех временах и пространствах» (К-1990, с. 298).

*44. Г. 1913. № 8. Беловые автографы: в АМ, под загл. /Таверна/, и в АЛ.

45. Новый Сатирикон. 1914. № 22. Беловой автограф (РГАЛИ). Н.М.Зоркая предполагает, что ст-ние было написано под впечатлением от фильма братьев Патэ «Шпионка» (Искусство кино. 1988. № 3).

*46. Журнал за 7 дней. 1913. № 20 (20 июня). — Новый Сатирикон. 1914. № 24. Беловой автограф с датой (РГАЛИ). *Аттический* — от названия области Греции, полуострова Аттика; в ст-нии означает «эллинский».

47. Пьяные вишни. Севастополь, 1920. Гранки журн. «Рудин», вместе со ст-нием 63 (РГБ, 245.10.7). В Т — без загл. В строфе 2 ощутимо влияние ст-ния Маяковского «Кое-что про Петербург» (урбанистический пейзаж и рифма «трубы»/«губы» (БП, с. 262). *Забыв «Титаника» совет*. Намек на широко рекламировавшуюся развлекательную прогулку, закончившуюся трагически: пароход «Титаник» столкнулся с айсбергом и затонул 1 апр. 1912 г. *Крилт* — помещение (ниша) в катакомбах для захоронения умерших.

48. Новый Сатирикон. 1914. № 7 (13 февр.). Датируется по К2. Беловой автограф (РГАЛИ) с датой /1914/, которая представляется менее вероятной. К сюжету «Домби и сына» поэт относится вольно, вплетая в ст-ние мотивы других романов Диккенса; такая поэтическая «игра» отвечала его замыслу (9, с. 369).

49. Новая жизнь. 1914. № 1 (январь). Беловые автографы: АМ (с датой); ИРЛИ. Р1, оп. 17, № 559; Альб. Ю.Юркуна с датой (собр. Л.А.Глезера) (Соч., с. 465). *Иосиф, проданный в Египет*. Поэт уподобляет себя тезке — герою библейского повествования — в одном из его жизненных злоключений (Быт., 37).

50. К2. Беловой автограф под загл. /Валькирии/ и датой /1914/ (АМ). *Валькирии* — девы-воительницы скандинавских мифов; в ст. 1 речь идет об оркестровом пассаже «полет Валькирий» в опере Р.Вагнера «Валькирия» (из цикла «Кольцо Нибелунгов»).

*51. С. Беловой автограф с датой из наборной рукописи С (РНБ, ф. 474). В СИ— автограф, под загл. /Приглашение на луну/ и машинопись с правкой, под загл. /У меня на луне/.

52. Г. 1913. № 9/10. Беловые автографы: АЛ; РГАЛИ, ф. 13. В автографах и Г — под загл. /Анне Ахматовой/. В С без загл., что объясняется, как и снятие посвящений в нем, цензурными условиями. Печ. под загл. согласно К2. Ахматова вспоминала, что ст-ние было написано под впечатлением от чтения ею стихов в «Бродячей собаке» (1, с. 193) 3 января 1914 г. Мемуаристы указывали на допечатную редакцию ст. 7 «Так отравительница-Федра» и ст. 5 «Зовущий голос» (К-1990, с. 302). В ст-нии образ Ахматовой совмещен с образом Федры из одноименной трагедии Расина, созданным великой французской актрисой Элизой Рашель. Ахматова высоко ценила стихи Мандельштама с ранних лет их знакомства, по воспоминаниям Г.Адамовича, назвала его: «наш первый поэт» («Мои встречи с Анной Ахматовой»); Мандельштам предрек Ахматовой стать «одним из символов величия России» («О современной поэзии», 1916). Сознание общности поэтических задач и исторического значения своей поэтической работы «над преобразованием слова в условиях дислокации культурных моделей» (17, с. 47) ставит их содружество на уровень событий эстетического значения. *Горький хмель*. В этом образе откликнулись строки Ахматовой: «Как соломинкой пьешь мою душу, Знаю, вкус ее горек и хмелен...» (наблюдение О.Лекманова).

53. Голос жизни. 1915. № 14, вместе со ст-ниями 54 и 61, под общим загл. /Из цикла «Рим»/. Полностью цикл, вероятнее всего, не был сформирован. Каблуков в записи дневника от 6 сент. 1914 г. упоминает «складень» (так называл свои циклы И.Анненский) «Рим»; он же устраивал через З.Гиппиус публ. стихов Мандельштама в двух номерах «Голоса жизни» (К-1990, с. 248—249). В ст. 9—12 отразились мотивы «Скорбных элегий» Овидия (кн. 3, элегии 10, 12).

*54. Голос жизни. 1915. № 14 (см. примеч. 53). — К3. В первой публ. с подзаг. /Памяти Воронихина/. Написано

в связи со столетием со дня смерти Андрея Никифоровича Воронихина (1759—1814), выдающегося архитектора, утвердившего вместе с Дж.Кваренги классический стиль в архитектуре Петербурга. О лучшем творении Воронихина — Казанском соборе с его торжественной колоннадой, одной из главных архитектурных доминант Петербурга, и сложено ст-ние. Прототипом архитектурного решения был собор св. Петра в Риме, отсюда сравнения в ст. 5—6. *Гиганта, что скалю... прижат*. Источник этого образа, по-видимому, стих И.Анненского «В темных лаврах гигант на скале...» («Петербург»), говорящий о памятнике Петру I («Медном всаднике»). Противопоставление ему «маленького тела» храма в строфе 3 основывается, должно быть, на превознесенной поэтом способности храма как архитектурного сооружения «одушевлять» пространство (т. е. быть вместилищем Св. Духа). «Медный всадник», на «скале» (пьедестал), попирающий змею (ее символическое значение связано с «землей» ст-ния), описан как «прижатый к земле»; такая метафорическая игра нередка в стихах Мандельштама.

55. К2. Беловой автограф под загл. /Равноденствие/ (АМ). В ст-нии обыгрываются термины стиховедения: долгота гласных (ст. 1) как один из определителей метрической (в ст. 2 неточно: «тонических стихах») системы стихосложения у древних; то же значение имеют «длительность» и «метрика» (ст. 4); «цезура» (ст. 5) — пауза внутри стиха.

*56. Новый Сатирик. 1915. № 26. — К3. В первой публ. под загл. /Мороженно!/, передающем возглас мороженщика-разносчика. С тем же загл. в ККабл (автограф). КорпАв (с датой). *С румяной зарею, В молочные Альпы мечтанье летит*. Реминисценция из ст-ния Батюшкова «Странствователь и домосед»: «И в Мемфис полетит с румяною зарею...» (наблюдение О.Лекманова). *И в тесной беседке... граций*. Переключается, с ироническим оттенком, с «Беседкой муз» Батюшкова: «Беспечен, как дитя всегда беспечных граций, Он некогда придет вздохнуть в сени густой Своих черемух и акаций» (52, с. 17).

57. Т. В АЛ — беловой автограф на бланке журн. «Аполлон», в виде цикла со ст-нием 58, с визой редактора: /Аполлон № 9. Набор — корпус. С.Маковский/. Виза относится к номеру 1914 г., поскольку в дальнейшем ноябрьский выпуск входил лишь в сдвоенные номера журн.; этим подтверждается дата ст-ния в С (в БП дата пересмотрена на «1917» без достаточных оснований). В ККабл указан вариант (см. примеч. 390).

58. Вечерняя звезда. 1918. 9 марта. В прижизненных публ. без дат; в БП с датой «1917». Датируется на тех же основаниях, что и ст-ние 57. Беловые автографы в АЛ и РГАЛИ.

59. Наши дни. 1915. № 3. Оссиан — легендарный воин и бард кельтов, под именем которого Д.Макферсон издал обработанные им фольклорные записи (1765). Влияние «Сочинений Оссиана...» испытал и Н.Гумилев (ст-ние «Оссиан»). В рец. на К2 Гумилев писал о ст-нии как намечающем «проблему художественного творчества» — в строфах 3—4 раскрыта идея «вечного возвращения» или «возвратности поэтического слова» (17, с. 72).

*60. А. 1914. № 6/7. — К2. В АЛ (портфель «Аполлона») — беловой автограф допечатной редакции, к которой поэт вернулся в К2. Беловой автограф в ДнКабл с датой /Сентябрь 1914/. Ст-ние явилось откликом на начало первой мировой войны. Воззрения, близкие строфам 1—2, отразились в статье «Пшеница человеческая» (1922): «Политическое буйство Европы, ее неутомимое желание перекраивать свои границы можно рассматривать как продолжение геологического процесса, как потребность продолжить в истории эру геологических катастроф, колебаний, характерную для самого молодого, самого нежного, самого исторического материка, чье темя еще не окрепло, как темя ребенка». В строфах 3—4 речь идет о временах наполеоновских войн и Священного союза — коалиции России, Австрии и Пруссии (1815), составленной с целью обеспечить в послевоенной Европе политическую стабильность. Меттерних К. (1773—1859) — государственный деятель Австрии и дипломат, один из вдохновителей Священного союза. Солнца-короля (*60.3). Речь идет о Людовике XIV, которого называли «король-солнце».

*61. Голос жизни. 1915. № 14 (см. примеч. 53). — К2.— С. В первой публ. и беловом автографе с датой (АМ) — без загл. Автограф двух первых строф (АМ). Списки Н.Я. Мандельштам (в редакции К2) в наборной рукописи С (ИРЛИ). В ст-нии отразилось увлечение Мандельштама идеями «католического универсализма» (см. К-1990, с. 358), воспринятыми из сочинений П.Я.Чаадаева. Написанное от лица автора, ст-ние варьирует мысли близкой по времени статьи «Петр Чаадаев» (1914): «На Западе есть единство! С тех пор как эти слова вспыхнули в сознании Чаадаева, он уже не принадлежал себе и навеки оторвался от „домашних“ людей и интересов» (гл. 2); «У России нашелся для Чаадаева только один дар: нравственная свобода, свобода выбора... Чаадаев принял ее как священный посох и пошел в Рим» (гл. 5). Солнцем истины. Здесь «истина» в значении «Христос»: в автографе (АМ) — с прописной буквы.

*62. Альманахи стихов, выходящие в Петрограде. Пг., 1915. Вып. 1. — К3. Отточиями в основном тексте были заменены стихи, которыми поэт не был удовлетворен (см. общую преамбулу). Беловой автограф с датой /6 декабря

1914/ (БП, с. 266, ныне местонахождение неизвестно). Беловые автографы: РГАЛИ (ф. 543), с датой /Дек. 1914/; с той же датой и незавершенными пробами переработки отдельных строф — КорпАв. Образу Бетховена в ст-нии соответствуют высказывания Вяч.Иванова о нем как о «зачинателе нового дионисийского творчества» и «избранном слугителе Диониса» (12, с. 65, 80), ср. строфу 4, где под Дионисом подразумевается Бетховен. Обширен круг связей с фактами биографии и творчества Бетховена. Основные: упоминание о глухоте композитора (ст. 3) — «главной трагедии бетховенской жизни и главной основе бетховенской мифологии»; эпизод, когда исполнитель-виолончелист бросил партитуру на пол, отказываясь играть «навязываемую ему чепуху» (ср. ст. 7—8); картина Ю.Шмида «Бетховен на прогулке» (ср. строфу 2 (*62.2.) первопечатной редакции) (13, с. 70). Ритурнель. Здесь в качестве названия танца; словарное значение — музыкальное вступление перед началом танца. Скиния — шатер или храм с ковчегом завета у древних иудеев. Ты указал... на белой славы торжество. Речь идет о «Девятой симфонии» Бетховена, что выясняется из статьи «Скрябин и христианство», где эти слова цитированы; раскрывая образ, поэт говорил о том, что христианское ощущение личности подчиняет себе изначальное дионисийство музыки.

*63. Рудин. 1916. № 8. В С с неверной датой /1914/. Датируется по ККабл, где записана ранняя редакция. Наборная рукопись «Рудина» (РГБ, 245.1.6).

*64. К2. ККабл, под загл. /Имябожие/, с датой. Авторизованная машинопись с датой (АМ). КорпАв-2, с правкой. Имябожие — признанное постановлением Синода еретическим (намек на это в версии *64.2) учение афонского монаха Илариона, утверждавшего, что «Имя Бога и Имя Иисус есть сам Бог». Ересь была подавлена карательной экспедицией (1913).

65. С, с неточной датой /1913/. Беловой автограф из наборной рукописи С (ИРЛИ), с той же датой. Датируется по ККабл (здесь без эпитафия, под загл. /Лютер в Вормсе/). Эпитаф, точным переводом которого является ст.1, — слова Лютера, сказанные им на имперском съезде в Вормсе в ответ на предложение отказаться от своих взглядов. В ст-нии выражена мысль о соотношении католичества и протестанства («незрячий» дух Лютера над куполом римского собора), восходящая, по-видимому, к статье Тютчева «Папство и римский вопрос», где лютеранство рассмотрено как движение, генетически перенявшее у католичества право на «захват». Ср. также и более позднюю характеристику Лютера как «плохого филолога» («О природе слова»). Ст-ние соответст-

вует периоду увлечения поэта идеями славянофилов, К.Леонтьева в частности (см. К-1990, с. 358).

*66. К2. — Новый Сатирикон. 1916. №42. — К3. ККабл (две редакции). В С с неверной датой /1914/. Датируется по К2. Жамм Франсис (1868—1938) (*66.1) — французский поэт, испытывавший сильное воздействие католичества.

67. К3.

*68. К2. Авторизованная машинопись с датой (АМ). Взаимосвязь между «верностью» и «свободой» в ст-нии восходит к статье «Петр Чаадаев»: «Идея организовала его личность, не только ум, дала этой личности строй, архитектуру, подчинила ее себе всю без остатка и, в награду за абсолютное подчинение, подарила ей абсолютную свободу» (гл. 1).

69. К2. Беловой автограф (АЛ, портфель «Аполлона») в подборке со ст-ниями 400, 70, 72. Импульсом к созданию ст-ния было чтение «Илиады» на греческом языке (А.И.Питровский. Театр, кино, жизнь. Л., 1969. С. 361). *Список кораблей* — перечисление навархов, приведших свои корабли под Трою («Илиада», песнь 2). *Елена* — героиня Илиады, косвенная виновница Троянской войны. *Ахейцы*. Здесь — греки.

70. К2. В С редакция ст. 16 /месяц цезарей/ — что, вероятно, явилось цензурным искажением; в авторском экз. С (СХ) — незавершенная правка окончаний этих слов. Беловой автограф (АЛ) (см. примеч. 69). *Цезаря... профиль женственный*. По скульптурным портретам можно судить о том, что речь идет о Цезаре Октавиане Августе. *Капитолий* — один из семи холмов Рима, на котором стояли крепость и храм Юпитера. *Форум* — площадь у подножия Капитолия, средоточие общественной жизни древнего Рима. *Печаль моя светла* — реминисценция из ст-ния Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». *Волчицею была*. Подразумевается легендарная волчица, вскормившая основателей Рима. *Месяц Цезаря*. Название августу было дано в честь Цезаря Октавиана; титул «Август» (священный) получен им от Сената.

71. К2. Написано осенью 1915 г., в одно время со ст-нием 72 (см. примеч.). Мотивы в ст. 14—17 перекликаются с образом Ахматовой в ст-нии 52. *Как эти покрывала мне постылы*. — Цитата из трагедии Расина «Федра» (д. 1, явл. 3). *Мельпомена* — муза трагедии. *Я в этой жизни... мира*. Реминисценция из трагедии И.Анненского «Меланиппа-философ»: «Мы ж мира, бог, мы жаждем только мира...» (20, с. 167).

Возможность издать книгу новых стихов представилась Мандельштаму вскоре после возвращения в Петербург осенью 1920 г. Договор с издательством «Петрополис» был подписан 5 нояб. 1920 г. (от издательства — его владельцем Я.Н.Блохом). Название книги в договоре — «Новый камень» (РГАЛИ). Осуществившееся название книге дал М.А.Кузмин, входивший в редколлегия «Петрополиса». При подписании договора Мандельштам передал Блоху «110 строк стихов» — приблизительно 8 ст-ний. В начале лета 1921 г. поэт уехал из Петербурга на Кавказ, где пробыл почти до весны следующего года, и в дальнейшем принимать участие в подготовке книги не мог. Издательству же препятствовали затруднения цензурного характера. Анонсы появлялись начиная с августа (Жизнь искусства. 1921. 16—21 авг.), но печатание все откладывалось. По дневнику П.Н.Зайцева (РГАЛИ, запись 1 янв. 1922 г. — указана нам А.А.Морозовым), «Tristia» была запрещена во время инспекции заведующего Государственным издательством Н.Мещерякова. Книга вышла в Берлине в июле или начале авг. 1922 г. В нее вошли ст-ния 72, 73, 403, 74, 80—81, 406, 79, 75—78, 82, 84, 88, 85, 83, 90, 86, 94, 95, 100, 96, 57, 3, 98, 404, 103, 24, 382, 87, 63, 105, 47, 97, 110, 104, 99, 106, 398, 101, 107, 93, 91, 102, 108, 415. Появлению сборника «предшествовала хвалебная молва» (см. ниже). Действительно, первые рец. — В.Жирмунского, И.Эренбурга — появились на основе знакомства с рукописью еще до выхода книги. Жирмунский писал: «Как всякая поэзия классического стиля, поэзия О.Мандельштама есть творчество прекрасных форм. <...> Мандельштам выражает свои фантастические сочетания разнороднейших художественных представлений в классически строгой и точной эпиграмматической формуле. Математическая фантастика, разгул воображения, опрокидывающий привычные связи представлений, — и высшая сознательность умного зодчего!» (Вестн. лит. 1921. № 4/5. С. 5). Высокую оценку книге дал К.Мочульский: «Поистине, после появления „Anno Domini“ Анны Ахматовой книга Мандельштама самое крупное событие русской художественной жизни. Обещанный Петрополисом много месяцев тому назад, предшествуемый хвалебной молвой, этот небольшой сборник стихов появился, наконец, в Берлине... Спиритуализм, раскрепостив слово, освобождает через него мир. Мандельштам невольно обращается к великим освободителям духа — античности и христианству... Немногочисленные стихи о России принадлежат к лучшим созданиям поэта» (Последние новости. 1922. 14 окт.). Из, в общем, недружественного лагеря «левого искусства» вышла рец. Н.Н.Пунина: «Конечно, я уже не знаю, за чтением „Tristia“, где кончается старая форма, где начинается новая, но я изменяю всему: новому искусству, динамике, боевым товарищам и пр. перед лицом человека, так глубоко еще владеющего искусством. Перед лицом этого человека слабеет

крепость моего „воинствующего духа“, прощая ему все, с чем я никак не могу согласиться и никогда не соглашусь. <...> „Tristia“ очень пышный и торжественный сборник, но это не барокко, а как бы ночь формы. Работающие в искусстве... знают ночное и предрассветное состояние сознания, когда свет предыдущего дня, приведший уже однажды мир в порядок, погас и огромные коромысла качаются в пустоте ночи, строя чертежи новой формы» (Жизнь искусства. 1922. 17 окт.).

Сразу после возвращения из поездки в Закавказье, 11 мая 1922 г., Мандельштам заключил договор с ГИЗОМ об издании сборника стихов «Аониды» объемом 1800 стихотворных строк (ГАРФ, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 53). Нами обнаружен отзыв на нее политического редактора ГИЗа Кл. Лавровой: «Никаких препятствий с политической стороны не встречается. Если Госуд. Изд. вообще печатает стихи, то, конечно, есть все основания издать книжку Мандельштама», — датированный 27 мая 1922 г. и в тот же день визированный Л.Троцким (?): «печатать» (там же, оп. 9, ед. хр. 6). Книга анонсировалась «Известиями» (1922. 5 сент.), «Накануне» (1922. 1 окт. Лит. прил. № 1) и калужским журн. «Корабль» (1923. № 1/2, с названием книги «Слепая ласточка»). Планы издательства, вероятно, были скорректированы после того, как Мандельштам начал подготовку «Второй книги» в издательстве «Круг» (см. далее) и ГИЗ выпустил новое издание «Камня».

25 нояб. 1922 г. в издательство «Круг» была сдана «Вторая книга», по составу близкая к «Tristia». Она также проходила цензуру с трудом (см. общую преамбулу). По-видимому, вследствие этого под стихами, как и в КЗ, не были поставлены даты. Вышла книга в конце мая—начале июня 1923 г. с посвящением /НХ/— Надежде Хазиной (Н.Я.Мандельштам). В нее вошли ст-ния 73, 72, 74, 82, 75, 78, 80—81, 84, 83, 85, 88, 86, 87, 91—95, 97—100, 102, 101, 107—109, 104, 111, 110, 106, 105, 113—120, 122, 123, 125. Рец. на книгу были немногочисленны. Резким диссонансом прозвучала рец. В.Брюсова: «Наиболее крупным „событием“ можно признать выступление Осипа Мандельштама, поэта на стихи весьма скупого, но в некоторых кругах весьма прославленного. <...> О.Мандельштам искусный мастер — и это все. Оторванная от общественной жизни, от интересов социальных и политических, оторванная от проблем современной науки, от поисков современного мирозерцания, поэзия О.Мандельштама питается только субъективными переживаниями поэта да отвлеченными, „вечными“ вопросами — о любви, смерти и тому под., которые в своем метафизическом аспекте стали давно пустыни, лишенными реального содержания» (Печать и революция. 1923. № 6. С. 63). Книгу приветствовали Д.Выгодский (Жизнь искусства. 1924. 1 янв.) и анонимный рецензент «Бюллетеня книги»: «Стихи Мандельштама — лирические признания капризной и глубоко-одиноким индивидуальности... человека, бродящего по миру с одной заботой: „вре-

мени бремя избыть" <...> Мандельштам из тех поэтов, которые требуют от читателя особой одаренности, чтобы пережить вместе с автором его волнения. Не всякий читатель будет очарован музыкальным строем современного Орфея...» (1923. № 9/10. Стб. 72). В названии соответствующего раздела в С поэт вернулся к «Tristia». Сюда вошли ст-ния 72—74, 103, 80—81, 75—78, 83, 84, 82, 89, 90, 86—88, 85, 91—95, 97—99, 96, 100—102, 104—111. В составе «Tristia» следуем этому разделу, дополняя его ст-нием 79, перенесенным из раздела «Камень» соответственно времени его создания; устраняются цензурные искажения; восстановлена (в ряде мест предположительно) хронологическая последовательность стихов, а также авторская купюра в ст-нии 72 (см. примеч.).

*72. Т.— ВК.— С, где ст. 21 заменен отточиями (см. в преамбуле к «Воронежским тетрадям» о «гибельных» стихах). Печ. по ВК. Завершенные ранние редакции отражены в автографах: АМ, с датой /13 октября 1915/ и АЛ (портфель «Аполлона»), в подборке (см. примеч. 69). В обоих еще нет ст. 20—21 — третьей реплики Федры. Более поздняя допечатная редакция в ККабл (со ст. 20—21); здесь сделана попытка снять драматическое напряжение финала (наблюдение А. Морозова); один из вариантов записан позднее (ст. 22—29), с датой /1916/ и под загл. /Вариант «Федры»/. Время записи ст-ния в ККабл, приблизительно, февр. 1916 г. — 6 марта оно было послано другу Каблукова Д. Черкесову (ДнКабл). Писалось в одно время со ст-нием 71; запечатлело попытку следовать опыту «античных драм» И. Анненского: слова Федры, восходящие к драме Расина (ст. 1—2, 11—12, 20—21) перемежаются репликами хора, неперемного участника античной трагедии (у Расина его уже не было). Влияние «Федры» на творчество Мандельштама углублялось до 1917 г., завершившись созданием одного из главных образов — «Федры-России» («Скрябин и христианство»). «Акмеистический ветер перевернул страницы классиков и романтиков... Расин раскрылся на „Федре“...» — писал Мандельштам в 1922 г. («О природе слова»). Об этом предпочтении акмеистов Г. Адамович заметил: «Через расино-пушкинский водопровод еще струится прохладная и чистая вода античности» (Русская поэзия // Жизнь искусства. 1923. 16 янв.). *Федра* — в греч. мифе внучка солнца Гелиоса (отсюда в ст. 20 «я солнце запятнала»), вышла замуж за Тесея. Сын Тесея от первого брака, *Ипполит*, навлек на себя гнев Афродиты, которая в наказание внушила Федре любовь к пасынку. Чтобы избежать позорной огласки, Федра покончила с собой, перед тем в записке оклеветав Ипполита; он погибает, гонимый отцом. Статья И. Анненского «Трагедия Ипполита и Федры» также повлияла на ст-ние: реминисценция из нее — «злая ложь» (*72.2, после 29). В 1922 г. Мандельштам вновь вернулся к «Федре» Расина (см. ст-ние 508). *Трезен(а)* — город в Пелопоннесе, родина Тесея.

*73. Новая жизнь. 1917. 18 июня.— Тринадцать поэтов. Пг., 1917.— Паруса. 1922. № 1.— Т.— БП, где учтены поправки в авторском экз. С (СХ) при восстановлении цензурных купюр (ст. 25—26 и 37—40) 3 сент. 1935 г.; эпитет «тяжелый» заменен здесь, по-видимому, как неподходящий для «камня пращи». Ковчег. Феодосия, 1920 — с датой и мелким разночтением, вызванным, вероятно, записью по памяти. В перечисленных периодических изд. — с подзаг. /Ода/. Автограф с правкой (АМ) под загл. /Ода враждующим державам «Мир»/, помечен /11 янв. 1916. Петербург/. Беловой автограф первопечатного текста (АМ). ККабл, с загл. и подзаг. /Миру (ода)/; в ДнКабл об этом запись 12 янв. 1916 г.: «Сегодня Мандельштам читал свой превосходный „Дифирамб миру“, вчера написанный (см. прибавление к 2-му изданию „Камня“»). Беловой автограф (РГАЛИ). И.Оксенов в рец. на «Тринадцать поэтов» (сб. «второго» «Цеха поэтов») назвал ст-ние «мудрым произведением, посыпанным едкой аттической солью. Несколькими неожиданным является „анархический“ дух этой оды в альманахе, как-никак „буржуазном“ (не в социальном, конечно, смысле)» (Знамя труда. 1918. 8 марта). Обращение к жанру оды вызвано влиянием Державина, столетие со дня смерти которого отмечалось в 1916 г. М.Цветаева назвала Мандельштама «молодым Державиным» («Никто ничего не отнял...»), по-видимому, в связи с этим ст-нием. В ст. 13—16 и 25—28 речь идет о геральдических зверях в гербах Германии, Великобритании, Франции и России. В 1922 г. автор писал: «в цыганском таборе этнографии не место хищным зверям, здесь пляшет ручной медведь и орла привязывают за большую лапу» («Пшеница человеческая»). Италия... через плетень. Подразумевается запоздалое выступление Италии в первой мировой войне в 1915 г. (отмечено В.Жирмунским в рец. на Т). Пока ягнята... плодились (*73.2). В этой редакции ст-ние читалось М.Цветаевой, которая в экз. Т (ИРЛИ, ф. 803) записала на поле свою реплику: «Я, робко: О.Э., а волы и ягнята — не плодятся!» — что, видимо, и было учтено автором. И ты, германец, не ропщи (*73.5). Редакция, соответствовавшая новой политической реальности — пробуждению реваншизма в Германии.

*74. Альманах муз. Пг., 1916.— ВК. Автограф первонач. редакции с правкой (АМ) и датой /Март 1916/. Здесь между строфами 3 и 4 — знак вставки (текст не записан); в связи с этим обстоятельством следует упомянуть о том, что Н.Я.Мандельштам писала об утраченной строфе «цветаевского» ст-ния Мандельштама, но относила ее к ст-нию 77 (25, с. 379). С. Полякова сообщала об автографе, хранившемся у Е.Я.Эфрон, с редакцией ст. 1 «На розвальнях, осыпанных соломой» и датой «март 1916» (41, с. 200). ККабл, с пометой /СПб. Апр. 1916 г./; сюда Мандельштам вписал слово «осыпанных» со сноской: /исправление принадлежит не автору/. Цветаева в экз. Т (см. примеч. 73) также пометила: «было: осыпанных, уложенных — мое»; к

словам «в часовне» (ст. 8) — «„кому-то“ — первоначальный вариант». Беловой автограф (АМ). Написано, как и ст-ния 77, 403, 404, под впечатлением от поездок в Москву к Марине Цветаевой, вспоминавшей позднее «о чудесных днях с февраля по июнь 1916... когда я Мандельштаму дарила Москву» («История одного посвящения»). Цветаева отвечала стихами, одно из которых — «Откуда такая нежность...» — поместила в том же «Альманаше муз», затем собрала их в «Верстах» (помечены ею в авторском экз., см.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. М., 1989. С. 225), из трех составила цикл «Проводы» (Рус. мысль. Прага; Берлин. 1923. № 1/2). Знакомство поэтов состоялось летом 1915 г. в Коктебеле. Цветаева приехала в Петербург на Рождество 1915 г., выступала с чтением своих стихов в поэтических кружках, ок. 20 янв. 1916 г. вернулась (возможно, вместе с Мандельштамом) в Москву. До июня Мандельштам жил преимущественно в Москве. Стихи Цветаевой он с теплотой вспомнил в своей последней критической работе — «Разговоре о Данте» (гл. 5). В сюжете ст-ния отразилась их прогулка по Москве и поэтическая игра на именах, связанных с историей Москвы. Отправное — Марина Мнишек, с которой отождествляла себя Цветаева, отсюда Мандельштам — Дмитрий-царевич и Дмитрий Самозванец (с его римскими связями). Последний был рыж; его тело сожгли — отсюда соответствующие мотивы строфы 5 (9, с. 280). Ср. в ст-нии Цветаевой «Дмитрий! Марина! В мире...» (март 1916). А в Угличе играют гетти в бабки. Намек на обстоятельства смерти царевича Дмитрия, по официальной версии погибшего во время игры в свайку, по молве — убитого по приказу Бориса Годунова. *Три встречи... четвертой не бывать*. Отзвуки историософской концепции монаха Филофея Москвы как третьего Рима, «четвертому же не бывать» (68, с. 120). Он Рима не любил. Не ясно, ведет ли автор речь о себе в третьем лице; К.Тарановский предполагал в этом образе Христа (68, с. 119). *Сжигает масленица корабли* (*74.1). Конец масленицы приходился в 1916 г. на 20 февр.

*75. Ипокрена. 1918. № 2/3, как 1-я строфа ст-ния (2-я — ст-ние 405, 3-я — 76).— Вечерняя звезда. 1918. 4 марта. Первонач. замысел — трехчастный цикл со ст-ниями 405, 76 — в автографах из портфеля «Аполлона» (АЛ, с датой /Май 1916/) и в альб. А.Д.Радловой (ИРЛИ). Тот же цикл под назв. /Петрополь/ — в ККабл (с пометой /Май 1916. СПб/) и в публ.: Свободный час. 1919. № 2. Вне цикла — в автографе из собр. М.И.Чуванова (Соч., с. 476). В Т — в виде цикла со ст-нием 76. Написано в период встреч с Мариной Цветаевой — вероятно, ее имя «зашифровано» в стихе «Морской воды тяжелый изумруд». *Петрополь*. Переложение имени Петербурга на эллинистический лад, характерное для русской поэзии XIX в. (встречается у Державина, Пушкина).

76. Ипокрена. 1918. № 2/3 (см. примеч. 75).— Вечерняя звезда. 1918. 15 марта. В Т — без разделения на строфы. В *Петрополе* прозрачном. Эпитет «прозрачный» входит у Мандельштама в круг характеристик подземного царства (наблюдение Ю.Левина), ср. «прозрачную весну» в ст-ниях 75, 84, 91. *Прозерпина* — владычица подземного царства у римлян (в греч. миф. — Персефона). *Афина* (греч. миф.) — покровительница героев, защитница общественного порядка; изображалась в воинском шлеме. Статуя Афины (Минервы) в шлеме и с копьём венчает аттик Публичной библиотеки в Петербурге.

*77. А. 1916. № 9/10.— Т. В беловом автографе из портфеля «Аполлона» (АЛ) — с отточиями вместо ст. 5—6 и тире перед ст. 3, 23, 25, обозначавшими начало прямой речи, с датой /июнь 1916/. Беловой автограф (ККАбл) с той же датой; оставлен пробел на месте слов «овиди степные», которые вписаны позднее (Каблуковым?). Беловой автограф из архива С.Рафаловича, созданный, по данным А.Парниса, летом 1917 г. в Алуште, также с отточиями вместо ст. 5—6 (38, с. 199). Здесь, в автографе АЛ и в А в виде цикла из двух ст-ний (строфы 1—2 и 3—4). По сведениям Н.Харджиева (БП, с. 271), ст. 5—6 в первой публ. были сочинены М.Лозинским (устное сообщение Мандельштама в 1932 г.). Считаем это вполне вероятным (см. полемiku: 25, с. 379). К.Мочульский, оказавшийся свидетелем попыток адекватного воплощения ст. 5-6, вспоминал: «Я никогда не видел его в таком отчаянии. „Вот я слышу — говорил он:

Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим...

а перед этим — пустое место, как бельмо на глазу. Ничего не вижу». Простодушно он просил друзей помочь ему, сочинить две строчки. Так они и не сочинились» (35, с. 114). Написано в Коктебеле, под впечатлением от предшествовавшей поездки к М.Цветаевой в г. Александров Владимирской губ. в первых числах июня. 12 июня Цветаева писала Е.Эфрон о посещении Мандельштама (Собр. соч. М., 1988. Т. 2), позднее — в «Истории одного посвящения». В экз. Т (ИРЛИ, ф. 803) она, зачеркнув ст. 21, надписала /От бирюзового браслета/ — вероятно, известную ей другую редакцию. См. примеч. 74. Каблуков записал в дневнике 2 янв. 1917 г., имея в виду и это ст-ние (очевидно, его ст. 1—2): «Религия и эротика сочетаются в его душе какою-то связью, мне представляющейся кощунственной. <...> Я горько упрекал его за измену лучшим традициям „Камня“ — этой чистейшей и целомудреннейшей сокровищнице стихов...». *Юродивой слободе*. Имеется в виду «юродивое» удаление Иоанна Грозного в Александровскую слободу и отказ от царствования (1564 г.). *Где от браслета* (см. выше редакцию «От бирюзового браслета») *Еще белеет полоса*. Ср. в ст-нии Цветаевой, помещенном в «Альманахе муз»:

С большою нежностью — потому
 Что скоро уйду от всех —
 Я всё раздумываю, кому
 Достанется волчий мех

 Кому — серебряный мой браслет,
 Осыпанный бирюсой...

Тавриды пламенное летэ... чудеса. С 18 мая до начала июня Цветаева была в Коктебеле (44, с. 99). Пересыпаемый песок. У Манделъштама этот образ символизирует вечность (см. в ст-нии 44).

78. А. 1916. № 9/10. Беловой автограф с датой /Октябрь 1916/, с пометой С.Маковского о наборе и пунктуационной правкой Лозинского (АЛ); здесь ст. 7, 15 предварены тире, обозначающими начало прямой речи. ККабл с датой и пометой /На погребение матери/. Беловой автограф из архива С.Рафаловича, по сведениям А.Парниса, созданный летом 1917 г. в Алуште (38, с. 199). В ст-нии упоминается «отпевание» матери, Флоры Осиповны Манделъштам (ок. 1866—1916), похороненной 28 июня (умерла 26 июня). Обряд совершался в Доме для отпевания умерших еврейского Преображенского кладбища (неточно называемом кладбищенской синагогой). В ортодоксальном иудаизме мертвое тело считается нечистым и обряда, подобного христианскому, нет; над мертвым читают заупокойные молитвы, но здания, подобные петербургскому Дому отпевания, не воздвигают — это дань христианской традиции. Черное солнце — один из центральных образов у Манделъштама; ему посвящена обширная литература. Анализ мотивов ст-ния 72 и статьи «Скрябин и христианство», где он появляется, привел нас к предположению о том, что он символизирует смерть Иисуса Христа (29, с. 75). Солнце желтое. Желтый — цвет, символичный иудаизму (68, с. 48—67).

*79. Вечерняя звезда. 1918. 16 февр., с датой. В С под загл. /1914/ и с неверной датой «1914». Автографы: черновой (АМ) и беловой с датой (РГАЛИ). ДнКабл, с разночтением в рифмовых словах ст. 1, 3: «войной»/«рукой» и сопутствующей записью о том, что ст-ние отразило «его (поэта — А.М.) нелюбовь, недоверие и неуважение к Англии, которую он считает высокомерной, гордой, самоуверенной и мецански самодовольной нацией-островитянской, по духу чуждой и даже враждебной Европе (континентальной)» (2 янв. 1917 г.). Побудительной причиной явился эпизод военной истории: высадка англо-французских войск в Лирее (Афины) и обстрел Акрополя 18 нояб. 1916 г. Ст. 1—4 говорят о войне другой эпохи — за Саламин между Афинами и Мегарами ок. 600 г. до н.э.

*80—81. Тринадцать поэтов. Пг., 1917, с датой /Декабрь 1916/. — Ковчег. Феодосия, 1920.— ВК.— С. В «Ковчеге» и ВК без загл. В ВК «Соломинка» всюду с прописной.

Наиболее ранняя редакция — в ККабл, здесь ст-ние 80 без двух последних строф и пометой /1916. Осень/. В АМ автографы: два черновых, один из них на обороте листа с черновым автографом ст-ния 79, и белой ст-ния 81 с датой /Декабрь 1916/. Беловой автограф в РГБ (ф. С.Абрамова), с разрешительным штампом политотдела ГИЗа 25 апр. 1922 г. — источник публ. в журн. «Москва» (1922. № 7). *Соломинка* — Саломея Николаевна Андроникова (1888—1982), грузинская княжна (отсюда образ «голубой крови» в ст-нии 81), внучатая племянница поэта А.Н.Плещеева. В ее квартире на 5-й линии Васильевского острова собирался кружок друзей (в нем ее называли Саломкой), включавший поэтов. К ней обращал стихи С.Л.Рафалович, ее «друг» тех лет (с мужем в это время она была в разводе). Ее вместе с «блиставшими в тринадцатом году» Ахматовой, Судейкиной, Палладой назвал Г.Иванов в ст-нии «Январский день. На берегу Невы...» (1922). Ахматова обратила к ней ст-ние «Тень»:

Как спорили тогда — ты ангел или птица?
Соломинкой тебя назвал поэт.
Равно на всех сквозь черные ресницы
Дарьяльских глаз струился нежный свет.

К ней обращено также ст-ние 407. В *огромной спальне*. Андроникова вспоминала: «у меня была божественной красоты спальня с видом на Неву, она выглядела как ледяной замок, и Мандельштам обомлел, заглянув в нее» (2, с. 23). *Всю смерть ты выпила*. Источник этого образа — «трагическая буффонада» Хлебникова «Ошибка смерти», изданная в нояб. 1916 г. (БП, с. 272), где Барышня Смерть пьет через соломинку. *Саломея*. Здесь — соименная Андрониковой виновница смерти Иоанна Предтечи (Мф, 14:6). В юности Мандельштам написал стихи о Саломее под впечатлением музыки Р.Штрауса (14, с. 110). *Ленор* (Линор) и *Лигейя* — скорбные образы женщин, унесенных ранней смертью, в одноименных стихах и новелле Э.По. *Серафита* (Серафит) — андрогин, персонаж мистического романа О.Бальзака «Серафита». Перечень этих имен, возможно, восходит к статье Т.Готье о Ш.Бодлере (БП, с. 272). *Двенадцать месяцев поют*. Источник этого образа, вероятно, — старинные часы со знаками зодиака на циферблате.

*82. *Новая жизнь*. 1917. 24 дек. (с опечатками).— Исход. Пенза, 1918, с датой /1917 г. Июнь/— Т. ККабл (без загл., ранняя редакция). В ред. В.Жирмунский писал о ст-нии: «какие характерные детали воссоздают настроение освободительной войны против Наполеона и зарождающегося русского либерализма: „черные“ квадриги нового Цезаря, дубовые рощи просыпающейся Германии, „голубой“ пуши в стаканах молодых мечтателей, „вольнолюбивая гитара“ — воспоминание рейнского похода» (Вестн. лит. 1921. № 4/5. С. 4). *Лорелея* — дева-сирена Рейна, чаровавшая рыбаков своим пением, а затем губившая их.

*83. Т. Впервые: Знамя труда. 1918. 8 июня. Текст сложен окончательно сразу (автограф из архива В.А.Стравинской), но в периодических изданиях воспроизводился с мелкими погрешностями, вызванными записью по памяти и типографскими неисправностями: «пройдешь» вм. «идешь» (первая публ.; Моск. понедельник. 1922. 11 сент.), «надвинуты» вм. «опущены» (Посев. Одесса, 1921; Свиток. М; Л., 1924. Кн. 3), пропуском строфы 5 («Свиток») и др. Исправный текст впервые в Т. Под загл. /Виноград/ в первой публ. и «Моск. понедельник». ККабл. Черновой автограф (АЛ). Беловой автограф с посвящением /Вере Артуровне и Сергею Юрьевичу С<удейкиным>/ и пометой /11 августа 1917. Алушта/ в собр. В.А.Стравинской; воспроизведен фототипически в кн.: Igo and Vega Stravinsky. New York. 1982. С. 34, с пояснением Стравинской (цит. в переводе): «Летом 1917 г. мы жили в Алуште. Вдруг появился Осип Мандельштам. Мы повели его на виноградник — нам больше нечего показать вам. И нам нечем было угостить его, кроме чая с медом. Без хлеба. Но беседа была живая, не о политике, но об искусстве, литературе, живописи. <...> 11 августа он пришел снова и принес свои стихи». По этому автографу текст напечатан в журн. «Орион» (Тифлис. 1919. № 6), с опечатками. В.А.Судейкина (урожд. де Боссе, в первом браке Шиллинг, в третьем — Стравинская; 1888—1982) и художник С.Ю.Судейкин — петербургские знакомые поэта. Я сказал... порядке. В образах отозвались строки из ст-ния В.Комаровского «Закат»:

Мне плоть мерещится изрубленных бойцов,
В кудрявой зелени мелькают чьи-то лица.

(Тименчик Р. Граф Василий Алексеевич Комаровский // Родник. Рига, 1988. № 11). Не Елена... вышивала. Подразумевается Пенелопа, жена Одиссея, обманывавшая женихов тем, что каждую ночь распускала пряжу («вышивала» — поэтическая вольность). Елена — см. примеч. 69. Ср. в оде М.Кузмина «Враждебное море» (1917):

В Елене — все женщины: в ней
Леда, Даная и Пенелопа.

84. Сов. страна. 1919. 3 февр. (с опечатками). Здесь и в многочисленных перепечатках — под загл. /Меганон/ и с таким же написанием слова в тексте. Дальнейшие изменения текста связаны с выяснившимся точным названием мыса между Алуштой, где писалось ст-ние, и Коктебелем — Меганом (близ Судака), однако введение его в стихи (Т, под загл. «Меганом», и С) обедняло соответствующую рифму. В ВК с написанием «Меганон» (без загл.). Печ. по С. Беловые автографы (оба без загл., с написанием «Меганон»): ККабл, с пометой /16 августа 1917. Алушта/; АЛ, в виде цикла из двух ст-ний (строфы 1—2 и 3—4), с датой. А.Морозов поделился с нами предположением о том, что ст-ние было вызвано ожиданием встречи с М.Цветаевой (состоя-

лась в Феодосии в конце сент.—начале окт., см. 16, с. 193), о чем свидетельствуют переключившиеся со ст-нием 77 мотивы ст. 7—8, 27—28. *Асфоделей.. весна*. Асфодели (сем. лилий) — в Греции цветы траура: на асфоделевых лугах в Аиде, по греч. мифам, находят приют души умерших; см. примеч. 76. *Душа моя вступает.. в легкий круг*. Близкие образы в стихах Жуковского, Фета, Блока (66, с.VIII). Ср. у Фета:

Напрасно моря даль светла,
Душа в тот круг уже вступила,
Куда неведомая сила
Ее неволей унесла.

(«На корабле»). *Черный парус* — траурный знак в мифе о Тесее (см. примеч. 72). Ср. в ст-нии Цветаевой «Ты, срывающая покров...» (26 июня 1916):

Слышу страстные голоса —
И один, что молчит упорно.
Вижу красные паруса —
И один — между ними — черный.

85. Страна. 1918. 7 апр., с опечатками. При последующих публ. посвящение не могло воспроизводиться по цензурным условиям, в связи с ними также изменение написания в слове «Суббота» (со строчной) — правильное написание в дальнейшем только в альм. «Возрождение» (М., 1922. Кн. 1). Написано в нояб. 1917 г.: в ККабл записано перед ст-нием 409, так датированном. В ККабл под загл. /Иудеям/ и с мелкими разночтениями, вызванными, вероятно, записью по памяти. Антон Владимирович *Карташев* (1875—1960) — деятель Религиозно-философского общества в Петербурге, один из близких знакомых старшего друга Мандельштама, Сергея Платоновича Каблукова. С 1 сент. — министр исповеданий Временного правительства. После Октября содержался в карцере тюрьмы Петропавловской крепости. Вместе с Ахматовой Мандельштам принимал участие в вечерах в пользу членов Временного правительства, прошедших в дек. в Академии художеств. Карташеву в те же дни посвятил стихи С.Соловьев:

Ты над Русью рыдал, как над Троей рыдала Кассандра,
И, прощаясь с тобой, обреченным на казнь и тюрьму,
И вздыбившийся конь, и сияющий столб Александра
Уходили во тьму.

(«Он не лжет — этот ангел на площади града Петрова...» // Накануне. М., 1918. № 3). Воззрения Карташева отразились в ряде стихов и в прозе Мандельштама (29, с. 77, 78). *Среди священников... оставался*. Имеется в виду то обстоятельство, что Карташев, окончив Духовную Академию, не принял сана священника, занялся ученой деятельностью и вскоре отошел от официальной церкви, отдавшись строительству «религиозной общественности». Мнение о том, что «под левитом

О.М. имел в виду себя» (25, с. 98), не подтверждается сюжетом ст-ния. *Ночь иудейская... Иудеи*. У Карташева в «Реформе, реформации и исполнении церкви» речь идет об «иерархах и богословах» православия, воспринявших от иудаизма лишь «религиозный акосмизм» (Пг., 1916. С. 32—36). *Храм разрушенный угрюмо созидался*. Образ отозвался в ст-нии Гумилева «Память»:

Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле.

Уж над Евфратом ночь, бегите, иереи. Подразумевается Моисей, взывающий к народу и старейшинам израильским об исходе (Исх., 6:9). Евфрат — река в Передней Азии; здесь поэтическая вольность — подразумевается Египет. *Субботу леленали*. См. Иоанн, 19:40. Ср. в ст-нии Гумилева «Вечное» (сб. «Чужое небо»): «Но жду Субботы из Суббот...» Н.Струве отметил «особенную любовь» Карташева «к утрени Великой Субботы, стихиры которой даже пелись на его отпевании» (52, с. 24). *Семисвещником... Ерусалима ночь*. Образ восходит к обряду празднования Пасхи у иудеев, когда перед храмом зажигали семисвечник — менору.

86. Творчество. Харьков, 1919. № 3, без даты. Датируется по С. В Т с датой /1918/. Обращено к Анне Ахматовой. «Особенно часто я встречалась с Мандельштамом в 1917—18 г., когда жила на Выборгской у Срезневских (Боткинская, 9) — не в сумасшедшем доме, а в квартире старшего врача Вячеслава Вяч. Срезневского, мужа моей подруги Валерии Сергеевны. Мандельштам часто заходил за мной, и мы ехали на извозчике по невероятным ухабам революционной зимы...» (1, с. 194). Ст. 1—2 навеяны образами ст-ния Ахматовой «Вижу, вижу лунный лук...» (1915):

Не с тобой ли говорю
В остром крике хищных птиц...

Я тоже на земле живу. По свидетельству Мандельштама, «фраза эта была сказана А.А. в разговоре с Мандельштамом, и он ее вставил в стихотворение» (23, с. 121).

*87. Обвалы сердца. Севастополь, 1920.— Т (без даты). — С. В первой публ. под загл. /В горячке соловьиной/, текст идентичен основному. В своем экз. Т Ахматова пометила это ст-ние 1917 г. (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме). 1-я строфа «обращена», по свидетельству поэта, к Ахматовой (23, с. 121). В своей мемуарной записи Ахматова раскрыла реалии, за ней стоявшие: «Это мы вместе топили печку; у меня жар — я мерю температуру» (1, с. 195). *Черемуха* — образ, восходящий, вероятно, к «Беседке муз» Батюшкова. Ср. у Ахматовой: «Черемуха мимо Прокралась, как сон...» («Путем всяя земли», 1940).

88. Знамя. 1919. № 2. под загл. /Рейнвейн/. В последующих публ. — без загл., текст не изменялся. Датируется по Т и С. Рейнвейн — напиток, символизирующий потустороннюю печаль. *Упрямая подруга*. Возможно, подразумевается Ахматова, ср. в ее стихах конца 1917 г.: «И сразу вспомнит, как поклялся он Беречь свою восточную подругу» («Когда о горькой гибели моей...»).

*89. Воля народа. 1917. 31 дек. Для публ.: Свободный час. 1919. № 1 поэт, как можно предполагать по тексту ст. 15—16, предоставил раннюю редакцию. В С — подцензурный текст: только строфа 1, без загл. В наборной рукописи С — строфы 1—4 (строфа 5, в которой дан образ Керенского, опущена, по-видимому, из автоцензурных побуждений), ст. 15—16 представлены контаминированной редакцией:

Лети, безрукая победа,
Зачумленная зима.

На листе — цензорская правка, приводящая к печатному тексту. Местонахождение «автографа первонач. редакции из собр. С.И.Бернштейна», указанного в макете БП 1968 г. (частное собр.), ныне неизвестно. Печ. по первой публ. Обращено к Ахматовой, которая датировала ст-ние декабрем и назвала ст. 9—12 «странным, отчасти сбывшимся предсказанием» (1, с. 194). *Кассандра* — в греч. миф. дочь Приама и Гекубы. По «Агамемнону» Эсхила, дар пророчества получила от Аполлона, который, когда Кассандра отвергла его любовь, сделал так, что ее пророчествам перестали верить. Один из главных персонажей мифов Троянского цикла. Персонификация основана на многочисленных мотивах стихов Ахматовой (62, с. 30; Childers R., Stone A.L. The Mandel'stam presents in the dedication of «Поэма без героя» // Russian Literature. 1984. Vol. XV-I. Ср. также: «Громко кличу я беду: Ремесло мое такое» («Нет, царевич, я не та...», 1915). *Я вижу человека... закон*. Речь идет об А.Ф.Керенском (см. также примеч. 408). «Я вижу человека» — перифраз слов Пилата «Се человек» (Иоанн, 19:5). *Сияло солнце Александра* (*89.1). Ахматова видела в этом образе Пушкина: «Так он (Мандельштам — А.М.) передает мой слова» (1, с. 198); однако здесь, согласно мотивированному предположению А.Морозова, дан образ императора Александра I (см. также примеч. 402).

90. Ипокрена. 1918. № 2/3, без разделения на строфы. — Т (с опечаткой). Автограф в альб. В.И.Кривича-Анненского (РГАЛИ), где дата записи /7 мая 1918/ предшествовала зачеркнутая /Янв. 1918/. Автограф в альб. Н.Э.Радлова (собр. Л.Н.Радловой) с неверной датой /1917/ (та же дата в С). В Т с датой /1918/. В альб. Кривича с эпиграфом из ст-ния Гейне «Двойник»: /Du, doppelgänger! du, bleicher Geselle!/. (Пер.: «Ты, двойник! Ты, бледный спутник!») Автограф в собр. М.Чуванова под загл. /Шуберт/, с разночтением (опи-

ской?) в ст. 5 /Старинной жизни мир/ (Соч., с. 481). По словам поэта (23, с. 121), «посвящено» Ахматовой; написано под впечатлением от концерта певицы О.Н.Бутомо-Названовой (1, с. 194), состоявшемся 30 дек. (установлено Р.Тименчиком), на котором Ахматова и Мандельштам были вместе. В рец. В.Жирмунский писал о ст-нии: «такое же проникновение в музыкальную стихию немецкого романтизма — песни Шуберта на слова Гете и Вильгельма Мюллера и характерный для позднего романтизма национальный ландшафт — шум отдаленной мельницы на ручье, запахи цветущих лип и песни соловья... В таких синтетических описаниях и характеристиках искусство Мандельштама проявляется прежде всего в выборе деталей. Поэт не стремится к смутному эмоционально-лирическому воздействию; он строит стихотворение свободно и сознательно, как обдуманно и рассчитливо... организованное целое» (На путях к классицизму // Вестн. лит. 1921. № 4/5. С. 3,4). *Валгаллы белое вино*. В скандинавской миф. Валгалла — жилище (на небе, «в раю») храбрых воинов, павших в битве; белое вино (в ст-нии) также символизирует отрешенность от «земного».

91. Вечерняя звезда. 1918. 6 марта, с датой /Март 1918/.— ВК. Изменения редакции касались падежных окончаний в ст. 7 (в первой публ. — «воды и неба брат») и замены эпитета в ст. 6 «летает» (в первой публ.) на «мерцает», с нашей точки зрения, творческой. Пунктуация в ст. 7 и 15, имеющая существенный смыслоразличительный характер, дается по первой публ. как более точная — по С.Бройду и К.Тарановскому, смысл ст. 7 таков: «О, если ты звезда <а не блуждающий (болотный) огонь>...» (64, с. 63; 53, с. 371). Пунктуация ст. 14 — по Т. Картина «умирающего», разрушающегося в этот революционный год Петербурга воссоздается также в «Египетской марке» (см. в гл. 7 о «враждебных поколениях»). *Петрополь* — см. примеч. 75. *Земные сны горят*. Ср. у Тютчева: «Как океан объемлет шар земной, Земная жизнь кругом объята снами...», в этом ст-нии «волшебный челн» также переключается с «чудовищным кораблем» в ст. 9 (55, с. 29). *Прозрачная весна*. См. примеч. 76.

92. Жизнь. 1918. 30 июня. В С с опечаткой в ст. 1 («темной» вм. «теплой»), исправленной в авторском экз. С (СХ). Два беловых автографа (РГАЛИ), один из них с пометой /Май 1918. Москва/. *Геркуланум* — город в Италии, засыпанный вулканическим пеплом при извержении Везувия в 79 г. и потому при раскопках явивший свой исторический, нетронутый облик. *Дорический ствол*. Здесь — колонны дорического ордера; подразумевается Большой театр в Москве.

93. Знамя труда. 1918. 24 мая, с пометой /Москва, май 1918/. В С с цензурными купюрами (ст. 1—2, 9—10), восполненными в авторском экз. (СХ), и с опечаткой в ст. 5. В первой публ. под загл. /Гимн/; в «Известиях Временного

рабоче-крестьянского правительства Украины» (Харьков, 1919. 9 марта) и Т — /Сумерки свободы/. Печ. без загл. согласно С. Имея в виду это ст-ние, Ахматова писала: «Революцию Мандельштам встретил вполне сложившимся и уже, хотя и в узком кругу, известным поэтом... одним из первых стал писать стихи на гражданские темы... слово *народ* не случайно фигурирует в его стихах» (1, с. 194). Ст-ние «прошло через всю литературную Россию» (Перцов В. Новое в современной русской поэзии: (Письмо из Москвы). Рига, 1921. С. 6). Зачин ст-ния вводит одну из главных тем «Камня» — «свободы» (ст-ния 61, 68), разрабатывая картину ее умаления, «сумерек». «Великолепный финал» Д.Святополк-Мирский сравнил со знаменитыми в древности, вошедшими в пословицу словами из «Фарсалии» Лукана: «Дело победителей было угодно богам, но дело побежденных — Катону» (45, с. 102). По сообщению И.Поступальского, поэт в конце 1920-х гг. говорил, что, когда ст-ние писалось, у него были «какие-то ассоциации с „Варягом“. Вот и решайте, чего в стихах больше — надежды или безнадежности. Но главное — это пафос воли» (Соч., с. 483). *Роковое время, Которое в слезах народный вождь берет*. Исследователи, от Д.Святополк-Мирского (в 1922 г.) до Н.Струве, связывали этот образ с Лениным (45, с. 102; 52, с. 26); противоположное у О. Ронена — в нем слиты образы Керенского и патриарха Тихона (42, с. 14). При наших разысканиях выяснилось, что образ исчерпывает мотивы двух библейских цитат из краткой речи патриарха Тихона, сказанной им 5 (18) нояб. 1917 г.: «Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: „Плач и стон и горе“ (Иез., 2:10)... Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов... в настоящую тяжелую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа — пророку Моисею, и мне придется говорить ко Господу: „И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего?..“ (Чис., 11:11)» (Вечер. 1917. 13 (26) нояб.). Ср. в ст-нии 518: «народ, как вождь старинный, Поднимает власти бремя». См. примеч. 409. *В ком сердце есть — тот должен слышать, время, Как твой корабль ко дну идет*. Подразумевается государство — «корабль времени». Цитируя эти строки, поэт писал: «Время хочет пожрать государство... Сострадание к государству, отрицающему слово, — общественный путь и подвиг современного поэта» («Слово и культура»). Мужайтесь, мужи. Ср. в статье «О природе слова»: «Общественный пафос русской поэзии до сих пор поднимался только до гражданина, но есть более высокое начало, чем „гражданин“, — понятие „мужа“».

*94. Пути творчества. 1919. № 4. — Гермес. Киев, 1919. Сб. 1, со строкой отточий между строфами 2 и 3 (см. примеч. 411). — Дракон. Пб., 1921. Автограф строфы 2 с датой записи и пометой /Киев, 27 апреля 1919 г./ — в альб. Мальвины Марьяновой (РГАЛИ). Под загл. /Tristiae/ в «Дра-

коне», /Tristia/ — в Т и С (по которым даем заглавие), в ВК — без загл. Адресат ст-ния неизвестен. Н.Я.Мандельштам писала: «О ней я почти ничего не знаю. Только то, что она имела какое-то отношение к балету, скучала в Москве по родному Петербургу. Мандельштам видел ее, когда ехал из Грузии в Петербург через Москву, где на несколько дней задержался...» (25, с. 55). Загл. повторяет «Скорбные элегии» Овидия, мотивы которых, особенно элегии 3 (из кн. 1), варьируются в строфе 1 ст-ния, наряду с мотивами 3-й элегии Тибулла (из кн.1) в вольном переводе Батюшкова:

.....Час гибельный настал,
И снова Делия, печальна и уныла,
Слезами полный взор невольно обратила
На дальний путь. Я сам, лишенный скорбью сил,
«Утешься» — Делии сквозь слезы говорил...

(См.: Бухштаб Б. Поэзия Мандельштама // Вопр. лит. 1989. № 1). *Последний час вигилий городских*. Вигилии — обходы улиц ночной стражей в древнем Риме; здесь подразумевается последний, предутренний обход. *Всё было встарь... узнавannya мш.* Объясняя свою поэтическую концепцию, Мандельштам писал: «Когда любовник в тишине путается в нежных именах и вдруг вспоминает, что это уже было: и слова, и волосы, и петух, который прокричал за окном, кричал уже в Овидиевых тристиях, — глубокая радость повторенья охватывает его...» («Слово и культура»). Эреб — см примеч. 344.

*95. Неделя лит. и искусства. Киев. 1919. № 1 (сент.?), с датой: 10 мая 1919 (сообщено Р.Тименчиком). О второй публ. — в альм. «К искусству!» (Феодосия, 1919. № 1) известно, по сообщению В.Купченко, лишь по газетному анонсу. Последующие публ., с изменениями в тексте: Пути творчества. 1920. № 6/7.— Дракон. Пб., 1921.— Т (всюду под загл. /Черепаха/). Печ. без загл. соответственно публ. в ВК и С. Стихи, по свидетельству Н.Я.Мандельштам, писались вскоре после 1 мая 1919 г., которое в их семье считалось «свадебной датой»: «нас благословил в греческой кофейне <Владимир> Маккавейский, и мы считали это вполне достаточным, поскольку он был из семьи священника. Тот же Маккавейский, в той же кофейне, в тот же день, когда мы отдыхали после хорошо проведенной ночи, подсказал Мандельштаму слово „колесо“ для наших брачных стихов» (25, с. 98). Ю.Терапиано в своих воспоминаниях (Встречи. Нью-Йорк, 1953) писал о том, что два последние стиха были подсказаны Маккавейским, что обоснованно ставилось под сомнение К.Тарановским (68, с. 162). В ст. 5—6 запечатлен облик жены поэта (68, с. 61). В ст-нии варьируются мотивы и образы античной лирики, особенно поэтов VII-VI вв. до н. э. Алкея и Сафо, переводы которых, выполненные Вяч. Ивановым, Мандельштам читал в 1919 г. в Киеве. Пребыванием на Украине и чтением стихов Шевченко навеяны украинизмы «лирники», «криница» (колодец

или родник). *Пиэрия* — область во Фракии, где, по одному из греч. мифов, великан Пиэр дал имена музам. *Ионийский мед*. Мед — в античной лирике символ поэзии. Иония — область в Древней Греции; подразумевается, по-видимому, ионийский лад (гармония). *Черепаша-лира*. Первую лиру, по греч. мифу, сделал Гермес из панциря черепахи. Эпир — область в Македонии. *Терпандр* — греч. поэт (VII в. до н.э.), усовершенствовавший лиру. *Святые острова... легко*. Образы восходят к «островам Блаженных» Гесиода и «золотого века» у Горация и Вергилия (20, с. 203—204).

96. Т (единственный источник полного текста). В С по цензурным мотивам помещена лишь первая строфа, о чем свидетельствует наборная рукопись, где опущенные строфы заменены строкой отточий (РНБ, ф. 474). Печ. с предложенной Н.Харджиевым конъектурой — «Палестрины» вм. «Палестины» (в Т, вероятно, опечатка). Образы стиха связаны с коктебельским пейзажем, особенно скалами Кара-Дага (16, с. 194). В Коктебель поэт приехал из Киева осенью 1919 г. *Сиенские горы* — в Центральной Италии. Ср. в высказывании о Тютчеве: «насквозь одухотворенное отношение русского поэта к геологическому буйству альпийского кряжа объясняется именно тем, что здесь буйной геологической катастрофой вздыблена в мощные кряжи своя родная, историческая земля...» («Пшеница человеческая»). *Верую (Stredo)* — раздел мессы. *Палестрина* Дж.П. (ок. 1525—1594) — выдающийся композитор, автор музыки к псалмам (ср. «псалмопевца роздых» в ст. 7). Реформировал католическую церковную музыку в сторону утверждения «строгаго стиля». Похоронен в соборе св. Петра в Риме, где в надгробной надписи назван «царем музыки».

*97. Ковчег. Феодосия, 1920, с пометой /Коктебель. Март 1920/. — ВК. Автографы: ПС; альб. Д.И.Шепеленко (РГАЛИ, ф. 2801), с датой записи /6 декабря 1922/ и пометой /Москва/. *Вчерашнее солнце на черных носилках несут*. Ахматова считала этот образ связанным со смертью Пушкина (1, с. 198), основываясь, очевидно, на интерпретации близкого образа в статье «Скрябин и христианство». Здесь, вероятно, речь идет о смерти человека вообще, как считала Н.Я.Мандельштам (Страницы. Иерусалим, 1922. № 1. С. 87). *Время вспахано плугом*. Под «плугом» здесь подразумевается поэзия, см. в статье «Слово и культура» (1920): «Поэзия — плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху». *Розы пляжест и нежность в двойные венки залела*. Ср. в стихах Жуковского «Розы»: «Радость и скорбь на земле знаменуют одно: их в единый Свежий сплетает венок Промысел тайной рукой...» (66, с. 337). *Чем вымолвить слово: любить* (*97.1). Эта редакция была переработана вследствие критики со стороны товарищей по Цеху поэтов. Гумилев говорил о ней: «сказано по-негритянски» (23, с. 111) — и подсказал замену (36, с. 144). Н.Одуп писал о комическом эффекте, который вызывает употребление «неопределенного склонения вме-

сто изъяснительного» (Цех поэтов. Пг., 1922. Кн. 3. С. 71). Образ явился реминисценцией из ст-ния Бальмонта «Гимн огню»: «И устами остывшими слово „любить“ Повторять» (66, с. 90).

98. Т, без даты. Датируется по С. Обращено к Н.Я.Мандельштам. «Вероятно, наша связь остро пробудила в нем сознание своей принадлежности к еврейству... Евреев же он ощущал как одну семью — отсюда тема кровосмешительства... Как-то ночью, думая обо мне, он вдруг увидел, что это я должна прийти к нему, как дочери к Лоту» (25, с. 193). Эпизод с Лотом и его дочерьми — Быт., 19. Лия — жена библейского Иакова (Быт., 29). Илион — одно из названий Трои. Елена — см. примеч. 69.

99. Т. — Альманах Цеха поэтов. Пг., 1921. Кн. 2 (первая публ.; без разделения на строфы).— ВК. В предшествующих ВК публ.; — с меняющей смысл пунктуацией в ст. 5 /Тонкий воздух, кожи синие прожилки/. Под загл. /Венецийская жизнь/: Т; в записи О.Арбениной на обороте договора с изд. «Петрополис» (РГАЛИ, подпись — автограф) и в ПС. Под загл. /Венеция/ — Огонек. 1923. № 7 и в автографе ИРЛИ, с пометой /Коктебель. 1920/ (загл. зачеркнуто). В записи Арбениной и ПС пунктуация ст. 5 соответствует основному тексту. После выступления Мандельштама в Клубе поэтов 21 окт. 1920 г. Блок записал в дневнике: «Гвоздь вечера — И.Мандельштам, который приехал, побывав во врангелевской тюрьме. Он очень вырос. Сначала невыносимо слушать общегумилевское распевание. Постепенно привыкаешь, „жидочек“ прячется, виден артист. Его стихи возникают из снов — очень своеобразных, лежащих в областях искусства только. Гумилев определяет его путь: от иррационального к рациональному (противуположность моему). Его „Венеция“. По Гумилеву — рациональное все (и любовь и влюбленность в том числе), иррациональное лежит только в языке, в его корнях, невыразимое». *Голубое дряхлое стекло*. Речь идет о венецианском стекле. *Голубь залетел в ковчег*. Имеется в виду благоприятное предзнаменование, по аналогии с возвращением голубя в Ноев ковчег (Быт., 8:11). *Сатурново кольцо*. Здесь имеется в виду положение планеты в зодиакальном поясе, которое, согласно астрологии, определяет события и судьбу человека. *Сусанна старцев ждаль должна*. Подразумевается библейский сюжет о добродетельной жене, оклеветанной старцами из злобы (Дан., 13). *Черный Веспер*. Веспер — «вечерняя» Венера.

100. Т, в виде строф 4—5, без загл., с датой /1919/.— Культура и жизнь. 1922. № 4, с датой /1920—1922/ (первая публ.). О публ. в альм. «К искусству» (Феодосия. 1919. № 1) известно лишь по газетному анонсу. Образы перекликаются с прозаическими в очерке «Бармы закона». «Яблочко» — фольклорные куплеты «Эх, яблочко, куда ты котишься...». *Месмерический* — от имени основателя учения о «животном магнетизме» Ф.Месмера. *Недалеко от Смирны и*

Bagyaga. Э.Миндлин записал в Феодосии слова поэта «о... совместной поездке к Босфору. В то время такая поездка из Феодосии не представляла никакого труда — были бы деньги!» (33, с. 93).

*101. Т, с опечаткой в ст. 12.— Лирический круг. М., 1922. Вып. 1 (первая публ.).— Накануне. 1923. 8 апр. (Лит. прил. № 47), в составе цикла со ст-ниями 102 и 107 под общим загл. /Летейские стихи/.— БП, где напечатано с поправкой, внесенной 22 марта 1937 г. в авторский экз. С (СХ). Печ. по БП, с устранением искажения в числе (правильно — единственное) и падеже слов «прозрачныя дубравы», возникшем при переходе на новую орфографию (предложение М.Л.Гаспарова). Автографы: ПС; альб. А.И.Ходасевич (РГАЛИ), с датой и пометой /19 дек. 1920. Петербург/; СИ. Список Л.Ландсберга (ИРЛИ, ф. 562). В указанном выше авторском экз. С вписан вариант (или ранняя редакция) последней строфы (*101.3), о нем, по свидетельству Н.Харджиева, поэт сказал, что «Харон в качестве хозяина *парома* уместен только в пародийных стихах», в связи с чем «этот вариант был отброшен» (БП, с. 278). По воспоминаниям О.Арбениной, с которой поэт встречался в то время, в ст-нии отразился рассказ «о <ее> представлении Дантовского (нет, вернее, личного представления) о переходе на тот свет — роща с редкими деревьями...» (частное собр.). *Психея* — по греч. мифам, олицетворение души. *Персефона* — см. примеч. 76. *Стигийский* (греч. миф.) — от названия реки Стикс в царстве мертвых. *Дохнет на зеркало*. В старину для того, чтобы определить, жив ли умирающий, к его губам подносили зеркало — при дыхании оно мутнело. *Лепешку медную с туманной переправы*. Подразумевается монета, которую, по верованиям греков, клали в гроб умершему; она предназначалась перевозчику Харону как плата за переправу через Стикс.

*102. Т.— Дом искусств. 1921. № 1, с датой /Ноябрь 1920/ (первая публ.).— Накануне. 1923, 8 апр. (Лит. прил. № 47), в цикле (см. примеч. 101).— ВК. В Т под загл. /Ласточка/, в ПС — /Слово/. Первонач. черновой набросок (ИРЛИ, ф. 172), с пометой М.Слонимского: «Черновик стихотворения Мандельштама, которое он писал в моей комнате в Доме Искусств» (об этом Слонимский писал также в мемуарах «Старшие и младшие»). Черновой автограф с пометой /Ноябрь 1920. Петербург/ и записью Н.О.Лернера о том, что автограф получен им от поэта 5 нояб. (23 окт.) 1920 г. (РГАЛИ, ф. 300; у Лернера описка в числе года). Запись строфы 5, датированная 29 марта 1921 г. (РГАЛИ). В альб. Э.Голлербаха (РНБ, ф. 207) поэт записал строфы 5—6 (30 нояб. 1920 г.) и строфу 1 (12 янв. 1921 г.), в альб. С.Алянского 27 янв. 1921 г. — ст. 19—20 (Белов С. Романтика книжных поисков. М., 1986. С. 140). Ст-ние создавалось в «Доме искусств», где поэт жил в 1920—1921 г. (36, с. 139—141). В сюжете ст-ния воплощен сам творческий процесс его создания: мучительные и безуспешные попытки

найти точное, единственно нужное слово, которое должно стать в стих, их безуспешность («не выдумать его») — оно должно явиться из подсознания «само». В образах поэт опирается на античные тексты и мифологию — древнегреческие представления о памяти-забвении (последнее функционально приравняется к смерти, поэтому в ст-нии появляются образы Аида). Образы памяти («легкой Мнемозины») и Антигоны в близком контексте — в статье «Скрябин и христианство» (1917). С поиском «слова» связан мотив его «узнавания» (см. также в ст-нии 94), восходящий к категориям «Поэтики» Аристотеля. Эти мотивы затрагивались в круге Цеха поэтов, отсюда близость к «Письмам о русской поэзии» Гумилева: «ему была уже закрыта радость узнавания» (А. 1912. № 6. С. 52 — о Вяч. Иванове); «Он хотел вспомнить „невспоминаемое слово“, и порою мы действительно верим, что оно уже мучило его губы» (А. 1916. № 1. С. 29 — о М. Лозинском). Ср. в ст-нии В.К.Шилейко «Музы» (1914): «И на губах горит гроза Еще не найденного слова» (наблюдение В.Топорова). *Прокинется* — украинизм, в значении: проснется, очнется. *Антигона* — героиня греческих трагедий, заплатившая жизнью за исполненный долг — похоронить тело своего брата, брошенное врагами на поле битвы. *Стигийский* — см. примеч. 101. *Зрячих пальцев стыд И выпуклую радость узнаванья*. Ср. о процессе творчества в статье «Слово и культура»: «Слепой узнает милое лицо, едва прикоснувшись к нему зрячими перстами, и слезы радости, настоящей радости узнаванья, брызнут из глаз его после долгой разлуки. <...> Ни одного слова еще нет, а стихотворение уже звучит. Это звучит внутренний образ, это его осязает слух поэта». *Аониды* — одно из именованй муз.

*103. Т, с датой /25 ноября 1920/.— С. В С также с цензурной заменой эпитета «советской» на «январской», без даты, среди стихов дооктябрьских лет, что, по воспоминаниям И.Поступальского, поэт назвал «цензурным произволом» (частное собр.). Печ. по С, цензурные замены восстанавливаются согласно наборной рукописи С (ИРЛИ, ф. 124) и Т. Не вошло в ВК, по свидетельству Н.Я.Мандельштам, также из-за вмешательства цензуры (25, с. 54). Черновой автограф завершённой первонач. редакции, в основном соответствующий тексту Т,— в СИ, с датой /24 ноября 1920/. В *Петербурге мы сойдемся снова*. В связи с примеч. БП о том, что ст-ние обращено к О.Арбениной, Н.Я.Мандельштам писала, что, на вопрос о том, к кому обращено ст-ние, поэт ответил,— не кажется ли ей, что эти стихи обращены не к женщинам, а к мужчинам; далее высказывается предположение, что ст-ние обращено к поэтам (25, с. 54—55). Так понял их Г.Иванов, откликнувшийся ст-нием «Четверть века прошло за границей...»:

Но поет петербургская вьюга
В занесенное снегом окно,

Что пророчество мертвого друга
Обязательно сбыться должно.

Г.Адамович писал, что в ст-нии «магически выражено» то, что «Петербург помнящие связаны некоей круговой порукой» (Новое рус. слово. 1959. 6 дек.). А.Морозов поделился с нами предположением, что подтекстом первой строфы было, вероятно, ст-ние Т.Шевченко из его петербургского цикла, обращенное к друзьям:

Чи ми ще зійдемося знову?
Чи вже навіки розійшлись?
І слово правди і любові
В степи і дебрі рознесли!

Мандельштам читал стихи Шевченко в Киеве в 1919 г. (см. примеч. 95). Ст. 13—14 и театральные реминисценции вызваны встречами с Арбениной (см. примеч. 107), которая написала в своих воспоминаниях, что эти строки связаны с их ночными, после окончания спектаклей, прогулками по Петербургу, — «у меня был ночной пропуск» (частное собр.). *Словно солнце мы похоронили в нем.* Как можно судить по статье «Скрябин и христианство», подразумевается несбывшееся отпевание Пушкина в Исаакиевском соборе: «Пушкин и Скрябин — два превращения одного солнца, два перебоя одного сердца. Дважды смерть художника собирала русский народ и зажигала над ним свое солнце... Мраморный Исакий — великолепный саркофаг — так и не дождался солнечного тела поэта». *Блаженное, бессмысленное слово.* Возможно, здесь — отзвук поэтической концепции Гумилева, известной по изложению в дневнике А.Блока: «В начале было Слово, из Слова возникли мысли, слова, уже непохожие на Слово, но имеющие, однако, источником Его; и все кончится Словом — все исчезнет, останется одно Оно» (запись 22 окт. 1920 г.). *Киприда* — одно из имен Афродиты. *И блаженных... соберут.* Реминисценция из ст-ния Пушкина «Кривцову»:

Смертный миг наш будет светел;
И подруги шалунов
Соберут их легкий пепел
В урны праздные пиров.

(БП, с. 279). *Хоры слабые Орфея.* Подразумевается, как и в ст-нии 104, опера Глюка «Орфей и Эвридика». *Родные темные зрачки.* Возможно, образ связан с матерью поэта (25, с. 54). *Ночное солнце.* Здесь, как и выше, связано с Пушкиным: «Я вспомнил картину пушкинских похорон, чтобы вызвать в вашей памяти образ ночного Солнца, образ поздней греческой трагедии, созданный Еврипидом, видение несчастной Федры» («Скрябин и христианство», см. также примеч. 72 и 78). *Грядки красные партера* (*103.1). Здесь отразился цвет кресел Александринского театра.

*104. Т (с опечаткой в ст. 27).— Жизнь искусства. 1921. 9—14 авг. (первая публ.).— Альманах Цеха поэтов. Пг., 1921. Кн. 2, с датой /Декабрь 1920/. — Искусство. Баку, 1921, № 2/3.— ВК.— С. В других публ. в периодической печати — в редакции «Искусства». Под загл. /«Эвридика»/ — в ПС и «Искусстве»; /Театральный разъезд/— Обозрение гг. Ростова и Нахичевани-на-Дону. 1922. № 5. Черновой автограф с завершенной редакцией (СИ), с датой /Ноябрь 1920/. Автограф в альб. Ю.Юркуна, с разночтением (Соч., с. 490). В сюжете ст-ния — впечатления от оперы «Орфей и Эвридика» Глюка, шедшей в 1920 г. на сцене Мариинского театра. Отсюда «хоры слабые теней» (хоры теней) и цитата (ст. 30). В связи с ними в строфах 1, 2 возникают картины «старого» театрального Петербурга с образами, близкими ст-нию 50, и общими для обоих реминисценциями из «Евгения Онегина»: «Еще усталые лакеи На шубах у подъезда спят... Еще, прозябнув, бьются кони... И кучера, вокруг огней...» (гл. 1). Затем, как впервые установлено Л.Гинзбург (9, с. 283—285), мотивами «розы», «итальянской речи» и «ласточки, упавшей на горячие снега» вводится образ итальянской певицы Анджолины Бозио (1830—1859), выступавшей в Мариинском театре и погибшей в Петербурге от простуды, — образ, возникающий также в «Египетской марке» (гл. 7). Названные мотивы восходят к пассажи, посвященному смерти Бозио, из поэмы Некрасова «О погоде»:

Но напрасно ты кутала в соболь
Соловьиное горло свое,
Дочь Италии! С русским морозом
Трудно ладить полуденным розам.

Ст. 19—20 звучат как бы репликой на эти строки Некрасова (9, с. 283—285). Другой подтекст, перекликающийся с некрасовским, — пушкинский:

Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза —
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза...

«Есть роза дивная; она...» (64, с. 96—97). О судьбе Бозио поэт говорил: «смерть искусства в этом городе» (письмо Н.Я.Мандельштам — Л.Гинзбург 1967 г.) (Страницы. Иерусалим, 1992. № 1. С. 89). Мельпомена — муза трагедии. *Плошка* — сосуд в виде блюда с вложенным фитилем; здесь — огни. *Эвридика* — в греч. миф. жена легендарного певца Орфея, погибшая от укуса змеи. Орфей проник в Аид и звуками своей лиры растрогал Персефону, получив позволение вывести Эвридику; по пути он забыл о поставленном условии — не глядеть на жену до возвращения домой и вновь потерял ее. *Родной язык.. чужеземных арф рогник*. Когда поэт писал эти строки, он имел в виду Батюшкова (22, с. 99).

*105. Т.— С. — БП, где напечатано с учетом поправок, внесенных в авторский экз. С 7 нояб. 1935 г. (СХ). Впервые: Альм. «Цех поэтов», 1922. Кн. 3; Рупор. 1922. № 5 — с мелким различием сравнительно с Т: «приятеля» вм. «товарища». Автографы: ПС, под загл. /Тифлис/; 5-й строфы, из наборной рукописи С (ГПБ, ф. 474). В Тифлисе поэт жил в 1920 г. перед возвращением в Петербург. Он писал: «Грузия обольстила русских поэтов своеобразной эротикой, любовью, присущей грузинскому национальному характеру, и легким, целомудренным духом опьянения, какой-то меланхолической и пиршественной пьянью, в которую погружена душа и история этого народа» («Кое-что о грузинском искусстве», 1922). *Сазангарь* — грузинский певец, аккомпанирующий себе на сазе (тип лютни). *Кахетинское* и «*Телиани*» — марки грузинских вин.

106. Т, без строфы 6, с датой /Декабрь 1920/. — ВК. Ст. 31 в первой публ. «В тени от шапочки твоей» был исправлен автором в экз., подаренном Г.Шенгели в 1922 г. (частное собр.), и являлся, возможно, опечаткой. По-видимому, сделан из Т список Н.Я.Мандельштам, хранящийся в ГЛМ (ф. 352, подпись — автограф), повторяющий редакцию ст. 31 книги. Авторизованная машинопись с датой /Декабрь 1920/ (РГАЛИ). Обращено к Арбениной (см. примеч. 107). *Вечен... и запах апельсиновой корки*. Эта ассоциация связана с театром, ср. «И слабо пахнет апельсиновой коркой» (ст-ние 71). *Баута* — карнавальная полумаска.

107. Дом искусств. 1921. № 1, с датой /Ноябрь 1920/. В «Накануне» в составе цикла (см. примеч. 101). Список О.Арбениной, с посвящением /Олечке Арбениной/, подпись — автограф (ИРЛИ, Р1, оп. 17). ПС. Список Н.Я.Мандельштам (РГАЛИ, ф. 602). Автограф заключительной строфы с датой /Ноябрь 1920/ из «Чужоккалы» воспроизведен фототипически: Наше наследие. 1989. № 4. Ольга Николаевна Арбенина (наст. фамилия Гильдебрандт, Арбенина — сценический псевдоним; 1897/1898—1980) в это время — актриса Александринского театра, позднее — художница (см.: Художники группы «Тринадцать». М., 1986). К ней также обращены (или связаны сюжетами) ст-ния 101—104, 106, 108, 110, 111. Ее олицетворением стал образ Психеи (ст-ние 101), перешедший в ст-ние М.Кузмина «Сколько лет тебе, скажи, Психея...». Встречи с поэтом, продолжавшиеся в окт.—дек. 1920 г., прекратились после сближения Арбениной с Ю.Юркуном, диалог с которым передан в ее воспоминаниях (частное собр.): «Наша дружба с М. достигла до января 1921 г. Меня оторвало от прежних друзей и отношений — помню, я как-то „собралась“ пойти его навестить. — „Зачем Вам?“. — „За стихами“. — „Мих. Ал. <Кузмин> напишет Вам не хуже“. — „Может быть, и лучше. Но не то. Это будут не «мой» стихи“. Вот, как ни странно, у меня к „греческому“ циклу было отношение какого-то отцовства, как это ни дико. Они очень медиумичны, и потому меня чрезвычайно радовали. <...> Я потом встречалась

изредка с М. и его женой у Лившицев. Мы говорили без смущения. <...> В 1937 г. в Москве мне передали, что М. в Москве и хочет меня видеть, — но меня „не пустили“. Образы «пчел» и «меда» в античной поэзии и перешедшие в русскую XIX в. символизируют любовь и поэзию (68, с. 83—114). *Персефона* — см. примеч. 76. *Тайгет* — горный массив на Пелопоннесском полуострове.

*108. Т, с датой /Декабрь 1920/. — Новый Гиперборей. 1921. № 1, с датой /Ноябрь 1920/ (первая публ.). ПС. Автограф строф 5—6 с датой (записи?) /18 декабря 1920/ — в альб. В.Познера (Соч., с. 491). Беловой автограф с пометой /Петербург. 1920/ (ИРЛИ). Под загл. /Троянский конь/ — в «Новом Гиперборее», /Конь/ — в «Искусстве» (Баку. 1921. № 2/3) и машинописи (РГАЛИ, ф. 602). Печ. без загл. в соответствии с С. Содержит две строфы, общие со ст-нием 414. Обращено к Арбениной (см. примеч. 107). Личная любовная тема сплетена в ст-нии с образом Елены (см. примеч. 69), олицетворяющей красоту в Древнегреческом мифе; отразилась борьба из-за нее ахейцев с троянцами. *Троянский конь* — военная хитрость, из-за которой погибла Троя: внутри этого деревянного сооружения скрылись воины, которые ночью овладели городом, когда конь был туда ввезен. *Приамов скворешник* — Троя. Приам — троянский царь, отец Париса, похитившего Елену у ахейцев. *Стогны* — площадь в городе.

109. Всемирная иллюстрация. 1922. Вып. 5. Л.Е.Фейнберг, оформлявший книгу Мандельштама в издательстве «Работник просвещения» (впоследствии не вышедшую), сообщил нам в 1978 г., что в рукописи строфы этого ст-ния «обрамляли» другое, более длинное, — по-видимому, ст-ние 108: по наблюдению М.Гаспарова, оба написаны одинаковым редким размером (Эволюция метрики Мандельштама // Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 343). *Стогны* — см. примеч. 108.

*110. Т. — Кольцо. М., 1922. Кн. 1. Обращено к Арбениной (см. примеч. 107). *И сам себя несу я... палачу*. По свидетельству И.Одоевцевой, на вопрос, что значат эти строки, поэт ответил: «Дело не в ней (Арбениной — А.М.), а в любви. Любовь всегда требует жертв. Помните, у Платона: любовь одна из трех губительных страстей, что боги посылают смертным в наказание. Любовь — это дыба, на которой хрустят кости; омут, в котором тонешь; костер, на котором горишь» (36, с. 159).

*111. Кольцо. М., 1922. Кн. 1. — Накануне. 1922. 25 июня (Лит. прил. № 9) (первая публ.). С левучим именем. Здесь, возможно, повторяется мотив ст-ния Гумилева «Ольга», по данным П.Лукницкого, написанного в нояб. 1920 г.

и обращенного к Арбениной: «То же звонкое вызванивая имя... И твое лишь имя, Ольга, для моей гортани Слаще самого старого вина...». *Серафим* — ангел; подразумевается его бестелесная сущность.

1921—1925

*112. Россия. 1924. № 3.— С. Беловой автограф (АМ). Авторизованный список основного текста (1927 г.) из собр. Е.Глинтерн (*БП*, с. 281). Беловой автограф (строфы 1,2, под загл.) — в собр. М.Чуванова (*Соч.*, с. 493). Реалии, отраженные в ст-нии, восходят к детским впечатлениям от музыкальных концертов в концертном зале Павловского вокзала, см. образные параллели в гл. 1 «Шума времени». На эти концерты подростка водила мать, отсюда предположение Н.Я.Мандельштам, что с нею связан образ «родной тени» (см. полемику: *68*, с. 165). В подтексте — «космические» образы Тютчева и Лермонтова, ср. соответственно: «Душа моя — Элизиум теней...» и «Элизиум туманный... родная тень... милой тени...» (ст. 9, 18, 22); «звезда с звездой говорит» («Выхожу один я на дорогу...») и «ни одна звезда не говорит» (ст. 2) и ряд других (наблюдения К.Тарановского, Е.Тоддеса). Настолько же явственна связь с мотивами Блока, продолжающаяся и в последующих стихах (диалог с Блоком прослеживается и в историсофских статьях Мандельштама этого периода); это мотивы «музыки» и «железного мира». Ср. также в статье Блока «Ирония»: «Когда властительнее нашего голоса стали свистки паровозов» и ст. 5—6 (*66*, с. XIX). *Рокот фортепьянный*. Реминисценция из ст-ния И.Анненского «Он и я»: «Но страстно в сумрачную высь Уходит рокот фортепьянный» (наблюдение А.Барзаха). *От пенья аонид, И снова... Ср.:* «Снова ночь. Дыханье Аонид» (*102.1). *Элизиум* — загробный мир, царство теней в античных мифах. *Павлиний крик*. Образ основан на реалии: в Павловске был павильон с павлиньим вольером (наблюдение Б.Бухштаба). *Ночного хора*. Этот образ, повторяющийся в ст-нии 282, восходит к стиху Лермонтова «хоры стройные светил» («Демон», XV).

113. Фигаро. Тифлис, 1921. 4 дек. В «Накануне» (1922. 18 июня. Лит. прил. № 8) с мелким разночтением в ст. 7 /грубого холста/, вызванное, должно быть, записью по памяти. Написано осенью 1921 г. в тифлисском «Доме искусств»: «Мандельштам действительно умывался ночью во дворе — в роскошном особняке не было водопровода, воду привозили из источника и наливали огромную бочку, стоявшую во дворе — всклянь, до самых краев. В стихи попало и грубое домотканое полотенце, которое мы привезли с Украины» (26, с. 49). По письму А.Ландсберга М.Волошину от 29 апр. 1922 г., ст-ния 113 и 114 должны были появиться в № 1 харьковского журн. «Грядущий мир», но были сняты секретарем ЦК Д.Мануильским, затребовавшим на про-

смотр гранки номера: «— Какая соль? При чем здесь топор? Ничего не понимаю! Что Ленин скажет?» (ИРЛИ, ф. 562). Близкие образы появились в почти одновременно написанном (авг. 1921) ст-нии Ахматовой:

Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.

*114. Россия. 1922. № 1 (авг.). Здесь, по-видимому, с подцензурной редакцией ст. 17: /Людишки темные торопятся по снегу/. В С иная подцензурная редакция: /Пусть люди темные торопятся по снегу/. Печ. по ВК, где текст совпадает со списком Л.Ландсберга (ИРЛИ, ф. 562) и наборной рукописью С (ИРЛИ, ф. 124). Пунктуация в строфе 1, имеющая смысловозначительный характер, дается по «России». В списке Ландсберга датировано 1921 г. См. примеч. 113. Образы ст-ния связаны с воспоминаниями о жизни в Феодосии в 1919—1920 гг., ср. в очерке «Старухина птица»: «Старушка жильца держала как птицу, считая, что ему нужно переменить воду, почистить клетку, насыпать зерна... если хлебнуть этого варева притушенной жизни, замешанной на густом собачьем лае и посыпанной звездами,— физически ясным становилось ощущение спустившейся на мир чумы...». Арак — виноградная водка. Душистое с корицею вино — глинтвейн.

*115. Всемирная иллюстрация. 1922. Вып. 3 (июль), под загл. /Европа/. В последующих публ. и сб. — без загл. Беловой автограф с правкой (АМ) — сохранившийся от полного текста лист со строфами 3, 4. По сообщению Н.Я.Мандельштам, образы навеяны картиной В.А.Серова «Похищение Европы». В антич. мифе Зевс (Юпитер), влюбившись, похищает дочь финикийского царя Европу, превратившись для этого в быка. Исторический подтекст раскрыт в статье «Пшеница человеческая» (1922): «нынешняя Европа — огромный амбар человеческого зерна... Но каждое зерно хранит память об одном древнем эллинском мифе... как Юпитер превратился в простого быка, чтобы на широкой спине, тяжело фыркая и с розовой пеной усталости у губ, перенести чрез земные воды драгоценную ношу — нежную Европу, и та слабыми руками держалась за крепкую квадратную шею».

116. Москва. 1922. № 6. В «Возрождении» (М., 1923. Т. 2) с искажением в ст. 12 /Как ты нынче шелестишь/. Беловой автограф (ИМЛИ). Обращено к Н.Я.Мандельштам.

*117. Известия ВЦИК. 1922. 23 сент. В «Возрождении» (М., 1923. Т. 2) редакция ст. 9 /Чтобы силою, как лаской,/, восходящая к версиям черновиков, вызвана, должно быть, ошибкой памяти при записи. Черновой автограф (АМ). «Хлебная» символика замещает в ст-нии, как и в ряде статей и стихов этих лет, религиозную (57, с. 185—191). Опара — заправленное дрожжами или закваской тесто, начавшее

всходить. *Софии*. Здесь подразумеваются соборы, ср. в ст-нии 35. *Слово-колобок*. С этим образом связан и единственный известный псевдоним поэта — «Колобов». *Усыхающий говесок*. Подразумевается колобок, по мотивам известной сказки, он — «оскребыш».

*118. Гостиница для путешественников в прекрасном. 1922. № 1 (нояб.).— БП, где дано с учетом поправки в авторском экз. С, внесенной 3 февр. 1936 г. (СХ); этим поэт вернулся к ранней (допечатной) редакции. В цикле со ст-нием 119: под загл. /Сеновал/ — в первой публ. и беловом автографе (ИМЛИ); без загл. — в беловом автографе (РНБ, ф. 625) и журн. «Петроград» (1923. № 8). 3 листа черновых автографов (АМ), в которых зафиксирован текст, общий со ст-нием 119, и этапы их обособления. Первоначальный представляет строфы 1—4 ст-ния 118 и строфы 1, 3, 4 ст-ния 119, причем строфа 3 чернового автографа содержит, почти в точности, оба варианта (первопечатный и основной) ст-ния 118, строфа 4 — варианты, соответствующие заключительным строфам обоих ст-ний; окончат. тексты в черновике соответствуют первопечатным (не завершен ст. 3). В работе над черновиками нами были использованы транскрипции И.Семенко (собр. Ю.Фрейдина). В наборной рукописи ВК (ИМЛИ) текст до правки — с ошибками, вызванными диктовкой по памяти (восходят к редакциям черновиков). *Комариный... князь*. Сравнение с князем восходит к ст-нию Державина «Похвала комару» (68, с. 29). *Тмиц* — травянистое растение с ароматическими плодами.

*119. Гостиница для путешественников в прекрасном. 1922. № 1 (нояб.).— БП, где дано по авторскому экз. С (СХ), в котором 3 февр. 1936 г. поэт восполнил печатный текст строфой 4 по черновику допечатной редакции. См. примеч. 118. *Эолийский... строй*. Строй — музыкальный термин; то же, что гармония или мелос. В границах эолийского типа мелоса — творчество Терпандра, Алкея и Сафо. *Распряженный... воз... торчит*. Образ связан, вероятно, с картиной И.Босха «Воз сена», символика которой вызвала литературу истолкований. *Строим*. Здесь в значении «настраиваем»; подразумевается поиск нового «строя» (см. выше). *Словно спешим Обрасти косматым руном*. Реминисценция из ст-ния И.Эренбурга, написанного в янв.—марте 1920 г. в Коктебеле (наблюдение О.Ронена):

Я не резвился с музами в апреле навечеря,
Не срывал Геликона расцветающих роз,
Лиру разбил о камень севера,
Косматым руном оброс.

Звукоряг — музыкальный термин: запись характеристик определенного музыкального строя.

*120. Абракасас. 1922. № 2 (нояб.). В перепечатках вошло в состав цикла (см. примеч. 416). Беловой автограф и список Н.Я.Мандельштам (ИМЛИ, последний — в составе цикла). В наборной рукописи ВК (ИМЛИ) до правки зафиксирована другая редакция. Н.Эфрос сообщала об авторизованном списке (вместе со списками ст-ний 125, 126 — вероятно, из невышедшего № 2 альм. «Лирический круг»), переданных ею в РГБ (Абрам Эфрос и Осип Мандельштам // «Сохрани мою речь...» М., 1991. С. 52). В отклике на первую публ. И.Груздев писал: «А что Мандельштам идет к темам космогоническим и что здесь мы можем почувствовать новую поэзию большого стиля, на это мы тоже имеем намеки» (Русская поэзия в 1918—1923 гг. // Книга и революция. 1923. № 3. С. 41). В сюжете отразились канун и начало первой мировой войны, «мы» ст-ния — то же, что в ст-нии 103 (см. примеч.). Строфу 1 Мандельштам приводит в статье «Девятнадцатый век» (1922) в пояснение следующей мысли: «В жилах нашего столетия течет тяжелая кровь чрезвычайно отдаленных монументальных культур, быть может — египетской и ассирийской». В ст-нии велика конструктивная роль реминисценций из Блока (почти одновременно писалась и статья о нем), ср.:

Ветер принес издалека
Песни весенней намека,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

(64, с. 142); образ *Азраила* (ангел смерти у мусульман) — и в ст-нии Блока «Милый друг, и в этом тихом доме...» (ср. также «тень люциферова крыла» в «Возмездии»). *Ассирийские крылья стрекоз*. Речь идет об аэропланах (см. примеч. 416). Ср. об аэропланах у Блока: «Что-то древнее есть в повороте Мертвых крыльев, подогнутых вниз...» («В неуверенном, зыбком полете...») (64, с. 134).

*121. Сегодня. 1922. № 1 (сент.).— Ковш. Л., 1925. Кн. 1. В первой публ. — без загл. Беловой автограф (ИМЛИ). Образные параллели — в очерке «Холодное лето» (1923). *Во рту булавок.. ворох* (*121.1). Держать булавки во рту — в прошлом профессиональная привычка портных.

122. Россия. 1922. № 4. (дек.) — БП, где дано по авторскому экз. С (СХ), в котором 3 февр. 1936 г. текст был дополнен по черновику (см. ниже) заключительной строфой. В «Красной нови» (1923. № 1) с ошибочно повторенным текстом предшествующей строфы в ст. 21—24. Беловые автографы первопечатного текста: АМ (с разночтением), да-

тирован 19 окт. 1922 г.; ИРЛИ, альб. Е.П.Казанович, с датой записи 21 мая 1923 г. Лист черного автографа (АМ) с концевкой ст-ния (ст. 25—40), с датой /8 окт. 1922/. Список Н.Я.Мандельштам (ИМЛИ, ф. 225, оп. 1, ед. хр. 9) относится к наборной рукописи ВК. Образ ст. 27—32 повторяется в предисловии Мандельштама к роману Лефевра Сент-Огана «Тудиш». По наблюдению Л.Гинзбург, на образности ст-ния сказалась поэма Маяковского «Флейта-позвоночник». *Кровь-строительница*. Реминисценция из «Набросков оды» И.Коневского: «Строительница жизни кровь» (66, с. 153). *Узловатый дней колена*. Вероятный подтекст — в статье К.Эрберга: «Человеческая культура растет как легкий, но крепкий коленчатый тростник... в тех местах, где находится граница между одним коленом и другим, ствол тростника бывает особенно крепок, и можно сказать, что вся крепость тростника — от этих узловых мест его легкого и стройного ствола... Узловые эпохи в искусстве должны быть предметом особого внимания критики» (О догматах и ересях в искусстве // Искусство старое и новое. Пб., 1921).

*123. Красная новь. 1923. № 2. — Накануне. 1923. 7 окт. (тот же текст в виде ст-ния в прозе). — КЗ. В перечисленных публ. — с подзаг. /пиндарический отрывок/, который снят в гранках ВК (ИМЛИ). Печ. с мелкими поправками в строфике и пунктуации по С и рукописи (АМ), текст которой представляет собой ст-ние в прозе, с нанесенной разбивкой на стихи. Оттиск из «Красной нови» с авторской правкой (ИМЛИ) относится к наборной рукописи ВК. Подзаг. указывает на древнегреч. поэта Пиндара, автора торжественных од (V в. до н. э.); от него — образы коней и колесниц, мотив «с чего начать?»; редкая у Мандельштама форма свободного стиха — от немецких переводов Пиндара. *Пиния* — итальянская сосна; произрастает на Кавказе. *Вифлеемский мирный плотник*. Речь идет о новозаветном Иосифе, муже Марии. Она отмечена среди подруг повязкой на лбу. Этот образ основан на обычае древних греков украшать повязкой в знак отличия; повязку надевали во время торжественного пира отличившиеся войны или победители игр и т. п. (65, с. 19). *Неера* — океанида, любовница Гелиоса, ее «влажный чернозем» взят в не вполне ясном метафорическом значении; ее имя вызвано, вероятно, обращением к ней в стихах Лермонтова и А.Шенье (66, с. 203). *Хрупок летоисчисление нашей эры подходит к концу*. Ср. в статье «Скрябин и христианство» (1917): «Христианское летоисчисление в опасности, хрупкий счет годов нашей эры потерян...». *Эра звенела, как шар золотой*. Ср. в «Заметках о Шенье» (1922): «Добро, благополучье, здоровье были слиты в одно предательство, как полновесный и однородный золотой шар... Восемнадцатый век утратил прямую связь с нравственным сознанием античного мира. Золотой сплошной шар уже не звучал сам по себе».

124. Россия. 1923. № 5.— Наши дни. М.; Пг., 1923. Сб. 3.— КЗ. Печ. по КЗ с отдельными поправками по «Нашим дням» и рукописям. В «России» с подзаг. /Баллада/, без ст. 59—64 и в виде двустихий. В «Наших днях» с примеч.: /В основу положен отрывок из старофранцузского эпоса geste de «Doon de Mayens»/. Из ВК и С было исключено цензурой (см. общую преамбулу). Местоположение в книге устанавливается по верстке С (ИРЛИ, ф. 124). Датируется по времени работы над переводами старофранцузского эпоса (см. примеч. к ним). В «Рукописи 1» (ИМЛИ) — первонач. редакция из 93 стихов (воспроизведена в Соч.). Здесь ст. 1—3 и 5—6:

Пришли четыре брата во дворец большой руки,
Плащи подбиты ветром, сукна висят клочки,
Так гнусны и невзрачны, что всякий им крикнет
«брысь».

.....
Едва с ней не случился от испуга столбняк,
Оправилась немножко и рассуждает так:

.....
Для перевода (А.Д.Михайлов характеризует его как весьма точный) Мандельштамом был взят отрывок из обширнейшей поэмы «Четыре сына Аймона», входящей в цикл Доона де Майанс (Майнцского). В ней рассказывается о вражде сыновей Аймона Дордоньского — Ааларта, Рено, Гишара, Ришара — с императором Карлом Великим. *Королевский племянник — Бертоле. Меуза — река в Северной Франции. Арденнская земля. Арденны — горный массив на северо-востоке Франции. Выстроили замок* Согласно поэме, братья построили замок Монтеissor. *Как в трубе Роланд.* Здесь намек на эпизод из «Песни о Роланде» (см. ст-ние 509).

*125. ВК. — БП, где дано с учетом авторской правки в экз. С (СХ): поэт исключил из печатного текста 8 строк, 2 из которых взял эпитафией (см. *125.1). В «Накануне» (1923. 29 июля) помещен фрагмент — строфа 4. В АМ — черновые автографы и беловой с правкой, приводящей к первопечатному тексту; датирован мартом 1923 г. Допечатная редакция — в списке Н.Я.Манделштам с правкой автора, под загл. /Грифель/ и датой /8 марта 1923 г./ (РГАЛИ, фонд журн. «Красная новь»). Авторизованный список (текст соответствует первопечатному), с эпитафией «И звезда с звездой говорит» — в СХ (БП, с. 284). Такой же список в собр. А.М.Эфроса. И.Семенко считала, что в ст. 41 «И как паук ползет ко мне» в ВК и С невыправленная опечатка, поскольку во всех автографах — «по мне» (47, с. 27). Мы считаем это изменение текста авторским: прежде всего, нет аналогий тому, чтобы подобная, важная в смысловом отношении, опечатка осталась не исправленной ни в корректурах, ни в авторских или подаренных экз. книг. Затем, в аргументации (47, с. 30) не учтено, что «паук» является у

Мандельштама лишь в метафорических планах: в сравнении с собором (ст-ние 54), светом (ст-ние 290). В контексте он вызван варьирующимся в первопечатном тексте и черновиках образом «памяти» и неявной темой забвения, традиционно связанных в греч. мифологии. Непосредственный источник, по-видимому, — драма И. Анненского «Фамира-кифарэд»:

Благословенны боги, что хранят
Сознание нам и в муках.

Но паук
Забвения на прошлом... он добрее.

Две первые строки Мандельштам цитировал в своей рец. на драму. Причина исключения 8 стихов из первопечатного текста не выяснена; возможно, она связана с образом «голоса», который возникает и в черновиках последующих лет. Общая конструктивность сюжета определяется неким, в ряде существенных черт общим, мифопоэтическим космосом русской поэзии XIX в. (Лермонтов, Тютчев, Державин). Основной источник (дан открыто в зачине) — стихи Лермонтова, в которых говорится об «одиноким пути поэта»:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Реминисценция из них повторяется в ст. 61—62 (*кремнистый путь из старой песни*). Другие подтексты не столь очевидны. Державин представлен, главным образом, наброском оды «На тленность» («Река времен в своем стремлении...») — последними строками Державина, записанными им вчерне на грифельной доске свинцовой палочкой (доска хранится в РНБ). От них — образы «гриффеля», «черновика» (и производные) и всех, связанных с текущей, «учащей» водой (рекой) (9, с. 286). К этим стихам Державина Мандельштам обращался и в статьях начала 1920-х гг.: «Время хочет пожрать государство. Как трубный глас звучит угроза, нацарапанная Державиным на грифельной доске... Сострадание к государству, отрицающему слово, — общественный путь и подвиг современного поэта» («Слово и культура»). Ср. *Учительствуют хор державе* (*125.3) — слова, которые, в свою очередь, могут быть соотнесены с выстулением группы «Смена вех». От Тютчева в ст-нии — символика «дня» и, особенно, «ночи» и закономерности их смены («День и ночь», «Видение» Тютчева). Интересно, что эти образы, вначале взятые как легко узнаваемые, тютчевские, в динамике ст-ния наполняются новым содержанием, вплетаются в новые темы, связанные с актуальной политической реальностью: конец революции («дня»), начало нового государственного строительства. В основном тексте возвращаются «овечьи» метафоры, прилагаемые к людской массе (ср. ст-ние 400), а в черновиках, в качестве эквивалентов, пробуются образы «лесов», «дубов», деревьев («слеп-

пов зеленых»), которые вскоре войдут в переводы из Бартеля (в них повторятся также образы «хищных птиц», «стрепета», мотивы смены дня и ночи и др.). Не вполне ясен в ст-нии образ «мела» и производных, особенно в его взаимосвязи с «грифелем». Возможно, имеет значение его «московская» (в противопоставлении «петербургскому») прикрепленность, ср. образные параллели в очерке «Холодное лето» (1923): «Город раздается у Спасителя ступенчатыми меловыми террасами, меловые горы врываются в город вместе с речными пространствами... И дальше Москва пишет мелом». *Полусонюк*. Здесь (в отступление от нормативной грамматики) — род. падеж от «полусны». *Родник журчит Цепочкой, пеночкой и речью*. Здесь «родник» — символ лирической поэзии; «цепочка» и «пеночка» — с аллюзией на одноименные лирические стихи Державина (68, с. 107). *Сдвиг*. Здесь — ошибка, возникающая при восприятии стихов на слух, например, «со сна» — «сосна» (термин А.Крученых). *Проповедует отвес*. У Мандельштама «отвес» символизирует строительство (см. ст-ние 35). *Воздуха... пресыщен всеми*. Ср. мотивы «Воздух бывает темным... Воздух замешен так же густо...» в ст-нии 123. *Плод нарывает. Зрел виноград*. Здесь символизирует некую манящую, но недостижимую утопию; связан с басней Крылова «Лисица в винограднике». *И в бабки нежная игра*. Как и в ст-нии 74, этот мотив содержит намек на цареубийство. *Стрепет* — резкий шум. *Вложись персты... как в язву*. Поговорка, восходящая к евангельскому рассказу о Фоме неверующем (Иоанн, 20:24—29). *О память, хищница моя* (*125.3) и *ночь-коршунница* (ст. 27) — реминисценции из поэмы А.Григорьева «Venezia la bella»:

Проклятый коршун памяти глубоко
Мне в сердце когти острые вонзил.
И клювом жадным вся душа изрыта...

(66, с. 142). *Ночь, золотой твой кшияток* (*125.3). Подразумеваются звезды: ср. «золотая дымная уха» (*104.1). *Из каменного жерла* (*125.3). Речь идет о «жерле вечности» из державинской «Реки времен...».

126. Огонек. 1923. № 14. — С. Под загл. /Париж/, с разбивкой ст. 3—4, 7—16, 19—22, 25—26 на полустишия и с обратной последовательностью ст. 9 и 10 — в белом автографе (АМ) и в первой публ. Под. загл. /Прабабка городов/ и с несколько иной разбивкой стихов на полустишия: Литературно-художественный альманах для всех. 1924. Кн. 1. Авторизованный список Н.Я.Мандельштам под загл. /Париж/ — в собр. А.М.Эфроса. Написано в период работы над переводами «Ямбов» О.Барбье; ст. 4 взят из, вероятно, незавершенного перевода ст-ния Барбье «Лев» (известен лишь по цитате в статье «Огюст Барбье»):

Я был свидетелем трехдневного смятенья,
Три дня метался лев народного терпенья
По звучным мостовым прабабки городов...

Фригийской бабушкой. Здесь намек на античное происхождение фригийского колпака — его носили освобожденные рабы в Древней Греции. *Здесь клочки месяцам гавали, как котят.* Подразумевается декретированное в 1793 г. изменение названий месяцев.

*127. Лёт. М., 1923, в составе цикла (см. примеч. 416). В С вне цикла, с датой. В АМ — черновой автограф на листе с разработкой указанного цикла и белой, вырезанный из листа с тем же циклом. Список Н.Я.Мандельштам (ИМЛИ), также в составе цикла; относится, вероятно, к наборной рукописи «Лёта». С циклом связаны образы и сюжет (картины «доисторической космологии»). Разрешение — в строфе 3, где страстная просьба об именовании должна пониматься как инстинктивная жажда исторического существования. *Всклянь* — вровень с краями. *Эмпирей* — в антич. мифологии и в «Божественной комедии» Данте наивысшая космическая сфера, объемлющая звезды и солнце; у Данте также и обитель душ. *В лазури мучилась заноза.* Этот образ в очерке «Холодное лето» (1923) означает «живую, животную прелесть аэроплана».

*128. Рус. современник. 1924. № 2. — С. — БП, где дано с учетом авторской поправки в экз. С (АМ) с пометой: /В<оронеж. 19> 37/. Машинопись (ИРЛИ, ф. 172) относится, возможно, к наборной рукописи «Рус. современника». Подкопирочный экз. той же закладки (АМ). Написано в Киеве, куда Мандельштамы приехали на Рождество к родителям жены (24, с. 172). На первую публ. последовала рец. Г.Лелевича: «Насквозь пропитана кровь Мандельштама известью старого мира, и не веришь ему, когда он в конце концов начинает с сомнением рассуждать о „присяге чудной четвертому сословью“». Никакая присяга не возвратит мертвеца» (Молодая гвардия. 1924. № 7/8. С. 262). *Поднимал... веки.* Образ навеян гоголевским *Внем. Ночные травы собирать.* Реминисценция из стихов Ф.Сологуба:

Для торжественной забавы
Я порою к вам схожу,
Собираю ваши травы
И над ними ворожу...

(«Ты не бойся, что темно...») (66, с. 263). *Щучьего суда.* Образ основан на басне Крылова «Щука». *Аптечная малина.* Подразумеваются цветные стеклянные шары, в т. ч. малинового оттенка, выставлявшиеся в витринах аптек. *Присягу... четвертому сословью И клятвы... до слез.* Четвертое сословье здесь — разночинцы, поэт вспомнил о революционных увлечениях своей юности (см. гл. «Семья Синани» в «Шуме времени»); о разночинцах поэт говорил и в ст-нии 170. *То ундервуда хрящ... щучью косточку найдешь.* Сравнение основано на сходстве рычагов шрифта пишущих машинок с рыбьим скелетом (66, с. 171), как и выше, с аллюзией на суд в басне «Щука».

*129. Ковш. Л., 1925. Кн. 1, под загл. /Вариант/. — С. А. Морозов сообщил нам, что, по рассказу Н. Я. Мандельштам, ст-ние возникло как реакция на слова или печатное выступление какого-то критика, одобрительно отозвавшегося на ст-ние 128 и сказавшего, что видит в Мандельштаме современника; это объясняет загл. в первой публ., ст. 1 и парафразы ст-ния 128 в ст. 5—12. *Нет, никогда, ничей я не был современник*. Ср. в статье «Буря и натиск» (1923): «Блок — современник... своего времени. Хлебников не знает, что такое современник. Он гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии». *Сто лет тому назад... постель*. Этот образ не вполне ясен; по предположению Н. Харджиева, речь идет о Байроне, умершем в 1824 г. в походе во время войны за независимость Греции (БП, с. 285). *Века первый хмель*. Речь идет о периоде наполеоновских войн (см. примеч. 82).

*130. Ленинград. 1925. № 21, с разбивкой на полустишия. Под загл. /Ленинградская зима/ — Красная газ. 1925. 16 окт. Веч. вып. (публ. «на случай»). Печ. по С, с исправлением даты (было «1925») по АМ. Запись Н. Я. Мандельштам, дата /17 декабря 1924/ — автограф (АМ). Машинопись с датой /1925/ (АМ).

*131. Ленинград. 1925. № 20. — Новый мир. 1927. № 6, с мелким разночтением. — С. В «Новом мире» под загл. /Цыганка/. Автограф на бланке «Нового мира» (ГЛМ, ф. 49), текст соответствует помещенному в этом журн. *Вместо хлеба еж брюхатый*. Ср. в прозе одного из знакомых Мандельштама: «Потом голодали, хлебец ели вроде молодого ежа... и очень об соли скучали...» (Баршев В. Прогулка к людям. Л., 1926. С. 27). *Гарнец* — мера сыпучих тел.

132. Звезда 1927. № 8, под загл. /«Из табора улицы темной...»/. Печ., согласно С, без загл. Автограф на бланке «Нового мира» (ГЛМ, ф. 49), текст соответствует публ. Обращено к О. А. Ваксель, в которую поэт был влюблен зимой 1924—1925 г. (см. примеч. 231).

НОВЫЕ СТИХИ

От стихов «старых» их отделяет длительный период поэтического молчания. Вновь стихи «пришли» все же в Армении (см. примеч. 135), а не в Тифлисе, как считалось раньше. Тематами и образным строем стихов 1930—1934 гг. поэт, как было предreshено в «Четвертой прозе», резко порывал с официальной литературой, хотя впоследствии и предпринимались попытки (не очень, впрочем, последовательные) примириться с действительностью (ст-ния 170, 170 и др.). Это обусловило и судьбу стихов в печати, и дальнейший драматический поворот в судьбе поэта. В периодической печати все же удалось осуществить ряд публ.; последняя подборка появилась в «Лит. газ.» (1932. 23 нояб.). Обстоятельства, сопутствовавшие печатанию, представляют собой самостоятельные сюжеты, которые, к сожалению, здесь нет

возможности затронуть. Известны и неосуществившиеся публ.: подборка /Семь стихотворений/ (153, 147, 133, 152, 157, 156, 146) в «Новом мире», сохранившаяся в АЗ; подборка /Пять стихотворений/ (153, 147, 133, 152, 146; предполагалось дополнить ее ст-нием 157, см. примеч.) с визой М.Козакова (17 февр. 1931 г.) о помещении в № 4 журн. «Ленинград» (ИРЛИ, ф. 364). Подготовленность анонсированной в 1933 г. журн. «Лит. современник» публ. подтверждают, как установил А.Морозов, сохранившиеся в фонде журн. ст-ния 168, 170, 171 (ИРЛИ). Поэтом создавались и своды написанных стихов. Один из них, хранящийся в ИМЛИ (ф. 225, оп. 1, ед. хр. 8), с относительной полнотой представляет стихи 1930—1932 гг.; его можно предположительно отнести к одному из неосуществившихся проектов издания книг, договоры на которые, с помощью Н.И.Бухарина, были заключены с ГИХЛом в 1932—1933 гг. (РГАЛИ). Должны были существовать такие своды и у друзей поэта. Пока они не выявлены; некоторые были утрачены во время войны, однако обследование архивов нельзя считать законченным. В личном архиве поэта стихи этого периода сохранились хотя и с большой полнотой, но и с неизбежными лакунами. После ареста 1934 г. архив был спрятан, а в 1936 г. привезен в Воронеж. Этому предшествовала начатая С.Рудаковым работа над рукописным наследием Мандельштама. Вначале стихи записывались по памяти; новый этап начался 15 янв. 1936 г., когда Н.Я.Мандельштам привезла из Москвы архив поэта. На его основе был составлен свод стихов 1930—1935 гг. — «Ватиканский список» (ВС). Написанный рукой Н.Я.Мандельштам, он был просмотрен поэтом и содержит его пометы. Этот источник взят нами в основу соответствующих разделов («книг») настоящего издания. ВС составлялся с намерением и восстановить тексты, и закрепить те из них, которые ранее были отброшены (по иным окончательное решение в свое время не было принято). Сомнения поэта в отношении некоторых стихов (строф) отражены в рукописи помещением последних в прямые скобки.¹ По крайней мере одно ст-ние (154) было пропущено из-за того, что его не оказалось в архиве. Ст-ния 193 и 194 не записывались из предосторожности, для первого из них в рукописи был оставлен пробел; имеются и другие признаки самоцензуры. Существенно, что в распоряжении поэта в то время были не все источники, которые находятся в архиве сейчас; с другой стороны, в то время в нем должны были находиться источники, впоследствии, вероятно, утраченные.² В ряде случаев, не располагая текстами окончательных

¹ В некоторых случаях, возможно, в прямые скобки помещены скопированные из черновиков зачеркнутые строфы.

² Об их существовании можно судить по наличию полных дат под некоторыми стихами, которые можно было извлечь только из архива.

редакций и не припомнив их, поэт фиксировал те, которые имелись в архиве (речь идет, главным образом, об отдельных словах и строках). Когда такие обстоятельства удаётся выяснить при сравнительном анализе, основной текст устанавливается нами по более ранним (до 1934 г.) источникам.¹ Творческие изменения в стихах 1930—1934 гг. зафиксированы в ВС лишь в отдельных случаях: так, на основе прежних редакций выделены ст-ния 179, 180, 191, 206. Особый текстологический случай описан в примеч. 212—214. По редакциям стихов 1935 г. устанавливается крайняя дата составления ВС — не позднее 30 мая 1936 г., однако работа над композицией продолжалась и впоследствии: некоторые стихи вырезаны, разрезаны страницы, что, как можно судить по нумерации стихотворений, делалось для восстановления хронологической последовательности.² О времени нанесения нумерации в ВС пока можно судить лишь предположительно — май 1937 г. В 1937 г. Н.Я.Мандельштам переписала для Н.Е.Штемпель стихи 1930—1937 гг. Этот свод был назван «Наташина книга» (НК). По сравнению с ВС, в него вошли не все стихи (пропуски восполнены Н.Я.Мандельштам в 1960-е гг.), и они не были авторизованы; однако в ряде случаев он помогает установить редакции текстов. К решению текстологических задач в настоящем издании впервые привлекаются Списки Линецкой. Они были сделаны ею в 1940 г. у Рудакова. Поскольку архив Рудакова в своей основной части утрачен (6, с. 115—155), этот пока единственный из восходящих к нему сводов имеет значение. В них скопированы стихотворения 1930—1937 гг., но не полностью и не всюду в последовательности. Наличие текстов в НК, Списках Линецкой, своде ИМЛИ указываем выборочно.

Название «книге» стихов 1930—1934 гг. поэтом дано не было. Мы следуем предложению Н.Я.Мандельштам (28, с. 216), несколько его видоизменяя, так как названию «Московские стихи», предложенному ею для этих годов, противоречит наличие большой группы стихов, написанных в Тифлисе и Ленинграде.

133. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС. Списки Н.Я.Мандельштам в АМ, архиве М.Шагинян и в подборках (см. преамбулу к «Новым стихам»). Написано, как и остальные стихи окт.—нояб. 1930 г., в гостинице «Ориант» в Тифлисе (28, с. 190). Обращено к жене, которая вспоминала: «О.М. прочел мне эти стихи позже других из „Армении“, но сказал, что оно пришло первое и „разбудило“ его» (28, с. 192).

¹Наряду с такими случаями, в текстах ВС устанавливаются и описки.

²В разделе 1935 г. вырезались исключенные стихи, см. преамбулу к «Воронежским тетрадам». Перерывы в нумерации указывают на ныне утраченные вставные листы; некоторые сохранились. Более детальный анализ нынешнего состояния ВС возможен лишь в специальной работе.

*134—145. Новый мир. 1931. № 4, без эпиграфа, с обратной последовательностью ст-ний 2 и 3, 9 и 10, 11 и 12; с подзаг. /Двенадцать стихотворений/ и датой /Ноябрь 1930/. С эпиграфом цикл напечатан: Лит. Армения. 1966. № 1; восстанавливается согласно свидетельству Н.Я.Мандельштам о том, что при публ. в «Новом мире» он был снят цензурой (28, с. 193). К такому решению, насколько можно судить, была склонна И.Семенко (47, с. 49). Порядок ст-ний в цикле дается согласно ВС (совпадает в НК); изменения в порядке цикла готовились после первой публ. и отражены в своде ИМЛИ (см. преамбулу к «Новым стихам»). Редакции текстов с момента первой публ. изменений не претерпели. Черновики (АМ), где зафиксирована ранняя редакция, общая для ст-ний 134, 136, 149 и эпиграфа. Поездка в Армению подготовлялась с 1929 г. с помощью Бухарина. Ее практической целью было подыскать для Мандельштама работу и, тем самым, найти материальные источники существования для семьи. Путешествие продолжалось с мая по сент. 1930 г. Мандельштамы поселились в гостинице в Ереване и отсюда совершали поездки по стране; в июле—авг. отдыхали в санатории на озере Севан. Цикл, за исключением ст-ния 135, писался в Тифлисе. Напряженность и тревога в образном строе стихов вызвана актуальными политическими событиями: в это время шел процесс «Промпартия» и началось следствие по делу группы Ломинадзе (помогавшего Мандельштамам в Тифлисе) и Сырцова (28, с. 190—191).

Эпиграф. В ВС — в качестве отдельного ст-ния, предшествующего циклу. В черновиках (АМ) — в составе одной из ранних редакций, общих и для ст-ний 134, 136, 149; затем, в одном из набросков — вместо строфы 2 ст-ния 134. В фонде И.Будовнича (РГБ) — автограф, на одном листе с предшествующей записью строфы 2 ст-ния 149 (не исключено, что они составляют целое ст-ние). Автограф (АЗ). Бык шестикрылый. Ближайший источник образа — бык в каменной резьбе армянских храмов; вероятно, повлиял и образ «тигра шестокрылата» в видении преисподней из ст-ния «Влас» Некрасова, которое Мандельштам цитировал в одной из дневниковых записей 1931 г.

1 (134). Черновики (АМ). Ты розу Гафиза колышешь. Роза — повторяющийся образ в стихах великого персидского поэта Гафиза. Ты вся далеко за горой. Подразумевается тот факт, что Арарат и большая часть древней Армении остаются в пределах Турции. Картинка налипла... с водой. Подразумеваются детские переводные картинки — декалькомани.

2 (135). В ВС с датой /21.X/, взятой, по-видимому, из ныне утраченного черновика. Написано в Армении; в Ереване поэт читал его А.Худавердян и З.Ясинской (Худавердян А. Встречи с поэтом // Лит. Армения. 1991. № 5).

3 (136). Черновики (АМ), в одном из них с пометой: /Тифлис. 16 окт. 1930/. Рисующий лев из лена. По свидетельству Н.Я.Мандельштам, лев был изображен на виденной позом в Армении коробке с карандашами; лев — традиционный для Армении символ княжеской власти, зачастую вырезается (вместе с быком) на стенах храмов. *Москатель* — определенный род товаров: краски, клей и т. п. *Саргар* — военачальник; здесь, вероятно, имеются в виду персидские наместники в Армении XVI—XVIII вв. *Где буквы* — кузнечные клещи... *скоба*. Сравнения вызваны начертанием букв армянского алфавита (поэт начал изучать армянский язык). *Багряные -уни и -ани Натуга великих рогов* (*134—145.1). Имеются в виду окончания армянских слов, например: Эребуни, Вазисубани; с родами здесь сравнивается процесс произнесения. *В очаг вавилонских наречий... скорей* (*134—145.1). Армянский язык формировался в среде государства Урарту, где были распространены языки, родственные нововавилонскому.

4 (137). Автограф (начало — рукой Н.Я.Мандельштам) с датой /25.X/ (АМ). *Осьмигранные соты*. Имеются в виду церкви Армении; ее древнейшие храмы в плане представляют собой восьми- или многогранный. Ср. в ст-нии 411: «Ее церковей благоуханных соты». *Всё утро дней на окраине мира... слезы*. Речь идет об исполненной трагизма истории Армении, которая была форпостом христианства на Востоке.

*5 (138). Черновые автографы (АМ). *Лепесток соломонов*. Образ навеян «цветочными» сравнениями библейской «Песни песней Соломона».

6 (139). Беловой автограф (АМ). *К трубам серебряным Азии вечно летящая*. Парафраз ст. 6 из XLVI ст-ния Катулла, которое Мандельштам цитировал в статье «Слово и культура».

*7 (140). Автограф с правкой (АМ). Образы навеяны руинами храма Звартноц близ Эчмиадзина.

8 (141). Два черновых автографа (АМ). *Сытых форелей... дне*. То же сравнение в гл. «Севан» «Путешествия в Армению». *Весь воздух выпила... гора*. Подразумевается Арарат (см. примеч. 134). *Окарина* — свистковая флейта.

*9 (142). Черновой автограф; список Н.Я.Мандельштам с датой /24 окт. 1930/ (АМ). *Нищенское селенье* — Аштарак, см. в одноименной гл. «Путешествия в Армению».

10 (143). *Примирившие дьявола и бога*. Среди курдов распространен езидизм (ветвь зороастризма) — верование, сочетающее поклонение доброму и злему началам.

11 (144). Свод ИМЛИ.

12 (145). Список Н.Я.Мандельштам (АМ).

146. Мосты. 1965. № 11. Печ. по ВС. Списки в составе подборок (см. преамбулу к «Новым стихам»). На полицейской бумаге верже. Верже — качественная бумага с водяными знаками. Н.Я.Мандельштам предполагала, что эпитет «полицейский» вызван тем, что такая бумага была подарена поэту в Тифлисском архиве. «Действительно, автограф близкого по времени стихотворения <148> написан на бумаге со штампом Тифлисского дворянского заемного банка, со сплошным водяным знаком в виде условных звезд и птиц» (Свог, с. 89). *Раппортчики*. От аббревиатуры «РАПП» (Российская ассоциация пролетарских писателей); навеяно, должно быть, недавними встречами с одним из лидеров РАППа А.Безыменским, иронически обрисованным в «Путешествии в Армению» (гл. «Сухум»); детальнее см.: Флейшман Л. Эпизод с Безыменским в «Путешествии в Армению» // Slavica Hierosolymitana. 1978. Vol. 3.

147. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС. В составе подборок (см. преамбулу к «Новым стихам»). *Птицу, старуху, тюрьму*. По наблюдению Тарановского (68, с. 124), этот «перечень» восходит к воспоминаниям поэта о Феодосии (см. очерк «Старухина птица»). В строфе 3 отразились воспоминания поэта о своем детстве (28, с. 194).

*148. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС, с мелкими поправками по беловому автографу (АМ, с правкой).

149. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС, утраченная часть текста восстанавливается по черновикам в АМ (см. *134—145.1). Автограф строфы 2 (см. примеч. к эпиграфу цикла «Армения»).

*150. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС, датируется по записи Н.Я.Мандельштам (АЗ, ранняя редакция); в ВС датировано нояб. 1930 г. Черновики отдельных строф (АМ). Возможно, черновики ст-ния 151 относятся к ранней общей редакции ст-ний. Образы связаны с «Путешествием в Арзрум» Пушкина (см. примеч. 151). *Моруха*. Здесь — изнуряющая болезнь. *Погорожная* — письменное свидетельство о цели путешествия в XVIII—XIX вв., выдававшееся, как правило, официальным лицам и дававшее преимущества при проезде. *Повытчик* — чиновник, собирающий оброк (ср. *148.1, сноску 3).

*151. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС, датируется по НК (в ВС датировано нояб. 1930 г.). Черновики (АМ), где зафиксированы фрагменты строф ранней редакции, вероятно, общей со ст-нием 150. Машинопись (АМ) с пометой /Ноябрь 1930. Тифлис/. *Черномора... литье*. О каком волшебном напитке идет речь, не установлено, — в «Руслане и Людмиле» и «Сказке о царе Салтане» Пушкина сходных эпизодов нет. И.Семенко предполагала связь с шапкой-невидимкой Черномора (Свог, с. 91). Там, где везли на арбе Грибоеда (*150.1).

Отзвук «Путешествия в Арзрум» Пушкина: «Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу... — Что вы везете? — Грибоеда. Это было тело убитого Грибоедова...» (гл. 2).

*152. Лит. газ. 1932. 23 нояб., под загл. /Ленинград/. Печ. без загл. соответственно ВС и остальным источникам текста. Автоцензурная редакция ст. 13 /И всю ночь напролет ждут гостей дорогих./; с этой редакцией в подборке ИРЛИ (см. преамбулу к «Новым стихам»). Другая автоцензурная редакция: /И всю ночь напролет — в перебоях глухих/ в подборке АЗ (см. преамбулу). Черновик (АЗ). «Криминальный» финал (последнее двустихие) опущен в автографе фонда И.Будовница (РГБ). Написано в Ленинграде, когда поэт жил (отдельно от жены) в квартире Е.Э.Мандельштама (Васильевский остров, 8-я линия, д. 31, кв. 5). Комнаты были заняты, и ночевать поэта уложили в каморку над черной лестницей (отсюда возникли реалии). Неожиданностью явилась публ. ст-ния. «Оно сильно распространилось в списках, и его, видимо, решили легализовать напечатаньем» (28, с. 196). Вполне вероятно, что публ. бесцензурного варианта имела со стороны редакции провокационный характер. До *детских прилухлых желез*. Речь идет о шейных лимфатических узлах. Ср. в мемуарах современника о Шостаковиче: «Лицо у него было крепко перебинтовано, его мучили железки, те самые ленинградские припухлые железки, о которых вспомнит потом Мандельштам» (Жукова Л. Из книги воспоминаний // *Russica* — 1981. Нью-Йорк, 1982. С. 302).

153. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС. В подборках АЗ и ИРЛИ (см. преамбулу к «Новым стихам»). Список Н.Я.Мандельштам (АЗ), с мелким разночтением. Писалось в одно время со ст-нием 152. Н.Я.Мандельштам жила в это время у своей сестры в каморке за кухней; готовился отъезд в Москву после неудачной попытки получить комнату в Ленинграде. *Завязать корзину*. Имеется в виду дорожная корзина для кладки.

154. СС-1. Т. 1. Печ. по беловому автографу (АЗ). В ВС и НК отсутствует. «Стихотворение... О.М. никогда мне не читал — я его не знала... Гибельных стихов он все же мне часто не показывал» (28, с. 197).

*155. Звезда. 1931. № 4, без разделения на строфы. Печ. по ВС, где в текст первой, публ. внесена поправка («наглее» вм. «наглеет»). Датируется по первой публ. (в ВС датировано янв. 1931 г. — вероятно, по памяти). Список М.Зенкевича (РГАЛИ). Местонахождение авторизованного списка первонач. редакции (БП, с. 288) не установлено. Ст. 1 переключается с гл. «Ребьяческий империализм» в «Шуме времени». *Legu Гогива* — героиня английской легенды, жена графа Честера (XI в.). Просила мужа отменить наложенный им на жителей Ковентри тяжелый налог. Граф

посчитал эту просьбу капризом и предложил в доказательство истинности ее чувства сострадания к народу проехать по городу нагой; Годива исполнила его прихоть. Мандельштаму легенда была известна, вероятно, по одноименному ст-нию А.Теннисона в переводе И.Бунина (Знание. 1906. Кн. 14).

156. День поэзии. М., 1962. Печ. по ВС, где изменение в тексте ст. 6, по сравнению с автографом (АМ), — «дрожишь» вм. «молчишь», — вероятно, смысловая поправка. В подборке АЗ (см. преамбулу). Ритмом и интонацией близко ст-нию Фета:

Что ты, голубчик, задумчив сидишь,
Слышишь — не слышишь, глядишь — не глядишь?

Любишь — не любишь — ни с чем не сравнишь. Обыгрывается фольклорное гаданье на лепестках ромашки. Серебристу к «мышь». Источником образа, вероятно, послужила статья М.Волошина «Аполлон и мышь» (28, с. 199). Волошин писал о том, что «мышь в аполлоновых культах является знаком убегающего мгновения» (Лики творчества. Л., 1988. С. 100).

157. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС. Датируется по спискам в АЗ (см. ниже). В АЗ: а) в составе подборки (см. преамбулу к «Новым стихам»); б) авторизованный список Н.Я.Мандельштам с эпиграфом из ст-ния П.Верлена «Серенада»: «Ma voix aigre et fausse...» («Мой голос пронзительный и фальшивый...») (франц.) — *Reg.* и датой /2.III.31/; в) авторизованный список М.Зенкевича с той же датой. В АМ — два списка Н.Я.Мандельштам, на одном из них помета автора: /Для «Ленинграда», на 5-ое место (перед «На полицейской»)/, свидетельствующая о намерении расширить подборку в журн. (см. преамбулу к «Новым стихам»). По свидетельству Н.Я.Мандельштам, написано во время дружеской пирушки в Зоологическом музее вместе с Б.Кузиным (см. примеч. 188) и его друзьями-биологами. *Шерри-бренди*. «В смысле „чепуха“ — старая шутка, еще из Финляндии, где <он> жил с Каблуковым» (28, с. 199). Ангел мой. Реминисценция из «Серенады» Верлена:

И твою улыбку на мои страданья,
Ангел! душегуб!

(пер. Ф.Сологуба). *Греки сбродили Елену по волнам*. Здесь иронически обыгрывается миф о Елене Троянской (см. примеч. 69), умыкнутой Парисом из дома ее мужа. *Мэри*. В контексте — реминисценция из «Пира во время чумы» Пушкина.

158. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС. Датируется по беловому автографу (АМ). Список М.Зенкевича (АЗ). *Бушлатник*. Здесь — каторжник. Н.Я.Мандельштам писала: «Отношение О.М. к русским каторжным песням — он считал их едва ли не лучшими, очень любил» (28, с. 202).

*159. Опыты. Нью-Йорк, 1956. Кн. 7. Печ. по авторизованному списку Н.Я.Мандельштам (АМ), представляющему, по-видимому, наиболее позднюю редакцию; описка в ст. 8 (было: «Твердил он») исправлена по автографу (АМ) и ВС. Датируется по ВС. С.Липкин приводит строфу из ранней редакции (*159.1). Написано в квартире брата, Александра Эмильевича Мандельштама, в Старосадском переулке в Москве; Александр Герцевич был его соседом по коммунальной квартире; в ст-нии обыгрывается отчество — от нем. Herz — сердце. *Огню сонату вечную*. Подразумевается знаменитая шубертовская (Шуберт назван в ст. 16) песня «Маргарита за прялкой» (по тексту «Фауста» Гете, где во втором стихе встречается слово «Herz») (15, с. 75). *Нам с музыкой-голубою... умереть*. Обыгрывается поговорка «умирать, так с музыкой».

*160. Маковский С. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. Печ. по ВС. Беловой автограф с правкой (АЗ). Черновики и беловой автограф с правкой (АМ). Э.Герштейн писала о том, что поэт не был удовлетворен последним стихом в ранних редакциях (см. *160.2) и «даже склонялся к тому, чтобы отбросить его совсем» (6, с. 40). Из ранних редакций выделены ст-ния 162, 163. По наблюдению С.Куныева, мотивы ст. 5, 9 — 10 вызваны нашумевшим и много раз перепечатававшимся ст-нием Э.Багрицкого «ТВС» (1929):

А век поджидает на мостовой

 Но если он скажет «солги» — солги.
 Но если он скажет «убей» — убей.

 Враги приходили <...>
 Их нежные кости сосала грязь.
 Над ними захлопывались рвы.

(Двадцать два. 1980. № 14). Про ст-ние «О.М. говорил, что это вроде романса» (28, с. 200). Этот замысел ясно выступает в ранней редакции, где введен «поющий» — «один кто-то, властный» (*160.1). Источники и смысловое наполнение этого сюжетного хода не исследованы; в общем виде проблема обрисована И.Семенко (47, с. 59); она писала, что в одном из замыслов «начатый певцом „романс“... должен был перебиваться репликой „от автора“» (47, с. 61), — имея в виду под «романсом» текст, соответствующий всей строфе 1 основного. Поддерживая это важное для понимания смысла разграничение, выскажем предположение, что к «романсу» относится не вся строфа 1, а лишь ст. 1—2. *Золотились чернила московской грязи* (*160.1). Источником, возможно, послужил «Зангези» Хлебникова:

Это Москва переписывала набело
 Чернилами первых побед
 Первого Рима судьбы черновик.

Морцы (*160.1). Неологизм, смысл которого в контексте не вполне ясен. По И.Семенко — от слова «морить» (47, с. 58).

161. ВП. Альм. 2. Печ. по Своду, где дано по списку Н.Я.Мандельштам 1931 г. (ныне местонахождение неизвестно). В ВС с мелким разночтением; в НК с искажением («храп» вм. «хрип»). Н.Я.Мандельштам, имея в виду ст-ние Б.Пастернака «Красавица моя, вся статья...», писала: «„Ночь на дворе“... ответ на те строки Пастернака, где он говорит, что „рифма не вторенье строк, а гардеробный номерок, талон на место у колонн“» (24, с. 140); это предположение, однако, оценивалось как бездоказательное (60, с. 120). Строфа 2 повторяет мотивы ст-ния 160.

*162. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС, с исправлением «грозить» (ст. 9) на «грозит» по списку М.Зенкевича (АЗ, ранняя редакция). Выделилось из ранней редакции ст-ния 160. На основании редакций черновиков (*160.1) И.Семенко предлагала исправить «Москвы» на «Москву» как опisku, уничтожающую рифму (Свог, с. 99), однако, по сравнению с черновиками, здесь несколько иное строение образа, а точность рифм не соблюдается и в строфе 2. Мандельштам прочитал ст-ние на своем (закрытом) вечере в редакции «Лит. газ.» 10 дек. 1932 г.; С.Кирсанов негодовал по этому поводу: «Он назвал нашу Москву курвой!» (устное сообщение Н.Харджиева). «А» и «Б» — кольцевые маршруты московских трамваев.

163. Мосты. 1965. № 11. Печ. по ВС. Список М.Зенкевича (АЗ). Два списка Н.Я.Мандельштам (АМ). Мотивы ст-ния восходят к стиху «И неправдой искривлен мой рот...» в ранней редакции ст-ния 160; там же сложились ст. 2, 4. *К шестипалой неправде*. «О шестипалости — это, конечно, фольклор, но, кроме того, кличка была (у Сталина — А.М.) и „рябой“, и „шестипалый“... И об этом будто в приметах охранки... Впрочем, здесь связь далеко не прямая. Скорее, ход такой: для людей шестипалость — примета зла» (28, с. 203).

164. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС. Список М.Зенкевича (АЗ). Выступивший после ареста Мандельштама со статьей «Распад акмеизма» А.Селивановский (Лит. учеба. 1934. № 8) привлек цитату из ст-ния в своей аргументации. *Военные астры*. Н.Я.Мандельштам (устное сообщение) предполагала, что образ связан с обилием астр в начале войны 1914 г., — их дарили уходившим на фронт. *За всё, чем корили меня, За барскую шубу*. «Шуба из „Астр“ связана с забавным инцидентом. В конце двадцатых годов одна вельможная, а потом погибшая дама жаловалась Эмме Герштейн, что Мандельштам всегда казался ей совершенно чуждым человеком, — она, мол, не может забыть, в какой шикарной шубе он разгуливал по Москве в начале нэпа... Мы только ахнули» (24, с. 181). *Желчь петербургского дня*. Образ отсылает к ст-нию 152. *За музыку сосен савойских*. Реминисценция из

ст-ния Тютчева о Ламартине: «Как он любил родные ели Своей Савойи дорогой...» (Чиннов И. Поздний Мандельштам //Новый журн. 1967. Кн. 88). *Елисейские поля* — бульвар в Париже. *Асти-спуманте и папского замка вино* («Vine de rare») — марки вина.

*165. Новый мир. 1932. № 6, с опечаткой в ст. 17 и отточиями после строфы 3, означившими опущенную строфу; текст соответствует наборной рукописи в архиве журн. (ИРЛИ). Печ. по ВС. В АМ: список Н.Я.Манделъштам (первонач. редакция) и машинопись. В образном строе отразились реалии Великой французской революции, параллели из истории которой с актуальной современностью широко использовались во внутрипартийной полемике 1920-х гг. *Фронда*. Здесь — оппозиция. *Гора* и *Жиронда* — противоборствующие лагеря во французском революционном парламенте; победа Горы привела в последующем к якобинской диктатуре. *Рояль-Голиаф*. Обыгрывается франц. этимология слова «рояль» — «королевский»; Голиаф — библейский великан, пораженный Давидом (1 Цар., 17). *Мирабо* — один из вождей Великой французской революции (ум. 1791); здесь, по-видимому, в значении «узурпатор». *Мастер Генрих* — пианист Генрих Густавович Нейгауз, с впечатлениями от его игры на концерте связано все ст-ние (28, с. 204). *Земная груша*. Имеется в виду земляная груша (топинамбур), которую поэт «не переносил» (28, с. 204). *Нюрнбергская... пружина*. Источник образа не установлен. *Выпрямляющая мертвецов*. Подразумевается пословица «Горбатого могила исправит». *Волны внутренней правоты* (*165.1). Тот же мотив — в ст-нии Пастернака «Опять Шопен не ищет выгод...» (1931), также вызванном игрой Нейгауза (60, с. 102).

*166. СС-1. Т. 1. Печ. по беловому автографу с правкой (АЗ). В ВС и НК не записывалось. Черновые автографы в АМ: 1) на обороте ст-ния 167; 2) среди прозаических записей 1931 г. Об этом ст-нии (пользуясь, вероятно, «домашним» названием) В.Нарбут писал главному редактору журн. «Октябрь» Ф.Панферову: «У Манделъштама есть новые стихи („О пространстве“). Не хотите ли ознакомиться с ними? Ни в „Новый мир“, ни в „Красную Новь“ давать он их принципиально (в связи со своим отношением к Гронскому и Вс.Иванову) не желает...» (РГАЛИ). Ряд образов ст-ния, как и многих предшествовавших, вызван воспоминаниями о детстве и юности (25, с. 385; 34, с. 137). *Карандаш ментоловый*. Имеется в виду ментоловый карандаш, медицинское средство от головной боли (мигрени), им нужно было потереть виски; ныне вышел из употребления. *Свист разрываемой марли... карболовой*. Здесь сказались впечатления от больницы, куда поэт приходил навещать заболевшую жену (25, с. 386).

*167. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС, с исправлением «нацелясь» в ст. 10 на «прицелясь», согласно всем источникам текста 1931—1932 гг. (к такому решению пришла и Се-

менко в Своде), а также раздельного написания наречия «на смерть». Черновой автограф завершеного текста (АМ). В первой публ. с посвящением А.А.Ахматовой и пометой /Хмельницкая/. Происхождение и смысл пометы не установлены; о посвящении Н.Я.Мандельштам писала: «Само стихотворение... не посвящалось никому. О.М. мне сказал, что только Ахматова могла бы найти последнее не хватавшее ему слово,— речь шла об эпитете „совестный“ к „детю труда“. Я рассказала об этом Анне Андреевне — „он о вас думал“... Тогда Анна Андреевна заявила, что... он к ней обращается, и поставила над стихотворением три „А“» (28, с. 205). С этим сюжетом устная традиция связывает как бы ответный стих Ахматовой «И мы сохраним тебя, русская речь...» («Мужество»), а в ст. 5 («отец мой») видит, соответственно, обращение к языку (сообщено А.Морозовым).

*168. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС, с устранением описки в ст. 2 (воспроизводит ст. 2 промежут. ред., см. *168.1), согласно остальным источникам текста (см. *Свог*, с. 101). В АМ: а) запись Н.Я.Мандельштам с правкой (без загл., с датой), в которой окончат. редакция соответствует основному тексту (с мелким разночтением); б) машинопись с правкой, здесь окончат. редакция соответствует *168.1, под загл. /География/. Запись Н.Я.Мандельштам (начало — автограф) с правкой (ИРЛИ, ф. 443), с мелкими разночтениями. Машинопись (ИМЛИ). *Канцона* — букв.: песнь, широко распространенный в средневековой Европе род любовной (в то же время хвалебной, прославляющей) лирики. Зачин стиха связан, возможно, с намерением вернуться в Армению (25, с. 446); образы — с впечатлениями от поездки в Армению 1930 г. В ст. 3—6 речь идет об ученых Армении (28, с. 206). *Гнейс* — горная порода слоистого строения, подобна граниту. *Прозорливец*. Одним из источников образа послужила Библия, где сказано, что в древности так называли пророков (1 Цар., 9:9). *Псалмопевец*. Таково традиционное (в т. ч. у Пушкина) именование царя Давида, который, по Библии, слагал и исполнял псалмы. «Села» (иврит) — слово, встречающееся в псалмах др.-евр. священных книг «Писания» (Танах); здесь взято в значении «навек» (установлено Ю.Фрейдиным). *Начальнику евреев*. Подразумевается царь Давид; слово «начальник» здесь взято в редком, но сохранившемся в языке русской православной церкви вплоть до XX в. значении «основатель», «основоположник». *До оскомины зеленая голуба*. Реминисценция из басни Крылова (см. примеч. 125; установлено И.Семенко). *Я люблю военные бинокли*. Ср. в записных книжках к «Литературному стилю Дарвина»: «Глаз натуралиста обладает, как у хищной птицы, способностью к аккомодации. То он превращается в дальноточный военный бинокль, то в чечевичную лупу ювелира».

169. Лит. газ. 1932. 23 нояб., с мелкими неточностями в тексте, под загл. /Полночь в Москве/ и с неточной датой

/Июль, 1931 г./ Печ. по ВС с исправлением описки в ст. 52 (было: Марь Иванну) по авторизованному списку (ИРЛИ, ф. 443). Написано, как и ст-ние 170, в квартире А.Э.Мандельштама в Старосадском переулке (28, с. 210). 1 июля Мандельштам передал в «Новый мир» подборку из 10 ст-ний, из которых для публ. было отобрано лишь настоящее. В связи с этим поэт писал В.Полонскому: «Это стихотворение дает читателю, с которым я и так достаточно разобрался, крайне неполное понятие о последних этапах моей лирики, а потому печатать его обособленно я не могу» (РГАЛИ). 11 июля (в оригинале письмо ошибочно помечено 11 июня) М.Зенкевич, выступавший посредником между поэтом и редакцией, писал В.Полонскому: «О.Мандельштам согласен дать в „Новый мир“ уже принятую Вами „Москву“ с добавлением хотя бы еще одного стихотворения. Он предлагает „Фазтонщика“ — случай, бывший с ним в Шуше, где ему попался какой-то пьяный, напугавший его возница. Мы оба (я и Багрицкий) находим, что стихи, несмотря на несколько мрачный тон, приемлемы, вместе с „Москвой“, разумеется» (РГАЛИ). Публ. не состоялась. *Дробот* (постукивание, дребезжание) и *чоботи* (сапоги) — украинизмы. *Бим* и *Бом* — «сценические» прозвища популярных в те годы клоунов. *И в хог пошли... фа-ми-ре-го*. Подразумевается ночная проверка трамвайных путей, сопровождавшаяся постукиванием молоточком по рельсам (6, с. 40). *Марь Иванна*. По устному сообщению Н.Я.Мандельштам, так называли ручных обезьянок уличных гадателей, они вытаскивали листок с «судьбой» из «кассы». *Есть блуд труда, и он у нас в крови*. Ср. в «Четвертой прозе»: «Здесь разный подход: для меня в бублике ценна дырка... Настоящий труд — это брюссельское кружево. В нем главное то, на чем держится узор: воздух, проколы, прогулы» (гл. 16).

*170. СС-1. Т. 1. Печ. по одному из списков Н.Я.Мандельштам в ВС, с восполнением пробела между первым и последним словами в ст. 4 фрагмента 2, оставленном из предосторожности, по НК (запись 1960-х гг.). Машинопись (АМ), текст которой отнесен Н.Я.Мандельштам к варианту фрагмента 4. Она писала о несохранившемся фрагменте текста, где «была кухня», и привела два стиха: «И пальцы женщин пахнут керосином» и «Из раковин кухонных хлещет кровь» (28, с. 211). К истории текста: «Его разругал Б.Кузин. О.М., еще не привыкший, что Кузин враждебно встречает каждое новое стихотворение, порвал листок. Мы считали, что стихи совсем пропали, но в Москве в 1935 г. среди спасенных черновиков я нашла листки с черновыми записями... О.М. ... попросил записать сохранившиеся строчки... Черновики я отдала Рудакову...» (28, с. 210). *В Москве черемухи да телефоны*. Реминисценция из ст-ния 410.

*171. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС с исправлением мелких описок по списку Н.Я.Мандельштам с авторской правкой (ИРЛИ, ф. 443). Датируется по автографу первонач. редакции (АЗ); в ВС с неточной датой /июль—сентябрь 1931/.

Ст. 8—12 входили в одну из редакций ст-ния 172. Ст. 1 перифразирует зачин ст-ния Баратынского «Еще, как патриарх, не древен я; моей...» (БП, с. 289). *От чужой квартиры.* Имеется в виду квартира брата в Старосадском переулке; поэт подразумевает свою бездомность. *Целулюц фильмы воровской.* Подразумевается «кусочек киноленты», подаренный поэту Б.Лапиным (25, с. 438). *Дзенькуе, пани!* (польск.) — Благодарю, пани! *Шах-гора.* Имеется в виду муляж, на фоне которого делали снимки уличные фотографии. *Асти* — марка вина. *Кордованская* — от Кордова (город в Испании).

*172. Новый мир. 1932. № 4, без даты. Печ. по ВС. Черновик с датой (АМ), где правка автора по записи Н.Я.Мандельштам (первонач. редакция), приводит к основному тексту. Машинопись промежуток редакции (РГАЛИ). Наборная рукопись «Нового мира» (ИРЛИ). Франсуа. С.Липкин предложил поэту точную рифму к слову «обуян» — «Антуан» и был им пристыжен (22, с. 99). Причина, по-видимому, в том, что в это время Мандельштам вырабатывал свою систему выразительности в стихе, чередуя точные рифмы с неточными (ср. в последующих строфах; см. примеч. 162). *Что я еще не умер.* Эти слова, как и ст. 1 в ст-нии 261, восходят к письму Кюхельбекера, процитированному в «Кюхле» Ю.Тынянова: «уведомить тебя, что я еще не умер» (21, с. 22).

173. ВП. Альм. 2. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (СМ). В НК идентичный текст (загл. приписано в 1960-е гг.). В ВС отсутствует. Машинопись (РГАЛИ). Под загл. /Фазтонщик/ в первой публ. и БП, со ссылкой на авторизованный список (НК?); под загл. упоминается в письме Зенкевича Полонскому (см. примеч. 170). Наверное впечатлениями от поездки в Шушу осенью 1930 г.; город еще не оправился после истребления армянского населения турецкими войсками в 1920 г.: «Мы прошлись по улицам, и всюду одно и то же: два ряда домов без крыш, без окон, без дверей... Говорят, что после резни все колодцы были забиты трупами. <...> Мы решили ехать в Степанакерт... попался нам безносый извозчик, единственный на стоянке, с кожаной нашьепкой, закрывавшей нос и часть лица. А дальше все было точно так, как в стихах, и мы не поверили, что он нас действительно доведет до Степанакерта. <...> После вечера в „Литгазете“, где О.М. прочел эти стихи... подошел Кирсанов... и сказал, что у О.М. все мысли старые и все стихи старые и подражательные, и привел в пример „Фазтонщика“ — подражание „Пиру во время чумы“. О.М. выслушал с удовольствием» (28, с. 211—213). В образе фазтонщика ряд исследователей (И.Чиннов и др.) видел аллюзию на Сталина. *Словно розу или жабу. Реминисценция из ст-ния Есенина «Мне осталась одна забава...» (1923): «Розу белую с черною жабой Я хотел на земле повенчать...» (Соч., с. 519).*

174. СС-1. Т. 1. Печ. по НК. В ВС отсутствует. Связано с благополучным завершением поездки с «фазтонщиком» (28, с. 212).

*175. СС-1. Т. 1. Печ. по беловому автографу (АЗ, с правкой), с учетом поправки, внесенной в ст. 37 в ВС. Авторизованная машинопись (из портфеля «Нового мира»?), датированная рукой Н.Я.Мандельштам авг. 1931 г., с многочисленными пометами цензурного характера; заключит. строфа помечена, затем вычеркнута построчно (АЗ). Машинопись из портфеля «Нового мира» с резолюцией редактора: «Не печатать» (ГЛМ, ф. 49). ВС, без последней строфы (приложена ее запись рукой Н.Я.Мандельштам, по атрибуции И.Семенко, сделанная в 1950-е гг.), с датой /июль—август 1931 года/. К истории текста. Вышеописанные архивные машинописи относятся ориентировочно к 1932 г., дата в одной из них (АЗ), по-видимому, проставлена по памяти и неточна. Цензурные причины исключения последней строфы, по пометам и резолюции, не оставляют сомнения. Вероятно, в АМ отложился подцензурный текст, который был скопирован в ВС (дата в нем, по-видимому, также неточна). Н.Я.Мандельштам писала о том, что последняя строфа была исключена из текста по воле поэта (28, с. 215), но вышеизложенная история текста вступает в противоречие с ее свидетельством (см. также *Свог*, с. 108). Написано после переезда Мандельштамов в комнату в Замоскворечье (6, с. 43). *Декалькомани* — см. примеч. 134. *Фисташковые эти голубятни*. Образ навеян, должно быть, разномыслными куполами храма Василия Блаженного. В *стеклянные дворцы на курьих ножках*. Здесь отразился новый архитектурный стиль московских построек (28, с. 214); «курьи ножки» — намек на обиталище бабы-яги русских сказок. *Бес кидается в ребро*. Ср. в «записных книжках» к «Путешествию в Армению»: «В январе мне стукнуло 40 лет. Я вступил в возраст ребра и беса. Постоянные поиски пристанища и неудовлетворенный голод мысли». *Почасно* — т. е. взятый напрокат за почасовую плату.

*176. Новый мир. 1932. № 6. Печ. по этой публ., датируется по ВС (источник — по-видимому, утраченный архивный текст). В наборной рукописи «Нового мира» (ИРЛИ) — список Н.Я.Мандельштам (ранняя редакция); поскольку текст подписан к печати, то исправления, несомненно, сделаны автором в корректуре. Черновик (АМ), датированный 9 мая (запись 3-х последних строф). ВС, с различием в ст. 24 — искажением, вызванном записью по памяти (текст соответствует редакции черновика). Ст-ние было высоко оценено уже современниками, так, Ю.Тынянов называл его гениальным (6, с. 62). Чтение трудов Ламарка биографически связано с дружбой поэта с Б.Кузиным (см. примеч. 188), который стоял на позициях неоламаркизма; в эти годы Кузин подвергался преследованиям за свои научные взгляды, вступавшие в противоречие с официальной доктриной дарвинизма. Образные параллели — в «Путешествии в Ар-

мению»: «Ламарк боролся за честь живой природы со шпагой в руках» (ср. ст. 3—4); «В обратном, нисходящем движении с Ламарком по лестнице живых существ есть величие Данте. Низшие формы органического бытия — ад для человека» (гл. «Вокруг натуралистов»). Вяч. Вс. Иванов констатировал, что поэт воспринял не только идеи, но и образы трудов Ламарка («Философии зоологии» главным образом): «Одним из таких ключевых образов является лестница, другим — спуск, или „деградация“, которая выражается в потере важных органов и способностей теми животными, которые находятся на нижних ступенях этой лестницы. М. описывает „деградационные потери“ почти словами Ламарка, см. особенно подчеркивание границы между позвоночными и беспозвоночными... так же как и введение красного цвета... Особое внимание М. привлекли идеи Ламарка об отсутствии зрения (глаз) у животных, стоящих ниже насекомых...». Иванов видит в ст-нии не скрытые политические и социальные аллюзии — в этот период поэт открыто выражал свои взгляды, — а предвосхищение регрессивного, отступательного движения, «которое стало основной темой русского и европейского искусства и эстетической мысли» у С.Эйзенштейна, Р.Кено, Т.Манна (11, с. 5—6). Протей. Здесь с игрой значений: на имени морского бога (греч. миф.), обладающего способностью к перевоплощению, и на получивших от него именование видах животных и микроорганизмов; из последних, вероятнее всего, подразумевается протей из отряда хвостатых земноводных, характерный признак которого — недоразвитые глаза.

*177. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС. В АМ две записи ранних редакций рукой Н.Я.Мандельштам: 1) без строф 3, 6; 2) идентичная, к которой позднее приписана строфа 6 и дата (совпадает с датой ВС). Сюжет основан на воспоминаниях о юности. *Когда в галеюю Корею... золотой*. Подразумевается экономическая политика России на Дальнем Востоке перед русско-японской войной 1904—1905 гг. *Оранжевая* — в Тенишевском училище; размещалась в галерее, соединявшей лицевое здание и дворовой флигель; под ней, на внутреннем дворе, где мальчишки во время перемен играли в футбол, складывали дрова. *Смешливая бульба*. Подразумевается кадык. *Петропавловску-Цусиме*. «Петропавловск» — флагман русской флотилии, подорвавшийся на mine и затонувший в марте 1905 г.; Цусима — морское сражение (май 1905 г.), поражение в котором предопределило для России исход войны и, во многом, развитие революции 1905 г.; отразилось также в поэме Ахматовой «Путем всея земли». *Царевич Хлор* — персонаж «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины II, посланный на гору искать розу без шипов (его упоминает Державин в оде «Фелица»).

*178. Новый мир. 1932. № 4, без даты (промежут. редакция в виде двух первых строф). Печ. по ВС, датируется по наборной рукописи «Нового мира» (ИРЛИ), где представлена ранней редакцией (список Н.Я.Мандельштам);

текст подписан к печати — следовательно, третья строфа была снята автором в корректуре. В БП ошибочно датировано февр., в ВС — апр. 1932 г. По свидетельству Н.Я.Мандельштам, Ахматова «опознала» в ст-нии мотивы одного из юношеских стихов Мандельштама (25, с. 324); строфа 1 близка по мысли к одной из статей Вяч. Иванова: «Когда отсечен ребенок от матери, как плод от дерева,— обособленный человек подобится новой тени, легкой гостье Аида, только что испившей от летейских струй, от вод Забвенья» (12, с. 394).

*179. Струве-1962. Печ. по ВС (восстанавливается зачеркнутая часть даты). В НК с ошибкой памяти — «холста» вм. «сукна»; в послевоенное время текст зачеркнут и помещен: «Запись по памяти — отсюда ошибки... Н.Мандельштам». Возникло в результате переработки в Воронеже ранней редакции ст-ния, сохранившегося в АМ в двух источниках: 1) машинопись под загл. /Новеллино/, датированная маем 1932 г.; 2) список Н.Я.Мандельштам под загл. /Флорентийцы/, датированный рукой поэта 22 мая 1932 г. Этот лист был разрезан, и часть, соответствующая тексту ст-ния 180, нумерована для включения в подборку (ранее воронежской ссылки). Ст-ние явилось в результате чтения гл. XV «Ада» («Божественная комедия»), в которой описана встреча Данте с одним из его учителей, Брунетто Латини:

Он обернулся и бегом помчался,
Как те, кто под Вероною бежит
К зеленому сукну, причем казался
Тем, чья победа, а не тем, чей стыд.

«Около Вероны раз в год устраивались состязания в беге... Победитель получал отрез зеленого сукна...» (пер. и примеч. М.Лозинского). Цитируя эти стихи «Ада» в своем вольном переводе, поэт заметил: «В дантовском понимании учитель моложе ученика, потому что „бегаёт быстрее“» («Разговор о Данте», гл. II).

180. БП. Печ. по ВС. См. примеч. 179. Источники сюжета, вероятно,— средневековые итальянские новеллы.

181. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС, с устранением описки в ст. 2 («растений» вм. «сирени») по записи Н.Я.Мандельштам 1932 г. (АМ). Вызвано впечатлениями от картин импрессионистов: К.Писарро «Бульвар Монмартр» и «Площадь Французского театра в Париже», К.Моне «Сирень на солнце», которые поэт смотрел в Музее нового западного искусства в Москве (БП, с. 291). Образные параллели — в «Путешествии в Армению» (гл. «Французы») и «Записных книжках».

182. Новый мир. 1932. № 6. Печ. по ВС, датируется по первой публ. (в ВС ошибочно датировано апр. 1932 г.). Наборная рукопись «Нового мира» (ИРЛИ). Черновой автограф строфы 3 (АМ). Посвящение восстанавливается по

указанию Н.Я.Мандельштам (28, с. 218). Сергей Антонович Клычков (1889—1937, расстрелян) — поэт; дружба с ним окрепла в 1932 г., когда они оба вместе с семьями жили в «Доме Герцена»; ему посвящено также ст-ние 186. Н.Я.Мандельштам приводит по памяти вариант, не отождествляя его с каким-либо стихом: «Сам себя по улицам за руку водил» (28, с. 218). В ст. 4 и 6 обыгрывается название места отдыха москвичей: Парк культуры и отдыха (современное ст-нию) и Нескучный сад (старое). *Вывернуто веко*. Реминисценция из поэмы И.Сельвинского «Уляяевщина»: «Уляяев був такий: Выверчено віко...».

183. Новый мир. 1932. № 6. Печ. по ВС с исправлением описки в ст. 1 («бродяга» вм. «гуляка») и др. по остальным источникам текста. Датируется по первой публ. (в ВС — неполная дата). Наборная рукопись «Нового мира» (ИРЛИ). Беловой автограф с датой (ГЛМ, ф. 49). В НК ст. 1 совпадает с основным текстом, но с описками в других стихах и без последней строфы. Константин Николаевич Батюшков (1787—1855) был одним из «вечных спутников» Мандельштама; он упомянут в ст-нии 29 (см. также примеч. 104). С.Липкин, навещавший Мандельштама в 1932 г., писал: «Он рассказывал о Батюшкове с горячностью первооткрывателя... не соглашался с некоторыми критическими замечками Пушкина на полях батюшковских стихов, искал, находил линию Батюшкова в дальнейшем движении русской поэзии, называл при этом Языкова и Ваневитинова. Запомнилась (неточно) фраза: „Прекрасно обливаться слезами над вымыслом, а Батюшков и слезы превращал в вымысел“» (22, с. 99). Основной источник ст-ния — «Прогулка по Москве» Батюшкова, где рассказывается о «странствованиях... с гулянья на гулянье» (ср. ст. 1), между прочим и по Тверскому бульвару, где писалось ст-ние. *Батюшков нежный со мною живет*. Помимо переносного, в этом стихе есть и прямой смысл — в комнате на Тверском бульваре у Мандельштама висела репродукция автопортрета Батюшкова (БП, с. 293). «Нежным» Батюшков назван в ст-нии Баратынского «Богдановичу». *Дафну поет*. Дафна лишь однажды упоминается у Батюшкова (ст-ние «Ответ Тургеневу»), по-видимому, имеется в виду «Источник» Батюшкова (переложение одноименной «персидской идиллии» Парни), воспевающий Зафну. *Этот говор валов*. Подразумевается строка Батюшкова «И есть гармония в сем говоре валов» («Есть наслаждение и в дикости лесов...»). *Гармонический проливень слез*. Образ восходит к стихам («К Дашкову») и прозе («О лучших свойствах сердца») Батюшкова. *Оплакавший Тасса*. Батюшков написал элегию «Умиравший Тасс». *Удивленные брови*. Вызвано, вероятно, обликом Батюшкова на портрете работы Кипренского. *Вечные сны*. Речь идет о «вечных», т. е. повторяющихся мотивах поэзии, а также теме «поэзии как сна» или «сна в поэзии», распространенной у поэтов русского XIX в. В том же значении «блуждающие сны» (ст-ние

59). У Батюшкова эта тема обыгрывается в ироническом «Похвальном слове сну».

184—186. СС-2. Т.1 (с другим распределением строф между ст-ниями 184 и 185), ст-ние 186 с посвящением С.А.К<лычкову>. Отдельно стихи печатались: ВП. Альм. 2; СС-1. Т. 1. Печ. по ВС, с уточнениями (см. примеч. 184). Возможно, цикл был окончательно завершён лишь в Воронеже: в архивных источниках АМ (см. ниже) отразились варианты порядка ст-ний в цикле, но без строф 1—2 ст-ния 184 (в копии Н.Е.Мандельштам из архива Е.Э.Мандельштама выделены в самостоятельное ст-ние). В письме к жене от 4 мая 1937 г. поэт сообщал, соглашаясь с ней, оценку С.Рудакова: «Только что пришло письмо от Рудакова... Он пишет... что... большое новое идет от стихов о русской поэзии. Да!»

I (184). Печ. по ВС, ст. 17 — по копии Н.Е.Мандельштам из архива Е.Э.Мандельштама; редакция ВС /Пахнет потом, конским топотом/ воспроизведена по черновикам и не отразила, как представляется, последующую работу над текстом. *Сядь, Державин, развалился. Отзвук ст-ния Державина «Гостю»:*

Сядь, милый госты! здесь на пуховом
Диване мягком отдохни...

(31, с. 248). Ты у нас хитрее лиса. По-видимому, подразумевается то обстоятельство, что Державин, выступавший с обличениями чиновников и высшей знати, все же ухитрился сохранять расположение императрицы. *Дай Языкову бутылку... накал.* Образ основан на мотивах поэзии Языкова, нашедших отклик в поэтических посланиях к нему Пушкина («Языков, кто тебе внушил...») и Баратынского («Языков, буйства молодого...») (БП, с. 293). *Гром живет своим накалом.* Эта тема, варьирующаяся в ст-нии 185, и общий аллегорический строй цикла заставляют предполагать подтекстом аллегорическое и назидательное ст-ние Державина «Гром» (31, с. 249):

О вы, безбожники! не чтуци
Всевышней власти над собой
.....
Взгляните в буйности надменной
На сей ревуший страшный мрак,
.....
И верьте, дерзки человеки,
Что всё величье ваше — прах.

*II (185). Два автографа с правкой (АМ, первонач. редакция), датированные 2 и 3 июля 1932 г. Машинопись с правкой (АМ). Сюжет продолжает начатую в ст-нии I (184) тему грозы. *Как смоковницы листва.* Подразумевается евангельский рассказ о бесплодной смоковнице, обреченной засохнуть (Матф., 21:19). *И в сапожках мягких ката Выступают*

облака. Капли прыгают. (*185.2). Образы навеяны, по-видимому, державинским стихом «Облако», где «каплям» уподоблены временщики.

III (186). Посвящение С.А.Клычкову (см. примеч. 182) восстанавливается в соответствии со свидетельством Н.Я.Мандельштам: «Третья часть... понравилась Клычкову... попросил посвятить ему... и О.М. согласился. На чистовиках нет имени Клычкова, чтобы на случай беды не давать начальничкам лишнего имени» (28, с. 225). Черновой автограф; машинопись строф 5—8 (АМ). В образном строе дана картина «русской поэзии». Белок кровавый белки... в страшном колесе. Отдаленные параллели — в статьях «Франсуа Виллон» (гл. 5), где говорится, что Виллон «жил в Париже, как белка в колесе», и «О природе слова», где В.Розанов «щелкает орешки». Там без выгоды уроды... вал. Клычков «сказал про уродов, которые режутся в девятый вал: „Это мы с вами...“» (28, с. 225) Ср. у Клычкова:

Должно быть, я калека,
Наверно, я урод:
Меня за человека
Не признает народ.
.....
Скажу я без досады,
Что, доживя свой век
Средь человечья стада,
Умру как человек!

И деревья — брат на брата — Восстают. Ср. в статье «Заметки о поэзии»: «В поэзии всегда война... Корневоды, как полководцы, ополчаются друг на друга» (56, с. 89).

*187. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС; здесь в квадратных скобках показана строфа 4, скопированная, по-видимому, из чернового автографа (АМ), где была зачеркнута (см. *187.1). Датируется по машинописи из собр. И.Эренбурга (ныне в АМ). Та же дата в машинописной копии В.А.Лифшица, восходящей, по данным А.П.Бабенышева, к редакционному портфелю журн. «Звезда». В ВС датировано маем 1932 г. В БП указан беловой автограф из собр. А.В.Звенигородского, датированный июлем 1932 г. (ныне местонахождение неизвестно). Недатированный беловой автограф в альб. Л.В.Горнунга (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме). Строфа 1 построена как фольклорная загадка: читатель приглашается «догадаться», о чем идет речь. *Дайте Тютчеву стрекозу.* Подразумеваются строки Тютчева:

В душном воздуха молчаньи,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Звонче голос стрекозы...

(БП, с. 292). Вeneвитинову — розу. Намек на ст-ние Вeneвитинова «Три розы» и образ в стихах Дельвига «На смерть Вeneвитинова»: «Розе подобный красой, как Филомела ты пел...» (БП, с. 293). *Перстень*. Здесь — первый по значению «приз»; образ вызван, вероятно, ст-ниями Пушкина «Талисман» и Вeneвитинова «К моему перстню». *Баратынского погошвы... веков*. Образ связан, по-видимому, с представлением о пророческом даре Баратынского (его стихи «Последняя смерть» и др.). *Лермонтов — мучитель наш*. Поэзия Лермонтова, особенно ст-ние «Выхожу один я на дорогу...», интенсивно переживалась Мандельштамом с начала 1920-х гг. (см. примеч. 125), в ст-нии 282 он обещает «за Лермонтова Михаила... отдать полный отчет». *Одышкой болен Фета жирный карандаш*. «Жирный» навеян немецкой этимологией фамилии Фета (наблюдение Г.Левинтона); по-видимому, Мандельштам знал о карандашной правке Фета в его последнем ст-нии «Когда дыханье множит муки...» (66, с. 61). *А еще, богохранима... Хомякова борода* (*187.1). Строфа со слишком отчетливой пародийной окраской, почему, вероятно, и не была введена в окончат. текст. Имеются в виду строки Хомякова (БП, с. 292):

Широка, необозрима,
Чудной радости полна,
Из ворот Ерусалима
Шла народная волна.

*188. Лит. газ. 1932. 23 нояб. Печ. по ВС, загл. и посвящение — по первой публ. В архивных источниках: 1) первонач. редакция — сонет /Христиан Клейст/. Автограф с правкой (АМ), датированный 8 авг. 1932 г., с эпиграфом из ст-ния Клейста «Дифирамбы»:

Freund! Versäume nicht zu leben:
Denn die jahre fliehn,
Und es wird der Saft der Reben
Uns nicht lange glühn!

Ew. Chr. Kleist

(«Друг! Не упустит (в суете) самую жизнь. Ибо годы летят И сок винограда Недолго еще будет нас горячить» Э.-Х. фон Клейст. (нем.). — *Рег.*). 2) Сонет /Христиан Клейст/, окончат. текст этой редакции. Список из собр. А.Звенигородского, его рукой (ныне в АМ), датированный 8 авг. 1932 г., с поздней пометой Н.Я.Мандельштам мемуарного характера (см. ниже). 3) Промежут. редакция. Машинопись первых 4-х строф, под загл. /Бог-нахтигаль/, с правкой Н.Я.Мандельштам, приводящей строфы к основному тексту (АМ). 4) Основной текст, с посвящением (загл. приписано позднее) — запись Н.Я.Мандельштам (АМ). 5) Основной текст, с вышеприведенным эпиграфом из Клейста — список Н.Я.Мандельштам (архив М.Шагинян). Андрей Владимирович Звенигородский (1878—1961) — поэт. Сдружился с Мандельштамом в июне 1932 г., отозвался о нем в анкете: «Очень талантливый и с большой эрудицией поэт. Полюбил

его как человека» (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 46). В знак возникшей дружбы Манделъштам «сказал, что этот вариант он адресует только ему и больше нигде записывать не будет» (помета Н.Я.Манделъштам на листе с записью Звенигородского, см. выше; записано, по-видимому, со слов последнего). Борис Сергеевич Кузин (1903—1973) — биолог; друг Манделъштама. Они познакомились в Ереване в 1930 г., их дружба продолжалась до конца жизни поэта (Кузин Б. Об О.Э.Манделъштаме // ВРХД. 1983. № 140). Манделъштам вошел в кружок биологов, коллег Кузина, и проникся естественнонаучными интересами, вызвавшими ст-ние 176 и ряд страниц «Путешествия в Армению». Кузин, сам писавший стихи, был нелюбимым критиком, к этому обстоятельству апеллируют ст. 5—6 (см. также примеч. 170). Когда Кузин был арестован в связи со своими научными взглядами, Манделъштам добивался его освобождения (1933). Эвальд Кристиан фон Клейст (1715—1759) — поэт, выразитель идей раннего немецкого сентиментализма; в ставшей популярной поэме «Весна» призывал отказаться от войн. Служил офицером в прусской армии, погиб от ран, полученных в бою с русскими войсками во время Семилетней войны (ср. ст. 34). Книга стихов Клейста была куплена Манделъштамом в 1932 г. «Случайно попался и Клейст-старший. Его судьба поразила О.М.: он был ранен в битве... его узнали русские офицеры и на носилках отнесли в госпиталь» (28, с. 226). *Церера* (римск. миф.) — богиня земледелия и плодородия; здесь, по-видимому, символизирует мир. *Когда я спал без облика и слага*. Подразумевается период поэтической немоты «немоты» (1925—1929), из которого поэта вывела дружба с Кузиным. *Бог Нахтигаль*. Нахтигаль (нем.) — соловей. Образ восходит к ст-нию Гейне «В начале был соловей...», где речь идет о страдающем соловье, искупителе лесных птиц (66, с. 17). *Пилаг* — в греч. миф. верный (и молчаливый) друг Ореста (вошло в поговорку); здесь поэт говорит о своих дружеских чувствах к Кузину.

*189. День поэзии. М., 1962. Печ. по ВС. К истории текста. Восстанавливая стихи 1933 г. по памяти в июне 1935 г., Манделъштам создает «вариант» (см. *189.1). С.Рудаков описал этот процесс в письме к жене от 29 июня 1935 г.: «О.Э. стал пытаться восстановить стихи об Ариосто. И из полузабытых обломков стало нам строить новое стихотворение... план... мой... Кроме мелочей — последняя, заключительная, строка — моя, мое центральное место (1 1/2 строки) в середине вещи» (ИРЛИ). Впоследствии текст 1933 г. нашелся в АМ (ныне местонахождение неизвестно) и был внесен, наряду с вышеописанным, в ВС. Н.Я.Манделъштам писала о том, что поэт «собирался печатать оба стихотворения... с общим названием» (28, с. 232). Однако, независимо от степени участия Рудакова в работе, отсутствие творческих причин при создании «варианта» не позволяет нам признать его самостоятельным произведением. В БП (с. 296) указан «первоначальный текст... без по-

следней строфы, с пометой: Старый Крым. 4 мая 1933» (ныне местонахождение неизвестно). Из текста выделилось ст-ние 191. Написано в Старом Крыму, где Мандельштамы и Кузин, накануне освобожденный из-под ареста, жили у вдовы А.Грина. *Ариост* — Лудовико Ариосто (1474—1533) — итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Орланд», эпизоды которой обыгрываются в ст-нии. Для Мандельштама имело значение то, что влияние Ариосто испытали Батюшков и Пушкин. *И деве на скале... без покрывала*. Реминисценция из ст-ния Пушкина «Буря»: «Ты видел деву на скале... С ее летучим покрывалом?» (БП, с. 296); в какой-то мере, возможно, образ восходит к «Неистовому Орланду», где герой спасает прикованную к скале Олимпию. *Феррара черствая*. Ариосто, как и его отец, многие годы находился на службе у феррарского герцога, который не считался с его поэтическим призванием.

190. Струве-1962, без ст. 5—6. Печ. по ВС. Современные ст-нию архивные источники были утрачены, по-видимому, при обыске в мае 1934 г. Восстановлено поэтом по памяти в 20-х числах июня 1935 г. (упоминается в письме Рудакова к жене от 7 авг. 1935 г., ИРЛИ) — сначала, возможно, без ст. 5—6 (так в Списке Линецкой и НК). *Не ищущий чужих наречий*. Как и в ст-нии 188, здесь речь идет об «измене» родному языку: в Крыму, где писалось ст-ние, Мандельштам читал итальянских поэтов в подлиннике и писал «Разговор о Данте». *Получишь уксусную губку... губ*. Реминисценция из евангельских повествований о последних минутах жизни Христа (Матф., 27:34; Марк, 15:36).

191. Струве-1962. Печ. по ВС. Выделилось из ст-ния 189 (см. строфу 8). Упоминается в письме Рудакова к жене от 7 авг. 1935 г.

192. Мосты. 1963. Кн. 10. Печ. по фотокопии из следственного дела 1934 г. (Огонек. 1991. № 1) — запись рукой следователя, помета и подпись авторские. Местоположение определяется по пробелу в ВС. Н.Я.Мандельштам писала, что в ст. 5 первонач. было «расстрелянная даль» (28, с. 231). Осенью 1932 г. власти пошли на преступную акцию: чтобы сломить сопротивление крестьян коллективизации, у населения были изъяты запасы зерна, и к зиме начался массовый голод. «Кубань и Украина названы точно — это расспросы людей, бродивших с протянутой рукой. Калитку действительно стерегли день и ночь... чтобы бродяги не разбили саманную стенку дома и не вытащили последних запасов муки» (28, с. 231).

193. Рус. мысль. 1963. 21 февр., без строф 4 и 8. Печ. по машинописи 1960-х гг. (АМ), ст. 14 — в редакции Э.Герштейн (8, с. 350). Прижизненные записи, вероятно, не делались. В ВС не записывалось, Н.Я.Мандельштам писала об этом (28, с. 235) ошибочно. В НК — запись 1960-х гг., без строф 4 и 8. Текст ст-ния, восстанавливавшийся

Н.Я.Мандельштам по памяти, по-видимому, неточен, особенные сомнения вызывает текст между строфами 3 и 9 (см. также 8, с. 350). В сюжете речь идет о новой квартире в писательском кооперативе (ул. Фурманова, д. 3—5, кв. 26), полученной поздней осенью 1933 г. Поводом послужили слова Б.Пастернака. «Он забежал к нам... посмотреть, как мы устроились в новой квартире. Прощаясь, долго топтался и гудел в передней. „Ну вот, теперь и квартира есть — можно писать стихи“, — сказал он, уходя. „Ты слышала, что он сказал?“ — О.М. был в ярости. Он не переносил жалоб на внешние обстоятельства... которые мешают работать. По его глубокому убеждению, ничто не может помешать художнику сделать то, что он должен, и обратно — благополучие не служит стимулом к работе» (24, с. 140). В ст-нии отразились реалии. «Дом... был построен халтурно. Стены были проложены внутри войлоком, отсюда тучи моли, летавшей по комнатам. Ее ловили, хлопая руками» (8, с. 352). *Пайковые книги читаю*. Подразумевается «разрешенная литература»; обыгрывается «пайковая книжка» — блок талонов на получение продуктов из распределителя (24, с. 113). *Ключ Илокрены* (греч. миф.) — источник на горе Геликон, образовавшийся от удара копыт Пегаса; символ поэтического вдохновения.

194. Мосты. 1963. Кн. 10, с разночтениями. Печ. по фотокопии автографа из следственного дела 1934 г. (Моск. новости. 1989. 9 апр.) с поправкой в ст. 7 по записи Н.Я.Мандельштам 1960-х гг. В автографе «глазища» вм. «усища», что, как представляется, явилось результатом описки. По воспоминаниям Н.Я.Мандельштам, ранняя редакция ст. 3—4:

Только слышно кремлевского горца,
Душегубца и мужикоборца.

В этой редакции ст-ние попало к следователю (24, с. 80). Э.Герштейн сообщила вариант ст. 5: «У него на дворе и собаки жирны» (7, с. 117). Разночтения в публ. восходят к записям (по памяти) Н.Я.Мандельштам разных лет и, возможно, воспроизводят варианты редакций. Поэт читал ст-ние друзьям и знакомым. По свидетельству Ахматовой, перед тем как прочитать эти стихи, он сказал: «Стихи сейчас должны быть гражданскими» (1, с. 205). *И широкая грудь осетина*. По свидетельству историка, «грузины, озабоченные репутацией своей страны, говорят о татарском или осетинском происхождении Сталина» (Конквест Р.Большой террор // Нева. 1989. № 10. С. 116). Фамилия Джугашвили (названная в ст-нии 429) буквально значит «сын осетина» (30, с. 425).

195—205. СС-2. Т. 1, где напечатаны в последовательности ВС. Отдельные восьмистишия печатались вне подборки (см. примеч. к ним). Печ. по ВС. Тот же порядок в НК (не вошло ст-ние 2). Хотя в ВС нумерацией установлен

авторский порядок следования восьмистиший 1—9, Н.Я.Мандельштам позднее писала, что порядок «окончательно установлен не был», и, предлагая «идти от семантики стихов», определила другую последовательность ст-ний в подборке (28, с. 236—240). Как представляется, способ, предложенный Н.Я.Мандельштам, в данном случае не может быть применен. К истории подборки. «Мандельштам никак не хотел собрать и записать восьмистишия. Он долго убеждал меня, что восьмистишия — это просто неудавшееся большое стихотворение... Первая запись... все же состоялась в январе 1934 г. <...> Лишь в Воронеже он „реабилитировал“ два последних восьмистишия...» (28, с. 236). В архиве «Красной нови» сохранилась подборка из стихотворений 2, 3, 6, 9 (РГАЛИ, машинопись). В Воронеже работа над подборкой велась в первой половине июня 1935 г. (см. примеч. 1).

1 (195). СС-2. Т. 1. Печ. по ВС, с поправкой в дате (в ВС ошибочно «июль» вм. «июнь») согласно письму Рудакова к жене от 18 июня 1935 г., в котором он назвал число восьмистиший — 11; из этого следует, что ст-ние к этому времени было создано. Написано в Воронеже на основе ст-ний 2 (196) и является его «двойчаткой» (равноправной редакцией). Люблю появление лкани. Речь идет о «поэтической материи» («Разговор о Данте», гл. XI). Дугами парусных гонок. «Парусность» в «Разговоре о Данте» — степень оценки, см. замечание о том, что XXVI песнь «Ада» «наиболее парусна» (гл. V).

2 (196). Москва. 1964. № 8. Копия Рудакова в письме к жене от 18 июня 1935 г. (ИРЛИ), под номером «1». В ВС не нумеровано и взято в квадратные скобки, в НК отсутствует; включение в подборку авторизовано общей нумерацией ВС. Дуговая растяжка. В «Путешествии в Армению» этот образ приложен к иллюстрации «теории эмбрионального поля» Гурвича (гл. «Москва»); в ст-нии — усилие, увенчавшееся творческим результатом, ср. в той же главе: «ведь процесс припоминанья, увенчанный победой усилия памяти, удивительно схож с феноменом роста».

3 (197). Грани. 1961. Кн. 50 (в статье Ю.Терапиано «Мандельштам»). Копия Рудакова в письме (см. примеч. 2), под номером «2». Бурнус — арабский плащ из плотной материи, как правило, белого цвета.

4 (198). ВП. Альм. 2. Шестое чувство — особый (малоизученный) род чувствительности, свойственный рыбам и водным амфибиям; его органы («органы боковой линии») находятся в коже. В ст-нии взято в прямом значении, но в соотношении с тем переносным смыслом, которое это выражение приобрело по отношению к человеку (обладающему пятью чувствами — зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием): так говорят, когда ощущение чего-либо приходит вне посредства пяти его изученных чувств и для него

необъяснимо; близко и того же происхождения выражение «почувствовал кожей». *Теменной глазок* (глаз) — глазоподобный (предположительно, рудиментарный) орган, в т. ч. у ящериц; относится к нервной системе. *Реснички* — органы некоторых низших животных (например, ресничных червей), выполняющие сложные функции ориентации, движения и чувствительности.

5 (199). СС-2. Т. 1. Написано в период работы над ст-ниями 212—214, где также встречается эпитет «голубовердый» (ст-ние 212).

6 (200). ВП. Альм. 2. Печ. по ВС, с учетом более поздней поправки Н.Я.Мандельштам в ст. 2 (было «спокойно» вм. «прилежно»), внесенной, по-видимому, по современной ст-нию машинописи (АМ); была, вероятно, ошибкой памяти, восходящей к ранней редакции (то же — в НК и Списке Линецкой).

7 (201). ВП. Альм. 2. Печ. по ВС, с учетом более поздней поправки Н.Я.Мандельштам в ст. 1 (было: «И Моцарт на воде, и Шуберт в птичьей гаме»), внесенной, по-видимому, по современной ст-нию машинописи (АМ). Датируется по этой машинописи (в ВС и Списке Линецкой датировано янв. 1934 г.). *Шуберт на воде*. Нотная партитура «Баркаролы» Шуберта в оригинале начинается пометой: «На воде петь» (15, с. 68). Существовал жанр «музыки на воде» (одноименное соч. Г.Генделя). Близкий мотив в ст-нии 182: «На Москве-реке... играют Шуберта». *Моцарт в птичьей гаме*. Образ навеян, вероятно, «Волшебной флейтой» Моцарта (15, с. 69).

8 (202). СС-2. Т. 1. *Айя-София* — см. примеч. 35.

9 (203). ВП. Альм. 2. *Геометр... чем дующий ветр*. Реминасценция из ст-ния Блока «На островах»:

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

10 (204). ВП. Альм. 2. Ст. 4—8 восходят к изречению Гераклита: «Вечность — дитя, играющее в кости, — царство ребенка» (18, с. 230). Влияние Гераклита сказалось в близком по времени «Разговоре о Данте», где вводятся такие образные представления, как «гераклитова метафора» и «гераклитов танец» (гл.V).

11 (205). ВП. Альм. 2. Печ. по ВС, с устранением описки в ст. 4 (было «самосознание» вм. «самосогласье») по НК и Списку Линецкой. *И я выхожу... В залпущенный сад величин*. Возможно, здесь сказалась оценка современника. В.Рождественский так ответил на вопрос анкеты Е.Архипова: «Мандельштама люблю крепко и неизменно... Он похож на

садовника, призванного расчистить дикий сад» (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 46).

206. СС-2. Т. 1. Печ. по ВС. В Списке Линецкой датировано янв. 1934 г. Выделилось из ст-ния 209. И.Семенко считала ст-ние «вариантом терцетов» (47, с. 94; *Свод*, с. 133), однако в черновиках подобного варианта нет; включение в «основной корпус» авторизовано общей нумерацией стихов в ВС. По свидетельству Н.Я.Мандельштам, это ст-ние «Нарбут считал... самым главным. О.М. почти соглашался» (28, с. 241).

207—210. В «основном корпусе» ст-ний впервые в *Своде*. Печ. по ВС, с восстановлением нумерации по автографам, под редакционным загл. «Эпиграфы» представляют собой тексты первых стихов соответствующих сонетов Петрарки. Работа над вольными переводами велась, вероятно, по изданию, находившемуся в библиотеке поэта: Petrarca F. Il Canzoniere. Milano: Ulrico Hoepli, 1908 (61, с. 238). «Петрарка в „Канцониере“... впервые в европейской лирике осмыслил внутренний мир личности как нераздельное единство „всеобщих“ человеческих ценностей и индивидуальных переживаний, как одно целое, имя которому — душевная жизнь. <...> Петрарка всегда воссоздает одну и ту же лирическую ситуацию внутреннего разлада и печали. В первой части „Канцониере“ („На жизнь мадонны Лауры“) печаль вызвана сознанием собственного несовершенства, двойственности самой природы любви, одновременно чувственной и возвышенно-духовной; во второй части („На смерть мадонны Лауры“) — невозможностью примирить смертность плоти с бессмертием духа. В своих 366 сонетах и канцонах поэт с необычайным артистизмом варьирует обстановку, реалии, поэтические „формулы“, воплощающие эту единую для „Канцониере“ ситуацию. Фантазия Петрарки сосредоточилась именно на изобретении этих бесчисленных вариаций. Он создал богатейший диапазон эмоциональных и „предметных“ оттенков в лирике. <...> У Мандельштама нет дуализма, нет того равновесия между „горьким“ и „сладким“, которое свойственно Петрарке. И потому петрарковскую элегичность он преобразует в трагедийность» (46, с. 153—155). Обращаясь к анализу ранних редакций, И.Семенко писала: «Вольные переводы сонетов Петрарки принадлежат к числу лучших и характернейших произведений Мандельштама. <...> Между тем в семейном архиве поэта есть несколько автографов... позволяющих проследить за переходами от варианта к варианту. <...> Вывод, к которому приводит изучение материала, своеобразен: наиболее ранние из известных нам вариантов — более всего удалены от оригинала (Петрарки). И Мандельштам отказывался от этих проб; однако образы, созданные собственным воображением, он многократно варьировал, пока они не достигали полной завершенности или исчерпанности» (47, с. 68). Во всех сонетах «поражает умение Мандельштама передать подлинное звучание ритмических

и смысловых „тактов“ оригинала. Он очень редко меняет последовательность строк. <...> Рифмы, согласно оригиналу, только женские, между тем как другие переводчики (А.Майков, Вяч. Иванов, А.Эфрос) перемежали их с мужскими. Более того, Мандельштам часто дает даже близкое итальянским рифмам звучание русских рифм, что особенно важно, так как они занимают те же места в строфе. <...> Все это совсем не безразлично для содержания перевода. Во всем своем объеме содержание лирического произведения включает в себя звуковую инструментовку, имеющую прямое отношение к лирической эмоции. Читатель получает на родном языке „звучащий слепок“ иноязычного оригинала» (46, с. 168—170). В то же время Мандельштам лишь в малой степени сохраняет лексику и полностью преобразует смысловую строй Петrarки, повинувшись собственной системе образов. Н.Харджиев свидетельствовал, что лучшим переводом сонета Петrarки Мандельштам (в 1934 г.) назвал «Задумчивость» Державина (БП, с. 316). Н.Я.Мандельштам высказывала предположение о том, что в переводах отразились воспоминания об Ольге Ваксель (25, с. 204).

*I (207). ВП. Альм. 3. Печ. по автографу из собр. Е.Э.Мандельштама (в БП с ошибкой в дате). В ВС, НК и Списке Линецкой, помимо мелких разночтений, в ст. 1 «разбухшая» вм. «распухшая», что, по объяснению Н.Я.Мандельштам, вызвано записью «со слуха», как произносил Мандельштам (28, с. 241). В АМ: черновой автограф; авторизованный список (рукой А.Э.Мандельштама?), на том же листе — ст. 1—8 ст-ния 208. Вольный перевод сонета СССР, из цикла «На смерть мадонны Лауры». *Промуравленных*. См. примеч. 208. *Как бы внутри гранита Зернится скорбь*. Сравнение восходит к «Разговору о Данте», где «камень» мыслится как особое функциональное пространство, хранящее в себе память о создавшей его «погоде» (гл. XI). *И чести, Исчезнувшей, как сокол после мыта*. Реминисценции из «Слова о полку Игореве»: «Коли сокол в мытх бывает, высоко птицъ възбивает, не даст гнезда своего в обиду» (ст. 200); здесь мыто — линька, что означает возмущение сокола; у Мандельштама, по-видимому, сама соколиная охота. «Честь» в «Слове...» упоминается в ст. 50; у Мандельштама обращение к этому понятию мотивировано в «Египетской марке»: «Пропала крупиночка... эта дробиночка именовалась честью» (гл. V).

*II (208). ВП. Альм. 3. Печ. по беловому автографу из собр. Е.Э.Мандельштама, датируется с учетом даты, представленной в черновике (АМ): 21/XI.33 (верно прочитана в БП, ошибочно — «23.XII.33» — 47, с. 77). Автограф с правкой (АМ), датирован дек. 1933 г. Авторизованный список (см. примеч. 207). Список Рудакова в его письме к жене от 27 июня 1935 г. (ИРЛИ). В ВС и НК с мелкими разночтениями, вызванными записью по памяти. В Списке Линецкой с датой /январь 1934/. Вольный перевод сонета СССР из цикла «На смерть мадонны Лауры». У Петrarки

«основной тон задан в первой строфе параллелизмом „поэт“ — „соловей“, исконным для любовной поэзии, но преобразованным: соловей поет не любовную песню, а траурную... Во всем сонете, состоящем у Мандельштама из 60 полнозначных слов, всего 8 имеют лексическое соответствие сонету Петрарки... Даже для самого свободного переложения это, конечно, исключительный случай. В то же время тематика и „фабула“ не только каждой строфы, но и каждой строчки неукоснительно соответствует оригиналу» (46, с. 159—160). *Щекоцет*. Реминисценция ст. 65 и 31—32 «Слова о полку Игореве» (3, с. 198). *Муравит*. Не совпадает со своим словарным значением (покрывать поливной посуду) и должно рассматриваться как неологизм (47, с. 78); вобрало в себя значения первоначального «буравит» (*208.1), рифмующего «плавит» (ст. 3), «муровать» (в одной из версий черновика ст-ния 207: «Один я замурован»; производное в ст-нии 207 — «тропинки промурованных изгибы»). *Богшия*. У Петрарки здесь имеется в виду Лаура.

*III (209). ВРСХД. 1962. № 64. Печ. по беловому автографу из собр. Е.Э.Мандельштама, с изменениями в пунктуации по другим источникам текста. Автограф с правкой (АМ). В ВС и НК с описками. Вольный перевод сонета CLXIV. «Этот сонет (единственный переведенный Мандельштамом из цикла „На жизнь мадонны Лауры“) раскрывает противоречия душевной жизни с глубокой лиричностью и в то же время точностью. Ключевое значение имеет формула, ставшая классической в любовной лирике: „сладостная мука“. Эта формула у Петрарки относится не только к любви, но и к рефлексии, сильно выраженной в сонете. <...> Хотя многое в переводе стало неузнаваемым, в нем воссоздается и лирическая ситуация в последовательности ее развития, и образная основа сонета Петрарки. Передана парадоксальность любви — одновременное отсутствие и присутствие Лауры. <...> Точно воспроизведены мотивы „источника“ („ключа“) с разной на вкус водой, тысячекратных „на дно“ рождения и смерти» (46, с. 162—163).

*IV (210). СС-2. Т. 1. Печ. по ВС, с исправлением описок по черновику (АМ), в котором представлен промежуток редакцией. В автографе (АМ) первонач. запись с пометой /8 янв. 34. Закончено после известия о смерти Б.Н.Бугаева/ и последующей правкой. К истории текста. Черновик (см. выше) датирован 4 янв., он предполагает предшествовавший этап работы (47, с. 83). В БП основным текстом избрана завершающая редакция автографа (см. выше); установить, был ли этот автограф в распоряжении поэта в Воронеже, не удастся. Работу над ним он не считал завершённой: в письме к жене от 27 июня 1935 г., при посылке ст-ния 208, Рудаков писал: «Посылаю тебе сонет Петрарки (один из 3 1/2)... переведенных О.Э. (3 закончены, 1 черновой)» (ИРЛИ). Соответственно ст-ние отсутствует в НК и Списке Линецкой, а в ВС взято в квадратные скобки. И.Семенко считала вопрос о выборе основного текста спорным

(47, с. 82), склоняясь, по-видимому, к выбору текста ВС. Позднее был найден белой автограф в фонде Яхонтовых (РГАЛИ; с мелкими искажениями, вызванными записью по памяти), который можно предположительно датировать 1937 годом, в нем — текст ВС. Вольный перевод сонета СССР из цикла «На смерть мадонны Лауры». В нем «господствует мысль о бренности земного, решающая в лирике Петрарки. В отличие от большинства его сонетов и канцон, здесь эта тема трактуется не без проповеднической суровости. Лишь первая строфа рисует земное „благо“ с элегической нежностью. Вторая строфа моралистически-сурова. Распад красоты дан в образе антиэстетичном, аналитическом до беспощадности („не съединяет в себе кость с жилой“). В двух заключительных строфах — триумф новой, святой Лауры» (46, с. 166). Печаль жирна (*210.2). Реминисценция из «Слова о полку Игореве» (ст. 159): «Печаль жирна тече» (Левинтон Г. К проблеме литературной цитации //Материалы XXVI науч. студ. конф. Тарту, 1971. С. 52).

*211. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС, с поправками: 1) в ст. 14 по НК и Списку Линецкой (было «излечимая» вм. «уязвимая» — описка, восходящая к редакции черновика); 2) в ст. 16 по Списку Линецкой (было «нужны» вм. «спасают» — описка, восходящая к ранней редакции черновика). Датируется по черновику (АМ). В черновике основной текст занимает положение первонач. записи, озаглавленной /10 янв. 1934/; дата проставлена после окончания работы над завершающей редакцией. В 1934 г. ст-ние было, по-видимому, отброшено; в 1935 г. поэт восстановил его, вернувшись к промежут. редакции. Андрей Белый оценил присутствующий Мандельштаму ритмический дар, назвав его (ок. 1910 г.) «пэоннейшим из поэтов» (*Встречи*, с. 140; пэон — ритмическая вариация ямба). Мандельштам ценил работы Белого по теории стиха (статья «Литературная Москва», 1922), о стиле пореволюционной прозы Белого выступал с резко-критическими рец. и отзывами в статьях. Весной 1933 г. Мандельштам обсуждал с Белым свой «Разговор о Данте». В ст-нии с необычайной яркостью и экспрессией отразилось восприятие Белого как поэта особого дара. В равной степени это ст-ние о смерти — «высокозначимом явлении» и теме стихов Мандельштама начиная с ранних лет (28, с. 245). В ст-нии виртуозно «разыграны» стилевые особенности стихов и прозы Белого: оттенки синего цвета, излюбленные Белым эпитеты «голубой» и «бирюзовый» в ст. 1 и 6 — вплоть до перехода в черный цвет: «лазурь черна» в ст-нии 212) (68, с. 5, 136; 40, с. 130—131; 58, с. 53); склонность Белого к ненормативным ударениям, см. «легок (ст. 8), «вьюга (*211.1) и др. (40, с. 138); самооценки, прозвища и псевдоним (см. ниже). *Лобная кость*. Источник образа — в подзаг. гл. 6 «Петербурга» Белого — «Лобные кости». *Дурак*. Основывается на коллизиях юношеской биографии Белого, отразившихся в его мемуарах:

в семье из-за писания стихов его считали не вполне нормальным (40, с. 135). Ср. в ст-нии Белого:

Полный радостных мук
утихает дурак,
Тихо падает на пол из рук
сумасшедший колпак.

(БП, с. 297). Гоголек. Так называл Белого, по его воспоминаниям (Начало века. М.; Л. 1933. С. 323), Вячеслав Иванов (БП, с. 297). Сочинитель, щегленок, студентик, студент, бубенец. Ср. в мемуарах Белого (На рубеже двух столетий. М., 1930. С. 234): «Я — ребенок, отрок, студент, писатель, мировоззритель...» (БП, с. 297). *Ледяная... связь*. Один из псевдонимов Белого — Леонид Ледяной (66, с. 188). *Из горячего черепа льется и льется лазурь* (*211.1). Ср. в «Котике Летаеве» Белого (Пг., 1922. С. 33): «Вообразите себе человеческий череп... Он встает перед вами... мощный храм с белым куполом... перед вами — внутренность лобной кости: вдруг она разбивается; и в пробитую брешь... несутся: стены света, потоки...» (40, с. 132).

*212—214. Соч. (в разделе «Разные редакции и наброски»). Печ. по списку Е.Я.Хазина (АМ, частично в схематической записи), представляющему наиболее позднюю редакцию текста, загл. — по списку из собр. В.П.Абрамова (датирован 16—21 янв. 1934г.). К истории текста. Известны два варианта ранних редакций: 1) в списке Хазина (АМ), датированном 16-м янв. 1934 г., 2) в беловом автографе (СХ). При одинаковом зачине и объеме текста в них «конкурировали» строфа в середине текста и две финальные. 21 янв. на их основе был создан цикл из трех ст-ний, авторизованный список которого (собр. Абрамова) был дан П.Зайцеву при следующих обстоятельствах: «Через несколько дней после похорон я был... в Нащокинском у О.Э.Мандельштама. Он сказал, что никогда не писал стихов по поводу чьей-либо смерти, а на смерть Андрея Белого написал. <...> Их не удалось опубликовать в то время» (10, с. 590). Хотя Зайцев не упоминает о подобном, по-видимому, это тот самый «автограф», который Мандельштам «послал жене Андрея Белого. <Стихи> ей не понравились» (7, с. 117). Эта редакция не была последней: на следующий день, 22 янв., поэт несколько изменяет текст цикла, сохраняя его структуру (список Хазина). В 1935 г. в Воронеже поэт пытался восстановить цикл по памяти; этот этап отражен в Списке Линецкой — два ст-ния, 1-е из которых соответствует одной из ранних редакций, 2-е — ст-нию 213; оба неточно датированы февр. 1934 г. В 1936 г. поэт продолжил работу, восстановив текст строф всех редакций (ВС), и пытался воссоздать цикл, но не смог сделать этого по памяти (списка Хазина не было в его распоряжении — об этом можно судить по ошибочной дате, соответствующей Списку

Линецкой). Последний по времени текст — в НК (1937 г.), соответствует тексту Списка Линецкой. После выхода БП, где текст был дан по автографу СХ, структура цикла вызвала длительную дискуссию (работы Н.Я.Мандельштам, И.Семенко), но лишь публ. текста из собр. Абрамова (10, с. 590) выяснила авторский план; после нее без труда удалось «дешифровать» схематическую запись Хазина (в Соч.). В фонде ГИХЛа имеется недатированная и неавторизованная машинопись, текст которой совпадает с автографом СХ, под загл. /Памяти Б.Н.Бугаева (Андрея Белого)/ — возможно, послевоенного происхождения.

I (212). СС-1. Т. 1. Запись Л.Н.Гумилева (АМ), текст соответствует редакции списка из собр. Абрамова (вероятно, один из листов с записью цикла). *Печаль моя жирна*. См. примеч. 210. *Вежество* — ученость, знание, образованность; умение вести себя в обществе. *Рахиль гляделась...* А Лия пела и плела венки. Источник образов — «Божественная комедия» Данте («Чистилище», п. XXVII, ст. 97—108).

II (213). ВП. Альм. 3.

III (214). Сон в оболочке сна. Образ навеян ст-нием Э.По «Сон во сне». *Гравировальщик* (ст. 5) и *гравер* (*212—214.1) — Владимир Андреевич Фаворский (1886—1964), сделавший набросок «Андрей Белый в гробу» (БП, с. 299). *Меднохвойных доск... сквозь воск* (*212—214.1). Здесь отражены детали техники гравирования на меди, о чем поэт расспрашивал Л.Гумилева (его устное сообщение 1974 г.).

215. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС, с восполнением пробела на месте слов «Ты, Мария» (так же в Списке Линецкой и НК) по поздним записям Н.Я.Мандельштам. Пробел оставался из этических побуждений, не позволявших назвать имя женщины в этом, по оценке Ахматовой, «лучшем любовном стихотворении XX века» (1, с. 191). Датируется по автографу (архив М.С.Петровых), где, из тех же побуждений, ст. 21 дан в редакции /Наша нежность — гибнущим подмога/. По автографу в основной текст внесено исправление в ст. 7 (в ВС «окающих» вм. «охающих»). В автографе описка: «встреч» вм. «плеч» (ст. 2); указанное в Соч. (с. 537) чтение «не корми» (вм. «накорми», ст. 8) не подтверждается. Обращено к Марии Сергеевне Петровых (1908—1979) — поэтессе. *Ходят рыбы*. Эта метафора возникла еще в ст-нии 123: «Воздух бывает темным, как вода, И всё живое в нем плавает, как рыба...».

ВОРОНЕЖСКИЕ ТЕТРАДИ

«Воронежские тетради» создавались поэтом в ссылке. В Воронеж Мандельштамы прибыли в июле 1934 г., но должен был пройти почти год, прежде чем поэт получил новый

творческий импульс. «Первая тетрадь» была написана, в основном, в апр.—июне 1935 г. 20 апр. Рудаков¹ писал жене: «А 17, 18, 19, 20-го — дико работает Мандельштам. Я такого не видел в жизни. <...> Я стою перед работающим механизмом (может быть, организмом — это то же) поэзии. Вижу то же, что в себе,— только в руках гения, который будет значить больше, чем можно понять сейчас. Больше нет человека — есть Микельанджело. <...> Для 4 строк — произносятся четыреста. Это совершенно буквально» (ИРЛИ). Уже в мае из стихов была составлена подборка, которую Н.Я.Мандельштам предлагала в редакции периодических изданий во время ее поездки в Москву в мае—июне. Письма поэта к ней отразили продолжение работы. К письму от 25 (?) мая (Собр. соч. Т. 3/4. Письмо № 56) поэт приложил стихи 227, 229, 422, 426. 26 мая он сообщил: «В „Подъем“ сдал то, что на машинке. <...> К „подборке“ прибавь „Стансы“ плюс „Железо“. Выясни печатание. Для Москвы условие: все или ничего. Широкий показ цикла. Хорошо бы в Литгазете. Все варианты окончательные. Только в начале „Стансов“ могут быть изменения, но давай так». В недатированном письме от первых чисел июня (Там же. Письмо № 55) находим новые сведения: «Посылаю исправленные стихи в начало цикла (№ 2, 3, 4). <...> Готовую рукопись (без добавочного) кончил „Черноземом“, сдал Плоткину» (Л.А.Плоткин — секретарь парторганизации воронежского отделения Союза писателей.) О «добавочном», то есть не предназначенном для печати, косвенные сведения содержатся и в письме Рудакова к жене от 3 июня: «Вечером вчера диктовали машинистке его стихи — это способ подчеркнуть, что стихи кончены... Отпечатана тетрабочка: „О.М. Одиннадцать стихотворений. Воронеж. 1935“ плюс 3 вещи отдельно» (ИРЛИ). Во время очередной поездки в Москву в дек.1935—январь.1936 г. Н.Я.Мандельштам дала «подборку» стихов 1935 г. на просмотр одному из деятелей Союза писателей СССР — А.Марченко. В ответ на ее сообщение о реакции Марченко поэт 1 января 1936 г. писал: «Почему давала без отбора? Я против „Наушников“. Марченко прав». В «книгу» стихи «Первой тетради» были собраны, вместе с «Новыми стихами» (см. преамбулу к ним), в ВС, который подвергся окончательной редакции приблизительно в мае 1937 г.

«Вторая тетрадь» создавалась в дек. 1936—первой половине февр. 1937 г. В отличие от «Первой тетради», стихи ее сложились в «книгу» почти сразу. Об этом свидетельст-

¹Сергей Борисович Рудаков (1909—1944) — филолог. Был выслан из Ленинграда и избрал местом ссылки Воронеж для работы над литературным наследием Мандельштама. См. о нем гл. «Маленький Сальери» в кн. Герштейн (6); в этой книге приводятся обширные выдержки из его писем к жене, которые используются нами в комментариях с уточнениями по архивным источникам (ИРЛИ).

вуют присылки, направлявшиеся в журн. «Звезда» и непосредственно Н.Тихонову, занимавшему пост зам. ответственного редактора журнала, а также К.Чуковскому. Сразу отметим, что материалы архива Тихонова, находящиеся ныне в собр. С.В.Поляковой (СП), в ее публ. (Часть речи. 1982. № 2/3; Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991) представлены не полностью. Для выяснения авторского замысла в части композиции и редакций текстов особое значение имеет письмо от 13 янв. 1937 г.: «В редакцию „Звезды“. Сообщаю вам продолжение моей работы над новой книгой стихов, которую я пишу в Воронеже. Прилагаю „контрольный списочек“ стихотворений за декабрь—январь. Предшествующая работа (воронежская), хотя и войдет в книгу, — в данную минуту меня не интересует. Начатки ее имеются в „Кр. Нови“. Остальное — у меня. Стихотворение „Рождение улыбки“ — только сейчас доработано. Старый текст прошу считать вариантом. О.Мандельштам (СП). В упомянутом «контрольном списочке» означены 19 стихотворений: 237—238, 240—244, 246—251, 253—254, 256, 255, 257, 259. Приложенные к более раннему письму Н.Я.Мандельштам К.Чуковскому (от 28 дек. 1936 г.) стихи в точности соответствуют приведенному выше списку до стиха 251 включительно и заканчиваются стихом 252. В сохранившемся в АМ листе из «Списка воронежских стихов. Декабрь 1936—март 1937» не содержатся стихи 238, 239, 245, 252, 258, 261 (последнее по времени стихом на листе— 264). «Вторая тетрадь» приблизительно во второй половине февр. 1937 г. была послана Б.Пастернаку, и его оценки были законспектированы Н.Я.Мандельштам (39, с. 97); эти ее записи также дают материал для реконструкции состава книги. В том же конспекте, по данным Е.Б.Пастернака и Е.В.Пастернак, зафиксированы — насколько нам известно, это единственное прижизненное свидетельство — косвенные данные об авторском происхождении названия книги: «Название новой книги Мандельштама „Воронежские тетради“ было вызвано тем, что стихи записывались в школьных тетрадях. Пастернак ассоциировал его со знаменитыми „Шумановскими тетрадями“» (39, с. 97).

«Третья тетрадь» создавалась в марте—апр. 1937 г. Вначале она не была отделена от «Второй», но уже в СМ она представлена нумерованными списками стихов 282—287, 290, 292 (№№ 2—9). Стихи в СМ расположены в строго хронологическом порядке, как и в создававшейся ранее НК (здесь сохранились лишь стихи 429, 282—285). Закрывающим книгу стихотворением, по свидетельству Н.Я.Мандельштам, должно было стать, в авторской редакции, стих 299 (28, с. 307). Следующий этап работы, о котором имеются только косвенные данные,— составление корпуса стихов 1930—1937 гг., один из вариантов которого был дан в Союз писателей. Этот этап можно отнести к маю—июлю 1937 г. К этому времени, по-видимому, относится и последнее редакционное вмешательство в ВС (вырезаны стихи 422 и 423). Наконец, о работе поэта над корпусом стихотворений

в Савелове, Калинин и Саматихе известно лишь по отрывочным свидетельствам в книгах воспоминаний и «Комментариях» Н.Я.Мандельштам.

После ареста поэта его вдова составляла (по памяти) списки воронежских стихов и давала их на хранение знакомым. Более полный свод (и уже с использованием архива) был составлен ею в военные годы в Ташкенте. Эта работа продолжилась после смерти Сталина и, более интенсивно, после 1965 г., когда Н.Я.Мандельштам поселилась в Москве. В это время определенное воздействие на формирование ею корпуса стихотворений и редакций текстов имела И.Семенко, углубленно изучавшая архив Мандельштама. Итоги этой работы зафиксированы в «Комментариях», Своде И.Семенко (с небольшими отличиями), а в печати — в издании: Мандельштам О. Стихотворения /Подгот. текстов С.Василенко и Ю.Фрейдина. М., 1992.

Для того чтобы обосновать наш подход, необходимо вернуться к мотивам, влиявшим на состав, композицию и редакции текстов.

1. Наиболее существенным фактором являлось собственно положение ссыльного поэта. И необходимость зарабатывать на жизнь — а здоровье уже не позволяло заниматься иной работой, кроме литературной, — и надежда на освобождение из ссылки, и неистраченная творческая энергия — все вместе побуждало искать компромисса с жизнью. Но «жизнь» требовала от поэта не лояльности, а полной «перековки» сознания. Та двойственность, которая была заложена в его открытых политических стихах, не могла укрыться от искушенных редакторов. Альтернативой был лишь добровольный уход из жизни — об этом они с женой в Воронеже не раз говорили. Приходилось идти по пути «совершенствования» политических стихов — чуждому для поэта «прямому называнию» действительности. Но творческое «я» поэта даже и в «Стихах о Сталине» оказалось неспособным на полное перевоплощение. Внутреннее сопротивление сказывалось и возникновением стихотворений, прямо противостоящих «политическим», — и тем сильнее, что на той же образной основе. Это не было осознанной игрой. Трагический разлад переживался поэтом особенно сильно во время работы над «Первой тетрадью». В письме к жене от 10 мая 1935 г. Рудаков напомнил ей о том, что поэт уничтожил все записи «Стансов» и «День стоял о пяти головах...», а «Надька называла его „мой Гоголь“ (в смысле уничтожения порочащих рукописей) и радовалась» (ИРЛИ). Об отношении поэта к ст-нию 423 сохранилось мемуарное свидетельство Я.Рогинского. Закончив чтение, поэт спросил его: «Как вы считаете, Яков Яковлевич, вам было бы приятно, если бы вам сказали, что у вас мозг каменноугольный?» (Встречи в Воронеже // Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 43). Позволим себе высказать также предположение о том, что некоторые «варианты» насильственно возникших стихотворений, известные по устной традиции (как правило, от Н.Я.Мандель-

штам), появились вследствие самопародирования. Таково, вероятно, происхождение строки «Будет губить разум и жизнь Сталин» (ст-ние 429), которую Н.Я.Мандельштам отстаивала в качестве бесцензурной редакции; «Смотрит веко могучая вежа» в ст-нии 271, а также замечательное по выразительности «О будущем советския страны» (ст-ние 422), известное нам лишь по печатному тексту (СС-2. Т. 2). Позднее, к концу 1936 г., когда поэт убедился, что никакие усилия не помогут ему пробиться в печать, писание «политических» стихов превратилось для него, насколько можно судить, в техническую задачу. Этому позднему этапу соответствует принцип композиции ВС, где, в отличие от «подборок», открывавшихся ст-ниями 423 (АМ), 226 (собр. Е.Э.Мандельштама), 221 (СМ), в начало попадает резко диссонансирующее с перечисленными ст-ние 216, не входившее, как и ст-ние 218, ни в одну из «подборок». Прежде всего в связи с этим ВС признается нами наиболее соответствующим авторскому замыслу. Какой же ответ дает ВС в отношении «политических» стихов «Первой тетради»? В нем вырезаны лишь ст-ния 422 и 423 («вырезки» также сохранились в архиве). Сопоставление их текстов с оставленными (ст-ния 223, 226) показывает, что исключенными оказались те ст-ния, в которых имеются прямые именованья — «большевик» в ст-нии 423, «ленинское-сталинское слово» в ст-нии 422. С той же мерой мы подходим и к стихам «Второй» и «Третьей» тетрадей, исключая из них ст-ния 428 и 429 и сохраняя остальные.

2. Самоцензура по политическим мотивам достаточно явственно отразилась в ВС. Никогда не записывались при жизни поэта или записывались, по свидетельству Н.Я.Мандельштам, «шифром» ст-ния 192—194, 220 и 222, не вписывались посвящения; для ст-ния 224 была создана «подцензурная» редакция.

3. Третья группа мотивов выясняется из отрывочных и разрозненных упоминаний Н.Я.Мандельштам о стихах, которые она называет «гибельными» (28, с. 197; 24, с. 231—232 и др.), — в них предрекается смерть или тяжкая участь себе, герою или близкому человеку; поэт избегал читать их и долго не записывал. Н.Я.Мандельштам называла ст-ния 421 и 154; взгляд на корпус текстов с этой точки зрения позволяет объяснить, почему лишь в ВС была записана «основная» редакция ст-ния 216 и третья двустихие ст-ния 190. Эта интенция восходит, по-видимому, к несколько более ранним годам творчества, так как лишь ею можно объяснить купюры, которые были сделаны автором в ст-ниях 14 и 72 в С, — в настоящем издании они восполнены.

4. Настолько же отрывочны мемуарные сведения о характере работы поэта над собственным типом строфы с нечетным числом строк и возникшему у него «особому отношению к числам» (28, с. 300). Уже и первый взгляд на строфику «Воронежских тетрадей» дает подтверждение этим сведениям, в архивных же источниках этой тенденцией можно объяснить объединение двух первых строф «Стансов» в

одну (ВС), чем ст-ние превращено из восьми- в семистрофное, а также купирование одной строки в восьмистрочной строфе списка ст-ния 290 (см. примеч.).

Проблема состава «Воронежских тетрадей» не исчерпывается наличием «политических» стихов, о чем говорилось выше. Если для «Первой» она в значительной мере разрешается благодаря наличию ВС, то по «Второй» и «Третьей» данные неполны и разрозненны; их реконструкция в настоящее время может быть лишь суммарной, учитывающей данные всех разновременных этапов. Здесь повышается значение воспоминаний и редакторской работы Н.Я.Мандельштам; обратимся к ним еще раз. Редакторская работа Н.Я.Мандельштам прошла несколько стадий (о чем уже говорилось выше), которые изучены недостаточно, в связи с чем затруднен и критический подход к итогам. В окончательной редакции ее корпуса «Воронежских тетрадей» порядок стихотворений принят хронологический, за исключением двух ст-ний — 221 и 285, ставившихся ею соответственно в начало «Первой» и «Третьей» тетрадей, а в состав введены не встречающиеся в ныне известных прижизненных сводах (а также в косвенных данных о них) ст-ния 220, 222, 239, 245, 258, 261, 265, 271, 288, 297, 300—304 (введение последних пяти ст-ний — чисто редакционное решение, о чем Н.Я.Мандельштам прямо писала). Тексты большинства из них восстановлены Н.Я.Мандельштам по памяти. Аргументация ее в одних случаях представляется убедительной, в некоторых — сомнительной; однако до тех пор, пока новые находки в архивах не расширят фундамент текстологии воронежского периода, следует, на наш взгляд, принять эти ее решения в части состава корпуса. Что касается композиции, то сказанное выше о структуре ВС заставляет нас отвести изменение в положении ст-ния 221, предложенное ею, а вслед за ним — и ст-ния 285.

Приведенным выше определяется состав, композиция и, отчасти, редакции текстов «Воронежских тетрадей», принятые в настоящем издании. Как и в предшествующих разделах, в текстологическом комментарии полностью перечисляются только авторизованные источники, сведения о других источниках привлекаются соответственно степени сложности обоснования выбора текста. Как и в «Новых стихах», под текстами приводятся полные даты (насколько их удастся установить). Помета «Воронеж» при датах, имеющаяся в большей части источников, опускается.

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

*216. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС. Редакция последнего стиха из-за названной в нем «смерти» (см. в преамбуле к «Воронежским тетрадям» о «гибельных» стихах) имела вариант, отраженный в машинописи (АМ) и авторизованном списке (БП, ныне местонахождение неизвестно). Сюжет ст-ния связан с местом жительства поэта: в доме за городской

чертой, у «обиженного хозяина» (см. ст. 7), агронома Е.П.Вдовина (24, с. 122), с которым у Мандельштама была ссора перед переездом на новую квартиру (письмо Рудакова к жене от 17 апр. 1935 г., ИРЛИ). «Лавочка» (ст. 12) была видна из окон комнаты Мандельштамов, «на эту лавочку перед домом мы часто выходили посидеть» (28, с. 251). *Ванька-ключник* — герой русской песни, известной Мандельштаму по «Песням, собранным Киреевским», тома которых были в его библиотеке. По песне — Ванька-ключник был повешен князем за любовную связь с княжной. По сюжету ст-ния, однако, можно высказать предположение о том, что здесь поэт мог иметь в виду героя другой песни, Ваньку-Каина, — разбойника, которого вынудили стать сыщиком, но втайне продолжавшего заниматься своим разбойным ремеслом. *Далёко убегает гать*. Речь идет, по-видимому, о Придаченской гати, соединявшей город с Придачей, пригородом Воронежа (63, с. 66).

*217. ВП. Альм. 3. Печ. по ВС. Список Н.Я.Мандельштам в подборке (собр. Е.Э.Мандельштама). СМ. В ВС позднее вписано, а затем вычеркнуто загл. /Радиоточка/. *Наушнички, наушнички мои*. Речь идет о наушниках радио, одновременно обыгрывается второе значение — доносчик, клеветник (ср. примеч. 226). *Негоштого голоса Аи*. Образ отразил потрескивание в наушниках радио, отчетливое во время пауз и напоминающее звук лопающихся пузырьков в бокале шампанского. Верное ударение в стихе было указано К.Тарановским (68, с. 130). *Ну как метро?* Подготовка к пуску московского метро (состоялся 15 мая 1935 г.) была злободневной темой печати и кинохроники. *Молчи, в себе таи*. Отголосок тютчевских стихов «Молчи, скрывайся и таи И чувства и мечты свои...».

218. Новый мир. 1961. № 1. С. 142 (в тексте воспоминаний И.Эренбурга «Люди, годы, жизнь»). Печ. по ВС.

219. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС. Список Н.Я.Мандельштам в подборке (собр. Е.Э.Мандельштама). Ст. 4—5 совпадают со ст. 13—14 ст-ния 221. *Твой Буонаротти*. Творческий стиль Микеланджело вспомнился Рудакову, когда он наблюдал за Мандельштамом в его работе над стихами (см. преамбулу к «Воронежским тетрадам»).

220. ВРСХД. 1964. № 72/73. Печ. по записи Н.Я.Мандельштам (АМ, позднее 1938 г.). Датируется по Своду, с. 141. По свидетельству Н.Я.Мандельштам, ст-ние считалось шуточным. «Третья строчка второй строфы первоначально была: „Жил он на улице Ленина"... Этой строчки Мандельштам испугался... и мы решили ее „позабыть". Стишок же записывали шифром, так как любую улицу называть своим именем слышному было опасно» (28, с. 252). В ст. 6, 8—9 обыгрывается название и местоположение 2-й Линейной ул. (от «линии» железной дороги), шедшей по откосу к железнодорожным путям; другим концом она выходила

вблизи ул. Ленина. Во время одного из приездов в Москву Н.Я.Мандельштам читала эти стихи С.Клычкову (6, с. 92).

221. ВРСХД. 1962. № 64. Печ. по ВС. Под загл. /Чернозем/ в беловом автографе (АМ) и подборках (АМ, СМ). Местонахождение белового автографа первонач. редакции (БП, с. 299) ныне неизвестно. Отношение поэта к ст-нию не было неизменным. Вскоре после того, как он уничтожил записи ст-ний 226 и 227, Рудаков передал жене слова Мандельштама о том, что он «написал только „Камы" и „Чернозем", остальное — чепуха» (письмо от 24 мая 1935 г., ИРЛИ). Другое высказывание приведено Рудаковым в письме от 31 мая: «„Чернозем" — вещь реакционная: акмеистическая строфика с обновленной инструментальной, вещь из „Камня", источники — „Адмиралтейство" etc. (вещь, угнетающая сейчас Мандельштама). Это вещь 1001-я и прекрасная, а остальное — вещи первые, и после них будут так (по-новому о новом) написаны тысячи. Основное — вещь о Пушкине и Чапаеве» (ИРЛИ). По воспоминаниям Н.Штемпель, ст-ние «было написано под впечатлением распаханых опытных полей Сельскохозяйственного института, где Осип Эмильевич нередко гулял ранней весной. Вплотную к полям подходил Ботанический сад, а напротив была Архиерейская роща. Там в 1879 году собрался съезд „Земли и воли", на котором присутствовали Плеханов, Софья Перовская, Вера Фигнер, Желябов и другие. Не отсюда ли в стихах Мандельштама „комочки влажные моей земли и воли"? <...> Мне очень нравилось это стихотворение, и Осип Эмильевич переписал мне его разборчиво тушью на листе хорошей бумаги» (63, с. 65—66).

222. ВРСХД. 1964. № 72/73. Печ. по одной из записей Н.Я.Мандельштам (АМ, позднее 1938 г.). Датируется по Своду, с. 147. По сообщению Н.Я.Мандельштам, записывалось шифром (28, с. 257).

*223. ВП. Альм. 2 (контаминированный текст). Печ. по БП, где приведено по беловому автографу (ныне местонахождение неизвестно). В ВС, СМ и других источниках с разночтением в ст. 2 («И то» вм. «Но то»). Список Рудакова (в его письме к жене от 18 мая 1935 г., ИРЛИ). Два беловых автографа одной из ранних редакций, датированных маем 1935 г. (АМ). В машинописи из подборки (АМ) представлено промежуток редакцией (первое четверостишие). По письму Рудакова к жене от 8 июня 1935 г., Мандельштам, раскрывая свою поэтику, говорил: «Сказал „Я лежу", сказал „в земле" — развивай тему „лежу", „земля" — только в этом поэзия. Сказал реальное, перекрой более реальным, то — реальнейшим, потом сверхреальным. Каждый зародыш (росток) должен обростать своим словарем, обзаводиться своим запасом, идя в путь, перекрывая одно движение другим. Будь форма, ритм... все недостаточно, если нет этого» (ИРЛИ). В ст. 1 — реминисценция из ст-ния Брюсова «Зерно»: «Лежу в земле, и сон мой смутен...».

224—225. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС. В машинописи (АМ) — в виде отдельных ст-ний. Черновик (АМ), где проставлен номер ст-ния 1 и загл. /Кама/. Во всех автографах и прижизненных списках — в виде цикла из двух ст-ний. В ВС датировано маем 1935 г.

*1 (224). Печ. по ВС, где рукой поэта зачеркнут цензурный вариант ст. 7—10 и тем самым авторизована бесцензурная редакция. Последняя, помимо поздних записей Н.Я.Мандельштам, представлена автографом (АМ, ст. 9 записан в сокращенном виде). В черновике (АМ, см. выше), датированном апр. 1935 г. (записан цензурный вариант), — зачеркнутый черновой набросок продолжения. Два беловых автографа и списки Н.Я.Мандельштам (АМ). В ст-нии отразились впечатления от поездки на пароходе из Соликамска в Чердынь, к месту ссылки. См. также примеч. 227. *Тобол, Обь* (*224.2). По-видимому, названия встречных пароходов (*Свог*, с.144). *Празднуют первое мая враги* (*224.1). Возможно, здесь оживились представления поэта 1920-х гг., по которым революция закончилась и перешла в стадию «реставрации», соответственно взглядам Троцкого. См. примеч. 429. Тема «Первого мая» — в близком по времени ст-нии 425.

2 (225). Список Н.Я.Мандельштам, датированный маем 1935 г. (АМ).

*226. ВП. Альм. 2. Печ. и датируется по ВС. Из сохранившихся редакций (см. ниже) наиболее ранняя — в списке Н.Я.Мандельштам, датированном маем 1935 г. (АМ), с рядом разночтений и следующим порядком строф: 2, ст. 5—10, выделенные в строфу, 5, 3, 6, 4, 7. Промежут. редакции: СМ — из пяти строф (2, 3, 4, 6, 7), датированных июнем; ст. 5—10, выделенные в самостоятельное ст-ние, датированное маем 1935 г., предваряют «Стансы». Стихам 5—10 (с разночтением в последнем) как отдельному ст-нию соответствуют в АМ список Н.Я.Мандельштам и машинописи (одна датирована июлем 1935 г.). Вторая промежут. редакция (список Н.Я.Мандельштам в АМ и в собр. Е.Э.Мандельштама) отличается от основной лишь тем, что ст. 5—10 выделены в дополнительную строфу. К истории текста. Ст-ние было написано уже к концу мая 1935 г. В конце апр. — первых числах мая поэт уничтожил текст, заключавший 46 строк: «Еще при тебе он выкинул „Стансы“. Потом он (с Надей) уничтожил все записи „Стансов“ и начато „Чапаева“. Он говорил, что они бред, и покушался на черновики, что у меня (не догадываясь, что они скопированы). Надька называла его „мой Гоголь“ (в смысле уничтожения порочащих рукописей) и радовалась» (письмо Рудакова к жене от 10 мая 1935 г., ИРЛИ). Однако, под влиянием Рудакова, текст был восстановлен, хотя и «отвергнут» (там же, письмо от 18 мая). 26 мая в письме к жене, находившейся в Москве и пытавшейся «пробить» стихи в печать, поэт просил вклю-

чить «Стансы» в «подборку» (Собр. соч. Т. 3/4. С. 264). Детали дальнейшей истории текста неизвестны. Подборка в СМ создавалась позднее ВС, однако в нее могла быть включена более ранняя редакция; она также представляла собой одну из подборок, предназначавшихся для печати (см. в преамбуле к «Воронежским тетрадям»). В связи со «Стансами» Н.Я.Мандельштам писала, что «О.М. отчаянно пробивался в печать, считая, что напечатанному ему будет легче выкрутиться» (28, с. 255). По ее свидетельству, ст. 1 имел раннюю редакцию «Я не хочу средь юношей архивных» (28, с. 254); в «архивном юноше» она видела образ Рудакова (там же). Побудительной причиной к ст-нику, по Н.Я.Мандельштам, явились стихи Л.М.Длигача (см. ниже), на которого пало подозрение в доносе на поэта перед арестом 1934 г. (24, с. 83; 28, с. 255). *Я должен жить, дыша и большевая.* «По поводу этого стихотворения О.М. как-то тихонько сказал мне, что в победе в 1917-м году сыграло роль удачное имя — большевики — талантливо найденное слово. И главное, на большинстве в один голос... В этом слове для народного слуха — положительный звук: сам-большой, большой человек, большак, т. е. столбовая дорога» (28, с. 255). Ср. «большаки» в ст-нии 227. *Поиграть с людьми.* Реминисценция тючевского стиха «Играй с людьми, играй с судьбою...» («Играй, куда над тобою...»). *Клевещущих козлов не досмотрел я граки... Стук гяпла сбросил с плеч.* Подразумевается обстановка доносительства, в которой поэт находился перед арестом. «Дятел» (как и «стукач») на лагерном жаргоне означает «доносчик» (Собр. соч. Т. 2. С. 689). *Прыжок. И я в уме.* В дороге у Мандельштама развился «тюремный» психоз, и в чердынской больнице он выпрыгнул из окна, сломав себе руку; после этого наступило успокоение (24, с. 53—55). *Гребнем Лорелеи.* Ср. тот же мотив в черновике (*224.1). Лорелея — см. примеч. 82. *Как «Слово о полку», струна моя туга.* Явилось ответом на стихи Длигача (см. выше):

Я в жизни шел сквозь все снега,
Я вижу: в миллионы га
Расчерчена страна.

Я в песне познаю врага:
Его последняя струна еще туга.

(Новый мир. 1935. № 2). Вероятно, последние строки Мандельштам принял на свой счет.

*227. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС, где окончательно установлена строфика ст-ния (ст. 9—16 разбиты на двустипшия), с учетом более поздних поправок Н.Я.Мандельштам в исправлении описок: пропуска слова «сжимаясь» (ст. 2) и «чернея» (вм. правильного «чумея» в ст. 5), что соответствует СМ и списку в собр. Е.Э.Мандельштама. Датируется по автографу промежут. редакции (см. ниже) и письму Рудакова к жене от 1 июня 1935 г. (см. ниже). По письмам Рудакова к жене (ИРЛИ), ст-ние имело «домашнее» название

«Чапаев». К истории текста. Ст-ние написано во второй половине апр. 1935 г. Первонач. текст неизвестен; возможно, он включал (в качестве вариантов?) строфы ст-ния 228. Первая известная редакция, без ст. 1—8, отражена в машинописи (АМ) и Списке Линецкой (без дат). Возможно, именно ее поэт уничтожил в начале мая (см. примеч. 226). Вторая редакция (созданная после 8 мая) отражена в беловом автографе (АМ), датированном апр.—маем 1935 г., и в беловом автографе, приложенном к письму поэта к жене от 25(?) мая (см. преамбулу к «Воронежским тетрадам»). О дальнейшей работе известно по упоминаниям Рудакова в письмах к жене от 26, 27 мая и 1 июня 1935 г. В последнем письме упоминается о том, что поэт исправил редакцию ст. 3 «Сон был больше, чем слух, слух был больше, чем сон — слитен, чуток» в основную. В письме к жене от 31 мая 1935 г. (ИРЛИ) Рудаков передал оценку ст-ния поэтом. Сравнивая его с «Черноземом» (см. примеч. 221), Мандельштам говорил: «Основное — вещь о Пушкине и Чапаеве. Она — говорит о русском фольклоре, о сказке, о стране и впервые — о новом „племени“ — о ГПУ, о молодежи, у которой будущее, о пленном времени, вечности, и материально — на основе реального бреда при поездке на Урал, — образы безумного пространства, расширяющегося, углубленного и понятого через „синее море“ пушкинских сказок, море, по которому страдает материковая, лишенная океана Россия» (о бредовом состоянии поэта см. в примеч. 226). Н.Я.Мандельштам писала о том, что в дорогу к месту ссылки она взяла с собой томик Пушкина, и поэт читал оттуда «Цыган» своим конвоирам (один из них был тезкой Мандельштама); конвоиры относились к своим поднадзорным сочувственно (24, с. 46—48). *Большак* — столбовая дорога; здесь с аллюзией на «большевиков» (см. примеч. 226). *Двойка... парусами*. Здесь поэтическая вольность: двойка — гребная лодка. Образ развился из первоначального «раздвоения конвойного времени» (см. *227.1) (28, с. 257). *Трое славных ребят из железных ворот ГПУ и Молодые любители белозубых стишков* — конвойные (см. выше). Последний образ имеет подтекст в «Разговоре о Данте»: «Славные белые зубы Пушкина — мужской жемчуг поэзии русской!» (Собр. соч. Т. 3/4. С. 179). *Горой пообедав Поезд ужинал лесом... ушко* (*227.1). Здесь отразился один из этапов в Чердынь — поездом по узкоколейке из Свердловска в Соликамск (28, с. 257).

*228. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС, с учетом более поздней поправки Н.Я.Мандельштам (было «дыхание» вм. «жужжание»), согласно Своду (с. 148). См. примеч. 227. Список Н.Я.Мандельштам (АМ). В ст-нии отразились эпизоды из кинофильма «Чапаев», в частности в строфе 2 — «психическая» атака офицеров-капеллецов на конницу Чапаева (Собр. соч. Т. 1. С. 523). Ст. 9—10 в сюжете «Чапаева» соответствия не имеет.

229. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС. Беловой автограф с датой, приложенный к письму к жене от 25 (?) мая (см. преамбулу

к «Воронежским тетрадам»); датируется по этому автографу. В списке Н.Я.Мандельштам (собр. Е.Э.Мандельштама) под загл. /Стрижка детей/. В письме к жене от 24 мая 1935 г. (ИРЛИ) Рудаков писал о замысле этого ст-ния, в письме от 26 мая — цитировал строфу из него (ст. 9 в цитате — «Еще стрижей довольно в мире и касаток»). Поводом к ст-нию послужило постановление ЦИК и СНК СССР о привлечении несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания, принятое 7 апр. 1935 г. На это и дан намек в словах «в высшей мере» (ст. 1).

230. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС. Списки Н.Я.Мандельштам (АМ, собр. Е.Э.Мандельштама, СМ). Связано с радиокомпозицией «Молодость Гете», над которой поэт в это время работал.

*231. ВП. Альм. 2. Печ. по авторизованному списку (АМ, рукой Н.Штемпель). Список датирован рукой поэта 3 июня 1935 г.—14 дек. 1936г.; вторая часть даты, вероятнее, не отмечает время изменения первонач. редакции в основную (см. ниже), а фиксирует день создания списка. Датируется, соответственно сказанному, по этому списку. ВС, где первонач. редакция была позднее исправлена в основную. Список Линецкой. СМ. 4 июня 1935 г. Рудаков писал жене: «Вчера... он писал новую вещь. <...> Вещь „новая и неожиданная“, в его терминологии, в моей — вторичная „Tristia“ с учетом „Чернозема“ etc. <...> Очень интересны к ней варианты, которые, по-моему, живут как 12-строчное стихотворение» (ИРЛИ). В письме речь идет о данном и следующем ст-нии, которое было авторизовано как самостоятельное позднее. Ст-ние воссоздает образ Ольги Александровны Ваксель (1903—1932), в которую поэт был влюблен зимой 1924—1925 г. Увезенная мужем в Осло, вскоре покончила жизнь самоубийством. Воспоминания о Ваксель пробудились у поэта во время работы над радиокомпозицией «Молодость Гете», где введено действие, посвященное женщинам Гете. Повторяющаяся в радиокомпозиции ремарка «Рожок почтальона» явилась автореминисценцией в финале ст-ния. *Чужелюбая власть*. Подразумевается замужество Ваксель в 1932 г., после которого ее муж, вице-консул Норвегии в Ленинграде, увез ее из России (51, с. 164). *Стокгольмской постели*. Здесь поэтическая вольность — Ольга Ваксель была похоронена в Осло. *И прагеда скрипкой гордился твой род*. Прадед Ваксель — выдающийся скрипач А.Ф.Львов — был обладателем «редчайшей» скрипки работы итальянского мастера Маджини (15, с. 71—72). *Миньона*. Букв.: «младшая», «маленькая» («малышка») (франц.); подразумевается героиня романа Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера». *Но мельницы колеса зимуют в снегу... почтальона*. Здесь соединены образы из вокальных циклов Шуберта «Прекрасная мельничиха» и «Зимний путь» (15, с. 76), первый из них поэт ввел в му-

зыкальное сопровождение названной выше радиокомпозиции.

232. ВП. Альм. 2. Печ. по ВС. СМ. Список Линецкой. См. примеч. 231. В ст-нии отразились воспоминания о встречах поэта с Ольгой Ваксель — в гостинице «Англетер», из окон которой был виден Исаакиевский собор, «меблированный» номер с горящим камином (51, с. 168). Шуберта... Движенье, движенье, движенье. Подразумевается песня Шуберта «В путь» (БП, с. 299).

233. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС. Датируется по письмам Рудакова (см. ниже); в ВС с неточной датой /апрель—июль 35 г./ Авторизованный список (АМ, рукой Н.Штемпель). Авторизованная машинопись (ГЛМ, ф. 283), с опечатками. Ст-ние вызвано впечатлением от игры Галины Бариновой. 6 апр. 1935 г. Рудаков писал жене: «Вчера были на концерте скрипачки Бариновой... У нее невероятный цветаевский темперамент, 22-летняя молодость и неартистичная живость. (Когда я это сказал, О.Э. удивился, откуда я мог так угадать действительное сходство с Цветаевой, когда я ее не видел. А ритмы-то стихов!)» (ИРЛИ); далее Рудаков, цитируя финальную и набросок первой строфы, пишет о том, что «это должно стать» 6-тистрофным ст-нием. Об окончании работы над ст-нием Рудаков сообщил жене в письме от 18 июня 1935 г. Галина Всеволодовна Барина (р. 1910) была в то время солисткой Московской филармонии. *Чемчуря*. Значение этого слова не вполне ясно; Б.Кац высказал предположение о том, что здесь в затемненном виде содержится намек на скрипача-виртуоза И.Иоакима, автора «Венгерского концерта» (15, с. 74). *Марша Мнишек* (ок. 1588—ок. 1614) — дочь польского магната, одна из вдохновительниц похода Лжедмитрия I и его жена; с нею в своих стихах отождествляла себя Марина Цветаева (см. примеч. 74). *С кошачьей головой во рту*. Эта ассоциация вызвана, вероятно, резной головкой грифа скрипки (15, с. 72).

234. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС, пунктуация в ст.1 — по списку в письме Рудакова (см. ниже). Датируется по тому же письму; в ВС неточно датировано июлем 1935 г. В письме к жене от 27 июня 1935 г. Рудаков писал: «сегодня вроде оживление. Именно: О. написал 10-стишие. О море и Стамбуле. Первый стих: Бежит волна волны волне хребет лома. Я в спор о идиоме: „волна волны“ (что это такое?), хотя сам факт употребления одного слова троекратно в надежном изменении очень интересен и, в частности, дает интереснейшее ритмическое движение здесь, раскачку. <...> Он ушел чинить сапоги и долго один бродил по городу, терзаем сомнениями. К вечеру сделано: Бежит волна — волной волне хребет etc., т. е. нарушена связь „волна волны“, а зависимость с изменением падежа дала смысловую связь между всеми тремя волнами» (ИРЛИ). По Н.Я.Мандельштам, сюжет ст-ния был связан со слухами, ходившими по Москве после убийства Кирова, их она пересказала поэту после

своего возвращения из поездки в Москву в июне (28, с. 259). *Хладные сколцы*. Реминисценция из ст-ния Пушкина «Чернь».

235. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС. В ст-нии речь идет о «коктебельских камушках», собранных в 1933 г. и привезенных женой поэта в Воронеж в июне. О них Мандельштам писал в «Разговоре о Данте»: «Позволю себе маленькое автобиографическое признание. Черноморские камушки, выбрасываемые приливом, оказали мне немалую помощь, когда созревала концепция этого разговора. Я откровенно советовался с халцедонами, сердоликами, кристаллическими гипсами, шпатами, кварцами и т. д.» (гл. XI).

*236. СС-1. Т. 1. Печ. по ВС, с учетом поправки, внесенной Н.Я.Мандельштам позднее 30 мая в последний стих (см. ниже). Список первонач. редакции (собр. Е.Э.Мандельштама, рукой Н.Я.Мандельштам). СМ. Первонач. редакция была завершена 21 июля 1935 г. В этот день Рудаков писал жене: «Когда Осип пришел — мне поднесены варианты на 7 страничках и напечатанный на машинке окончательный текст. Стало лучше, тверже. <...> Есть, например, стих „Как венюк, шагающий в покое...“. Всего не посылаю, так как это еще не конец, и вся история текста слишком многообильна» (ИРЛИ). О продолжении работы Рудаков писал жене 2 и 6 авг. 1935 г., а 30 мая 1936 г. сообщил, что Мандельштам «исправил последний стих последней воронежской вещи» (эта поправка была внесена в ВС, см. выше). Импульсом к созданию ст-ния послужили похороны летчиков, которые поэт видел, вероятно, на киноэкране (в середине мая потерпел катастрофу самолет «Максим Горький», см. примеч. 422). Внесенное 30 мая исправление полностью изменило тональность ст-ния: «двое» в первонач. редакции (*236.1) — Ленин и Сталин.

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

*237. СС-1. Т. 1. Печ. по авторизованному списку (АМ, рукой Н.Я.Мандельштам) Та же редакция в списке Н.Я.Мандельштам (АМ), СП, АЧ. С другой редакцией ст. 3 (вероятно, автоцензурной) — в Списке Линецкой, НК и машинописи (АМ). *Ночных трудов*. Подразумевается труд поэтический.

*238. СС-1. Т. 1. Печ. по списку (АМ, рукой Н.Я.Мандельштам). Предшествующие редакции: 1) датированная 9—11 дек. — в авторизованном списке и в списке без даты (АМ, оба — рукой Н.Я.Мандельштам); СП; АЧ, все — без загл.; 2) датированная 9 дек.—6 янв. 1937 г. — в авторизованном списке (АМ, рукой Н.Я.Мандельштам); в СП, с датой /9.XII.36—7.I.37/; 3) датированная 8 дек.—9 янв. 1937 г. — в списке Н.Я.Мандельштам (АМ); 4) датированная 9 дек.—11 янв. 1937 г. — в СП и Списке Линецкой.

Печатался, по копии Рудакова с автографа (из собр. Ф.Вигдоровой), текст, соответствующий редакции 4, со следующими разночтениями: ст. 2 /С прививкою и горести и сласти./, ст. 9 /На лапы задние поднялся материк — /, ст. 12 /Явления явного в улыбку превращенье;/ и датой /8 дек. 1936—17 янв. 1937/ (Часть речи. 1982. № 2/3). Местонахождение копии в настоящий момент неизвестно; исправность даты в ней требует критической проверки. Тема «улыбки ребенка» пришла из раннего ст-ния (см. *362.2).

239. Мандельштам О. Стихотворения. М., 1992. Печатается согласно свидетельству Н.Я.Мандельштам о том, что поэт авторизовал строфу из ранней редакции ст-ния 240 в качестве самостоятельного ст-ния в Калининне или Саматихе (28, с. 267) (см. *240.1).

*240. Имена на поверке. М., 1963, под именем Вс.Багрицкого (см. опровержение Л.Багрицкой: Лит. газ. 1964. 5 мая). Москва. 1964. № 8. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). АЧ. НК. Список Линецкой. Предшествующие редакции: 1) датированная 9—13 дек. в авторизованном списке (АМ, рукой Н.Я.Мандельштам), Списке Линецкой и СП. Поправку к ней поэт сообщил письмом в журн. «Звезда» от 19 дек. 1936 г. (СП), а Н.Я.Мандельштам — в письме того же дня к Е.Я.Хазину (АМ); 2) авторизованный список (АМ, рукой Н.Я.Мандельштам), АЧ (при письме Н.Я.Мандельштам К.Чуковскому от 12 дек. 1936 г.) и в исходной записи черновика (РГАЛИ), где она переработана в основной текст (датирован 27 дек.). Из реалий ст-ния: щегла поэт подарил сыну квартирной хозяйки, Вадику. «Рядом с нами мальчишки ставили силки и вели птичий торг» (28, с. 268).

241. СС-1. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). В ст-нии сказались воспоминания поэта о Петербурге. Написав ст-ние, поэт «сказал: „Блок бы позавидовал“, вероятно, вспомнив „Когда кильватерной колонной вошли военные суда“» (28, с. 268; цитата из ст-ния Блока «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»).

242. СС-1. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). АЧ. НК. Список Линецкой. Первонач. редакция (ст. 1—7) — в списке Н.Я.Мандельштам, датированном 11 дек. 1936 г. (АМ). *Тростник*. Образ соотносится с тютчевским «мыслящим тростником» («Певучесть есть в морских волнах...»), где он означает человечество. В образах ст-ния «разыграно» и то обстоятельство, что тростник является материалом для свирелей (ср. в ст-нии 256).

*243. ВП. Альм. 2. Печ. по авторизованному списку с правкой (АМ, рукой Н.Я.Мандельштам). Список Н.Я.Мандельштам (АМ). АЧ. Список Линецкой. Предшествующие редакции: 1) датированная 13 дек. в авторизованном списке (АМ, рукой Н.Я.Мандельштам) и Списке Линецкой; 2) в

авторизованном списке (АМ, рукой Н.Я.Мандельштам) и АЧ (при письме, датированном 12 дек. 1936 г.). В ст-нии речь идет, по-видимому, о Сталине. Мотивы и темы («горы», «кости») ведут к ст-нию 428. Тема «кумира внутри горы» восходит к архаическим мифам восточного (и кавказского в частности) происхождения, которые Мандельштаму могли быть известны (30, с. 417—421). Ст. 9—11 связаны, вероятно, с образом индийского божка или Будды со скрещенными на груди руками и сидящего «по-турецки»; в то же время это — поза лежащего в материнской утробе младенца.

244. СС-1. Т. 1. Печ. по НК с исправлением пунктуации в ст. 1 по АЧ. В Списке Линецкой с разночтением (опиской?) в ст. 1 («мира» вм. «века»). Один из списков в АМ поэт превратил в автопародию, подписав его пародийным псевдонимом /Гурий Верховский/ и приписав: /Это для дурней/. Н.Я.Мандельштам прокомментировала: «О.М. не мог, не посмеявшись над собой, назвать и посох, и памятник» (28, с. 269).

245. СС-1. Т. 1. Печ. по записи Н.Я.Мандельштам в АМ (не ранее 1955 г.). Представляет собой фрагмент утраченного ст-ния, которое, по Н.Я.Мандельштам, «записывалось шифром». Смысл его неясен, но отчетлива ироническая интонация. Н.Я.Мандельштам определяла ст-ние как «памятник»: «В нем предчувствие судьбы („Уж мы сошьем тебе такое“) и изготовление памятника предоставляется „мастеру пушечного цеха“ и портному. Это пошло от фигуры на памятниках с протянутой рукой и невероятно поднявшимся вслед за рукой пиджаком. <...> Отсюда „памятников швед“...» (28, с. 272).

*246. СС-1. Т. 1. Печ. по авторизованному списку (АМ, рукой Н.Я.Мандельштам). Первонач. редакция — СП. Поправку к ней, приводящую к основному тексту, поэт сообщил в журн. «Звезда» 19 дек. 1936 г. (СП). В этом ст-нии, как и в следующем (см. примеч.), запечатлены воспоминания об отдыхе в Задонске (городок в Воронежской обл.) летом 1936 г., где *сосновая рощица* была перед домом (28, с. 272). *На арфу начал гнуть Эол*. Эол (греч. миф.) — бог ветров; здесь «разыграно» представление об золотой арфе — музыкальном инструменте, звучащем от дуновений ветра.

247. СС-1. Т. 1. Печ. по НК. АЧ. Список Линецкой. Первонач. редакция (без ст. 14—21), датированная 15 дек., — в авторизованном списке (АМ, рукой Н.Я.Мандельштам), АЧ (при письме от 16 дек. 1936 г.), СП и в письме Н.Я.Мандельштам к Е.Я.Хазину от 19 дек. 1936 г. (АМ). В ст-нии отразились впечатления от Задонска, городка в верховьях Дона (см. примеч. 246). *Жилет* — марка шведских лезвий для безопасных бритв; упоминается в «Четвертой прозе» (гл. 6). *Рюисгалевых картин*. Подразумеваются пейзажи одного из Рейсдалей, голландских художников, —

вероятно, Якоба Изакса фон Рейсдаля, самого известного из них.

*248. БП, с. 301, в качестве первонач. редакции ст-ния «Эта область в темноводье...» (*248.1). Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ); в АМ еще два списка ее рукой. АЧ, при письме от 28 дек. 1936 г. Означено в «контрольном списочке», посланном в журн. «Звезда» 13 янв. 1937 г. (см. преамбулу к «Воронежским тетрадам»). К истории текста. Работа над ст-нием началась 23—24 дек., когда была создана ранняя редакция (*248.1), в предшествующих изданиях печатавшаяся как основной текст. В АМ отразились три этапа ее становления: первонач. и промежут. редакции в списке Н.Я.Мандельштам с правкой поэта, датированном 24 дек.; завершающая редакция в списке Н.Я.Мандельштам с поправкой поэта, время создания которого — не позднее 25 дек. — без труда определяется по поправке, уже учтенной в списке ст-ния 250 с этой датой. Н.Я.Мандельштам безошибочно провела анализ тех же дат архивных источников и установила ошибку Н.Харджиева в датировке этой редакции — 29 дек. (28, с. 275—276). Ошибка эта, однако, основывалась на ее собственной описке в дате НК. 25, 26, 27 дек. эта редакция была переработана в три самостоятельные ст-ния — соответственно 250, 251 и настоящее. Неизменность этого авторского решения в дальнейшем устанавливается с несомненностью 28 дек. (АЧ) и 13 янв. 1937 г. («контрольный списочек», см. выше). Но, по-видимому, сохранялась и копировалась также и ранняя редакция, выигрышная политически (с упоминанием «Воробьевского райкома»), — ситуация, уже отмечавшаяся нами (см. примеч. 226), что и повело к тому, что текст закрепился в памяти Н.Я.Мандельштам как основной; напомним, что материалы АЧ и СП ни ей, ни И.Семенко, ни Н.Харджиёву во время их текстологических работ не были известны. В ст-нии отразились впечатления от поездки в Тамбов в дек. 1935 г., где поэт проходил курс лечения в санатории, и от командировки в совхозы Воронежского района летом 1935 г. Из Тамбова он писал жене: «Живем на высоком берегу реки Цны. Она широка или кажется широкой, как Волга. Переходит в чернильно-синие леса. Мягкость и гармония русской зимы доставляет глубокое наслаждение» (Собр. соч. Т. 3/4. С. 267). *Анна, Россось, Гремяче* — районные центры Воронежской области. *Я люблю ее рисунок... на фанере не сочтешь* (*248.1). Речь идет о фанерной карте Воронежской области с подсветкой, висевшей на стене междугородной переговорной станции в Воронеже.

249. ВП. Альм. 2. Печ. по авторизованному списку (АМ, рукой Н.Штемпель). В списке Н.Я.Мандельштам (АМ) и в НК с разночтением (опиской?) в ст. 1 — «дальнего» вм. «дальние» (см. *Свод*, с. 157). *Особняк*. Санаторий в Тамбове, где жил поэт (см. примеч. 248), размещался в бывшем купеческом особняке.

250. Печ. впервые по списку Н.Я.Мандельштам (АМ) (см. примеч. 248). АЧ. Внесено в «контрольный список» (см. преамбулу к «Воронежским тетрадам»). В недатированной записке (вторая половина февр. 1937 г.) Б.Пастернак писал: «В самых счастливых вещах (а их немало) внутренняя мелодия предельно материализована в слове и метафорике, и редкой чистоты и благородства. „Где я, что со мной дурного...“ в этом смысле головокружительно по подлинности и выраженью» (39, с. 97). *Где я? Что со мной дурного?* Реминисценция из ст-ния Гумилева «Звездный ужас»: «Где я? Что со мною?..» (57, с. 212). Это мачеха Кольцова. Понимается трудная поэтическая судьба Алексея Васильевича Кольцова (1809—1842), жившего в Воронеже.

251. СС-1. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). АЧ. Означено в «контрольном списке» (см. преамбулу к «Воронежским тетрадам»). См. примеч. 248. Из дворянского угодья. До Октября в Воронеже жило много дворян, и он считался «дворянским» городом.

*252. СС-1. Т. 1. Печ. по АЧ (приложено к письму от 28 дек. 1936 г.; см. преамбулу к «Воронежским тетрадам»). Связано, вероятно, с известиями в прессе о последних месяцах жизни Мигеля де Унамуно (1864—31 дек. 1936) — писателя и философа, который в окт. 1936 г. декретом Франко был отрешен от всех должностей за выступление, осуждавшее фашистский мятеж; был ректором университета в Саламанке (31, с. 272—273). Ранее Унамуно выступал против монархии, за что был выслан из Испании (1914), затем — с критикой буржуазной республики. В конце 1936 г. Мандельштам начал изучать испанский язык и интересовался, в частности, творчеством поэта и ученого Луиса де Леона (1527—1591), профессора университета в Саламанке, много лет просидевшего в подвалах инквизиции (31, с. 365; ср. 24, с. 202).

253. Москва. 1964. № 8. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ).

254. ВП. Альм. 2. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). СП, при письме Н.Тихонову от 31 дек. 1936 г. Мандельштам «надеялся, что Тихонов пришлет денег, получив от ссыльного и нищего товарища стихи про золото и драгоценные камни. Тихонов немедленно ответил телеграммой, что сделает для О.М. все, что сможет» (24, с. 226). Об обстоятельствах создания ст-ния писала Н.Штемпель: «иногда Осип Эмильевич грустно играл с моим котом, хотя играть с ним было мудрено. Кот был злой, дикий, и характер у него, надо сказать, был дьявольский. Он царапался, кусался, даже преследовал осмелившегося его погладить, чтобы вцепиться. Любил он, пожалуй, только меня, остальных, кто бывал у нас, кое-как терпел. Внешность его вполне соответствовала повадкам. Кот был совершенно черный, без единого пятнышка, с огромными изумрудными глазами.

Смотрел он на человека всегда пристально, и в глазах был вопрос с оттенком презрения. Мне казалось, что он все понимает, и я не удивилась бы, если бы он заговорил. Было в нем нечто зловещее, ведьмовское, таинственное. Кот очень занимал Осипа Эмильевича, и однажды, придя к нам, он прочитал стихотворение... Видя настроение Осипа Эмильевича, я не восприняла это стихотворение как шуточное, было в нем какое-то тоскливое предчувствие беды, беспокройство» (63, с. 53).

*255. СС-1. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). Точность даты подтверждается местоположением в «контрольном списочке» (см. преамбулу к «Воронежским тетрадам»); с опиской в дате (февр. вм. янв.) — во втором списке Н.Я.Мандельштам, с правкой (АМ, дата рукой поэта) и в СП, с припиской Н.Я.Мандельштам: «Это стихотворение идет шестнадцатым в списке. Остальные 15 уже отправлены на имя редакции» (подразумевается журн. «Звезда»). Обращено к Н.Я.Мандельштам; цвет ее глаз был необычного ярко-голубого оттенка. В связи со ст-нием она писала: «у нас была примета, что вещи, попадающие в стихи, должны пропасть. О.М. самым нелепым образом потерял „белоручку трость“... и щегла съела кошка, и сама потом пропала. Хорошо еще, что я не ослепла. Этого я всегда боялась...» (24, с. 193).

256. СС-1. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). Второй список с датой (АМ). НК. В Списке Линецкой датировано (ошибочно?) 2 янв. С Рафаэлева холста. Речь идет, по-видимому, о Мадонне Конестабиле, где есть «тростинки роц»; также отразилась «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи (28, с. 279), откуда, вероятно, впечатления от облаков, переданные образом: «плывет углами неба Восхитительная мощь». Ягненок гневный. Подразумевается младенец на руках у Мадонны — «агнец божий»; атрибут «гневный» прилагается в Библии к Богу-отцу.

257. СС-1. Т. 1. Печ. по авторизованному списку (АМ, рукой Н.Штемпель). Список Н.Я.Мандельштам с датой /9—10 янв. 37 г./ (АМ).

258. СС-1. Т. 1. Печ. по одной из поздних (после 1938 г.) записей Н.Я.Мандельштам (АМ). Датировано ею, по-видимому, по памяти.

*259. СС-1. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). НК. Список Линецкой, с датой. Предшествующие редакции: 1) датированная 12 янв. — в авторизованном списке (АМ, рукой Н.Штемпель) и Списке Линецкой; 2) датированная 14 янв. — в авторизованном списке (АМ, рукой Штемпель). *Дрожжи мира дородие... труды*. Речь идет о поэтическом творчестве. Звуки. В, по-видимому, известной Мандельштаму статье Л.П.Якубинского «О звуках стихотворного языка» приводился пример из варианта «Ангела» Лермонтова:

Душа находилась в твореньи земном,
Но чужд был ей мир. Об одном
Она всё мечтала. О звуках святых,
Не помня значения их.

(Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1919. [Вып. 3]). О «слезах» Мандельштам писал в тексте радиокомпозиции «Молодость Гете»: «Творческая бессонница, разбуженность отчаяния сидящего ночью в слезах на своей постели, именно так, как это изобразил Гете в „Мейстере“» (Собр. соч. Т. 3/4. С. 77). «Труды» восходят, вероятно, к творению Гесиода «Труды и дни», упомянутому в статье «А.Блок».

260. СС-1. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). НК. Список Линецкой. Писалось одновременно со ст-нием 259. «Оба стихотворения вызваны воспоминаньем о монастырской дороге, где после дождя в следы, оставленные копытами, набиралась вода» (28, с. 281). В образах сказались реминисценции из ст-ния Блока «Болотные чертенятки»: «Мы — забытые следы Чьей-то глубины...».

261. ВП. Альм. 2. Печ. по беловому автографу из альб. Н.Э.Радлова (собр. Л.Н.Радловой), с исправлением описки в ст. 5 («богатой» вм. «могучей» — что воспроизводило, вероятно, одну из ранних редакций) по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). Датируется по этому списку (автограф не датирован); список представляет собой запись строф 2, 3 (с разночтением в ст. 11: «беден» вм. «жалок») — вероятно, одну из промежут. редакций ст-ния. Образы ст-ния отразились в письме к Ю.Тынянову от 21 янв. 1937 г. См. примеч. 172. *Нищенка-погрута*. Речь идет о жене поэта. *Спокоен и утешен*. По наблюдению Ю.Фрейдина, явилось реминисценцией слов, сказанных Митей Каразамовым в тюрьме (21, с. 22).

262. ВРСХД. 1962. № 64. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). НК. Список Линецкой. *Десятизначные леса — почти что те*. Подразумеваются леса вокруг Камы — места, о которых поэт вспомнил в ст-нии 263.

263. ВП. Альм. 2. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). Список Линецкой.

264. ВП. Альм. 2. Печ. по НК. Список Линецкой. Н.Я.Мандельштам приводила по памяти редакцию заключительного стиха «Народов будущих Иуда?», считая текст НК цензурным вариантом (28, с. 282); И.Семенко выражала сомнение в достоверности этого сообщения (*Свог*, с. 162). Возможно, то была ранняя редакция; в основном тексте речь идет о пространствах, создаваемых творческим воображением. Образ явился реминисценцией из программного ст-ния Д.Мережковского «Дети ночи»:

Устремляя наши очи
На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш пророк.

И, с надеждою в сердцах,
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.
Мы неведомое чуем.

265. СС-1. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ), без даты. Датируется на основании ее сообщения о том, что ст-ние выделилось из ст-ния 264, «в его вариантах было и серебро, и плут» (28, с. 283).

266. Москва. 1964. № 8. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). Список Линецкой. Местонахождение авторизованного списка первонач. редакции (БП, с. 302) в настоящее время неизвестно.

267. ВП. Альм. 2. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). НК.

*268. Струве-1962. Печ. по авторизованному списку (РГАЛИ, рукой Н.Я.Мандельштам), с пометой поэта /Это окончательный текст/. Список ранней редакции (АМ, рукой Н.Я.Мандельштам), датированный 21 янв. В ст. 10—14 поэт говорит, по-видимому, о Петербурге. Алигьери — Данте Алигьери.

269. ВП. Альм. 2. Печ. по НК. Список Линецкой, с датой. Н.Штемпель писала: «В этом стихотворении я узнавала внешние приметы моего города. Мандельштамы иногда шли к нам не по проспекту Революции, а низом, по Поднабережной, и там, на стыке нескольких улиц — Мясной горы, Дубницкой и Семинарской горы, — действительно стояла водокачка... был и деревянный короб для стока воды, и все равно люди расплескивали ее, кругом все обледенело... Все это правда. Да, да, и „переулков лающих чулки, и улиц перекошенных чулань" — Суконовки (Левая и Правая, узкие, кривые), Венецкая, Мало-Чернавская... как много их в этом узле. Запутаетесь, закружат... Как не замечала раньше!» (63, с. 55).

270. ВРСХД. 1962. № 64. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). «Мы жили на горе, откуда шел крутой спуск к реке. Следы этого пейзажа во многих стихах этой зимы. По этому крутому спуску мальчишки, среди них птицелов Вадик, сын нашей хозяйки, съезжали на саночках к реке. О.М. постоянно гулял на площадке против нашего домика и глядел на мальчишек. <...> По этому стихотворению, говорил О.М., нетрудно будет догадаться, что у него на морозе одышка: „Я — это я, явь — это-явь..."» (28, с. 285).

271. ВП. Альм. 2. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (РГАЛИ). Во втором ее списке (АМ) — невыправленные описки в ст. 2 («площадах» вм. «пристанях») и ст. 27 («кленом» вм. «кедром»), а в ст. 3 «века» исправлено из «веко». С последней поправкой И.Семенко предлагала не считаться (Свод, с. 170), однако в этом стихе подразумевается портрет Сталина, и чтение «веко» могло возникнуть лишь в результате самопародирования (см. преамбулу к «Воронежским тетрадам»). В ст-нии отразились впечатления от поездки по Каме в чердынскую ссылку в 1934 г.

272. ВП. Альм. 2. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). НК. Писалось одновременно со ст-нием 429 и связано с ним рядом мотивов и образов, Прометея и Эскила в частности. Образ Сталина «разыгран» в ст. 9 (ср. «веху» и в ст-нии 271) и дан сравнением с Прометеем. К этому образу, вопреки мнению Н.Я.Мандельштам (28, с. 286), относятся и «наступающие губы» (чем переносятся некоторые признаки авторского «я»: 30, с. 422). Названные в ст. 8 профессии Эскила (автора «Прометея прикованного») и Софокла, по наблюдению Ю.Фрейдина, являются типично лагерными. *Тому не быть — трагедий не вернуть*. Здесь отзвук давнего спора. Вяч.Иванов, предвещая «новую органическую эпоху» в истории России, задачу искусства видел в возрождении хорового действия, трагедии (12, с. 189—219); Мандельштам, коснувшись творчества И.Анненского, писал о «невозможности трагедии в современном русском искусстве» из-за «отсутствия синтетического народного сознания, непрерываемого и абсолютного, — необходимой предпосылки трагедий...» («Письмо о русской поэзии», 1922). *Воздушно-каменный театр... не шумишь*. Ср. в радиоконпозиции «Молодость Гете»: «на амфитеатр надо смотреть не тогда, когда он пуст, а когда он наполнен людьми. Увидев себя собранным, народ должен изумиться самому себе — многогласный, многоразумный, волнующийся, — он вдруг видит себя соединенным в одно благородное целое, слитым в одну массу, как бы в одно тело. <...> Ветер, веющий с могил древних, проносясь над холмами, покрытыми розами, проникается их благоуханием» (см. 13, с. 68).

273. СС-1. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). «Картина Рембрандта находилась в Воронеже... О.М. часто ходил ее смотреть» (28, с. 286); Н.Я.Мандельштам пишет здесь о картине «Шествие на Голгофу» Я.В. де Вета-старшего, тогда атрибутировавшуюся Рембрандту.

274. ВП. Альм. 2. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). Ст-ние вызвано «тоской по Крыму» (28, с. 287).

*275. ВП. Альм. 2. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). НК. Беловой автограф ранней редакции (РГАЛИ). Ст-ние вызвано воспоминаниями о поездках в Абхазию. *Голова глуха*. Этот образ восходит к «Путешествию в Армению», где отмечен корень «глух» в слове «голова» на армянском языке

(гл. «Ашот Ованесян»). *Песнь одноглазая... Одноголосый гар.* Речь идет о традиции одноголосого пения на Кавказе.

276. ВП. Альм. 2. Печ. по НК. АЧ. 6 янв. 1939 г., еще не зная о смерти мужа, Н.Я.Мандельштам писала Б.Кузину: «Я рада, что вы полюбили „Ось“. Ося тоже считает их своими лучшими стихами. Мы много смеялись в свое время, играя словами „Осип“, „Оса“» (РНБ). В русской поэтической традиции тему «земной оси» начал Брюсов, озаглавивший так книгу прозы (М., 1907).

277. СС-1. Т. 1. Печ. по НК. АЧ. *Зегзица* — кукушка. *Одинокое множество звезд.* Образ связан со «Спорадами» Вяч.Иванова: «Вид звездного неба пробуждает в нас чувствования, несравнимые ни с какими другими впечатлениями внешнего мира на душу. <...> Никогда живее не ощущает человек всего вместе как множественного единства и как разъединенного множества; никогда не сознает себя ярче и вместе глуше, сиротливее...» (12, с. 366—367).

278. СС-1. Т. 1. Печ. по НК. Связано с воспоминаниями о Тбилиси, где Мандельштам бывал несколько раз. *Моих подметок стертая величье.* Этот образ развернут в «Разговоре о Данте»: «Мне не на шутку приходит в голову вопрос, сколько подметок, сколько воловьих подошв, сколько сандалий износил Алигьери за время своей поэтической работы, путешествуя по козьим тропам Италии» (гл. II). *Давид-гора* (Мтацминда) доминирует над Тбилиси; на ней расположен монастырь Св.Давида.

*279. СС-1. Т. 1. Печ. по НК, с поправкой в дате по черновому автографу (см. ниже; в НК датировано 9—11 февр.). Список Н.Я. Мандельштам (без даты) и машинопись (АМ); в машинописи текст зачеркнут. Выделилось из черновика, где исходный текст представляет собой ст-ние, датированное 18 янв.—3 февр. 1937 г. (*279.1), две строфы которого вошли в ст-ние 428 (не исключено, что это его ранняя редакция). Черновой автограф завершеного текста первонач. редакции, датированный 3 февр. (оба в АМ). Ст-ние было включено в «книгу» и читалось Б.Пастернаку во второй половине февр. 1937 г. (см. преамбулу к «Воронежским тетрадам»). Как справедливо отметила Н.Я.Мандельштам, в этом ст-нии — «победа настроений „Оды“ и того болезненного возбуждения, которое она вызвала» (28, с. 288). *Черепях маневры.* Этот образ вызван воспоминаниями о парадах в Москве (ср. также финальную строфу ст-ния 280), в которых участвовала военная техника на гусеничном ходу (танки?).

280. ВП. Альм. 2. Печ. по НК, с конъектурой, предложенной Ю.Фрейдиным, в ст. 12 — «Всей этой» вм. «Этой», как было в сохранившихся источниках текста (НК, список Н.Я.Мандельштам в АМ, Список Линецкой); в тексте источников — «столкновение» двух «сильных» ударений, что в стихе невозможно. Необходимость конъектуры определена

И.Семенко, которая предлагала в этом месте ввести «Той» вм. «Этой» по неизвестному нам источнику (*Свог*, с. 170). О *Фаворском* см. примеч. 214; его гравюрами (какими — не установлено) вызван сюжет ст-ния.

281. ВП. Альм. 2. Печ. по Списку Линецкой. В НК и двух списках Н.Я.Мандельштам (АМ) — с мелкими различиями и опиской («роды» вм. «рода»). Н.Я.Мандельштам предлагала поправку «Всех наших» вм. «Богатых», которая представляется нам недостаточно мотивированной, и приводила (по памяти) раннюю редакцию тех же слов — «Всех белых». Сюжет ст-ния вызван пением Марион Андерсен, выдающейся исполнительницы спиричуэлс (негритянских духовных гимнов), концерт которой поэт слышал в трансляции по радио (28, с. 289). *Я в львиный ров... погружен*. Реминисценция из одного из спиричуэлс, на текст библейской книги пророка Даниила (гл. 6). *Таптянок кроткие корзинки*. Образ навеян, вероятно, полотнами Гогена, писавшимися на Таити.

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ

*282. СС-1. Т. 1. Печ. по «альбому № 2» (см. ниже). История и обоснование выбора текста. Редакции, представленные в прижизненных (до ареста 1938 г.) источниках: 1) список Н.Я.Мандельштам¹ (РГАЛИ) — его первонач. текст, без загл., датирован 1 марта 1937 г.² 2) тот же список, его завершающая редакция (после авторской правки), без загл., с посвящением /М.Ломоносову/; 3) белой автограф (АМ), без загл., датирован 3 марта 1937 г.; 4) НК, без загл., с датой /2—7 марта 37/³ 5) списки: в СМ и АМ (оба — без загл.), РГАЛИ (фонд журн. «Знамя», под загл. /Неизвестный солдат/); все три датированы 2—10 марта 1937 г.; 6) список, датированный 2 марта — 5 апр. 1937 г., с пометой /«Солдат» № 3/ (ИРЛИ, фонд С.Рудакова), с последующей (незавершенной) авторской правкой; на поле — черновик ст. 48—57. Еще две редакции (датируются нами концом апр. — началом мая 1937 г.) сохранились в схематических планах (АМ). Первый план (список):

I. 3 строфы — сеятель, свидетель (ст. 1—12⁴).

II. Будут люди — ласточка (ст. 13—20 или 13—24).

<II^a> Миллионы убитых (ст. 36—39).

¹Все указанные ниже списки также сделаны ее рукой.

²Эту дату поэт в дальнейшем не учитывал; согласно его воле, под основным текстом начальной датой ставим 2 марта.

³Если доверять публ. С.Поляковой, ст-ние было приложено к письму Н.Тихонову от 6 марта 1937 г. (Часть речи. 1982. № 2/3) — вероятно, в редакции, близкой к НК.

⁴В круглых скобках нами даны эквиваленты основного текста и редакций.

III. Неподж<упное> небо — могила (ст. 40—47).

IV. Виноградины — арав<ийское> месиво — эфир дес<ятичноозначенный> — до «светло» (ст. 25—31; 32—35; ст. 20—31 редакции 5).

Переход: И не знаешь откуда берешь (соответствует ст. 12 редакции 2) — пропадая задешево (аналогий в сохранившихся редакциях нет).

V. Череп (ст. 58—69).

VI. Хорошо умирает пехота (ст. 48—57).

Второй план (автограф): 1. Сеять; 2. Ласточка; 3. Целокупное небо; 4*. Череп; 4. Свет (Вин<оградное> крошево); 5. Пехота. Дальнейший ход работы (она продолжалась, согласно воспоминаниям Н.Я.Мандельштам и Н.Штемпель, еще в течение года, вплоть до ареста) ныне неизвестен — рукописи были изъяты и, по-видимому, не сохранились. Вышеприведенные редакции еще далеко отстоят от двух вариантов последнего прижизненного текста (о них речь пойдет ниже); текст ст. 5—12 и 17—24 вообще не зафиксирован (он лишь отмечен в планах); последние редакции завершают ст. 48—57, а будущая финальная строфа еще имеет другую редакцию (*282.5) и в более поздних планах не предусмотрена.¹ Отметим существенную деталь — в планах имеется членение текста, аналогичное последующим «главкам». Следующие по времени архивные источники — записи, делавшиеся Н.Я.Мандельштам после ареста поэта в мае 1938 г. и до начала войны. Они представлены в «альбомах»² и в СМ (второй, недатированный, список). «Альбомы» содержат редакцию из 98 строк, СМ — из 90 строк (без ст. 36—39 и 82—85). При некоторых отличиях их следует охарактеризовать как имеющие высокий уровень идентичности: полностью совпадают последовательность и структура строф (членения на главки в них нет), отсутствует главка из 12 строк, соответствующих ст. 20—31 редакции 5 (от «Сквозь эфир, десятично-означенный» до «От меня будет свету светло»)³. Следующий этап изменения текста — в списках, создававшихся в Ташкенте, где Н.Я.Мандельштам жила во время войны. В них текст строфия расширен, за счет упомянутой главки, до 110 строк. Этот текст и стал известен

¹По свидетельству Э.Герштейн, эта строфа уже стояла в финале записанного ею во второй половине мая и авторизованного текста, позднее утраченного (6, с. 103).

²Так называла вдова поэта в домашнем обиходе своды стихов 1930-х гг., дававшиеся ею знакомым «на сохранение», а после войны возвращенные ей (ныне в АМ). Все они делались по памяти, их отличительная особенность — отсутствие дат под стихами (в послевоенные годы в них вносились многочисленные поправки, а также и даты).

³К сожалению, точнее, чем 1938—1940 гг., их ныне датировать не удастся; нет также возможности установить их взаимную последовательность.

читателю по печатным изданиям.¹ Для того чтобы обосновать наш выбор текста, вернемся ко времени последнего этапа работы поэта над стихом. Н.Я.Мандельштам писала: «он решил выбросить „математические строфы“ (3-й раздел) и до конца не решил, возьмет ли он их в окончательный текст... Но в то же время он сам удивлялся этой „вести“... от которой „будет свету светло“... Он говорил: „Тут какая-то чертовщина“ и „Что-то я перегнул...“. Он решил отправить эти строфы „к пророку“, то есть выкинуть, как он почти сразу выбросил строчку „Это зренья пророка смертей“. <...> После этого стихотворение стало в своем теперешнем виде, но без третьего раздела. У меня было два чистовых списка — совершенно одинаковых, кроме третьего раздела (один с ним, другой без него). Эти два списка мы взяли с собой в Саматиху вместе с кучкой черновиков к „Солдату“, чтобы О.М. окончательно решил судьбу третьего раздела. Он все же склонялся к варианту без него. Кроме того, ему не нравилось, что в стихах — восемь разделов. Он предпочитал, чтобы их было семь (это его отношение к числам). Вопрос о третьем разделе остался нерешенным. Материалы отобраны при аресте» (28, с. 299—300). И.Семенко в своей работе о творческой истории стиха пришла к следующим выводам: «Изучение автографов и наиболее авторитетных записей вынуждает относить остальную часть 110-строчного свода к заведомым вариантам. Итак, наиболее вероятный объем, каким он на последнем этапе работы представлялся поэту, — 98² строк» (47, с. 103). Эти выводы согласуются с приведенным свидетельством Н.Я.Мандельштам и сохраняют свою убедительность доныне. В настоящем издании текст печата-

¹Указанная главка помещена в нем после главки 2, соответственно менялись номера последующих главок. В приводимых ниже воспоминаниях Н.Я.Мандельштам называет ее «математическими строфами» и «третьим разделом».

²Здесь мы исправляем опечатку книги: в тексте — 97, редакции с таким количеством строк нет. Семенко, вероятно, не имела возможности держать корректуру книги, и в ней содержится некоторое количество неисправностей. Одна из них: редакция, помещенная в книге «Воронежские тетради» (1980), отнесена к 98-строчной (на деле — 110-строчная); это обстоятельство, хотя и нарушает последовательность аргументации, на выводах не сказывается. Здесь же следует упомянуть о том, что редакция, напечатанная публикатором ее свода (110-строчная), не согласуется с текстологическими выводами книги: она, как и в некоторых других стихах свода, не была завершена подготовкой. Считаю также необходимым сообщить, что нам не удалось идентифицировать в АМ ту прижизненную 110-строчную запись, о которой Семенко писала: «Но это — не окончательная редакция; это — запись всего наличного текста с целью ничего не утратить и не забыть» (47, с. 102).

ется по «альбому» № 2 со следующими исправлениями¹ по прижизненным источникам: «Самым огненным» (ст. 79) на «Полуобморочным»; «Для того ль» (ст. 82) на «Для чего ж» и «Чтобы» (ст. 84) на «Если»; «Слышишь» (ст. 86) на «Чуешь»; «Наливаются» (ст. 88) на «Напрягаются» — все исправления по редакции 6. Сохраняются — как, вероятно, выработанные поэтом на последнем этапе — следующие редакции: «горбатого» в ст. 23 (в «альбоме» начато «сут<улого>»), но это написание оставлено; «луч» (вм. раннего «свет») в ст. 35; «придымленный» (вм. раннего «приниженный») в ст. 47.

Тема «Неизвестного солдата» восходит ко времени окончания первой мировой войны (один из главных театров ее — Верден — упомянут в редакции 2), когда на площадях в Риме и Париже были основаны мемориальные захоронения «Неизвестный солдат». В то время Мандельштам перевел одноименное ст-ние М.Бартеля. Тема возобновляется в предчувствии второй мировой войны; назовем ст-ние А.Штейнберга «Могила Неизвестного солдата» (Молодая гвардия. 1933. № 8) и одноименное произведение Г.Монина (1934 или 1935 года), хранящееся в одной архивной папке журн. «Знамя» с «Неизвестным солдатом» Мандельштама (РГАЛИ). Предвестием второй мировой войны была гражданская война в Испании, события которой «волновали» поэта (63, с. 47). По другую сторону, в СССР, нарастала новая волна репрессий: за день до начала работы над ст-нием, 27 февр., при невиданных обстоятельствах — на заседании пленума ЦК КПСС, был арестован покровитель Мандельштама, Бухарин. Отголоски этих событий проходят в главных темах ст-ния. Сама тема «Неизвестного солдата» непосредственно дана лишь в названии, в ст-нии ее лейтмотивом звучит безымянность, массовость, общность судеб, в какой-то степени независимая от той или иной социальной ситуации, — роковая.

В мотивах ст-ния сильнее всего ощутимо влияние «Демона» в преломлении судьбы самого Лермонтова; звездная символика Фета; отголоски физических теорий, связанных со строением космоса, — в нем и разворачивается действие. Существенное влияние, как выяснил О.Ронен, оказала популярная в начале века «астрономическая фантазия» К.Фламмарiona «По волнам бесконечности». В ней используется идея о том, что свет в космосе, в своих удаляющихся лучах, хранит зрительную информацию о всех происшедших в истории событиях. Поэтому принципиально возможно — в провиденциальном плане — воздаяние и за добрые, и за злые дела. Дух Люмен у Фламмарiona, летящий от Земли со скоростью, превышающей скорость света, видит (что закономерно — в обратном порядке) и наполеоновские

¹Вопрос об описках в «альбомах» был поставлен в уже цитированной работе Семенко, ее данные мы также используем. Прибавим к ним следующее: в «отброшенной» главке правильное чтение — «нолей» (не «нулей»).

войны — Ватерлоо, Лейпцигское сражение (Битву Народов), Аустерлиц, Египетский поход, которые отразились как в «отброшенной» главе (главным образом), так и в основном тексте (43, с. 429—431). Близкие темы, иногда с религиозным осмыслением, разрабатывались в одновременно писавшихся ст-ниях (286—290). Посвящение Ломоносову в редакции 2 было вызвано, вероятно, его «Вечерним размышлением о Божием Величестве...» (43, с. 429).

Этот воздух пусть будет свидетелем. Перифраз старинной клятвы «Бог свидетель»; ближе в «Современной оде» Некрасова: «И — беру небеса во свидетели...» (наблюдение Г. Левинтона). *Океан без окна.* См. примеч. 16. *Шевелящимися виноградинами.* Здесь с аллюзией на басню Крылова «Лисица в винограднике» (см. также примеч. 125 и 168). *Городами украденными.* Среди них, по-видимому, подразумевается Петербург: отдаленные мотивные переключки — в одноименном переводе из М. Бартеля («Петербург»). *Аравийское месиво, крошево.* Отзвук сражений Наполеона в Египте, восходящий, как и мотивы ст. 32—37, к книге Фламариона (см. выше). *Гений могил.* В этом контексте «гений» и «демон» — синонимы. *Хор ночной.* См. примеч. 112. *Наг улыбкой приплюснутой Швейка.* Здесь необходимо напомнить, что он был «героем-дезертиром» (Шкловский В. О законах победы // Ленинград. 1931. № 4). *Череп развиться.* Тема разрабатывалась в черновиках ст-ния 211 (см. примеч.). *Челчик счастья — Шекспира отец.* Этот и предшествующие стихи связаны со сценой на кладбище в «Гамлете» (19, с. 201). *Чуть-чуть красная мчится в свой дом.* Здесь сказались представления поэта об «эффekte Доплера» — смещении спектра в сторону «красного», которое происходит при взаимном движении объектов с космическими скоростями; подразумевается, должно быть, некоторое «искажение» или «непорядок» (19, с. 202). *Тара обаянья.* Здесь так назван череп (19, с. 203). *Истертый Год рожденья.* Речь идет о паспорте ссыльного, с которым нужно было систематически являться «для отметки» в милицию (24, с. 113). *Глубоко в черномраморной устрице Аустерлица забыт огонек* (*282.3). Подразумевается, вероятно, всего, гробница Наполеона в Доме инвалидов; по другой интерпретации — «космическая раковина звездной ночи» (43, с. 435).

283. ВП. Альм. 2. Печ. по списку Н.Я. Мандельштам (АМ). По сведениям, приведенным в альм. «Часть речи» (1982. № 2/3. С. 11), вместе со ст-ниями 282, 284, 429 было приложено к письму Н. Тихонову от 6 марта 1937 г. *Где бурлила, королей смывая... кривая.* Речь идет об июльской революции 1830 г. *На шарнирах он куражится с цветочницей.* Здесь говорится об эпизоде из фильма «Огни большого города»; Н. Штемпель вспоминала, что на этом фильме они были вместе с поэтом (63, с. 43). *С розой на груди... шаль.* Подразумевается фасад Нотр-Дам; «роза» — окно фасада; «паутины шаль» — архитектурный декор храма (см. уподобление собора пауку в ст-нии 54).

284. ВП. Альм. 2. Печ. по автографу (АМ); на верхнем поле автографа помета /Реймс — Лаон/. Было написано после просмотра одного из «архитектурных» альб., подаренных поэту (63, с. 31). О Реймском соборе было сложено ранее ст-ние 392. Собор в Лаоне (Лане), в смешанном (готическом и романском) стиле, создавался в XI—XII вв.

285. СС-1. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ, с поправкой). Список Линецкой. В НК с чтением «голландского» (ст. 10) вм. «фламандского». Н.Штемпель вспоминала: «Как-то ранней весной... когда везде еще лежал снег (в том году его было очень много), Осип Эмильевич зашел к нам, и мы пошли гулять. Были уже сумерки. Мы дошли до конца улицы Каляева, на которой я жила, и остановились на крутой горе; улица спускалась вниз, на Степана Разина, а напротив поднималась тоже крутая и высокая гора, так начиналась Логовая. В синих сумерках на горе и внизу загорались огоньки окон. <...> Так запечатлел Осип Эмильевич кусочек моего города в стихотворении, которое он прочитал на следующий день» (63, с. 37).

286. ВП. Альм. 2. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ).

287. ВРСХД. 1964. № 72/73. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). СМ. Сюжет ст-ния связан с евангельским событием — «Тайной вечерей», импульсом послужила, вероятно, репродукция одной из фресок на этот сюжет. *Звезды без глав*. Образ вызван ст-нием Тютчева «Летний вечер»:

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

*288. СС-1. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (СМ), время создания которого, предположительно, между летом 1937 г. и 1939 г.; он представляет собой одну из наиболее ранних из известных нам записей окончат. текста. В ст. 11 списка в момент записи внесено исправление: «расколите» вм. «разорвите». Датируется соответственно первой части даты ст-ния 289: представляло собой, по-видимому, первонач. его редакцию. Н.Я.Мандельштам писала о желании поэта печатать это ст-ние, наряду со ст-нием 289, в «основном корпусе». Черновой автограф (АМ). *Дантовых девять Атлетических дисков*. Подразумевается девять «небес» «Рая» «Божественной комедии» Данте. *Флорентийская... тоска*. Данте тосковал по родному городу, Флоренции, из которой он был изгнан.

289. ВП. Альм. 2. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). Датируется по СМ (в остальных источниках текста датировано 19 марта). АЧ. Список Линецкой. И.Семенко предлагала, с согласия Н.Я.Мандельштам, конъектуру «вышний» вм. «высший» в ст. 14, однако правомерность этой

конъектуры нуждается в дополнительном обосновании, в частности, с точки зрения возможной связи с образами «Божественной комедии» Данте. См. примеч. 288.

290. ВП. Альм. 2. Печ. по СМ. Список Линецкой. В датированном списке Н.Я.Мандельштам (АМ) — с вырезанным ст. 12, что, вероятно, отразило намерение поэта переработать или исключить этот стих.

291. ВП. Альм. 2. Печ. по Списку Линецкой. Точность даты подтверждается черновиком списка стихов за март 1937 г. (АМ), где ст-ние помещено между ст-ниями 287 и 289. В недатированной прижизненной машинописи (АМ) с разночтениями в ст. 3 («соглашался» вм. «согласился», как и в позднейших записях Н.Я.Мандельштам) и в ст. 7 («плыть» вм. «в путь»). Местонахождение авторизованного списка (БП, с. 302) неизвестно; приводимый в БП текст следует записи Н.Я.Мандельштам 1950-х гг. в НК, где датирована 18 янв. Строфа 1 сложилась, вероятно, во время работы над ст-ниями 261, 262, 264, с первыми строфами которых она связана образностью и одной из рифм. *Тоскана* — область в Италии; ее центр, Флоренция, — родина Данте.

*292. ВП. Альм. 2. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). СМ. Список Линецкой. Машинопись (АМ). Н.Я.Мандельштам сообщала: «О.М. говорил, что это стихотворение пошло по ложному и простейшему пути, — его удовлетворял в нем только первые четырнадцать строчек» (28, с. 291). *Мост... Ангела*. Этот мост через Тибр ведет к замку Св. Ангела, в средние века превращенного в политическую тюрьму; в те времена одно упоминание о нем приводило римлян в ужас. *Ночь* (на крышке саркофага Джулиано Медичи), *Давид*, *Моисей* — скульптурные изваяния Микеланджело. *Ямы Форума заново вырыты*. Во время диктатуры Муссолини, ориентировавшегося в политической теории на эпоху цезарей, были начаты раскопки на римском Форуме.

293. СС-2. Т. 1. Печ. по автографу (РГАЛИ). Редакция из строф 3, 5 (первая публ.: Мосты. 1963. № 10) записывалась Н.Я.Мандельштам по памяти после смерти поэта и, вероятнее, не является авторским замыслом (см. также *Свод*, с. 179). В черновике списка ст-ний за март 1937 г. значителен как /Рельеф из Саккара/ (установлено А.Морозовым). Саккара — главный некрополь Древнего царства в Египте (вблизи Фив). *Цаплицы*, вместе с похожими на них в стилизованных изображениях ибисами и журавлями, часто встречаются на рельефах и в росписях египетских гробниц. *Бутылок в бутылках*. Речь идет, по-видимому, о «короне Осириса» — атрибуте царской власти; близко напоминает бутылку, стоящую в сосуде. С этой короной изображен ибис Гелиополя в росписи гробницы Анхирка (Инхерка) близ Фив. *Египтян государственный стыд*. В статье «Гуманизм и современность» (1923) Мандельштам писал, применительно

к древнему Востоку: «Если подлинно гуманистическое оправдание не ляжет в основу грядущей социальной архитектуры, она раздавит человека, как Ассирия и Вавилон». *Любимец мой кровный*. Речь идет о названном ниже Франсуа Вийоне, статья о котором была написана Мандельштамом еще в молодости. *Беззаботного праха истец*. Речь идет о частом мотиве стихов Вийона — казни на виселице, в предвидении которой писались и его «Завещания». *Размотавший на два завещанья... имуществ клубок*. Подразумеваются «Большое завещание» и «Малое завещание» Вийона. *Ангел воруящий*. Отправным для этого образа послужил, вероятно, стих Вийона «я Не ангел, но и не злодей» («Большое завещание», 1).

294. СС-1. Т. 1. Печ. по машинописи (прижизненной?) с правкой Н.Я.Мандельштам (источник, считающийся наиболее ранней фиксацией текста). Текст (после правки) совпадает с ее записями, сделанными в первые годы после смерти поэта (все — в АМ). В машинописи до правки: «громкую» вм. «звонкую»; «дельфиний» вм. «подземных» (ст. 3), «их подземный» вм. «могучих» (ст. 4); «страсть» вм. «глаз» (ст. 8). Н.Я.Мандельштам писала: «В последний наш приезд в Ленинград я нечаянно отдала единственный список этих стихов Рудакову. Хватила в Саматихе. Мы пробовали вспомнить, но вспомнили неточно (в том виде, как оно сейчас записано). О.М. ленился вспомнить поточнее, потому что верил, что Рудаков сохранит. Я знаю, что здесь не хватает двух строф, а кроме того, оно не совсем такое, как было... Первую и четвертую строфу вспомнила я, остальные — О.М.» (28, с. 305). Датируется по местоположению в черновике списка стихов за март 1937 г. (АМ). Как и в ст-нии 295, образы навеяны сюжетами античной расписной керамики, предметы которой были и в коллекциях Воронежского музея. *Гончарами велик.. Криш зеленый*. Подразумевается культура крито-микенского периода, одна из древнейших в Средиземноморье; ср. о ней в строках из несохранившегося ст-ния: «Но уже раскачали ворота Молодые микенские львы». Глаз («магический глаз»), как и «летучие рыбы» (ст. 19), — мотивы росписи античных ваз. *Это было и пельсь, синяя, Много задолго до Одиссея*. Реминисценция из ст-ния Хлебникова «Сыновеет ночей синева...»: «Это было, когда рыбаки Запевали слова Одиссея...» (наблюдение Г.Левинтона и Р.Тименчика).

295. СС-1. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). Список Линецкой. Ст-ние навеяно сюжетами росписи античных ваз (см. примеч. 294). *Мудрый сводник вина и воды*. В Древней Греции на пиршествах было принято вино разбавлять водой, для этого существовал специальный сосуд — кратер.

*296. ВП. Альм. 2. Печ. по БП, где приведено по авторизованному списку (ныне местонахождение неизвестно); тот же текст в СМ и довоенных (после 1938 г.) записях

Н.Я.Мандельштам (АМ). Другие редакции: А — в Списке Линецкой (датирована 23 марта), недатированной машинописи (АМ) и во втором авторизованном списке (БП, с. 304), местонахождение которого неизвестно; Б — в авторизованном списке (БП, с. 304), местонахождение неизвестно. По Н.Я.Мандельштам, существовала четырехстрочная редакция, текст которой был отдан Рудакову (28, с. 303), однако существование этой редакции, записанной ею лишь во второй половине 1950-х гг., вызывает сомнения (в отличие от основного текста, после строфы 2 следует заключительная строфа редакции А). В письме от 7 мая 1937 г. поэт писал жене об этом ст-нии: «А твоя звездочка — чу-чу — очень как хороша. Все больше» (Собр. соч. Т. 3/4. С. 291, цитата исправлена по автографу). «Звездочка» — «домашнее» название ст-ния (см. строфу 2, обращенную к Н.Я.Мандельштам). В ст-нии сказались реминисценции из Фета, в том числе из ст-ния «Вчера я шел по зале освещенной...»:

И я шепчу безумные желанья
И лепечу безумные слова.

297. СС-1. Т. 1. Печ. по Своду. Текст установлен И.Семенко на основании анализа записей Н.Я.Мандельштам, сделанных после смерти поэта; в одной из них (АМ) — с разночтением: «вековечной» вм. «средиземной». По свидетельству Н.Я.Мандельштам, выделилось из 12-строчного ст-ния (28, с. 305). Мотивы ст-ния навеяны, должно быть, сюжетами росписи античных ваз (см. примеч. 294). *Нереиды* (греч. миф.) — дочери морского бога Нерея.

298. ВП. Альм. 2. Печ. по Списку Линецкой. В двух других прижизненных источниках — СМ и списке Н.Я.Мандельштам (АМ) — с опиской: «мята» вм. «тэта» в ст. 1 (эта описка восходит к ранней редакции, первый стих которой — /Речи греческой мята и нота/ — известен по черновику списка ст-ний за март—апр. 1937 г. (АМ); см. также *Свог*, с. 183), и следующими разночтениями: «размять» (ст. 8) вм. «разнять»; «честолюбивым» (ст. 13) вм. «честолюбивых»; «Вспоминающих топотом» (список в АМ) и «Понимающих топотом» (СМ) в ст. 14 вм. «Вспоминающих шепотом»; «Равноденствие» (ст. 24) вм. «Равнодействие». Ст-ние связано с арестом знакомого Мандельштама, флейтиста Воронежского симфонического оркестра Карла Карловича Шваба (24, с. 174). Арестован он был по «политическому» делу 28 или 29 дек. 1936 г. и кончил жизнь, по роковому стечению обстоятельств, почти в одно время с поэтом (январь 1939 г.) в соседнем бараке пересыльного лагеря на «Второй речке» (Акиньшин А., Ласунский О. Музы ГУЛАГа // Утро. Воронеж, 1992. 9, 14 апр.). *Флейты... тэта и йота*. Речь идет о двух буквах древнегреческого алфавита из слова «флейта». *Комья глины в лагонях моря*. Эта ассоциация могла быть вызвана тем, что глина была материалом и для античной керамики, и для одного из видов флейт.

299. СС-1. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). Список Линецкой. Н.Харджиев ссылается на сообщение Н.Я.Мандельштам о том, что сказавшиеся в ст-нии воспоминания об оставлении Красной Армией Киева в авг. 1919 г. пробудил сборник стихов Н.Ушакова «Киев» (1936) (БП, с. 304). *Вий* — фантастический персонаж из одноименной повести Гоголя. *Ищет мужа не знаю чья жинка*. После ухода Красной Армии женщины разыскивали пропавших без вести заложников. *Купеческий* — название сада в Киеве (позднее — Пионерский парк), близ Липок. *Пахнут смертью господские Липки*. Липки — местность в районе Печерска, где жило купечество и знать. Здесь некоторые помещения были заняты ЧК, и после ухода Красной Армии там были открыты захоронения расстрелянных заложников (см. также 25, с. 24.).

300. ВРСХД. 1962. № 64. Печ. по беловому автографу (АМ). Второй беловой автограф (АМ) с мелким разночтением и опиской в ст. 10 («цепляются» вм. «сцепляются»). Написано, по свидетельству Н.Штемпель, после прогулки в Ботаническом саду (63, с. 40).

***301.** СС-1. Т. 1. Печ. по беловому автографу (АМ). Черновой автограф и два списка Н.Штемпель (АМ). Вызвано известием о предстоящем замужестве Н.Штемпель: «Я сказала Осипу Эмильевичу, что выхожу замуж. На другой день Осип Эмильевич прочитал мне стихотворение „Наташа“, свадебное стихотворение. Собственно говоря, оно не имело названия. Мы его назвали „Наташа“ условно... Был и первый вариант, который мне нравился больше, но Осип Эмильевич изменил его, „потому что он автобиографичен“. Так он сказал мне. К сожалению, я его совсем не помню» (63, с. 59). В письме к жене от 2 мая 1937 г. Мандельштам писал о ст-нии: «Для общезначимости пришлось приписать Наташе старшего брата и сестру и постулировать характер будущего мужа. Но то, что я ее уговариваю выйти замуж, это вполне реально» (Собр. соч. Т. 3/4. С. 288).

302. СС-1. Т.1. Печ. по автографу (АМ). По сообщению Штемпель (1985 г.), поэт сказал ей, имея в виду это ст-ние, что «есть еще новые стихи» и он послал их Н.Я.Мандельштам в Москву (разговор был после того, как Мандельштам прочитал ей ст-ния 303—304, см. примеч.). По возвращении из Москвы Н.Я.Мандельштам сказала: «Это о нас с вами, Наташа» (63, с. 62).

303—304. СС-1. Т. 1. ВП. Альм. 2 (ст-ние 304, вне цикла). Печ. по беловому автографу (чернилами) в АМ. Описки и пропуски во втором автографе (карандашом) в АМ объясняются обстоятельствами его создания, известными по воспоминаниям Н.Штемпель. На следующий день после того, как ей был подарен автограф чернилами (см. ниже), «я сказала, что не могу разобрать во вчерашнем стихотворении ни единого слова. Он написал мне тут же

эти стихи по памяти разборчиво...» (63, с. 62). Н.Штемпель вспоминала: «я зашла к Осипу Эмильевичу и сказала, что мне по делу надо побывать у Туси, моей приятельницы и сослуживицы. Осип Эмильевич пошел со мной. На обратном пути он меня спросил: „Туся не видит одним глазом?“ Я ответила, что не знаю, что никогда на эту тему с ней не говорила, очевидно, не видит. „Да, — сказал Осип Эмильевич, — люди, имеющие физический недостаток, не любят об этом говорить“. Я возразила, сказав, что не замечала этого и легко говорю о своей хромоте. „Что вы, у вас прекрасная походка, я не представляю вас иначе!“ — горячо воскликнул Осип Эмильевич. На другой день после ночной прогулки я зашла из техникума к Мандельштаму. Надежда Яковлевна была в Москве. Осип Эмильевич сидел на кровати в своей обычной позе, поджав под себя ноги по-турецки и опираясь локтем на спинку. Я села на кушетку. Он был серьезен и сосредоточен. „Я написал вчера стихи“, — сказал он. И прочитал их. „Что это?“ Я не поняла вопроса и продолжала молчать. „Это любовная лирика, — ответил он за меня. — Это лучшее, что я написал“. И протянул мне листок. <...> И я сразу вспомнила нашу прогулку втроем холодной майской ночью, разговор с Осипом Эмильевичем о Тусе и моей хромоте. <...> Осип Эмильевич продолжал: „Надюша знает, что я написал эти стихи, но ей я читать их не буду. Когда умру, отправьте их как завещание в Пушкинский Дом“. И после небольшой паузы добавил: „Поцелуйте меня“. Я подошла к нему и прикоснулась губами к его лбу — он сидел, как изваяние» (63, с. 60 —61).

I (303). *Подругу быстрюю и юношу-погодка*. Речь идет о Тусе (о ней говорилось выше) и Борисе Молчанове, женихе Н.Штемпель. *Весняная погода... праматерь гробового свода*. Отголосок мотива «прозрачной весны», связанного с подземным царством (см. примеч. 76).

II (304). В ст. 3—4 — ассоциации с двумя Мариями евангельских повествований, присутствовавшими на Голгофе, а затем ставшими свидетельницами Воскресения и Богоявления. В ст. 1—2 сказались, по-видимому, реминисценции из рассказа старицы о тождественности Марии-Богородицы и «сырой земли», которую надо напоить слезами, пересказанного Шатову Марией Лебядкиной в гл. «Хромонжка» «Бесов» Достоевского.

ПОСЛЕ ВОРОНЕЖА

В этот раздел (название дано составителем) включены три из пяти сохранившихся стихов, написанных после воронежской ссылки. Стихи 305 по устной традиции считается написанным вскоре после приезда в Москву (см. также 28, с. 307—308), остальные создавались в Савелове, поселке на берегу Волги, против Кимр, где Мандельштамы посели-

лись после того, как милиция заставила их покинуть Москву (см. 24, с. 280).

305. СС-1. Т. 1. Печ. по этому изданию. Копия И.Семенко со списка в АМ (Соч., с. 588) осталась нам недоступной. Машинопись с правкой (АМ), в которой отсутствует ст. 8—9, а ст. 18 содержит разночтение: «гудит» вм. «чудит». Запись Н.Я.Мандельштам второй половины 1950-х гг. (АМ), текст неполный. Образы ст-ния восходят к сюжетам фильмов Чаплина: финалу картины «Новые времена» (ст. 13) и «Скейтинг-рингу» (ст. 16) (наблюдения Н.Зоркой).

*306. Герштейн Э. Новое о Мандельштаме. Париж, 1986. С. 195, где напечатано по копии С.Рудакова (ИРЛИ), с ошибочным чтением в ст. 9 и, как сообщила нам публикатор, с конъектурой в ст. 15 (в копии Рудакова «позволил» вм. «изволил»). В источнике помета /Савелово/, указаны варианты стихов. Печ. по этой копии, с конъектурой Э.Герштейн в ст. 15. С *петухами*. Здесь, вероятно, образное выражение, означающее «рано утром».

307. Вопр. лит. 1980. № 12. Печ. по копии С.Рудакова (ИРЛИ). Местонахождение копии Рудакова из собр. Ф.Вигдоровой, по которой текст был напечатан в альм. «Часть речи» (1982. № 2/3), в настоящее время неизвестно, в этой публ. с разночтением: «теснины» вм. «тесины» в ст. 2 и посвящением Е.Е.Поповой. В копии ИРЛИ Рудаков также пометил имя Поповой (о ней см. примеч. 430). В настоящем издании вносим конъектуру, устраняющую ошибку копии в ст. 18: «И летают по верхам, по верхам», дававшую нарушение рифмы, невозможное в принятой в этом ст-нии системе стиха. Ошибка была, по-видимому, следствием редуцированных в автографе, с которого делалась копия (в ней помета об этом), окончаний слов «по верхи» (при почти систематическом у Мандельштама раздельном написании наречий). К близкому выводу пришел В.С.Непомнящий (Соч., с. 590). *Поверху* (укр.) — наверху. Алексей Михайлыч — вероятно, А.М.Ремизов, живший в то время во Франции; к Франции поэт обращался в ст-нии 283.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

ЮНОШЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

308. Пробужденная мысль. 1907. Вып. 1. Подписано /О.М./.. Это и следующее ст-ние написаны, по-видимому, под впечатлением от рассказов о расправе правительственных войск с восставшими крестьянами в Зегевольде (позднее — Сигулда) в начале 1906 г. (Мандельштам жил в Зегевольде в том году летом); эти события отразились также в «Шуме времени» (гл. «Эрфуртская программа»). В 1906—

1907 г. Мандельштам вместе со своим другом Борисом Синани примкнул к организации социалистов-революционеров, выступал агитатором на сходках рабочих, а в училище вместе с единомышленниками основал «оппозиционный» журнал «Пробужденная мысль» (вышло два номера).

309. Пробужденная мысль. 1907. Вып. 1. Подписано: /Фитиль/. Г.Иванов еще до того, как ст-ние было найдено, цитировал два его последние стиха как принадлежавшие Мандельштаму (Новый журн. 1955. № 43. С. 276), что и позволило атрибутировать ст-ние. Дело великой любви. Реминисценция из ст-ния Некрасова «Рыцарь на час»: «Уведи меня в стан погибающих За великое дело любви...».

1908—1937

310. БП. Печ. по автографу в письме к матери от 7 (20) апр. 1908 г. из Парижа (АМ). В нем Мандельштам писал: «Сейчас у меня настоящая весна, в самом полном значении этого слова... Период ожиданий и стихотворной горячки... Маленькая аномалия: „тоску по родине“ я испытываю не о России, а о Финляндии. Вот еще стихи о Финляндии, а пока, мамочка, прощай». В детстве и юности Мандельштам ездил в Финляндию почти ежегодно, несколько раз был и на Сайменском озере. См. гл. «Финляндия» в «Шуме времени». Калевала — карело-финский эпос.

311. СС-2. Т. 1. Печ. по беловому автографу (АМ, с правкой). Датируется по ККабл (здесь с описками, часть которых выправлена автором). На листе с автографом пометы: /Ранние стихи/ и /Стихи мои старые!/, дата /1909? 8?/.

312. К2 (единственный источник текста).

313. Голос жизни. 1915. № 25. Печ. по беловому автографу (АМ), датируется по ККабл.

314. А. 1910. № 9. Печ. по КорпАв. Это и два следующих ст-ния Мандельштам послал Вяч. Иванову из санатория Монтре в Финляндии (РГБ, при письме от 13 (26) авг. 1909 г.). Рецензируя стихи «Аполлона», В.Пяст связывал «обдуманность» ритма ст-ния с исследованиями А.Белого в его книге «Символизм» (Gaudeamus. 1911. № 4. С. 10).

315. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по беловому автографу, приложенному к письму Вяч. Иванову от 13 (26) авг. 1909 г. См. примеч. 314.

316. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по беловому автографу, приложенному к письму Вяч. Иванову от 13 (26) авг. 1909 г. См. примеч. 314.

317. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по беловому автографу, приложенному к письму Вяч. Иванову из Гейдельберга от

22 окт. (4 нояб.) 1909 г. (РГБ, приложены также ст-ния 318—320, 322, 323): «Не могу не сообщить вам свои лирические искания и достижения. Насколько первыми я обязан вам — настолько вторые принадлежат вам по праву, о котором вы, быть может, и не думаете». Ранее, во второй половине сент. (ст. ст.), Мандельштам послал это и ст-ния 318—321 М.Волошину с просьбой об отзыве (ИРЛИ), на которую Волошин не откликнулся.

318. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по беловому автографу РГБ (см. примеч. 317).

319. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по беловому автографу РГБ (см. примеч. 317).

320. ВРСХД. 1970. № 97 (по ошибке — как продолжение ст-ния 323). Печ. по беловому автографу РГБ (см. примеч. 317).

321. Вопр. лит. 1987. № 7. С. 188. Печ. по автографу, приложенному к письму М. Волошину из Гейдельберга от второй половины сент. (ст. ст.) 1909 г. (см. примеч. 317), с учетом поправки, сообщенной Волошину в письме от конца сент. — начала окт. (ст. ст.) 1909 г.: «Простите мне мою мелочность — пятая строка стихотворения „В безветрии моих садов“ читается „В юдоли дольной бытия“, вместо ужасной „безвыходности“, которая торчит, как оглобля»; первонач. чтение: /В безвыходности бытия/.

*322. Тартуский гос. ун-т. 1968. 12 янв. Печ. по беловому автографу РГБ (см. примеч. 317.) Беловой автограф с разночтением (АМ).

323. ВРСХД. 1970. № 97 (см. примеч. 320). Печ. по беловому автографу РГБ (см. примеч. 317).

*324. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по автографу, посланному Вяч. Иванову 11 (24) нояб. 1909 г. вместе со ст-ниями 325—327 (РГБ), с написанием слова «панно» по современной орфографии (в автографе с одним «н»). Автограф с разночтением (АМ).

325. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по автографу РГБ (см. примеч. 324).

326. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по автографу РГБ (см. примеч. 324). *Плеяды* — звездное скопление на северном небе. *Не воплощает ли природа...* числ. Идея числа как организующего начала восходит к «Послезаконию» Платона; интерес к философии у Мандельштама засвидетельствован уже в юношеские годы.

327. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по автографу РГБ (см. примеч. 324).

328. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по автографу, посланному Вяч. Иванову из Гейдельберга 13 (26) дек. 1909 г., вместе со ст-нием 329 (РГБ).

*329. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по автографу с правкой (РГБ) (см. примеч. 328).

*330. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по автографу, посланному Вяч. Иванову (вместе с вариантом данного ст-ния) из Гейдельберга 17 (30) дек. 1909 г. (РГБ). Машинопись с ошибочной датой «1910» (АМ). Ст-ние Манделъштам сопроводил письмом: «Дорогой Вячеслав Иванович! Это стихотворение — хотело бы быть „romance sans paroles“ (Dans l'interminable ennuï...). „Paroles“ — т. е. интимно-лирическое, личное — я пытался сдержать, обуздать уздой ритма. <...> Невольно вспоминаю Ваше замечание об антилирической природе ямба. Может быть, антиинтимная природа? Ямб — это узда „настроения“». Перевод франц. текста: «Песня без слов» (В безбрежной тоске...). «Слова»; в первом названии Манделъштам отсылает к книге стихов П.Верлена «Песни без слов», во втором — к ст-нию из этой книги; он ведет речь о лекциях по стихосложению, которые Вяч. Иванов читал молодым поэтам весной 1909 г.

331. ВРСХД. 1974. № 111. Печ. по машинописи (АМ).

332. СС-2. Т. 1. Печ. по ККабл.

333. ВРСХД. 1974. № 111. Печ. по беловому автографу (АМ), с учетом поздней (1930-е гг.?) поправки — «Безотчетно» вм. первонач. «Судорожно». Датируется по стилистическим признакам.

334. ВРСХД. 1974. № 111. Печ. по беловому автографу (АМ). Датируется по стилистическим признакам.

335. БП. Печ. по беловому автографу (АМ). В рец. на книгу стихов И.Эренбурга «Одуванчики» Манделъштам писал: «Он пользуется своеобразным „тютчевским“ приемом, вполне в духе русского стиха, облекая наиболее жалобные сетования в ритмически-суровый ямб». Вероятно, под «суровостью» Тютчева (ст. 2) и подразумевается его «ритмически-суровый ямб». Поскольку первые познания Манделъштама в стихосложении или во всяком случае живой интерес к нему естественно связывать с лекциями Вяч. Иванова в 1909 г. (см. примеч. 330), то вышеприведенное предположение может служить для приблизительной датировки ст-ния.

336. БП. Печ. по беловому автографу (АМ) с поздней (зачеркнутой) пометой /Helsingfors/. Машинопись (АМ).

337. СС-2. Т. 1. Печ. по беловому автографу, вклеенному в дневник С.Каблукова (РНБ) с его сопровождающей за-

письмо: «написано в Лугано в 1910 г.». Датируется соответственно этой записи.

338. СС-1. Т. 2. Печ. по автографу, посланному Вяч. Иванову из Целендорфа (пригород Берлина) 5 (18) авг. 1910 г. вместе со ст-ниями 340—347 и 14 (РГБ). Беловой автограф в АЛ (см. примеч. 339).

339. К-1990. Печ. по автографу, посланному С.К.Маковскому из Гельсингфорса (Хельсинки) 27 июня (10 июля) 1910 г. вместе со ст-нием 338, с просьбой включить эти два ст-ния в подборку, готовившуюся к печати в «Аполлоне» (АЛ). Сюжетная линия ст-ния заключает в себе противопоставление «аполлонических» начал в искусстве «дионисийским» (в ст-нии соответствует противопоставление «мудрецов» и «жрецов») и связана с подспудной борьбой влияний И.Анненского и Вяч. Иванова при формировании идейной программы журн. «Аполлон» в 1909 г. *Пэан* — гимн в честь одного из языческих богов (в Древней Греции). *Храм уступают мудрецы... жрецы*. Мотив восходит к программному ст-нию Анненского «Поэзия»:

Бежать... презрев гордыню храма
И славословие жреца...

340. СС-1. Т. 2. Печ. по беловому автографу РГБ (см. примеч. 338). Беловой автограф в собр. Е.Эткинда (БЛ, с. 306).

*341. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по беловому автографу РГБ (см. примеч. 338). Беловой автограф вклеен в дневник С.Каблукова (РНБ). Беловой автограф (с разночтением) в собр. Е.Эткинда (БЛ, с. 306). Образами и мотивами связано со ст-нием Тютчева «Фонтан» (55, с. 24).

*342. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по беловому автографу РГБ (см. примеч. 338). Автограф с правкой вклеен в дневник С.Каблукова (РНБ).

343. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по беловому автографу РГБ (см. примеч. 338). *Как Моисей на высоте... Синай*. Подразумевается библейский текст: «И взошел Моисей на гору; и покрыло облако гору. И слава Господня осенила гору Синай...» (Исх., 24:15—16).

344. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по беловому автографу РГБ (см. примеч. 338). *Эреб* (греч. миф.) — сын Хаоса и брат Ночи; персонификация мрака.

*345. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по беловому автографу РГБ (см. примеч. 338). Автограф с поправкой вклеен в дневник С.Каблукова (РНБ).

*346. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по беловому автографу РГБ (см. примеч. 338). Помета и посвящение восстанавливаются по дневнику С.Каблукова (РНБ, запись 24 окт.

1910 г.), к записи приложен авторизованный список (рукой Каблукова, с разночтением). *Страстному богу — Иисусу Христу.*

347. ВРСХД. 1970. № 97. Печ. по беловому автографу РГБ (см. примеч. 338).

*348. Литературный альманах /Изд. «Аполлона». СПб, 1912. — К1. В первой публ. и белом автографе (АМ, с разночтением) — без загл. *Я не хочу души своей излучи.* Реминисценция из ст-ния Блока «Незнакомка»: «И все души моей излучины...» (БП, с. 306).

349. Литературный альманах / Изд. «Аполлона». СПб, 1912. Печ. по беловому автографу (АМ). В машинописи (АМ) и ККабл с неточной датой /1911/.

350. Голос жизни. 1915. № 25. Помета и дата воспроизводятся согласно списку С.Каблукова в его дневнике (РНБ, запись 24 окт. 1910 г.). Сюжет ст-ния основан на евангельских повествованиях о казни Иисуса Христа и его крестных муках. *В родимый омут.* См. примеч. 15.

*351. ВРСХД. 1974. № 111. Печ. по беловому автографу (АМ), на листе помета /Каблуков/. 21 февр. 1911 г. С.Каблуков записал ст-ние в свой дневник (РНБ). «*Погвогный камень веры*» — цитата из ст-ния Тютчева «Наполеон»:

Он гордо плыл — презритель волн,—
Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый челн.

352. К2 (единственный источник текста).

353. СС-1. Т. 2, где источником текста, предположительно, послужил беловой автограф из собр. Ф.Вигдоровой (ныне местонахождение неизвестно). Печ. по первой публ. Датируется по стилистическим признакам.

354. А. 1911. № 5. Датируется по местоположению в публ. (открывает подборку стихов 1910 г.).

355. ВРСХД. 1974. № 111. Печ. по машинописи (АМ). Машинопись с датой (СИ).

356. ВРСХД. 1974. № 111. Печ. по беловому автографу (АМ).

357. СС-1. Т. 2. Печ. по беловому автографу (АМ).

*358. БП. Печ. по беловому автографу (АМ). Машинопись и автограф с правкой (АМ). *Когда, овеяно... ветром... И раскрывается неуловимым метром.* Реминисценция из ст-ния Баратынского «Рифма»:

Свободным и широким метром,
Как жатва, зыблемая ветром,
Его гармония текла.

В обоих ст-ниях метр — стихотворный размер. *Несозданных миров отмыститель будь*, художник Реминисценция из ст-ния Д.Мережковского «Дети ночи» (см. примеч. 264).

*359. БП. Печ. по авторизованной машинописи (АМ, с правкой).

*360. Нива: Ежемес. лит. и попул.-науч. прил. 1914. № 8. Датируется по автографам в АМ (три автографа с правкой и одинаковой датой). Машинопись (АЛ, в корпусе 1-го номера Г).

*361. БП. Печ. по беловому автографу (АМ, с правкой).

*362. ВРСХД. 1974. № 111. Печ. по беловому автографу (АМ). Два других автографа (АМ), с той же датой; в обоих делались попытки переработки текста (в разделе «Другие редакции...» под условными обозначениями «А», «Б»).

*363. Рабочая газ. 1922. 31 дек., с поздней, «на случай», редакцией строфы 4. Печ. по авторизованной машинописи (АМ). ККабл.

364. ВРСХД. 1974. № 111. Печ. по автографу (АМ), отточиями показана утраченная часть текста. Датируется по стилистическим признакам.

365. ВРСХД. 1974. № 111. Печ. по беловому автографу (АМ). Датируется по стилистическим признакам. Строфа 3 переключается со ст-нием Верлена «Я в черные дни...» в переводе Сологуба:

Под чьей-то рукой
Я — зыбки качанье
В пещере пустой...
Молчанье, молчанье!

*366. Г. 1913. № 8. Печ. по беловому автографу (АЛ). КорпАв-2 (автограф). ККабл (с разночтением).

*367. Рубикон. 1914. № 3. Датируется по автографу ранней редакции (АМ, без загл.) Лист с двумя первыми строфами, с разночтением (АМ, автограф).

368. Г. 1912. № 3. Датируется по стилистическим признакам. Список (АЛ).

369. Г. 1912. № 3. Датируется по стилистическим признакам. Список (АЛ).

370. СС-1. Т. 2. Печ. по беловому автографу (АМ), на листе помета /Суббота/. Датируется по списку Н.Я.Ман-

дельштам (АМ, с пометой автора /в университете, в семинарии/).

371. Современник. Торонто, 1964. № 9 (в мемуарах И.Одоевцевой «Осип Мандельштам»). В письме из Воронежа 21 мая 1935 г. С.Рудаков сообщал жене: «Проклятый акмеизм в 1912 г. у него выковал такие стихи о бедном художнике, живущем на чердаке и имеющем акмеистические „легкие“, „тяжелые“, „упрямые“ etc. вещи даже в быту

...художник

Чтобы кофе варить на спирту,

Он купил себе легкий треножник.

Стихи писались серьезно, но потом отвергнуты и стали анекдотом» (ИРЛИ).

372. Г. 1913. № 8. Печ. по беловому автографу (АЛ). Датируется по К2. Ст-ние написано вскоре после того, как Мандельштам примкнул к группе акмеистов. Мотивы «пустоты» (неба) и «падения», образы ст. 3—4, основывающиеся на ст-нии Тютчева «С горы скатившись, камень лег в долине...», сближают ст-ние со статьей «Утро акмеизма». Ст. 5—11 вызваны воспоминаниями — по свидетельству Н.Я.Мандельштам, поэт в юности намеревался постричься в монахи.

373. Заветы. 1913. № 5 (в составе подборки ст-ний поэтов-акмеистов). Написано не ранее осени 1912 г., когда поэт примкнул к группе акмеистов. По сообщению Ахматовой, создание ст-ния явилось следствием бесед с В.К.Шилейко (1, с. 189). В сюжете, по-видимому, отразилось беллетризованное описание египетского вельможи из кн. Г.Масперо «Древняя история: Египет, Ассирия», русский перевод которой выдержал несколько изданий в начале века.

374. СС-2. Т. 1. Печ. по КорпАв (на листе зачеркнуто загл. /Дворцовая площадь/). Из К2 было исключено военной цензурой (см. преамбулу к «Камню»). Беловой автограф (АЛ). В автографе альб. А.И.Тинякова (РГАЛИ) с написанием /Арлекин/ (с прописной) и датой /12 мая 913/. В автографе, вписанном в экз. К1, принадлежавший С.Каблукову (ныне в собр. Е.С.Шальмана), дата записи /11 сент. 1913/. В работах Н.Харджиева, Р.Тименчика и др. исследователей высказывались разноречивые предположения о прототипах образов «арлекина» (назывались императоры Павел I, Александр I) и «Александра» (назывались императоры Александр I и Александр II), которые не были подкреплены аргументами, поэтому нет возможности уверенно принять то или иное из них. В связи с вышесказанным остается неспроясненным и образ «Зверя».

375. Журнал за 7 дней. 1913. № 21 (27 июня).

376. Журнал за 7 дней. 1913. № 22 (4 июля). Датируется по стилистическим признакам.

377. Журнал за 7 дней. 1913. № 35 (3 окт.). Датируется по стилистическим признакам.

378. Аргус. 1913. № 7. Датируется по стилистическим признакам. Американ бар в Петербурге находился при ресторане «Медведь» (Б.Конюшенная, 27).

***379.** Рудин. 1916. № 7. Датируется по авторизованному списку (ККабл). Обращено к Л.М.Рейснер (БП, с. 308).

***380.** Златоцвет. 1914. № 4 (январь). Датируется по беловому автографу (КорпАв). В автографе под загл. /Второй футбол/. Черновой автограф (СИ), общий этому и следующему ст-нию. В нем завершены строфы 1, 2, 3 (последняя соответствует строфе 5 основного текста), за ней следует строфа, соответствующая строфе 4 ст-ния 381. Ахматова вспоминала: «В годы „Цеха“ мы как-то заехали (Коля и я) к Осипу или за Осипом. Он тогда жил в 1-м корпусе на Васильевском Острове, нанимал комнату у офицера-воспитателя. Он показал нам в окно, как кадеты играют в футбол (тогда это была новинка), и прочел стихи „Футбол“ („А на дворе военной школы“)...» (1, с. 189). В 1-м кадетском корпусе Мандельштам жил в нояб. 1913 г. В.Пяст в рец. на К2 писал: «Нас пленяют, однако, едва ли не более всего, незатейливые гротески... вроде „Кинематографа“, „Тенниса“, „Аббата“, „Домби и сын“. Некоторые стихотворения в этом жанре (как например, два прекраснейших „Футбола“) по непонятным причинам не включены автором в книгу» (День. 1916. 21 январь).

***381.** Новый Сатирикон. 1914. № 30. Печ. по этой публ., с учетом поправки, внесенной в беловой автограф (АМ). Датируется по вышеуказанному беловому автографу; в нем загл.: /Первый футбол/. Черновой автограф (СИ) (см. примеч. 380), в нем основной текст имеет аналогию. Приводя ст-ние в своей книге, В.Пяст писал о том, что образ Юдифи был вызван одной из постоянных посетительниц «Бродячей Собаки» (Встречи, с. 255). В сюжете — переключки с библейской кн. «Юдифь». Источник ассоциации мяча и отрубленной головы (Олоферна) — вероятно, строка К.Случевского «Казнили. Голова отпрянула, как мяч...» («Казнь в Женеве»); это ст-ние упоминается в «Шуме времени» (гл. «В не по чину барственной шубе»).

***382.** Альманах муз. Пг., 1916, с цензурной заменой слова «пьяная» (ст. 4) на «нежная». Печ. по Т, с устранением опечатки и с датой по первой публ. Автограф ранней редакции с правкой, датой /10 ноября/ и зачеркнутым посвящением /Юрочке милому/ (Ю.Юркуну?) (АМ). Юркун — см. примеч. 448. *Тот, у кого тревожно-красный рот...*

чекла. По чертам внешнего облика здесь угадывается Г.Иванов, об этом писала также И.Одоевцева (36, с. 147).

383. ВП. Альм. 3. Печ. по беловому автографу в альб. А.Ахматовой (РГАЛИ), куда было записано в 1933 г. Ахматова вспоминала: «наброском с натуры было четверостишие „черты лица искажены“. Я была с Мандельштамом на Царскосельском вокзале (1910-е годы). Он смотрел, как я говорю по телефону через стекло кабины. Когда я вышла, он прочел мне эти четыре строки» (1, с. 193).

384. Голос жизни. 1915. № 25. Печ. по тексту: Новый Сатирикон. 1916. № 27. Датируется на основании стилистической близости с одноименным ст-нием (см. примеч. 373). В первой публ. и ККабл с мелкими разночтениями (описками?).

385. СС-2. Т. 1. Печ. по КорпАв. В ККабл с датой /1913/. По наблюдению А.Морозова, образы вызваны акварельным портретом Мандельштама, написанном А.М.Зельмановой в 1914 г. Строфа 2 перекликается со ст-нием Брюсова «Кому-то» (57, с. 208):

Над поколением пропела
Свой вызов пламенная медь,
Давая знак, что косность тела
Нам должно волей одолеть.

386. Новый Сатирикон. 1914. № 28/29 (17 июля). Соревнования между командами Оксфорда и Кембриджа состоялись в марте 1914 г., заметка об этом: «Битва голубых» была помещена в «Речи» (1914. 23 марта); на этом основании датируется ст-ние.

387. СС-2. Т. 1. Печ. по ККабл.

*388. К2. Датируется по автографу ранней редакции (АМ), с правкой, под загл. /Рим/; в К2 с датой /1913/. Бенедикт Лившиц вспоминал о чтении этого ст-ния автором в салоне Чудовских (Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 521). *Credo* — символ веры. *Авенгин* — один из семи холмов Рима, был местом обитания плебеев; здесь жил и род Гракхов. *Двунадесятые праздники*. Двенадцать великих праздников христианской церкви. Часть их составляет основу пасхального цикла (пасхалии), не связанного с определенными числами гражданского календаря. По-видимому, отсюда и противопоставление образов в последующих двух стихах, где под строго-каноническими лунами подразумевается, должно быть, гражданский календарь (лунно-солнечный астрономический год в юлианском или грегорианском исчислении), а под календарем — пасхалия (календарь церкви).

389. К2. В Воронеже поэт исключил ст-ние из состава «Камня», зачеркнув его в своем экз. С (СХ). Причиной

была уничижительная характеристика поэзии Сумарокова в ст-нии. Такое понимание было поколеблено С.Рудаковым, который доказывал Мандельштаму, что «Сумароков в атмосфере 60-х гг. XVIII в. по-своему аналогичен Гумилеву» (письмо к жене от 8 апр. 1935 г., ИРЛИ). В письме к жене от 7 февр. 1936 г. Рудаков заметил, что Мандельштам «отрекся» от этого ст-ния. Оно было написано, вероятно, в связи с возобновлением на русской сцене пьесы В.А.Озерова (1769—1816) «Димитрий Донской» (1914, Театр им. В.Ф.Коммиссаржевской). *Театре полуслова И полумаск*. Определение современного ст-нию театра, утратившего, по мысли поэта, свое значение. В статье «Художественный театр и словес» (1922) он писал: «Никогда не читали текст. Всегда свои домыслы. Истинный и праведный путь к театральному осязанию лежит через слово, в слове скрыта режиссура. В строении речи, стиха или прозы, дана высшая выразительность. Они этого не знали. Они ошибались, запинались и путались в пушкинских стихах, беспомощно размахивая костылями декламации — выразительного чтения». *Последний луч трагической зари*. О «невозможности трагедии в современном русском искусстве» Мандельштам заметил в «Письме о русской поэзии» (1922).

390. Петроградское эхо. 1918. 18 янв. Веч. вып. ККабл, в качестве варианта ст-ния 57; датируется по тем же основаниям (см. примеч. 57).

391. А. 1914. № 6/7. В белом автографе с датой (АЛ) и в первой публ. — под загл. /Перед войной/, в КЗ и С — под загл. /1913/. Печ. без загл. согласно К2. Поэт исключил ст-ние из состава «Камня» в Воронеже, вычеркнув его в своем экз. С (СХ). В прессе публ. вызвала резкую критику за неясность смысла (Голос жизни. 1914. № 3. С. 17 и др.). Вероятно, в сюжете дан отклик на двойственную и выжидательную политику Италии в канун войны; она выступила на стороне Антанты только 11 мая 1915 г.

***392.** Петроградские вечера. Пг., 1915. Кн. 4 (вышла в июне). Почти одновременно — в статье Г.Иванова «Военные стихи», с комментарием: «„Реймс и Кельн“ Мандельштама грешит риторикой, но последние строки этого стихотворения совсем хороши» (А. 1915. № 4/5). Печ. по первой публ., датируется по ККабл (здесь без загл.). Беловой автограф (ИРЛИ, ф. 289). Беловой автограф ранней редакции (АЛ), с пометой М.Лозинского: «И.Э.Мандельштам, недовольный первой редакцией стихотворения, свел его к восьмистишию». Сюжет связан с эпизодом военной истории: германские войска, оставляя Реймс, 6 (19) сент. 1914 г. подвергли Реймский собор преднамеренно артиллерийской бомбардировке и разрушили его; общественностью это было расценено как акт вандализма. Реймский собор (XIII в., как и собор в Кельне) — один из шедевров французской готики, национальная святыня французов (в нем происходила коронация французских королей). Во второй отброшенной

строфе (*392.1) этот акт вандализма ставится в связь с общей тенденцией европейской истории (см. *К-1990*, с. 328). *Роланд... Олифан* — см. примеч. 509.

393. Невский альманах. Пг., 1915. Датируется по беловому автографу (ИРЛИ, ф. 627); здесь под загл. /К энциклике папы Бенедикта XV/. Беловой автограф (АМ). В энциклике (авг. 1914 г.) папа Бенедикт XV выказал скорбь по поводу разразившейся войны и призвал воюющие державы к мирным переговорам (установлено В.Швейцер). Ст-ние полемически перекликается с одноименным ст-нием Тютчева (также со ст-ниями «Свершается заслуженная кара...» и «Ватиканская годовщина»). *Говоривший мне о Риме*. Вероятно, подразумевается П.Чаадаев, 20 апр. 1833 г. писавший А.И.Тургеневу о Риме как «безмерной идее» (цитату их этого письма Мандельштам привел в статье «Петр Чаадаев»). Е.Тоддес высказал предположение, что здесь имелся в виду умерший 20 авг. 1914 г. папа римский Пий X (55, с. 23—24).

394. Биржевые ведомости. 1914. 5 окт. Веч. вып. Датируется по содержанию. Ст-ние связано с посещениями дома литератора Александра Александровича Попова (псевд. А.Бир), где Мандельштам мог видеть трофейную немецкую каску (офицерскую). По сообщению И.Одоевцевой, Мандельштам сказал ей, что написал это ст-ние «для денег» (36, с. 270).

395. Нива. 1914. № 43 (25 окт.). Печ. по беловому автографу (ИРЛИ, ф. 627). Датируется по ККабл. С первых месяцев войны на захваченной территории германское командование создавало польские воинские части из антирусски настроенных поляков, «безумный подвиг» которых (ст. 2) — несомненно, реальный эпизод — лег в основу сюжета.

396. ВРСХД. 1979. № 129 (в примеч. А.Морозова к записям дневника С.Каблукова). Печ. по беловому автографу (ИРЛИ, ф. 627). В ст-нии сказались, по-видимому, впечатления от поездки на театр военных действий в дек. 1914 г. — поэт выехал в Варшаву с санитарным поездом (*К-1990*, с. 249, 362).

397. ВП. Альм. 3. Печ. по беловому автографу (АМ). Датируется по времени создания Ахматовой ст-ния «Как ты можешь смотреть на Неву...» (начало 1914 г.), которое явилось источником образа «черного ангела на снегу». Суждение Ахматовой о ст-нии: «Тогда же (в 1910-е гг. — А.М.) он написал таинственное (и не очень удачное) стихотворение про „черного ангела на снегу“. Надя (Н.Я.Мандельштам — А.М.) утверждает, что оно относится ко мне. С этим „черным ангелом“ дело обстоит, мне думается, довольно сложно. Стихотворение для тогдашнего Мандельштама слабое и невнятное... По-видимому, это результат бесед с

В.К.Шилейко, который тогда нечто подобное говорил обо мне. Но Осип тогда еще „не умел“ (его выражение) писать стихи „женщине и о женщине“. „Черный ангел“, вероятно, первая проба, и этим объясняется его близость к моим строчкам:

Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд,
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу цветут.

<...> Мне эти стихи Манделъштам никогда не читал» (I, с. 188).

*398. Т. Печ. по этому изд., с исправлением опечатки в ст. 4. Датируется по ККабл (ранняя редакция, под загл. /Евхаристия/). Написано в первой половине года: 24 июня С.Каблуков записал в дневнике о том, что поэт прочитал ему это ст-ние (вместе со ст-ниями 64 и 68) как новое (РНБ). *Евхаристия* — таинство Св. Причащения. В ст-нии нашел отражение тот момент литургии (по католическому обряду), когда дарохранительницу (в ст-нии не вполне точно — *гароносицу*) выставляют для поклонения верующим; перед ней совершают специальные моления — адорации, выражающие чувства верующих, почитающих в эти минуты тело Христово. Дарохранительница — сосуд из драгоценного металла, с вместилищем для освященной жертвы Евхаристии, украшенный многочисленными планками в виде лучей (отсюда в ст-нии сравнение ее с «солнцем золотым»).

399. Аргус. 1917. № 4. под загл. /Дворцовая площадь/. Печ. по ККабл. Беловой автограф в альб. А.И.Ходасевич (РГАЛИ), под загл. /Зимний дворец/, с датой записи и пометой /Москва. 30 янв. 1916/. Написано в первой половине года: цитируется в летних записях А.Цветаевой в ее книге «Дым, дым и дым» (М., 1916. С. 236). Исключено из К2 военной цензурой (см. преамбулу к «Камню»). *Виссон* — дорогая белая или пурпурная ткань, из которой шили облачение императоров. *Столтник-ангел* — ангел, венчающий Александровскую колонну на Дворцовой площади в Петербурге. *В темной арке*. Имеется в виду арка здания Главного штаба на Дворцовой площади.

*400. Борьба. Киев, 1919. № 1. — КЗ. Предшествующие редакции: 1) в беловом автографе (ИРЛИ, ф. 562), с датой /Август 1915/. Был послан М.Волошину его матерью из Коктебеля 28 авг. 1915 г. «как привет» от Манделъштама (16, с. 189); 2) в беловом автографе в АЛ (см. примеч. 69) и ККабл; 3) в первой публ. Образы ст-ния, связанные с историей Рима, создают явственные аллюзии на политическую ситуацию в России (нарастание революционного движения и предчувствие во всех слоях общества неизбежности революции). Создается впечатление о равновесии мотивов: с одной стороны, «им нужен царь и черный Авентин», с

другой — «они идут в священном беспорядке». А. Лурье, друг Мандельштама в те годы, писал в своих мемуарах о «подлинном, пророческом ощущении мира, как старого и обреченного, так и нового, чаемого, но еще не осознанного» у Мандельштама (ВП. Альм. 3. С. 170). *Xalgeu* — семитические племена 1-го тысячелетия до н. э.; позднее в России — пренебрежительное название ряженых шутов и скороходов. *Авеншин* — см. примеч. 388.

*401. Борьба. Киев, 1919. № 1. Печ. по ККабл. Для первой публ. поэт, возможно, воспроизвел текст по памяти, чем могли быть вызваны разночтения. Перекликается со ст-нием Тютчева «Рим ночью».

402. СС-2. Т. 1. Печ. по ККабл. Представляет собой фрагмент несохранившегося ст-ния, авторизованный в качестве самостоятельного произведения. *Кассандра* — см. примеч. 89. *Россия Александра*. Высказывались, как и в связи со ст-нием 89 (см. примеч.), разноречивые предположения об образе «Александра»: Пушкин, Александр I, отсылка к обоим именам. Хотя ниже в ст-нии имплицировано имя Александра I, уверенно персонафицировать этот образ представлялось возможным. *Руколожатье роковое На шатком неманском плоту*. Подразумевается встреча Александра I и Наполеона 25 июня 1807 г. на специально сооруженном якорном плоту посредине Немана, которая закончилась мирным соглашением, а после тильзитских переговоров — и союзом с Францией; в результате упразднялась антифранцузская коалиция, куда входили, вместе с Россией, Пруссия и Австрия. Словом «роковое» вводится авторская оценка этого события (негативная), с аллюзией на современную ст-нию войну в союзе с Францией против Германии.

403. Альманах муз. Пг., 1916. Печ. по беловому автографу (АМ). ККабл, под загл. /Москва/ и с пометой /1916, февраль/. Беловой автограф с пометой и датой записи /8 августа 1917 г. Профессорский уголок — Алушта/ в альб. В.А.Шиллинг (Соч., с. 474). В Т /Акрополь/ (с прописной). Навейно, как и ст-ние 404, впечатлениями от соборов московского Кремля во время прогулок вместе с Мариной Цветаевой. Ее образ в ст-нии прямо не дан, однако, по наблюдению В.Борисова, «Цветаева» соответствует «Флоренции» как буквальный перевод. Соотношение итальянских и русских мотивов вызвано тем обстоятельством, что Успенский собор был построен итальянским зодчим, но по образцу одноименного собора во Владимире и явился гениальным синтезом византийского, романского, готического и русского искусства. *Крюки* — нотные знаки в особой (крюковой) нотной записи, которой пользовались в допетровской России.

*404. Т. Датируется по ККабл; здесь с пометой /Апрель 1916. Москва/. Черновой автограф (АМ). Беловой автограф, под загл. /Соборы/ — в фонде газ. «Воля народа» (ЦГИАП).

В первой публ. с разночтением /«миръ»/ вм. /міръ/ (в значении «община») по сравнению с рукописными источниками текста, что было, возможно, следствием вмешательства редактора, поставившего слово в той же форме, что и в ст-нии «Зверинец». Вызвано теми же впечатлениями, что и ст-ние 403 (см. примеч.). В ст. 7—8 речь идет о колокольне «Иван Великий» (ср. *404.1—2).

405. Ипокрена. 1918. № 2/3, как 2-я строфа ст-ния (см. примеч. 75). — Свободный час. 1919. № 2, в составе цикла (то же в автографах, см. примеч. 75). Печ. по автографу (второму, вне цикла) из альб. А.Д.Радловой (ИРЛИ).

406. Камена. Харьков; М.; Пб., 1918. № 1. ККабл, с пометой /1916. Осень/. Обращено к *Тинатине* Ильиничне Джорджадзе (в замужестве Танеевой), двоюродной сестре С.Андрониковой. Она сообщала Г.Струве: «Мандельштам был у меня, когда пришла, почти в слезах, Тинатина, только что потерявшая камюю, мой ей подарок, привезенный из Рима» (Собр. соч. Т. 1. С. 432).

407. БП. Печ. по ККабл. Обращено к С.Андрониковой (запись в дневнике С.Каблукова от 2 янв. 1917 г., см. К-1990, с. 257). См. примеч. 80—81. Андроник Комнин (ум. 1185) — византийский император; его родственные связи вели в Грузию.

408. Воля народа. 1917. 15 нояб. На следствии 1934 г. поэт показал: «Октябрьский переворот (тогда — А.М.) воспринимаю резко отрицательно. На Советское правительство смотрю как на правительство захватчиков, и это находит свое выражение в моем опубликованном в „Воле народа“ стихотворении „Керенский“. В этом стихотворении... я идеализирую Керенского, называя его птенцом Петра, а Ленина называю временщиком» (Огонек. 1991. № 1. С. 18). В строфах 1—2, по наблюдению А.Морозова, отразилось выступление рабочих в июле 1917 г. Ср.: «Когда в июльские безумные дни и ночи люди разъезжали на броневиках и разыскивали Керенского, слышались крики: — Долой Керенского — наймита буржуазии!..» (Брусняин В. А.Ф. Керенский — Прометей революции // Русская воля. 1917. 12 авг. *Где зданий красная подкова*. Речь идет о Дворцовой площади, ставшей ареной победы Октябрьского переворота. *Вязать его, щенка Петрова*. Реминисценция из «Бориса Годунова» Пушкина: «Вязать Борисова щенка!» (64, с. 30).

*409. Страна. 1918. 21 апр. Датируется по ККабл (здесь ранняя редакция). В беловом автографе (РГАЛИ) с мелким разночтением (опиской?) в ст. 4 /На голову мою надену;/ разночтения, указанные в Соч. (с. 582), не подтверждаются. В *разрушенной Москве*. Избрание патриарха происходило в дни штурма Кремля, который удерживали войска, верные Временному правительству (Кремль пал 3 нояб.). Патриарх Тихон был избран 5 нояб. (см. примеч. 93) .

410. ВП. Альм. 4 (в составе «Листков из дневника» Ахматовой). Печ. по беловому автографу из архива Н.В.Рыковского, сотрудника газ. «Раннее утро» (РГБ); здесь с пометой /Москва/. Чье самоубийство легло в основу сюжета стиха — не выяснено. *Петел* — петух. *Валгала* — см. примеч. 90.

411. Жизнь. Киев, 1919. № 1 (1—7 сент. ст. ст.) (две первые строфы, в виде восьмистишия, под загл. /Фрагмент/). Полностью: ВРСХД. 1970. № 98, с неверной датой /1916 (1917)/ и мелким искажением («миллионами» вм. «милыонами»); этот текст восходит к архиву А.Г.Габричевского (25, с. 379), местонахождения источника в настоящее время неизвестно. Печ. по тексту ВРСХД, с устранением искажения по первой публ. 7 нояб. 1935 г. С.Рудаков писал жене со слов поэта: «Интересные дополнения. У стихов... „Я изучил науку расставанья...“ была строфа (далее цитировался, с искажениями, текст, соответствующий первой публ. — А.М.)» (ИРЛИ). Месту строфы соответствуют отточия в публ. «Гермеса» (см. примеч. 94). Соответственно устанавливается дата стиха. Ст. 8 поэт процитировал в очерке «Сухаревка» (1923).

412. ВРСХД. 1970. № 98. Печ. по списку в экз. КЗ из библиотеки Л.Э.Ландсберга (рукой его жены?), с пометой: «В сборники не вошло» (собр. А.Ж.Аренса); является единственным источником текста. Помета в первой публ. /Коктебель/ — неизвестного происхождения. Образ «сухих листьев октября» вызван, как представляется, политикой новой власти, с первых своих шагов начавшей гонения на церковь; такое понимание находим у Н.Я.Мандельштам, А.Морозова (он высказал предположение о том, что стих мог быть написано в начале окт. 1917 г.), Н.Струве. Другая, прямо противоположная, точка зрения высказывалась К.Тарановским и некоторыми его учениками: основываясь на образных параллелях с «Двенадцатью» Блока и «Христос Воскрес» Белого, они видели в образе «белое движение».

413. Худож. мысль. Харьков, 1922. № 1 (18—25 февр.). Тот же текст: Театр. Одесса, 1922. № 1 (28 марта). При дальнейших перепечатках (Изборник. М., 1922; Трилистник. М., 1922. Альм. 1) — под загл. /Актер и рабочий/, акцентировавшим политическое звучание темы, и с мелкой переработкой. Печ. по первой публ. Э.Миндлин свидетельствовал о том, что стих был поэту «заказан»: «Последним стихотворением, написанным им в Феодосии, было „Актер и рабочий“. Группа актеров под руководством Амурского открыла на теннисном корте у моря кафе-кабаре. Мандельштаму заказали стихотворение к этому торжеству. Для его настроений того периода примечателен выбор темы. Почти дерзостью было писать в самый разгар врангелевщины предназначенные для публичного исполнения такие стихи <...> Стихи были прочитаны одним из актеров с эстрады...

в переполненной врангелевцами Феодосии незадолго до ареста Мандельштама» (33, с. 97).

414. Печ. впервые по авторизованной машинописи (АМ). В БП идентифицировано как допечатная редакция ст-ния 108; машинопись создавалась, вероятнее, для невышедшего сборника стихов (см. примеч. 109).

*415. Т. — Накануне. Берлин, 1922. 28 мая. Лит. прил. № 5. Беловой автограф (РГАЛИ). Машинопись (АМ). *И трогательный чин... отпеванье*. Этот образ связан с несбывшимся отпеванием Пушкина в Исаакиевском соборе в Петербурге. В статье «Скрябин и христианство» (1917) Мандельштам писал: «Мраморный Исакий — великолепный саркофаг — так и не дождался солнечного тела поэта». 14 февр. 1921 г. по случаю годовщины смерти в Исаакиевском соборе отслужили панихиду по Пушкину; А.И.Онош-кович-Яцына записала в дневнике: «Идея панихиды принадлежит Мандельштаму» (Минувшее. 1993. Т. 13. С. 402). *Плащаница*. В языке Церкви — изображение тела Христа на полотне в том виде, в каком оно снято с креста и положено во гроб. Плащаницу выносят из алтаря и полагают посреди церкви в великую пятницу. *Генисаретский*. Относящийся к Галилейскому (Генисаретскому) озеру и местности вокруг него, которые были местом деятельности Иисуса Христа; здесь он явил чудо ловли рыб (Лука, 5) и рассказал притчу о неводе (Матф., 13). *Седмица* — неделя. *Огичалые порфиры*. В подтексте этого образа — ст-ние Баратынского «Последняя смерть»:

И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
.....
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло,
Но на земле ничто его восходу
Произнести привета не могло.

Соборы вечные Софии и Петра. Речь идет о соборах св. Софии в Константинополе и св. Петра в Риме. *Зернохранилица вселенского гобра И риги Нового завета*. Образные переключки см. в статье «Пшеница человеческая» (1922). *Зане свободен раб, преодолевший страх*. Этот мотив восходит к «Посланию к римлянам» св. апостола Павла (8:15). Зане — потому что.

*416. Лёт. М., 1923. — Новый мир. 1929. № 4. Авторизованная машинопись (ИРЛИ, фонд «Нового мира»). В первой публ. — с мелкими разночтениями, без загл.; представляет собой цикл (с неисправной нумерацией), где строфы представлены как отдельные ст-ния; включает также ст-ния 120 (следовало вторым) и 127 (следовало четвертым).

Тот же текст, но с исправной нумерацией и с загл.: Ленинград. 1924. № 5. Список Н.Я.Мандельштам (ИМЛИ), вероятно — из наборной рукописи «Лёта»; здесь после ст. 12 — две зачеркнутые строки, по-видимому, воспроизведенные случайно (соответственно ранней редакции?). Фрагмент списка Н.Я.Мандельштам (РГАЛИ, ф. 613, оп. 2, ед. хр. 164). В АМ: а) листы со списками Н.Я.Мандельштам, на одном из них — черновая разработка ст-ния 127; б) автограф ст-ния 127, вырезанный из записи цикла (от начала следующего ст-ния, под № 3, сохранился ст. 33 с различием); в) машинопись основного текста с зачеркнутым загл.; г) список основного текста (рукой неустановленного лица), без загл. Тема ст-ния вызвана актуальными событиями политической жизни Европы, сложившейся геополитической ситуацией и взаимными территориальными претензиями европейских государств; наиболее актуальные события — Генуэзская и Гаагская конференции и Рапалльский мирный договор (1922); приход к власти фашистского правительства в Италии. С.Бройд связывает ст-ние с ультиматумом Дж.Керзона (май 1923), однако к этому времени ст-ние, вероятно, уже было написано («Лёт» вышел в конце июля — авг.). Тема военной авиации, проходящая в сб-ке «Лёт» (стихи Маяковского, Асеева, И.Катаева), связана с «войнами будущего» и строительством авиации в Красной Армии (64, с. 121—125). В стилистике и образах явственно влияние Хлебникова («Ладомир») (БЛ, с. 312) — его своеобразный космизм, опирающийся, в отличие от традиций русской поэзии XVIII—XIX вв., на элементы дохристианской мифологии и архаическую славянскую лексику. Переключки со ст-нием «Зверинец» — в образах «древних плоскогорий мира» (64, с. 130) и зверей, символизирующих «доисторическое» прошлое, — волка, тапира (реликтовое вымирающее непарнокопытное, у которого нос и верхняя губа вытянуты в хобот), стервятников, коршунов. Призыв к «чести млекопитающих» (ст. 39) предвещает тему ст-ния «Ламарк». Из традиционных для Мандельштама — «тютчевский» образ «холода альпийского» (ст. 45) и мотивы музыки Баха (ср. «разноголосицу» в ст. 1 и ст. 5 ст-ния 40 (64, с. 131). Примета нового времени, «где нет ни волка, ни тапира», — и в ст-нии 160. Ст. 15—16 имеют параллель в статье «Слово и культура» (1920): «Говорят, что причина революции — голод в междупланетных пространствах. Нужно рассыпать пшеницу по эфиру»; оба опираются на мистическую философию Г.Гюрджиева, с которым Мандельштам мог быть знаком в Петербурге или, более вероятно, в Тифлисе (68, с. 137; 66, с. 135, 240). *Эбеновые*. Сделанные из очень прочной и ценной древесины эбенового дерева. *Существ коротких, ластоногих*. Возможно, связано с образами картин И.Босха (ср. в примеч. 119). *Силу тяжести*. Этот мотив — центральный в стихах 1912—1913 гг. *Победители Кладбища лёта обходили... казнили*. Связано, вероятно, с сообщениями в прессе об уничтожении военной техники в Германии (по условиям Версальского договора). *Бури яблоко*. Речь идет,

вероятно, о мифическом «яблоке раздора» Париса (64, с. 153). *Камчатная*. От названия старинной узорчатой цветной ткани. *Брашна* — кушанья. *Медуница*. Здесь — пчела.

417. СС-1. Т. 2. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (ИМЛИ). Обращено к О.А.Ваксель (см. примеч. 231, 232). 20 апр. 1925 г. П.Лукницкий записал со слов поэта в своем дневнике о том, что, в сравнении со ст-нием 132, это являет «новую линию в его творчестве», но отношение Мандельштама к ст-нию, вероятно, изменилось, и в С поэт отказался его включить (27, с. 144). *Ангел в светлой паутине... плеча*. Речь идет о фигурах ангелов на углах фронтона Исаакиевского собора. *За куколом дворцовым И за кипением садовым*. Подразумеваются Таврический дворец и Таврический сад, вблизи которых жила Ваксель.

418. СС-1. Т. 1. Печ. по записи Н.Я.Мандельштам 1950-х гг. (АМ). По ее свидетельству, написано (как и следующее ст-ние) во время работы над ст-нием 193 (28, с. 235).

419. СС-1. Т. 1. Печ. по записи Н.Я.Мандельштам 1950-х гг. (АМ). См. примеч. 418.

420. СС-1. Т. 1. Печ. по записи Н.Я.Мандельштам 1950-х (?) гг. (АМ, «альбом № 5»). Отточиями показана утраченная часть текста (так в источнике текста). Для утраченного текста в ст. 2 первонач. бытовала конъектура /именно/ (так и в первой публ.); И.Семенко предложила конъектуру /будут хоронить/ (Свог, с. 137). Написано во время работы над ст-нием 211, с которым близко связано образами и мотивами, и, возможно, являлось его отвергнутой редакцией.

421. Подъем. 1966. № 1. Печ. по БП, где дано по списку С.Рудакова (его местонахождение в настоящее время неизвестно). Обращено к М.Петровых (см. примеч. 215), что косвенно подтверждают ее пометы в принадлежавшем ей экз. БП.

422. СС-2. Т. 2. Печ. по ВС. Беловой автограф, приложенный к письму от 25 (?) мая 1935 г. (см. преамбулу к «Воронежским тетрадам»), с мелким разночтением («мне» вм. «нам» в ст. 7) и датой /Апрель—май 35/; машинопись с тем же разночтением (АМ). В первой публ. с редакцией ст. 2 /О будущем советских страны/, источник не установлен; см. преамбулу к «Воронежским тетрадам». Ранняя редакция ст. 4 известна из письма С.Рудакова к жене от 21 мая 1935 г.: «Так, „Войны и мира гнутая подкова“ заменено „Воздушно-океанская подкова“ (Влияние катастрофы с „Максимом Горьким“), по мне это безлепица, отгеснившая классику. Называется „борьба с акмеизмом“» (ИРЛИ). См. примеч. 236.

*423. Russian Literature. 1977. Vol. 5. Iss. 3. Печ. по ВС. Основной текст также в списках Н.Я.Мандельштам в АМ и собр. Е.Э.Мандельштама. Ранняя редакция — в списке Н.Я.Мандельштам с правкой поэта (АМ), с датой /Апр.—май 35/. В ст. 6—8 имеется в виду Сталин. См. преамбулу к «Воронежским тетрадам». Дальнозоркий. Этот эпитет исполнен смысла: при дальнозоркости человек хорошо видит даль (метафорически — прозревает будущее), но плохо различает близь.

424. СС-2. Т. 4. Печ. по альм.: Часть речи. 1982. № 2/3, где приведено по копии С.Рудакова с автографа (из собр. Ф.Вигдоровой, ныне местонахождение неизвестно). В первой публ. с разночтением: «был» вм. «рос» (ст. 4). По жанру ст-ние близко эпиграмме. Обращено к Сталину.

425. ВРХД. 1976. № 118. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (АМ). Сюжет связан, возможно, с концертом в «летнем» театре в Первомайском саду в Воронеже.

426. ВРХД. 1976. № 118. Печ. по автографу, приложенному к письму к жене от 25 (?) мая 1935 г. (см. преамбулу к «Воронежским тетрадам»). Ст-ние имело «домашнее» название «Железо».

427. СС-2. Т. 3. Печ. по ВС, датируется по письму поэта к Н.Я.Мандельштам (Собр. соч. Т. 3/4. № 59). В ВС с датой /Июнь 35/; зачеркнуто автором. Уроды — см. примеч. 186.

428. Slavic review. 1975. Vol. 34. № 4. Печ. по авторизованной машинописи (собр. Ю.Фрейдина). Датируется соответственно черновику, четверостишие из которого вошло в данное ст-ние (см. примеч. 279). Ранняя редакция, без строф 1 и 2 и с другим порядком строк в строфе 3 (АМ, список Н.Я.Мандельштам). В корпусе, представленном в Союз писателей в 1937 г., под загл. «Стихи о Сталине» (см. рец. П.А.Павленко: Огонек. 1991. № 1. С. 20). Политические процессы конца 1936 г. ясно показывали, что шанс сохранить жизнь поэту могли дать лишь такие стихи, которые славословили бы Сталина прямо и были бы одобрены «наверху». В этом Мандельштам почти достиг цели: в упомянутой рец. Павленко писал: «Есть хорошие строки в „Стихах о Сталине“, стихотворения, проникнутом, большим чувством, что выделяет его из остальных. В целом же это стихотворение хуже своих отдельных строф. В нем много косноязычия, что неуместно в теме о Сталине. <...> Советские ли это стихи? Да, конечно. Но только в „Стихах о Сталине“ это чувствуется без обиняков, в остальных же стихах — о советском догадываемся». Об этом ст-нии Мандельштам позднее говорил Ахматовой: «Я теперь понимаю, что это была болезнь» (1, с. 206). О писании ст-ния см. в гл. «Ода» «Воспоминаний» Н.Я.Мандельштам. Эсхл. Его трагедия «Прометей прикованный» — первая из дошедших до нашего времени литературная обработка мифа о Проме-

тее. Джугашвили. См. примеч. 194. До выполненной клятвы. Подразумевается клятва выполнять заветы Ленина, которую Сталин дал на собравшемся после смерти Ленина 2-м Всесоюзном съезде Советов.

429. Лит. Грузия. 1967. № 1 (в статье Г.Маргвелашвили «Об Осипе Мандельштаме»). Печ. по НК. Список Линецкой. Было включено в корпус ст-ний, представленный в Союз писателей в 1937 г. (отразилось в рец. Павленко, см. примеч. 428). В последние годы жизни Н.Я.Мандельштам отстаивала в качестве бесцензурной редакцию ст. 23 «Будет губить разум и жизнь Сталин» (28, с. 290), но эта «редакция», вероятнее, возникла в результате самопародирования (см. преамбулу к «Воронежским тетрадам»). Двусмысленность содержится в зачине ст-ния; ее подметил еще К.Чуковский, который говорил, что «последние строки ничуть не вытекают из начала — еще неизвестно, кто это „наши враги“, которые могут запереть двери...» (28, с. 290); см. примеч. 224.

430. Russian Literature. 1977. Vol. 5. Iss. 3. Печ. по записи Е.Поповой в ее письме В.Яхонтову. Датируется по содержанию письма (написано между 6 и 9 июня 1937 г.). Второй ее список, с мелкими различиями (описками), оба — РГАЛИ. Обращено к Еликонице Ефимовне Поповой (1903—1964) — жене Владимира Николаевича Яхонтова (1899—1945), друга поэта. В указанном письме сообщалось: «Как я провожу время? Большую часть времени у Мандельштамов. Союз их поддерживает, дает деньги. <...> Они очень привязались ко мне („всеми любимая, всеми уважаемая“). Осип Эмильевич, если не ошибаюсь, вздумал „открыть“ меня. Но об этом поговорим по приезду, в этом я еще плохо разбираюсь, но, кажется, в ссылке он помолодел лет на двадцать, выглядит хулиганистым мальчишкой и написал мне стихи, которые прячет от Надежды Яковлевны (!). Если там вековые устои рушатся, то я об одном молю, чтоб не на мою голову. Стихи эти явились в результате нашей прогулки в машине по городу». В.Швейцер писала: «Лиля Попова была необычайно хороша собой: темноволосая, с огромными темными глазами, стройная. Она была и талантлива: рисовала, увлекалась театром, мечтала стать художницей, театральным режиссером. В 1922 г., совсем девчонкой... Лиля приехала с Яхонтовым в Москву — смотреть, слушать, учиться, жить... Она не получила никакого систематического образования; школой стали для нее репетиции Мейерхольда, на которых она постоянно присутствовала все то недолгое время, пока Яхонтов работал в его театре. Жизнь сложилась так, что Попова оказалась режиссером одного Яхонтова, соавтором и соучастником постановок „Театра одного актера“. По тому, что я о ней знаю, Попова представляется мне человеком довольно замкнутым, скорее наблюдателем, чем участником той „светской“ жизни, в которую была вовлечена как режиссер и жена известного

актера. Вот какой она запомнилась Н.Е.Штемпель, побывавшей у Яхонтовых вместе с Мандельштамом в самом начале 1938 г.: „Стол накрывала Лиля, жена Яхонтова. Очень красивая женщина, строго одетая, тихая, молчаливая, совершенно лишенная кокетства. Она даже не включилась в общую беседу. Ее поведение чем-то удивило меня, и в то же время я любовалась ею“. В кругу знакомых Мандельштама... Лиля была фигурой довольно необычной. Дочь железнодорожника с Северного Кавказа, она выделялась своим „пролетарским“, как тогда говорили, происхождением. Она сформировалась в рабочей среде в годы войны и революции и была одной из тех, кто верил в идеи революции и в происходящем видел их воплощение. Когда Н.Я.Мандельштам иронически пишет о Поповой как „сталинистке умильного типа“ — это ирония с дистанции десятилетий, отделяющих события от времени написания ее книг. На самом деле, та безоглядная вера, которой верила Лиля Попова, сегодня производит впечатление одновременно и страшное, и жалкое, и вызывает чувство растерянности: как они могли не видеть, не понимать? Тем не менее, есть в этой вере честность, вызывающая уважение; мне кажется, Лиля не притворялась ни перед другими, ни перед собой; в ее вере была слепота, но не было приспособленческого цинизма, как у многих людей того круга, в котором она жила» (Мандельштам после Воронежа // Синтаксис. 1989. № 25. С. 78). *Эти две родинки смелые*. К этим словам Попова сделала помету: «Сцилла и Харибда» (прозвания, данные, возможно, Мандельштамом).

431. Синтаксис. 1989. № 25, в статье В.Швейцер «Мандельштам после Воронежа». Печ. по копии Е.Е.Поповой из ее письма к сестре, О.Е.Поповой (РГАЛИ). Обращено к Е.Е.Поповой (см. примеч. 430). *Вот с приговором полоса*. 12 июня «Правда» поместила приговор по делу военачальников — Тухачевского, Якира и др. (Швейцер В. Указ. соч., с. 82). *Футбол для молодого баска*. Сборная команда басков, в которой были 9 бойцов-республиканцев, приехала в Москву в июне 1937 г. *Дозреют новые плоды*. «Новые плоды» — композиция В.Яхонтова, над которой он работал начиная с 1935 г., «о Мичурине и социализме» (Там же, с. 77).

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ. СТИХОТВОРЕНИЯ НА СЛУЧАЙ

Шуточные стихотворения Мандельштам писал с юношеских лет, и его товарищи по Цеху поэтов, в среде которого культивировались литературные игры, ценили этот его дар. В русской поэзии он явился основателем жанра «Антологии античной глупости» и «Антологии житейской глупости»; внес свой вклад, следуя Козьме Пруткову, в корпус «дурацких басен». Молва приписывала ему авторство в изобретении «Гаврилады», литературной игры в «Гаврилу», образ-

чики которой были использованы И.Ильфом и Е.Петровым в «Двенадцати стульях» (Коваленков А. Хорошие, разные... М., 1966. С. 10), однако единственный текст, который приписывался Мандельштаму в изданиях (приводился с искажением):

Любил Гаврила папиросы,
Сафо Гаврила обожал,
Гаврила позвонил Эфросу —
«Абрам» он «Маркович» сказал

— был написан, как сообщил нам в 1976 г. Н.Харджиев, от которого этот текст и получил распространение, без участия Мандельштама.

Исследовательский интерес (немалый), который вызывали шуточные стихи Мандельштама, ограничивался пока лишь поиском и публикациями (и здесь достигнута большая, но не исчерпывающая полнота: еще ждут своего часа стихотворные опусы из архива М.Л.Лозинского), внимания текстологов они не привлекали; между тем те из них, которые не сохранились в автографах или не были напечатаны, а записывались по памяти много лет спустя — эта группа текстов преобладает, — неизбежно несут, как всегда бывает в таких случаях, искажения; некоторые из них непонятны (или малопонятны) из-за лакун в фактическом комментарии, которые еще потребуют исследовательских усилий. Покажем некоторые из возникающих трудностей на примерах. Так, известный по мемуарам Г.Иванова и Г.Рабиновича текст:

В девятьсот двенадцатом, как яблоко румян,
Был канонизирован святой Мустамьян.

И к неувядаемым блаженствам приобщен
Тот, кто от чудовищных родителей рожден.

Серебро закладывал, одежды продавал
И тысячу динариев менялам задолжал.

Гонят слуги палками того, кто наг и нищ,
Охраняют граждане добро своих жилищ.

И, однажды идучи ко святым местам,
Слышит он: «О.Мандельштам, глянь-ка — ландыш
там!»

написан, как следует из последних строк, о самом Мандельштаме (этому не противоречит то, что поэт любил читать его приятелям), а считать его автопародией, по качеству текста, слишком мало оснований. Мы привели его полностью, так как он может явиться источником биографических сопоставлений; в первом стихе укажем на существенную для понимания отсылку к известной по переводу В.Курочкина песне Беранже «Как яблочко румян». В изданиях стихи из «Антологии житейской глупости» приводятся то в виде двустиший, то в виде четверостиший; мы даем их в виде

двустихий, считая, что здесь у поэта была интенция сохранить связь с античным метром, и, во всяком случае, они должны иметь одинаковую строфическую форму. Однако в предшественнике этой антологии, ст-нии «Это есть художник Альтман...», написанном, вероятно, в 1915 г., ритм четырех последних стихов побуждает нас сохранить его традиционную строфическую форму. Но пока не всегда удается найти приемлемое решение, и о таком важном биографически ст-нии, как «На берегу Эгейских вод...», можно пока лишь высказать предположение о том, что оно известно читателю в искаженной строфической форме.

В предшествующие издания проникали, как бывало и с другими поэтами, тексты, Манделъштаму не принадлежащие; из более сложных случаев укажем на четверостишие:

Спросили как-то война:

— На Шипке всё спокойно?

— Да,— отвечал он,— и на Шипке

Все признают свои ошибки

— попавшее в печать, по-видимому, из «бродячих списков»; авторство Манделъштама здесь еще предстоит доказать или отвергнуть.

Как точно звучал последний стих в стихотворении «Ubi bene, ibi patria...», не помнили ни Е.К.Лившиц, ни Н.Я.Мандельштам; в разных изданиях составители вынуждены искать приемлемое решение сами (что дает иногда продукт вроде «Ubi Лившиц, ibi bene»). Внесем и мы свою лепту в этот редакторский поиск:

«Ubi bene, ibi patria»¹ — говорили прежде древние,
Я ж, имея друга Бена Лившица, скажу обратное:
«Ibi patria, ubi bene».²

Текст первых двух строк (строфическая форма входит в состав нашего предложения) известен нам от Е.К.Лившиц.

Типы рифмовки в неоднократно публиковавшемся по поздней записи Н.Я.Мандельштам «На Моховой семейство из Полесья...» дают некоторые основания к размышлению о том, не явилось ли оно контаминацией двух стихотворений. У нас есть сомнения в точности последних строк и традиционного комментария в таком заметном стихотворении, как

Помпоныч, римский гражданин,
Наскучив жить в развратном изобилье,

¹Где хорошо, там отечество (лат.) — *Reg.*

²Там отечество, где хорошо (лат.) — *Reg.* Подразумевается: «Там отечество, где Бен» (имя «Бенедикт» — латинского происхождения, включает «bene» — благо).

На то имея множество причин,
Включая старческое слабосилье,
К себе гостей однажды пригласил
И сам себе разрезал скукожилья,
Скукожился и дух по ванной испустил.

К иллюстрированным трудностям, примеры которых легко умножить, прибавляются также неустановленность времени поздних записей, служащих источниками текста, а значит — их возможной взаимной обусловленности, малодоступность некоторых архивов и ряд других обстоятельств. Они привели нас к вынужденному решению ограничить объем представленных в разделе стихов. В то же время мы помещаем одно из новонайденных стихотворений и приводим «забытые» переводы нескольких шуточных стихов из книги Ж.Ромена, относящиеся к блестящим образчикам собственного технического мастерства поэта.

432. Печ. впервые по копии в дневнике Ф.Ф.Фидлера (ИРЛИ) с автографа в одном из его альб. (не разыскан). В источнике не датировано, датируется по местоположению и сопутствующим записям (не исключено, по одной из них, что ст-ние было создано на «башне» Вяч. Иванова 14 марта 1911 г.). По алфавиту *Игги к ответу*. По-видимому, подразумевается имевшийся в поэтических кружках обычной читать стихи поочередно в алфавите фамилий.

433. ВП. Альм. 3. Печ. по автографу в альб. А.Ахматовой (РГАЛИ). В двух первых стихах обыгрываются слова Ахматовой «А теперь я игрушечной стала» («По аллеям проводят лошадок...», 22 февр. 1911).

434. Жизнь искусства. 1922. 25 июля, в статье В.Пяста «Отрекшийся претендент», где ошибочно приписано Вас. Гиппиусу. Печ. по: Лит. наследство. 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 211, где приведено по автографу (РГАЛИ). Подписано: И.Мандельштам. Датируется по тексту шуточного послания: «Милостивый государь, 10 декабря сего года в ресторане „Вена“ Вы избраны королем русских поэтов»; ниже записаны шуточные стихи Е.Кузьминой-Караваевой, Вас. Гиппиуса, В.Пяста и Мандельштама (прозаический текст написан, вероятно, рукой В.Кузьмина-Караваева). Об обстоятельствах «выборов», на которых два голоса из пяти были поданы за Сологуба, см.: *Встречи*, с. 256.

435. ВП. Альм. 4. В «Листках из дневника» А.Ахматовой, где говорится: «Гумилев рано и хорошо оценил Мандельштама. Они познакомились в Париже (см. конец стихотворения Осипа о Гумилеве. Там говорилось, что Николай Степанович был напудрен и в цилиндре» (1, с. 190; далее приведен публикуемый «конец» ст-ния). Датируется по содержанию.

436. Встречи. Париж, 1945. Сб. 2, в статье-некрологе К. Мочульского «О.Э.Мандельштам». Автор вспоминал: «Ему нужно было сдать экзамен по греческому языку, и я предложил ему свою помощь. Он приходил на уроки с чудовищным опозданием, совершенно потрясенный открывшимися ему тайнами греческой грамматики. Он взмахивал руками, бегал по комнате и декламировал нараспев склонения и спряжения. Чтение Гомера превращалось в сказочное бытие; наречия, энклитики, местоимения преследовали его во сне, и он вступал с ними в загадочные личные отношения. Когда я ему сообщил, что причастие прошедшего времени от глагола „пайдево“ (воспитывать) звучит „депайдевкос“, он задохнулся от восторга и в этот день не мог больше заниматься. На следующий урок пришел с виноватой улыбкой и сказал: „Я ничего не приготовил, но написал стихи“. И, не снимая пальто, начал петь. Мне запомнились две строфы (приводится публикуемый текст — А.М.)» (35, с. 112). Константин Васильевич Мочульский (1892—1948) был в то время студентом старшего курса университета (романо-германского отделения, где учился и Мандельштам). Время его занятий с Мандельштамом устанавливается по сведениям из его писем в сопоставлении с университетским делом Мандельштама: между нояб. 1912 и февр. 1913 г. *Аорист* — форма глагола, обозначающая недлительное действие, полностью отнесенное к прошлому

437. Герштейн Э. Новое о Мандельштаме. Париж, 1986. С. 187—188. Печ. по записи Рудакова (со слов поэта) в его письме к жене от 6 авг. 1935 г. (ИРЛИ) с сопроводительным текстом: «А вот кусочек: осколок забытого сонета Гумилеву (год 1915)». Ст-ние, вероятнее, было написано раньше — в 1913 г. (наиболее ранняя возможная датировка — осень 1912 г.). Сравнительная характеристика П.Верлена и Теофила Готье в ст-нии (ст. 3—4) основывается, по-видимому, на том, что Готье был назван Гумилевым среди имен, составлявших «краеугольные камни акмеизма», в отличие от Верлена (Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1).

438. Дни. 1926. 4 апр., в очерке Г.Иванова «Петербургские зимы», в котором автор относит чтение ст-ния Мандельштамом к 1913 г. (а в книге «Петербургские зимы» — к 1915 г.). С реалиями стихи, по воспоминаниям Иванова, связи не имели.

439. Русская эпиграмма. Л., 1989. (Б-ка поэта. БС.). Печ. по альб. М.Шкапской (РГАЛИ), куда было записано его владелицей со слов В.Пяста со следующей сопроводительной записью: «Был такой критик Недоброво (писал в „Русской мысли“ об Ахматовой), который очень часто цитировал стихотворение Фета „Истрепались сосен мохнатые ветви...“». Николай Владимирович *Недоброво* (1882—1919) — член «Общества ревнителей художественного слова» и организатор «Общества поэтов» (1913—1914). В па-

мать о Недоброво Мандельштам ввел мемуарную запись о нем в «Шум времени» (гл. «В не по чину барственной шубе»).

440—448. Лукоморье. 1915. № 6 (7 февр.) (ст-ния 1—4, 8), под загл. и под псевдонимом /Анк Сульпициус/. Датируется на основании мемуарных свидетельств, дат архивных источников и публикаций. Наиболее раннее свидетельство принадлежит сыну владельца пансионата в Мустамьяках, в котором Мандельштам подолгу жил в 1911—1912 гг., Григорию Семеновичу Рабиновичу: «В декабре 1911 г. Мандельштам явился в „Бродячую Собаку“ и сказал экспромтом: „Господа, я нашел за границей, в Италии, пергаменты неизвестного поэта, Caius'a Stultitius'a и перевел их; они отличаются закрутленной античной глупостью...“» (далее цитировались ст-ния 1—3) (ВП. Альм. 3. С. 24). Г.Иванов, публикуя подборку шуточных стихотворений, писал: «„Античные глупости“, „Гранхопс“, „Жора“ — так назывались эти стихи. <...> Покойный Н.Гумилев чрезвычайно ценил этот жанр, даже переоценивал, пожалуй. <...> Достаточно сказать, что сравнения с такими мэтрами острословия, как Козьма Прутков и Теодор де Банвиль, неизменно делались им — в пользу наших „Античных глупостей“» (Звено. 1924. 29 сент.). Здесь и в последующем Иванов писал о коллективном авторстве этих ст-ний. Однако никто больше не предъявлял прав на соавторство в «Антологии...», и решающим фактом в этом отношении является создание в первой половине 1920-х гг. «Антологии...» в виде рукописной книги (АЛ) (об авторстве Мандельштама см. также: *Встречи*, с. 261). Она представляет собой автограф с правкой М.Лозинского (книга, возможно, и создавалась по его просьбе); в подборку не вошло ст-ние 6. Правка Лозинского имеет уточняющий смысловой и стилистический характер: так, «кратеры хранил» он заменил на «амфоры берег» (кратер — сосуд для смешения вина с водой, а не для его хранения), «как же живут» в ст-нии 7 на «кто же живет». Вошедшие в рукописную книгу ст-ния печатаются в настоящем издании по ее тексту; поправки Лозинского не учитываются (т. к. в жанре «глупости» точность не обязательна), кроме двух, которыми Лозинский снял пометы над ст-ниями 5 (было: /М.Лозинскому/) и 7 (было: /Шилейка/).

1. *Лежать в объятиях Морфея* — образное выражение, означающее «спать»; Морфей (греч. миф.) — сын бога сна Гипноса и нередко с ним отождествляется.

3. Феб (греч. миф.) — одно из имен бога солнца Аполлона.

5. Звено. 1924. 29 сент., в очерке Г.Иванова «Китайские тени». *Сын Леонига* — М.Л.Лозинский (см. примеч. 30), в квартире которого в 1911—1914 гг. проходили редакционные собрания «Гиперборея» и заседания Цеха поэтов. Комизм ст-ния основывается на противоречии — щедрость и

дружелюбие Лозинского были общеизвестны. Опальному поэту он помогал материально и в 1937—1938 гг.

6. Встречи, с. 261. В записи ст-ний 4 и 5—6, датированной 17 февр. 1914 г. (АЛ), являлось продолжением ст-ния 5, при этом ст. 1 читался: /Если же гость от него уходил, сердитый, в «Собаку»/.

7. Звено. 1924. 29 сент., в очерке Г.Иванова «Китайские тени». Шилейка — Владимир Казимирович Шилейко (1891—1930) — филолог-востоковед, поэт и переводчик; в это время — студент университета, входил в Цех поэтов. Диалог между «небожителем» и «смертным» вызван, вероятно, ст-нием Шилейко:

На Васильевском славном острове...

Здесь нам миров наобещают,
Здесь каждый сильный мне знаком,—
И небожители вещают
Обыкновенным языком.

Степенный бог проведать друга
Приходит здесь: поклон, привет —
И поднимаются в ответ
Слова, как снеговая вьюга.

9. Соч., где приведено по записи 1920-х гг. из альб. М.Шкапской (РГАЛИ), здесь с пометкой /Ю.Юркуну/. Юркун (наст. фамилия Юркунас) Юрий (1895—1938) — прозаик; художник. Жил в Петербурге с 1913 г.; входил в круг поэта М.А.Кузмина и был его интимным другом.

449. Звено. 1924. 29 сент., в очерке Г.Иванова «Китайские тени». Печ. по тексту, приведенному Г.Адамовичем (Опыты. 1956. Кн. 6). В стихах речь идет о Натане Исаевиче Альтмане (1889—1970), а оценка его живописи восходит, вероятно, к критическим отзывам в среде художников левого направления, собрания которых Мандельштам посещал в 1915—1916 гг. (Пунин Н. Квартира № 5 // Панорама искусств. М., 1981. Вып. 4). Ср. характеристику современного исследователя: «Художник реалистического и даже академического толка по своей сути, поспешно испробовавший рецепты различных постимпрессионистических стилей...» (Толмачев М. Ахматова в изобразительном искусстве // Тайны ремесла. М., 1992. С. 160).

450. СС-2. Т. 4. Печ. по автографу из архива С.И.Антимонова (РГАЛИ). Ст-ние написано по сюжету комической пьесы В.О.Трахтенберга «Загадка и разгадка». Датируется согласно данным А.М.Конечного с соавторами о постановке пьесы в «Привале комедиантов» в февр.—марте 1917 г. (Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник на 1988. М., 1989. С. 134). *Ахтер, шравший испанца* — Антимонов,

исполнявший в пьесе роль матадора Фернандо Поганеца (Поганца).

451. Соч. (искаженный текст). Печ. по автографу в альб. Паллады Олимповны Богдановой-Бельской (Гросс, Дерюжинская и др., до замужества — Старынкевич; 1885—1968), хозяйки литературного салона в Петербурге (альб. в собр. Э.В.Гросса). Ниже в скобках поэт приписал к собственной подписи: «гладко выбритый и совершенно не влюбленный», а Паллада вставила перед словом «совершенно» реплику: «в эту неделю». Из другой ее пометы явствует, что в Алуште (где в так называемом «Профессорском уголке» в компании петербуржцев жили Паллада и Мандельштам), они брали молоко у одной молочницы. Имя Паллады — одно из имен (эпитетов) Афины в греч. («языческой») миф. Следует учитывать и репутацию Паллады, отразившуюся в «Записках об Анне Ахматовой» Л.Чуковской: «Спросила, слышала ли я о Палладе? — Нет. — Даже не слышали? Это можно объяснить только вашей сверхъестественной молодостью. Она была знаменита. Браслеты на ногах, гомерический блуд. Один раз при мне она сказала своей приятельнице: „У меня была дивная квартира на Моховой. Ты не помнишь, с кем я тогда жила?“» (запись от 20 июля 1939 г.).

452. Новый мир. 1961. № 1, в мемуарах И.Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Читалось автором в Феодосии; приводя эти стихи, Эренбург писал: «В самые трагические минуты он смешил нас газеллами...».

453. Звено. 1924. 29 сент., в очерке Г.Иванова «Китайские тени». Печ. по этой публ.; в дальнейшем Иванов печатал текст с другой редакцией ст. 1: /Если грустишь, что тебе задолжал я одиннадцать тысяч,/. Было вписано в альб. Р.В.Рура (ныне в ИРЛИ), но, как обманувшее ожидания владелицы альб., тут же ею вырвано и уничтожено (36, с. 135). Роза Васильевна содержала в помещении издательства «Всемирная литература» коммерческий киоск, но «не была лишена и эстетических чувств. <...> На всех литературных вечерах ее неизменно можно было видеть в первом ряду...» (Рождественский В. Страницы жизни. М., 1974. С. 203).

454. Новый мир. 1978. № 6, в воспоминаниях В.Катаева «Алмазный мой венец». Катаев сообщал, что, нуждаясь в деньгах, они пошли в Главполитпросвет к Крупской. «Надежда Константиновна <...> объяснила нам обстановку в современной советской деревне, где начинали действовать кулаки. Кулаки умудрялись выдавать наемных рабочих — батраков — за членов своей семьи, что давало им возможность обходить закон о продналоге. <...> „Кулаков я хитрость выдам, расскажу без лишнего слов, как они родни под видом укрывают батраков“ — бодро начал я и предложил щелкунчику продолжить, но он с презрением посмотрел на меня и, высокомерно вскинув голову, почти пропел: „Я удивляюсь,

как вы с вашим вкусом можете предлагать мне этот сырой, излишне торопливый четырёхстопный хорей, лежащий совершенно вне жанра и вообще вне литературы!" После этого он сообщил мне несколько интересных мыслей о различных жанрах сатирических стихов, причем упомянул имена Ювенала, Буало, Вольтера, Лафонтена и, наконец, русских — Дмитриева и Крылова. Я сразу понял, что наше предприятие под угрозой. Между тем щелкунчик, видимо, все более и более вдохновлялся, отыскивая в истории мировой поэзии наиболее подходящую форму. Он высказал мысль, что для нашей темы... более всего подходит жанр крыловской басни: народно и поучительно. Он долго рассказывал по комнате от окна к двери, напевая что-то про себя, произносил невнятно связанные между собой слова, останавливался, как бы прислушиваясь к голосу своей капризной музы, потом снова начинал ходить взад-вперед».

455. Чукоккала, с. 236. Написано в соавторстве с Б.Лившицем. Действие происходит во время, когда в результате административного постановления издательства «Всемирная литература» должно было слиться с Ленинградским отделением Государственного издательства (сокращенно — ГИЗ). *Горлинки* — вымышленное название денежных единиц, от фамилии Александра Николаевича Горлина (1878—1938), главного редактора отдела иностранной литературы ГИЗа. От него зависело получение заказов на переводы, которые являлись тогда основным источником существования как Мандельштама, так и Лившица. *Царство Короленки*. Подразумевается «Всемирная литература». *Ионов Илья Ионович* (1887—1942) — литератор, партийный деятель, в это время — заведующий ГИЗом. *Гиз* — подразумевается издательство; с аллюзией на герцога Гиза, боровшегося за французский престол. *Авессалом* — сын царя Давида, поднявший мятеж против отца (2 Цар., 15). *Двум Александрам*. Имеются в виду Горлин и А.Н.Тихонов, возглавлявший «Всемирную литературу». *С лица... не воду пьем*. Обыгрывается пословица «С лица не воду пить». *Envoi* — заключительное четверостишие средневековой баллады, подводящее итог сказанному.

456—461. Соч. (ст-ния 1—3, 6); Лит. учеба. 1987. № 3 (ст-ния 4, 5, в статье П.Нерлера «Осип Мандельштам — читатель Пушкина»). Печ. по копиям из архива П.Лукницкого. В одной из них подборка из ст-ний 1—5 датирована 1925—1928 гг. Ст-ния 2, 3 с большой долей вероятности, а 5 и 6 несомненно были написаны зимой 1920—1921 г. в Доме искусств, ст-ние 4 — в 1924 или 1925 г., в пору раннего знакомства Мандельштама и Лукницкого.

2. *Анна Ивановна Ходасевич* (до замужества Чулкова, в первом браке — Гренцион; 1887—1964) жила зимой 1920—1921 г. в Доме искусств в Петрограде вместе с мужем В.Ф.Ходасевичем (оставившим красочное описание упоминаящейся в ст-нии ванной в своем мемуарном очерке «Дом Искусств») и сыном от первого брака Гарриком (см. ст-ние 3).

3. *Гарик Ходасевич по фамилии Гренцион* — Г. Гренцион (род. ок. 1907), пасынок В.Ф.Ходасевича; его фамилию не носил. *Альциона есть элегия Шенье*. Стихов с таким названием или соответствующих по содержанию у А.Шенье нет.

4. *Павел Николаевич Лукницкий* (1900—1973) — литератор, биограф Н.Гумилева (с 1924 г. встречался с Мандельштамом, записывая мемуарные сведения о Гумилеве). Павел Николаевич *Милюков* (1859—1943) — видный историк, лидер партии кадетов и член Временного правительства.

5. Печ. с конъектурой в ст. 1 (в копиях начальная буква в слове «горький» — строчная).

6. *Мария Игнатьевна Бенкендорф* (урожд. Закревская; 1892—1974) — подруга и личный секретарь А.М.Горького. Эмигрировала в январе 1921 г.

462—469. Ромен Ж. *Обороты*. Л., 1925. Печ. по этому изданию. Основу сюжета романа (Мандельштам был и переводчиком, и автором предисловия к указанному изданию) составляют похождения компании студентов. Начало книги застает друзей в кабачке. Они пьют и забавляются. Случайно среди какого-то хлама им попадает карта Франции, они начинают ее рассматривать. Из названий городов *Амбер* (главный город департамента Пюи-де-Дом, где делался лучший в Оверни сыр) и *Иссуар* (близлежащий) рождается игра в бурме на рифмы *Амбер — камамбер* (сорт сыра) — *Иссуар — писсуар*. В настоящем издании они выделены в цикл. В дальнейшем друзья едут в эти города и там проказничают; ст-ние 469 является стихотворным посланием, в котором адресат извещается в слегка затемненных фразах о месте и времени назначенного ему свидания. *Приштин* — см. примеч. 104. *Схвер ремесел и искусств*, по книге, действительно имелся в местечке Мелен.

470. СС-2. Т. 2. Печ. по авторизованному списку (РГАЛИ, ф. 1893, рукой А.Е.Крученых (дата — рукой автора), с пометой /Из «Антологии античной глупости»/. Бытовала версия о том, что эти стихи связаны с исключением В.И.Нарбута (1928), что вступает в противоречие с датой ст-ния (ее, в свою очередь, также нельзя считать установленной окончательно).

471. СС-2. Т. 2. Печ. по записи А.Крученых (РГАЛИ, ф. 1893; записи фрагментов, помета: /Из забытой поэмы о двух Гонкурах/) с дополнениями по записи П.Лукницкого (архив Лукницкого, запись неполного текста). Братья *Эгмон* и *Жюль* (Жуль) де Гонкур — франц. писатели, соавторы. Сюжет ст-ния связан, вероятно, с их «Дневником». *Не оказали б им такой французы чести*. Вероятно, речь идет об учрежденной в их честь Гонкуровской премии, одной из наиболее престижных во Франции. *Регингот* — длинный сюртук особого покроя.

472. СС-2. Т. 1. *Мария* — М.М.Шкапская (1891—1952), поэтесса. *Пяста* в *Бруссоны* возьми, *Франс* без *халата* *сбежит*. Ж.-Ж.Бруссон был секретарем А.Франса и после его смерти издал книгу «Анатоль Франс в туфлях и халате» (рус. перевод — 1925); сопоставление основывается, вероятно, на том, что рассказы В.Пяста послужили источником многих записей Шкапской в ее альб.

473. Соч. Печ. по списку (недатированному) Н.Я.Мандельштам (СИ), с восполнением (предположительным) замененного отточием слова (вероятно, купированного) в ст. 3 («сатрапа»). Датируется по времени выхода в свет памфлета Георгия Аркадьевича *Шенгели* (1894—1956) «Маяковский во весь рост» (М., 1927), из-за которого, по-видимому, и была написана эпиграмма. *Лахути* А.А. (1887—1957) — персидский поэт, участвовал во втором тебризском восстании (1922), после поражения которого эмигрировал в Россию, занимал ответственные посты в издательствах и писательских организациях. *Российских ямбов керченский смотритель*. Шенгели был выходцем с юга России (в Керчи прошли его гимназические годы), а «ямбы» исследовал в трудах по стиховедению, издававшихся в 1920-е гг.

474. СС-2 Т. 1. Печ. по недатированному списку Н.Я.Мандельштам (СИ), датируется предположительно. В ст. 1 подразумевается библейский Моисей, заключивший с Богом Завет («договор») на горе Синай, а потом подтвердивший его у горы Фасга (Второзаконие, 5); *Фавор* (священная гора в Палестине) здесь — поэтическая вольность. В ст. 2 подразумеваются издательские договоры.

475. СС-2 Т. 1. Датируется предположительно. *Закладная* — не повозка, заложенная лошадьми, а документ о даче недвижимости в залог (под заклад); *подорожная* — не путь, а документ о маршруте поездки, дающий право на обмен лошадей на почтовых станциях.

476. Б-ка Крокодила. Печ. по копии С.Рудакова (источник — архив Мандельштама) в письме к жене от 16 янв. 1936 г. (ИРЛИ). Датируется по сюжету: в конце 1930 г. на базе литературно-художественного отдела Государственного издательства и издательства «Земля и фабрика» (ЗИФ) было образовано Государственное издательство художественной литературы (*ГИХЛ*), его первым директором был Василий Иванович *Соловьев* (1890—1939), видный деятель РКП(б). *Халатов* Артемий Борисович (1896—1938) в это время руководил Госиздатом.

477. СС-2. Т. 4. Печ. по записи Е.Я.Архиппова (РГАЛИ, ф. 2209), с уточнением в разбивке на стихи. *Вермель* Юлий Матвеевич (1906—1943?) — биолог, соавтор Б.Кузина (см. примеч. 188) и Е.С.Смирнова по книге «Очерки по теории эволюции» (М., 1924). Они составляли ядро группы молодых ученых на кафедре зоологии университета (распо-

лагалась, вместе с музеем, на Большой Никитской ул., см. ст. 1). *Барбе д'Оревиальи* Ж.А. (1808—1889) — франц. писатель, автор книги «О дендизме и Джордже Бреммеле» (рус. перевод — 1912); возможно, именно эту книгу поэт увидел «в Вермелевом скарбе». *Дерби* (англ., *гарби* — вариант произношения) — вид скачек.

478. СС-2. Т. 1. Обращено к поэту Павлу Васильеву (1910—1937), который бывал у Мандельштама в «Доме Герцена» в 1932—1933 гг. «Осип Эмильевич его полюбил. Васильев платил тем же, часто прибегал, читал свои стихи»; «в кулуарах говорили, что он находится под влиянием Мандельштама» (6, с. 63). Ст-ние может быть понято в двух противоположных смыслах: либо как утверждение о смежовторности пересудов о «подражании» Васильева, или Мандельштам мог действительно усмотреть подражание в ст-нии Васильева «Старая Москва» (1932).

479. СС-2. Т. 1. *Князь Андрей*— А.В.Звенигородский (см. примеч. 188).

480—489. Впервые: ст-ния 4, 8 — *Грани*. 1949. Кн. 5, в статье Н.Осипова «Внутренняя эмиграция в СССР»; ст-ния 3, 5, 7 — Мандельштам Н.Я. Вторая книга. Париж, 1972. С. 144—145; ст-ния 1, 2, 9, 10 — *Russian Literature*. 1977. Vol. 5. Iss. 3, в статье А.Григорьева и Н.Петровой «Мандельштам на пороге 30-х годов», ст-ние 6 — Герштейн Э. Новое о Мандельштаме. Париж, 1986. С. 44. Печ. по первым публикациям (в ст-нии 10 учтена поправка И.Д.Ханцин). Александр Осипович (Иосифович) *Моргулис* (1898—1938, погиб в лагере) был выходцем из Ростова. Окончил Донской университет. С 1919 г. работал в Кавказском отделении Российского телеграфного агентства (РОСТА). Во время операции Красной Армии на территории Персии (Ирана) был заведующим Персидским отделением КавРОСТА в г. Решта. В 1923 г. вместе с женой, пианисткой И.Д.Ханцин, переехал в Петроград. По ее свидетельству, Мандельштам начал бывать в их доме с 1927 г., и в это время появились первые «маргулеты». В 1931 г. Моргулис получил должность в газете «За коммунистическое просвещение» (орган Наркомата просвещения) и около двух лет жил в Москве; общался с Мандельштамом вплоть до ареста поэта в 1934 г. В конце 1920-х гг. дебютировал как переводчик. Его фигура отразилась в ряде воспоминаний; Н.Я.Мандельштам писала: «Лучшие „маргулеты“ пропали. Их законом было — начинать со слов „Старик Маргулис“ и получать одобрение самого „старика“...» (25, с. 109).

1. *Бубнов Андрей Сергеевич* (1884—1940) — видный деятель РКП(б), в 1929—1937 гг. нарком просвещения РСФСР. Была ли «рекомендация» связана со знакомством — сведений не получено. Писатели Л.Е.Островер (1889/1890—1962) и М.С.Живов (1893—1962) находились,

в глазах Мандельштама, судя по иронической ноте в стихах, на периферии литературы. Писатель М.Э.Козаков (1897—1954), по «Путешествию в Армению» (1931), «принес публичное покаяние в том, что был орнаменталистом», и за это «ему уготовано место в седьмом кругу дантовского ада» (гл. «Москва»).

2. *На Востоке*. См. примеч. 480—489. *Исторьетта* (в знач. «историйка») — неологизм, сочиненный поэтом; подразумеваются исторические экскурсы в сочинениях М. Шагинян.

3. *Бубнов*. См. примеч. 480.

4. *Из Наркомпроса*. Подразумевается, вероятно, работа в газете «За коммунистическое просвещение». Истоки Тигра и Евфрата — двух великих рек Востока — находятся в Персии (Иране), где Моргулис был в 1920 г. Эфрос А.М. заведовал в эти годы отделом франц. литературы ГИХЛа, и к его «истокам» Моргулис, по-видимому, «путешествовал» в поисках заказа на переводы.

5. *Преследуют мое воображенье*. Перифразируются стихи Баратынского «Сей поцелуй, дарованный тобой, Преследует мое воображенье...» («Поцелуй»).

6. *Не соответствую своему назначению*. «Назначение» глаз Моргулиса должно было соответствовать, по-видимому, его должности заведующего сектором информации газеты.

7. Служба Н.Я.Мандельштам в газете (ЗКП — аббревиатура названия), куда она устроилась по протекции Моргулиса, относится, приблизительно, к 1931 г.

9. Н.Семейко — литератор; писал стихи. Моргулис был знаком с ним, вероятно, по работе в КавРОСТА.

490. СС-2. Т. 1. По свидетельству Н.Я.Мандельштам, обращено на лезгинского политического поэта и революционера Сулеймана Стальского (1869—1937; в 1934 г. получил звание «народного поэта Дагестана»).

491. СС-2. Т. 1. Два первых стиха — цитата из стиха Пушкина «Прозерпина» (искажение цитаты в публ. возникло, возможно, при записи стиха по памяти в послевоенные годы и исправлено в наст. изд.). Поэт В.Пяст в начале 1934 г. некоторое время жил у Мандельштамов в новой квартире. Л.Н.Гумилев, тогда также живший у Мандельштамов во время своего приезда из Ленинграда, говорил (в 1975 г.) о подошлеке стиха следующее: «Время было голодное. Всем хотелось есть, но не сладкого — от него на голодный желудок мутит».

492. СС-2. Т. 1. Написано в то же время, что и стиха 491. *Семьдесят пятый отрыв*. «Отрывами» Пяст называл

главы своих поэм; их он читал Мандельштамам (24, с. 18). *Чую смущенной душой* — реминисценция из ст-ния Пушкина «На перевод Иляды».

493. СС-2. Т. 1. Печ. по списку Н.Я.Мандельштам (СИ), датируется по содержанию: в это время у Мандельштама гостил Л.Н.Гумилев, и оба они ухаживали за Петровых (7, с. 116). О М.С.Петровых см. примеч. 215. С сюжетом какого апокрифа проводит параллель Мандельштам — не установлено.

494. СС-2. Т. 1. Печ. по этой публ., с поправкой, внесенной в ст. 8 М.Петровых, которой поэт читал эту стихотворную шутку. Об обстоятельствах ее создания М.Петровых, которая в это время переводила литовских и украинских поэтов, сообщала: «В одно из первых посещений Мандельштама у меня были затруднения с переводами из украинцев — это коварный язык именно из-за своей близости к русскому. Он сказал: „Я тоже не знаю. Все знает Давид <Бродский>. Спустимся к нему“» (запись 1975 г.). О Шенгели см. примеч. 473; в это время он, по данным В.Перельмутера, заведовал редакцией поэзии народов СССР в Гослитиздате (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 135).

495. ВП. Альм. 3. Печ. по записи П.Лукницкого в его архиве. Датой знакомства Ахматовой и Мандельштама считается 14 (1) марта 1911 г. *Ахматовой уклады*. Здесь обыгрываются строки Ахматовой «Ты давно перестала считать уклады — Грудь мертва под острой иглой» («Отрывок», 1912).

496—503. Некоторые из басен (или «дурацких басен», как определен этот жанр у Мандельштама в письме С.Рудакова к жене от 15 июня 1935 г., ИРЛИ) печатались при жизни поэта, жанр нескольких из сохранившихся в записях без труда определяется по стилю, ст-ния 500 и 501 отнесены к нему предположительно.

496. СС-2. Т. 1. «*На посту*» (1923—1925) — журн. литературной группы «Октябрь», поставившей целью проводить партийную линию в литературе.

497. Смехач. 1924. № 19, с подзаг. «басня». *Ксенгз* — польский католический священник. *Партикулярий*. Здесь, вероятно, так назван человек, не разделявший традиционную позицию католической церкви по отношению к разводам. *Аквариий*. Здесь — аквариум. *Викарий* — помощник католического священника.

498. Красная газ. 1925. 19 окт. Веч. вып., с подзаг. «басня». *Акажу* — вид красного дерева. *Люговик* и *рококо* — стили мебели. *Ж.П.Марат* и *О.Мирабо* — деятели Великой французской революции.

499. Красная газ. 1925. 26 окт. Веч. вып., с подзаг. «басня». Печ. по этой публ. с исправлением в ст. 7 «не» на «и» (по-видимому, технической опечатки).

500. СС-2. Т. 1. Датируется предположительно по содержанию. Ст-ние писалось, вероятно, в конце нэпа, но с какой стороны деятельности Л.М.Кагановича оно было связано, нам не удалось установить.

501. СС-2. Т. 1. Датируется предположительно.

502. СС-2. Т. 4. Печ. и датируется по записи Н.Я.Мандельштам (АМ).

503. Герштейн Э. Новое о Мандельштаме. Париж, 1986. С. 189. Печ. по копии С.Рудакова в его письме к жене от 15 июня 1935 г. (ИРЛИ). Написано на пути к месту ссылки (Чердынь).

504. СС-2. Т. 4. Печ. по тексту воспоминаний Н.Штемпель: «Как-то Мандельштамы пришли к нам. Осип Эмильевич подошел к письменному столу, выдвинул ящик (там лежали особенно любимые книги) и увидел листки розовой бумаги со стихами, написанными тушью. Почерк ему показался знакомым. Осип Эмильевич без разрешения прочитал их. Сергей Борисович <Рудаков>, уезжая, переписал для меня свои стихи, среди них было одно, посвященное мне. Не знаю, по каким признакам Осип Эмильевич об этом догадался. Называлось оно „Баллада о движении“ (в разлив, ранней весной, мы сидели с Сергеем Борисовичем на плоту). В стихотворении были слова „источник слез“. Осип Эмильевич ничего не сказал, лукаво улыбнулся и написал эпиграмму...» (63, с. 48).

505. СС-2. Т. 4, со ссылкой на автограф в АМ. Печ. по этому изданию с восполнением ст. 2 по тексту воспоминаний Н.Штемпель, где говорилось: «Была еще эпиграмма. Я всегда делала горячую завивку, Осип Эмильевич постоянно говорил, что мне лучше с гладкими волосами, но я оставалась верна своей привычке, тогда он написал эпиграмму...» (63, с. 50). *Источник слез*. См. примеч. 504.

506. Воронежские тетради. Анн Арбор, 1980. Датируется соответственно воспоминаниям Н.Штемпель: «Часто по вечерам от Мандельштамов я спешила к своему дяде, который болел и которого я очень любила. Так возникла шуточная надпись, приложенная к книжке „Стихотворения“ издания 1928 года, подаренной мне Осипом Эмильевичем... На книге была совсем другая надпись: „Милая Наташа, не знаю, что и написать. Так мне приятно, что нашлась книжка подарить, хоть и плохая. Обещаю никогда больше таких книг не писать и во всем слушаться — при условии, что и меня будут слушаться. О.М. В.<оронж>. 1/III 37 г.“. История подаренной книги такова. Троша, соквартирант Сергея Бо-

рисовича, получил путевку в местный дом отдыха... и там ему в библиотеке попала книжка стихов Манделыштама, о котором он постоянно слышал от Рудакова. Недолго думая, Троша украл книжку и передал Осипу Эмильевичу для получения автографа. Между тем, пока Осип Эмильевич собирался это сделать, Трошу направили на постоянную работу в район. О книжке все забыли. Как-то случайно она попала на глаза, Осип Эмильевич очень обрадовался: действительно, Вадиной резинкой (это был мальчик хозяйки) по возможности стер надписи и просто грязь, просмотрел все стихи, помню, одно вычеркнул, два дописал, что-то исправил... и подарил мне» (63, с. 49). СХИ — сельскохозяйственный институт.

507. СС-2. Т. 1. Печ. по автографу (РГАЛИ, запись на обороте фрагмента ст-ния 284).

ПЕРЕВОДЫ

Первую попытку переводить стихи Манделыштам сделал по совету И. Анненского (что известно по «Листкам из дневника» Ахматовой). Вероятно, к году встречи с Анненским (1909) относится незавершенный перевод «La chair est triste, hélas...» С. Малларме:

Плоть опечалена, и книги надоели...
Бежать... Я чувствую, как птицы опьянели
От новизны небес и вспененной воды.
Нет — ни в глазах моих старинные сады
Не остановят сердца, пляшущего, доле;
Ни с лампою, в пустынном ореоле,
На неисписанных и девственных листах;
Ни молодая мать с ребенком на руках.

Но все известные стихотворные переводы, если не считать сонетов Петрарки, включенных в «Новые стихи», были выполнены в сравнительно небольшой трехлетний период с конца 1921 до начала 1925 г. За это время Манделыштам перевел около 90 произведений, в том числе две драмы (с тех пор не переиздававшиеся) — «Человек-масса» Э. Толлера и «Кромдейр-старый» Ж. Ромена. В 1930-е гг., по свидетельству Ахматовой, «Осип Эмильевич был врагом стихотворных переводов. <...> Манделыштам знал, что в переводах утекает творческая энергия, и заставить его переводить было почти невозможно» (1, с. 202). В 1920-е гг. гонорары за переводы были основным источником бюджета молодой семьи Манделыштамов, и этим объясняется их количество. В издательских условиях и рамках цензуры первых после революционных лет у Манделыштама еще была свобода выбора, и часть переводов сохранила достаточно яркие параллели к творческой биографии и образному строю собственных произведений поэта. Переводы из Ж. Расина и старофранцузского эпоса — дань памяти тем формообразу-

ющим влияниям, которые оказали на поэта романская литература и культура. О переводах из старофранцузского эпоса Н.Я.Мандельштам писала: «Москва же была периодом клятв; обет нищеты... дан в „Алексее“, и он дополняется тем, что сказано в „Алискансе“». Это не просто переводы, и они должны входить в основной текст, как «Сыновья Аймона». В этих вещах... Мандельштам выразил себя и свои мысли о нашем будущем» (25, с. 101). После них Мандельштам прибегает, с помощью переводов, к освоению революционного опыта (а с революционной средой он соприкасался еще в училище, и эти влияния запечатлелись в его юношеских стихах). В этом нисхождении он делает три шага. В стихах О.Барбье революция и пореволюционная фаза даются в контексте историософском, на языке, привычном культурной среде его времени. Затем, в поисках психологии коллективизма, он обращается к творчеству французских поэтов-универсалистов (оно в свое время привлекало внимание и Гумилева). Наконец, последней ступенью в постижении «психологии масс» стало обращение к творчеству пролетарского поэта М.Бартеля — наиболее крупной и одновременно завершающей переводной работе Мандельштама.

Жан Расин

508. КЗ (единственный источник текста). Датируется по БП, где использованы сведения, полученные от Н.Я.Мандельштам: «поэт получил предложение перевести трагедию полностью, но был переведен только отрывок». Обращение к «Федре» Расина прослеживается у Мандельштама с 1914 г., см. примеч. 52, 72 и эссе «Скрябин и христианство» (29). В подводящей итоги статье «О природе слова» (1922) говорилось: «Акмеистический ветер перевернул страницы классиков и романтиков, и они раскрылись на том самом месте, какое всего нужнее было для эпохи. Расин раскрылся на „Федре“...». Перевод представляет собой диалог *Ипполита*, сына Тесея (см. примеч. 72) и его воспитателя *Терамена*. *Трезен* — см. примеч. 72. *Где гложет Ахерон в жилище мертвецов*. По греч. мифам, Ахерон — река на северо-западе Греции — отделяла землю от царства мертвых. *Элида* (Элида) — гавань в Беотии. *Тенар* (Тенарон) — мыс на юге Пелопоннеского полуострова. *Мне рассказала зыбь о рухнувшем Икаре*. У Расина речь идет об Эгейском море, где, по преданию, нашел свою гибель Икар. *Искатель новых нег*. О многочисленных любовных похождениях Тесея сообщал Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях».

Из старофранцузского эпоса

Эти переводы были выполнены Мандельштамом в 1922 г. и явились поздним свидетельством его интереса к культуре романского средневековья, отразившегося и в его

стихах 1912—1913 гг. Знания по средневековой романской литературе он получил в университете, где занимался у Д.К.Петрова и В.Ф.Шишмарева. Свои переводы Мандельштам собрал в книгу, договор на издание которой он заключил с московским Госиздатом, а несколько позже — с «Всемирной литературой» в Петрограде; «Сыновья Аймона», кроме того, включались в сборники (см. примеч. 124). Представленные в издательства рукописи (списки Н.Я.Мандельштам) сохранились и ныне находятся в ИМЛИ; согласно архивным пометам, будем различать их как «Рукопись 1» и «Рукопись 2». Кроме включенных в настоящее издание, в них вошли отрывки из «Паломничества Карла Великого в Иерусалим и Константинополь» и «Коронования Людовика», а также поэма «Берта — Большая Нога» в обработке Адене-ле-Руа. В примеч. мы использовали комментарий А.Д.Михайлова (Соч., т. 2).

509. *Slavica Hierosolymitana*. 1979. Vol. 4. Печ. по «Рукописи 2» (ИМЛИ), с исправлением описки в ст. 64 гл. 2 (было: «А уж я отпущу вас...»); опущены значения «Аой», смысл которых утрачен, кроме того, в переводе попавшие не на свое место. Дошедший до нас текст «Песни о Роланде» сложился не ранее XII в., в эпоху крестовых походов, и не имеет почти никакой связи ни с целями, ни с реальными обстоятельствами похода Карла в Испанию 778 года, в котором погиб один из его военачальников, маркграф Хруодланд (Роланд). Прототипы некоторых персонажей «Песни...» действовали в более позднее время, а некоторые имена вообще вымышлены; ниже эти исторические несоответствия, как правило, не оговариваются. Передача личных имен в поэме вариативна: Оливье — Оливьер, Ронсеваль — Ронсево и др. Марсиль (Марсилиус) — сарацинский царь. Аполону раг. В «Песне...» сарадины считаются язычниками, и поэтому им приписывается вера в богов древнегреческого пантеона. Олифант (Олифан) — рог из слоновой кости (откуда и название), принадлежавший Роланду. Дюрангаль («твердый») — меч Роланда. Оливье — по поэме, один из пэров, соратник Карла Великого. Аспрское ущелье — горный проход в Пиренеях; отряд Роланда прикрывает идущее по нему войско Карла (о нем идет речь в следующем стихе). Генелон — по поэме, один из соратников Карла Великого, оказавшийся предателем. Василии-мученик — архиепископ Херсона (в царствование Диоклетиана), принявший мученическую смерть от язычников. Дионисий — святой, считавшийся первосвятителем Галлии и покровителем Франции. Перчатку в знак смирения снял с правой руки. В средние века этот жест был традиционным в отношении вассала к своему сюзерену. Воскресивший Лазаря — согласно Евангелию от Иоанна (гл. 2). Даниила вырвавший из львиных лап — согласно Книге пророка Даниила (гл. 4). Ронсеваль — местность, где произошло сражение. Племянник мой. Речь идет о Роланде. Архиепископ — Турпин, упоминавшийся выше; далее перечисляются погибшие вместе с ним пэры. Князь Най-

мон — ближайший советник Карла. *Шарлемань* — Карл Великий. *Айс* — Аахен, столица Карла. *Дог*. В оригинале здесь говорится о медвежонке, который, как полагают исследователи, олицетворяет предателя Генелона (см. выше). *Бранимонг* — жена Марсиля. *Оскорбляют его*. Здесь и ниже в поэме отразились средневековые представления о нравах мусульман: они бесчестят своих идолов в наказание за собственные неудачи. *Терваган* — языческое божество. *Карбункул* — драгоценный камень. *Эмир* — упоминающийся ниже Балаган, который должен был идти с войском на помощь Марсилю. *Вавилон* — воображаемая столица сарацин; отождествляется с Новым Вавилоном (Каиром). *На верхушках... много карбункулов*. Считалось, что драгоценные камни ночью светятся и их можно использовать в качестве фонарей. *Марброза* и *Марбриза* — легендарные топонимы. *Эбр* — река в Испании. *Магом* — Магомет. *Блун*. Это имя (между имен других легендарных персонажей) введено переводчиком. *Альда* — сестра Оливье, невеста Роланда. *Хлогвиг* — сын Карла, будущий король Людовик Благодетельный.

510. СС-2. Т. 1. Печ. по «Рукописи 2» (ИМЛИ). Поэма входит в эпический цикл Гильома Оранжского. В ней рассказывается о сражении франков с сарацинами при Алискансе — древнеримском некрополе в окрестностях Арля. В переведенном отрывке рассказывается, как Гильом (Вильгельм) Оранжский после поражения от сарацин и гибели племянника Вивьена приходит в свою столицу, чтобы собрать новое войско. *Гибурк* — жена Вильгельма (Гильома), сарацинская царевна, до крещения носившая имя Орабль. *Курносый* — кличка Вильгельма (Гильома): его нос был поврежден в сражении. *Багук* и *Дерамед* — вожди сарацин, Дерамед был отцом Гибурк. *Что близ Нейрона убит*. Это неточность перевода: в оригинале речь идет об апостоле Петре, который «блюдет Луг Неронов», т. е. Ватиканский холм в Риме, где когда-то находился сад, разбитый императором Нероном. *Ураст*. Здесь перевод неточен: на самом деле речь идет о сарацинском военачальнике Корсольте из Ураста.

511. СС-2. Т. 1. Печ. по «Рукописи 1» (ИМЛИ), но без сохранения разбивки стихов на полустишия. Этот список содержит авторские исправления и пробы переработки некоторых стихов. Не удовлетворенный, как представляется, качеством перевода некоторых мест, Мандельштам вычеркнул два фрагмента. После «Я годами убелен, серебрят меня седины» следовало:

Для тебя я сохранял почести и вклады,
 Ты ж с презреньем отвернул от них свои взгляды!
 Превеликая скорбь на меня сошла ныне.
 Пусть в пресветлый Божий рай душа твоя внидет!
 Лучше б ты доспехи взял — рыцарь с малолетства,
 Препоясался мечом, как сверстники детства.

После «Что она теперь гниет в земле сырой и холодной» следовало:

Благородный юноша, как я должна плакать, —
Ожидала я давно хорошего знака,
Но печальные пришли известия, однако!

Исключенные стихи в настоящем издании заменены отточиями. Загл. приводится по «Рукописи 2» как соответствующее оригиналу; в «Рукописи 1» текст озаглавлен (возможно, в предвидении цензуры) /Из повести об Алексее/ и снабжен примеч.: /Один из древнейших памятников французской словесности: зачаток романа и драматического светского повествования/. Оригинал датируется серединой XI в. По легенде, Алексей — Человек Божий родился у дотоле бездетной четы знатных римлян в царствование Аркадия и Гонория (IV—V в.). Он получил наилучшее воспитание и образование; после совершеннолетия родители нашли для него невесту из царского рода. Однако после брачного пира Алексей тайно оставил дом и начал, раздав свои деньги и одежду, странствовать и нищенствовать. Через 17 лет он, вопреки своей воле, снова попадает в Рим и находит, неузнанный, приют в доме своего отца, где прожил еще 17 лет; лишь после смерти Алексея из его письма (см. ст. 1) обнаружилось, кем был нищий.

Огюст Барбье

Над этой группой переводов Мандельштам работал в 1923 г. Помимо включенных в настоящее издание, он перевел стихотворения Барбье «Бронза», «Джин», «Ирландские холмы», «Шахтеры Ньюкестля». В статье, предваряющей публ. «Собачьей склоки», Мандельштам писал: «Июльская революция 1830 года была классически неудачная революция. Казалось, никогда еще так цинично и нагло не злоупотребляли именем народа. По существу, это был мостик между двумя монархиями: бурбонской, Карла X, и орлеанистской, Луи-Филиппа. Это был мостик от полуфеодальной реставрации, опиравшейся на уцелевших львов бывшей эмиграции, на крупное землевладение, — набожной, ханжеской, бездарной в экономических вопросах, не понимавшей ни духа, ни потребностей времени, — к настоящей буржуазной монархии Луи-Филиппа, к королю финансистов и биржевиков, покровителю заводчиков, перед которым охотно склонилась буржуазия, увидев почти самое себя на троне. Волна европейских революций 1830 и 1848 года совпала с открытием эры железных дорог, с реальным выступлением парового двигателя. Городской пролетариат всюду содрогнулся, как бы почувствовав в своей груди новую неслышанную силу kloчущего пара. Но это был лишь толчок. Движение было впереди.

Между тем картинная, театральная сторона парижской революции 30-го года была великолепна и не стояла ни в

каком соответствии с ее реальными достижениями. Париж снова как бы копировал гениальную постановку 1793 года. Три дня — 27, 28 и 29 июля глубоко впечатляли парижан, особенно врзался в память мощный набат, потрясавший в эти дни воздух, так как собор Парижской Богоматери был захвачен мятежниками. Казалось, по городу пронесся ураган: срубленные деревья, выкорчеванные фонари, опрокинутые пролетки, баррикады, вылепленные старинным искусством революционного улья из разной всячины, как кузов птичьего гнезда,— вот что оставила после себя трехдневная июльская буря.

Эти три дня заслужили и получили своего поэта. Огюст Барбье не был революционером. Сын адвоката (род. в 1805 г.), к моменту революции он служил клерком у нотариуса Делаваля (брата знаменитого романтического писателя). В этой нотариальной конторе скопилось целая группа молодых писателей романтического толка, горячих театралов, восхищенных Гюго, поклонников живописной средневековой старины. Барбье разделял их увлечения, и, если бы не 1830 год, он навсегда бы остался бледным и банальным романтиком. <...> В Россию, несмотря на запрещение николаевской цензуры, Барбье проник очень рано. Лермонтов зачитывался им на гауптвахте и испытал сильное его влияние. В кружке петрашевцев Барбье знали и переводили; поколение шестидесятников, не будучи в состоянии оценить поэтической силы Барбье, восхищалось им как сатириком. <...> Некрасов переложил стихотворение Барбье „Пророк"... Но в поэзии Барбье нас пленяет даже не страсть, не буйство образа, а одна почти пушкинская черта: умение одной строкой, одним метким выражением определить всю сущность крупного исторического явления». Влияние Барбье проявилось в ст-нии 126. В примеч. нами использованы коммент. Н.Харджиева (БП).

512. Прожектор. 1923. № 13 (15 авг.). Печ. по этой публ. с поправками Харджиева (БП), устранившими мелкие неисправности журнального текста (за исключением поправки в ст. 1 гл. 2, редакцию которой считаем авторской). Перевод ст-ния «La Ciguée»; загл. является охотничьим термином, не имеющим русского эквивалента, и означает ту часть убитой дичи или зверя, которую дают охотничьей собаке. В статье, предваряющей публ. перевода, Мандельштам писал: «Интересно, что в июльские дни Барбье отсутствовал в Париже. Он был в отъезде, а вернулся, когда на улицах оставались горячие следы борьбы и происходила уже дележка власти. Барбье не был очевидцем „трех дней". Его поэзия родилась из ощущения контраста между величием пронесшегося урагана и убожеством достигнутых результатов. За несколько дней до появления знаменитой „Собачьей склоки" Барбье журналист Жирарден писал в „Парижском Обозрении": „Две недели назад были днями народного мятежа, минутами храбрости и энтузиазма. Теперь — возмущение совсем другого рода, восстание всех добывающихся

места. Они бегут впереди с такой же пылкостью, с какой народ бросался в битву...". Литературные враги Барбье после напечатания „Собачьей склоки“ обвиняли его в заимствовании, чуть ли не в пересказе этой газетной статьи. Но нам кажется, что умение использовать злобу газетного дня для своего вдохновения ничуть не умаляет, а лишь увеличивает заслугу поэта. „Собачья склока“ была напечатана в газете „Журналь де Деба“; еще не высохла типографская краска, как имя поэта было у всех на устах. Слава пришла одним ударом, одним стихотворением, потом она надолго померкла». *Жуя патроны*. Здесь поэтическая вольность: жевали войлочный или бумажный пыж для дульной зарядки кремневого ружья. *Сен-Жермен* — аристократический квартал на левом берегу Сены, против Лувра. *Фригийский... коллап* — см. примеч. 126. *С двадцатилетним вдруг бежала капитаном*. Речь идет о Наполеоне Бонапарте; ниже подразумеваются события, последовавшие за Великой французской революцией.

513. Наши дни. М.; Пг., 1924. № 4. Печ. по этой публ., ст. 2 — по беловому автографу (стихов 1—8) из собр. Е.Э.Мандельштама (в печатном тексте было: /Устал греметь горохом недовольства/). Перевод ст-ния «*Quatre-vingt-treize*». 1793 год был годом наивысшего напряжения Великой французской революции: на фоне неудач республиканской армии против интервентов и мятежников Тулона прошедшие 31 мая—2 июня выступления парижан привели к власти якобинцев, вскоре установивших режим революционного террора. *Народ героев нанизал на реи*. Подразумевается термидорианский террор после падения якобинцев в 1794 г. *И выстрелил четырнадцатью армий*. Во второй половине 1794 г. республиканские войска одержали несколько побед на фронтах боев с интервентами.

514. Звезда. 1924. № 3. Печ. по этой публ., с исправлением опечатки в ст. 9. Перевод вступительной части ст-ния «*L'émeute*».

515. Звезда. 1924. № 2. Печ. по тексту: Накануне. 1924. 9 марта. Перевод заключит. главы ст-ния «*La Popularité*». *Моряна* — ветер с моря. *Светлана*. Здесь — условное поэтическое имя (введено Жуковским). *Корибантка* — служительница оргиастического культа фригийской богини Кибелы.

516. Пролетарская правда. Киев, 1924. 6 янв. Печ. по тексту: Красный журн. для всех. 1924. № 3. Перевод гл. 3 из ст-ния «*L'Idole*» (с пропусками). В черновике своей статьи о Барбье (см. преамбулу) Мандельштам упоминает это ст-ние под загл. «Истукан»: «особняком стояли два последние стихотворения, направленные против культа Наполеона, — „Популярность“ и „Истукан“. В ненависти своей к Наполеону Барбье одинок во всей романтической школе. <...> Для него Наполеон еще жив. Яд наполеоновского культа, разла-

гающий демократию того времени, яд, приготовленный в лабораториях лучших поэтов, он рассматривал как опаснейший токсин» (БП, с. 314). *Мессигор* — название месяца республиканского календаря (с 19—20 июня по 18—19 июля); в переводе означает «дар жатвы». *Ясь* — ясность. *Овидь* — горизонт, самый дальний план обозримого.

Жорж Дюамель

Ж. Дюамель (1884—1966) — франц. писатель. Входил в группу «Аббатство» (1906), примкнул к унанимистам. Мандельштам перевел также книгу его прозы «Письма к моему другу патагонцу» (1927).

517. Современный Запад. 1923. № 3. Перевод «Ode à quelques hommes» из сб. «Спутники» (1912).

Макс Бартель

М. Бартель (1893—1975) — немецкий поэт. Родился в рабочей семье (был сыном каменщика). С четырнадцати лет работал, вступил в социалистический союз рабочей молодежи; бродяжничал по странам Европы. Четыре года сражался на фронте солдатом. Со стихами выступил в 1916 г. В 1918 г. вступил в коммунистическую партию Германии и участвовал в ноябрьской революции в Штутгарте; после подавления революции пять месяцев провел в тюрьме. В 1920 г. совершил длительную поездку по России. Мандельштам в 1924 г. перевел 50 его стихотворений из четырех сборников и издал их книгой под названием «Завоеем мир!» (Л., 1925), предварив ее своим предисловием: «На примере Бартеля мы видим, как историческая необходимость создает классового поэта из чуждого материала, перерабатывая в горниле классовой борьбы идеалистическую психологию, преодолевая символизм и заставляя служить интересам масс весь арсенал буржуазной поэтики. В Германии пролетарская поэзия возникла путем отщепления от основной глыбы бюргерской символической поэзии. В Бартеле еще свежа эта трещина: так блестит свежестью излома только что отбитый кусок кварца.

Кто предки Бартеля? С одной стороны, вся вековая мудрость германского символизма с ее родоначальником Гете, а с другой — Фрейлиграт, Гервег и немногие другие литературные одиночки-революционеры. <...> Между культурой и рабочей молодежью стоит решетка государства и классового насилия. „Решетку“ надо разбить. Тоска по обетованной стране культуры, которую должен завоевать пролетариат, напоминает у Бартеля тягу старших немецких поэтов к Италии, к блаженному югу. В его „Утопии“ — жгуче-синее небо, растут лавры и т. п. Это — *классовый романтизм культуры*, оправданный временно противоречием в самом существе

положения германской рабочей массы. В лице Бартеля германская поэзия, насыщенная музыкой и мощным чувством природы (чувством космическим), пошла на службу революции. Интересно, как пульсируют у Бартеля самые обычные „поэтические“ образы: так, например, лес неоднократно становится у него, с глубокой внутренней логикой, воплощением коллективной мощи и действия... Если бы не война и не русская революция, мы бы никогда не увидели Бартеля во весь рост. История оставит за ним имя поэта германского „Марта“, поэта 1919-го года, подобно тому, как Барбье был вынесен на гребне революции 1830 года. Жажда действия, стыд бессилия <...> вся нравственная трагедия на этот раз уже не одной молодежи, а мучительно созревшего *класса*, — все это выражено Бартелем позднейшего периода с чисто германской мужественностью.

Когда читаешь Бартеля, нельзя забывать огромное значение *лесни* в общественной жизни Германии. Певческие союзы... в буржуазных студенческих и рабочих кругах Германии — политическая сила, агитационные аппараты. И Бартель своими стихотворными брошюрками... обращается не просто к массе, а к поющей массе. Формально — выученик германского символизма, исторически — ученик войны и русской революции, он пытается претворить ее в кровь и голос германского пролетариата.

Все тексты в настоящем издании печатаются по книге «Завоеем мир!»; она является единственным источником текста для тех ст-ний, первая публ. которых не указана ниже в примеч. В примеч. использовались данные из статьи Х.Майера (Die Welt der Slaven. 1991. Jg. XXXVI. N. F. XVI).

518. Красная газ. 1924. 12 окт. Перевод ст-ния «Petersburg». *Наш ноябрь — свистун германский*. Подразумевается неудача ноябрьской (1918 г.) революции в Германии.

519. Перевод ст-ния «Der Wind».

520. Перевод ст-ния «Erleuchtung». *Стрелет* — см. примеч. 125.

521. Немецкий оригинал не обнаружен. *Некар*. Вероятно, в переводе Мандельштам буквально заимствовал слово «пескер» (дрознить, подтрунивать).

522. Красный журн. для всех. 1924. № 7. Молодая Германия. Харьков, 1926 (другая редакция). Немецкий оригинал не обнаружен.

523. Перевод ст-ния «Liebeslied».

524. Перевод ст-ния «Alles Schwere, was auf meinen Händen lastet».

525. Перевод ст-ния «Die zarte Glut».

526. Перевод ст-ния «Der Liebende».

527. Перевод ст-ния «Gras».

528. Перевод ст-ния «Wald und Berg».

529. Перевод ст-ния «In der Morgenfrühe».

530. Перевод ст-ния «Lied in der Schweiz».

531. Красный журн. для всех. 1925. № 3. Печ. с восстановлением редакции последнего стиха по первой публ. (в книге «набег» вм. «на бег»). Перевод ст-ния «Verdun».

532. Звезда. 1925. № 2 (автором ошибочно указан Э.Толлер). Перевод ст-ния «Utopia».

533. Перевод ст-ния «Der erste Traum».

534. Звезда. 1924. № 5, под загл. /Клич/. Перевод ст-ния «Der Aufruhr».

535. Перевод ст-ния «Erwachen der Stadt».

536. Перевод ст-ния «Überschlag».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- | | |
|----------------|--|
| А | — Аполлон (журнал). |
| АЗ | — архив М.А. Зенкевича (ГЛМ). |
| АЛ | — архив М.Л. Лозинского |
| АМ | — архив О.Э.Мандельштама (фотокопии, собр. Ю.Л.Фрейдина). |
| АЧ | — архив К.И.Чуковского. |
| Б-ка Крокодила | — Мандельштам О. Извозчик и Дант. М., 1991. (Б-ка «Крокодила»). |
| БП | — Мандельштам О. Стихотворения / Подг. текста и примеч. Н.И.Харджиева. Л., 1973. (Б-ка поэта. Большая сер.). |
| ВК | — Мандельштам О. Вторая книга. М.; Пб., 1923. |
| ВП. Альм. 2 | — Воздушные пути. Нью-Йорк, 1961. Альм. 2. |
| ВП. Альм. 3 | — Воздушные пути. Нью-Йорк, 1963. Альм. 3. |
| ВП. Альм. 4 | — Воздушные пути. Нью-Йорк, 1965. Альм. 4. |
| ВР(С)ХД | — Вестник русского (студенческого) христианского движения (журнал). |
| ВС | — Ватиканский список (свод стихов 1930—1935 гг., в АМ). |
| Встречи | — Пяст В. Встречи. М., 1929. |
| Г | — Гиперборей (журнал). |
| ГАРФ | — Государственный архив Российской Федерации (ранее — ЦГА-ОР). |
| ГЛМ | — Государственный литературный музей. Отдел рукописей. |
| ГРМ | — Государственный Русский музей. Сектор рукописей. |
| ДнКабл | — дневник С.П.Каблукова (РНБ). |
| ИМЛИ | — Институт мировой литературы им. А.М.Горького. Отдел рукописей. |

- ИРЛИ — Институт русской литературы. Отдел рукописей.
- К1 — Мандельштам О. Камень. СПб., 1913.
- К2 — Мандельштам О. Камень. Пг., 1916.
- К3 — Мандельштам О. Камень М.; Пг., 1923.
- ККабл — второе издание «Камня» (К2), экземпляр С.П.Каблукова (в составе АМ).
- К-1990 — Мандельштам О. Камень. Л., 1990. (Лит. памятники).
- КорпАв — корпус автографов, относящийся к неосуществленному изданию «Камня» (в 1914 г.) в издательстве Аверьянова (ИРЛИ, ф. 428).
- КорпАв-2 — корпус источников, относящийся к неосуществленному изданию «Камня» (в 1920-х гг.) в издательстве Аверьянова (собр. А.Г.Островского).
- Музей Ахматовой — Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Сектор рукописей.
- НК — Наташина книга (свод стихов 1930—1937 гг., сделанный для Н.Е.Штемпель, ныне в АМ).
- ПС — Последние стихи. Рукописный сборник стихотворений 1920 г. (автограф, частное собр.).
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (ранее — ЦГАЛИ).
- РГБ — Российская государственная библиотека (ранее — ГБЛ). Отдел рукописей.
- РНБ — Российская национальная библиотека (ранее — ГПБ). Отдел рукописей.
- С — Мандельштам О. Стихотворения. М.; Л., 1928.
- Свод — свод стихотворений 1930—1937 гг. из архива И.М.Семенко (Мандельштам О. Новые стихи // Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж, 1990).

- СИ
Собр. соч. — собр. А.Ивича (И.И.Бернштейна).
— Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Терра, 1991.
- СМ — собр. Б.И.Маршака.
- СП — собр. С.В.Поляковой.
- Соч. — Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
- СС-1 — Мандельштам О. Собрание сочинений: В 2 т. Вашингтон; Нью-Йорк, 1964—1966.
- СС-2 — Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. [2-е изд.]. Вашингтон; Нью-Йорк; Париж, 1967—1981.
- Струве-1962 — Струве Н. Итальянские образы и мотивы в поэзии Осипа Мандельштама // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver. Roma, 1962.
- СХ — собр. Н.И.Харджиева.
- Т — Мандельштам О. Tristia. Пб.; Берлин, 1922.
- ЦГИАП — Центральный государственный исторический архив Петербурга.
- Чукоккала — Чукоккала / Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979.

ИНДЕКС ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

1. Ахматова А.А. Листки из дневника // Вопр. лит. 1989. № 2.
2. Васильева Л.Н. Саломея, или Соломинка, не согнутая веком // Огонек. 1988. № 3.
3. Венцлова Т. Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам — переводчики Петрарки // Рус. лит. 1991. № 4.
4. Гаспаров Б.М. Сон о русской поэзии // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. I.
5. Гатов А.Б. Уроки мастерства // Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж, 1990.
6. Герштейн Э.Г. Новое о Мандельштаме. Париж, 1986.
7. Герштейн Э.Г. Новое о Мандельштаме // Наше наследие. 1989. № 5.
8. Герштейн Э.Г. О гражданской поэзии Мандельштама // Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж, 1990.
9. Гинзбург. Л.Я. О старом и новом. Л., 1982.
10. Зайцев П.Н. Московские встречи // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988.
11. Иванов Вяч. Вс. Мандельштам и биология // Осип Мандельштам: поэтика и текстология. М., 1991.
12. Иванов В.И. По звездам. СПб, 1909.
13. Кантор Е. В толпокрылатом воздухе картин // Лит. обозрение. 1991. № 1.
14. Карпович М.М. Мое знакомство с Мандельштамом // Даугава. 1988. № 2.
15. Кац Б.А. В сторону музыки // Лит. обозрение. 1991. № 1.
16. Купченко В.П. Осип Мандельштам в Киммерии // Вопр. лит. 1987. № 7.
17. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В., Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Russian Literature. 1974. № 7/8.
18. Левин Ю.И. Лексико-семантический анализ одного стихотворения Мандельштама // Слово в русской советской поэзии. М., 1975.

¹В тексте комментариев первая цифра в ссылках на литературный источник соответствует номеру настоящего индекса. Часть литературных источников (цитированных в примечаниях однократно), в настоящий индекс не включена.

19. Левин Ю.И. Заметки о поэзии Мандельштама тридцатых годов. II («Стихи о неизвестном солдате») // Slavica Hierosolymitana. 1979. Vol. 4.
20. Левинтон Г.А. «На каменных отрогах Пиэрии» Мандельштама: Материалы к анализу // Russian Literature. 1977. Vol. 5. Iss. 2, 3.
21. Левинтон Г.А. Мандельштам и Тынянов // Четвертые тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988.
22. Липкин С.И. Угль, пылающий огнем // Лит. обозрение. 1987. № 12.
23. <Лукницкий П.> Осип Мандельштам в записях дневника и материалах архива П.Н.Лукницкого // Звезда. 1991. № 2.
24. Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1989.
25. Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1990.
26. Мандельштам Н.Я. Книга третья. Париж, 1987.
27. Мандельштам Н.Я. Об Ахматовой // Лит. учеба. 1989. № 3.
28. Мандельштам Н.Я. Комментарий к стихам 1930—1937 гг. // Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж, 1990.
29. Мандельштам О.Э. Скрябин и христианство // Рус. лит. 1991. № 1.
30. Мейлах М.Б. «Внутри горы бездействует кумир...» // Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж, 1990.
31. Месс-Бейер И. Эзопов язык в поэзии Мандельштама // Russian Literature. 1991. Vol. 29. Iss. 3.
32. Мец А.Г. О составе и композиции первой книги стихов Мандельштама «Камень» // Рус. лит. 1988. № 3.
33. Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979.
34. Морозов А.А. К 100-летию со дня рождения Мандельштама // Памятные книжные даты — 1991. М., 1991.
35. Мочульский К.В. О.Э.Мандельштам // Даугава. 1988. № 2.
36. Одоевцева И.В. На берегах Невы. М., 1988.
37. Паперно И.А. О природе поэтического слова: богословские источники спора Мандельштама с символизмом // Лит. обозрение. 1991. № 1.
38. Парнис А.Е. Штрихи к футуристическому портрету Мандельштама // Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991.
39. Пастернак Е.В., Пастернак Е.Б. Координаты лирического пространства (к истории отношений Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака) // Лит. обозрение. 1990. № 3.
40. Полякова С.В. «Беловский субстрат» в стихотворениях, посвященных памяти Андрея Белого // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1991. Вып. 881.
41. Полякова С.В. Осип Мандельштам: Наблюдения,

интерпретации, неопубликованное и забытое. Анн Арбор, 1992.

42. Ронен О. Осип Мандельштам // Лит. обозрение. 1991, № 1.

43. Ронен О. К сюжету «Стихов о неизвестном солдате» // Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991.

44. Саакянц А.А. Марина Цветаева: Страницы жизни и творчества. М., 1986.

45. Святополк-Мирский Д.П. О современном состоянии русской поэзии // Новый журн. 1978. Кн. 131.

46. Семенко И.М. Мандельштам — переводчик Петрарки // Вопр. лит. 1970, № 10.

47. Семенко И.М. Поэтика позднего Мандельштама. Рим, 1986.

48. Слово о полку Игореве. Л., 1985 (Б-ка поэта. Б.с.).

49. Слонимский М.Л. Книга воспоминаний. М.; Л. 1966.

50. Смирнов И.П. Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX — начала XX в. // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1981. Вып. 535.

51. Смольевский А.А. Ольга Ваксель — адресат четырех стихотворений Мандельштама // Лит. учеба. 1991. № 1.

52. Струве Н.А. Осип Мандельштам. Лондон, 1990.

53. Тарановский К.Ф. Зеленые звезды и поющие воды в лирике Блока // Russian Literature. 1980. Vol. 8, Iss. 4.

54. Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7/8.

55. Тоддес Е.А. Мандельштам и Тютчев. Lisse, 1974.

56. Тоддес Е.А. Мандельштам и опоязовская филология // Тыняновский сборник: Вторые тыняновские чтения. Рига, 1986.

57. Тоддес Е.А. Статья «Пшеница человеческая» в творчестве Мандельштама 20-х годов // Тыняновский сборник: Третьи тыняновские чтения. Рига, 1988.

58. Тоддес Е.А. Заметки о Мандельштаме // Шестые тыняновские чтения: тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992.

59. Тоддес Е.А. Поэтическая идеология // Лит. обозрение. 1991. № 3.

60. Флейшман Л.С. Борис Пастернак в тридцатые годы. Иерусалим, 1984.

61. Фрейдин Ю.Л. «Остаток книг»: библиотека О.Мандельштама // Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991.

62. Цивьян Т.В. Кассандра, Дидона, Федре: Античные героини — зеркала Ахматовой // Лит. обозрение. 1989. № 5.

63. Штемпель Н.Е. Мандельштам в Воронеже. М., 1992.

64. Broide S. Osip Mandel'stam and his age. Cambridge (Mass.); London, 1975.

65. Myers D. The Hum of Metaphor and the Cast of Voice:

Observations on Mandel'stam's «The Horseshoe Finder» // *The Slavonic and East European Review*. 1991. Vol. 69. № 1.

66. Ronen O. *An Approach to Mandel'stam*. Jerusalem, 1983.

67. Steiner P. *Poem as Manifesto: Mandel'stam's «Notre-Dame»* // *Russian Literature*. 1977. Vol. 5. Iss. 3.

68. Taranovsky K. *Essays on Mandel'stam*. Harvard Slavic Studies. 1976.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- «А мастер пушечного цеха...» 254
А небо будущим беременно... 353
Аббат («О, спутник вечного романа...») 124
«Автоматичен, вежлив и суров...» 368
Автопортрет («В поднятьи головы крылатый...») 337
Адмиралтейство («В столице северной томится
пыльный тополь...») 111
Айя-София («Айя-София — здесь остановиться...») 106
Актеру, игравшему испанца («Испанец собирается
порой...») 371
«Алексей Максимыч Пешков — очень Горький чело-
век...» 374
Алисканс («Вильгельм-государь круто спешит...»)
Из старофранцузского эпоса 406
Американ бар («Еще девиц не видно в баре...») 333
Американка («Американка в двадцать лет...») 114
Антология античной глупости (1—9) 369
Антология житейской глупости (1—6) 373
Ариост («Во всей Италии приятнейший,
умнейший...») 222
Армения (1—12) 187
«Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...» 187
«Ах, старика Маргулиса глаза...» 381
Ахматова («Вполоборота,— о, печаль!..») 117

Баллада о горlinkах («Восстал на царство
Короленки...») 372
Басни (№№ 496—503) 384
Батюшков («Словно гуляка с волшебною тростью...») 218
Бах («Здесь прихожане — дети праха...») 109
«Бежит волна — волной волне хребет ломая...» 248
«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» 126
«Бесшумное веретено...» 304
«Блок...» 367
«Буйных гостей голоса покрывают шумящие
краны...» 369
<Буриме> (1—7) 375

- «Бывает сердце так сурово...» (Ода Бетховену) 121
 «Был некий муж тысячерукий...» (Деятель)
М.Бартель 438
- «Был старик, застенчивый, как мальчик...» (Ламарк) 213
 «Были очи острее точимой косы...» 269
 «Быть может, я тебе не нужен...» (Раковина) 99
- «В аллее колокольчик медный...» (Летние стансы) 332
 «В безветрии моих садов...» 304
 «В белом раю лежит богатырь...» 342
 «В год тридцать первый от рожденья века...»
 (Отрывки уничтоженных стихов) 206
 «В игольчатых чумных бокалах...» 230
 «В изголовьи черное распятые...» 319
 «В лазури месяц новый...» 325
 «В лицо морозу я гляжу один...» 262
 «В морозном воздухе растаял легкий дым...» 300
 «В непринужденности творящего обмена...» 310
 «В огромном омуте прозрачно и темно...» 96
 «В Петербурге мы сойдемся снова...» 153
 «В Петрополе прозрачном мы умрем...» 134
 «В поднятии головы крылатый...» (Автопортрет) 337
 «В половине второго...» 367
 «В просторах сумеречной залы...» 301
 «В разноголосице девического хора...» 345
 «В самом себе, как змей, таясь...» 318
 «В смиренномудрых высотах...» 306
 «В спокойных пригородах снег...» 110
 «В столице северной томится пыльный тополь...»
 (Адмиралтейство) 111
 «В таверне воровская шайка...» 112
 «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» 144
 «В холодных переливах лир...» 301
 «В хрустальном омуте какая крутизна!...» 148
 Век («Век мой, зверь мой, кто сумеет...») 169
 «Венецкой жизни, мрачной и бесплодной...» 150
 Верден («Весной шарахнулась, вскричав...»)
М.Бартель 436
- «Вернись в смесительное лоно...» 149
 «Веселая скороговорка...» 331
 «Весной шарахнулась, вскричав...»
 (Верден) *М.Бартель* 436
 «Ветер нам утешенье принес...» 168
 «Ветер с высоких дерев срывает желтые листья...» 369
 «Вежи дальние обоза...» 256

- «Вечер нежный. Сумрак важный...» 315
- «Вильгельм-государь круто спешит...» (Алисканс)
Из старофранцузского эпоса 406
- «Влез бесенок в мокрой шерстке...» 261
- «Внутри горы бездействует кумир...» 253
- «Во всей Италии приятнейший, умнейший...»
(Ариост) 222
- «Вода, бегущая хрустальным писсуаром...» Ж.Ромен 375
- «Воздух пасмурный влажен и гулок...» 97
- «Возможна ли женщине мертвой хвала...» 246
- «Возьми на радость из моих ладоней...» 157
- «Вооруженный зреньем узких ос...» 269
- «Восстал на царство Короленки...» (Баллада о
горлячках) 372
- Восьмистишия (1—11) 227
- «Вот дароносица, как солнце золотое...» 343
- «Вполоборота, — о, печаль!..» (Ахматова) 117
- «Всё тяжелое, чужое, роковое...» (Неизвестному
солдату) М.Бартель 431
- «Всё чуждо нам в столице непотребной...» 349
- «Вставляйте с мрачного ночлега...» (Призыв)
М.Бартель 439
- «Вы помните, как бегуны...» 215
- «Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...» 182
- «Вы хотите быть игрушечной...» 367
- «Высокая гражданственность Амбера...» Ж.Ромен 376
- «Где вырывается из плена...» 320
- «Где лягушки фонтанов, расквакавшись...» (Рим) 280
- «Где ночь бросает якоря...» 350
- «Где римский судья судил чужой народ...» (Notre
Dame) 107
- «Где связанный и пригвожденный стон?...» 267
- «Где я? Что со мной дурного?...» 256
- «Глядим на лес и говорим...» (Нашедший подкову) 170
- «Голубые глаза и горячая лобная кость...» 233
- «Гончарами велик остров синий...» 282
- Грифельная ода («Звезда с звездой — могучий
стык...») 176
- Гроза права («Лесная загудела качка...») М.Бартель 434
- «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» 241
- «Дайте Тютчеву стрекозу...» 221
- «Дано мне тело — что мне делать с ним...» 91
- «Дев полуночных отвага...» 109

- Декабрист («Тому свидетельство языческий сенат...») 138
 «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» 244
 Деятель («Был некий муж тысячерукий...») *М.Бартель* 438
 «Дикая кошка — армянская речь...» 193
 «Длинной жажды должник виноватый...» 283
 «Довольно кукситься, бумаги в стол засунем...» 209
 «Довольно лукавить: я знаю...» 326
 «Дождик ласковый, мелкий и тонкий...» 325
 Дом Актера («Здесь, на твердой площадке
 яхт-клуба...») 351
 Домби и сын («Когда, пронзительнее свиста...») 115
 «Дочь Андроника Комнена...» (Мадригал) 347
 «Дрожжи мира дорогие...» 261
 «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...» 224
 «Душный сумрак кроет ложе...» 319
 «Душу от внешней условий...» 322
 «Дыханье вещее в стихах моих...» 307
 «Дышали шуб меха. Плечо к плечу теснилось...» 235
- Европа («Как средиземный краб или звезда мор-
 ская...») 120
- Египтянин («Я выстроил себе благополучья дом...») 336
- Египтянин («Я избежал суровой пени...») 330
- «Единственной отрадой...» 313
 «Если б меня наши враги взяли...» 362
 «Если мы уж собрались...» *М.Бартель* 427
 «Если утро зимнее темно...» 305
 «Есть женщины, сырой земле родные...» 288
 «Есть иволги в лесах, и гласных долгота...» 118
 «Есть на большой Никитской...» (Эпиграмма в
 терцинах) 379
 «Есть обитаемая духом...» (Encyclica) 340
 «Есть разных хитростей у человека много...» 372
 «Есть целомудренные чары...» 91
 «Есть ценностей незыблемая скала...» 339
 «Еще далёко асфodelей...» 140
 «Еще далёко мне до патриарха...» 208
 «Еще девиц не видно в баре...» 333
 «Еще мы жизнью полны в высшей мере...» 246
 «Еще не умер ты. Еще ты не один...» 262
 «Еще он помнит башмаков износ...» 270
- Жизнь святого Алексея («Как прочел письмо роди-
 тель...») *Из старофранцузского эпоса* 409
- «Жизнь упала, как зарница...» 354

- «Жил Александр Герцович...» 198
- «За гремучую доблесть грядущих веков...» 198
- «За Паганини длиннопалым...» 248
- «За то, что я руки твои не сумел удержать...» 158
- «Заблудился я в небе — что делать?...» 278
- «Заблудился я в небе — что делать?...» 278
- «Закутав рот, как влажную розу...» 189
- «Зане в садах Халатова-халифа...» 379
- «Зарницы городов маячат в Иссаурах...» *Ж.Ромен* 375
- «Заснула черны! Зияет площадь аркой...» 331
- «Зашумела, задрожала...» 219
- «Звезда с звездой — могучий стык...» (Грифельная ода) 176
- «Звезды сияют ночью летней...» 382
- «Звенигородский князь в четырнадцатом веке...» 380
- Зверинец («Отверженное слово „мир“...») 132
- «Звук осторожный и глухой...» 89
- «Здесь, на твердой площадке яхт-клуба...» (Дом Актера) 351
- «Здесь отвратительные жабы...» 309
- «Здесь прихожане — дети праха...» (Бах) 109
- «„Здесь я стою — я не могу иначе“...» 124
- Змей («Осенний сумрак — ржавое железо...») 317
- «Знай, благородный друг, что в среду, утром росным...» *Ж.Ромен* 376
- «Золотистого меда струя из бутылки текла...» 139
- Золотой («Целый день сырой осенний воздух...») 104
- «И глагольных окончаний колокол...» 368
- «И клена зубчатая лапа...» 229
- «И по-звериному воеет людье...» 194
- «И поныне на Афоне...» 123
- «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...» 229
- «И я выхожу из пространства...» 230
- «Идут года железными полками...» 359
- «Из омута злого и вязкого...» 95
- «Из полутемной залы, вдруг...» 300
- Из Петрарки (I—IV) 231
- «Известно: у католиков развод...» (Лжец и ксендзы) 384
- «Извозчик и Дант» («Извозчик Данту говорит...») 385
- «Из-за домов, из-за лесов...» 251
- «Императорский виссон...» 343
- Импрессионизм («Художник нам изобразил...») 216

- «Испанец собирается порой...» (Актеру, игравшему испанца) 371
- «Исполню дымчатый обряд...» 249
- «Истончается тонкий тлен...» 300
- «Источник слез замерз, и весят пуд оковы...» 387
- К немецкой речи («Себя губя, себе противореча...») 221
- «К пустой земле неволью припадая...» 287
- Казино («Я не поклонник радости предвзятой...») 103
- «Как будто ураган верхи деревьев нагнул...»
(Мятеж) *О.Барбье* 416
- «Как бык, шестикрылый и грозный...» 187
- «Как дерево и медь Фаворского полет...» 271
- «Как женственное серебро горит...» 263
- «Как землю где-нибудь небесный камень будит...» 264
- «Как из одной высокогорной щели...» 230
- «Как кони медленно ступают...» 96
- «Как люб мне натугой живущий...» 193
- «Как на Каме-реке глазу тёмно, когда...» 242
- «Как народная громада...» 211
- «Как некий исполин с Синая и Фавора...» 378
- «Как облаком сердце одето...» 316
- «Как овцы жалкою толпой...» 338
- «Как парламент, жующий фронду...» (Рояль) 201
- «Как по улицам Киева-Вия...» 285
- «Как подарок запоздалый...» 258
- «Как прочел письмо родитель, он света невзвидел...»
(Жизнь святого Алексея)
Из старофранцузского эпоса 409
- «Как растёт хлебов опара...» 166
- «Как светотени мученик Рембрандт...» 268
- «Как соловей, сиротствующий, славит...»
Из Петрарки 231
- «Как средиземный краб или звезда морская...»
(Европа) 120
- «Как тельце маленькое крылышком...» 179
- «Как тень внезапных облаков...» 95
- «Как чёрный ангел на снегу...» 342
- « — Как этих покрывал и этого убора...» 131
- «Какая вещая Кассандра...» 345
- «Какая роскошь в нищенском селеньи...» 190
- «Какой-то гражданин, наверное попович...» 386
- «Какой-то гражданин, не то чтоб слишком пьян...» 386
- Канцона («Неужели я увижу завтра...») 203

- «Карл всемогущий, император наш...» (Песнь
о Роланде) Из старофранцузского эпоса 392
- Кассандре («Я не искал в цветущие мгновенья...») 143
- «Катится по небу Феб в своей золотой колеснице...» 369
- «Каштановый навес над томным писсуаром...»
Ж.Ромен 375
- «Квартира тиха, как бумага...» 225
- Кинематограф («Кинематограф. Три скамейки...») 112
- «Клейкой клятвой липнут почки...» 286
- «Когда б женился я на египтянке...» (Решенье) 388
- «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» 359
- «Когда в ветвях понурых...» 260
- «Когда в далекую Корею...» 214
- «Когда в теплой ночи замирает...» 145
- «Когда городская выходит на стогны луна...» 159
- «Когда держался Рим в союзе с естеством...» 339
- «Когда душе столь торопкой, столь робкой...» 235
- «Когда заулыбается дитя...» (Рождение улыбки) 251
- «Когда корабль столетний государства...» (1793)
О.Барбье 415
- «Когда мозаик никнут травы...» 311
- «Когда на площадях и в тишине келейной...» 142
- «Когда октябрьский нам готовил временщик...» 348
- «Когда подымаю...» 321
- «Когда показывают восемь...» 328
- «Когда пронзительнее свиста...» (Домби и сын) 115
- «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» 152
- «Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...» 137
- «Когда ты уходишь и тело лишится души...» 351
- «Когда тяжелый зной гранил большие плиты...»
(Собачья склока) *О.Барбье* 412
- «Когда удар с ударами встречается...» 93
- «Когда укор колоколов...» 314
- «Когда, уничтожив набросок...» 228
- «Когда уснет земля и жар отпышет...» Из *Петрарки* 232
- «Когда щегол в воздушной сдобе...» 257
- Колосья («Поле сраженья зарубцевалось...»)
М.Бартель 433
- «Колют ресницы. В груди прикипела слеза...» 197
- «Колочая речь араратской долины...» 192
- «Кому зима — арак и пунш голубоглазый...» 164
- Концерт на вокзале («Нельзя дышать, и твердь
кишит червями...») 163
- «..... коробки...» 326

- «Кто время целовал в измученное темя...»
(1 января 1924) 179
- «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...» 348
- «Кто Маяковского гонитель...» 378
- «Кто я? Вольный бродяга я...» *М.Бартель* 426
- «Куда как страшно нам с тобой...» 187
- «Куда как тетушка моя была богата...» (Тетушка
и Мирабо) 384
- «Куда мне деться в этом январе?...» 265
- «Лазурь да глина, глина да лазурь...» 191
- Ламарк («Был старик, застенчивый, как мальчик...») 213
- « —Лесбия, где ты была? — Я лежала в объятьях
Морфея...» (Ревность) 369
- «Лесная загудела качка...» (Гроза права) *М.Бартель* 434
- «Летают валькирии, поют смычки...» 116
- Летние стансы («В аллее колокольчик медный...») 332
- Лжец и ксендзы («Известно: у католиков развод...») 384
- «Листьев сочувственный шорох...» 311
- «Лишив меня морей, разбега и разлета...» 241
- «Люблю внимать средь грохота и теми...»
(Утопия) *М.Бартель* 437
- «Люблю морозное дыханье...» 266
- «Люблю под сводами седья тишины...» 352
- «Люблю появление ткани...» (Восьмистишия, 1) 227
- «Люблю появление ткани...» (Восьмистишия, 2) 227
- Лютеранин («Я на прогулке похороны встретил...») 105
- Мадригал («Дочь Андроника Комнена...») 347
- Мадригал («Нет, не поднять волшебного фрегата...») 334
- «Мандельштам Иосиф — автор этих разных
эпиграмм...» 373
- Маргулеты (1—10) 380
- «Маргулис — он из Наркомпроса...» 380
- «Марья Сергеевна, мне ужасно хочется...» 383
- «Мастерица виноватых взоров...» 236
- «Медленно урна пустая...» 321
- «Медлительнее снежный улей...» 93
- «Меня преследуют две-три случайных фразы...» 234
- «„Милая“ — тысячу раз повторяет нескромный
любовник...» 370
- «Мир должно в черном теле брать...» 359
- «Мир начинался страшен и велик...» 358
- «Мне вспомнился старинный апокриф...» 382
- «Мне жалко, что теперь зима...» 156
- «Мне кажется, мы говорить должны...» 357

- «Мне стало страшно жизнь отжить...» 314
 «Мне Тифлис горбатый снится...» 155
 «Мне холодно. Прозрачная весна...» 134
 «Может быть, это точка безумия...» 279
 «Мой тихий сон, мой сон ежеминутный...» 299
 «Мой щегол, я голову закину...» 252
 «„Мороженоно!“ Солнце. Воздушный бисквит...» 118
 Московский дождик («Он подает куда как скупое...») 169
 «Музыка твоих шагов...» 310
 «Мы живем, под собою не чуя страны...» 226
 «Мы напряженного молчанья не выносим...» 110
 «Мы с тобой на кухне посидим...» 195
 Мятаж («Как будто ураган верхи дерев нагнул...») *О.Барбье* 416
 «Мяукнул конь и кот заржал...» 379
 «На бледно-голубой эмали...» 90
 «На влажный камень возведенный...» 303
 «На высоком перевале...» 210
 «На доске малиновой, червонной...» 276
 «На заре румяной...» *М.Бартель* 435
 «На каменных отрогах Пизэри...» 147
 «На луне не растет...» 116
 «На меня наделилась груша да черемуха...» 287
 «На мертвых ресницах Исаакий замерз...» 247
 «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» 293
 «На перламутровый челнок...» 100
 «На площадь выбежав, свободен...» 118
 «На полицейской бумаге верже...» 191
 «На розвальнях, уложенных соломой...» 133
 «На страшной высоте блуждающий огонь...» 144
 «На темном небе, как узор...» 308
 «На этом диком, страшном свете...» (Телефон) 349
 «Над алтарем дымящихся зыбей...» 312
 «Над желтизной правительственных зданий...»
 (Петербургские строфы) 108
 Наполеоновская Франция («О корсиканский зверь
 с прямыми волосами...») *О.Барбье* 418
 «Наташа спит. Зефир летает...» 387
 «Наушнички, наушники мои...» 239
 Начало «Федры» (« — Решение принято, час перемены
 пробил...») *Ж.Расин* 391
 Нашедший подкову («Глядим на лес и говорим...») 170
 «Не веря воскресенья чуду...» 135
 «Не говори никому...» 192

- «Не говорите мне о вечности...» 303
- «Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть...» 223
- «Не мучнистой бабочкою белой...» 249
- «Не развалины — нет! — но порубка могучего циркульного леса...» 190
- «Не сожалей, что тебе задолжал я одиннадцать тысяч...» 372
- «Не спрашивай: ты знаешь...» 324
- «Не сравнивай: живущий несравним...» 280
- «Не у меня, не у тебя — у них...» 253
- «Не унывай...» 368
- «Не фонари сияли нам, а свечи...» 344
- «Небо вечера в стену влюбилось...» 277
- «Невыразимая печаль...» 92
- «Негодование старческой кифары...» 344
- «Нежнее нежного...» 90
- Неизвестному солдату («Всё тяжелое, чужое, роковое...») *М.Бартель* 431
- «Нельзя дышать, и твердь кишит червями...» (Концерт на вокзале) 163
- Немецкая каска («Немецкая каска, священный трофей...») 341
- «Ненавижу Амбер: это проклятый сыр...» *Ж.Ромен* 376
- «Необходимо сердцу биться...» (Стансы) 363
- «Необходимость или разум...» 312
- Неправда («Я с дымящей лучиной вхожу...») 200
- «Нереиды мои, нереиды...» 284
- «Нет, не луна, а светлый циферблат...» 102
- « — Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...» 202
- «Нет, не поднять волшебного фрегата...» (Мадригал) 334
- «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» 199
- «Нет, никогда, ничей я не был современник...» 181
- «Нету иного пути...» 307
- «Неужели я увижу завтра...» (Канцона) 193
- «Неумолимые слова...» 318
- «Ни о чем не нужно говорить...» 92
- «Ни триумфа, ни войны!..» 340
- «Но в Петербурге акмеист мне ближе...» 367
- «Но в старом Кельне тоже есть собор...» (Реймс и Кельн) 340
- «Ночь. Дорога. Сон первичный...» 255
- «Ночь на дворе. Барская лжа...» 199
- «Нынче день какой-то желторотый...» 252

- «О, бабочка, о мусульманка...» 227
- «О временах простых и грубых...» 117
- «О, годы! О, часы! О, бремя Иссуара!..» Ж.Ромен 375
- «О городскую мостовую...» (Пробуждение города)
М.Бартель 441
- «О, как же я хочу...» 283
- «О, как мы любим лицемерить...» 215
- «О корсиканский зверь с прямыми волосами...»
(Наполеоновская Франция) О.Барбье 418
- «О красавица Сайма, ты лодку мою колыхала...» 299
- «О небо, небо, ты мне будешь снится...» 100
- «О порфирные цокая граниты...» 191
- «О свободе небывалой...» 125
- «О, спутник вечного романа...» (Аббат) 124
- «О, этот воздух, смутой пьяный...» 346
- «О, этот медленный, одышливый простор...» 262
- «Обиженно уходят на холмы...» 344
- «Обороняет сон мою донскую сонь...» 270
- «Образ твой, мучительный и зыбкий...» 102
- Ода Бетховену («Бывает сердце так сурово...») 121
- Ода нескольким людям («Равнины, чей разбег дает
величье небу...») Ж.Дюамель 419
- «Один еврей, должно быть комсомолец...» 378
- «Один портной...» 387
- «Однажды из далекого кишлака...» 386
- «Однажды некогда какой-то подполковник...» 384
- «Озарены луной ночевья...» 305
- «Окружена высокими холмами...» (Феодосия) 151
- «Он подает куда как скупое...» (Московский дождик) 169
- «Она еще не родилась...» (Silentium) 94
- «Опять войны разноголосица...» (А небо будущим
беременно...) 353
- «Орущих камней государство...» 189
- «Осенний сумрак — ржавое железо...» (Змей) 317
- «От вторника и до субботы...» 125
- «От легкой жизни мы сошли с ума...» 336
- «От сырой простыни говорящая...» 245
- «Отверженное слово „мир“...» (Зверинец) 132
- «Откуда привезли? Кого? Который умер?...» 356
- «Отравлен хлеб и воздух выпит...» 115
- Отрывки уничтоженных стихов («В год тридцать
первый от рожденья века...») 206
- «Оттого все неудачи...» 258
- «Отчего душа — так певуча...» 99

- «Паденье — неизменный спутник страха...» 329
 «Пароходик с петухами...» 292
 1 января 1924 («Кто время целовал в измученное
 темя...») 179
 «Переуважена, перечерна, вся в холе...» (Чернозем) 241
 Песенка («У меня не много денег...») 332
 Песнь о Роланде («Карл всемогущий, император
 наш...») Из старофранцузского эпоса 392
 Петербург («Свет тюремный, крест железный...»)
 М.Бартель 422
 Петербургские строфы («Над желтизной
 правительственных зданий...») 108
 Пешеход («Я чувствую непобедимый страх...») 102
 Пилигрим («Слишком легким плащом одетый...») 309
 «Пластинкой тоненькой жиллета...» 254
 «Плещут волны Флегетона...» 382
 «Поговорим о Риме — дивный град!..» 338
 «Под грозowymi облаками...» 313
 «Подивлюсь на свет еще немного...» 252
 «Поедем в Царское Село!..» (Царское Село) 104
 «Поле сраженья зарубцевалось...» (Колосья)
 М.Бартель 433
 «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» 204
 «Полюбил я лес прекрасный...» 220
 «Поляки! Я не вижу смысла...» (Polacy!) 341
 «Помоги, Господь, эту ночь прожить...» 195
 «После полуночи сердце ворует...» 196
 Посох («Посох мой — моя свобода...») 121
 «Почему ты всё дуешь в трубу, молодой человек?...» 372
 «Пою, когда гортань сыра, душа — суха...» 268
 «Преодолев затверженность природы...» 228
 «Привыкают к пчеловоду пчелы...» 383
 Призыв («Вставайте с мрачного ночлега...») 439
 «Природа — тот же Рим и отразилась в нем...» 119
 «Пришли четыре брата, несхожие лицом...»
 (Сыновья Аймона) По старофранцузскому
 эпосу 173
 Пробуждение города («О городскую мостовую...»)
 М.Бартель 441
 «Промчались дни мои, как бы оленей...»
 Из Петрарки 232
 «Прославим, братья, сумерки свободы...» 145
 «Проснулся день, враждебный музыке и снам...»
 М.Бартель 441
 «Простерла руку жизнь над нами...» М.Бартель 432

- Птицы («Сон обвиняет меня темным плющом...») *М.Бартель* 429
- «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...» 240
- «Пустует место. Вечер длится...» 306
- «Пусть в душной комнате, где клоуны серой ваты...» 327
- «Пусть имена цветущих городов...» 119
- «Равнины, чей разбег дает величие небу...»
(Ода нескольким людям) *Ж.Дюамель* 419
- «Разве подумать я мог, что так легковерна Мария?...» 378
- «Развеселился наконец...» 329
- «Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...» 268
- Раковина («Быть может, я тебе не нужен...») 99
- «Рассеен утренник тяжелый...» (Футбол) 334
- Ревность (« — Лесбия, где ты была? — Я лежала в объ-
ятых Морфея...») 369
- Реймс и Кельн («Но в старом Кельне тоже есть со-
бор...») 340
- «Речка, распухая от слез соленых...» *Из Петрарки* 231
- Решенье («Когда б женился я на египтянке...») 388
- «Решенье принято, час перемены пробил...»
(Начало «Федры») *Ж.Расин* 391
- Рим («Где лягушки фонтанов, расквакавшись...») 280
- «Римских ночей полновесные слитки...» 246
- Рождение улыбки («Когда заулыбается дитя...») 251
- Рояль («Как парламент, жующий фронду...») 201
- «Руку платком обмотай и в венценосный
шиповник...» 189
- «Румяный шкипер бросил мяч тяжелый...» (Спорт) 337
- «С веселым ржанием пасутся табуны...» 126
- «С миром державным я был лишь ребячески
связан...» 195
- «С примесью ворона голуби...» 362
- «С розовой пеной усталости у мягких губ...» 165
- «Свет тюремный, крест железный...» (Петербург)
М.Бартель 422
- «Себя губя, себе противореча...» (К немецкой речи) 221
- «Сегодня дурной день...» 98
- «Сегодня можно снять декалькомани...» 212
- «Сегодня ночью, не солгу...» 183
- «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши
приметы...» 149
- «Скажи мне, чертежник пустыни...» 229
- «Скажу ль...» 377
- «Сквозь восковую занавесь...» 309
- «Скудный луч, холодной мерою...» 97

- «Слишком легким плащом одетый...» (Пилигрим) 309
- «Словно гуляка с волшебною тростью...» (Батюшков) 218
- «Слух чуткий — парус напрягает...» 94
- «Слышу на лестнице шум быстро идущего Пяста...» 382
- «Слышу, слышу ранний лед...» 264
- « — Смертный, откуда идешь? — Я был в гостях
у Шилейки...» 370
- «Смутно-дышащими листьями...» 98
- Собачья склока («Когда тяжелый зной гранил
большие плиты...») *О.Барбье* 412
- «Собирались элины войною...» 136
- Соломинка (I—II) 137
- «Сон обвил меня темным плющом...» (Птицы)
М.Бартель 429
- «Сосновой рощицы закон...» 254
- «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья
и дыма...» 203
- Спорт («Румяный скипер бросил мяч тяжелый...») 337
- «Среди лесов, унылых и заброшенных...» 297
- «Среди священников левитом молодым...» 141
- «Средь аляповатых дач...» (Теннис) 113
- «Средь народного шума и спеха...» 266
- Стансы («Необходимо сердцу биться...») 363
- Стансы («Я не хочу средь юношей тепличных...») 243
- Старик («Уже светло, поет сирена...») 107
- «Старик Маргулис зачастую...» 381
- «Старик Маргулис из Ростова...» 380
- «Старик Маргулис на Востоке...» 380
- «Старик Маргулис под сурдинку...» 381
- «Старик Маргулис, примечай-ка!..» 381
- Стихи о неизвестном солдате («Этот воздух пусть
будет свидетелем...») 272
- Стихи о русской поэзии (I—III) 218
- «Стрекозы быстрыми кругами...» 323
- «Сусальным золотом горят...» 89
- «Сын Леонида был скуп, и когда он с гостем
прощался...» 370
- «Сын Леонида был скуп, и, кратеры хранил он
ревниво...» 370
- Сыновья Аймона («Пришли четыре брата, несхожие
лицом...») *По старофранцузскому эпосу* 173
- «Сядь, Державин, развалился...» 218
- «Там, где край был дик...» 382
- «Там, где купальни-бумагопрядильни...» 217
- «Татары, узбеки и ненцы...» 356

- «Твое чудесное произношение...» 141
- «Твоим узким плечам под бичами краснеть...» 357
- «Твой зрачок в небесной корке...» 259
- «Твоя веселая нежность...» 302
- Телефон («На этом диком, страшном свете...») 349
- «Телохранитель был отравлен...» (Футбол) 335
- «Темных уз земного заточенья...» 320
- Теннис («Средь аляповатых дач...») 113
- «Тесно обнявшись, чета дивилась огромной звездой...» 371
- Тетушка и Мирабо («Куда как тетушка моя была богата...») 384
- «Только детские книги читать...» 89
- «Тому свидетельство языческий сенат...» (Декабрист) 138
- «Ты должен мной повелевать...» 358
- «Ты красок себе пожелала...» 188
- «Ты прошла сквозь облако тумана...» 324
- «Ты розу Гафиза колышешь...» 187
- «Ты сейчас блуждаешь где-то...» *М.Бартель* 430
- «Ты улыбаешься кому...» 301
- 1793 («Когда корабль столетний государства...») *О.Барбье* 415
- «Тысячеструйный поток...» 328
- «Тюремные братья, в весенние дни...» *М.Бартель* 428
- «Тянется лесом дороженька пыльная...» 297
- «Тянули жилы, жили-были...» 358
- «У меня не много денег...» (Песенка) 332
- «У нашей святой молодежи...» 356
- «У старика Маргулиса глаза...» 381
- «Убиты медью вечерней...» 316
- «Увы, растаяла свеча...» 216
- «Уже светло, поет сирена...» (Старик) 107
- «Улыбнись, ягненок гневный...» 259
- «Умывался ночью на дворе...» 164
- «Уничтожает пламень...» 123
- Утопия («Люблю внимать среди грохота и теми...») *М.Бартель* 437
- Утро 10 января 1934 года (I—III) 234
- Феодосия («Окружена высокими холмами...») 151
- «Флейты греческой тэта и йота...» 284
- Футбол («Рассеен утренник тяжелый...») 334
- Футбол («Телохранитель был отравлен...») 335
- «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым...» 224
- «Холодно розе в снегу...» 190

- «Холодок щекочет темя...» 166
- «Хоть во сне — с тобой да побуду!..» *М.Бартель* 435
- «Художник нам изобразил...» (Импрессионизм) 216
- Царское Село («Поедем в Царское Село!..») 104
- «Целый день сырой осенний воздух...» (Золотой) 104
- Чарли Чаплин («Чарли Чаплин вышел из кино...») 291
- Чернозем («Переуважена, перечерна, вся в холе...») 241
- «Черты лица искажены...» 336
- «Что делать нам с убитостью равнин...» 263
- «Что здесь скрипением несносным...» 369
- «Что музыка нежных...» 308
- «Что поют часы-кузнечик...» 142
- «Чтоб, приятель и ветра и капель...» 281
- «Чуть мерцает призрачная сцена...» 154
- Шарманка («Шарманка, жалобное пенье...») 327
- «Шестого чувства крошечный придаток...» 228
- «Шло цепочкой в темноводье...» 257
- Эпиграмма в терцинах («Есть на Большой Никитской...») 379
- «Эта Анна есть Иванна — Дом-искусства человек...» 373
- «Эта книжка украдена Трошеею с СХИ...» 387
- «Эта ночь непоправима...» 136
- «Это Гарик Ходасевич по фамилии Грендион...» 374
- «Это есть Лукницкий Павел Николаич человек...» 374
- «Это есть мадам Мария. Уголь есть почти что торф...» 374
- «Это есть художник Альтман...» 371
- Это зыбь («Это зыбь, это зыбь — спокойная моряна...») *О.Барбье* 417
- «Это какая улица?..» 240
- «Этот воздух пусть будет свидетелем...» (Стихи о неизвестном солдате) 272
- «Эфирный холодок в преддверьи писсуара...» *Ж.Ромен* 376
- «Юношей Публий вступил в ряды ВКП золотые...» 377
- «Я буду метаться по табору улицы темной...» 184
- «Я в львиный ров и в крепость погружен...» 271
- «Я в сердце века. Путь неясен...» 254
- «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...» 160
- «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...» 194
- «Я вздрагиваю от холода...» 101
- «Я видел озеро, стоявшее отвесно...» 276
- «Я видел сон — мне бес его внушил...» 380

- «Я вижу каменное небо...» 315
- «Я выстроил благополучья дом...» (Египтянин) 336
- «Я давно полюбил нищету...» 329
- «Я должен жить, хотя я дважды умер...» 240
- «Я живу на важных огородах...» 239
- «Я знаю, что обман в видении немислим...» 322
- «Я избежал суровой пени...» (Египтянин) 330
- «Я изучил науку расставанья...» (Tristia) 146
- «Я к губам подношу эту зелень...» 285
- «Я молю, как жалости и милости...» 275
- «Я на прогулке похороны встретил...» (Лютеранин) 105
- «Я наравне с другими...» 159
- «Я научился вам, блаженные слова...» 137
- «Я не знаю, с каких пор...» 167
- «Я не искал в цветущие мгновенья...» (Кассандре) 143
- «Я не поклонник радости предвзятой...» (Казино) 103
- «Я не слышал рассказов Оссиана...» 120
- «Я не увижу знаменитой „Федры“...» 127
- «Я не хочу среди юношей тепличных...» (Стансы) 243
- «Я ненавижу свет...» 101
- «Я нынче в паутине световой...» 264
- «Я около Кольцова...» 260
- «Я по лесенке приставной...» 167
- « — Я потеряла нежную камею...» 347
- «Я пью за военные астры, за всё, чем корили
меня...» 200
- «Я с дымящей лучиной вхожу...» (Неправда) 200
- «Я связан молоком с языческой Палладой...» 372
- «Я скажу тебе с последней...» 196
- «Я скажу это начерно, шепотом...» 277
- «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» 152
- «Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток...» 242
- «Я тебя никогда не увижу...» 191
- «Я чувствую непобедимый страх...» (Пешеход) 102
- «Язык булыжника мне голубя понятней...» 178
- «Янтарных персиков румянец...» *М.Бартель* 432
- Епсусlica («Есть обитаемая духом...») 340
- Notre Dame («Где римский судья судил чужой на-
род...») 107
- Polacy! («Поляки! Я не вижу смысла...») 34
- Silentium («Она еще не родилась...») 94
- Tristia («Я изучил науку расставанья...») 146

СОДЕРЖАНИЕ

КАМЕНЬ

1. «Звук осторожный и глухой...»	89
2. «Сусальным золотом горят...»	89
3. «Только детские книги читать...»	89
4. «Нежнее нежного...»	90
5. «На бледно-голубой эмали...»	90
6. «Есть целомудренные чары...»	91
7. «Дано мне тело — что мне делать с ним...»	91
8. «Невыразимая печаль...»	92
9. «Ни о чем не нужно говорить...»	92
10. «Когда удар с ударами встречается...»	93
11. «Медлительнее снежный улей...»	93
12. Silentium	94
13. «Слух чуткий — парус напрягает...»	94
14. «Как тень внезапных облаков...»	95
15. «Из омута злого и вязкого...»	95
16. «В огромном омуте прозрачно и темно...»	96
17. «Как кони медленно ступают...»	96
18. «Скудный луч, холодной мерою...»	97
19. «Воздух пасмурный влажен и гулок...»	97
20. «Сегодня дурной день...»	98
21. «Смутно-дышащими листьями...»	98
22. «Отчего душа — так певуча...»	99
23. Раковина	99
24. «На перламутровый челнок...»	100
25. «О небо, небо, ты мне будешь сниться!..»	100
26. «Я вздрагиваю от холода...»	101
27. «Я ненавижу свет...»	101
28. «Образ твой, мучительный и зыбкий...»	102
29. «Нет, не луна, а светлый циферблат...»	102
30. Пешеход	102
31. Казино	103
32. Царское Село	104
33. Золотой	104
34. Лютеранин	105
35. Айя-София	106
36. Notre Dame	107
37. Старик	107
38. Петербургские строфы	108
39. «Дев полуночных отвага...»	109

40. Бах	109
41. «В спокойных пригородах снег...»	110
42. «Мы напряженного молчанья не выносим...»	110
43. Адмиралтейство	111
44. «В таверне воровская шайка...»	112
45. Кинематограф	112
46. Теннис	113
47. Американка	114
48. Домби и сын	115
49. «Отравлен хлеб и воздух выпит...»	115
50. «Летают валькирии, поют смычки...»	116
51. «На луне не растет...»	116
52. Ахматова	117
53. «О временах простых и грубых...»	117
54. «На площадь выбежав, свободен...»	118
55. «Есть иволги в лесах, и гласных долгота...»	118
56. «„Морожено!“ Солнце. Воздушный бисквит...»	118
57. «Природа — тот же Рим и отразилась в нем...»	119
58. «Пусть имена цветущих городов...»	119
59. «Я не слышал рассказов Оссиана...»	120
60. Европа	120
61. Посох	121
62. Ода Бетховену	121
63. «Уничтожает пламень...»	123
64. «И поныне на Афоне...»	123
65. «„Здесь я стою — я не могу иначе“...»	124
66. Аббат	124
67. «От вторника и до субботы...»	125
68. «О свободе небывалой...»	125
69. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»	126
70. «С веселым ржанием пасутся табуны...»	126
71. «Я не увижу знаменитой „Федры“...»	127

TRISTIA

72. «— Как этих покрывал и этого убора...»	131
73. Зверинец	132
74. «На розвальнях, уложенных соломой...»	133
75. «Мне холодно. Прозрачная весна...»	134
76. «В Петрополе прозрачном мы умрем...»	134
77. «Не веря воскресенья чуду...»	135
78. «Эта ночь непоправима...»	136
79. «Собирались элины войною...»	136
80—81. Соломинка	
1. «Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...»	137
2. «Я научился вам, блаженные слова...»	137
82. Декабрист	138
83. «Золотистого меда струя из бутылки текла...»	139
84. «Еще далёко асфodelей...»	140
85. «Среди священников левитом молодым...»	141
86. «Твое чудесное произношенье...»	141

87. «Что поют часы-кузнечик...»	142
88. «Когда на площадях и в тишине келейной...»	142
89. Кассандре	143
90. «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...»	144
91. «На страшной высоте блуждающий огонь...»	144
92. «Когда в теплой ночи замирает...»	145
93. «Прославим, братья, сумерки свободы...»	145
94. Tristia	146
95. «На каменных отрогах Пиэрии...»	147
96. «В хрустальном омуте какая крутизна!..»	148
97. «Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...»	149
98. «Вернись в смесительное лоно...»	149
99. «Венецйской жизни, мрачной и бесплодной...»	150
100. Феодосия	151
101. «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»	152
102. «Я слово позабыл, что я хотел сказать...»	152
103. «В Петербурге мы сойдемся снова...»	153
104. «Чуть мерцает призрачная сцена...»	154
105. «Мне Тифлис горбатый снится...»	155
106. «Мне жалко, что теперь зима...»	156
107. «Возьми на радость из моих ладоней...»	157
108. «За то, что я руки твои не сумел удержать...»	158
109. «Когда городская выходит на стогны луна...»	159
110. «Я наравне с другими...»	159
111. «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...»	160

1921—1925

112. Концерт на вокзале	163
113. «Умывался ночью на дворе...»	164
114. «Кому зима — арак и пунш голубоглазый...»	164
115. «С розовой пеной усталости у мягких губ...»	165
116. «Холодок щекочет темя...»	166
117. «Как растет хлебов опара...»	166
118. «Я не знаю, с каких пор...»	167
119. «Я по лесенке приставной...»	167
120. «Ветер нам утешенье принес...»	168
121. Московский дождик	169
122. Век	169
123. Нашедший подкову	170
124. Сыновья Аймона	173
125. Грифельная ода	176
126. «Язык бульжника мне голубя понятней...»	178
127. «Как тельце маленькое крылышком...»	179
128. 1 января 1924	179
129. «Нет, никогда, ничей я не был современник...»	181
130. «Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...»	182
131. «Сегодня ночью, не солгу...»	183
132. «Я буду метаться по табору улицы темной...»	184

НОВЫЕ СТИХИ

133. «Куда как страшно нам с тобой...»	187
134—145. Армения	
1. «Ты розу Гафиза колышешь...»	187
2. «Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...»	187
3. «Ты красок себе пожелала...»	188
4. «Закутав рот, как влажную розу...»	189
5. «Руку платком обмотай и в венценосный шиповник...»	189
6. «Орущих камней государство...»	189
7. «Не развалины — нет! — но порубка могучего циркульного леса...»	190
8. «Холодно розе в снегу...»	190
9. «Какая роскошь в нищенском селеньи...»	190
10. «О порфирные цокая граниты...»	191
11. «Лазурь да глина, глина да лазурь...»	191
12. «Я тебя никогда не увижу...»	191
146. «На полицейской бумаге верже...»	191
147. «Не говори никому...»	192
148. «Колочая речь Араратской долины...»	192
149. «Как люб мне натугой живущий...»	193
150. «Дикая кошка — армянская речь...»	193
151. «И по-звериному воет людье...»	194
152. «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»	194
153. «Мы с тобой на кухне посидим...»	195
154. «Помоги, Господь, эту ночь прожить...»	195
155. «С миром державным я был лишь ребячески связан...»	195
156. «После полуночи сердце ворует...»	196
157. «Я скажу тебе с последней...»	196
158. «Колют ресницы. В груди прикипела слеза...»	197
159. «Жил Александр Герцович...»	198
160. «За гремучую доблесть грядущих веков...»	198
161. «Ночь на дворе. Барская лжа...»	199
162. «Нет, не спрятаться мне от великой муры...»	199
163. Неправда	200
164. «Я пью за военные астры...»	200
165. Рояль	201
166. « — Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...»	202
167. «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»	203
168. Канцона	203
169. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...»	204
170. Отрывки уничтоженных стихов	206
171. «Еще далёко мне до патриарха...»	208
172. «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!..»	209
173. «На высоком перевале...»	210
174. «Как народная громада...»	211
175. «Сегодня можно снять декалькомани...»	212

176.	Ламарк	213
177.	«Когда в далекую Корею...»	214
178.	«О, как мы любим лицемерить...»	215
179.	«Вы помните, как бегуны...»	215
180.	«Увы, растаяла свеча...»	216
181.	Импрессионизм	216
182.	«Там, где купальни-бумагопрядальни...»	217
183.	Батюшков	218
184—186.	Стихи о русской поэзии	
	I. «Сядь, Державин, развалился...»	218
	II. «Зашумела, задрожала...»	219
	III. «Полюбил я лес прекрасный...»	220
187.	«Дайте Тютчеву стрекозу...»	221
188.	К немецкой речи	221
189.	Ариост	222
190.	«Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть...»	223
191.	«Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...»	224
192.	«Холодная весна. Бесплодный робкий Крым...»	224
193.	«Квартира тиха, как бумага...»	225
194.	«Мы живем, под собою не чуя страны...»	226
195—205.	Восьмистишия	
	1. «Люблю появление ткани...»	227
	2. «Люблю появление ткани...»	227
	3. «О, бабочка, о, мусульманка...»	227
	4. «Шестого чувства крошечный придаток...»	228
	5. «Преодолев затверженность природы...»	228
	6. «Когда, уничтожив набросок...»	228
	7. «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...»	229
	8. «И клена зубчатая лапа...»	229
	9. «Скажи мне, чертежник пустыни...»	229
	10. «В игольчатых чумных бокалах...»	230
	11. «И я выхожу из пространства...»	230
206.	«Как из одной высокогорной щели...»	230
207—210.	Из Петрарки	
	I. «Речка, распушшая от слез соленых...»	231
	II. «Как соловей, сиротствующий, славит...»	231
	III. «Когда уснет земля и жар отпышет...»	232
	IV. «Промчались дни мои — как бы оленей...»	232
211.	«Голубые глаза и горячая лобная кость...»	233
212—214.	Утро 10 января 1934 года	
	I. «Меня преследуют две-три случайных фразы...»	234
	II. «Когда душе столь торопкой, столь робкой...»	235
	III. «Дышали шуб меха. Плечо к плечу теснилось...»	235
215.	«Мастерица виноватых взоров...»	236

ВОРОНЕЖСКИЕ ТЕТРАДИ

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

216. «Я живу на важных огородах...»	239
217. «Наушнички, наушники мои...»	239
218. «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...»	240
219. «Я должен жить, хотя я дважды умер...»	240
220. «Это какая улица?..»	240
221. Чернозем	241
222. «Лишив меня морей, разбега и разлета...»	241
223. «Да, я лежу в земле, губами шевеля...»	241
224—225.	
1. «Как на Каме-реке глазу тёмно, когда...»	242
2. «Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток. »	242
226. Стансы («Я не хочу средь юношей тепличных...»)	243
227. «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...»	244
228. «От сырой простыни говорящая...»	245
229. «Еще мы жизнью полны в высшей мере...»	246
230. «Римских ночей полновесные слатки...»	246
231. «Возможна ли женщине мертвой хвала?...»	246
232. «На мертвых ресницах Исаакий замерз...»	247
233. «За Паганини длиннопалым...»	248
234. «Бежит волна — волной волне хребет ломающая...»	248
235. «Исполню дымчатый обряд...»	249
236. «Не мучнистой бабочкою белой...»	249

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

237. «Из-за домов, из-за лесов...»	251
238. Рождение улыбки	251
239. «Подивляюсь на свет еще немного...»	252
240. «Мой щегол, я голову закину...»	252
241. «Нынче день какой-то желторотый...»	252
242. «Не у меня, не у тебя — у них...»	253
243. «Внутри горы бездействует кумир...»	253
244. «Я в сердце века. Путь неясен...»	254
245. «А мастер пушечного цеха...»	254
246. «Сосновой рошцы закон...»	254
247. «Пластинкой тоненькой жиллета...»	254
248. «Ночь. Дорога. Сон первичный...»	255
249. «Вехи дальние обоза...»	256
*250. «Где я? Что со мной дурного?...»	256
251. «Шло цепочкой в темноводье...»	257
252. «Когда щегол в воздушной сдобе...»	257
253. «Как подарок запоздалый...»	258
254. «Оттого все неудачи...»	258
255. «Твой зрачок в небесной корке...»	259
256. «Улыбнись, ягненок гневный, с Рафаэлева холста...»	259
257. «Когда в ветвях понурых...»	260
258. «Я около Кольцова...»	260

259.	«Дрожжи мира дорогие...»	261
260.	«Влез бесенок в мокрой шерстке...»	261
261.	«Еще не умер ты, еще ты не один...»	262
262.	«В лицо морозу я гляжу один...»	262
263.	«О, этот медленный, одышливый простор...»	262
264.	«Что делать нам с убитостью равнин...»	263
265.	«Как женственное серебро горит...»	263
266.	«Я нынче в паутине световой...»	264
267.	«Как землю где-нибудь небесный камень будит...»	264
268.	«Слышу, слышу ранний лед...»	264
269.	«Куда мне деться в этом январе?...»	265
270.	«Люблю морозное дыханье...»	266
271.	«Средь народного шума и спеха...»	266
272.	«Где связанного и пригвожденный стон?...»	267
273.	«Как светотени мученик Рембрандт...»	268
274.	«Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...»	268
275.	«Пою, когда гортань сыра, душа — суха...»	268
276.	«Вооруженный зреньем узких ос...»	269
277.	«Были очи острее точимой косы...»	269
278.	«Еще он помнит башмаков износ...»	270
279.	«Обороняет сон мою донскую сонь...»	270
280.	«Как дерево и медь Фаворского полет...»	271
281.	«Я в львиный ров и в крепость погружен...»	271

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ

282.	Стихи о неизвестном солдате	272
283.	«Я молю, как жалости и милости...»	275
284.	«Я видел озеро, стоявшее отвесно...»	276
285.	«На доске малиновой, червонной...»	276
286.	«Я скажу это начерно, шепотом...»	277
287.	«Небо вечера в стену влюбилось...»	277
288.	«Заблудился я в небе — что делать?...»	278
289.	«Заблудился я в небе — что делать?...»	278
290.	«Может быть, это точка безумия...»	279
291.	«Не сравнивай: живущий несравним...»	280
292.	Рим	280
293.	«Чтоб, приятель и ветра и капель...»	281
294.	«Гончарами велик остров синий...»	282
295.	«Длинной жажды должник виноватый...»	283
296.	«О, как же я хочу...»	283
297.	«Нереиды мои, нереиды!..»	284
298.	«Флейты греческой тэта и йота...»	284
299.	«Как по улицам Киева-Вия...»	285
300.	«Я к губам подношу эту зелень...»	285
301.	«Клейкой клятвой липнут почки...»	286
302.	«На меня нацелилась груша да черемуха...»	287
303—304.		
I.	«К пустой земле невольно припадая...»	287
II.	«Есть женщины, сырой земле родные...»	288

ПОСЛЕ ВОРОНЕЖА

305. Чарли Чаплин	291
306. «Пароходик с петухами...»	292
307. «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...»	293

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

ЮНОШЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

308. «Среди лесов, унылых и заброшенных...»	297
309. «Тянется лесом дороженька пыльная...»	297

1908—1937

310. «О красавица Сайма, ты лодку мою колыкала...»	299
311. «Мой тихий сон, мой сон ежеминутный...»	299
312. «Из полутемной залы, вдруг...»	300
313. «В морозном воздухе растаял легкий дым...»	300
314. «Истончается тонкий тлен...»	300
315. «Ты улыбаешься кому...»	301
316. «В просторах сумеречной залы...»	301
317. «В холодных переливах лир...»	302
318. «Твоя веселая нежность...»	302
319. «Не говорите мне о вечности...»	303
320. «На влажный камень возведенный...»	303
321. «В безветрии моих садов...»	304
322. «Бесшумное веретено...»	304
323. «Озарены луной ночевья...»	305
324. «Если утро зимнее темно...»	305
325. «Пустует место. Вечер длится...»	306
326. «В смиренномудрых высотах...»	306
327. «Дыханье вещее в стихах моих...»	307
328. «Нету иного пути...»	307
329. «Что музыка нежных...»	308
330. «На темном небе, как узор...»	308
331. «Сквозь восковую занавесь...»	309
332. «Здесь отвратительные жабы...»	309
333. Пилигрим	309
334. «Музыка твоих шагов...»	310
335. «В непринужденности творящего обмена...»	310
336. «Листьев сочувственный шорох...»	311
337. «Когда мозаик никнут травы...»	311
338. «Над алтарем дымящихся зыбей...»	312
339. «Необходимость или разум...»	312
340. «Под грозowymi облаками...»	313
341. «Единственной отрадой...»	313
342. «Когда укор колоколов...»	314
343. «Мне стало страшно жизнь отжить...»	314

344.	«Я вижу каменное небо...»	315
345.	«Вечер нежный. Сумрак важный...»	315
346.	«Убиты медью вечерней...»	316
347.	«Как облаком сердце одето...»	316
348.	Змей	317
349.	«В самом себе, как змей, таясь...»	318
350.	«Неумолимые слова...»	318
351.	«В изголовьи черное распятые...»	319
352.	«Душный сумрак кроет ложе...»	319
353.	«Где вырывается из плена...»	320
354.	«Темных уз земного заточенья...»	320
355.	«Медленно урна пустая...»	321
356.	«Когда подымаю...»	321
357.	«Душу от внешних условий...»	322
358.	«Я знаю, что обман в видении немислим...»	322
359.	«Стрекозы быстрыми кругами...»	323
360.	«Ты прошла сквозь облако тумана...»	324
361.	«Не спрашивай: ты знаешь...»	324
362.	«Дождик ласковый, мелкий и тонкий...»	325
363.	«В лазури месяц новый...»	325
364.	«.....коробки...»	326
365.	«Довольно лукавить: я знаю...»	326
366.	«Пусть в душевной комнате, где клочья серой ваты...»	327
367.	Шарманка	328
368.	«Когда показывают восемь...»	328
369.	«Тысячеструйный поток...»	328
370.	«Развеселился наконец...»	329
371.	«Я давно полюбил нищету...»	329
372.	«Паденье — неизменный спутник страха...»	329
373.	Египтянин («Я избежал суровой пени...»)	330
374.	«Заснула черны! Зияет площадь аркой...»	331
375.	«Веселая скороговорка...»	331
376.	Песенка	332
377.	Летние стансы	332
378.	Американ бар	333
379.	Мадригал («Нет, не поднять волшебного фрегата...»)	334
380.	Футбол («Рассеен утренник тяжелый...»)	334
381.	Футбол («Телохранилитель был отравлен...»)	335
382.	«От легкой жизни мы сошли с ума...»	336
383.	«Черты лица искажены...»	336
384.	Египтянин («Я выстроил себе благополучья дом...»)	336
385.	Автопортрет	337
386.	Спорт	337
387.	«Как овцы, жалкою толпой...»	338
388.	«Поговорим о Риме — дивный град!..»	338
389.	«Есть ценностей незыблемая скала...»	339
390.	«Когда держался Рим в союзе с естеством...»	339
391.	«Ни триумфа, ни войны!..»	340
392.	Реймс и Кельн	340

393. Епсуслиса	340
394. Немецкая каска	341
395. Polacy!	341
396. «В белом раю лежит богатырь...»	342
397. «Как черный ангел на снегу...»	342
398. «Вот дароносица, как солнце золотое...»	343
399. «Императорский виссон...»	343
400. «Обиженно уходят на холмы...»	344
401. «Негодование старческой кифары...»	344
402. «Какая вещь Кассандра...»	345
403. «В разноголосице девического хора...»	345
404. «О, этот воздух, смутой пьяный...»	346
405. «Не фонари сияли нам, а свечи...»	347
406. «— Я потеряла нежную камею...»	347
407. Мадригал («Дочь Андроника Комнена...»)	347
408. «Когда октябрьский нам готовил временщик...»	348
409. «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...»	348
410. Телефон	349
411. «Всё чуждо нам в столице непотребной...»	349
412. «Где ночь бросает якоря...»	350
413. Дом Актера	351
*414. «Когда ты уходишь и тело лишится души...»	351
415. «Люблю под сводами седья тишины...»	352
416. А небо будущим беременно...	353
417. «Жизнь упала, как зарница...»	354
418. «Татары, узбеки и ненцы...»	356
419. «У нашей святой молодежи...»	356
420. «Откуда привезли? Кого? Который умер?...»	356
421. «Твоим узким плечам под бичами краснеть...»	357
422. «Мне кажется, мы говорить должны...»	357
423. «Мир начинался страшен и велик...»	358
424. «Ты должен мной повелевать...»	358
425. «Тянули жилы, жили-были...»	358
426. «Идут года железными полками...»	359
427. «Мир должно в черном теле брать...»	359
428. «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...»	359
429. «Если б меня наши враги взяли...»	362
430. «С примесью ворона голуби...»	362
431. Стансы («Необходимо сердцу биться...»)	363

**ПУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ.
СТИХОТВОРЕНИЯ «НА СЛУЧАЙ»**

*432. «В половине второго...»	367
433. «Вы хотите быть игрушечной...»	367
434. «Блок...»	367
435. «Но в Петербурге акмеист мне ближе...»	367
436. «И глагольных окончаний колокол...»	368
437. «Автоматичен, вежлив и суров...»	368
438. «Не унывай...»	368

439.	«Что здесь скрипением несносным...»	369
440—448.	Антология античной глупости	
1.	«— Лесбия, где ты была? — Я лежала в объятьях Морфея...»	369
2.	«Ветер с высоких дерев срывает желтые листья...»	369
3.	«Катится по небу Феб в своей золотой колеснице...»	369
4.	«Буйных гостей голоса покрывают шумящие краны...»	369
5.	«Сын Леонида был скуп, и кратеры хранил он ревниво...»	370
6.	«Сын Леонида был скуп, и, когда он с гостем прощался...»	370
7.	«— Смертный, откуда идешь? — Я был в гостях у Шилейки...»	370
8.	«„Милая“ — тысячу раз повторяет нескромный любовник...»	370
9.	«Тесно обнявшись, чета дивилась огромной звездю...»	371
449.	«Это есть художник Альтман...»	371
450.	Актеру, игравшему испанца	371
451.	«Я связан молоком с языческой Палладой...»	372
452.	«Почему ты всё дуешь в трубу, молодой человек?..»	372
453.	«Не сожалей, что тебе задолжал я одиннадцать тысяч...»	372
454.	«Есть разных хитростей у человека много...»	372
455.	Баллада о горлинках	372
456—461.	Антология житейской глупости	
1.	«Мандельштам Иосиф — автор этих разных эпиграмм...»	373
2.	«Эта Анна есть Иванна — Дом-искусства человек...»	374
3.	«Это Гарик Ходасевич по фамилии Гренцион...»	374
4.	«Это есть Лукницкий Павел Николаич человек...»	374
5.	«Алексей Максимыч Пешков — очень Горький человек...»	374
6.	«Это есть мадам Мария. Уголь есть почти что торф...»	374
462—469.	Переводы из книги Ж.Ромена «Обормоты»	
462—468.	< Буриме >	
1.	«Вода, бегущая хрустальным писсуаром...»	375
2.	«Каштановый навес над темным писсуаром...»	375
3.	«Зарницы городов маячат в Иссуарах...»	375
4.	«О, годы! О, часы! О, бремя Иссуара!..»	375
5.	«Эфирный холодок в преддверьи писсуара...»	376
6.	«Ненавижу Амбер: это проклятый сыр...»	376
7.	«Высокая гражданственность Амбера...»	376
469.	«Знай, благородный друг, что в среду, утром росным...»	376

470. «Юношей Публий вступил в ряды ВКП золотые...»	377
471. «Скажу ль...»	377
472. «Разве подумать я мог, что так легковерна Мария...»	378
473. «Кто Маяковского гонитель...»	378
474. «Как некий исполин с Синая и Фавора...»	378
475. «Один еврей, должно быть комсомолец...»	378
476. «Зане в садах Халатова-халифа...»	379
477. Эпиграмма в терцинах	379
478. «Мяукнул конь и кот заржал...»	379
479. «Звенигородский князь в четырнадцатом веке...»	380
480—489. Маргулеты	
1. «Старик Маргулис из Ростова...»	380
2. «Старик Маргулис на Востоке...»	380
3. «Я видел сон — мне бес его внушил...»	380
4. «Маргулис — он из Наркомпроса...»	380
5. «У старика Маргулиса глаза...»	381
6. «Ах, старика Маргулиса глаза...»	381
7. «Старик Маргулис под сурдинку...»	381
8. «Старик Маргулис зачастую...»	381
9. «Старик Маргулис, примечай-ка...»	381
10. «Звезды сияют ночью летней...»	382
490. «Там, где край был дик...»	382
491. «Плещут волны Флегетона...»	382
492. «Слышу на лестнице шум быстро идущего Пяста...»	382
493. «Мне вспомнился старинный апокриф...»	382
494. «Марья Сергеевна, мне ужасно хочется...»	383
495. «Привыкают к пчеловоду пчелы...»	383
496—503. Басни	
496. «Однажды некогда какой-то подполковник...»	384
497. Лжец и ксендзы	384
498. Тетушка и Мирабо	384
499. Извозчик и Дант	385
500. «Какой-то гражданин, наверное попович...»	386
501. «Однажды из далекого кишлака...»	386
502. «Какой-то гражданин, не то чтоб слишком пьян...»	386
503. «Один портной...»	387
504. «Источник слез замерз, и весят пуд оковы...»	387
505. «Наташа спит. Зефир летает...»	387
506. «Эта книжка украдена Трошеею с СХИ...»	387
507. Решенье	388

ПЕРЕВОДЫ

Жан Расин

508. Начало «Федры»	391
-------------------------------	-----

Из старофранцузского эпоса

509. Песнь о Роланде	392
510. Алисканс	406
511. Жизнь святого Алексея	409

Огюст Барбье

512. Собачья склока	412
513. 1793	415
514. Мятеж	416
515. Это зыбь	417
516. Наполеоновская Франция	418

Жорж Дюамель

517. Ода нескольким людям	419
-------------------------------------	-----

Макс Бартель

518. Петербург	422
519. «Кто я? Вольный бродяга я...»	426
520. «Если мы уж собрались...»	427
521. «Тюремные братья, в весенние дни...»	428
522. Птицы	429
523. «Ты сейчас блуждаешь где-то...»	430
524. Неизвестному солдату	431
525. «Янтарных персиков румянец...»	432
526. «Простерла руку жизнь над нами...»	432
527. Колосья	433
528. Гроза права	434
529. «На заре румяной...»	435
530. «Хоть во сне — с тобой да побуду!..»	435
531. Верден	436
532. Утопия	437
533. Деятель	438
534. Призыв	439
535. Пробуждение города	441
536. «Проснулся день, враждебный музыке и снам...»	441

Другие редакции и варианты	443
Комментарий	513
Список сокращений	682
Индекс цитированной литературы	685
Алфавитный указатель стихотворений	689

Мандельштам О.

Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. М. Л. Гаспарова и А. Г. Меца; Сост., подгот. текста и примеч. А. Г. Меца. — СПб.: Академический проект, 1995. — 720 с.

ISBN 5-7331-0011-7

От всех предшествовавших изданий, в том числе многотомных собраний сочинений, настоящее собрание стихотворений О. Мандельштама отличается наиболее полным учетом автографов поэта и авторитетных копий. Прибавлены шуточные стихи и переводы (частично); не включены стихи для детей. Раздел «Другие редакции и варианты» дает наиболее полный, в сравнении с предшествовавшими изданиями, свод текстов. В комментариях, приближенных к академическому типу, содержится значительное число ранее не публиковавшихся фактических сведений, использованы архивные источники.

Осип Эмильевич Мандельштам

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Художественный редактор В. Г. Бахтин

Технический редактор Е. Ф. Шараева

Корректор О. Э. Карпеева

ЛР № 062679 от 02.06.93.

Подписано в печать 28.07.95. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика». Печать высокая. Уч.-изд. л. 35,45. Усл. печ. л. 24,5. Тираж 5000 экз. Заказ № 1368.

Гуманитарное агентство «Академический проект».

199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»

Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Выпуск тиража обеспечен издательством «Библиополис»



АКЦИОНЕРНЫЙ
КОММЕРЧЕСКИЙ
БАНК

«КРЕДИТ ПЕТЕРБУРГ»

Центральная контора:

191011 Санкт-Петербург, Думская ул., 1

Телефон/факс (812) 110 44 32

Телекс 621149 CRSPB SU

Филиалы и отделения:

**«Каменноостровский»
СПб., Каменноостровский пр., 10**

**«Литейный»
СПб., Артиллерийская ул., 1**

**«Сафибанк»
СПб., пр. Просвещения, 54**

**«Тихвинский»
ЛО, г. Тихвин, Советская ул. 42**

**«Лужский»
ЛО, г. Луга, пр. Урицкого, 79**

ВСЕ С П Е К Т Р Б А Н К О В С К И Х У С Л У Г !

